

СОЧИНЕНИЯ
ФИЛАРЕТА,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО.

СЛОВА И РЕЧИ

ТОМ V

1849– 1867

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Слова и речи, избранные самим проповедником

для изданий 1844, 1848, 1861 годов.

- 1849 год
- Слово в день памяти Святителя Алексия
  - Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
  - Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, пред вступлением Его Императорского Величества в Успенский Собор
  - Речь в Высочайшем присутствии при молебном пении, в Георгиевской Зале Императорского Кремлевского Дворца
  - Слово в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
  - Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
  - Слово в день венчания и священного помазания на царство Благочестивейшаго Гос. Императора Николая Павловича
  - Беседа на обновление храма Святаго Архистратига Михаила, в Кафедральном Чудовом Монастыре
  - Слово в день памяти Преподобнаго Сергия
  - Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
  - Слово в неделю двадцать девятую по пятидесятнице
  - Слово по освящении храма Св. Архистратига Михаила, при открытии 2-го Московск. Кадетскаго Корпуса
  - Речь по рукоположении Преосвященнаго Филофея, Епископа Дмитровскаго
  - Беседы об освящении дня Господня

1850 год	Беседа при торжестве о рождении Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексия Александровича
	Слово в храме Святыя мученицы Татианы, при Императорском Московском Университете
	Слово в неделю мытаря и фарисея и на память Святителя Алексия
	Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день отдания Пасхи и принесения камня Гроба Господня
	Беседа в неделю вторую по Пятдесятнице и в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово в день обретения мощей Преподобнаго Сергия
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Слово на обновление Храма Знамени Пресвятыя Богородицы в селе Дубровицах
	Слово в день памяти Преподобнаго Сергия
	Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово в день Тезоименитства Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
1851 год	Слово в день Мученицы Татианы
	Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Беседа по освящении храма Святаго Благовернаго Великаго Князя Александра Невского, при доме Коммерческой Академии
1852 год	Слово по освящении храма Святыя Мученицы Царицы Александры, во вновь открытом Александринском Сиротском Кадетском Корпусе
	Слово в неделю сыропустную и на память Святителя Алексия
	Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово в день обретения мощей Преподобнаго Сергия
	Беседа на празднество Успения и в третий день явления Божией Матери Апостолам
	Слово по освящении храма Покрова Пресвятыя Богородицы, в Московском Тюремном Замке
	Беседа на освящение храма Святаго Апостола Филиппа, на Иерусалимском, в Москве подворье
	Беседа на обновление храма Святых Апостолов Петра и Павла, при 1-м, Москов. Кадет. Корпусе
	Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Беседа в день тезоименитства Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
1853 год	Беседа перед присягою дворянства Московской губернии к избранию в должности

Беседа в день совершившагося пятидесятилетия от учреждения
Екатерининского Училища благородных девиц

Слово в день памяти Святителя Алексия

Слово в день обретения мощей Святителя Алексия

Беседа в неделю седмую по Пасхе, по освящении храма Воскресения
Христова, в Покровском Хотьковском Монастыре

Слово в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора
Николая Павловича

Слово в день венчания и помазания на царство Благочестивейшаго
Государя Импер. Николая Павловича

Слово по освящении храма Введения во храм Пресвятыя
Богородицы, в городе Коломне

Речь при вручении жезла новопосвященному Епископу
Дмитровскому Алексию

Беседа к Братству Николаевского Угрешскаго Общежительнаго
Монастыря

Беседа в день восшествия на Всерос. Престол Благочестивейшаго
Государя Императора Николая Павловича

Слово в день тезоименитства Благочестивейшаго Государя
Императора Николая Павловича, в Мариинской церкви
Императорскаго Вдовьего Дома, при воспоминании совершившагося
пятидесятилетия сего благотворительнаго учреждения

Беседа при обновлении храма Воскресения Христова, при доме
заключения должников

1854 год Слово на память Святителя Алексия

Слово по освящении храма Святыя Равноапостольныя Марии
Магдалины при Коммерческом Училище

Беседа в день Вознесения Господня и обретения мощей Святителя
Алексия

Слово в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора
Николая Павловича

Беседа в день Успения Божией Матери

Речь Их Императорским Высочествам, Государям Великим Князьям
Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу, при посещении
ими кафедральной церкви Чудова Монастыря, во время путешествия
их к действующей армии

Беседа по освящении храма Святителя Стефана, Епископа
Пермскаго, в доме Москов. 1-й Гимназии

Беседа пред благодарственным Господу Богу молебствием по
прекращении губительной болезни

Беседа при гробе новопроставленной Княжны Анастасии
Михайловны Голицыной

Беседа к сердобольным вдовам, избранным для попечения о
раненых и больных воинах действующей армии

Беседа в день Святителя Николая и тезоименитства
Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича

Беседа по освящении храма Воздвижения Креста Господня в

Преображенском Богадельном доме
 Речь Их Императорским Высочествам, Государям Великим Князьям
 Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу, при посещении
 ими кафедральной церкви Чудова Монастыря, во время путешествия
 их к действующей армии
 Слово в день совершившагося столетия Императорского
 Московского Университета
 Беседа в день памяти Святителя Алексия
 1855 год Беседа на день рождения Благочестивейшаго Государя Императора
 Александра Николаевича
 Беседа перед обетом некоторых сердобольных вдов и при
 напутствии избранных для попечения о раненых и больных
 действующей армии
 Слово в день тезоименитства Благочестивейшей Государыни
 Императрицы Марии Феодоровны
 Слово в день тезоименитства Благочестивейшаго Государя
 Императора Николая Павловича
 Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру
 Николаевичу при вступлении, в сопровождении Высочайшей
 фамилии, в Успенский Собор
 Беседа в день памяти Преподобного Сергия
 Беседа по освящении храма Пресвятыя Троицы, в Троице-
 Одигитриевском общежитии
 Беседа по освящении храма преподобного Алексия Человека Божия,
 в Страстном Монастыре
 Беседа по освящении храма Святыя Великомученицы Варвары, в
 Варваринском Сиротском доме
 Беседа по освящении храма нерукотворенного образа Господня в
 здании Барыковской Богадельни
 Беседа пред благодарственным молебствием, по прекращении
 губительной болезни
 Беседа пред молебствием и присягою Московскаго Дворянства, пред
 начатием избрания в должности
 Беседа по освящении храма Святителя Алексия, в Рогожской
 Слободе
 Беседа в неделю о блудном сыне и на память Святителя Алексия
 Беседа перед обетом сердобольных вдов, в Мариинской церкви
 Императорскаго Вдовьяго Дома
 Беседа в день Благовещения Пресвятыя Богородицы, пред
 благодарственным молебствием о заключении мира
 Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру
 Николаевичу, пред вступлением Его Величества в Успенский собор
 Беседа в третий день Пасхи и в день рождения Благочестивейшаго
 Государя Императора Александра Николаевича
 Беседа к Братиям святого храма Святителя Николая, что в
 Рогожском, при внесении в оный храм иконы Святителя Николая,
 дарованной Его Императорским Высочеством, Государем

	Наследником Цесаревичем
	Слово в день тезоименитства Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Александровны
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением Его Императорского Величества в Успенский Собор, в день Священного Коронования
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, по совершении Священного Коронования Его Императорского Величества
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу и Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Александровне, при посещении Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, после Священного Коронования
1856 год	Беседа в день тезоименитства Благоверного Государя Наследника Престола Цесаревича Великого Князя Николая Александровича
	Беседа по освящении домово́й цер. Пресв. Богородицы
1857 год	Беседа в неделю Православия при праздновании восшествия на Престол Благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича
	Беседа в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Беседа после священнослужения, по случаю совершившагося пятидесятилетия службы Действительнаго Тайнаго Советника, 1-го класса, Князя Сергея Михайловича Голицына, в качестве почетнаго опекуна Московскаго Опекунскаго Совета
	Беседа в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича
	Беседа при праздновании рождения Великого Князя Сергея Александровича
	Беседа на освящение храма Успения Пресвятыя Богородицы при Преображенском Богадел. Доме
	Беседа в день обретенія мощей Преподобнаго Сергия
	Беседа в день священнаго коронования и помазания на царство Благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича
	Беседа на обновление храма погребения усопших
	Речь к новопосвященному Епископу Дмитровскому Евгению
	Беседа по освящении храма Святых Первопрестольных Апостолов Петра и Павла, при Московской Мариинской больнице
1858 год	Беседа в день памяти Святителя Алексия
	Беседа в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича
	Беседа в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Беседа в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича
	Беседа в день обретенія мощей Преподобнаго Сергия и тезоименитства Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя и Великаго Князя Сергея Александровича
	Слово в день тезоименитства Благочестивейших Государыни

- Императрицы Марии Александровны
- Речь Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Александровне, пред вступлением в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру
- Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру
- Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением Его Императорского Величества, с Государынею Императрицею Мариею Александровною, в Большой Успенский Собор
- Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, по случаю закладки в Московском Знаменском Монастыре Романовских Палат
- Беседа по освящении храма Нерукотворенного Образа Господня, в Спасо-Влахернском общежитии
- Речь к новопосвященному Епископу Дмитровскому Порфирию
- Беседа в день тезоименитства Благоверного Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича
- Беседа по освящении храма Святого Александра Невского, при Покровской Богадельне Московского Мещанского Общества
- 1859 год Беседа в день Благовещения Пресвятыя Богородицы
- Беседа в Пяток Пасхи и в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича
- Ответ на речь Ректора Московской Семинарии, Архимандрита Леонида, при наречении его в Епископа Дмитровского
- Речь к Преосвященному Леониду, новорукоположенному Епископу Дмитровскому
- Беседа по освящении храма в новосозданном Спасо-Преображенском Гуслицком Монастыре
- Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением в Успенский Собор
- Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, по обновлении восстановленного древняго Романовскаго Дома
- 1860 год Беседа по освящении храма Успения Божией Матери, в селе Горбунове
- Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его Величества в Успенский Собор с Государем Наследником Престола, Цесаревичем Великим Князем Николаем Александровичем и Великим Князем Михаилом Николаевичем
- Беседа по освящении храма праведнаго Филарета Милостиваго, в Гефсиманском ските
- 1861 год Речь по рукоположении Преосвященнаго Сергия Епископа Курскаго и Белгородскаго
- Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением с Государынею Императрицею Мариею Александровною, с Великим Князем Алексеем

Александровичем и Великою Княжною Мариею Александровною, в Успенский Собор

Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением с Государынею Императрицею Мариею Александровною, с Великим Князем Сергием Александровичем и Великою Княжною Мариею Александровною, в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру

Речь Благоверному Государю Наследнику Всероссийского Престола, Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу, пред вступлением Его Императорского Высочества в большой Успенский Собор

Беседа на освящение придельного храма Божией Матери в Тихвинском Соборе, города Коломны

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Слова и речи, напечатанные при жизни проповедника,

но не внесенные в собрания 1844, 1848 и 1861 годов.

1849 год	Речь при посещении Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Их Императорскими Высочествами Великими Князьями Константином Николаевичем и Николаем Николаевичем и Великими Княгинями Александрою Иосифовною и Ольгою Николаевною
1850 год	Речь Благоверным Государям и Великим Князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу, пред вступлением Их Высочеств в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, пред вступлением Его Величества в Успенский Собор Речь Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу, пред вступлением Его Высочества в Успенский Собор
1851 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Паловичу, пред вступлением Его Величества в Успенский Собор Речь Благоверной Государыне Великой Княгине Марии Александровне, пред вступлением Ея Высочества с Великими Князьями Николаем и Александром Александровичами в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру Речь Благочестивейшей Государыне Императрице Александре Феодоровне пред вступлением Ея Величества в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру
1852 год	Речь Благоверной Государыне Великой Княгине Марии Николаевне, пред вступлением Ея Высочества в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру
1853 год	Речь перед ракою Преподобного Сергия, по случаю принесения Евангелия и Животворящего Креста Их Императорскими Высочествами Государем Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем и Государынею Цесаревною Мариею

	Александровною
	Речь Благоверной Государыне, Королевне Нидерландской Анне Павловне, пред вступлением Ея Величества в Успенский Собор
	Речь Благоверной Государыне Королевне Нидерландской Анне Павловне, пред вступлением Ея Величества в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру
	Речь Государю Наследнику Цесаревичу и Великому князю Александру Николаевичу, пред вступлением Его Высочества в Успенский Собор
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
1854 год	Речь по окончании напутственного молебна при выступлении в поход 16-й пехотной дивизии
	Речь при посещении Их Императорскими Высочествами Великою Княгинию Цесаревною Марию Александровною и Великими Княгинями Александрю Иосифовною и Марию Николаевною, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
	Беседа по освящения храма Пресвятыя Богородицы Взыскательницы погибших, в Тюремном Замке пересыльных арестантов
1855 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его Величества в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру
	Речь перед ракою Преподобного Сергия Радонежского по случаю взятия Государем Императором Александром Николаевичем от Св. Мощей Его Иконы для отправления в действующую армию
	Речь стрелковому полку Императорской фамилии по совершении молебствия
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
1856 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
	Речь перед ракою Преподобного Сергия, по случаю возложения на главу его покрова, устроенного Их Императорскими Величествами Государем Императором Александром Николаевичем и Государынею Императрицею Марию Александровною
1857 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его Величества с Государынею Императрицею Марию Александровною в Успенский Собор
1859 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу при поднесении иконы Михаила Малеина для постановления ея в Романовскую Палату
1862 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением Его Императорского Величества в Большой Успенский Собор
	Ответ на речь Ректора Московской Духовной Академии Саввы, при наречении Его во Епископа
	Речь к Преосвященному Савве, новорукоположенному Епископу Можайскому

	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его Императорского Величества с Государынею Императрицею Мариею Александровною и Великою Княжною Мариею Александровною в Большой Успенский Собор
1863 год	Речь пред вступлением Его Императорского Величества Государя Императора Александра Николаевича в Успенский Собор Ответ Обществу Любителей Духовнаго Просвещения, на избрание Попечителем онаго
1864 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением Его Величества в Успенский Собор Речь по случаю совершившагося пятидесятилетия Московской Духовной Академии Молитва при освящении Плащаницы
1865 год	Всеподданнейшее приветственное письмо Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением Его в Успенский Собор Речь Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу, пред вступлением Его Величества в Троицкий Собор Сергиевой Лавры Всеподданнейшее приветственное письмо Государю Императору Александру Николаевичу, в день тезоименитства Его Величества, 30-го Августа
1866 год	Всеподданнейшее приветственное письмо Государю Императору Александру Николаевичу с сохранением жизни Приветственное письмо Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу Александру Александровичу, по случаю Его бракосочетания Ответ на речь Ректора Московской Духовной Семинарии Игнатия при наречении Его во Епископа Речь к Преосвященному Игнатию, новорукоположенному Епископу Можайскому
1867 год	Всеподданнейшее писменное приветствие Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его в Успенский Собор с их Императорскими Высочествами Государем Наследником Цесаревичем Александром Александровичем, Государынею Цесаревною Мариею Феодоровною и Великим Князем Владимиром Александровичем
1867 год	Речь Славянам

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

Слова и речи, не напечатанные при жизни проповедника.

1861 год	Речь новопреставленной Игумении Серпуховскаго Владычнаго Монастыря, Митрофании
1863 год	Всеподданнейшее письмо Их Императорским Величествам (в ответ на поздравление с праздником Пасхи, пред Литургиею полученное)

Речь

В день совершившагося пятидесятилетия священноначальственного служения, прочтенная Преосвященным Леонидом пред собранием, приветствовавшим его Высокопреосвященство 5 Августа 1867 года

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

избранныя самим проповедником для изданий

1844, 1848 и 1861 годов.

(Печатаются с издания 1861 года).

1849 год.

СССХХVI.

237. Слово

в день памяти Святителя Алексия.

(Говорено в Чудове монастыре февраля 12;

напечатано в Твор. Св. От. 1849 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

Час уже нам от сна востати
(Рим. XIII. 11).

Неужели мы спящие? Можете вы сказать, и прогневаться и обвинить меня в нелепости за слова, которые обратил я к вам, не исключая впрочем и себя. И мне хотелось бы, и за вас и за себя быть уверену, что мы не спящие, а бодрствующие; но препятствует сей уверенности подобный случай, который встречаю в Евангелии. Когда, в следствие прекословных суждений о чуде исцеления слепорожденного, сказал Господь: *на суд Аз в мир сей приидох, да невидящии видят, и видящие слепи будут* (Иоан. IX. 39); тогда Фарисеи с уверенностию возразили Ему: *еда и мы слепи есмы* (40)? Но ничего тем не выиграли. Потому что Господь рек им: *аще бысте слепи были, не бысте имели греха; ныне же глаголете, яко видим, грех убо ваш пребывает* (41). Итак, может быть, и мы живем, как спящие и мечтающие в сновидениях, а самоуверенно почитаем себя бодрствующими: и дело тем не лучше, а виновность наша тем больше.

Неусыпный некогда страж дома Божия в стране бодрствующих и спящих, а ныне еще совершеннее неусыпный о нас молитвенник там, где совсем нет сна, хотя есть вечный покой – Святителю Алексие! твоим благодатным мановением и благословением возбуди во-первых мою дремлющую мысль и слово, а потом и внимание предстоящих, дабы мы могли понять и принять к сердцу и к исполнению пробуждающее Апостольское слово: *час уже нам от сна встати*.

Святой Апостол Павел пишет учительное послание к римским христианам, которых *вера*, по собственному его свидетельству, *возвещается во всем мире* (Рим. I. 8); обличает нелепости язычества, неудовлетворительность иудейства, повреждение грехом и погибельное состояние всего человечества; возвещает единственное спасение в вере во Христа; открывает тайну будущего к Нему обращения неверующих Иудеев; наконец дает наставления для жизни христианской, и между ими взывает: *час уже нам от сна встати*.

Видно Апостол не опасается, что римские христиане оскорбятся и возразят ему: неужели во сне достигли мы до того, что *вера наша возвещается во всем мире*? Неужели спящим ты предлагал возвышенное и таинственное учение, когда наконец думаешь пробудить нас от сна? Видно не сомневается он в их готовности признаться, что, и при возбуждении ума к познанию, может иногда сердце оставаться не возбужденным к добру; и что бодрствующие, по видимому, в вере могут оказаться дремлющими в жизни.

Думаете ли вы, что вы лучше римских христиан апостольского времени? Надеюсь, что никто не будет так мечтателен, и что вы напротив готовы признать себя далеко не достигшими совершенства христиан времени апостольского. Будьте же и вы расположены испытывать себя, и, если потребует совесть, признаться, что, может быть, и ваше сердце не возбуждено к добру, а может быть, и ум не доволен пробужден для истины; что, может быть, и вы дремлете в жизни духовной и нравственной, а может быть, и в вере не бодрствуете; и что следственно не огорчаться должно, а благодарить, когда желающий добра напомним, что *час уже нам от сна встати*.

Что такое сон? Что такое бдение? Бдение есть жизнь светлая, с сознанием себя. Сон есть жизнь темная, без сознания себя. Или иначе: поелику человек, по естеству, живет жизнью тела членосоставною и растительною, и жизнью души животною и разумною: то, когда жизнь души восходит над жизнью тела, и проявляет себя в произвольном движении в чувствовании, в познании, в желании, в действовании, – это есть бодрствование; а когда жизнь души погружается в жизнь тела, скрывается в замкнутом, не произвольном движении членовном, и едва пробивается призрачными представлениями, – это есть сон и сновидение. Но христианин по благодати имеет еще высшую жизнь, духовную, по слову Господню: *аще кто не родится водою и Духом, не может внити в царствие Божие* (Иоан. III. 5). Если для того, чтобы сделаться способным к царствию Божию, или, что то же, дабы сделаться христианином, надобно родиться Духом; то, без сомнения, надобно и жить жизнью духа, высшею, нежели жизнь, какою живет естественный или, по выражению апостольскому (1 Кор. II. 14), *душевный* человек. Жизнь духовная, имея своим источником Дух Божий, Бога же и Его благодать имеет своим светом, своею силою, своею пищею, началом деятельности и целию стремления. Если сия жизнь духовная восходит и господствует над жизнью душевною и чувственною: это есть состояние бдения духовного. А если духовная жизнь погружена в душевную и чувственную, и сею преобладает или поглощена: это есть состояние духовного дремания или сна. Когда дух твой взирает к Богу верою, молитвою, богомыслием; тогда он бодрствует: но если он перестает помышлять о Боге, то ты начинаешь дремать; а если ты забыл о Боге, то ты уснул. Если тебя одушевляет любовь к Богу, то ты бодрствуешь бдением неусыпающих:

но если одушевляет тебя не любовь к Богу, а любовь к тварям, прельщение их суетным блеском, желание обладать и наслаждаться ими, то ты мечтаешь во сне. Если ты не *о хлебе едином* жить думаешь, *но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Матф. IV. 4); если по примеру Христову находишь для себя пищу в исполнении воли Божией: это также признак не спящего, а бодрствующего; потому что не во сне принимают истинную пищу; но если ты не алчешь слова Божия, не жаждешь истины Божественной и учения духовного; если не чувствуешь вкуса и услаждения в исполнении воли Божией: это есть нечувствие и сон духа; и если, как вместе с сим бывает, ты алчен к удовольствиям чувственным, жаждешь рассеяния и увеселений, думаешь иметь вкус, когда выбираешь лакомую пищу и приятное питье, и вкус изящный, когда тебя потрясают страстные звуки, когда очаровывают хитро составленные или забавные зрелища; поверь, что это более призраки сновидящего, нежели ощущения бодрствующего: ты это узнаешь, когда дух твой пробудится в день благодати или в день суда. Если мысль о Боге движет тебя к деланию добра, и взаимно делание добра устремляет тебя к Богу, чтобы принести Ему в жертву благое дело, чтобы благодарить Его за помощь в благоделании: очевидно, что ты ходишь пред Богом и следственно бодрствуешь; но если движущею пружиною и целию твоей деятельности бывает самоугодие, человекоугодие, честолубие, богатолубие; то каковы бы ни были твои успехи и удачи, придет наконец время, когда оглянешься на твою мнимо-неусыпную деятельность, и увидишь исполнение над тобою пророческого слова: *уснуша сном своим, и ничтоже обретоша мужие богатства в руках своих* (Пс. LXXV. 6).

Не похвально спать, когда можно бодрствовать, а спать без просыпа и постыдно и опасно. Пробуждение от сна телесного не всегда в нашей воле: но пробуждение от сна душевного всегда от нас зависит; потому что немолчен для нас пробуждающий глас в совести, в слове Божиим, в делах Провидения, — глас и для дремлющих и для спящих не неслышимый, если не закрывают уха нарочно.

Господь глаголет в притче: *спящим человеком прииде враг и вся плевелы посреде пшеницы* (Матф. XIII. 25). То есть, во время сна, нерадения и беспечности приходит диавол и всевает в нашу жизнь худые мысли, порочные желания, незаконные дела. Видите, как опасен нравственный сон.

В другой притче Господь глаголет нам: *вы подобни человеком, чающим Господа своего; и присовокупляет: блажени рабы тии, ихже приидет Господь обрящет бдящих* (Лук. XII. 36. 37). Посему и заповедует: *бдите убо; не весте бо когда Господь дому приидет, — да не приидет внезапно, обрящет вы спящи* (Марк. XIII. 35. 36), и вы не будете блаженны. Наконец Он подтверждает, что сие предостережение нужно для всех без изъятия: *всем глаголю: бдите* (ст. 37).

Апостол еще указывает на некое, как он полагает, *известное* нам время и час, в которые, как бы, поспешает пробудить нас, нравственно спящих или дремлющих: *ведяще время, яко час уже нам от сна востати*. Какой это час? Он несколько изъясняет: *ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда вероухом*. А что такое *ныне*? Может быть, это значит, что ближе к нам спасение ныне, — во время новозаветное, когда уже мы видели пришедшего Христа, и познали и прияли Его таинства, нежели во время ветхозаветное, когда веровали во Христа еще ожидаемого. Или: ныне, когда мы довольное время пребываем в Церкви Христовой, могли обрести довольно способов к утверждению в жизни духовной, ближе к нам спасение, нежели когда только еще приступали к вере Христовой. Но, как бы то ни было, глубокого внимания нашего достойно то, что апостольское учение требует, чтобы мы востали от нравственного сна *ныне*, а не завтра, в настоящий час, а не в будущие часы. Кто из нас хочет погибнуть? Более или менее думает

всякий спастися: но беда в том, что многие не хотят *ближайшаго спасения* (Рим. XIII. 11), а думают или мечтают воспользоваться спасением отдаленным. Они располагают свое спасение подобно, как упоминаемый в Евангелии богатый свою роскошную и веселую жизнь *на лета многа*: но забываемое ими *ныне* поглощает сии *лета многа*: иногда еще прежде, нежели они родились: *в сию ночь душу твою истяжут от тебе* (Лук. XII. 20).

Итак, надобно нам, братия, послушаться предостережения Апостольскаго; надобно пробуждать себя от сномечтательной жизни чувственной, мирской, греховной, к истинной жизни духовной, по заповедям Божиим, по учению и примеру Господа Иисуса, сколько можно неукоснительно, ныне, в настоящий час, *дондеже, днесь, нарицается* (Евр. III. 13); потому что в час будущий, в день завтрашний, может быть, мы уже *уснем в смерть* (Псал. XII. 4), и поздно будет пробуждать нас, или же и возбудит нас, но уже не глас благодати ко спасению, но глас Архангела и труба Божия к суду и осуждению.

Ураним, сколько можно, чтобы не опоздать невозвратно. *Отложим дела темная, и облечемся во оружие света. Облецытесь Господем нашим Иисус Христом* (Римл. XIII. 12. 14). Аминь.

СССХХVII.

238. Слово

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено марта 25;

напечатано в Твор. Св. От. 1849 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

Семя свято стояние его (Ис. VI. 13).

Слава и благодарение Творцу времен, сотворившему день, который мы ныне возобновляем воспоминанием и торжеством, — день воплощения Сына Божия! Это есть один из не многих дней, на которые опираются все дни земли, чтобы не обрушиться в одну некончаемую адскую ночь. Потому что воплощение Сына Божия есть такое событие, которым поддерживается стояние и благосостояние человеческого рода, вместе с другими творениями, созданными для служения ему, и подчиненными его судьбе. Сия, как мне кажется, мысль подана Пророку Исаии, когда ему сказано: *семя свято стояние его*.

Посмотрим, не даст ли нам сие малое семя слова о *семени святом* некоторых мысленных прозябений, на пищу души.

Чтобы достигнуть точного разумения приведенного теперь изречения о *семени святом*, надобно проследить целое происшествие из жизни Пророка.

В Иерусалиме, в храме или над храмом, Исаия видел Господа, сидящего на высоком престоле, исполняющего храм Своею славою, окруженного и славословимаго Серафимами с такою силою, что наддверие подвиглось от их гласа, и храм наполнился дымом. Увы мне, воскликнул пораженный Пророк, почитая себя погибшим, потому что увидел Царя Господа Саваофа, имея, по собственному признанию, нечистые уста, и живя посреди людей, имеющих нечистые уста. Но Господь тотчас явил Себя возносящим

смиренного. Серафим взял горящий уголь с алтаря кадильного, и, прикоснувшись им к устам Исаии, возвестил ему очищение от грехов. Таинственный огонь проник душу Пророка, и одушевил его мужеством и ревностью. *Кого пошлю*, спросил Господь, *и кто пойдет к людям сим* (Исаии. VI. 8), то есть, к Иудеям, на которых указал Исаия, обличая скромно, под именем *нечистых уст* (ст. 5), нечистые души и нечистую жизнь? Воспламененный Исаия уже не убоился ответить: *се аз есмь, пошли мя* (ст. 8). Иди, глаголаше Господь, и скажи сим людям, что они слыша не слышат, видя не видят, что сердце их одебелело, уши тяжело слышат, глаза смыкаются; почему не будут они слышать и видеть, и не обратятся, дыбы Я исцелил их. Пророк сжалился, и спросил: *доколе Господи* (ст. 11)? Долго ли не обратятся, и не исцелишь их? Господь продолжал: города опустеют; людей не станет; земля останется пуста; едва будет десятая доля прежнего, и опять будет опустошение. Но народ Иудейский будет, как теревинф или дуб, который и по сокрушении растет вновь от корня или от желудя. *Семя свято стояние его*. Святое семя даст ему твердость устоять в опасностях.

Если сии пророчесственные изречения сличим с событиями: то значение оных объяснится и определится следующим образом. Иудеи живут во грехах, и во грехах закосневают. Пророков обличающих, призывающих к покаянию, вере и спасению, они не послушают. За сие будут наказаны пленением вавилонским. Из плена возвратятся в малом, против прежнего, числе, и опять подвергнутся истребительным бедствиям во дни Маккавеев. Но при всем том народ сей не погибнет. Почему? – Потому что в нем хранится святое семя, для сохранения которого и он сохранен будет Провидением Божиим. *Семя свято стояние его*.

Здесь сам собою представляется вопрос: что за святое семя, которым сохраняется согрешающий и бедствующий народ? – Если приведем себе на память признание Давида: *в беззаконных зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* (Псал. L. 7); и если примем в разсуждение, что нет причины относить признание сие к особенной личности Давида и матери его, а потому относить оное должно вообще к природе сынов Адамовых; то принуждены будем заключить, что семени святого совсем нет между рожденными по закону падшей природы человеческой. Какое же святое семя Сам Бог указал Пророку? – Верно, то, которое обетовал Адаму, когда рек первому врагу человеческого рода: *семя жены сотрет тебе главу* (Быт. III. 15); то, которым благословил Авраама, глаголя: *благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. XXII. 18); то, которое с новою знаменательностью проявил царю Давиду в качестве вечного Царя и Сына Божия: *возставлю семя твое по тебе; управлю престол его до века; Аз буду ему во Отца* (2 Цар. VII. 12–14). Кратко сказать: единственное в роде человеческом существенно святое семя есть зачатый от Святого Духа и родившийся от Святыя Девы Господь наш Иисус Христос.

Бог, Которому, по выражению писания, *разумна от века суть вся дела Его* (Деян. XV. 18), и Которого всевидящая *очи видят еще несоделанное наше* (Псал. CXXXVIII. 16), от века видел все, безчисленные для нас, роды сынов падшаго Адама, и провидел, и избрал один, если не во всех своих лицах достойный, по крайней мере в некоторых сохранявший наиболее останков первосозданной доброты, менее уступавший заразе греха, преимущественно расположенный к принятию и верному хранению благодати, способный наконец, при постепенном благодатном очищении, произвести чистую Деву, могущую быть приятелищем воплощаемого Божества, – света, сообщительного только чистому, огня, опаляющего нечистое. Посему и надлежало беречь сей род, доколе он принесет прекраснейший цвет и совершеннейший плод человечества, – Деву Марию, Матерь Богочеловека. Поелику же сей род заключался в народе Еврейском: то надлежало беречь и народ сей. И вот почему к сему народу, преимущественно пред другими, посылаемы были

Пророки, напитывать его благодатным светом, чтобы он не утратил веры, и не погиб от своих грехов и заблуждений. А чтобы он не погиб от врагов и бедствий, для того не редко употребляемы были чудесныя силы и действия, как например, преведение через море по суху, сороколетнее питание манною, избивание Ангелом ста осмидесяти пяти тысяч ассирийскаго войска, когда царь Езекия не силен был защититься от его многочисленности.

Так святое семя было твердынею и защитою народа еврейскаго, доколе, наконец, *изыде жезл от корене Иессеова, и цвет от корене его взыде* (Исаии. XI. 1), родился Сын Божий от дщери Иессеовой, явился на земли, жил, учил, чудодействовал, пострадал, умер, воскрес, вознесся на небо, ниспослал Святаго Духа, соделал спасение наше посреде земли. Цель Провидения достигнута. Не нужно стало беречь Иудеев по прежнему. Притом же они сами отреклись от святаго семени, предав Христа на смерть. И потому они, хотя в последнее время были довольно многочисленны и сильны, однако побеждены, лишены отечества, рассеяны по всей земле, и если не исчезли, то для того, чтобы оставаться печальным и вместе поучительным памятником хранившагося в них, но не признаннаго ими, святаго и спасительнаго семени, еще же и в той надежде, что исшедшее от них святое семя возродит некогда их останки.

Что теперь думают чада не Израилева рода? Не возникает ли ревнующий помысл: как счастлив народ, которому даровано хранить святое семя, и быть им храниму! – Не завидуйте, но благодарите Бога. Один народ соделал Он хранилищем святаго семени, то есть, рода и рождения Христова: но для того, чтобы чрез сие соделать спасение всех народов и всех людей, собственно духовное и вечное, впрочем благотворно просиявающее и во внешнюю временную жизнь.

Если счастливы те, которым даровано святое семя сокровенное, – Христос грядущий, сокрытый в обетовании: менее ли должны быть счастливы мы, которым даровано святое семя явленное, – Христос пришедший, приемлемый верою? Не *порождены* ли мы, как сказует Апостол, *не от семени истлenna, но неистлenna, словом живаго Бога, и пребывающа во веки?* (1 Петр. I. 23). Или не знаете себе, говорит другой Апостол, *яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте?* (2 Кор. XIII. 5). *Христос в вас, упование славы* (Кол. I. 27). О Христе *благочестие на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго и грядущаго* (1 Тим. 4. 8). От Христа истинная Церковь Его имеет обетование, что и *врата ада не одолеют ей* (Мат. XVI. 18): и не естественно ли, чтобы качество неодолимости в некоторой степени сообщилось и хранилищу истинной Церкви, верному и чистому, поколику таковое образуется в православном народе, в благочестивом царстве, под покровительством Богоизбраннаго Царя, Которому, конечно, не без силы само слово Божие предоставляет от Христа заимствованное наименование и достоинство Помазанника Господня? – Так и для новаго Израиля, подобно как для древняго, имеет свое значение древнее слово: *семя свято стояние его*.

Итак, новый Израиль, благодатный народ Божий, не преставай хранить в себе святое семя: и оно хранить тебя не престанет. Семя слова Божия в уме, семя веры во Христа и любви к Нему в сердце, да питается молитвою, да растет подвигом; да являет свою силу в жизни и делах благих: и вселяющийся верою в сердца Христос, созидавая Церковь Свою в каждом и во всех, будет для вас твердынею незыблемаго стояния, оградою безопасности, вашим светом и миром внутри, вашим победоносным оружием противу всякаго внешнего приражения враждебных сил видимых и невидимых. Это верно, по благодати Господней; и если может сделаться сомнительным, то разве по недостатку вашего соответствия благодати: *разве точию чим неискусни есте*, как предостерегает Апостол. Почему он и

увещавает с настоятельностью: *себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте* (2 Кор. XIII. 5).

Если помыслим, что так увещавал Апостол Христиан раннего светлого времени, которых вера не только видимо расла, но и цвела дарованиями духовными, даром исцелений, даром языков, даром пророчества, и для них находил еще недоуменным вопрос: *аще есте в вере*: то, мы, пьющие дрожие поздних времен, с какою заботою, с каким опасением должны испытывать себя: аще есмы в вере! Да страшимся оказаться неискусными в вере; да подвигаемся приобрести искусство веры, не в устах только и в мыслях кратковременно являющейся, но глубоко сердечной, постоянной, живой, деятельной в любви по заповедям Божиим, чистой от неправых мыслей, так и от неправедных дел, готовой к самопожертвованию за истину и правду. Сия есть *вера наша, победившая мир* (1 Иоан. V. 4), и еще долженствующая побеждать его, доколе вся Церковь, воинствующая во времени, не перейдет в торжествующую в вечности. Аминь.

СССХХVIII.

239. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Николаю Павловичу, пред вступлением Его

Императорскаго Величества в Успенский собор.

(Говорена марта 27-го;

напечатана в Московских Вед. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

Благочестивейший, Самодержавнейший Государь!

С благодарностию к Богу встречаем Тебя, и с чувством нашего счастья.

Твой Престол осенен покровом Провидения.

Твой род цветет, и прививает к себе новые цветущие отрасли.

Во дни, необильные миром, Твой народ в мире: потому что над ним бодрствует Твой Самодержавный дух.

Из праха древности Ты воскресил здесь Твой Царский чертог, в величии, достойном Твоего царства, и великому дню Воскресения, Царю дней, предоставляешь освятить Твой праздник обновления.

При предстательстве Святых, к которым во храм сем приводит Тебя благочестие, молим Бога, да пребудет Его благословение над Домом Твоим, да пребывает всегда с Тобою державно благочестие, и Твоим благочестием и Самодержавием всегда крепка и счастлива Твоя Россия.

СССХХIX.

240. Речь

в Высочайшем присутствии при молебном пении,

в Георгиевской зале Императорского

Кремлевского дворца.

(Говорена апреля 9;

напечатана в Твор. Св. От. 1849 г. и в собрании 1861 г.)

<1849 год>

Призывая теперь предстательство Святаго Георгия, и вознося моления к Господу Сил, мы исполняем благочестивую мысль Благочестивейшаго Самодержца нашего. Какая это мысль? Это ветвь многообъемлющей мысли, по которой Державная рука создала, и в самый сей час еще зиждет Свои чертоги.

Подобно людям обыкновенным, и Цари созидают себе дома, чтобы иметь жилище покойное, приятное, соответственное сану и потребностям жизни общественной. Но сего недовольно было для нашего Царя.

Любя жить не отдельно личною, но единою общею с Своим народом и царством жизнью, он благоволил, чтобы Его дом был Царский и царственный, чтобы в нем ознаменовались и Царь и царство, чтобы это была скрижаль, или каменная книга, в которой можно читать и величие настоящего, и чтимую память прошедшаго, и назидание для будущего.

Между прочими Царскими чертогами, сей чертог Георгия Победоносца самым наименованием своим не дает ли уже разуместь, о ком помышлял Государь, нарекая ему сие имя? – Он помышлял о Своих верных подвижниках браней, и не только помышлял, но и восхотел Свою о них мысль торжественно здесь проявить и увековечить. Как Царский дух Его живет в Его воинстве непрестанным попечением о его благоустройстве и совершенстве: так хочет Он, чтобы память и честь Его воинства жила в Его Царском доме. Чертог Георгия Победоносца должен быть храмом славы победоноснаго Российскаго воинства, или, что равно справедливо, храмом Царской любви к верному воинству. Имена полков, светлая испытанною верностию, мужеством, победами, – имена членов почетнаго сонма Георгиевских ратоборцев будут здесь на веки сиять и осияваться Царскою славою. И сего-то Царственного памятника полагает ныне начало Благочестивейший Государь; и сему-то начинанию призываем благословение свыше, при предстательстве Святаго Георгия Победоносца.

Что думаете, что чувствуете вы, Христолюбивые воины, при сем новом проявлении Царскаго благоволения к вашей службе, и к вашим достоинствам? – Без сомнения, ваше сердце говорит вам то, что хотел бы сказать я: однако скажу.

Посвятить себя подвигам за Царя и Отечество на жизнь и на смерть, – какое прекрасное, возвышенное призвание!

Если приятен подвиг по воле отца, и тем более приятен, чем более дает упражнения сыновней преданности в преодолении трудностей: как должен быть радостен подвиг по

воле Отца миллионов народа! И не тем ли более радостен, чем более соединен с самопожертвованием?

Если приятно бодрствовать и трудиться для блага и спокойствия семейства: как должно быть вожденно стоять на страже и в подвиге, для спокойствия и безопасности Отечества!

Земная жизнь дается человекам на время; и у многих время берет ее обратно даром. Какое же преимущество – обратить жизнь свою в талант, для приобретения Царю и Царству спокойствия, победы, славы, – сделать жизнь свою священной жертвою верности и любви к Царю и Отечеству, – приблизиться чрез самопожертвование к высшей степени святой любви, по суду Самого небесного Судии: *Больши сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Иоан. XV. 13).

Если душе свойственно получать сильнейшее движение к добру, когда к повелительному голосу долга присоединяется ласково убеждающий голос сердечного чувства: то не возвышается ли в вас особенно ныне сей голос? Не получают ли новую силу благородныя движения сердец ваших? –

Чем торжественнее является вам благоволение Царя: тем пламеннее должна быть ваша ревность служить Ему, и готовность к самопожертвованию за Него. Чем величественнее воздает Он честь вашему званию, даже в Своем Царском чертоге: тем бдительнее должны вы хранить честь вашего звания повсюду – в битве, в походе, в городе мирного пребывания, в жизни военной, и в жизни нравственной. Честь воина – не в одной пылкой храбрости, но также и в строгом повиновении Начальству, в единодушии с соратниками, в непоколебимой стойкости, в недремлющей осторожности от нападающего с оружием и от подкрадывающегося с смертоносным словом, в кротости к безоружным, в уважении собственности, даже неприятельской, в умеренности, *довольной*, как учил Иоанн Креститель, *своими оброки* (Лук. III. 14). Высшая же сила воина – в вере и уповании на Господа Сил.

Да поможет Бог Державной мудрости держать Российское воинство в таком, как ныне, положении, чтобы один грозный вид его достаточен был отражать войну, и чтобы не было нужды поражать врагов. Но если когда дерзость врагов и Церственное правосудие вызовут вас к брани: вы вспомните тогда особенно сей чертог, и каждый полк, и каждый воин скажут единым сердцем: станем подвизаться так, чтобы Царь в Своем Георгиевском чертоге веселым оком воззрел на имена полков наших! –

Боже воинств небесных и земных, праведно подвизающихся для царствия земного и небесного! Твоею помощию победивший врагов Пророк, не без Твоего мановения поставил памятник победы, и нарек его *камнем помощи* (1 Цар. VII. 12). Благослови и здесь устрояемый Царственный Памятник, – памятник не только мужества и побед Христолюбивых Русских воинов, но и Твоей помощи, которою они победоносны и непобедимы. И Благочестивейшему Царю нашему даруй утешение, видеть написуемые здесь имена всегда светлыми честию и добродетелию. Аминь.

СССXXX.

241. Слово

в день рождения Благочестивейшаго Государя

Императора Николая Павловича.

(Говорено в Успенск. соборе июня 25;

напечатано в Твор. Св. От. 1849 г. и в собрании 1861 г.)

<1849 год>

*Аще быша людие Мои послушали Мене,
Исраиль
аще бы в пути Моя ходил: ни о чесом же убо
враги
его смирил бых (Пс. LXXX. 14. 15).*

Тогда как мы во внутреннем мире отечества, под мирным кровом дома Божия, соединенные мыслию о Царе своем, благословляем день, в который нам дарована Его жизнь, для блага нашего предназначенная, – в таком же ли мире Он, зиждитель и охранитель нашего мира, предмет наших всеобщих молитв? И чем теперь занят дух Его? Не устремляет ли Он орлих, дальновидных взоров за пределы отечества, чтобы наблюдать движения союзных и враждебных сил, и, в пользу одних и против других, направлять нравственную и военную силу России? Не обращает ли в то же время также неусыпных, также проницательных, взоров на Свою Россию, которой внутренние дела требуют Его манований, и во время Его занятия делами внешними? Не в борении ли Он с влечением сердца к Своему Августейшему семейству, после того, как отвлечен от него попечением о безопасности Своего всероссийского семейства, и о восстановлении также и у других, более или менее союзных народов, общественного устройства, если только не в конец оно там разстроено разрушителями всякого законного общества, которые, конечно в горькую шутку, называются *общественниками*? Если при сих помышлениях, к радости о Царе присоединяется забота: то тем паче должны мы благоговеть и молиться.

Сего требовал от нас и Сам Благодетельнейший Государь недавним царским словом, изреченным в слух всех сынов России. Молитесь, сказал Он, потому что скоро могут начаться действия брани.

Если предвозвещение брани поразительно для любви к человечеству, которая не желала бы пролития и вражеской крови: то, вместе с сим, в призвании, по случаю брани, к молитве находит утешение и торжество вера. Молитва веры должна приобрести Царю союзника и поборника – в Царе небесном.

Но вот что не должно при сем остаться не замеченным особенно: и мы, не призванные в воинский стан и безоружные, не совсем чужды участия в войне, – участия не только мысленного, но и действительного. Мы не участвуем в деле войны: однако более или менее участвуем в достижении более или менее совершенного в ней успеха. Как это? – Вникните и увидите.

Если для времени войны, по сему собственно случаю и предмету, требуется молитва: то конечно предполагается, что молитва для войны может быть полезна. Но известно, что не всякая молитва равно действительна. Итак если наша молитва о подвигающихся на брани братиях наших единодушна, усердна, крепка, чиста, достойна: то она способна более или менее споспешествовать им в приобретении вернейшего залога побед, – Божия благословения и помощи. Так, подвизаясь в молитве, мы становимся действительными духовными сподвижниками подвижников брани. Но если наша о них молитва не

единодушна, не усердна, не крепка, не чиста, не достойна: то, по мере сих недостатков, она будет лишена действия, и мы лишим подвизающихся за нас братьев наших некоторой доли споспешествования, которую могли и должны были доставить им. Если же и совсем уклоняемся от молитвы за них: то уподобляемся малодушным воинам, бегущим с поля битвы, которые и мужественных смущают и затрудняют. Говоря сие, ни мало не уменьшаем значения и самостоятельности естественных сил и способностей, ни важности воинских дарований, искусства, ревности. Отдадим справедливость верности, благородству, искусству, мужеству наших вождей и воинов; но если молитва, Божие благословение и Божия помощь также не суть слова без значения: то Церковь и народ, молящиеся за воинство, суть не маловажный для воинства подкрепительный, а может быть, пред очами духа, и предваряющий к победе отряд, по силе и достоинству молитвы.

Чтобы сказанное не показалось игрою умозаключений: прибегаем к слову Божественному. Сам Бог рек устами Пророка: *аще быша людие Мои послушали Мене, Израиль аще бы в пути Моя ходил: ни о чесомже убо враги его смирил бых.* Речь идет о легкой и верной победе над врагами: *ни о чесомже убо враги его смирил бых.* Такую победу Бог приписывает Себе, то есть, Своему благословиению и Своей невидимой, или, когда нужно, и видимой чудесной помощи, ниспосылаемой избранному народу. Помощь же даруется не просто, не в произвольное отличие избранному народу, но под определенным условием нравственным и духовным: *аще быша людие Мои послушали Мене, Израиль аще бы в пути Моя ходил.* Израиль мог иметь воинов, оружие, вождей, обилие силы, искусства: очень хорошо, но это еще не все. Враги его могли быть более многочисленны, более искусны, хитры, дерзки: не беда. Особенно важно то, чтобы он слушал Бога, чтобы ходил в путях Господних. Веруй, Израиль, в Бога, молись Ему; слушай слова Его; поступай по заповедям Его, справедливо, благонравно, человеколюбиво; если согрешил, не медли покаяться и исправиться; надейся не на себя, но на Бога: и Он готов *ни о чесомже смирить враги* твоя, даровать тебе легкую и верную над ними победу.

Какими ясными, какими разительными опытами дознал Израиль сию Божественную судьбу браней!

Иисус Навин сражается с Амалекитянами: а Моисей на горе молится. Крепче молится Моисей: крепче ратует Израиль, и одолевает Амалекитян. Моисей изнемогает в молитве: Израильтяне изнемогают в битве, и победа склоняется на сторону Амалекитян. *И бысть, егда воздвизаше Моисей руце; одолеваше Израиль: егда же опускаше руце; одолеваше Амалек.* В знамение особенной силы молитвы общественной, Аарон и Ор поддерживали воздвигнутые в молитве руки Моисея: *и преодолел Иисус Амалика и вся люди его* (Исх. XVII. 11–13).

В другое время Иисус Навин сражается с пятью царями вдруг: и союзное с ним небо стреляет в его врагов каменным градом; а он по необычайной надежде на Бога, не произнося даже слов молитвы, собственным повелением останавливает солнце, чтобы иметь время за-светло довершить свою победу.

Времена Судей Израилевых представляют целый ряд происшествий, в которых открывается одна и та же судьба. *Сотвориша сынове Израилевы злое пред Господем; – и предаде их в руки врагов. Возопиша сынове Израилевы ко Господу; – и возстави Господь спасителя Израилью,* то есть, победоносного над врагами вождя (Суд. III. 7–9).

Здесь видно, между прочим, и то, каким образом достается иногда победа и не чтущим Бога. Она не им собственно дается: а отъемлется у *сотворивших злое пред Господем* и

заслуживших наказание, и упадет в руки народов, служащих орудием наказания, доколе вновь может быть возвращена принявшим наказание и исправление.

Так Израильтяне идолопоклонствуют: и их разоряют Мадиямляне. Но Геден, возбужденный Ангелом, заменяет алтарь Ваалов алтарем истинного Бога: и, в след за тем, с тремя стами безоружных, одним ночным военным кликом: *меч Богу и Гедену*, производит в стане Мадиямлян смятение и междоусобие, в следствие которого уже не нужно сражаться, а только преследовать и истреблять неприятельское войско.

Кто не знает Давида и его пастушеской пращи, которая против Голиафа и Филистимлян была победоноснее войска и военных орудий? Сила была не в прассе и камне, но в *имени Господа Бога Саваофа*, которым вооружен был Давид.

Была и такая война, в которой главное сражение, решившее судьбу ея, дано было на словах, и в которой несправедливо нападающий враг *смирнен был* точно *ни о чесомже*, без оружия и ратоборства со стороны потерпевшаго нападение. Сеннахирим, царь Ассирийский, напал на Иудею; взял крепости, не встретил своему войску препятствия дойти даже до Иерусалима. Иудейский царь Езекия уже признал свое безсилие, и умилилостивлял победителя данью. Но Сеннахирим домогался совершенного порабощения Иудеев, и, чтобы низвести до последней степени упадок духа их, вздумал поколебать их надежду на Бога, и для того словесно и письменно пустил в Иерусалим стрелы богохуления: *да не возносит тя Бог твой, на Негоже ты надеешиися*. Езекия понял, что война переносится с земли на небо, и, во храме пред Богом развернув богохульное рукописание, сказал; *отверзи, Господи, очи Твои и виждь*. Бог отвечствовал чрез Пророка Исаию, что на Себя приемлет защиту Иерусалима: *и бысть в ночь ону, и сниде Ангел Господень, и уби от полка ассирийскаго сто осмьдесят и пять тысяч* (4 Цар. XIX. 35).

Может быть, некоторые возразят, что все сие происходило во времена *Феократии*, то есть, Богоправления, и что теперь иныя времена. – Никто, конечно, не станет спорить, что времена переменяются, и что нынешний год уже иной, а не тот, который прошел. Но разве какия нибудь иныя времена имеют инаго Бога? Разве Бог когда нибудь отрекся от Своего Богоправления над миром и человеческим родом, и преимущественно над царствами и народами, в которых преимущественно заключено и распространено, или которым особенно соприкосновенно Его духовное царство, истинная вера, святая Церковь? Если думают, что Богоправление ограничено было временами Ветхаго Завета, и окончилось с началом времен христианских: то мы можем сказать напротив, что с Ветхим Заветом окончился только прежний, более частный и чувственно-образный, вид Богоправления, и в то же время начался новый, более общий и духо-образный. Это не наше гадание, а созерцание Пророка. Бог Отец рек воплощаемому Сыну Своему: *проси от Мене, и дам Ти языки достояние Твое, и одержание Твое концы земли* (Пс. II. 8). И по Иоаннову Откровению Иисус Христос есть *Князь царей земных* (Апок. I. 5), – Князь царей, конечно, не по тщеславному и бездейственному имени, но по власти и по употреблению власти.

Можно даже сказать, что действие особенных Божиих судеб над царствами земными, и Божий над ними суд во временах, в некотором отношении необходимее, нежели для человеков порознь. Каждый человек имеет свое бессмертие, и потому награда или наказание, за дело его во времени, без нарушения правосудия могут быть отсрочены до вечной жизни. Но царства земныя не имеют бессмертия и другой жизни в вечности: следственно Божий над ними суд и воздаяние им за правду или неправду должны совершаться во временах, как-то, посредством благотворных или карательных действий природы, посредством благоустройства или нестроения общественного, посредством браней.

И в наше время не присутствуем ли мы при суде Божиим над некоторыми царствами и народами? Не можем ли примечать и то, как они привлекли сами на себя суд? – Но скажу словом апостольским: *что ми внешних судити? – Внешних Бог судит; – измите злое от вас самех* (1 Кор. V. 12. 13).

Да будем, братия, благочестиво внимательны к нашей жизни, делам и помышлениям. Ради вечного блага душ наших, а с тем вместе и ко временному благу царства и отечества, да удаляем от себя все, что противно духу царствия Божия, который есть дух истины и правды, веры и верности, непорочности и чистоты, благодати и милосердия, смирения и послушания, единокровия и любви. Да подвигаемся в молитвах о державе Благочестивейшаго Царя нашего и о победе воинства Его; и да не лишим нашу молитву силы нерадением, или маловерием, или недостойнством жизни.

Словеса Господни не мимо идут никогда: и потому то же слово, которое было ветхому Израилю обличением прошедшаго, гласит новому Израилю, как наставление для настоящего и обетование для будущего: *аще, людие Божии, послушаете Бога, аще, новый Израиль, в пути Его ходить будешь; ни о чесомже враги твоя смирит*, и соделает тебя не только их победителем, но, как уже и было, даже избавителем их от домашняго их зла. Аминь.

СССXXXI.

242. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Усп. Соб. августа 15;

напечатано в Твор. Св. От. 1849 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

*О сем воздыхаем, в жилище наше небесное
облецися желяюще* (2 Кор. V. 2).

Дивна крестная смерть Господа нашего Иисуса Христа; дивно Его тридневное воскресение: но не дивно то, что оне являются дивными; потому что в них заключено недомыслимое таинство непостижимой премудрости Божией; ими чудесно разрешается не разрешимый без чуда вопрос, как спасти погибший род человеческий.

Как это возможно, что пострадал и умер Сын Божий? – Возможно потому, что такова воля Отца Его, и такова Его собственная воля, для которой нет невозможного. Чашею Своего вольного, неповинного Богочеловеческого страдания Он исчерпал и упразднил чашу вечных мучений осужденнаго за грех человечества. Своею смертию Он проник в замкнутую область всеобщей смерти человеческой, чтобы светом Божества разсеять мрак ея, чтобы силою Божества расторгнуть узы ея.

Не позже третьяго дня от смерти воскрес Он, потому что Ему надлежало быть начатком умерших воскресающих, и не ранее третьяго дня, чтобы дело спасения нашего запечатлено было знамением Пресвятыя Троицы, Которой оно всей всецело принадлежит.

Очевидно, не в такой степени, как смерть и воскресение Господне, однако дивна и смерть Пресвятыя Девы Богородицы и Ея воскресение.

Как это возможно, что умерла чистейшая Херувимов и славнейшая Серафимов? Херувимы и Серафимы ниже Ея, и следственно в низшем степени должны быть блаженны: но они не знают смерти. Как умерла бывшая вместилищем воплощенного Сына Божия, и конечно не преставшая быть жилищем Божества? Нетленно принявшая огонь Божества должна ли была уступить силе земного тления? – Подлинно, можно полагать, что могла бы Пресвятая Дева, по выражению Апостольскому, *не совлецися, но пооблецися, да пожертво будет мертвенное животом*, – не сложить с себя одежду земного тела посредством смерти, но мгновенным преображением облечься в тело прославленное. И почему же не так было? Должно думать, что, по Своему всегдашнему смирению и по желанию подражать уничижению Своего Божественного Сына, Она сама желала не миновать уничиженного пути смерти временной. А всеустраивающее Провидение, не препятствуя углублению смирения, долженствующему возвысить будущую славу, смертью Матери Живота вразумляет нас, как не малый еще и не безопасный остаток силы сохраняет смерть в естестве человеческом и после животворящей смерти Христовой. Если пречистая Матерь Живота не миновала смерти, хотя тихой и кратковременной: то мы, далекие от совершенной чистоты, поверженные в нечистоту мыслей, в нечистоту страстей, в нечистоту дел, в нечистоту жизни, – в какой мы опасности смерти лютой и вечной!

Слава вечной жизни начинала уже просвечивать сквозь самую смерть Пресвятыя Девы. За три дня, явился небесный вестник призвать Ее в вечность, и принес Ей знамение ожидающего Ее рая. Чудесно собрался Собор Апостолов, чтобы почтить Ея преставление и погребение. Достойные видели самого Божественного Ея Сына, с небесными силами пришедшего принять душу Ея. Бездыханное тело Ея чудодействовало. В третий же день от смерти, по подобию Христову, проявлено Ея полное воскресение. Земного тела Ея не стало во гробе. Собору Апостолов Она явилась в небесной славе.

Таково событие, которое ныне воспоминает Собор Церковный торжественно, впрочем под смиренным наименованием Успения Божией Матери, представляющим более умягченную мысль о смерти, нежели мысль о торжестве и славе. Что же при сем думает Матерь-Церковь? Чего желает? Конечно, не думает высочайшей славе небесной доставить приращение ничтожною земною славою. Нас хочет Она поставить в созерцании, как бы на рубеже между жизнью и смертью, между землею и небом, между временем и вечностью. Каждому из чад Своих хочет Она сказать: смотри за предел гроба; помышляй на земли о небесном; во времени помни вечность; поучайся сему из книги жизни и успения Матери Божией.

Действительно, в книге земной жизни Ея, поколику сия книга открыта для нас, мы повсюду находим одну господствующую мысль: стремление к небесному, вечному, божественному. Когда младенческий ум и младенческие стопы еще не сильны были нести Ее к небу: Ея туда стремление выразилось тем, что Она пришла в земное небо, – в храм Божий, и здесь поселилась. Необыкновенному раннему стремлению соответствовал необыкновенный ранний успех: в нежной юности Она уже так приблизилась к небу, что Ангел посещал Ее, и питал небесною пищею. И не обычный в Ея времена обет всегдашняго девства для чего иначе восприняла Она, если не для того, чтобы, не связанной земными узами, тем свободнее стремиться к небу? Когда же, чрез воплощение в Ней Сына Божия, Сама Она соделалась вторым небом: с того времени не лзя уже и подумать, чтобы Ее привлекало что-либо земное. Будучи живым престолом воплощенного Сына Божия, Котораго носила во чреве и в объятиях, подобно живым престолом небесным, конечно

жила Она Тем, Кого носила. Она слагала в сердце Своем все глаголы Его таин и судеб; прежде всех открыла Его Божественную силу, как видно из того, что испросила у Него первое чудо в Кане Галилейской; ранее Апостолов уразумела, что видящий Его видит Отца Его; следовала за Ним не только по трудным путям Его Богопроповеднических странствий, но и по страшному пути креста, смерти и погребения, почерпая неизнемогающее мужество в безпредельной любви. Наконец, когда воскресением и вознесением Христовым единственное сокровище Ея возвратилось на небо: и по чувству материнскому, но наипаче по чувству благодатному, без сомнения, сердце Ея постоянно было там, где Ея сокровище. Остальная жизнь Ея на земли была один неуклонный взор из времени в вечность, одно протяженное вздыхание к воздуху небесному – к небесной жизни со Христом в Боге.

И вот по какому направлению жизнь Пресвятыя Девы достигла такого предела, на котором *пожертва бысть смерть победою* воскресения и славы, так скоро, и так торжественно.

Можете подумать, не слишком ли много требую, если по направлению жизни Пресвятыя Девы указываю направление для вашей жизни. Мариамь, по свидетельству небесному, есть *благодатная и благословенная в женах* (Лук. I. 28): могут ли за Нею следовать люди обыкновенные, кольми паче обремененные грехами? Она, по созерцанию церковному, выше сравнения с Серафимами: как же далека наша низость от того, чтоб идти по Ея стопам?

Не допустим, чтобы сии недоумения обезпечивали леность: истина легко разрешает их. Матерь Божия наречена благодатною, по превосходству; но есть и для всех нас некоторая мера благодати, соответствующая нашей вере и потребности, достаточная для нашего спасения: *явился бо благодать Божия спасительная всем человеком* (Тит. II. 11). Матерь Божия безпримерно благословенна в женах и в роде человеческом: но и нас, как сказует Апостол: *Бог благословил всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Ефес. I. 3). Можно ли идти по стопам Божией Матери? – Не только можно сему быть, но и должно, по предвещанию Пророка: *приведутся царю девы в след Ея* (Псал. XLIV. 15). Может человек подражать и Богочеловеку, Который сам к сему призывает, и обнадеживает достижением высокой цели: *аще кто Мне служит, Мне да последствует; и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Иоан. XII. 26). Подражание не требует равенства, ни даже близости к равенству. Малый может подражать великому в том, что доступно. Не всякому, по желанию, доступно дивное и чудесное: истинное и доброе доступно всем, хотя впрочем каждому в своей мере и степени, по мере веры, по степени чистоты желания и ревности подвига. И мы не говорим вам: девствуйте все, как Пресвятая Дева; беседуйте с Ангелами; восходите выше Серафимов. Мы указываем вам доступное: возбуждаемые памяти Ея жизни и успения, смотрите за предел гроба; помышляйте на земли о небесном; во времени помните вечность. Это так свойственно христианам, что Апостол говорит о сем, не как о должном и требуемом, но как о существующем и обыкновенном: *о сем воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе*.

Многие из нас не охотно смотрят в небо и в вечность, частию потому, что на сем пути зрения встречается смерть и гроб, частию, потому, что их зрение слишком погружено в предметы земные.

Как порицали бы вы человека, который бы, при виде приближающейся опасности, вместо того, чтобы не медля рассмотреть, что угрожает, и принять меры предосторожности, зажмурил глаза, чтобы не видеть опасности! Не то ли однако делаете вы сами? Смерть к вам приближается, и непременно придет: а вы, вместо того, чтобы, не отлагая,

разсмотреть, что в ней опасно, и употребить открытыя вам средства сделать ее безопасною, замуриваете глаза, чтобы вас не беспокоил ея печальный образ! Боятся смерти: но разсудите здраво, что страшнее, смерть ли, которую готовящаяся к ней жизнь может сделать безопасною и блаженною, или не готовящаяся жизнь, которая делает смерть лютою?

Что подумали бы вы о сыне, который, живя вдали от отца, так занят делами и удовольствиями чужой страны, что не думает о возвращении к отцу, и не пользуется случаями навеститься о нем и о его доме? – Без сомнения, вы сказали бы: видно сей сын не любит отца. Что же посему должно подумать о человеке, который так занят земными заботами и удовольствиями, что не помышляет о своем возвращении к Отцу небесному и о Его доме, – о небе и вечности? – Необходимо сказать: видно, сей человек не любит Бога, или по крайней мере, более любит мир, нежели Бога. Но то верно по слову Апостольскому, что *аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем* (1 Иоан. II. 15), и что не любяй даже и не позна Бога. Что же остается у такого человека? – Какое достоинство в настоящем? Какая надежда для будущего? – О Мати Живота! Светом Твоего живоносного успения пробуди нас от смертоносного сна нерадения о нашем вечном спасении.

К Тебе возводим очи наши Живущему на небесах: даруй нам начаток духа, да, преминув и радости и печали земныя, к Тебе сладце воздыхаем, всыновления чающе, в жилище наше небесное облещися желающе. Отврати очи наши, еже не видети суеты: в пути Твоем живи нас (Псал. CXVIII. 37). Аминь.

СССXXXII.

243. Слово

в день венчания и помазания на царство

Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорено в Усп. Соборе августа 22;

напечатано в Твор. Св. От. 1849 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

*Исраиль аще бы в пути Моя ходил:
ни о чесомже убо враги его смирил
бых* (Пс. LXXX. 14. 15).

Сии слова Божией судьбы, недавно, в подобный нынешнему день, полагали мы в основание размышления, призывая вас к молитве о помощи Божией во брани. К тем же словам имеем причину возвратиться ныне. Бог *смирил* врагов наших.

Сказать ли: *смирил ни о чесомже?* – Не решаюсь. Наше воинство понесло труд долгих и трудных путей. Боролось не только с врагами, но и с природою. Проникло сквозь ущелия гор, которая сколь легко было врагам преградить, как уже почти загражденные природою, столь трудно было нам сделать проходимыми. Дало несколько битв против врагов,

которые не имели недостатка ни в воинах, ни в предводителях, ни в оружии, ни в предприимчивости, словом, ни в чем, – кроме справедливости и законности. Города, селения, пути, – все надлежало воинству нашему оспаривать у оружия врагов; а где они не полагались на свое оружие, там обращали убийственную руку на свою землю и свою собственность, чтобы опустошение и лишение обратить в оружие против нас. Так, по их расчетам, самая победа, которая вела бы нас внутрь их земли, должна была вести к неисходной пропасти. Но *солга неправда себе*: а правда не обманута. Бог дал Свое покровительство законности и справедливости: и Русское воинство превозмогло все трудности; его верность, мужество, непоколебимость над всем восторжествовали.

Наконец, да не мимо идет слово Божиих судеб: враги наши представляют и то, конечно, неожиданное для врагов, явление, что они *смирены ни о чем*, принуждены без сражения отдаться победителям. Не знаем, начали-ль они понимать законность и справедливость: но видим, что из опытов настоящей войны они поняли, во-первых, ненадежность своего противоборства, во-вторых, достоинство Русскаго Царя и Его воинства. Одна мысль о своей ненадежности могла бы повести их не к покорности, но к действиям более дерзким и отчаянным; но мысль о достоинстве Русскаго Царя и Его воинства вела и привела их к заключению, что не мало чести заключается и в том, чтобы признать себя побежденными Русским, а не иным воинством, чтобы безусловно предать себя великодушию Русскаго Царя. И таким образом главный между ими властитель и вождь, хотя имел еще сто сорок огнедышащих уст, готовых поддерживать его жажду брани и надежду военной славы, предпочел однако надежду мира, который безусловно покорностию мог получить для себя и для своего народа от Самодержца Всероссийскаго.

Приветствуем Тебя, Богом венчанный и помазанный Государь! Бог благословил Твою ревность о защите законности. Дал доброе свидетельство твоей правоте, хранящей союзные договоры не в писмени, но на деле. Твои всегдашняя попечения о Твоем воинстве вновь оправданы. Безцарные пруги, опустошающие землю, удалены от Твоих пределов. Мечта самодельнаго народодержавия, взволновавшая многие народы, многих царей приведшая в недоумение, некоторых поколебавшая, некоторых даже низринувшая, обличена державною властью, сущюю от Бога, и возвращается из неудачной действительности в область мечтаний.

Остается нам желать и молить Бога, чтобы достойный конец увенчал достойное венца дело, чтобы победа законности распространилась всюду, где против нея была воздвигнута брань, чтобы благодарность за безкорыстную помощь утвердила союзников Царя нашего в союзнической верности, в которой Он тверд по правоте и великодушию, чтобы успокоиваемые подвигами Его соседи предоставили Ему единственное, какое могут, вознаграждение, – успокоение от подвигов, отвне мир, в котором безпрепятственно может сеяться, возрастать и созреть плод внутреннего благоустройства и благосостояния.

Но что помыслим теперь собственно для нас самих? Зная из слова Божия, что Бог смиряет врагов народа при условии, если народ ходит в путях Божиих; и видя, что враги наши смирены, польстим ли себя мыслию, что, видно мы исполнили требуемое Богом условие, что мы право ходили в путях Господних? – Остережемся! И пред людьми мнение о своей добродетели есть ущерб существа добродетели: кольми паче пред Богом. Возвышение путей наших в наших собственных очах есть уклонение от пути Божия, хотя бы мы на нем и находились. Верные сему пути в благоприятных встречах видят только дары и благодеяния Божии. *Не в крепости силен муж: Господь немощна сотвори супостата его. – Той судит концем земли, праведен сый, и дает крепость Царю нашему, и возносит рог Христа Своего* (1 Цар. II. 9. 10).

Богом просвещенные созерцатели Божиих судеб открывают нам, что Бог дает царям и народам крепость, успех и славу, не только в награду за добродетель, но и в надежде, что, возбужденные благодарностью к Его благодеяниям, они исполнят волю Его. Так древняго Кира, еще не родившагося, Он назвал по имени, и сказал ему чрез Пророка Исаию: *Аз пред тобою пойду, и горы уравнию, врата медяная сокрушу, и веревы железныя сломя* (Иса. XLV. 2). Что значит сия необыкновенная милость? – Это залог того, чего Бог ожидает от Кира. Ибо глаголет: *вся воли Моя сотворит* (XLIV. 28). *Аз возставих его с правдою царя, и вси пути его правы. Сей созиждет град Мой, и пленение людей Моих возвратит* (XLV. 13).

Не погрешим и мы, если, в являемых нам милостях Божиих, будем видеть не столько награду за действительное хождение в путях Божиих, сколько залог для возбуждения нас благодарностью к ревностнейшему хождению в путях Божиих.

А что такое путь Божий? Где лежит он? Куда ведет?

Путь Божий есть воля Божия и закон Божий. Лежит он в сердце боящегося и любящего Бога, и отсюда пролегает в дела и жизнь. Ведет он сперва к царствию Божию, которое внутри нас есть, потом к царствию Божию, которое на небесах.

Путь Божий есть познание и созерцание истины Божией и Христовой. Лежит он в сердце верующем, в уме послушном вере, в духе отвергшем мудрование плоти, и отсюда простирается также в дела и жизнь. Ведет он чрез Христа к соединению с Богом, по реченному самим Христом: *Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (Иоан. XIV. 6).

Путь Божий есть всякая добродетель, особенно же молитва, воздержание, человеколюбие, незлобие, терпение, смирение. Таким образом путь сей представляет многия стези; потому что проходит по всем степеням и состояниям внутренней и внешней жизни человека: но он вместе и един, как едина душа, которая всеми своими способностями должна стремиться к Богу, как един Бог, к Которому она должна стремиться.

Евангелие сказует, что путь Божий узок, потому что стесняется окружающими широкими распутиями плоти, мира, страстей, похотей, пороков, беззаконий. Но путник не должен забывать, что узкий путь, хотя иногда по тернию, ведет к вечному животу, а широкий, частию, может быть, по цветам, но частию также по тернию, ведет в пагубу.

Впрочем нельзя думать, что кому-либо из нас не была известна хотя часть пути Божия, по указанию воспитания, Церкви, совести. Но он премудростию и благодатию так устроен, что известную часть твердо и неуклонно прошедшему самым делом, чрез сие самое открывается, как идти далее.

Итак забота наипаче о том, желаем ли, ревнуем ли мы идти по пути Божию, и верны ли в сем. Не хотят ли некоторые безпечно отдыхать на сем пути, а не трудиться идти вперед? Не думают ли, что без опасности можно и уклоняться от сего пути на распутия плоти, мира, страстей, порочной склонности, только бы не слишком далеко? Не доходят ли возмущившиеся страсти и порочныя склонности до дерзости повторять призывающему на путь Свой Богу древний отказ: *отступи от нас, путей Твоих водети не хотим* (Иов. XXI. 14)?

Да помышляем, братия, что, по слову премудраго, *нерадйя о своих путех погибнет* (Притч. XIX. 16). И потому да держимся пути Божия твердо, верно, ревностно, неуклонно.

Потерпи Господа, и сохрани путь Его, и вознесет тя, еже наследити землю (Пс. XXXVI 34) и небо. Аминь.

СССXXXIII.

244. Беседа

на обновление храма Святого Архистратига Михаила,

в кафедральном Чудове монастыре.

(Говорена сентября 6-го;

напечатана в Твор. Св. От. 1849 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

*Иже обрете благодать пред Богом, и
испроси
обрести селение Богу Иаковлю: Соломон же
созда Ему храм (Деян. VII. 46. 47).*

Это говорит Стефан Первомученик о Царях Давиде и Соломоне.

Что такое сделал Давид? Как *обрел* он *селение Богу Иаковлю*? – Его жизнеописание показывает, что он предпринял создать храм Божий, и, по откровению Божию чрез Ангела, определил для сего место.

Итак, по мнению святого Первомученика, чтобы сделаться храмовладельцем, для сего надобно приобрести *благодать* Божию, надобно сие *испросить* у Бога, как милость.

Благодать обратить место, где мы теперь, в селение Богу Иаковлю, создать Ему храм сей, обрел Святитель Алексей.

Ныне, по милости Божией, мы видим сей храм возобновленным во внутренности его со всевозможным сохранением древняго образа его, и возобновленным не столько по надобности в употреблении его, сколько по уважению к его древности.

Ко времени теперь еще возобновление, – возобновление в наших мыслях древней, и от древних до новых времен простирающейся, судьбы сего места.

За четыреста восемьдесят лет, и несколько более, пред сим, место сие принадлежало татарскому хану: потому что татарская власть тяготела тогда над Россиею. Нет сомнения, что как Великому Князю неприятно было видеть в самом Кремле своем, недалеко от дворца своего, владение ордынского царя; так и Святителю Алексею неприятно было видеть, недалеко от соборной церкви, гнездо чтителей лжепророка. И если Великий Князь не находил еще средств переменить сие: то конечно, еще менее Архиерей.

Но Алексей *обрете благодать пред Богом*: и она дала ему средство превратить двор врагов христианства в дом и селение Бога христианского.

Владетеля сего места, хана Джанибека, жена, Тайдула, подверглась тяжким припадкам, и лишилась зрения. Как некогда у язычника Неемана жестокость болезни вынудила веру к духовной силе Пророка Елисея: так случилось и с магометанкою Тайдулою, по слухам о духовной силе Святителя Алексия. Хан требовал, чтобы он пришел, и исцелил ее. Святитель не поколебался в вере: пришел в орду, и исцелил царицу. Благодарная Тайдула подарила ему сие место, и он, за двенадцать лет до своего преставления, создал здесь обитель и храм во имя святого Архистратига Михаила, – *по откровению Божию*, как говорит древнее повествование; но какое то было откровение, нам не известно.

Святой преставился, и, по его завещанию, погребен здесь, в созданном от него храме. Когда прошло потом около шестидесяти лет: внезапно храм обрушился во время совершавшагося в нем Богослужения. Но, по благодати, обретенной святым Алексием, сие не причинило никому вреда, и было мановением Провидения к открытию мощей Святителя.

Великий Князь Василий Васильевич повелел на месте разрушившагося созидать новый каменный храм: и когда надлежало углубить в землю его основание, тогда обретенны мощи Святителя Алексия, благоухающия нетлением и целебною силою.

Если обновленный ныне храм не во всех частях есть тот самый, который основан Великим Князем Василием Васильевичем: по крайней мере он тот же в основании; потому что, и по пересоздании его в начале шестагонадесять столетия, по прежнему сохранял в себе могилу Святителя Алексия, в которой удостоился тогда положен быть Новгородский Архиепископ Геннадий, усердно послуживший сей обители и православию.

Сей храм, по освящении своем, принял в находившийся при нем придел Благовещения Пресвятыя Богородицы мощи Святителя Алексия, уже благоговейно чтимыя, и хранил их несколько десятилетий.

Потом близь сего древняго храма был воздвигнут новый храм во имя Святителя Алексия, в который и мощи его перешли; но по времени сей новый храм обветшал, и следы его исчезли. Его заменил видимый ныне храм Святителя Алексия и Благовещения Божией Матери, и уже там успокоились мощи Святителя Алексия, внесенныя руками Царей Иоанна и Петра.

Можно сказать, что довольно твердо выдерживал сей древний храм то испытание, которое, по слову Евангельскому, выдерживает храмина, созданная мужем мудрым: *сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бе на камени* (Матф. VII. 25). Не раз падал на сию землю дождь бед, ниспосылаемый небом для ея омовения от грехов, и для возбуждения добрых прозрений; не раз приходили огненные реки пожаров; не раз бурно возвевали ветры разных превратностей человеческих; неистовствовали здесь Ляхи и от них в самой сей обители блаженный Патриарх Гермоген, за ревность по вере и непоколебимую верность отечеству, вкусил мученическую гладную смерть; опустошали и разрушали Кремль Галлы: но сей храм и сия стена древних священных изображений стоит, выдержав приражения людей, времен и стихий; потому что утверждается *на камени*. На каком? – На камени веры Святителя Алексия, на благодати, ему данной, на его первоначальном здесь благословении, на нем самом, на его теле, которое почивало в основании храма сего, прежде его основания каменнаго.

Не всякому человеку дается жребий создать или возобновить храм Богу, каменный или деревянный: но каждый из нас имеет одушевленный храм Божий, более или менее ветхий, который может и должен возобновить.

Сотворением человека Бог создал Себе одушевленный храм, и поставил в нем Свой образ. Человек, прельщенный духом лестчим, не удовольствуясь честью быть храмом Божиим, захотел сам быть богом: и затмил в себе образ Божий, и храм Божий привел в запустение и ветхость. Всеблагий Бог Отец, не уступая своего дела злу, послал Единородного Сына Своего, Которым *создана быша всяческая* (Колос. I. 16), пересоздать храм Свой в человеке; и чтобы возобновить в нем Свой образ, ввел посредством воплощения в человечество единосущный образ *Ипостаси Своея* (Евр. I 3). Богочеловек, Иисус Христос, по собственному Его предназначению и предречению, *разоренный* крестною смертию *храм Своего тела воздвигнул* (Матф. XXVII. 40) воскресением, дабы, по подобию сего и силою сего, мог воздвигнуться новый храм Божий, или Церковь, и во всем человечестве, и в каждом человеке. Христос сам есть и основание сего храма, по слову Апостольскому: *основания инаго никтоже может положить паче лежащаго, еже есть Иисус Христос* (1 Коринф. III. 11); сам и зиждитель, по Его собственному слову: *созижду церковь Мою* (Матф. XVI. 18). Есть и вспомогательные здатели, зиждущие орудиями слова и таинств, как о сем говорит Апостол: *Богу есмы споспешницы; яко премудр Архитектон основание положих; ин же назидает* (1 Кор. III. 9. 10). Но поелику зиждутся не мертвые, а живые храмы: то и мы, зиждемые, не должны быть без дела, которое и дает нам Апостол, когда говорит: *ко Христу приходяще, камени живу, от человек убо уничижену, от Бога же избрану, честну, и сами, яко камение живо, зиждитесь в храм духовен* (1 Петр. II. 4. 5).

Созидай себя в духовный храм: не трудное ли это требование? – Подлинно, братия, трудное, – скажу больше: даже невозможное к исполнению, если вздумаем созидать себя только своим умом, только своею силою. Когда первый из Апостолов, нареченный Петром, то есть, *камнем* (Марк. III. 16), без сомнения, по особенной твердости, хотел утвердиться на собственных своих помышлениях и на своей силе, и сказал: *аще и вси соблазняются, аз никогда же соблажнюся* (Матф. XXVI. 33): вскоре оказалось, что он строил на песке: от легкаго ветра из уст празднословящей рабыни пала его духовная храмина отречением от Христа.

Но *невозможная у человек возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27). Тот же Петр, когда исправил погрешность самооснования и самонадеяния, когда перестал утверждаться на своей силе и добродетели, почему и говорил: *своею ли силою или благочестием сотворихом* (Деян. III. 12)? Когда начал утверждаться на благодатной силе Христа, как и говорил: *Сей есть камень, бывый во главу угла: и несть ни о едином же ином спасения* (IV. 11): тогда не только свой духовный храм твердо основал и высоко создал, но и созидал иногда в один день по несколько тысяч живых храмов, поучением, крещением и преподаванием Святаго Духа. Подобно сему и другой первоверховный Апостол, тогда как *трудясь паче всех* (1 Коринф. XV. 10) Апостолов, ничего не приписывал себе, а все благодати: *не аз, но благодать Божия, яже со мною*, – создал многия и великия Церкви, и всю вселенскую Церковь писаниями своими немало подкрепил и украсил.

Сии образцы высоки для нас: впрочем закон твердаго основания и созидания, и для великих, и для малых зданий, один и тот же. И каждый из нас, дабы устроить себя в храм духовный, да не полагается на собственное мудрование, да не надеется на собственную силу, да ищет благодати Божией; да просит милости Божией; Христа, и веру в Него, и любовь к Нему да полагает в основание своих мыслей, дел и жизни; и на сем *основании* да *назидаем* по иносказанию святаго Павла, не *дрова, сено, тростие*, то есть, не суетныя и

тленные помышления и дела плотския и мирския, но *сребро, злато, камене честное* (1 Коринф. III. 12), то есть, помышления чистыя и дела благочестия и добродетели. Если так себя созидать будем: то и *еще земная наша храмина тела разорится, будем иметь создание от Бога, храмину нерукотворену, вечну на небесех* (2 Коринф. V. 1). Аминь.

СССXXXIV.

245. Слово

в день памяти Преподобнаго Сергия.

(Говорено в Троиц. Лавре сентября 25;

напечатано в Твор. Св. От. 1849 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

Хвалите Бога во святых Его (Псал. CL. 1).

Утешительно видеть собор верующих, собравшийся к единому из Святых, отшедших к Богу, и совершающий торжество. В сем виден величественный союз земнаго с небесным, воинствующей Церкви с торжествующею. Слава Святых на небесах, и земная слава не нужна им: но счастливо то(для земли, что она чтит и славит небесную добродетель. Если приветствующаго тебя, в твой личный или семейный праздник, ты не оставляешь без взаимнаго привета, или угощения, или дара: то может ли Святой, совершившийся в любви, менее быть внимателен к приветствующим его в его праздник?

Надобно только приветствовать Святых таким образом, который бы их был достоин. Не учит ли сему нас пророческое слово: *хвалите Бога во святых Его*.

Достойно внимания, во-первых, то, что Пророк приглашает хвалить Святых вообще, а не некоторых из Святых в частности. Отсюда можно заимствовать наставление, не излишнее для тех, которые к одному из Святых, по его славе или по дознанной на себе его помощи, прилепляются не только преимущественною любовию, что надлежало бы признать справедливым и естественным, но как бы исключительно, простиертою до невнимания к другим праведникам.

Если заповедь Божия повелевает нам любить всех человеков, не смотря на то, что в некоторых из них и не любезныя качества встречаются: то кольми паче должно и свойственно любить всех Святых, которых все качества и действия достойны любви и благословения.

Дерзаем уповать, Преподобне Отче Сергие, что Ты благословишь сие размышление, которое не касается многой веры и любви к Тебе, утвержденной и непрестанно утверждаемой Твоими благодатными молитвами, благодеяниями и чудесами, но стремится утвердить и возвысить любовь к Святым там, где ея нет, или где она частию возвышается, а частию падает.

Все Святые суть присныя чада Отца Небеснаго, все составляют одно великое семейство Христово. Если вы, в добром и единомудушном семействе, любя одного, другаго не любите, то сим оскорбится конечно и тот, котораго любите: подобно сему, если, имея особенную любовь к одному из Святых, о других вы помышляете без благоговения, то и чтимый вами

в своем лице бывает оскорблен вашею холодною в лице других; потому что все Святые не только единомысленны между собою, но и совершенно едино суть в Господе.

Святые на небесах, подобно как верующие на земли, *имеют дарования, по благодати данной им, различна* (Рим. XII. 6), потому что в совокупности обладать всеми силами и совершенствами свойственно единому Богу. Сие разделение благодатных дарований ведет частию к тому, чтобы дарованием одного Святого пользовались многие, имеющие нужду в сем даровании, а частию к тому, чтобы каждый человек мог пользоваться помощью многих Святых, по своим различным потребностям, по их различным дарованиям; и чтобы таким образом на благодати, на вере и на любви, основывался и утверждался всеобщий союз всех человеков со всеми Святыми в едином Боге.

После сказанного, теперь не трудно признать в рассматриваемом нами изречении Псалмопевца другую поучительную знаменательность выражения. Он приглашает не просто хвалить Святых, но хвалить их так, чтобы в них прославляем был Бог. *Хвалите Бога во святых Его*.

Святые суть сосуды благодати. Но чья в них благодать? Не их, а Божия. И хотя она дана им от Бога, соответственно их вере, любви, подвигам; и хотя совершившиеся Святые утверждены в благодати на веки: но при всем том она не сделалась их собственностью, а пребывает Божиим дарованием, Божиею в них собственностью. Посему и не имеют они власти употреблять ее по своему произволу, и не пожелают так употреблять ее, по своему смирению и преданности воле Божией, употребляют же только по воле Божией. Итак если ты приближаешься к Святому, не одушевляясь в то же время верою и усердием к Богу: то и надлежит опасаться, что ты прикоснешься только к сосуду благодати, а заключенной в нем благодати не достигнешь. Если же приступая с молитвою к Святому, в то же время чрез него приступаешь с верою к Богу: то преклоняешь к себе и сосуд, и заключенную в нем благодать; молитва Святого восходит к Богу, и возносит твою молитву; благоволение Божие нисходит, дарование Божие во Святом движется, и, по мере твоей веры, орошает твою душу; благословение Божие осеняет твои мысли и дела, и твои во благих желания исполняются.

Посему-то и Матерь Церковь, премудрая таинница благодати, учит нас не только прикасаться к Святому сосуду, но и простираться к исполняющему оный, Всесвятому; наставляет нас не просто говорить Святому: помоги, сотвори благодеяние, но взывать богомудренно: *моли Бога о нас*. То есть: мы знаем, что ты угоден Богу, исполнен благодати и силы; но знаем также, что благодать и сила в тебе есть Божия, и что ты ею действуешь не иначе, как по воле Божией; посему чтим тебя, и вместе воздаем славу Богу; просим твоего предстательства, и вместе исповедуем, по учению апостольскому, что *всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов* (Иак. I. 17); веруем, что твоя молитва сильна приобрести нам дар, которого не была бы достойна одна собственная наша молитва; но как дар сей Божий, то не к тебе только, но чрез тебя к самому Богу прибегаем: *моли Бога о нас*.

Сими размышлениями поставляя себя в правильное положение пред лицом Святого, не оставим без внимания и того, как должно нам поставлять себя в правильное положение в отношении к празднику Святого.

Праздник Святого часто именуется в Церкви *памятию* Святого. Что это значит? Неужели Святых надлежит иметь в памяти только во дни праздников их, а в прочие дни забывать? – Без сомнения не та мысль Церкви. Что же думать о наименовании: *память Святого*? Или это есть случайно взятое в языке слово, не довольно точно

приспособленное к предмету? – Нет. Надобно лучше думать о богомудрых Отцах наших, чиноположителях церковных. Все, чем обогатили они Церковь, они заимствовали обыкновенно из сокровищ слова Божия. Посему мне кажется, более, нежели вероятным, что наименование праздника: *память Святаго*, заимствовано из Апостольского изречения: *поминайте наставники ваша*. Но почему отсюда взято наименование? – Всего вероятнее потому, что здесь лежит основание самого установления церковного; здесь закон праздника: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, ихже взирающе на скончание жития, подражайте вере их* (Евр. XIII. 7). Но вместе с законом праздника здесь же и наставление празднующим, как им праздновать. *Поминайте наставники ваша, – подражайте вере их*.

Праздник не для того, чтобы только отложить дело, и остаться в праздности, кольми паче не для того, чтобы позволить себе дела, которые далее отстоят от святости, нежели дела работных дней: но для того праздник Святому, или Святым, чтобы воспоминать их богоугодную жизнь, взирать на их блаженную кончину, и подражать их вере, как созерцательной, то есть, их твердости в православном христианском учении, так и деятельной, то есть, их добродетелям христианским.

Сорадуюсь тем, которые лучшую часть нынешняго праздничнаго дня освятили участием в церковных молитвах и благоговейным предстоянием при Божественной таинственной службе. В сем есть часть подражания вере Святых, имевших общим чувством то, что изобразил словом Псалмопевец: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем*.

О если бы могли мы иметь утешительную уверенность, что приобретеннаго утром освящения никто из пришедших на сей праздник не утратит и в прочее время дня, но всякий и сохранит, и дополнит оное продолжением священных воспоминаний, благочестивым чтением и размышлением, домашнею молитвою, воздержным употреблением земных благ с благодарением Богу, назидательным, или, по крайней мере, невинным и мирным собеседованием, без рассеяния, без суетных игр, без обаятельных увеселений! К сожалению, не так легко сего надеяться от всех, как легко было бы сему исполниться.

Какое оскорбление достоинству веры, какой это, вместо подражания, перебор примерам Святых, что закон греховный, не редко с особенною силою противостоит закону духовному в дни святые, хотя в сии дни Церковь преимущественно вооружает нас духовными оружиями, словом Божиим и молитвою!

Если рассматривать и соображать существо и достоинство предметов: неужели радость духовная менее имеет сладости, нежели веселие плотское? Неужели молитвенная беседа с Богом менее занимательна, нежели празднословие между людьми? Неужели менее приятности в псалмах и песнях духовных, которые просвещают, питают и укрепляют душу, нежели в песнях плотских, которые ее омрачают, растлевают и расслабляют? Неужели брашно негибнущее менее вкусно и питательно, нежели брашно гибнущее? Неужели трезвый ум менее может доставить удовольствия, нежели отуманенное неумеренностию чувство? – Конечно нет! Но чувственности преданный человек не понимает себя, не знает, чего хочет, и желает насытиться от рожец и одуряющего зелия мирских забав, ленись употребить некоторый труд, чтобы очистить и возвысить свой вкус, для улаждения хлебом небесным и вином духовным.

Со Апостолом молю вас, братия, *да не лениви будете, но подражатели наследствующих обетования верою и долготерпением* (Евр. VI. 12). Подвизайтесь подражать вере и богоугодному житию Святых, и не порабощаться суетным обычаям, не уступать

греховным влечениям. Имейте довольно терпения и твердости, чтобы разсудком и законом Божиим удерживать и умерять чувственные желания, чтобы не давать пищи плотским страстям. По мере их умерщвления, в вас будут получать более живости желания духовныя и вкус к чистым и возвышенным наслаждениям. Тогда суетныя и низкия мирския увеселения будут для вас ненужны и безвкусны; вам приятно будет и дом ваш обращать в церковь, посредством богомыслия и молитвы; церковь же ощутительно будет для вас небом; вы, не по имени только, но действительно, будете *сожителем святым и приснии Богу* (Еф. II. 19), и в близости к ним будете праздновать святыя и сладкия праздники в чистом сердце. Да сотворит сие благодать Господня молитвами Преподобнаго Отца нашего Сергия и всех Святых! Аминь.

СССХХХV

246. Слово

в день восшествия на Всероссийский Престол

Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорено в Чудове монастыре Ноября 20-го;

напечатано в Твор. Св. От. 1849 г. и в собрании 1861 г.)

<1849 год>

*Господне есть царствие, и Той
обладает языки (Пс. XXI. 29).*

Замечали-ль вы, что при начатии церковных молитвословий обыкновенно мы возглашаем: *благословен Бог наш*, или: *слава Святей Троице*; а при начатии моления о Благочестивейшем Государе нашем, в день Его воцарения, или царскаго венчания, употребляем особенное славословие: *благословенно царство* Святыя Троицы? И если вы сие замечали: то помышляли-ль о том, что значит сия особенность? Не думает ли, может быть, Церковь представить менее высоким царство земное, нарочно превознося над ним царство небесное, в то самое время, когда верный народ с особенною торжественностью чтит своего Царя молитвою и радостию? Нет. Церковь имеет при сем другую – лучшую мысль и намерение. Она возвышает и утверждает царство человеческое, связуя оное с царством Божиим. Воспоминая начатие благословеннаго царствования, и с сим вместе благословляя Бога именно в качестве Царя, она чрез сие дает нам разуметь, что высшее начало царствования сокрыто в Боге, хотя и открывается посредством земнаго закона престолонаследия, по воле главы царствующаго рода; и что, если доблестями и подвигами Царя, Его мудростию, крепостию, благостию, пользуемся мы для нашего блага: то за сие *благословенно царство* Божие, ниспосылающее нам сии дары. При таком умопредставлении, как высок Царь, когда власть Его есть орудие и проявление власти Царя Небеснаго! Как Он тверд на своем престоле, который поддерживается Вечным и Всемогушим Вседержителем! И какое сильное в сем умопредставлении заключается побуждение для Царя ко всякой добродетели и совершенству, чтобы Ему быть достойным орудием Царя Всесовершеннаго! Какое сильное и чистое побуждение для подданнаго, не только повиноваться Царю, но и благоговеть пред Ним, не только исполнять Его законы и

повеления видимыми действиями, но и предаваться Ему верным и любящим сердцем на жизнь и на смерть пред очами Всевидящего Царя царствующих!

В наше время многие народы мало знают отношение государства к царству Божию, и, что особенно странно и достойно сожаления, мало сие знают народы христианские, — мало знают не потому, чтобы не могли знать, но потому, что не хотят знать; и глаголющиеся быти мудры между ими с пренебрежением отвергают дознанное и признанное древнею мудростию. Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и закона Божия; они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества, в новом вкусе, на песке народных мнений, и поддерживать оное бурями бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достроиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся: однако новые столпотворители вавилонские, не смотря на смешение мыслей, худшее древняго смешения языков, кажется не думают еще отстать от своего столпотворения.

В такие времена, как особенно нужно, так и особенно должно быть приятно нам, братия, часто напоминать себе и крепко содержать оправданное судьбою отечества нашего, преданное нам от предков, или, лучше сказать, от Пророков, учение, что *владеет Вышний царством человеческим*; что *Господне есть царствие, и Той обладает языки*.

Если бы сей особенной истины и не открыло человеку слово Божие; он мог бы найти ее в общем составе своих познаний о Боге Творце и Промыслителе.

Как Бог есть Творец мира вещественного и мира духовного: то, без сомнения, Он есть и Промыслитель того и другого. И если промышленности Его требует мир вещественный, движимый необходимостью законов, при сотворении в него впечатленных: то не паче ли требует онаго мир духовный, котораго существа, пользуясь преимуществом свободы, по сему самому иногда могут уклоняться от Творческого направления и назначения, и для таковых случаев особенно призывают руку Промыслителя, охраняющую и возвращающую? И если существа духовнонравственные требуют промышленности Божия раздельнаго, по своим частным свойствам, расположениям и обстоятельствам: то не требуют ли также сосредоточеннаго промышленности Божия целыя общества человеческого, поелику от общества много зависит совершенствование и благосостояние каждого человека? Но как благоустройство и охранение общества человеческого преимущественно зависит от верховной над ним власти: то и открывается необходимость, чтобы промышленность Божие преимущественно сосредоточено было над верховною властью, чтобы *владел Вышний царством человеческим*.

Царствование Божие над царством человеческим не для всех и не всегда бывает явно, во-первых, потому, что Царь Небесный безмерно высок и непостижим, и Его нисходящее действие нередко скрывается в цепи посредствующих естественных причин и действий; во-вторых, потому, что, царствуя над существами, которым даровал свободу, Он хранит неприкосновенным Свой дар, оставляет довольно простора свободе человеческой; и от того случается, что мы довольно долго слышим шум, и видим движение дел человеческих, не редко смешанных и беспорядочных, и не примечаем, как за ним тихо шествует Божий Промысл и суд, утверждающий, охраняющий и возвышающий то, что служит царствию Божию, и ранее или позже низлагающий то, что ему противоборствует. Посему, чтобы видеть царствование Божие над царством человеческим, надобно наблюдать со вниманием особенные случаи, в которых оное, по требованию обстоятельств, с особенною ясностью открывается.

Рече Господь к Самуилу: прииди, послю тя ко Иессею до Вифлеема, яко узрех в сынех его Себе царя (1 Цар. XVI. 1). Самуил колебался, находя опасным сие посольство. И Господь признал опасность; и повелел чрезвычайное посольство прикрыть видом обыкновенного жертвоприношения: но самага дела не отменил. Пророк приходит в Вифлеем, пересматривает сынов Иессея, не зная, кто из них должен быть царем. Едва, наконец, найден Давид, бывший у стада и оставленный отцом без внимания: и тогда уже Самуил получил от Бога определительное изволение, и помазал Давида в царя. Но что потом? Давид пошел не на престол, а обратно к стаду. По времени он позван в дом царя, но не царствовать, а играть на гуслях. Еще по времени, пришел он в войско, не как воин с оружием, а как обозный, с хлебом для своих братьев воинов: но нечаянно вызвался на единоборство с Голиафом; победил его, получил славу; сделался сродником царя. Теперь он уже не так далек от престола; но и после сего, еще он должен быть не царем, а изгнанником, бездомным, скитающимся по горам и дебрям, не находящим иногда безопасности в отечестве, и принужденным удаляться к иноплеменникам. Что жь это значит? Для чего Давид помазан в царя так рано, так, по видимому, не благовременно, с опасностью? Для того, во-первых, чтобы помазанием преподать ему царскую благодать, которая бы соделала его и победителем, и любезным народу, и в гонении непобедимым, и наконец довела до престола, как и сказано в Писании, что в следствие помазания, *ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне, и потом* (1 Цар. XVI. 13). Во-вторых, для того рано помазан Давид, чтобы после, по действительном воцарении его, и непокоривые принуждены были признать, что Царь поставлен не случаем, не народом, а самим Богом.

Не бесполезно, думаю, будет, указать теперь особенное проявление царствия Божия над царством человеческим, в христианския времена.

В начале сих времен, три столетия Церковь Христова не пользовалась помощью царства человеческого, а напротив того часто подвергалась гонениям от него. В разумение тайны сего поущения Божия вводит нас Апостольское слово: *немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая, – да не похвалится всяка плоть пред Богом* (1 Кор. I. 27. 29). Надлежало Церкви Христовой являться безпомощною, дабы очевидно было, что она зиждется, утверждается и возвышается не человеческою, а Божиею силою. Надлежало ей страдать, и страданием победить, чтобы заградить уста неверующим и хулителям, древним и нынешним. Но надобно же было наконец отдать истине и видимую справедливость: надобно было, чтобы, по слову Пророка, *одержала правда покой* (Ис. XXXII. 17); чтобы Церковь, после стольких царей гонителей, имела Царя покровителя. Бог избирает для сего Константина: но Константин – язычник, и Христова истина обыкновенным путем человеческого наставления не проникает до глубины его сердца. Итак Царь царствующих действует Сам, как о сем рассказал Константин, и как нам пересказывает слышавший от него историк, Евсевий. «Однажды в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, говорил царь, я собственными очами видел составившееся из света, и лежавшее на солнце знамение креста, с надписью: сим побеждай. Сие зрелище объяло ужасом как его самага, так и все войско. В след за сим, во сне явился ему Христос Божий с виденным на небе знаменiem, и повелел, сделав знамя, подобное сему виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов» (Евсев. о жизн. Констант. Кн. 1, гл. 28, 29). Константин исполнил повеленное; под знаменiem креста победил Максентия; сделался единовластителем Римской Империи; уверовал во Христа, и явился первым христианским царем и равноапостольным. Не очевидно ли здесь, что цари христианские ведут первое начало свое непосредственно от Царя Небеснаго?

Я мог бы указать особенные пути царствия Божия и в княжении нашего равноапостольного Владимира, и в царствовании наших Царей ближайшего времени. Но, да не отягчу слушающих продолжением слова в праздник, поспешаю заключить оное мыслями, которые из предшествовавшего размышления сами собою рождаются.

Если сам Бог Своим словом и Своими действиями внушает нам мысль, что Он посредством особенного промысления царствует над царством человеческим: то конечно мысль сия благопотребна для нас; и мы не должны терять ее из вида. Подлинно, в ней заключается сила, оружие, опора, руководство для царя, для царства и для каждого в царстве. — Предстоит законный, необходимый, но трудный подвиг: царь земный повелевает; Царь Небесный помогает: — подвиг совершен; но, как иногда случается, не усмотрен или не вполне усмотрен, ничего не потеряно; у Царя Небесного хранится полное воздаяние. — Приближается искушение, прельщение: если бы случилось, что уважение к закону земного Царя поколебалось бы силою прельщения, око Царя всевидящего издалеча осветит дебри и пропасти, неизбежные на распутьях беззакония, и удержит искушаемого на пути долга и чести.

Если Царь Христос непосредственно Своим действием в лице равноапостольного Константина основал достоинство христианского Царя, для споспешествования Своей истинной вере, Своей Православной Церкви: то сию священную обязанность может ли без оскорбления Царя Христа пренебречь какое-либо христианское царство? — Слава Богу! Благочестивейший Государь наш деятельно и успешно исполняет сию обязанность, и не один миллион душ приобрел православия от неправославия. Да ревнуем и мы, каждый в своем круге действия, чтобы обязанности служить Царю земному и служить Царю Небесному, быть верным подданным и истинным христианином, составляли для нас одну нераздельную обязанность, один непрерывный подвиг всей нашей жизни. Аминь.

СССXXXVI.

247. Слово

в неделю двадцать第九ую по пятидесятнице.

(Напечатано в Твор. Св. От. 1850 г. и в собран. 1861 г.)

<1849 год>

*Един же от них, видево, яко изцеле,
возвратися,
со гласом велиим славя Бога (Лук. XVII. 15).*

Слова сии принадлежат Евангельскому повествованию об одном из человеколюбивых деяний Христа Спасителя, — об исцелении десяти прокаженных. Мы часто слышим сие повествование на молебных пениях: ныне также представляется оно нашему благоговейному вниманию, а следственно и назидательному размышлению.

Христос Спаситель даровал здравие десяти больным проказою. Проказа была болезнь тяжкая, часто заразительная, нечистая. По закону Моисееву, прикоснувшийся к больному проказою признаваем был нечистым, и подвергался обрядам очищения. Может быть, сей закон постановлен был, как средство против заразы: а может быть, он указывал и на происхождение проказы от нравственной нечистоты. В самом деле, мы видим в священных повествованиях, что Мариамъ за мятеж против Моисея, Гиезий за корыстный

обман от имени Пророка, Озия за святотатственное вторжение в священническую должность, мгновенно поражены были проказою. Прокаженные были люди отверженные от общества и сопребывания других людей: Почему Евангельские десять прокаженных и встретили Господа не в доме, не в селении, но пред вступлением Его в селение, *входящу Иисусови в некую весь*, и не смея приблизиться, *сташа издавеча*. Вот каким людям не отказал Он в благотворении!

Взирай на сие, христианин, и учись у твоего Божественного Наставника, не отвращаться бедного или бедствующаго потому, что его бедность или бедствие бывают иногда очень не благообразны, и не стеснять отверзающагося к состраданию сердца мыслию, что бедствующий, может быть, сам виною своего бедствия.

Требуешь размышления и образ исцеления дарованнаго десяти прокаженным. Когда они воплем: *Иисусе наставниче, помилуй ны*, очевидно просили себе исцеления: Он не отказал им в оном, но и не обещал онаго, а только сказал: *идите покажитесь священнику*. Чтож это значило? – Это было примечание к Моисееву закону, который повелевал прокаженному являться к священнику, для определения действительности болезни и действительнаго выздоровления, и принесения за выздоровевшаго от проказы жертвы очистительной и благодарственной. Итак Христос Спаситель, отсылая прокаженных к священникам и в церковь, чрез сие хотел, во-первых, уклониться от славы человеческой, потому что исцеление в сем случае должно было последовать не при многолюдстве в виду целаго селения, но в уединении на пути, во-вторых, побудить их к исполнению обязанностей церковных и богослужебных, в-третьих, возвести умы и сердца их к Богу, дабы в Нем видели источник всякаго блага и благодеяния, и Ему за все воздавали славу.

Внимай сему, христианин, и поучайся у твоего Божественного Наставника, в благотворении любить сокровенность, а не гласность, искать не своей, а Божией славы. Когда дело твоего человеколюбия и щедрости умягчает пред тобою сердце благодетельствованнаго: пользуйся сим случаем сделать ему еще большее благодеяние, – возбудить или усилить в нем чувствования веры и благочестия, возвысить его к благодарению, любви и прославлению верховнаго благодетеля Бога.

В числе десяти прокаженных удостоен был чудеснаго исцеления *самарянин*. Сим наименованием означались люди, отпавшие от православия ветхозаветной Церкви, совершавшие Богослужение не в благословенном Иерусалимском, а в ином не благословенном храме, отвергавшие большую часть пророческих писаний, хвалившиеся, как будто священной древностию, колодезем, из которого пил патриарх Иаков и *скоти его*. Господь обличает их в незнании истинной веры: *вы кланяетесь, егоже не весте*. Но и чуждаго Церкви не отчуждил Глава Церкви от благодеяния телеснаго: и последствия показывают, что благодеяние не потеряно. Самарянин, конечно, не остался самарянином, когда, по исцелении, к Обличителю самарян *возвратился, со гласом велиим славя Бога, и паде ниц при ногу Его, хвалу Ему воздая*.

Познай из сего, христианин, что область человеколюбивой благотворительности простирается не только до пределов Церкви, но и далее. Учись у Апостола *делати доброе ко всем, паче же присным в вере* (Гал. VI. 10): учись у Христа и не присных в вере привлекать к ней благотворением. Самое привлекательное выражение правой веры есть добродетель. Доброжелательное сердце убедительнее проповедует истину заблуждающему, нежели любопытный ум.

Из числа десяти прокаженных, получивших исцеление, оказалось девять неблагодарных. Всеведущий целитель видел неблагодарность прежде, нежели совершил исцеление:

однако не удержался от совершения благотворения, и по совершении не раскаявался. Кротко изъявил Он удивление, не о том, что не благодарят видимого благодетеля, но о том, что не дают славы Богу. *Како не обретошася возвращеся дати славу Богу?*

Неблагодарность есть нечувствие души не естественное. В природе, не только человека, но и безсловесных, насаждено расположение к благодарности. Лев, которого преподобный Герасим избавил от болезненного страдания, вынудив у него из лапы занозу, ощутил к своему благодетелю такую привязанность, что служил ему во всю остальную жизнь его, и по его смерти, от печали по нем, умер на его могиле. – Но чтож? Если другой поступает не по природе: неужели посему, ты сын благодати, решишься поступать не по благодати? Неужели удержишь руку твою от благотворения потому, что испытал или предвидишь неблагодарность? Вспомни твоего Спасителя, Который хотя видел пред Собою девять неблагодарных, против одного благодарного, не удержался от благотворения всем. Не унижай достоинства благотворения желанием благодарности, как платы; не уменьшай радости благотворения мыслию о неблагодарности, которая не причиняет ущерба благотворению.

Доброе творяще, да не стужаем си: во время бо свое пожнем, не ослабеюще (Гал. VI. 9).
Аминь.

СССХХХVII.

248. Слово

по освящении храма Св. Архистратига Михаила, при открытии 2-го Московского Кадетского корпуса.

(Говорено Дек. 6; напечатано в Моск. Вед. 1849 г.

в Тв. Св. От. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

*Сия есть победа, победившая мир,
вера наша* (1 Иоан. V. 4).

Россия обильна победами и умеющими стяжать победы. Это говорят дела. Это знает Вселенная.

Но вот еще разсадник побед. Еще учреждение для образования благородных воинов. Еще новый военный стан, только не подвижной, а неподвижный, не в шатрах, а в доме, некогда Царском; и – среди новаго военного стана новый храм *Бога мира* (Евр. XIII. 20).

О, Боже мира! Где же обещанное Тобою чрез Пророка время, когда *раскуют мечи на орала, и копия на серпы, и не возмет язык на язык меча* (Иса. II. 4), следственно и учиться военному искусству не нужно будет? Без сомнения, есть такое звено в многосложной цепи времен; ибо глагол, от Тебя исшедший, не возвратится к Тебе тощ. Но мы недовольно понимаем времена и лета, которые Ты положил в Своей власти. *Грядет час, и ныне есть, егда речеши мир на люди Твоя*, на царства, на грады, на веси, на души: но мир Твой и у Тебя Самого следует тому же закону, который Ты предписал ему для Твоих

посланников: *еще будут ту сыны мира, почитет на них мир Твой, еще ли же ни, к Тебе возвращается* (Лук. X. 6), в ожидании сынов мира.

Слава Богу, мир обитает в отечестве нашем! Благочестивейший Самодержец блюдет его: и если недавно поднимал оружие, то на защиту мира; и, завоевав мир союзному царству, а по связи происшествий, конечно и многим другим, не умедлил возвратиться в Свой внутренний мир.

Но при всем том похвалится ли наше время обилием сынов мира? У многих народов, на которых наречено имя Бога мира, не утрачен ли мир внутренний? И мир взаимный не в непрерывной ли почти опасности? Не видели-ль мы, как пламя раздоров, мятежей, междоусобий обнимало города, переходило из города в город, из царства в царство; и если потушено, то не мелькают ли еще из-под пепла искры? – Для таких времен, самая любовь к миру должна быть вооружена, чтобы охранять мир; самые сыны мира имеют нужду в искусстве брани и во всякой готовности к отражению врагов мира.

Итак благодарение прозорливой попечительности Самодержца, не престающей усиливать средства общественной защиты и безопасности.

Да приидут мудрые наставники, да приидут благородные юноши, одни – преподавать, другие – изучать науку воинов, науку побеждать врагов Царя и Отечества, науку защищать Царя и Отечество.

А я хотя не могу отказаться от звания и должности воина; потому что некто из людей моего рода службы другому, принадлежащему к той же службе, дал сию заповедь: *ты убо злопостражди, яко добр воин Иисус Христов* (2 Тим. II. 3): однако ничего не могу сказать вам о искусстве оружием наносить врагам раны и смерть, и тем приобретать победу. Мне указано оружие, – меня учили искусству брани, – которыми не отъемлется жизнь, а сохраняется, или даже дается мертвому. *Оружия воинства нашего не плотская* (2 Кор. X. 4). *Несть наша брань к крови и плоти* (Еф. VI. 12). *Сия есть победа, победившая мир, вера наша*. О сей победе должен я сказать нечто, хотя немногое.

Победа, победившая мир – это победа огромная. И потому не стоит ли труда узнать, как она приобретена, и как может быть приобретаема вновь, хотя не в прежнем объеме. – Провозвестник сей великой победы сказывает, что оружие, сила, искусство, которыми она приобретена, заключаются в вере. Он утверждает, что только владеющий сим оружием, сею силою, сим искусством, т. е. верою, именно, верою во Иисуса Христа Сына Божия, может сделаться победителем мира. *Кто есть побеждай мир? Только веруяй, яко Иисус есть Сын Божий* (1 Иоан. V. 5).

Удивительно, что Св. Евангелист Иоанн провозглашал уже победу веры Христовой над миром, когда мир далеко не истощил еще против нея своих враждебных сил и средств. Так прозорливо видел Апостол ход дела; так верно предвидел исход. Нам удобнее видеть в совершении то, что он провидел в начатках. Мир Римский (как любила называть себя Римская держава, гордо, но не без основания, потому что в ней заключалось все значительное и сильное в мире), мир языческий, в продолжении нескольких веков, вел войну против Христианства. На стороне мира были: власть, сила, искусство, образованность, многолюдство, народное мнение. Жестокость и ласка, лесть и клевета, угроза и обещание, награда и казнь, обогащение и грабительство, освобождение и порабощение, возвышение и изгнание, умствование мудреца и пытка мучителя, предразсудки и ярость народа, – все превращено было в оружия против Христианства. С другой стороны Христианство являлось без власти, без силы, без искусства, без защиты,

без оружия, кроме пренебрегаемого миром оружия веры в Бога невидимого и в Сына Его Иисуса Распятого. Но чем кончилась сия слишком неравная брань? – Мир языческий рушился и рассыпался в прах, а Христианство возвысилось и возгосподствовало, переродив мир в новую жизнь. Воистину, *сия есть победа, победившая мир, вера наша*.

Св. Апостол Павел, в послании к Евреям, представляет ряд достопамятных имен и событий, в доказательство того, что, во все времена мира, все возвышенное, дивное, чудесное совершалось не иначе, как верою. О сем, скажу вместе с ним, *не достанет ми повествующу времени*: но, вместе же с ним, не умолчу о *Гедоне, Вараце же и Сампсоне и Иеффаи, о Давиде же и Самуиле* и о других (которых число не трудно было бы увеличить именами и наших Царей и Вождей), *иже верою победиша царствия, содеяша правду, – возмогша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждых* (Евр. XI. 32–34). Итак словом Апостольским утвердите себя и в сей мысли, что та же вера, которая приобрела и приобретает духовную над миром победу Церкви и душе верующей, приобретает и ратоборную победу над врагами благоверному царству и верному вождю и воину.

Но как и самое надежное оружие доставляет победу только тому, кто умеет хорошо употреблять оное: то пекитесь, подвижники за Царя и Отечество, – пекитесь, для себя и для тех, которых должны руководствовать к подобным подвигам, чтобы уметь хорошо употреблять победоносное оружие веры.

Священное писание учит, что *веровати подобает приходящему к Богу, яко есть, и взыскающим Его мздовоздатель бывает* (Евр. XI. 6). Но это есть только начаток, или первая степень веры; это значит усматривать веру, а не собственно иметь и употреблять ее. Веруем, что Бог есть: но много ли чрез сие приобретаем, если Он неприступен? Веруем, что Бог есть мздовоздатель: но что чрез сие приобретаем, если, по суду собственной совести, заслуживаем не воздаяние за то, что Его взыскуем, а наказание за то, что не довольны Его взыскуем, и не довольны Ему благоугоджаем? Сии недоумения и затруднения разрешаются только тогда, когда вступаем на вторую степень веры, когда веруем в воплощенного Сына Божия Иисуса Христа, – когда веруем в Него, по откровению слова Божия, признавая в Нем *Суцего над всеми Бога, благословенного во веки* (Рим. IX. 5), и вместе истинного человека, и *ходатая Бога и человеков* (1 Тим. II. 5). Поелику Он Бог: то в Нем неистощимы для нас сокровища Божественной премудрости и благодати, и Его крестная за нас жертва имеет безконечную цену, для удовлетворения за нас безконечному правосудию, и безконечную силу, для воскрешения нас от смерти, наведенной грехом. Поелику Он человек: то Он близок ко всем человеческим состояниям, кроме греха, и по изречению Апостола, *Сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. II. 18), и земною жизнью Своею представляет совершенный образец для нашей жизни. Поелику Он Богочеловек и Ходатай Бога и человеков: то Бог уже не недоступен для нас. Божественное человечество Христа есть узел, связующий с Божеством все человечество, есть небесная лестница, по которой молитвы наши невозбранно восходят к Отцу Небесному, есть гора Божия, по которой непрестанно струятся на человечество токи даров Святаго Духа. Когда такую во Христа веру объемлем и умом и сердцем: тогда вера восходит еще на высшую степень; она переходит в *упование непосрамляющее* (Рим. V. 5), и в *любовь николиже отпадающую* (1 Кор. XIII. 8); проникает во всю жизнь и деятельность человека; и тогда, по слову Самого Христа, *вся возможна верующему* (Марк. IX. 23). Тогда он удобно побеждает плоть с ея вожделениями и страстями, потому что в вере и любви к Богу и Христу обретает духовную сладость, которая возвышается по мере отвержения чувственных услаждений; удобно побеждает мир с его прелестями и неприязнию, потому что *вменяет вся уметы быти, да Христа приобрящет* (Фил. III. 8). Наконец он непобедим и победоносен и в брани против врагов Царя и Отечества, потому

что не страшится ни трудного подвига, ни смерти, взирая очами веры и надежды на небесный венец, прекрасный для всякаго подвижающагося верую и правдою, и преимущественно величественный для непоколебимаго и в смертном подвиге за верность Вере, Царю и Отечеству.

Дети, призываемые к уготовлению на подвиги брани! Вам еще рано думать о победах на великом поприще: но и вам можно, и должно приобретать немаловажные для вас победы на не широком поле вашей учебной жизни: любознательностию и трудолюбием побеждать леность и праздность, вниманием к полезному и должному побеждать рассеянность и легкомыслие, духом повиновения удерживать порывы юношеской воли, чувством достоинства отражать могущее встретиться неблагородное внушение или недобрый пример. Силу же для сих нравственных побед почерпайте в благоговении к Богу, в вере, в молитве. Часто да взывает каждый к Отцу небесному: *благости и наказанию и разуму научи мя* (Пс. СХVIII. 66). *Научи мя творити волю Твою* (Пс. СХLII. 10).

Святой Михаиле, котораго покровительству вручен храм сей! Вождь небесных воинств, неотрицающийся споспешествовать и земным (как очевидно руководствовал Ты вождя Иисуса Навина, и научил разрушить крепкий Иерихон не оружием, но верою; ибо *верою стены Иерихонския падоша*)! прими в Твое покровительство и сию обитель уготовляемых на защиту Отечества: простирай благодатное крыло над умами и сердцами детей и их руководителей, охраняй сей новый вертоград, яко рай Божий, да обильно сеются и растут в нем семена истины, добра и чести; а врага, покушающагося сеять плевелы, да не допустит вера, победоносная над видимым и невидимым.

Предстоя близко престолу Царя Царствующих, предстательствуй, подобно как некогда о древнем народе Божиим, предстательствуй о благоденствии и долгоденствии Благочестивейшаго Самодержца нашего, и Благовернаго Наследника Его, и о всем Царском Доме Его, и о верном Его народе, да пребывает истинная, святая вера всегда сердечно и действительно нашею, а с нею всегда будет нашею и победа. Аминь.

СССХХХVIII.

249. Речь

по рукоположении Преосвященнаго Филофея,

Епископа Дмитровскаго.

(Говорена Дек. 18; напечатана

в Твор. Св. От. 1850 г. и в собрании 1861 г.)

<1849 год>

В Откровении святаго Иоанна видим семь Ангелов седми Церквей. Можно подумать, что это небесные Ангелы, хранители Церквей.

Но когда слышим, что некоторых из них Дух Христов обличает, и угрожает им; Ангелы же небесные не грешат и не подвергаются прещениям: то приходим к той мысли, что под именем Ангелов Церквей заключаются земные блюстители Церквей, то есть, Епископы.

Итак Епископ есть Ангел Церкви: как много в сей мысли поучительного для нас, и даже страшного! Чтобы соответствовать наименованию Ангела, ум Епископа должен быть светел, сердце чисто, мысли и желания духовны, жизнь удалена от нечистот плоти и мира. *Как посылаемый в служение за хотящих наследовати спасение*, он паче других должен наблюдать за собою, чтобы не искать своих си, но яже Божия и яже ближняго. Ангелом должен быть Епископ; что жь, если мы еще не достигли не только ангельской чистоты, но и человеческого доброго устройства духа и жизни? Что, если нам угрожает сказанное Ангелу Сардийския Церкви: *не обретох дел твоих скончанных пред Богом?*

Страшно служение наше, возлюбленный брат; однако страх дан от Бога не для того, чтобы мы отчаявались, или унывали, но для того, чтобы страхом спасали себя и других. Призовем страх Божий в помощь нашему служению: но призовем также, и наипаче призовем, любовь.

Возлюбим служение Возлюбившему нас даже до смерти, смерти же крестныя. Возлюбим служение спасению тех, за спасение которых сама Божественная Любовь пострадать и умереть благоволила. Принесем ей желание подвига: и она не отречется даровать нам силу для подвига.

Жезл силы да послет тебе Господь от Сиона. Знамением сего да будет жезль, теперь тебе вручаемый.

СССXXXIX.

250. Беседа

об освящении дня Господня.

(Напечатана в Твор. Св. Отц. 1849 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

И отвецав Иисус рече к законником и фарисеом, глаголя: аще достоин в субботу целити? (Лук. XIV. 3).

Некогда Господь Иисус, оком всеведения Своего взирая на сокровенные помыслы законников и фарисеев, вызывал оные наружу вопросом: *аще достоин в субботу целити?* позволительно ли в день, посвященный Богу, врачевать больных? – На вопрос о законе, у законников не нашлось ответа. *Они же умолчали.* В молчании сем заключалось строгое мнение, что в субботу врачевать не должно, и желание обвинить Иисуса, за Его изцеления в субботу, в нарушении закона: но строгие судии не осмелились отверзть уста свои, потому что народ благоговел пред Иисусом и пред его изцелениями.

Посему Господь субботы Сам разрешил Свой вопрос: и – как легко и непререкаемо даже для противящихся Ему! Он тотчас исцелил бывшего пред глазами Его человека, страждущаго водяною болезнию. *Прием исцели его, и отпусти.* Очевидно, что изцеление было чудесное. Дело чудесное есть дело Божие. Дело Божие не может быть противно закону Божию. Следственно врачевание больных в день, посвященный Богу, не противно закону Божию. *Достойт в субботу целити.*

Известно вам, что день воскресный есть то же самое в христианской Церкви, что был в Церкви Ветхаго Завета день субботный.

Вопрос: позволительно ли в день воскресный врачевать больных? не затруднил бы, думаю, ни ученых, ни неученых между нами. Кто не пошлет за врачом в день воскресный? Какой врач не пойдет к больному в день воскресный? От чего же сия разность во мнениях? От того ли, что мы лучше Иудеев понимаем закон дня Господня? – Хорошо, если так. Или, может быть, не от того ли, что мы меньше Иудеев внимательны к закону дня Господня? – Можете разсудить, как сие было бы унижительно для христиан.

Итак надобно нам, братия христиане, помыслить и попещись о том, чтобы закон дня Господня и разуметь, и исполнять, не только не хуже древних Иудеев, но и совершеннее; так как христианство, без сомнения, выше и совершеннее иудейства.

Возьмем в руководство Закон и Священную Историю.

Что говорит коренной закон субботы, то есть, дня покоя благочестиваго, или дня Господня? – *Помни день субботный, еже святити его: – в день седьмый, суббота Господу Богу твоему. Да не сотвориши всякаго дела в онь* (Исх. XX. 8. 10). Примечайте. День всецело посвящается Господу; никакой доли онаго не выделяется для человека и для его дел. Не бесполезно при сем заметить, что день измеряется здесь тою мерою, какою первоначально измерен он при сотворении мира, по сказанию Моисея: *бысть вечер, и бысть утро, день един* (Быт. I. 5). Посему, как некогда в еврейской, так и ныне в христианской Православной Церкви, всегда верной древним священным преданиям, праздник начинался и начинается вечером предпраздничнаго дня, и оканчивается вечером дня праздничнаго, как сие видите в порядке богослужения. Может быть, возразят, что невозможно посвятить Богу целыя сутки, потому что человеку необходимо нужно некоторое из суток время собственно для себя, например, время одеться, время принять пищу, время подкрепить тело необходимым сном. Возражение сие разрешается, во-первых, тем, что человек может употребить подвиг отказать себе в иной потребности, чтобы не похитить времени, посвященнаго Богу; во-вторых, тем, что и обыкновенныя дела можно делать для Бога, и тем освятить их, и согласить с законом дня святаго. Можно, например, в день Господень и одеваться, с благочестивою мыслию, чтобы чистою одеждою почтить чистоту и святость дня и храма Божия, в сей день преимущественно посещаемаго: и вот правильное начало праздничных одежд, которыя растленный в последствии времени обычай обращает на идолослужение суете и тщеславию. Можно *в день святой*, по выражению Ездры, *ясти тучная, и пити сладкая* (Неем. VIII. 10), но *ясти и пити в славу Божию* (1 Кор. X. 31), с радостною и благодарною мыслию о Боге: и вот начало праздничных пиршеств, которыя в древности некоторым образом присоединялись к жертвоприношению и богослужению. Мысль, что и ночь праздника есть доля дня святаго, может и должна побудить человека, чтоб и сию долю времени, как можно, более освятить богоугодным подвигом, как можно менее уступить бездействию сна: и вот начало праздничных всенощных бдений, которыя частию нужда, частию немощь, а частию и произвол сокращает не редко до того, что наименование всенощной службы становится обличением ослабевшей ревности к молитвенным подвигам.

Что говорит далее дополнительный и охранительный древний закон субботы? – *Сохраните субботу, яко свята сия есть Господу и вам: осквернивый ю, смертию умрет: всяк, иже сотворит в ню дело, потребится душа та от среды людей своих* (Исх. XXXI. 14).

Что еще говорит о сем предмете Священная История? – Однажды, во время странствования в пустыне, Израильтяне *обретоша мужа собирающа дрова в день субботный* (Числ. XV. 32). Не знаю, затруднились ли бы мы определить степень сего преступления: а тогдашний весь сонм, не исключая и Моисея и Аарона, недоумевали, как поступить с виновным. *Не совещаши бо, что сотворят ему*. Но дело кончилось тем, что *побиша его камением весь сонм вне полка, якоже глагола Господь Моисею* (32–36).

В книге Пророка Иеремии читаем тяжкую от лица Божия угрозу за преступления против праздника, по видимому, не слишком тяжкая. *Аще не послушает Мене еже святити день субботный, и не носити бремен, ниже входити вратами Иерусалима с бременами в день субботный: то зажгу огонь во вратех его, и пожрет дома Иерусалимли, и не угаснет* (Иер. XVII. 27). Известно, с какою грозною точностию исполнена сия угроза чрез Вавилонян.

Не лзя не упомянуть еще об одном примере добровольной строгости в хранении субботы, который представляют времена Маккавеев. От гонения Антиоха, принуждавшего Иудеев к язычеству, многие из них удалились в пустыню. Язычники догадались, что выгодно будет напасть на них в субботу, в которую они, по закону, хранят покой. Тогда ревнителям благочестия внезапно представился неразсмотренный ими дотоле вопрос: *аще достоин в субботу* сражаться? И что же? – *Умрем вси в простоте нашей* (1 Макк. II. 37), сказали они, и около тысячи человек допустили убить себя, не сделав ничего для своей защиты. Уже сей случай вразумил Маккавеев, что таким образом язычники совсем истребили бы благочестие; и потому принято за правило – и в субботу сражаться с нападающими врагами.

После сказанного доселе, пусть, кто хочет, удивляется строгости древняго закона о дне Господнем: для меня более примечательна его важность и сила. Пусть иные осуждают мнительность некоторых исполнителей онаго: но не больше ли достойно уважения их благоговение к закону, их самопожертвование закону? Хвалитесь, если угодно, высшим, нежели у древних, как и должно быть в христианстве, разумением закона: но позаботьтесь и о доказательствах сего похваления. Верныя же доказательства высшего разума духовнаго закона суть высшие подвиги и добродетели.

Или вы думаете напротив, что высшее разумение закона о дне Господнем менее от вас требует, и более вам позволяет, согласно с свободою новоблагодатною, вопреки рабству ветхозаветному? – Для разрешения сего возьмем в руководство Евангелие.

Что же говорит Евангелие, к облегчению строгости закона субботы, или дня Господня? – *Кто есть от вас человек, иже имать овца едино, и аще впадет сие в субботы в яму, не имет ли е, и измет? Кольми убо лучши есть человек овчате? Темже достоин в субботы добро творити* (Матф. XII. 11. 12). *Суббота человека ради бысть, а не человек субботы ради. Темже Господь есть Сын человеческий и субботе* (Марк. II. 27. 28). Из сих изречений можно извлечь два правила. Первое: дела неизбежной нужды позволительны в день Господень. Второе: дела благотворныя и человеколюбивыя достойны дня Господня. Но из сего по необходимости надлежит заключить и то, что дела, в которых нет ни неизбежной нужды, ни нравственного достоинства и благотворности, и Евангелие, так же как древний закон, оставляет запрещенными в день Господень.

Что касается до величественнаго изречения Господня: *Господь есть Сын человеческий и субботе*: слыша сие, не подумайте, чтобы Господь, создавший субботу, Сам разрушил ее, и позволил попираť ее. Он сказал, что не пришел *разорити закон, но исполнити* (Матф. V. 17). И нарекиши Себя *Господом субботы*, Он являет Свое Божество и власть

истолковать закон субботы (ибо кто лучше может истолковать закон, как Сам Законодатель?), исполнить его и обновить. Сию власть особенно явил Он в том, что, сохранив сущность первоначального закона – посвящать Богу седьмой день, освятил для сего новый день Своим славным воскресением. Древний день субботный, празднованный в память сотворения мира, не вполне радостный с того времени, как сотворенное повреждено грехом, по справедливости должен был уступить свою славу новому дню воскресному, в память нового творения, которым мы *созданы во Христе Иисусе на дела благая* (Еф. II. 10), *порождены во упование живо воскресением Иисус Христовым от мертвых* (1 Петр. I. 3). Видите, как Господь субботы не разорил ее, но еще возвысил. И потому, если свят и благоговейно чтим был древний день Господень, день *субботы*, то есть, покоя, в память первого творения временного: то не паче ли должен быть свят и благоговейно чтим новый день Господень, день воскресный, день радости нового творения, пребывающего во веки?

Братия! вопрос Господень: *аще достоин в субботу целити?* оставшийся без ответа со стороны вопрошаемых, показывает вам, что истина вразумляет не только разсуждениями и ответами, но иногда и вопросами, на которые неизбежный ответ находится в совести вопрошаемых. Пойдем и мы по следам Небесного Учителя, и предложим нашей совести некоторые вопросы, которых разрешение, кажется, довольно предуготовлено предложенными теперь сведениями и размышлениями.

Достоит ли христианам, чадам благодатной свободы, менее рабов Закона пещися о хранении дня Господня, потому только, что ныне за сие не угрожает побиение камнями?

Достоит ли в утро дня воскресного, во время святого дня, преимущественно святое, идти не в храм Божий, а на торжище, наполнять его до тесноты, вместо молитвы и покоя, суесться среди молвы, купли и продажи? Закон гражданский снисходительно позволяет в день воскресный продавать и покупать необходимое для дня: пусть бы пользовались только сим снисхождением; однако и то, чем менее, тем лучше. А продавать и покупать в день воскресный, что можно было бы отложить до дня работного, продавать потому только, что сего хочет корысть, покупать потому, что в праздник досужно, – достоин ли? – Не довольно ли шести дней недели для сих продаж и куплей? Надобно ли вторгаться с ними в день седьмой, чтобы и на купленное, и на цену проданного положить печать греха против заповеди, освятившей день седьмой?

В навечерии дня Господня, в часы, как изъяснено выше, принадлежащие действительно к составу дня освященного, в которые Церковь уже начинает торжественные славословия, в которые благочестивые предки наши обыкновенно вкушали духовное веселие на вечернем или всенощном богослужении, достоин ли потомкам их спешить в места веселия мирского, на зрелища, которые и не в такое важное время не много имели бы права на внимание христианина, как перенятая от язычников, и едва ли когда восходящая выше языческих представлений суесть, страстей и пороков?

В день, посвященный славе Христа Спасителя и радости спасения, достоин ли, под видом веселия, предаваться делам, которые не только не славят Бога, но и человека унижают, и его спасению вредят, – делам плотоугодия, невоздержания, безчиния?

Имей уши слышати, да слышит. То-есть, имеющий незаглушенную совесть да внимает ей ответам на вопросы, теперь предложенные.

Заповедь, Церковь, совесть да управляют вашими поступками, как всегда, так наипаче во святой день Господень! Праздничную же свободу полагайте в том, чтобы не раболепствовать страстям, суетным обычаям и осуждения достойным примерам. Аминь.

1850 год.

СССXL.

251. Беседа

при торжестве о рождении Его Императорского

Высочества Великого Князя Алексея Александровича.

(Говорена в Чудове монастыре Генваря 7-го;

напечатана в Моск. Вед. и Губерн. Вед. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

Пророк Псалмопевец, в одном из Псалмов, смотрит на человека, в котором находит признак благословения Божия; и, как бы радуясь тому, что нашел, указывает его всем: *се тако благословится человек бояйся Господа* (Пс. СХХVII 5). Что значит: *так* благословится? Где видит Пророк светлое знамение благословения? Он видит его в благочадии. — *Сынове твои, яко новосаждения масличная окрест трапезы твоея. Се тако благословится человек бояйся Господа* (4).

Видели мы, Россияне, как окрест трапезы Царя нашего являлись умножаясь, от дней до дней *сынове, яко новосаждения масличная*, и возрастали до того, чтобы приносить вожделенный плод Царскому Семейству и Отечеству. Теперь видим, как и *окрест трапезы* первородного Сына Царева возникают одни по другом *сынове*, и уже достигли того числа, какое окружает трапезу Державного Родителя Его. Радостно видеть благочадие державного рода, как плод цветущей природы: но еще радостнее вразумиться, что это есть благословение, сходящее свыше, *яко роса Аермонская, сходящая на горы Сионския* (Пс. СХХХII. 3). Благословение Царю и Его Наследнику есть благословение и Царству.

Предмет нынешнего торжества ознаменован особенными чертами, приятно и назидательно вразумляющими. Вам известно, что Государь Наследник Всероссийского Престола родился в сем древлепрестольном граде, под сению молитв и благословения Святителя Алексея; здесь в храме сего Святителя, принял Святое крещение; и, по крещении, положен был в раку почивающего Святителя, как бы на руки ему, как бы в объятия его. Нужно ли изъяснять мысль и чувство, заключенные в сем знаменательном действии? Памятование о сем вера Благочестивейших Родителей передала вере Благоверного Сына, между тем как время в Нем оправдало веру великих к Святому. То же чувство сообщилось и Его Благоверной Супруге. Во дни прошедшей весны, которые они провели под сению Святителя Алексея, и в которые неоднократно притекали к Святым мощам его, видно, благодать его, с Их верою, особенным образом встретила в Их сердце: и вот оне, к общей радости, встречаются в открытом событии. Новое благословение свыше явилось Им в благополучном рождении Сына: и в то же время Их вера и благодарность к Святителю Алексею, и надежда на Его молитвы, явились в том,

что, как знамение и залог благословения Его, Они взяли Его Имя для Своего Высоконоворожденного.

Я сказал, что предмет нынешнего торжества ознаменован чертами не только приятными, но и назидательно вразумляющими. В самом деле, теперь не от нас, но из Царского Дома, посредством примера, приходит вам поучение: в Боге и благословении Его полагать источник блага, которое имеем или получаем, и надежду блага, котораго желаем, – возвышать и освящать дела природы духом благодати, – встречать рождение детей не только с радостными чувствованиями, но и с помышлениями благочестивыми, – искать для них счастливой будущности не только в благоприятных видах земных, но и в союзе их земного бытия с небесным, – давать имена детям не без разбора, либо с поверхностным разбором приятных или неприятных звуков и тому подобного, но с мыслию о благочестивых предках, которых души способны преподать действенное благословение потомкам, а еще лучше с верою к Святым, которых молитвы и благословения, без сомнения, благотворны.

Наречение имен не так маловажное дело, как думают люди, которые лучше помнят имена, нежели знают существо и отношения предметов. Мудрость первозданного человека испытана и проявлена была наречением имен всякой душе живой. В наречении имен Патриархами, не раз проявлялся дар прозорливости и пророчества. Сам Бог, когда благоволил дать Аврааму новое, многознаменательное, потомственное благословение, – как залог, как печать, как таинственное знамение сего благословения, дал ему новое имя: *не наречется к тому имя твое Аврам, но будет имя твое Авраам, яко отца многих языков положих тя* (Быт. XVII. 5). Святая Церковь, зная, что не многие способны от себя нарекать имена, приносящая с собою благословение, учредила прекрасный обычай от Святых заимствовать имена, которые по благодати Святых, всегда благознаменательны и способны принести с собою благословение. Но при том особенно благо младенцу, которому дают имя Святаго не по обычаю только, но по вере и любви к Святому.

По сей вере приглашаю всех здесь присутствующих, сказать вместе со мною единое общее слово к Святителю Алексею: Благословен Бог и Его благодать, тобою, Святителю Алексие, споспешествовавшая вере Благочестивейших, и исполнившая молитвы и надежды России в Благоверном Первенце Царевом. Призри ныне и на веру Его и Благоверной Супруги Его; и благослови, и благословляй Новорожденное Чадое Его, и не переставай Богоприятными Твоими молитвами низводить выну небесное благословение на Благочестивейшаго Самодержца Нашего и на весь Дом Его, *яко росу Аермонскую, сходящую на горы Сионския*. Аминь.

CCCXLI.

252. Слово

в храме святых мученицы Татианы,

при Императорском московском Университете.

(Говорено Генв. 12; напечатано в Твор. Св. От.,

в Москов. Вед., Губерн. Вед. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

И рече человеку: се благочестие есть премудрость, а еже удалятися от зла есть ведение (Иов. XXVIII. 28).

Один из Греческих Царей, создав один из знаменитейших в Христианстве храмов, наименовал его храмом *Премудрости Божией*. Какая мысль произвела сие наименование? – Думаю, та, что Господь наш Иисус Христос, по слову Апостола, есть *Божия премудрость* (1 Кор. I. 24), и что под именем *премудрости* (Прит. VIII. 27–29) Он изображен в Писаниях Соломона, с которым Греческий Царь некоторым образом состязался в подвиге храмоздательства. По сему разсуждению и всякий храм Христианский, следственно и сей, в котором теперь мы находимся, есть храм премудрости.

И сия обитель знаний, которая для себя устроила сей храм, и в нем ныне празднуя, воспоминает и освящает день своего учреждения, – которая своим *наименованием* провозглашает себя вмещающею, или, по крайней мере, подвизающеюся вместить в себе *все знания* человеческия, не представляется ли по сему обителю премудрости?

И так здесь даже невольно должна придти мысль о премудрости. А с пришедшею мыслию о премудрости не тотчас можно разстаться. Ибо не знаю, найдется ли человек, который бы (если только не совсем утратил человеческия способности), встретясь с премудростию, не пожелал хотя что нибудь у нея заимствовать.

Желаю и я теперь взять хотя небольшой урок премудрости. И поелику едва удостоиваю себя не более, как в ученики ея: то беру на сей раз в учителя праведнаго Иова.

Кажется, это достойный учитель премудрости. Он выдержал для сей степени строгое испытание, с совершенным успехом. Три состязателя: Елифаз, Валдад, Софар, семь дней и семь ночей в молчании провели при нем, собираясь с мыслями; потом каждый из них неоднократно вступал с ним в спор, а по ним еще и четвертый состязатель Елиус: и все они каждый раз получали от Иова сильный отпор. Наконец Верховный Непогрешительный Судия объявил о сем состязании решительный приговор: *не глаголасте предо Мною ничтоже истинно, якоже раб Мой Иов* (Иов. XLII. 7). Правда, когда сей верховный Судия продолжил испытание непосредственно Сам, и вошел с Иовом в состязание *сквозе бурю и облаки* (XXXVLI. 1): тогда мудрость Иова изнемогла, и он признался в своей неспособности далее выдерживать испытание и даже в своей ничтожности: *почто еще аз прюся, наказуем, и обличаем от Господа, слышай таковая, ничтоже сый? Аз же кий ответ дам к сим? руку положу на устех моих* (XXXIX. 34). Но, видно и в признании своей немоги и ничтожности есть некоторая мудрость: потому что Господь не осудил Иова за сие признание, а наградил; и тем кончил и другое, еще более трудное испытание Иова, в котором адское злоумудрие возражало против его мудрости не словами, но жесточайшими бедами: *даде Господь сугубая, елика бяху прежде Иову во усугубление* (XLII. 10).

И так вы согласитесь со мною взять Иова в учителя премудрости. Будьте же внимательны к уроку, который он нам преподает.

Вот он ищет премудрости: *премудрость откуда обретется? и кое место есть ведения?* И не находит ея в человеке. *Не весть человек пути ея, ниже обретется в человецех* (XXVII. 12. 13). Подумали бы о сем те, которые полагают, что человек сам для себя есть источник премудрости, и что он прядет из себя знание, как шелковый червь шелковую

нить, с тою, не в пользу человека, разностию, что шелковую нить умеет выпрясть каждый червь, а нить премудрости медленно, неровно, непрочно, прядет весь человеческий род.

Иов продолжает искать премудрости: но не находит ее и вне человека, в видимой природе. *Бездна рече: несть во мне; и море рече: несть со мною.* Подумали бы о сем те, которые наблюдением, опытом, исследованием стараются пройти видимую природу в долготу и широту ее и проникнуть в ее глубину; которые, убивая один вид вещества другим, и разделяя оное на тончайшие части, надеются дойти до дна и основания природы, и на нем построить премудрость. Исследование природы имеет свою пользу, когда открывает ее законы, и чрез то разрушает предразсудки, господствующие над незнающими сих законов; когда открывает в ней силы и средства, удовлетворяющие потребностям жизни человеческой. Исследование природы имеет свое достоинство, и может сделаться путем к премудрости, когда, как говорит древняя книга премудрости, *от величества красоты созданий сравнительно Рододелатель их познавается* (Прем. XIII. 5), когда очищенному от страстей оку, как говорит Апостол, *невидимая Божия творения помышляема видима суть, и присущая сила Его и Божество* (Рим. I. 20). Но если мы умножаем и разнообразим познания о вещественном, не помышляя о духовном: углубляемся в исследования о тварях, не возвышаясь к Творцу: то, хотя бы познания наши казались обширными, как море, исследования наши глубокими, как бездна, по разсуждению Иова, надлежит опасаться, что ищущему здесь премудрости *бездна речет: несть во мне; и море речет: несть со мною.*

Между тем Иов высоко ценит премудрость, или, точнее сказать, ставит ее выше всякой цены. *Не дастся сокровище за ню, и не извесится серебро на изменение ее.* Сии слова возбуждают меня спросить, если можно, сего учителя, как же судил бы он о веке, в котором люди, мнящиеся мыслить и знать более других, торопливо собирают мысли, или, за недостатком их, мечты воображения, наполняют ими книги, усиленно распространяют их, единственно для того, чтобы у читающих искусно похитить время, и взять цену серебра. Признал ли бы он, что такие мысленные и словесные произведения могут хотя сколько нибудь пробить или уровнять путь к безценной премудрости, или только загромаждают его? – Мой Учитель, в отдалении веков, не слышит меня и не отвечает на мои вопросы. Может быть, и хорошо молчание, когда ответ едва ли был бы приятен веку сему.

Наконец Иов открывает, где найти премудрость: *Бог благо позна ее путь: Сам бо весть место ее.* Если бы кто сказал, что из сего еще не видно, как человек может достигнуть премудрости: я могу дополнить слова Учителя. Ведомое Богу *место* премудрости есть Его ум, Его слово, Его дух. И так иди путем, который ведет к Богу, и тем же путем будешь приближаться к премудрости. Путь же к Богу известен: – благоговейное размышление, молитва, вера.

Но Учитель наш и сам дополняет свое исследование о премудрости, указывая на вернейшее к ней руководство, Самим Богом преподанное человеку. *И рече человеку: се благочестие есть премудрость, а еже удалятися от зла есть ведение.*

Какое простое руководство к премудрости! Имей благочестие, и ты имеешь премудрость: удаляйся от зла, и ты обладаешь знанием.

Опасаться можно, что сие учение может быть недовольно понято и принято некоторыми потому самому, что очень просто.

Неужели, скажут, ничего более не надобно? Неужели бросить все науки? Неужели затворить все обители высших знаний? Нет, возлюбленные соученики, благочестие не есть отрицание наук и знаний: вам именно говорят, и говорят от лица Самого Бога, что *благочестие есть премудрость*; а премудрость есть мать, воспитательница, покровительница истинных знаний и полезных наук. И благочестие есть жизненное, руководительное и охранительное начало истинного знания. Удаляться от зла значит возжигать светильник просвещения в сердце, и охранять светильник ума от бурь, которые могут погасить его, или раздуть пожар.

Кто не слышал о мудрости Соломона? – *Умножися мудрость Соломона зело*, говорит книга Царств, *паче смысла всех древних человек* (3 Цар. IV. 30). *Глагола о древех от кедра иже в Ливане, и даже до иссопа исходящаго из стены* (33): сей одной черты довольно, чтобы усмотреть обширность и разнообразие познаний его. Кто же преподавал ему оныя? – Благочестие. Все учебное поприще Соломона, все учебныя пособия его ограничиваются следующим: *Господи Боже, даждь мне премудрость и разум. И рече Бог к Соломону: премудрость и разум даю тебе* (2 Пар. I. 9–12).

Не всякой сим одним способом учения будет уметь достигнуть подобного успеха. И потому, ищущие знания и премудрости, слушайте просвещенных наставников; читайте основательныя и благонамеренныя писания; размышляйте: но не забывайте и урока мудраго Иова; не забывайте и Соломонова способа учения, который предлагается также и Апостолом: *аще кто от вас лишен есть премудрости: да просит от дающаго Бога всем нелицеприемне, и не поношающаго, и дастся ему. Да просит же с верою.* (Иак. I. 5. 6). Аминь.

СССХLII.

253. Слово

в неделю мытаря и фарисея

и на память Святителя Алексия.

(Говорено в Чудове монаст. февраля 12;

напечатано в Твор. Св. От. 1850 г. и в собран. 1861 г.)

<1850 год>

Глаголю вам, яко сниде сей оправдан в дом свой паче онаго (Лук. XVIII. 14).

Притчу о мытаре и фарисее, которую ныне мы слышали в Евангельском чтении, Христос Спаситель оканчивает тем, что фарисей пошел в дом свой как осужденный, или неоправданный, а мытарь как оправданный. *Сниде сей оправдан в дом свой паче онаго.*

Но разве они были в судилище? Разве над ними производился суд? Они были в церкви. Они молились.

Отсюда открывается вид на церковь и на молитву, который, вероятно, не все довольно примечают и приемлют во внимание. Входя в церковь, становясь на молитву, мы всего скорее представляем себя просителями, а Бога подателем благ. Это справедливо: но это не

все. Слово Христово показывает, что церковь, будучи домом молитвы, в тоже время есть и судилище Божие. Ты молишься: а невидимый Судия внемлет не только словам твоим, но и мыслям и чувствам сердечным, и производит над тобою праведный суд. Ты окончишь молитву: и пойдешь отсюда или оправданный или неоправданный, или даже осужденный. Пророк сказал о ком-то: *молитва его да будет в грех* (Псал. CVIII. 7). Видно, есть кто-нибудь, над кем сбывается сие слово: потому что Пророки не говорят слов на ветер.

Итак, молитвенники, надобно нам позаботиться, как бы избежать осуждения, как бы достигнуть оправдания. Для сего посмотрим, как достиг оправдания мытарь, как не достиг фарисей.

Искусный и крепкий молитвенник, Святителю Алексие! Осени твоим благословением умы и сердца поучающихся молитве, да не уклонится слово наше от слова Христова; да уразумеют слушающие внутренно более, нежели изречет внешнее немощное слово.

Фарисей став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю. Кажется, это не худая молитва.

Фарисей *молится в себе*, то есть, внутренно, мысленно, сердечно: это лучше некоторых из нас, которых уста произносят молитву, а сердце ее не чувствует, и мысль не редко уклоняется от нея к посторонним предметам, или, которые слушают церковное чтение и пение ухом телесным, но не отверзают глубоким вниманием слуха внутреннего, и не одушевляются духом молитвы. По таким расположениям надлежит опасаться, чтобы нам не остаться более чуждыми оправдания, нежели неоправданный фарисей.

Фарисей *воздаст хвалу Богу*: и это лучше некоторых из нас, которые в молитве помышляют более о том, что нужно им, нежели о том, что угодно Богу, которые, как алчущие наследия отеческого, а не любви, дети, приходят в дом Отца Небесного, чтобы просить себе нужного и ненужного, полезного и неполезного, а не для того, чтобы созерцать Его совершенства, чтобы исповедывать Его премудрость, благодать, провидение, помощь, благодеяния, чтобы вкушать от Его любви и благодати, приносить Ему свою любовь, благодарность, хвалу и славу.

Фарисей – человек не без подвигов и не без добрых дел. *Пощуся*, говорит он, *дважды в субботу, десятину даю всего, елика притяжу*. Поститься два дни в неделю закон ветхозаветной Церкви не предписывал; это был пост, введенный частным преданием, и добровольно принятый фарисеем; их чего можно заключить, что тем паче неопустительно наблюдал он посты законные. Давать десятину, то есть, десятую долю от стада, от произведений земли, от годового дохода, церкви, ее служителям и нищим, предписывал закон, впрочем, не тщательно исполняемый в последние времена ветхозаветной Церкви: фарисей, дававший десятину от всякого приобретения, конечно, был ревнитель закона лучше многих, – и, не лзя не признаться, лучше некоторых из нас, которые не только не налагают на себя добровольных постов, но и установленные Церковью посты или явно нарушают, или исполняют небрежно, изобретая пост роскошнее мясожества, – которые не только десятой доли от своих приобретений не отделяют на церковь и на ее служителей, и на нищих, но и скудную на сие долю отдают неохотно, как бы невольную дань, а не с радостию, как жертву Богу. Повторяю: надлежит опасаться, чтобы не остаться нам более чуждыми оправдания, нежели фарисей неоправданный.

Но как же он не оправдан? – Тотчас увидите.

Фарисей став, сице в себе моляшися: Боже хвалу Тебе воздаю, яко несмь якоже прочии человецы. По-видимому он хвалит Бога: но в самом деле превозносит самого себя. Хвала Богу служит у него только средством выражения того, как он доволен собою, что он лучше других. Посему не трудно понять, может ли его молитва быть угодна Богу: это – кадило, из которого восходит не благоухание благоговения и умиления, но смрад гордости и тщеславия. Понятно, почему он не может быть оправдан: провозглашая себя лучшим других и безпорочным, он не только говорит, сам не зная что, как не сердцеводец, но и очевидно говорит неправду; потому что лучше его знающий человеческую добродетель Апостол свидетельствует: *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Иоан. I. 8).

Научимся из сего, братия, как вообще не думать о себе высоко, так в особенности не высокоумствовать в молитве. Что тебе заглядываться на свои ничтожные добродетели, когда надобно созерцать безконечныя совершенства Божии? Что тебе хвалить себя, когда надобно прославлять Бога? Если ты наслаждаешься сам собою: то конечно душа твоя не возжаждет к Богу; а потому и благодать Его не придет упоить тебя от тука дома Его потоком сладости Его.

Фарисей в молитве не только хвалил себя, но и порицал других. *Несмь якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь.* Сих слов не оправдает и человек незлобивый и кроткий: как оправдает их Бог всеблагий, человеколюбивый, Котораго *щедроты на всех делех Его?* Пред лицом Божиим ты укоряешь ближняго, как порочнаго, как преступника: но Бог имеет его под своим провидением, и милует; итак, в твоём укорении ближняго не скрывается ли дерзновенное укорение самого Бога, Который его милует? И какая тебе польза высматривать пороки ближняго? Ты не делаешься святым от того, что видишь его грешным; напротив того, твое око, которое Бог сотворил, и паки хочет сотворить чистым, сам делаешь лукавым. Ты ставишь *сего мытаря* между хищниками и неправедниками; но, может быть, сей низкий в глазах твоих Закхей, чрез час, каким-нибудь способом, поднимется выше, чтобы узреть Христа, и еще чрез час Христос о нем скажет, *яко и сей сын Авраамль есть* (Лук. XIX. 9). – Какими тогда глазами воззришь на того, котораго теперь порицаешь?

Опасное, братия, искушение, без нужды разсматривать недостатки и грехи других людей, и прельщать себя мыслию, что мы не таковы, как они. – Точно, это значит прельщать самих себя. Глумясь над пороками ближних, мы нарушаем заповедь любви к ближним; оскорбляем Бога, их милующаго; оскверняем наш ум нечистыми представлениями; подвергаемся опасности быть порицателями невинных и даже будущих святых; смрадом нечистых воспоминаний растлеваем благоухание молитвы; немирною совестью воспящаем сердце наше от восхождения горе; и, конечно, не достигнем оправдания от Того, Который рек: *не судите, да не судими будете.*

Кто избавит нас от сего искушения? Кто нам покажет надежный способ достигнуть оправдания в молитве? – *Сей мытарь*, толико презираемый фарисеем. Мытарю поручил сие Христос Спаситель в слове притчи.

Мытарь, издавеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешнику. Вот молитва, в следствие которой мытарь *сниде оправдан в дом свой.* Следственно, здесь есть и для нас образец молитвы, которая способна достигнуть оправдания.

Мытарь, вошед в церковь, стоит вдали, ближе к дверям храма, нежели к его внутренней святыне. Что сделаем мы по сему образцу? Станем ли тесниться в притворе, оставив

церковь пустою? – Сие не было бы сообразно ни с удобством, ни с порядком церковным. Кто может, поколику может, да подражает и видимому образцу оправданной мытаревой молитвы: всякий же да тщится постигнуть дух образа сего, и оным одушевиться!

Что значит мытаревое стояние вдали? – Страх Божий пред святынею Божиею, чувство своего недостойнства. И мы да стяжем и да сохраним сии чувствования! – О Боже святыни и славы! Тот, которого Ты оправдываешь, не дерзает приблизиться к святыне Твоей: как же дерзаю я, достойный тысячекратного осуждения, входить во внутренность Твоего святилища, прикасаться к святыне Твоей, которой Ангелы со страхом служат, приступать к таинствам Твоим, в которые Ангелы желают приникнуть? Даруй мне страх и трепет и самоосуждение, да не осудит меня мое дерзновение.

Мытарь не хочет и очей возвести на небо. Что сие значит? – Смирение. Итак, имей смирение в молитве: и будешь иметь молитву оправдывающую.

Мытарь бьет себя в перси. Что сие значит? – Сокрушение сердца о грехах и покаяние. Итак, имей и ты сии чувствования. – *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.*

Что ознаменовалось видимыми образами молитвы мытаревой: то же выражают и слова: *Боже, милостив буди мне грешнику.* Мытарь не опирается на свои дела, подобно фарисею, но уповает на милосердие Божие. С биением себя в перси называя себя грешником, он чрез сие исповедует, что правосудие Божие требует добродетели, и осуждает грех; что он, как грешник, признает себя достойным осуждения, и уже чувствует свое осуждение; что желает избавиться от греха, и вместе сознает свое бессилие избавиться от онаго. Когда же, вместе с сим, просит у Бога милости, не представляя ни права, ни побуждения: то сим исповедует веру в безконечное милосердие Божие и в благодать, по вере оправдывающую и спасающую грешника, возраждающую и возсозидающую человека на дела благая, да в них ходит.

Таким образом, молитва мытаря есть молитва покаяния и смирения, и, вместе, молитва веры и упования. С такою молитвою да входим в церковь, и да пребываем в ней, да возглаголет милосердый Господь и нам, яко снидем оправданы в дом свой. Аминь.

СССХLIII.

254. Слово

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Чудове мон. марта 25;

напечатано в Твор. Св. От. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

*И воцарится в дому Иаковли во веки, и
царствию
Его не будет конца (Лук. I. 33).*

В Евангелии слышали мы ныне дивную беседу Архангела и Пресвятыя Девы, – беседу, в которой сказалась, поколику может быть изречена, великая тайна неба и земли, беседу, сквозь которую можно усматривать событие, необъятное для земных и небесных взоров.

Когда Архангел сказал Деве: *се зачнеши во чреве, – Дух Святый найдет на тя*; и когда Дева ответствовала: *се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему*: в сие мгновение, посредством сих слов, земля обручилась с небом, человечество с Божеством; и в следствие сего Безначальный зачался; *Слово плоть бысть*; Сын Божий соделался Сыном человеческим, не преставая быть Сыном Божиим; Дева соделалась небом и престолом Божества; и в Ней положено, уже не обетовательное только, но действительное начало нашего спасения и блаженства.

Како будет сие? вопрошала о сем событии Пресвятая Дева предварительно, не по недостатку веры, не по любопытству, но по чувству благоговейного удивления и по заботе о сохранении посвященного Богу девства, когда ей было предвещаемо быть матерью. Не дрезни, пытливый ум, и после события вопрошать: как сие было? Ангел не придет разрешить тебе неуместный вопрос. Что спасительное воплощение Сына Божия совершилось, ты видишь по чудесным и спасительным последствиям. Не испытай непостижимаго. Смирись пред бесконечною премудростию. Благоговей пред ея таинством. Дивись глубокому снисхождению Всевышняго. Прославляй и благодари Его за незаслуженный, безценный дар. Обьими верою подаваемое спасение, не истязуя Спасителя Бога судом человеческого мудрования.

Впрочем Господь сказал: *Испытайте Писаний* (Иоан. V. 39). Итак позволим себе испытание, какое может быть нам доступно и наставительно.

После первого, возвышенного, но еще неопределенного приветствия Пресвятой Деве, Архангел усмотрел, что Она в страхе. *Не бойся Мариам*, сказал он. Почему же в то самое время, как старался освободить Ее от страха, он продолжал говорить то, что еще более изумительно и страшно, и чего провозглашение, по видимому, могло быть отсрочено? Почему не только возвестил он, что Она, пребывая Девой, родит Сына, каковое возвешение и было целию его посольства, но еще присовокупил, что Сей Сын будет Великий, Сын Вышняго, Спаситель, Царь, и притом Царь такого царства, которому не будет конца? Необходимо сие было по закону, по которому действует вера, и который нам известен из следующих слов Христовых: *еже аще что можеши веровати, вся возможна верующему* (Марк. IX. 23). Посему и Преподобной Мариамой точно столько было возможно, сколько могла она веровать. Итак, чтобы Ей возможно было родить Богочеловека, Спасителя, Царя вечного царства, для сего нужно было, чтобы Она предварительно услышала и уверовала, что должна родить Богочеловека, Спасителя, Царя вечного царства. Почудимся, братия, сей безпримерно высокой вере Пресвятыя Девы, пред которою, самого отца верующих, Авраама вера предречению о рождении Исаака, от престарелого неплодства, есть меньше, нежели зерно горюшно пред кедром ливанским. Благоговейно и радостно возблагодарим Преподобную Мариаму за то, что Она имела сию веру, без которой мы не имели бы Христа Спасителя, Царя, обещающего и нам царствие небесное и вечное.

Вместе с сим, вразумим, братия, самих себя о силе веры. Невместимаго Бога вместить возмогла она в лице Пресвятыя Девы, не духовно только, но и телесно. И телесно, говорю, вместила Бога Ея вера: и сему тем более дивлюсь, чем более, в сравнении с духом, тело кажется удаленным от сообразности и сродства с Богом Духом, и по самой телесности, и по ограниченности, и по тленности. В чем же не могла бы нас удовлетворить наша вера, для которой предлежат несравненно меньшия требования, нежели для веры Девы Богородицы? А довольно ли часты между нами действительныя проявления веры, ощутительно возвышенные над природою, ясно ознаменованныя благодатию? И посему не имеем ли мы нужды молиться с Апостолами Господу: *приложи нам веру* (Лук. XVII. 5)? Но Господь, не отвергая молитвы, обращает к нам требование веры. *Аще*

бысте имели веру, яко зерно горушно, глаголали бысте убо ягодицине сей: восторгнися, и всадися в море: и послушала бы вас (6). То есть: о если бы вы имели начаток веры от искреннего расположения вашего сердца! Тогда верно получили бы вы великую силу от благодати. Итак дело за вами, а не за Богом. Имейте сердечное расположение веровать, которое от вас зависит: и Бог не преминет приложить вам веру крепкую, которая есть дар Его благодати.

Не оставим без внимания той особенности, что от веры Пресвятыя Девы Богородицы требовалось предварительное признание предрекаемого Ей Сына, не только в качестве Сына Божия и Спасителя человеков, но вместе и в качестве Царя, как существенно необходимое для таинства воплощения: *воцарится в дому Иаковли во веки, и царствию Его не будет конца*. Из сего надлежит заключить, что и от нашей веры, вместе с признанием, в лице Иисуса, Сына Божия, Богочеловека, Спасителя нашего, требуется также признание в Нем нашего Царя, как существенно необходимое для спасительной веры.

В самом деле, видно, необходимо сие верование, когда Господь Иисус, хотя обыкновенно удалялся от славы человеческой, хотя однажды, *разумев, яко хотят прийти, да восхитят Его и сотворят Его Царя*, поспешил скрыться от сего (Иоан. VI. 15); но, во время торжественного вшествия Его во Иерусалим, по требованию фарисеев, чтобы Он запретил обращаемыя к Нему восклицания: *благословен грядый Царь*, не только не запретил, но еще подтвердил, что если бы умолчали люди, то камни провозгласили бы Его Царем: *аще сии умолчат, камене возопиет* (Лук. XIX. 38. 40). Подобно и **■**тогда, как наименование царя угрожало Ему смерти, Он только исправил неточное понятие о Своем царстве, сказав: *царство Мое несть от мира сего*; но на вопрос Пилата: *Царь ли еси Ты?* отвечал не обинуясь: *ты глаголеши, яко Царь есмь Аз*, ты говоришь справедливо, что Я Царь (Иоан. XVIII. 36. 37). Наконец, по воскресении Своем, Он Сам провозгласил Свою царскую власть: *дадеся Мне всяка власть на небеси и на земли* (Матф. XXVIII. 18); а также и в предвещании Своего всемирного суда сам нарек Себя Царем: *тогда речет Царь сущим одесную Его: приидите благословеннии Отца Моего* (Матф. XV. 34).

Христос царствует во всей вселенной, как Творец и Промыслитель, – в особенности на небесах как Царь славы, – на земле в Церкви, как в царстве благодати. Царствует здесь Словом Своим, как законом царства; и Духом Своим, как силою царственною. Его царство проникает в душу, посредством благодати с Его стороны, посредством веры и любви с нашей стороны, как и сказал Он: *царствие Божие внутрь вас есть* (Лук. XVII. 21); почему и молимся: *да приидет царствие Твое*. Из царства, которое *несть от мира сего*, простирает Он Свое царственное действие и на царства и народы мира сего, благословляя, благоустроая и облагоденствуя власть и народ, благоприятные духовному Его царству, а мятущиеся против него, и особенно после покорности Ему изменившие, предавая действию грозного определения вручившаго Ему царство Бога Отца: *упасеши я жезлом железным; яко сосуды скудельничии сокрушиши я* (Псал. II. 9). Наконец, в последний день мира Христос явится Царем-Судиею мира, чтобы воздать каждому по делам его, и чтобы временныя и приготовительныя царства природы и благодати преобразовать в единое вечное царство славы.

Христиане! Приятно нам взирать на Христа, как на Спасителя нашего, Который возьмет наши грехи, примиряет с нами вечное правосудие, освобождает нас от вечного осуждения, претворяет нас из сынов гнева в сынов Божиих, с правом наследия небесного. Будем признательны и справедливы. Не забудем взирать на Него, и как на Царя нашего, Который владычествует для того, чтобы благоустроить нашу духовную жизнь, чтобы охранять и защищать нас от враждебных сил, чтобы образовать из нас достойных граждан царствия

небесного, способных к вечному блаженству; и Который, для сего самаго, требует от нас совершенного повиновения Его владычеству.

Един есть Сын Божий, Иисус Христос, Спаситель и Царь, и не разделяет сих качеств, которыми ознаменовал Себя в самом воплощении Своем. Если вы не захотите иметь Его своим Царем: не можете иметь Его своим Спасителем.

Сказал ли тебе твой крестный отец, что ты Христу Царю дал присягу в верности? – Точно, ты дал ее, когда при крещении, устами восприемника неоднократно исповедал, что отрицаешься сатаны и всего служения его, и сочетаваешься и покланяешься Христу, яко Царю и Богу. Будь же постоянно внимателен, чтобы не быть прельщену, и чтобы не сделаться клятвопреступником и изменником. Если ты не сохранил верности Христу Царю в сердце и в жизни, в слове и в деле; и если случившихся некоторых неверностей немощи и неосмотрительности не загладишь покаянием и исправлением: то потеряешь право на покровительство Христа Царя, и на милосердие Иисуса Спасителя, и сам себя делами твоей неверности причтешь к шатающимся и мятущимся, которых Он *упасет жезлом железным, и яко сосуды скудельничи сокрушит*.

Будь верен Царю Христу, верую православною, в послушании святой Церкви Его, верен любвию нелицемерною, препобеждающе всякое земное пристрастие, – верен жизнию благозаконною по заповедям и учению Евангельскому, – верен и поспешен в чистосердечном признании своих грехопадений и в возстановлении чистоты совести, доколе смерть не предускорила затворить двери покаяния. Слыши самого Христа повелевающего и обещающего: *буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота* (Апок. II. 10). Аминь.

CCCXLIV.

255. Беседа

в день отдания Пасхи и принесения камня Гроба Господня.

(Напечатана в Твор. Св. От. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

Нынешним днем заключая радостные дни праздника Воскресения Христова, как разстанемся мы с ними? В каких мыслях? В каких чувствованиях? – Благословим Господа Воскресшаго, даровавшего нам участие в радости Его Воскресения. Предадим Ему наши надежды, еще встретить сию радость, в продолжении нашего странствования на земле. Наипаче же призовем верною надежду, и за пределом сего странствования найдем для себя светлую область Воскресшаго, и там истее причащаться Его, в невечернем дни царствия Его.

Признаем великодаровитую благодать Христа и Церкви в том, что дано нам обильно наслаждаться праздничною радостью Воскресения Христова. Это дар Церкви: поелику она так учредила; и вместе дар самого Христа Господа: поелику Он дал основание учреждению Церкви.

Церковь помнит и держит правило, изреченное Христом Господом для Его последователей: *не могут сынове брачнии плакати и поститися, елико время с ними есть жених* (Матф. IX. 15); и с того мгновения, когда яко жених от чертаго, изшел Христос от

гроба, *сынове брачнии*, то есть, прилепившиеся к Воскресшему верою и любовью, во все дни, в которые Он не *отъят* от них, но продолжает приближаться к ним на земле в Своем прославленном теле, еще не вознесенном на небо, не постытся строгим постом, не преклоняют колен, и дни креста услаждают радостью Воскресения, и во дни делания непрерывно видят зарю праздника.

В самый день Воскресения Своего, в первый день седмицы, явился воскресший Господь собранным Апостолам Своим, и по исполнении седмицы, вновь явился им в тот же день: посему сии *сынове брачнии* уразумели, что в сей день особенно благоволит приближаться к ним Небесный *Жених*; и потому сей день седмицы нарекли *днем Господним*, и, по внушению Духа Святого, освятили его для Церкви, как день воскресения и радости, на все седмицы года и на все времена.

Если таким образом учреждения Церкви показывают, как вожделенна для нея близость воскресшаго Христа и прославленного тела Его, поколику она проявляется во времени: то, по соответствию с сим, не удивительно, если для верующих вожделенна также Его близость, поколику ознаменовывается в отношении к месту. Итак, понятна ревность святой равноапостольной Елены, употребившей необыкновенныя усилия, чтобы найти крест, который освятился прикосновением тела распятого на нем Христа и кровию, от Его язв излиянною; чтобы открыть погребенный тогда в земле гроб, в котором погребено было тело распятого и умершаго за нас Христа, и из котораго оно воскресло в славе.

Представим себе мысленно, в вертограде Иосифа Аримафейскаго каменный холм, и в нем изсеченную малую пещеру, или храмину, с низким в нее входом. При входе в нее, в правой стороне, каменный одр, такой длины и широты, какия достаточны для положения тела умершаго, а налево столько пространства, сколько нужно для вмещения вносящих тело. Вообразим, что в сей гробной пещере происходило в вечер, и далее вечера субботы, которую по справедливости называем *великою субботою*: вообразим же не по нашему произвольному мечтанию, но по указаниям истины. В вечерний сумрак Иосиф и Никодим вносят, снятое со креста и повитое пеленами со ароматы, тело Христово, и полагают на каменном одре, у каменной стены. Потом, в предназначенное от вечности и вечности только известное мгновение, погребальныя пелены развиваются. *Сударь, иже бе на главе Христовой*, также развивается, и паки *свивается* правильно, чтобы после оказался *особь* (Иоан. XX. 7) положенным чинно и знаменательно, а не уроненным случайно. В руце Бога Отца на кресте преданный дух Христа вновь одушевляет Его тело. Свет Божества, на Фаворе на краткое время, отчасти, поколику вместить могли зрители – Апостолы, просиявший сквозь сие тело, теперь, во гробе просиявает совершенно; и сие тело, до сих пор земное и причастное смерти, преобразует в небесное, бессмертное, прославленное. При сем, высшем Фаворскаго, преображении, божественный свет и святейшее благоухание исполняют гробную пещеру; а самое тело Христово, уже духовное и прославленное, проникает и проходит сквозь каменную твердыню так же, как в последствии времени сквозь затворенныя двери. О место, на земле небесное! О ложе смерти, равное престолу божественной славы! О камень Богоприемный! Не сей ли есть первый из камней Сиона, драгоценнейший из камней всего мира, на который паче других взирал Пророк, когда предвозвещал *Воскресшаго, ущедряющаго Сиона*, ради веры тех, которым любезны камни Сиона, ознаменованные прикосновением и следом Воскресшаго: *Ты воскрес ущедриши Сиона; яко благоволиши раби Твои камене Его* (Псал. CI. 14. 15)?

Ублажаю с Пророком тех, которые *благоволят о камени Сиона*, которые предпринимают дальний путь, чтобы благоговейно узреть и облобызать камень, на котором, близ котораго, под сению котораго (ибо это все один камень) лежало погребенное тело Христово, который был озарен и проникнут светом воскресшаго тела Христова.

Но что, если скажу, что мы можем благоговейно узреть и облобызать сей камень, и не предпринимая путешествия в Иерусалим? – Это кажется мечтою: но, по устроению Божию, это есть истина.

В лето Господне 1808, по неисповедимым судьбам Божиим, храм гроба и Воскресения Христова в Иерусалиме посещен был пожаром. Все, что к первобытному, не рукозданному, но естественному каменному гробу Господню, присоединено было искусством для украшения, более или менее от огня пострадало, и требовалось возобновление. По сему случаю, зодчий, имевший полномочие в сем возобновлении, из уважения к благоговейному иерею храма, Фаддею, который еще живет в сане Архиепископа Севастийского, дерзнул над самым ложем Господним отделить от стены часть священного камня и вручить иерею. Богу было угодно расположить сердце Архиепископа Фаддея к тому, чтобы сия священная достопамятность, с его письменным о ней свидетельством, перешла в Россию, и соделалась здешним церковным достоянием, в благословение и утешение сынам веры, которые хотя и знают, что *блажени не видевшии, и веровавшие* (Иоан. XX. 29), однако по любви вожделевают хотя следы Господа, в Которого веруют, осязать и облобызать.

Таким образом имею возможность пригласить вас, без путешествия в Иерусалим, ныне здесь приблизиться к части Иерусалимского живоприемного гроба Господня, и почтить оную благоговейным лобзанием.

Но как, по слову Господа, *дух есть, иже оживляет, плоть не пользуется ничтоже* (Иоан. VI. 63): то, приближаясь к вещественному знамению Господа погребенного, да взыщем приблизиться с тем вместе к духу Воскресшаго.

По образу Мироносиц приблизимся ко гробу Господню со *ароматами* благоговейных мыслей и молитвенных чувствований.

По подобию Апостолов Иоанна и Петра, не только *приникнем во гроб* Христов, да познаем тайну Его спасительной для нас смерти и воскресения, но и *внидем во гроб*, всецело *предадимся в смерть* Христову, да умрет и погребется наш ветхий человек, с его неправедными делами, нечистыми желаниями, суетными помышлениями, да и *живот Иисусов явится в мертвенней плоти нашей, да облечемся в новаго человека, обновляемого в разум, по образу Создавшего его* (2 Кор. IV. 11. Кол. III. 10).

К предостережению себя вспомним, что приближались к гробу Христову и воины стражи; но поелику в сердцах их было неверие и корысть, а не любовь к истине и не желание спасения, то и от явившагося им света Воскресения они отражены были в смерть.

К предостережению себя вспомним, что прикасались гробу Господню и иудейские старейшины и фарисеи: но поелику их привели к нему не истина, а лицемерие, не вера, а неверие, не любовь, а вражда: то они не проникли до внутреннего света гроба Господня, а только снаружи положили на нем печать, и ни для кого более, как только для себя: неверием и враждою они сами себе заградили вход в тайну Христову, которой не могли скрыть от мира.

Христе Господи, *Иже во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в раи же с разбойником, и на престоле был еси со Отцем и Духом, вся исполняяй неописанный*, и с нами до скончания века пребыти обещал еси! Даруй нам из созерцания Твоего живоносного гроба выну почерпать внутренний свет, и радость, и благодать, и надежду нашего воскресения, не в суд, но в жизнь вечную. Аминь.

CCCXLV.

256. Беседа

в неделю вторую по Пятидесятнице

и в день рождения Благочестивейшаго

Государя Императора Николая Павловича.

(Говорена в Успенском соборе Июля 25-го;

напечатана в Твор. Св. От. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

*И глагола има: грядиша ко мне, и сотворю
вы ловца человеком (Матф. IV. 19).*

В Вифлееме знаем мы колыбель Христову: а если будем искать колыбели христианства, то, кажется, найдем ее на берегу моря Галилейского.

После Вифлеема и Египта в неславном Назарете, от младенчества до возраста мужа совершенна, почти безвестно жительствовавший Сын Марии. Кроме ея, Иосифа, Симеона и, может быть, немногих других, никто не знал, что сей Иисус есть предвозвещенный Пророками Христос, что сей мнимый сын Иосифа есть истинный Единородный Сын Божий. В день крещения Иисуса во Иордане, Иоанн указал в Нем *Агнца Божия, вземлющего грехи мира* (Иоан. I. 29), или, без иносказания, Христа Спасителя мира, и глас Бога Отца с небес провозгласил земле Его возлюбленного Сына. В след за сим Андрей и Петр, Филипп и Нафанаил обрели и признали в Иисусе Христа Сына Божия, последовали за Ним, видели в Кане Галилейской начаток Его чудес, уверовали в Него: но, видно, еще мало поняли, к чему идет дело, и возвратились к своему наследственному делу – к рыболовству. Такова природа сынов Адамовых: она порывается возникнуть от чувственного к духовному, подобно как иногда рыба мечется из воды в воздух: но так же легко и скоро, как рыба в воду, погружается паки в чувственность; только Христос благодатною силою может ее решительно возвысить, обновить, возродить, и дать ей постоянное духовное направление.

Вот идет Он по берегу моря Галилейского. Петра и Андрея, Иакова и Иоанна застаёт занятых ловлею рыб и рыболовными сетями. Простирает на них Свою духовную мрежу – полновластное, пророческое, творческое слово: следуйте за Мною; Я сделаю вас ловцами человеков. Сила сего слова тотчас оказалась: они бросили все, двое из них оставили даже отца, чтобы никогда уже не оставлять Иисуса Христа и дела, от Него на них возложенного.

Теперь открылось намерение Христа, привлечь к Себе человеков, уловить, собрать, соединить некими узами, то-есть, как Он изъяснился в последствии времени, *создать Церковь* (Матф. XVI. 18) христианскую: и не только намерение открылось, но и самое дело началось; поелику Он сам уловил четырех первых и знатнейших между будущими ловцами человеков. Так, можно сказать, рыболовное судно было колыбелью христианства, и Его повивальными пеленами – рыболовные сети.

Если бы я окружен был наиболее теми, которым богоизбранные ловцы человеков передали преемственно продолжение своего дела: то представил бы им в Петре, Андрее, Иакове, Иоанне, прекрасный и достойный образец готовности последовать призыванию Божию, безкорыстия, самоотвержения. Впрочем, в их примере заключено поучение и для всех.

Если из Евангелия, из размышляющего ума, из совести, откуда бы то ни было, слышишь ты голос, призывающий тебя к делу Божию, к делу веры, к делу добродетели, к молитве, к укрощению плоти, к отвержению суеты: и сей голос глубоко проникает твое сердце: ведай, что Христос невидимо мимоходит и взирает на тебя, и зовет тебя. Чем скорее и решительнее ты последуешь гласу Его: тем более благоугодишь Ему; тем большее получишь право на Его помощь. Но чем более невнимательным и косным себя окажешь: тем более удалишь от себя Призывающего и надежду Его возвращения.

Не возбранено тебе заниматься земными делами, для удовлетворения потребностям земной жизни, а есть и обязанность трудиться, и Божие повеление, да *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. III. 19): но берегись, чтобы не пренебречь дела небесного, вечного спасения души твоей, между тем как ты ловишь земную корысть, или чувственное наслаждение, или славу человеческую.

Если бы даже отца земного, не внемлющего истине и правде, оставить надлежало, чтобы исполнить волю Отца Небесного: не будь в недоумении, которого предпочесть. Отец земный не приведет тебя на небо, если успеет уклонить тебя от пути Отца Небесного: напротив, Отец Небесный, чрез твое самоотвержение и повиновение воле Его, не только тебя приведет на небо, но и противляющегося отца твоего земного туда привлечь может твоею верою.

Возвращаясь к слову Господа о ловцах человеков. Когда Он, смотря на ловление рыб, по подобию сего, назначил Петра и прочих быть ловцами человеков: тогда чрез сие самое человеков назначил в ловитву, по подобию рыб. Не скажут ли на сие некоторые из нас: *Что есть притча сия?* В какое море погружены мы, как рыбы? Для чего нужно нас ловить? Лучше ли нам быть уловленными во мрежу, более или менее стесняющую, нежели на свободе плавать в пространстве моря? Некоторое разрешение сих вопросов может быть не бесполезно для того, чтобы мы не убежали от уловляющей мрежи Христовой, или уловленные не покушались из нея исторгнуться.

Подобно рыбе в воде, как я уже отчасти заметил прежде, дух человека, в следствие первородного греха, погружен в плоти, в чувственности, в море житейском, в мире чувственном, который также поврежден от грехопадения Адамова, *во зле лежит*, обуреваем, как ветрами, *похотию плоти, похотию очес, гордостию житейскою* (1 Иоан. V. 19. гл. II. 16). То воды скорбей доходят до души человека; то утопает он в удовольствиях; то волнуется страстями; то увлекается течением суеты, не находя покоя, и не познавая себя и своего назначения. Но, что всего хуже, во глубине моря житейского кроется змий бездны, непрестанно алчущий поглотить человека, подобно как большая рыба малую.

Из сего можно догадываться, для чего Христос хочет человеков уловлять в море житейском. Но более дает Он сие разуметь, изъясняясь в другом случае тою же притчею: *подобно есть царствие небесное неводу, ввержену в море и от всякого рода собравшу* (Матф. XIII. 47). Видите, что Он уловляет человеков для того, чтобы привлечь их в царствие небесное. Мрежею слова истины и спасительных заповедей Он объемлет их, собирает, ограждает, и благодатною силою крестною, при свободном послушании, влечет

их, как из воды в воздух и на брег, из жизни плотской в духовную, от греха к святости, от обуравания страстей к тишине безстрастия, от текущего к постоянному, от тленного к нетленному, от временного к вечному, от земного к небесному, от мира к Богу и Его вечноблаженному царствию.

После сего можно ли не сказать: счастлив тот, кто уловлен mreжeю Христовою и охотно следует ея влечению? Или, напротив, будет кто жаловаться, что тесно в Евангельском неводе? Не станем отрицать сего: ибо и сам Христос не только не отрицал, но и провозгласил, что *узкая врата и тесный путь вводяй в живот* (Матф. VII. 13). Но помысли жалующийся на тесноту пути Христова, будет ли тебе просторнее, если, уклонясь от mreжи Евангельской, или вырвавшись из нея, немногие дни поиграешь на просторе моря житейского, а потом впадешь на веки в челюсти глубинного змия? Помысли, что тесная mreжа Христова влечет тебя к безпредельному пространству райскому и небесному, пред которым сей, простором тебя прельщающий, мир теснее и хуже рыбарской mreжи. Помысли, что и у мира много своих сетей, которыми он тебя ловит, и теснит, и губит. Если в нем иногда просторно для плоти: то тем более тесно для духа. Напротив того, во mreже Евангельской если несколько и тесно для плоти: за-то в то же время пространно для духа, поколику Евангельскими заповедями обузданная и укрощенная плоть не препятствует духу, из вод чувственности возлетать к воздуху небесному.

Благословен еси, Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную!

Для нас же, братия, в особенности, благословен во Христеловец Христов Андрей Первозванный, на горах Днепровских положивший удицу Креста в залог и предзнаменование, что ею после будет уловлен Равноапостольный Владимир и его народ.

Благословенна и память Равноапостольнаго Владимира, который уловил Христа сперва Киевлян, а потом и всех Россиян, и оставил образ Благочестивейшим Самодержцам нашим, чтобы споспешествовать делу ловцев духовных, и первое благо своего народа полагать в благочестии христианском.

Да благословится и благочестивая ревность и благотворная власть ныне Божию милостию царствующаго Самодержца нашего Николая Павловича, Который не только в своем царствии распространению и утверждению царствия Христова споспешествует, и благоуправленными ловцами новья ловитвы Христу приносит, но и за пределами отечества, там, где мятущиеся народы, расторгнув mreжу Христову, расторгли узы повиновения и человеческой законной власти, к восстановлению богоучрежденного порядка Богом призванный, действует рукою крепкою и мышцею высокою.

Да зрит и каждый в сии благословенные следы. Кто призван продолжать подвиг ловцев духовных: да не нерадит привлекать ко Христу души словом истины, а не увлекаемая словом — *плeнять* добрым *житием* и молитвою. Всякий же без изъятия да не нерадит уразуметь и стяжать высокое благо — быть ловитвою Христовою. Да ограничиваем добровольно наши дела, желания, помышления, стремления mreжeю заповедей Евангельских. Да следуем влечению благодати с верою и любовию; дабы наконец, когда *невод* Христов *исполнится* предуставленным числом спасаемых, и *извлечется на край* времен, могли мы обрестись *доброю* ловитвою и быть собраны в *сосуды* (Матф. XIII. 48) небесные и погружены в море света и блаженства вечнаго. Аминь.

257. Слово

в день обретения мощей преподобного Сергия.

(Говорено в Троицкой Лавре июля 5;

напечатано в Твор. Св. Отц. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

*Ищите же прежде царствия Божия и
правды*

Его, и сия вся приложатся вам

(Матф. VI. 33).

Кто имеет не поверхностное внимание к себе и к своей жизни: тот конечно замечал, как не редко дела земные и мирские становятся препятствием делу духовному и небесному, делу благочестия и спасения души. Например, чувствует человек внутреннее побуждение, нескучною мерою посвятить свое время Богу, как жертву добровольную: но времени требуют у него естественные движения и перемены земной жизни, труды для снискания необходимаго пропитания, одежды, жилища, дела звания и должности в обществе человеческом, попечения о возвышении и поддержании земного благосостояния, сношения с ближними по нужде, по приязни, по обычаю, наконец занятия приятные и увеселительные; и время расхищается так, что человек не только не приносит из него добровольных жертв Богу, но и похищает у Бога время, которое сам Бог Себе усвоил и освятил заповедию.

Что же делать? как достигнуть того, чтобы дела земные и мирские не препятствовали делу духовному и небесному? Многие люди разных времен и мест сей вопрос решили согласно, просто и счастливо. Они решительно бросили земные и мирские дела, и предались единственно делу духовному и небесному. Для удостоверения, что сие решение вопроса было счастливо, довольно наименовать некоторых из тех, которые приняли сие решение. Таковы были: Пророк Илия, Иоанн Креститель, Апостолы, Антоний Великий, и, чтобы не ходить еще далеко, наш Преподобный Сергий. Их решимость оправдывают последствия вековые и вечные.

И не на удачу, и не по действию произвольнаго человеческого мудрования, была, и может, и должна быть счастлива решимость оставить все мирское, но с одной стороны, по устройению Божию, с другой – по действию ревностнаго желания следовать воле Божией. Не знаем, как устроился для Илии образ жизни одинокий, нестяжательный, безпопечительный: но что сие было по воле Божией, можно усмотреть из того, что Бог чудесно поддерживал сей образ жизни, определив между прочим врану хлебодаром к человеку, который за-долго до Христа начал следовать учению Христову: *не пецѣйтесь, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся* (Матф. VI. 31)? Преемник же духа и образа жизни Илии, Елисей, введен был в сей образ жизни очевидно прямым повелением Божиим. Что Иоанн Креститель жил в совершенном отречении от мира по устройению Божию, сие открыто было еще прежде рождения его, предречением Ангела, что он будет облечен *духом и силою Илииною* (Лук. I. 17). Апостолы *оставили все*, также не по своему произволу, но по владычественному призванию Христову. С тех пор, как проповедано и написано Евангелие, избранные подвижники христианские из него слышали глас, призывающий их к совершенному отречению от мира. Так Антоний слышал в церкви слова Христовы: *аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение*

твое, и даждь нищим: и имети имаша сокровище на небеси: и гряди в след Мене (Матф. XIX. 21); и принял сии слова так, как бы они лично к нему изречены были; и потому, вышед из церкви, продал большую часть своего имения, и роздал нищим. По некотором времени, вновь услышал он в церкви слова Христовы: *не пе́чьтесь на утре́й* (Матф. VI. 34); и роздал нищим и остальное; и, от сего начав подвижническую жизнь, достиг такой меры духовного возраста, что вся Церковь нарекла и нарицает его Великим.

Из сказанного происходят два заключения: первое, что решимость оставить все для служения Богу и для попечения о душе есть возделенный и превосходный дар Божий, и благо тому, кто сей дар обрел, с чистым расположением принял, хранит верно, употребляет деятельно; второе, что сей дар не для всех, как сие можно видеть из указанных примеров, и из приведенных слов Христовых. Правило совершенной нестяжательности Господь преподал не в качестве заповеди, безусловно для всех обязательной, но в качестве совета, условно предлагаемого желающему: *аще хо́щеша совер́шен быти*. И как не от всякого можно надеяться совершенства: так ненадежно было бы советывать всякому, чтобы оставил все. Да и естественное устройство земной жизни таково, что требует занимающихся и земными делами. Если бы все занимающиеся земледелием решились буквально исполнять правило: *не пе́чься на утре́й*; и, отвергнув попечение о завтрашнем дне, тем паче отвергли попечение о следующем годе, и перестали бы пахать и сеять: такое одностороннее направление к жизни духовной разрушило бы жизнь естественную.

Но если таким образом неизбежно, чтобы многие не оставляли занятия делами земными мирскими: то неизбежно встречается опять прежний вопрос: как достигнуть того, чтобы дела земныя и мирския не препятствовали делу духовному и небесному? Более общеупотребительное и для немощи нашей более снисходительное разрешение сего вопроса можем найти в изречении Господнем: *ищите прежде царствия Божия и правды Его*.

Поставление одного дела *прежде* показывает, что допускается другое дело после. Следственно в изречении Господнем заключаются две мысли: одна открытая, другая сокрытая в слове: *прежде*. Мысль открытая: должно искать царствия Божия и правды Его *прежде*. Мысль сокрытая: не возбраняется искать и некоторых других предметов после. Таким образом из слова Христова открывается, что есть возможность, с успехом упражняться в деле небесном, в искании царствия Божия и правды Его, и, без вреда для сего дела, заниматься и делами земными, делами необходимыми, как-то: снисканием пропитания, одежды, жилища; — делами должными, как-то: исполнением обязанностей звания и службы в обществе человеческом; — делами полезными, или хотя только невинными, как-то: приобретением и употреблением разнообразных познаний в области природы и искусства, впрочем так, чтобы с сими египетскими сокровищами не погрязнуть в море житейском, но чтобы мудро и праведно похитить их у египтян, и употребить во славу Отца Небесного и во благо земных чад Его. Тайна доброго и безпрепятственного успеха заключается в том, чего вы будете искать *прежде*, какое дело пойдет у вас вперед других дел, будет первенствовать между всеми делами, господствовать в ваших мыслях, желаниях и стремлениях, или, как изъяснялся один из древних Отцев, что будет у вас *делом*, и что *поделаем*. Если вы будете *прежде всего* искать *царствия Божия и правды Его*; если дело спасения души вашей благодатию и верою, очищения заповедями, усовершенания добродетелями будет у вас первенствовать между всеми прочими делами, господствовать в ваших мыслях, желаниях и стремлениях; если сие только и будете вы почитать *делом*, истинным и важным, а все земныя дела только *поделаем*, занятием второстепенным, маловажным, которому некоторая доля внимания уступается после главного дела: то земныя дела не будут у вас препятствием делу небесному; вы можете

надеяться обрести царствие Божие, паче всего искомое, и между тем, не иметь недостатка и в том, о чем менее заботитесь, в потребном для земной жизни, по верному обещанию Господню: *сия вся приложатся вам*. Напротив того, если вы думаете, что надобно прежде обезпечить себя в делах земных и мирских, и потом уже пещись о небесном; если какое-нибудь земное занятие наукою, искусством, художеством, промыслом, исканием выгод, блеска, и приятностей жизни, сделалось у вас первенствующею мыслию, господствующим желанием, вашим *делом* по превосходству, а дело благочестия остается у вас только *поделием*, делом досуга от мирских занятий: то вы превратили порядок, предписанный словом Господним; вы не на пути к обретению царствия Божия; да и для обезпечения себя земными благами, не знаю, на чем можете утвердить свою надежду, потому что не к вам относится обещание Господне: *сия вся приложатся вам*.

И вот, братия, малым, по видимому, орудием *веляя испытания сердца* (Суд. V. 16). Не маловажное орудие самоиспытания есть малый вопрос: что у вас на уме и на сердце прежде всего и паче всего? Когда ты пробуждаешься утром: какая у тебя первая мысль? Говорит ли твое сердце: слава Богу, показавшему свет? или: Господи, благослови мне день? Если так: то это знамение во благо. Но если вместе с твоим пробуждением пробуждается у тебя, и увлекает тебя, мысль и забота о каком-нибудь земном деле, к которому ты пристрастился, и не дает тебе *помянуть Бога и возвеселиться* (Псал. LXXVI. 4); то боюсь за тебя, брат мой; сомнительно, ищешь ли ты царствия Божия прежде всего. Если ты стоишь в церкви; а мысль твоя уходит в твой дом, или в твою работную храмину, или на торжище, или в место увеселения: не признак ли это, что у тебя мысль, бегствующая от Бога, сильнее мысли, прибегающей к Богу? Поспеш же возвратить бегствующую; и соедини мысль и сердце твое в стремлении к Богу.

Сим и подобным сему образом да испытуем каждый свое внутреннее расположение часто и прилежно; и да не косним отторгать нашу мысль и сердце от страстной привязанности к земному мирскому, дабы утвердилось сердце наше в Господе; дабы царствие Божие было постоянною, никогда не теряемою из вида, целию нашего стремления.

Поелику же *от Господа стопы человеку исправляются* (Псал. XXXVI. 23): Ты Господи, возвративый плен Сионь от Вавилона, возврати пленение душ наших от преобладающей суеты мира, и настави нас даже до Иерусалима небеснаго, идеже во славе царствуеши Ты, и достигшие туда царствуют с Тобою во веки. Аминь.

CCCXLVII.

258. Слово

в день Успения Божией Матери.

(Говорено в Успен. соборе августа 15;

напечатано в Твор. Св. От. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

Мне бо еже жити, Христос: и еже умерти, приобретение есть (Фил. I. 21).

Сего-дня, кажется, мы на погребении: но мы безпечальны. Как сии противоположности встретились и примирились?

Священный образ, поставленный здесь для того, чтобы вразумлять нас о значении настоящего дня и о предмете настоящего собрания, представляет взорам нашим погребальный одр, на нем – святое и живоприемное, но уже бездыханное тело, и окрест его – собор несущих и сопровождающих оное к Гефсиманскому гробному месту. Точно, это – погребение. Однако, наш собор, присоединяющийся к изображенному и воспоминаемому погребальному собору, радуется и празднует. Как же встретились и примирились противоположности? И для чего соединены оне даже законоположением церковным?

Здесь видна сила благодатной святости. Она и смерть превращает в жизнь, а потому и печаль в радость. Пресвятая Дева с большим правом, нежели сам святой Павел, могла присвоить его слова: *мне еже жити, Христос: и еже умерти, приобретение есть*. Матерь Живота не должна быть удержана смертию, хотя и должна пройти сквозь ея область. На *гроб* Матери Божией Церковь взирает, как на *лестницу к небеси*, куда она идет, чтобы, по созерцанию пророческому, в качестве *царицы предстать одесную* (Псал. XLIV. 10) Христа, Царя Небесного, и чтобы не только самой блаженствовать в царствии небесном, но, действием Своего молитвенного предстательства, и на нас низводить оттоле дождь благословений. Посему как нам не радоваться? как не торжествовать?

А что Церковь среди радости праздника не скрыла от нас и печального зрелища погребения, это конечно и потому, что сего требует простая истина воспоминаемого события, но, думаю, и потому, что Матерь Церковь, сколько желает возвести нас к созерцанию бессмертия и неба, столько же находит нужным предложить нашему вниманию и размышлению смерть и гроб.

Проходя путем земной жизни, мы не знаем верно, что, ближе или дальше, с нами встретится, богатство или бедность, почесть или унижение, любовь или ненависть, радость или печаль. Не смотря на сию неизвестность, мы, хотя на удачу, больше или меньше, заботимся, как бы приятная из сих встреч не миновали нас, и как бы нам уклониться от неприятных. Но есть одна встреча верная, неминуемая: это встреча со смертию. Не надобно ли о ней подумать? Встретясь с неприятностию жизни, например, с бедностию, ты можешь и с нею продолжать путь, хотя не без труда, и надеяться иной лучшей встречи: но, встретясь со смертию, ты впадешь в ея руки; а она, говорят, не со всеми обходится кротко и мирно. *Честна пред Господом смерть преподобных Его* (Пс. CXV. 5). *Смерть грешников люта* (Пс. XXXIII. 22). Итак не требует ли благоразумие, чтобы благовременно и без отлагательства позаботиться, как бы лучше расположить себя для благонадежной встречи со смертию? Без отлагательства, говорю; потому что смерть не обещала нам помедлить, пока мы приготовимся встретить ее.

Говорить ли о тех, которые вопрос о приготовлении к смерти думают не разрешить, а уничтожить мыслью о ничтожестве по смерти? Знаю от обличающего премудраго, что *рекоша в себе помышляющие неправо: самослучайно рождени есмы, и по сем будем якоже не бывшие: пепел будет тело, и дух наш разлится, яко мягкий воздух* (Прем. II. 1–3). Трудно было бы поверить, что есть люди такого образа мыслей, если бы не было известно, что зло для своего существования требует лжи и безумия. Примечательно, как изъясняется Премудрый: *рекоша в себе помышляющие неправо*: эти люди говорят не потому, что убеждены, но потому, что их мысли уклонились от правды и добродетели; они усиливаются обольстительно выразить ложные мысли, чтобы ими поддержать свои порочные правила: *да будет нам крепость закон правды: уловим лестию праведнаго, яко бысть нам на обличение помышлений наших* (11–14). Не хочется говорить о них более. Стыд для человечества, что есть люди, мечтающие быть разумнее других, и

мудрствующие неразумнее червя, который готовится к смерти устройством себе паутинного или шелкового гроба, не с тем, чтобы в нем исчезнуть, но, чтобы, положив в нем земную жизнь червя, воскреснуть в воздушную жизнь бабочки.

Некоторые, не будучи причастны наглости и безумия отражать мысль о смерти помыслами неверия, думают однако же мало, или совсем не думают о смерти, потому что чрезмерно заняты другими предметами. Таких людей не мало, и не далеко искать их. Это мир. — Пристрастный к чувственным удовольствиям, то ищет удовольствий, то погружается в них, то утомленный от них отдыхает, то вновь ищет их; в сем проходят у него дни и ночи; ему не до того, и душа его не так настроена, чтобы беседовать с неулыбающеюся мыслию о смерти. Если случайно приходит к нему сия мысль: он спешит отогнать ее, не разсуждая, что, если трудно перенести нечаянное присутствие мысли о смерти, то koliko труднее будет перенести нечаянное присутствие самой смерти, которую отогнать уже не можно будет! Человек, постоянно занимающийся делом, по должности, по охоте, по долгу повиновения, по нужде для пропитания, по корыстолюбию для выгоды и обогащения, обыкновенно живет в своем деле: оно владеет его временем, способностями, силами, мыслями, желаниями. Если он простирает взоры в будущее; то для того, чтобы усмотреть, какой еще предлежит ему труд, и какой новой выгоды можно впредь достигнуть. С Евангельским богачем он строит в будущем *новыя житницы*, составляет новые планы земного благополучия; и ему не-когда подумать, что, может быть, даже без предварения, которого удостоен богач Евангельский, *в сию ночь душу его истяжут* от него (Лук. XII. 20). Раб привычек и суетных обычаев, даже приближаемый к смерти летами, не хочет примечать ее приближения, хотя она почти уже в глазах. Пища и одежда, принимаемая и отдаваемая посещения, привычные увеселения занимают его, как служба и должность; детское занятие игрою составляет для него ежедневный урок. На досуге от сих деятельных досугов он бродит мыслию в мечтательных воспоминаниях прошедшего, чтобы не коснуться немечтательного будущего, и не встретиться со смертию. Такая невнимательность к смерти к чему может вести, если не к затруднениям при смерти и далее смерти? Если бы нам и не было сказано, что там есть адская бездна и геенский огонь, угрожающие тем, которые в земной жизни не построили себе лестницы к небу: то по самым свойствам души нашей и по опытам в земной жизни, мы могли бы заключить, как опасно прийти в мир духов, без духовного приготовления, с одними привычками и пристрастиями к земному и чувственному. Душа в том находит удовольствие, и в том живет, к чему прилепились ум и воля: лишение сего есть для нея глад, скорбь, страдание, смерть. Отторжение же ума и воли от одного предмета и прилепление к другому, по порядку природы, не совершается мгновенно. Посему со всякою душою, которая с одними привычками и пристрастиями земными, без духовного приготовления, чрез смерть очутится в мире духов, естественно должно происходить подобное тому, что произошло с описанным в Евангелии богачем, который, поелику до смерти занимался только тем, чтобы услаждать свой язык ястием и питием, то и по смерти не нашел у себя для себя высшей мысли и лучшего желания, как чтобы прохладить свой язык, но также не нашел и желаемой капли воды. Пришельствующая в незнакомый духовный мир душа мечтает о привычных земных занятиях, жаждет привычных чувственных удовольствий: но их там нет. Напротив того, там есть возвышеннейшие предметы созерцания, чистейшие источники радости и блаженства: но они чужды ей уму и воле. Что же для нея остается? Ея внутренняя пустота, глад, скорбь, страдание, что и составляет ее смерть.

Итак очевидно, что, дабы благонадежно переступить за гроб, надобно к сему располагать и готовить себя по сю сторону гроба. Каким образом? Надобно, сколь можно, себя отрешать и освобождать от привязанности и пристрастия к земному, плотскому, чувственному; потому что *плоть и кровь царствия Божия наследити не могут*

(1 Кор. XV. 50). Поелику же *нова небеси и новы земли по обетованию Его чаем, в нихже правда живет* (2 Петр. III. 13); то надобно искать правды, чтобы она жила в нас, и мы с нею могли по смерти жить в царствии Божиим; надобно одушевляться любовию к добру; надобно творить благия дела.

Может быть некоторые помыслят: как будут нам полезны за гробом благия дела, которыя мы сделали в земной жизни? Они останутся на земли, подобно как и все, что мы здесь имеем и делаем? – Нет, братия. Не так думают ведающие тайны и судьбы Божии. Они полагают, что благия дела переходят с нами за гроб. Глас с небесе к тайновидцу Иоанну *блаженными нарек умирающих о Господе*, и обещал им *покой*, и дал на сие причину: *дела бо их ходят в след с ними* (Апок. XIV. 13). Если вещество некоторых благих дел, например, подаваемая милостыня, и принадлежит земле, и на ней остается: тем не менее дух благих дел принадлежит душе, сердцу, воле, совести; а потому переносится и в вечность, и открывается миром совести, святою силою воли, радостью сердца, блаженством души.

Впрочем мы обманули бы себя, если бы сказали: станем делать добрыя дела, и сего довольно для приготовления нашего к благонадежной смерти и к блаженной вечности. Слово Божие говорит о законе Божиим и о добрых по нему делах: *сотворивый та человек жив будет в них* (Гал. III. 12). Но оно говорит также: *иже весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен* (Иак. II. 10). Кто из нас не согрешил в чем-нибудь *едином*, и более нежели в *едином*? И следственно, кто не повредил, больше или меньше, и добрых своих дел? Кто не сделался повинным пред вечным правосудием Божиим? Повинность же ведет не к покою и блаженству, но к суду и наказанию. Итак в приготовлении нашем к будущему нам предлежит еще важная забота, как бы и добрыя наши дела от греховнаго примешения очистить, и от повинности себя освободить. Но если и добрыя наши дела не довольно нам помогают, и даже сами требуют помощи: то где найдем мы довольную помощь? Небо и земля, и самые Ангелы могут ли сделать повиннаго правым, и грешника святым? Конечно, не могут. И что же с нами будет? Надобно ли уже признаться, что, по греховному повреждению природы нашей, мы существа погибшия? По истине мы существа погибшия: только да будет сие признание без отчаяния, и не без надежды; и отсюда открывается вид на истинный путь спасения. *Прииде бо Сын человеческий взыскати, и спасти погибшаго* (Матф. XVIII. 11). Вочеловечившийся Сын Божий освобождает нас от повинности вечному правосудию: поелику Он есть *Агнец Божий вземляй грехи мира* (Иоан. I. 29). Он дарует нашим добрым делам силу, чистоту и совершенство: поелику *Бог Сына Своего посла да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих, но по духу* (Рим. VIII. 3. 4). Он глаголет нам: и *глаголы Его дух суть и живот суть* (Иоан. VI. 63). Заповедует: и с заповедию соединяет блаженство и царствие небесное: *блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное* (Матф. V. 3). Повелевает веровать: и обещает: *веруяй в Мя, аще и умрет, оживет* (Иоан. XI. 25). Призывает последовать Ему: и обещает: *иде же есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Иоан. XII. 26). Страждет на кресте: и дает нам образ и силу *распятъ плоть со страстьми и похотьми* (Гал. V. 24). Умирает, воскресает: и пробивает нам удобопроходную стезю сквозь область смерти к жизни вечной.

Видишь ли теперь, христианин, что всего нужнее для благонадежного приготовления к смерти и к будущей жизни? Веруй в Господа Иисуса, и призывай Его: следуй Его учению и примеру; прилепляйся к Нему памятию, и умом, и сердцем: и ты можешь, не запинаясь, сказать со святым Павлом: *Мне еже жити, Христос: и еже умрети, приобретение есть*. Аминь.

259. Слово

по обновлении храма Знамени

Пресвятыя Богородицы в селе Дубровицах.

(Говорено августа 27-го; напечатано в Губерн. Вед. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

После обновления вещественного и художественного, ныне обновлен храм сей обновлением духовным и священным. Теперь он то, чем должен быть: и потому теперь время смотреть, что он есть.

Домом молитвы, святилищем таинств он уже являет себя в самом действии. При воззрении же на образ его устройства и украшения, нельзя не заметить, что храмоздатель старался произвести нечто необыкновенное, возбудить особенное внимание зрителя, и следственно сообщить зданию качество памятника.

В самом деле, сей храм полтора уже века хранит память Князя, который восприял благочестивую мысль создать его, – и с тем вместе провозглашает славную память великаго Царя, который, по благоволению к вельможе, принял на себя руководствовать исполнением благочестивой мысли его, и который свою господствующую мысль – дать России новый образ, по образцам других народов Европы, напечатлел почти на каждом камне сего здания.

Но время любит смирять помысл человека, покушающагося сделаться вечным во времени. Оно простерло неблагоклонную руку на сей памятник, и угрожало затмить память, ему вверенную. Жители окрестных весей, которым предоставлено было пользоваться сим храмом, не в силах были остановить обветшание его, и возстановить его прочность и благолепие; и тот, кто имел бы довольно сильную обязанность и средства, вероятно, и желание, сие сделать, не мог, по неисповедимым судьбам Божиим. Как же сделалось, что мы видим храм сей не ветшающим и близким к запустению, но возобновленным, упроченным, благолепным паче прежняго? – Светлою чертою в сем случае проявил себя дух облеченнаго наследственными преимуществами и законными учреждениями соединеннаго сословия вельмож и благородных мужей. Что прекрасно было бы сделать одному, но чего он не мог: то за него принял к сердцу другой; и соединяя полномочие власти с побуждениями благочестия и человеколюбия, совершил дело, которым принес Богу жертву от немоущаго принести ее собственными руками; доставил многочисленным христианам окрестных мест утешение пользоваться упроченным и благолепным храмом; достопамятность века минувшаго надежно сохранил грядущему.

Церковь будет благодарна за обновление, также как и за создание сего храма; к памяти прошедшаго присоединит память и настоящаго, и благодарностию сохраняемые имена вознося к Богу, не престанет взывать, да помянет их во Царствии Своем ко благу и блаженству.

Довольно сего воззрения на сей храм, в отношении к собственной его судьбе. Мы не исполнили бы своего долга, если бы не ускорили воззрением на храм, в отношении к входящим в него.

Когда построен дом: надобно жить в нем: иначе для чего было бы и строить его? Когда приобретена какая-либо вещь: надобно сделать из нея полезное употребление: иначе для чего было бы и приобретать ее? Так, когда благоустроен и освящен храм: надобно посещать его, и обретать в нем духовную пользу; иначе к чему был бы труд в созидании его, и щедрость в его украшении?

Богу посвящается храм: не потому, чтобы в сем жилище имел нужду Бог, Который живет во свете неприступном, но потому, что для человека нужно средство приближения и доступа к Неприступному Богу. Бог снисходит к сей потребности человека; прикасается к ограниченности его Своею безпредельностью; повелевает или позволяет создать малыми мерами ограниченный *дом Имени Своему*, познаваемому, прославляемому, призываемому, покланяемому, Богомощному, Богодейственному, а не существу невместимому; и дает Своему храму благословение и обетование: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни, – очи*, чтобы здесь особенно человек сознавал, что Бог видит его, – *сердце*, чтобы здесь особенно человек испытывал и чувствовал, что Бог его милует.

Посему можно сказать, что не столько человек созидает и посвящает храм Богу, сколько Сам Бог дарует Свой храм человеку. И если дело человеческое надобно благоразумно употреблять в пользу: кольми паче даром Божиим надобно пользоваться благоговейно.

Как пользоваться храмом? – Первее всего возлюби посещать его, дабы потом он сам способствовал тебе научиться, как им пользоваться. Старайся возбудить в себе чувство того, который сказал и написал: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем*.

Сам Бог называет храм *домом молитвы*. И так пользуйся им для прославления Бога, для твоего упражнения в молитве и для снискания благ, ею приобретаемых. Не слышишь ли, как усиленно храм призывает тебя к молитве частыми воззваниями: *Господу помолимся*, как руководствует тебя произносимыми молитвословиями? Не удобно ли тебе внимать и следовать молитве, уже готовой? Внимай же и молись, не только слухом или устами, но и сердцем, дабы не постигло тебя Господне обличение и осуждение: *Приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Мя, сердце же их далеке отстоит от Мене* (Матф. XV. 8).

Священное Писание называет еще храм *святилищем*. Сие наименование относится преимущественно к таинствам, в нем совершаемым для освящения человека. Итак пользуйся храмом для освящения себя таинствами, и особенно высоким и Божественным таинством Тела и Крови Христовой. Что может быть вожденнее и благотворнее сего таинственного соединения со Христом, в котором *обитает всяко исполнение Божества телесне*?

Христова Церковь дала Храму Божию и его чиноположениям такое устройство, что он может еще назваться училищем веры и добродетели. Здесь Евангелисты, почти каждый день, по частям, в порядке, повествуют о событиях земного жития Христова, и проповедуют Его учение; здесь Апостолы, чрез свои писания, изъясняют сие учение, и прилагают к различным состояниям и обстоятельствам жизни христиан; здесь Пророки открывают нам древния судьбы Божии, и разнообразно нас поучают; здесь таинственные учения о Пресвятой Троице, о Воплощении Сына Божия и о нашем спасении живоносною Его крестною смертью, оглашают нас и в чтениях и в песнопениях церковных так часто, как сие нужно по их таинственности и необходимости для нашего спасения. Будь только прилежен и внимателен к церковному Богослужению: и оно по времени умудрит тебя

столько, сколько нужно христианину для благоустройства жизни временной, и для достижения спасения вечного.

Сколько потерь для христианина, если он не радит посещать храм Божий, или бывает в нем не внимателен и рассеян! А не многие ли из нас подвергают себя сим потерям, или не заботясь о том или не право в том извиняясь! Обыкновеннее всего то извинение, что дела дома, семейства, хозяйства, должности не позволяют часто быть в церкви, даже во дни, особенно Богу посвященные. Что на сие скажу? Количества дел ваших я не знаю. Но знаю, и могу вам указать человека, который конечно более имел дел, нежели вы, однако не только ими не был удаляем от дома Божия, не только часто посещал его, но почти жил в нем, по крайней мере, сердцем и желанием. Давид имел дела дома, семейства, хозяйства, царства, благоустроил царство не давно образовавшееся, и уже разстроенное, строил вновь столицу, вел войны со многими сильнейшими его врагами: но посмотрите, как ему досужно заниматься домом Божиим, как бы единственным предметом: *едино просих от Господа, то възьму, еже жити ми в дому Господни, и посещати храм Святый Его.*

Сердца Давидова желаем братии святого храма сего, *да в церквах благословите Господа, и благословитесь из дома Господня* благословением временным и вечным. Аминь.

CCCXLIX.

260. Слово

в день памяти преподобнаго Сергия.

(Говорено сентября 25 в Троицкой Лавре;

напечатано в Твор. Св. От. 1850 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

*Претерпевый же до конца, той спасен
будет* (Матф. X. 22).

Спастися, в обыкновенном употреблении сего слова, значит избавиться от опасности, от врага, от беды, от страдания, от смерти, от гибели. Так Ной посредством ковчега спасся от вод потопа, Лот бегством спасся от огня содомскаго. В высшем духовном разуме, *спастися* значит избавиться от врага диавола или от опасности подвергнуться его мучительству, сохраниться или очиститься от греха, как источника всех бед и страданий, освободиться от клятвы закона, связующей и поражающей грешника, избегнуть осуждения от вечнаго правосудия, быть безопасным от поглощения бездною, *идеже червь не умирает, и огонь не угасает*, где жизнь и безсмертие непрестанно убиваются смертию неумирающею. Кто таким образом спасется от всякаго зла: того жребием, очевидно, должно быть благо и блаженство.

Посему кто не пожелает спасения? И может ли быть человек, который бы действительно не желал онаго? Если некоторые люди живут и поступают так, как бы они не желали себе спасения: то это или потому, что прельщаемые и ослепляемые страстями, они безразсудно почитают возможным без опасности отложить исполнение сего желания до будущаго времени; или потому, что по множеству грехов и беззаконий, ими содеянных, отчаяваются в своем спасении; а если бы в них возбудилась надежда спасения, то возбудилось бы и желание. Жесточайший враг спасения нашего есть отчаяние. И поелику Бог никого в сей

жизни не присуждает к отчаянию, объявив торжественно чрез Пророка, что *не хочет смерти грешника*, сколь ни тяжки грехи его, *но еже обратится и живу быти ему* (Иезек. XXXIII. 11); и поелику человек сам своим упрямством и гордостью поражает в себе отчаяние: то у человека, отчаявающегося в своем спасении, нет врага столь жестокого, как он сам.

За желанием спасения и сознанием возможности онаго естественно следует помышление о средствах достигнуть онаго. Вышнее начало нашего спасения есть благодать Господа нашего Иисуса Христа, как свидетельствует Его возлюбленный ученик: *яко Отец посла Сына Спасителя миру* (1 Иоан. IV. 14). А соответствующия сему началу средства со стороны человека суть вера, действующая любовью, и употребления таинств Церкви, по реченному самим Господом: *иже веру имет и крестится, спасен будет* (Марк. XVI. 16).

Сколь ни совершенны и действительны сии средства спасения: но поелику в приспособлении оных к душе и жизни человека встречаются препятствия и затруднения; то, для устранения сих препятствий, и для препобеждения сих затруднений, вновь требуются некоторые вспомогательныя средства. Одно из таких средств указывается нам изречением Господним: *претерпевый до конца, той спасен будет*. Спасется только тот, кто претерпит, и претерпит до конца. Следственно, вспомогательное средство спасения есть терпение, и притом терпение до конца.

Христос Спаситель поставляет терпение в ближайшем соотношении с гонениями за имя Его. *Се Аз, говорит Он, посылаю вас, яко овцы посреде волков; – предадут вы на сонмы, и на соборищах их бьют вас; – и будете ненавидими всеми имене Моего ради: претерпевый же до конца, той спасен будет*. Гонение за истинную веру есть открытое и торжественное поприще терпения; и славный в Церкви чин претерпевших до конца и спасшихся суть святые мученики.

Но что же мы, живущие в такие времена, когда нет гонений за имя Христово, когда, как говорит святой Златоуст, *ни раны, ни узилища, ни князи, ни сонмища, ни ино что от таковых належит нам, но и сопротивное все; мы начальствуем и обладаем, ибо цари благочестивии, и чести мнози христианом?* Пожалеем ли, что нам не дано участия в подвиге и в славе терпения мученического? – Это было бы, может быть, самонадеянно и дерзновенно. Или порадуемся, что можем обойтись без подвига? – Это было бы неблагородно, а притом и погрешительно. Начальник нашего спасения преподавал учение о спасительном терпении в след за предсказанием о гонениях за веру, по естественной последовательности: но сим не ограничил области терпения. Он обещал спасение претерпевшему до конца: но никогда не обещал спасения нетерпеливому или не испытанному в подвиге терпения. Посему все мы, если желаем спастись, должны стяжать терпение, и сохранить оное до конца. *Претерпевый до конца, той спасен будет*.

Область терпения должна простираться на всю жизнь человека и на все судьбы человечества в сем мире. С терпением – человек приобретает и сохраняет блага, успевает в предприятиях, достигает исполнения желаний, безвредно выдерживает приращения зол: вышед из терпения, он тотчас в опасности утратить благо, и пострадать от зла, или, что не менее бедственно, сделать зло. Минута нетерпения может разстроить годы и веки.

Поверите ли, что терпение нужно было даже в раю, где по видимому, совсем нечего терпеть? – Поверите, если размыслите. Если бы праматерь Ева имела довольно терпения, не отвечать на речи змия искушителя, с первого слова ложныя, не бросаться, при возбужденном чувственном влечении, опрометчиво на запрещенный плод, остановиться и подумать, не безопаснее ли верить Богу, нежели змию, посоветоваться, прежде

несчастной решимости, с мужем, менее ея неопытным, еще до ея сотворения уже бывшим в общении с Богом: очень вероятно, что чувственное влечение было бы остановлено, истина восторжествовала бы над ложью, не был бы соделан грех, и не последовала бы смерть. Недостало терпения: и прародители пали, и с собою низринули весь будущий род человеческий.

По сравнению с раем, надобно ли изъяснять, сколько нужнее терпение на земле, куда человек для того и послан из рая, чтобы *в терпении стяжал душу* свою? Для чего всеблагий Бог изрек сие строгое определение: *умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя; – в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. III. 16. 19)? Конечно, не для того, чтобы открыть случай нетерпению или ропоту, но для того, чтобы ввести человека в подвиг спасительного терпения.

Если бы терпение имел Каин во время своего унижения пред младшим братом, при жертвоприношении: он, без сомнения, искал бы средства, поправить свое неприятное положение, в усерднейшем впредь служении Богу, а не в братоубийстве; и человек, может быть, долго бы еще не изобрел тягчайшего из преступлений – человекоубийства.

Дерзнем сказать и о блаженной Сарре нечто не к славе ея: ибо и в облагодатствованных душах иногда видны немощи природы, подобно как в солнце – темные пятна; но для внимательных и немощи сих душ поучительны, подобно как их добродетели. Если бы супруга отца верующих имела довольно терпения, не смотря на свое продолжительное неплодство, спокойно ждать исполнения обетования Божия о семени Авраама, когда и как восхощет Обетовавший; если бы она не поспешила испросить себе у Авраама сына от рабыни: не было бы Сарре скорби и затруднений от Агари; не было бы Исаила, неблагоприятного Исааку; не было бы агарян, враждебных естественному и духовному семени Авраама.

Если бы у Израильтян, при Синае, достало терпения на сорок дней, чтобы ничего не предпринимать в ожидании разрешения неизвестности о Моисее, умедлившем на горе: они не запятнали бы себя идолослужением золотому тельцу при самом, так сказать, подножии престола истинного Бога, Законодателя. Вообще недостаток терпения был источником их преступлений и бедствий во время странствования их в Аравийской пустыне.

Саул, во время опасности от врагов, имел терпение семь дней ждать Пророка Самуила, для совершения жертвоприношения, по повелению Божию: но у Саула недостало терпения только на несколько еще часов; он совершил жертвоприношение без Пророка: и Пророк явился уже не для того, что бы призвать ему Божию помощь, но чтобы объявить ему лишение благодатного избрания Божия.

Если сии примеры страшны, потому что показывают, как легко погрешить против терпения, и как тяжки последствия от сего: то утешим и ободрим себя другими очевидными опытами того, как можно в самых трудных обстоятельствах сохранить терпение, и как благотворны от сего последствия.

Какия лишения, страдания, искушения претерпел праведный Иов! И как верно и щедро вознаграждено его терпение!

Какия жестокия и продолжительныя гонения претерпел Давид! И как славно вознаграждено его терпение!

Какие многообразные роды истязаний, мучений, смертей, нарочно изобретены были врагами христианства для того, чтобы поколебать терпение христианских мучеников! И как чудно совершалась в их немощи сила Божия, то спокойным, и даже иногда безболезненным перенесением мучений, то внезапным изцелением ран, то карательными действиями над мучителями, то духовною победою, превращавшею самих мучителей в христиан!

И кроме мученичества, как много и долго претерпевали многие подвижники благочестия, которые, по верному для прешедших и последующих времен изображению Апостола, *проидоша в милотех, и в козях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающиеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастьх земных* (Евр. XI. 37. 38)! И от тощих, по видимому, семен самоотвержения, добровольных лишений, претерпеваемых искушений, при орошающих слезах и теплоте молитвы, какие обильные в них являлись и являются плоды добродетелей, дарований духовных, благодатной силы и славы, еще на земле не небесной, а потом и из затворенного для нас неба благотворно просиявающей на землю!

Сказанному теперь ты даешь очевидное и неумолкающее свидетельство, преподобне Отче Сергие! *Свидение твое да уверится зело* (Псал. ХСII. 5) в сердцах наших, дабы видимые у тебя славные плоды побуждали нас заимствовать у тебя хотя несколько добрых семен, от каких оные прозябли; дабы и мы возлюбили самоотвержение, добровольныя лишения, благодушные в искушениях; дабы и мы, в посильную меру, стяжавали добродетели, простирались к дарованиям, достигали спасения, *терпя настоящая мужественно, веселяся будущими*.

Без терпения нет подвига: а без подвига нет добродетели, ни дарования духовного, ни спасения. Ибо *царствие небесное нудится* (Матф. XI. 12).

Хочешь ли, по заповеди Христовой, стяжать совершенную любовь, объемлющую и врагов? – Размысли, как сие возможно. В людях встречаешь ты часто недостатки, не редко пороки, иногда и ненависть к тебе: а это располагает к неуважению людей, к отвращению от них, к взаимной ненависти, а не к любви. Как же стяжать любовь ко всем? – Если решишься и приобучишь себя с терпением взирать на недостатки и пороки людей, и на самую ненависть к тебе; то можешь возлюбить всех, не преставая ненавидеть пороки: а без терпения не можешь.

Хочешь ли, по Апостолу, быть *чадо послушания* (1 Петр. I. 14)? – Размысли, как сие возможно. Если начальствующий или старейший будет тебе повелевать только то, чего ты и сам желаешь: то ты будешь исполнять свою волю, исходящую из уст другого. Трудно признать здесь добродетель послушания. Послушание несомнительно тогда, когда ты очевидно не своему следуешь мудрованию, и не своим желаниям, но разсуждению и воле повелевающего. Посему надобно, да и неизбежно, чтобы тебе нередко повелеваемо было то, что тебе не по мысли, не по желанию, не по вкусу, что тягостно для твоей неги, непокойно и обременительно для твоей безпечности: но чтобы сие исполнить без противления, без прекословия, без ропота, для сего нужно терпение. Итак, если имеешь терпение, то можешь иметь послушание: а без терпения не можешь.

Подобно сему и всякая добродетель требует некоторых лишений, труда, подвига, брани против страстей, вожделений, искушений, не всегда легко и скоро увенчаваемой победою: и следственно требует терпения. Если поколеблется терпение: не устоит и другая добродетель. И поелику добродетель есть обязанность всей жизни до конца: то и терпение есть потребность всей жизни до конца, если человек не хочет подвергнуться грозному

определению Божию, провозглашенному Пророком Иезекииелем: *аще совертится праведник от правды своея, и сотворит неправду по всем беззаконием, яже сотворил беззаконник, вся правды его, яже сотворил есть, не помянутся: в преступлении своем, имже преступи, и во гресех своих, имиже согреши, в них умрет* (Иезек. XVIII. 24).

И после правды можно умереть во грехах, и умереть вечно! Как опасно такое положение! Какая посему потребна осторожность! А как часто мы забываем опасность, и не думаем об осторожности! Слово Божие, совесть, советы добрых людей, указания Провидения подвигают нас на путь правды; и мы с жаром вступаем в духовный подвиг: но потом время охлаждает жар; труд подвига утомляет; искушения разстраивают; некоторые успехи в добре располагают к беспечности; словом, недостает терпения и постоянства: и наченные духом нередко плотию скончают.

Братие, подвижники веры и добродетели! Братие, подвижники самоотвержения и креста! *Терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на Начальника веры и Совершителя Иисуса, и с терпением да продолжим оный до конца. Претерпевый же до конца, той спасен будет.* Аминь.

CCCL.

261. Слово

в день восшествия на Всероссийский Престол

Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорено в Чудове монаст. ноября 22;

напечатано в Губерн. Вед. 1850 г., в Твор. Св. От. 1851 г. и в собр. 1861 г.)

<1850 год>

Нынешний день, прежде проповедующаго, сам говорит слово, которое отдается глубоко в сердце Русском, и возбуждает думы: — двадцать пять лет совершилось, как царствует над нами Благочестивейший Государь Император Николай Павлович.

Времена нельзя было бы исчислять, если бы их не разделяли на круги, ограниченные известными пределами. Посему Бог создал светила, с тою между прочим целию, *да будут в знаменья, и во времена, и во дни, и в лета* (Быт. I. 14). Не довольствуясь естественным разделением времен, Он дал им разные сочетания, приспособленные к высшим, преимущественно нравственным и духовным целям. Так образовал Он седмицу дней, а в законе Моисеевом и седмицу лет, и седмицу седмилетий; и поставил в особенное внимание седмый день, седмый год, и, по семи седмилетиях, пятидесятый год: дабы человек, прошед определенное поприще времени, особенно не краткое, остановился как бы на рубеже, осмотрелся, рассмотрел над своими путями пути Провидения, воздал славу Небесному Водителю и Охранителю, из опытов прошедшаго извлек для себя наставление в отношении к будущему.

Пятидесятилетний круг времени, который у Евреев был законным, церковным и государственным, у Христиан, вместе с прочими ветхозаветными обрядами

учреждениями, потерял силу закона: однако не совсем уничтожился, а перешел в область обычаев; и когда, быв приспособлен к человеку лично, представился слишком долгим для недолгой по естеству человеческой жизни, тогда понадобилось разделить пятидесятилетний круг на два, и образовать двадцати-пяти-летний круг. Ибо и двадцати-пяти-летие пребывания, деятельности, подвигов, в известном состоянии жизни представляет такое поприще, которое пройти значит одержать не малую победу над всеизменяющею силою времени.

Что же скажем о благополучном совершении двадцатипятилетнего поприща столь высокой деятельности, столь многотрудных подвигов, как царствование над обширным Царством, во времена особенно трудных для Царей и Царств? – Не по применению к обычаю только, но по размышлению о истинном основании для обычая, говорим, что день, запечатлевающий двадцати-пяти-летие благополучно продолжаемого царствования, – день нынешний, есть особенно достойный благоговейного внимания, достопамятный, благознаменательный.

При разсматривании ознаменовавших сие двадцати-пяти-летие Царских деяний, можно близкими опытами поверять то, что древняя мудрость и Царская опытность внушили Царю мудрецу написать: *егда Царь праведен на престоле сядет, не противится пред очима Его ничтоже лукаво* (Притч. XX. 8). Приметьте, что есть *лукавое* в Царстве и праведного Царя; потому что в небесном только Царствии нет зла, ни порока, ни беды: но *лукавое* не имеет силы *противиться* Царю праведному.

Лукавое с дерзостию явилось было в то самое время, когда Николай Первый должен был возсесть на прародительский престол; и внезапная буря угрожала общественному порядку и безопасности. Но Царь, твердый правдою своего призвания, и упованием на Бога, не поколебался ни на мгновение; крепостию Своего духа запретил буре; утвердил Престол в то самое время, когда возсел на него, в первый день Царствования сделался избавителем Царства.

Вскоре потом две не-Христианския державы, одна по другой, вызывали Его на подвиги бранные: и хотя открытая сила врагов подкрепляема была не менее значительною тайною силою завидующих России; однако правда и крепость нашего Царя в брани и уверенность в победе низлагали открытое, и обезоруживали скрытое противоборство так, что исполнению намерений Его не могло *противиться ничтоже лукаво*.

Так было и тогда, когда народ, не совсем иноплеменный, утраченное им достоинство царства получивший только по милости Русскаго Царя, и доведенный до безпримерного в прежней истории его благоустройства и благосостояния, воздал за благодеяния неблагодарностию, и за благоуправление мятежем. Грозен и неотвратим был громовый удар Царской правды, поразивший крамолу и своеволие: но вслед за тем, подобно как громовое облако благотворным дождем, разрешилась Царская правда Царскою милостию, простираемою на всю страну, и в особенности на несчастных, и даже на виновных, поколику можно было миловать безвредно.

Хотите ли видеть во внутренних делах Государства не воспящаемую затруднениями правду Цареву? – Посмотрите на законодательство. Век прошел до Николая Перваго в неутвердившихся предположениях и в неуспешных трудах, чтобы дать благоустройство Русскому Законодательству. Он совершил сие в немногие годы.

Говорящему в церкви было бы не свойственно не коснуться сколько нибудь и дел церковных в соотношении с делами Государства. Единство веры есть важное

подкрепление единству народности, и оба сии единства вместе имеют важное отношение к силе Государства. Около двух миллионов Русского народа, прежде единовѣрных, в три прошедшие века, чуждою хитростию и насилием отторжены были от Православной Церкви, и употреблены продолжительныя всевозможныя усилія прикрепить их к Церкви Западной. Правительство же Русское поступало с ними по правилам веротерпимости. Посему, сколько должно было желать, столько же мало можно было надеяться их воссоединения с Православною Церковью. Но они вдруг, собственным движением, под предводительством всех своих высших пастырей, и почти всех священнослужителей, тихо и свободно пришли в Православную Церковь, подобно как овцы возвращаются во двор овчий, из котораго недавно вышли. Как это сделалось? Если смотреть на средства человеческия: действие оказывается сильнее средств. Так и должно быть в деле Божиим. Это дар Провидения благочестивой правде Царевой, ко благу Царства.

Но я не жатву собираю, а только срываю некоторые класы на многоплодном поле Царскаго двадцати-пяти-лѣтня.

Можно ли однако не упомянуть о недавних событіях, когда правда Царя нашего подвиглась на защищеніе оскорбленной правды Царя-Союзника? – Не могло Государственному Защитнику правды *противиться ничтоже лукаво*, хотя для сопротивленія поднят был почти поголовно целый народ, обольщенный и обладаемый сынами лукавства, из многих народов соединившимися в единомысліе лукавства.

Приятно для верных сынов Россіи слышать, что и в царствах, в которых на Россію привыкли смотреть только со страхом ея силы, и с опасеніем ея усиленія, и сквозь туман собственных мечтаній не могли ясно видѣть истинно высокаго духа Самодержца Ея, наконец в настоящее время раздаются громкія признанія правоты, твердости, умеренности правил Самодержца Всероссийскаго в отношеніи к другим державам, и благотворной силы слова Его к прекращенію опасных несогласій между некоторыми из них.

Прославим, Россіяне, Господа, *в руце Котораго власть земли*, и Который *потребнаго воздвигает во время на ней* (Сир. X. 4). Воистину, благопотребнаго воздвигнул Он Благочестивѣйшаго Самодержца нашего Николая Павловича, – благопотребнаго для Россіи, чтобы твердою рукою держать бразды правленія обширнѣйшаго Царства, чтобы любовью ко всему отечественному охранять чистоту Русскаго духа от чуждых вліяній, – благопотребнаго для Православной Церкви, чтобы ревностію к Православію споспешествовать распространенію пределов ея, чтобы неослабно попечительностію возвышать благоустройство в чинѣ служащих Церкви, чтобы благочестіем сообщать жизненную силу умственному и нравственному образованію народа, – благопотребнаго для многих Царств и народов, чтобы силою правды и правдою силы и за пределами своей державы поддерживать законную власть, порядок, взаимную правду и мир между царствами и народами, тогда как *род строптив и преогорчеваяй, род, иже не исправил сердца своего, и не уверил с Богом духа своего* (Пс. LXXVII. 8), волнует народы, когда *царства, раздѣлившись на ся*, колеблются, когда неправда домогается восхитить силу, а сила не довольно чтит правду, когда мечтают на мятежѣ основать законность, во всенародных распрях найти источник общественнаго согласія, имѣть свободное управленіе посредством поработеннаго Правительства, когда безначаліе хочет быть началом, очевидно не созидательным, а разрушительным.

Поелику же разсмотрѣніе совершившихся в известном кругѣ времени событій, открывая нам пути Провиденія, должно, как мы сказали, преподать нам и наставленіе: то да слышим. Пример Царя, правдою побѣдоноснаго и славнаго, проповѣдует правду народу. И

взоры на всю современность, чем более их расширяем и углубляем, тем сильнее побуждают вопиять с Пророком и с Царем Пророком: *правде научитесь живущии на земли* (Ис. XXVI. 9). *Правда возвышает язык; умаляют же племена греси* (Притч. XIV. 34). *Правда мужей правых избавит их; безсоветием же уловляются беззаконнии* (Притч. XI. 6).

Надобно ли объяснять, как нужна правда? – Вообрази, что ты окружен людьми, которые не говорят правды, не делают правды; что следственно уверениям в доброжелательстве нельзя верить; что на обещания нельзя полагаться; что призываемый тобою, или посылаемый на дело скажет: пойду, и не пойдет; что должник скажет: заплачу, и не заплатит; что выслушавший твою просьбу о защите скажет: защищу, и не защитит. Можно ли между такими людьми хотя день провести спокойно и безопасно? Не видишь ли, что без правды нельзя жить?

Скажешь ли: я позволяю себе только малую неправду, от которой не будет великаго бедствия? – отвечает тебе Премудрый: *уничижаяй маля по малая упадет* (Сир. XIX. 1). Если ты сегодня позволишь себе неправду в малом слове, завтра в малом деле; если другие, приметив сие, будут отвечать тебе тем же; если начальствующий не будет соблюдать правды в распоряжении, подчиненный в исполнении повеленнаго; если приходящий в суд позволит себе приносить неправыя просьбы, и прельщать судящаго дарами, а судящий уступит прельщению: то неправда может неприметно возрасти в такую гору, которая, обрушась, многих погребет под развалинами.

Впрочем не совершенна была бы правда, если бы ее соблюдали только из страха беды и гибели. Да любим и да творим правду: потому что она сама в себе любезна; потому что сродна душе нашей, и еще паче потому, что *Господь любит праведники* (Пс. CXLV. 8). Аминь.

СССЛІ.

262. Слово

в день Тезоименитства Благочестивейшаго Государя

Императора Николая Павловича.

<1850 год>

(Говорено в Мариинской церкви Императорскаго

Вдовьяго Дома, декабря 6; напечатано в Губерн. Вед. 1850 г.;

в Твор. Св. От. 1851 г. и в собрании 1861 г.)

<1850 год>

*Сеяй скудостию, скудостию и пожнет:
а сеяй о благословении, о благословении
и пожнет* (2 Кор. IX. 6).

Святый Апостол Павел, в послании к Коринфским Христианам, между прочим, приглашает их собрать между собою милостыню, и приготовить для отправления в

Иерусалим, в пользу тамошних бедных Христиан. Он желает от них обильного благотворения; но не желает вынуждать онаго: и потому притчею подает им мысль, посредством которой они сами расположились бы к щедрости. *Сеяй скудостью, скудостью и пожнет: а сеяй о благословении, о благословении и пожнет.* Кто сеет скудно, у того скудна будет и жатва: а кто сеет обильно, у того и жатва обильна будет. То есть: кто благотворит скуп, тот не имеет права на щедрое воздаяние; а кто благотворит щедро, тот получит обильный плод благотворения и щедрую награду от Бога.

Как обильно сеет благотворения Благочестивейший Государь Император наш, приемля, где можно, в содействие столь же благотворную руку Благочестивейшей Супруги Своей! Беспомощному младенчеству – питание, отрочеству и юношеству – воспитание и образование способностей к полезной и благополучной жизни в обществе, истощившей силы заслуге – почетное довольство, убогой старости и дряхлости – призрение и покой, вдовицам – тихое и обеспеченное убежище, болящим – врачевание и сердобольное служение, – вот разнообразное сеяние, которое никогда у Него не прерывается. Кроме сего каждое радостное событие в Его семействе вновь отверзает Его сердце, чтобы благотворением даровать радость сердцам, стесненным лишениями и скорбями. Если в каком бы то ни было крае обширного Царства случилось бедствие, от которого многие пострадали: при первой о сем вести тотчас простирается рука Царя, чтобы на месте бедствия посеять вновь семена благосостояния. К правилу, *да не увести шуйца, что творит десница*, Он присовокупляет другое, чтобы десница не была останавливаема тем, что творит шуйца: милующая и благотворящая *десница* Его не редко, видимо или сокровенно, простирается и к тем, которых Его правосудие поставляет ошуюю, – на месте суда и осуждения.

О, *Даяй семя сеющему* (2 Кор. IX. 10), и возвращай плод, и умножай жатву! Даруй, и не престани подавать Державному Сеятелю благоденствий обильную жатву Твоих благословений, – долгоденствие и благоденствие, радость благотворящего сердца, признательность облагодетельствованных, любовь народов, преуспевание благих начинаний, победоносный мир и миротворную победу.

Мне кажется, что сию молитву о Царе приносит вместе с нами и в Бозе почившая Матерь Царева, Которая за двадцать пять лет пред сим завещала праздновать нынешний день особенно здесь, посреди облагодетельствованных и орудий благотворения, дабы к молитвам нашим тем удобнее преклонился Милующий милостивых.

Обратимся к самим себе.

Не думаю, чтобы кто принял намерение не сеять ни зерна добра на поле нужды и бедствия подобных себе. Таким расположением означилось бы не человеческое сердце. Но если надобно сеять: то конечно лучше сеять с надеждою обильной, нежели скудной, жатвы. А для сего, как учит Апостольское слово, надобно и сеять обильно. *Сеяй о благословении, о благословении и пожнет.*

Здесь представляется не незатруднительный вопрос: что значит: *сеять обильно*? Если скажем, что это значит сеять в большом количестве: то надобно будет заключить, что жребий сеять обильно, и в следствие того иметь обильную жатву, то-есть, щедрую от Бога награду, может достаться только немногим людям богатым; и что, напротив того, наибольшее число людей, люди, не обладающие богатством, по необходимости должны ограничиться скудным сеянием, и потому не могут надеяться обильной жатвы благословений Божиих. Но можно ли думать, что таков суд Божий? – Верно не таков, как можем усмотреть из примера упоминаемой в Евангелии вдовицы, которая подала в

Церковь только две лепты, и однако, по свидетельству и суду Христову, посеяла обильнее всех богатых. *Воистину глаголю вам, яко вдовица сия убогая множае всех вверже* (Лук. XXI. 3). Если бы она имела еще две лепты, и подала их нищему: Господь, без сомнения, также сказал бы, что она обильнее всех подала милостыню.

Скажем ли, что сеять обильно значит благотворить в соразмерности с способами, какие для того имеем? Но удобно ли определить сию соразмерность, при неисчислимо различных степенях довольства, и при разнообразии собственных нужд у призываемых к благотворению? У Евреев был закон, который на Богоугодные дела определял десятину, то есть, десятую долю от всего приобретаемого. Но Закхей мытырь нашел для себя неудовлетворительною законную меру благотворения, и назначил себе иную: *се пол имения моего, Господи, дам нищим* (Лук. XIX. 8). Закхееву меру благотворения конечно неудобно предлагать многим: но и меру Еврейского закона многие ли найдут для себя удобною? Христианская Церковь не перенесла в свои правила закона Иудейской Церкви о десятине: по предусмотрению ли неудобств в исполнении онаго, или по уважению к свободе Христианской, о сем пусть разсуждает каждый, как хочет. Мой долг напомнить только, что, по достоинству Христианства, Христианская добродетель должна быть выше Иудейской.

Предлагаем меру благотворения, никогда не затруднительную, всегда верную и благонадежную: такая мера есть – любовь. Тот *сеет о благословении, и о благословении пожнет*, кто благотворит из любви к Богу, из любви ко Христу, из любви к ближнему.

Христос Спаситель сказал: *Возлюбии Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею; – возлюбии искренняго твоего, яко сам себе; – в сию обою заповедию весь закон и Пророцы висят* (Матф. XXII. 37–40). Из сего Апостол вывел заключения: *любяй друга, закон исполни: – исполнение закона любви есть* (Рим. XIII. 8. 10). Другой Апостол определил свойство законоисполнительной любви, когда сказал: *не любим словом, ниже языком, но делом и истиною* (1 Иоан. III. 18). Из сих главных начал Христианского закона очевидно следует, что кто благотворит из любви к Богу и ближнему, у того благотворение, в чем бы ни состояло, всегда имеет полноту, и таким образом он сеет всегда не скудно, всегда с надеждою благословенной жатвы. Имеющему же много, любовь не позволит сеять мало.

Христос, грядущий Судия мира, предварительно изъяснил нам, откуда для сеющих благотворения возрастет жатва вечнаго благословения. Она возрастет не из вещества благотворения. Что значат лепты, поданные нищему? Что значат, если угодно, и груды золота, разсыпанные щедростию? – Все та же земля и тлен? Великое ли дело, по воле отдать другому нечто из того, что вскоре по неволе все оставишь, или что еще скорее тебя оставит? Вещество благотворения есть тело мертвое, если не присутствует и не действует душа, то есть, любовь. Она дает благотворению жизненность, рост, плод, жатву. Нищаго, которого так часто оставляют без внимания, или милуют с пренебрежением, Господь любит, и пострадал за него, и желает спасти его; и потому желает, чтобы он не отчаялся в своих страданиях, чтобы не умер преждевременно. Итак, если и ты, по заповеди Господней, любишь нищаго; то ты встречаешься и соединяешься в любви с Господом. Если с любовью утешаешь нищаго, и благотворишь ему: то хотя мало, хотя ничтожно, однако же споспешествуешь Господу хранить и спасать нищаго. Вот каким образом твое благотворение нищему переходит к Господу, и Он по истине глаголет: *понеже сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе* (Матф. XXV. 40). Вот каким образом малое зерно благотворения приносит безчисленную и безконечную жатву: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (34).

Побуждаясь таковыми размышлениями, да не оставляем, братия, без исполнения совета Апостольскаго: *благотворения и общения не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Бог* (Евр. XIII. 16). При том возлюбим лучший образ благотворения, – благотворение из любви. Сеемое рукою любви, растет уже в минуту посева. Любовь умножает утешение благотворящаго; потому что ничто не делается с таким удовольствием, как то, что делается из любви. И получивший благодеяние, сделанное с любовью, сугубо чувствует благодеяние.

Но при такой важности любви в отношении к благотворению, если кто ея не чувствует, когда предстоит случай к благотворению, и если не располагают к ней качества требующаго благодеяния: не надобно ли уже удержаться от благотворения? – Отнюдь нет. Чтобы недостатки ближняго не препятствовали твоей любви, призови в помощь смирение. Если и не имеешь живаго чувства любви, благотвори из послушания заповеди любви. Господь призрит на подвиг послушания, и дарует тебе радость любви, и чрез нее – совершенство благотворения. Аминь.

1851 год.

СССЛП.

263. Слово

в день мученицы Татианы.

(Говорено в храме святых мученицы Татианы,

при Императорском Московском университете,

января 12-го; напечатано в Моск. Вед. 1851 г.,

в Твор. Св. Отц. 1851 г. и в собр. 1861 г.)

<1851 год>

*Прилучится же вам во свидетельство.
Положите убо на сердцах ваших, не прежде
поучатися отвецавати: Аз бо дам вам уста
и премудрость* (Лук. XIX. 13–15).

В обители высших знаний, и следовательно, можно сказать, в обители мудрости, празднуем праздник Святых Мученицы. Есть ли какое отношение между обителию знаний и мученицею, между мудростию и мученичеством?

Нынешний день есть тот, в который за несколько веков пред сим, Святая дева, Диаконисса Римской Церкви Татиана, мученическим подвигом стяжала нетленный венец, и, посредством смерти за Христа, родилась в бессмертную блаженную жизнь. Нынешний же день есть тот, в который, почти за век пред сим от мудраго благоизволения благочестивой Царицы, родилась сия обитель знаний.

По правосудию Провидения день подвига для мученицы сделался и на земли днем славы, не празднословной и суетной, какова бывает слава мирская, но действительной и благотворной. Тогда как Церковь, вспоминая подвиг, славит Подвигоположника и

Венцедателя Христа, – тогда особенно дух увенчанной подвижницы привлекается посетить землю, как поприще совершившагося подвига, и в памяти чудесной благодатной помощи, споспешествовавшей подвигу, почерпает дерзновение предстательствовать о благодатной помощи, для просящих ее с верою; а небесный Венцедатель возобновляет награду подвига, многомилостиво преклоняясь к сему предстательству. Сим, без сомнения, помышляли воспользоваться руководители сего Царского учреждения, когда решились день основания его воспоминать не просто, но с призыванием Божия благословения дальнейшему существованию и деятельности онаго; и для того созданный здесь храм вручили покровительству святых Мученицы Татианы, и братию сего храма – ее молитвенному предстательству. Помышление благочестивое, проистекшее из чистого источника священнотайственных преданий.

Но как, по учению Апостола, все члены церкви, следственно и святые, *имеют дарования, по благодати данной им, различна* (Рим. XII. 6); следственно и благотворят преимущественно по роду своего дарования; следственно и желающим от них благодатной помощи прилично в некоторой степени сообразоваться с особенным их дарованием: то-есть причина вновь спросить: есть ли какое отношение между мученицею и обителем знаний? Есть ли какое сродство между мученичеством и мудростию?

Ответствую: есть. Мученик есть сын мудрости, и уже не младенчествующий. Мученичество есть род мудрости, и очень не низкий.

Чтобы трудная встреча с бедствиями не сделалась сугубо трудною от их нечаянности, Христос Спаситель предварил об них Своих последователей: *Возложат на вы руки своя, и ижденут, предающе на сонмища и темницы, ведомы к царем и владыкам, имене моего ради*; и присовокупил: *прилучится же вам во свидетельство*. То-есть: гонения за веру должны привести вас к тому, чтобы *свидетельствовать*. О чем? – Очевидно о истине веры Христовой, о Божественной силе Христовой. Заметим, что из сего изречения Христова древнею Церковию заимствовано наименование *свидетеля*, для означения *мученика*, так что на греческом языке *мученик* не иначе называется, как *свидетелем*. Можно догадаться, что для свидетельствования о Христе посреди сонмищ Иудейских, вооруженных законом и преданиями, и пред лицом царей и владык языческих, действующих лжемудрованием, лестью, силою и яростию, потребна была не малая мудрость. Но на что догадка? – Сие очевидно из продолжения слова Христова: *положите убо на сердца ваших, не прежде поучатися отвечаати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися или отвечаати вси противляющися вам*. Что Христос Спаситель обещал, то, без сомнения, и делом исполнил. Итак Он мученикам дал, и они имеют, *премудрость*, победоносную над всем, что ей противоборствует.

Жребий мученичества не для всех; но мученическая мудрость не для одних мучеников. Она спасла и прославила их, и светит всем на пути истины и спасения.

Не пройди мимо сего света без внимания, кто бы ты ни был, ищущий путей мудрости, или только в простоте ходящий. Любопытствуй иногда, не бесплодным любопытством, узнать сей род премудрости, которую ты, может быть, не думал искать там, где она тебе указывается, – которая, *не прежде поучаяся*, преподает сильные уроки, – которая победоносно свидетельствует о истине, – которой *не могут противитися противляющися*, – которая исходит от высокого начала, поелику исходит от Христа: *Аз дам вам уста и премудрость*.

Но что за род премудрости у мучеников? Какой состав ее? Как определить ее? – Для разсуждения о сем, не думаю прибегнуть к руководству тех любомудрых, которые, в виду

премудрости Христовой, независимо от нея столько раз предпринимали построить всеобъемлющую науку; но разрушали создание один другого, и не составили даже плана, благонадежного и общеприемлемого, для предполагаемого построения. Обращусь к любомудрию старому, но не лишенному силы: нет нужды, что устарелым покажется оно пред теми, которые проповедуют безконечное движение к новому, то-есть, плавание без пристани, стремление без цели. Книга Премудрости изображает премудрость следующими главными чертами: *целомудрию и разуму учит, правде и мужеству, ихже потребнее ничтоже есть в житии человеком* (Прем. VIII. 7). И вот черты премудрости, которая прекрасно и величественно светит в словах, деяниях и страданиях мучеников Христианских.

Не высокий ли *разум*, или благоразсуждение, является у них, когда они, вопреки наследственным предразсудкам, уразумели нелепость многобожия, познали единого истинного Бога, усмотрели неудовлетворительность внешнего Иудейского закона, открыли потребность благодати Христовой и ея Божественную силу и действительность; и достоинство сего нового ведения определили для себя так решительно и твердо Павловою оценкою: *вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа* (Фил. III. 8)?

Как совершенно их *целомудрие*, или воздержание, когда они отреклись не только от всех страстных чувственных удовольствий, но большею частию и от невинных; и не только не искали удовольствий, но решались на жесточайшие страдания, чтобы сохранить чистыми мысль, совесть, сердце, душу, тело, и *прославлять Бога в телесех и в душах, яже суть Божия* (1 Кор. VI. 20)!

Как строга их *правда* или праведность, когда от них требовали только слова или знака, благоприятного язычеству, а думать оставляли их, как хотят; и когда словом: «я не христианин», или даже одним молчанием, они могли бы избавиться от страданий и смерти, но они не хотели ослабить правды ниже словом, ниже молчанием; – или когда, например, один из них, которому вложили в руку фимиам, и насильно наднесли ее над языческий алтарь, допустил жечь сию руку, но не разжал перстов, чтобы фимиам не упал на алтарь, что удовлетворило бы истязателей, и избавило бы его от мучения; – или, когда, переноса несправедливых и жестоких оскорбления, лишения, истязания, не только не помышляли они об отмщении, но и оказывали гражданской и государственной власти гонителей точное повиновение во всем, что не противно закону Божию и нравственному!

Как величественно их *мужество*, когда они, будучи *предаваемы на сонмища*, и *ведомы к царем и владыкам*, за имя Христово, зная, что встретят страдания и смерть, шли неуклонно, спокойно, и некоторые даже с радостью; – когда язычество сражалось с ними угрозами, хулениями, бичами, разными орудиями пытки, огнем, раскаленным железом, кипящим маслом, мечем, но победа доставалась никого не уязвляющему оружию веры и любви Божией и терпения; – когда, например, святой Лаврентий, лежа одним боком на раскаленной сковороде, сказал мучителям: «сожжено; оборотите на другой бок» – или когда святой Иаков Персиянин, которому отсекали члены один по другому, при отсечении каждого члена произносил славословие Богу, как свойственно победителю!

Я сказал, и повторяю: жребий мученичества не для всех: но мученическая мудрость не для одних мучеников. Она спасла и прославила их, и светит всем на пути истины и спасения.

Кто не хочет блуждать на удачу, тот хорошо поступит, если при сем свете осмотрится, находится ли он на сем пути, или, может быть, не слишком ли от него удалился.

К разуму истины Божественной, Христовой, спасительной, прилепились ли мы умом и сердцем так, что она сделалась нашим сокровищем, нашим утешением, и что знания низшие по предметам и целям уступают ей преимущество в нашем внимании, в нашей привязанности? – Это разум, которому учит премудрость. Или, напротив, более книг священных и назидательных нас привлекают книги любопытные и забавные, и учение, которое обещает похвалу или выгоду, занимает более, нежели учение, ведущее к вечному спасению? – Это не тот разум, которому премудрость учит.

Целомудрие и воздержание так ли обладают нами, чтобы удерживать нас от чувственных удовольствий, по крайней мере незаконных, страстных, излишних, от зренья и слышания, неодобряемого скромностию? Или, напротив, произвольно усиленная жажда чувственных удовольствий кажется требованием природы; привычкою к чувственным удовольствиям заглушается вкус к удовольствиям духовным; стыд не стоит на страже против нескромных зрелищ и нецеломудренных слов? – Это совсем не то, чему учит премудрость. Она учит целомудрию и воздержанию.

Правда наша не в том ли только состоит, чтобы не обижать не обидевшего нас? – Это еще не премудрость. Внимательно наблюдать и ревностно исполнять наши обязанности к Богу и ближнему, быть до самопожертвования послушными законной власти, всегда быть готову, по возможности, сделать ближнему добро, и отстранить от него зло, хранить прямоту, верность в слове, нелъстивость, – такова правда и праведность, которой учит премудрость.

Мужество мы знаем и охотно прославляем в жизни военной. А думаем ли о мужестве в жизни нравственной? Решусь ли спросить: как перенесли бы мы за веру и правду то, что переносили мученики? – Ограничусь вопросом легким, как переносим мы уязвление насекомого, – малую обиду, несправедливый упрек, колкое слово, причиненный вещественный урон? Не раздражаемся ли? Не готовы ли отмстить? – Как далеко сие от премудрости, можно судить потому, что раздражаться, и, по движению одной ярости, чуждой ума, мстительно нападать на раздражающего, свойственно и зверям. Мужество и возвышенность духа, достойная человека и премудрости, должны оказаться в том, чтобы оскорбление малое или великое принять великодушно, оскорбившего простить, и, поколику возможно, благоразсуждением и доброжелательством возвести его на лучший путь. Бывает потребность в мужестве не только в отношении к людям, которые против нас, но и в отношении к тем, которые, по видимому, за нас. Есть приятные враги, которые делают нападения не с острым оружием, но с мягкими сетями. Есть люди, которые силою приязни и дружбы влекут к делам неблагородным и небагонравным, и мысль о приязни и дружбе может ослаблять силу противоборства пороку. Кто станет твердо, и силою благочестиваго и нравственнаго чувства расторгнет сеть, и отразит соблазн, тот сын мудрости, и ему принадлежит венец мужества. Уступить лукавому соблазну, значит малодушно изменить премудрости.

Христе, *Божия сила и Божия премудрость* (1 Кор. I. 24)! Молитвами и примерами святых Твоих мучеников поучай, и научи нас премудрости, не той, которую Ты *обуил* (8) и осуждаешь за ея гордость и суету, но той, которая *первее убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и нелицемерна* (Иак. III. 17). Аминь.

СССЛIII.

264. Слово

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Чудове монастыре марта 25;

напечатано в Твор. Св. От. 1851 г. и в собр. 1861 г.)

<1851 год>

*Рече же Мариамъ: се раба Господня,
буди мне по глаголу твоему. И отъиде
от нея Ангел (Лук. I. 38).*

Как всякий великий церковный праздник, так и нынешний, призывает нас к созерцанию одного из таинств веры, составляющего предмет, душу, святость, славу праздника, дабы из сего созерцания почерпнуть пользу для души. Ибо церковные праздники состояются не для одного увеселения, как мирские, но для утешения и назидания, споспешествующаго спасению душ. На праздниках мирских расточается то, что собрано во дни труда: на праздниках церковных можно и должно собирать духовное сокровище мудрости созерцательной и деятельной так-же обильно, или еще обильнее, нежели во дни непраздничные.

Таинство настоящего праздника выражаем обыкновенно, называя его днем *благовещения Пресвятыя Богородицы*, то есть, препослания от Бога и принесения Архангелом Гавриилом Пресвятой Деве Марии благой вести, что в ней совершится воплощение Сына Божия, и от нея родится Христос.

Но еслибы требовалось только передать весть: то для Архангела довольно было бы двух слов: родиши Христа. Дело произошло не так.

Архангел приблизился к Пресвятой Деве с приветствием: *радуйся благодатная: Господь с тобою: благословенна ты в женах*. Приветствие – величественное, но неопределенное; располагающее к ожиданию чудеснаго, но неизвестно – чего. Пресвятая Дева, знакомая с Священным Писанием, могла вспомнить, что когда к Гедеону Ангел приступил с приветствием: *Господь с тобою* (Суд. VI. 12), то приготавливал его к делам чудесным и к спасению народа Израильскаго от врагов. Она *смутилась*, как повествует Евангелист, не смущением сомнения или неверия, но смущением смиренного чувства пред высокою нечаянностью. Светлый дух Архангела усмотрел сие чувство, и поспешил возратить душе Пресвятыя Девы мир и тишину, потребныя для принятия сильнейшаго духовнаго света: *не бойся Мариамъ: обрела бо еси благодать от Бога*. За сим, в сердце Пресвятыя Девы, как в сосуд уготованный и открытый, он изливает Божественный свет полною мерою: *се зачнеши во чреве, и родиши Сына; – Сей будет велий, и Сын Вышняго наречется; – и воцарится в дому Иаковли во веки, и царствию Его не будет конца*. Таким образом, великая воля Отца Небеснаго возвещена; таинство воплощения Сына Божия открыто: однако, сим еще не вполне совершилось благовещение. В душе Пресвятыя Девы раждается вопрос; и Архангел не смеет удалиться, доколе не разрешит его; потому что вопрос раждается не от недоверия, ни от пытливости, но от владычествующей любви к чистоте девства; и потому что сия-то владычественная любовь к совершенной чистоте и должна быть приятелищем таинства воплощения Бога Слова. Сия любовь к совершенной чистоте изрекла себя в вопросе Мариамы: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* и привлекла ей новый поток Божественнаго света и силы в слове Архангела: *Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя*. Что может быть сильнее сего слова? Однако, и сие произнеши, Архангел не почитает своего посольства оконченным: он ожидает еще

некоего слова от Мариами. Видно, не довольно было того, чтобы она безпрекословно приняла небесную весть: надобно было, чтобы с словом Божественного благовестия обручилось слово ея согласия. Для достижения сего, Архангел указывает ей на событие, хотя далеко низшее, однако также только посредством чуда Божия возможное, – на то, что праведная Елисавета, неплодная, престарелая зачала уже сына, и вообще на чудодейственное всемогущество Божие: *яко не изнеможет у Бога всяк глагол*. Так, наконец, смиренная воля Мариами подвигнута во сретение всевышней воле: *рече Мариамъ: се раба Господня, буди мне по глаголу твоему*. Теперь, видно, Гавриил удостоверился, что дело предвечного совета, ему вверенное, вполне совершилось: *и отъиде от нея Ангел*.

При сем некоторые, может быть, подумают: мы слышим благовестие о таинстве воплощения Сына Божия, видим принятие сего благовестия: но где самое таинство? Не просто дарование Божие, но самое Божество исполняет Пресвятую Деву: и как не примечаем мы собственно Божественного явления, ни отблеска света Божия на лице Мариами, ни выражения восторга у Архангела? *Отъиде от нея Ангел*, – и только. – Легко не только для любомудрия, но и для неразумия легко делать вопросы, на которые никакая мудрость отвечать не в силах. *Кто разуме ум Господень, иже изъяснит и* (1 Кор. II. 16)? Если вы хотите проникнуть в тайну воплощения Сына Божия до глубины ея, или сие превыше-естественное действие низвести в постижимое для вас явление: то вы хотите быть выше Ангелов; – неуместное, без сомнения, притязание! Ибо, как сказует Апостол, и самые Ангелы в таинства Христовы только *желают приинкнути* (1 Петр. I. 12), то есть, желают воззреть во глубину их, но не проникают; – желают по любви к Божественному, но не проникают по непостижимости Божественного, по несоразмерности ограниченного зрения с предметом безконечным. – *Невместимаго Бога вместившая*, без сомнения, ощутила внутренно свет и славу, и блаженство сего безпримерного Богосообщения; вероятно, и взор Архангела дивно и восхитительно ощутил зарю Божественного Света, в нее вселившагося: но непостижимое должно было оставаться непостижимым; *тайну, сокровенную от век и родов* (Кол. I. 26), еще не наступило время открывать многим; и это весьма благословно, если Богоматерь вселившийся в нее Божественный свет покрывала облаком своего смирения, и если Архангел только безмолвным благоговением почтил *честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим*.

Разсматривание беседы небесного вестника с Пресвятою Девой может ввести нас в исследование другого рода, более для нас доступное, и более близкое к нашему назиданию. Для чего Архангел недовольствовался изрещи к ней слово благовещения, но употребил, можно сказать, настоятельные средства, чтобы достигнуть слова ея согласия? Неужели без сего слова Мариами не совершилось бы воплощение Сына Божия? Неужели всемогущей воле Божией нужно соизволение воли человеческой? – Вопросы, по-видимому, трудные: но могут быть разрешены просто. Их разрешение можно найти там же, откуда они заимствованы, – в евангельском повествовании. Архангел Гавриил, без сомнения, исполнял в точности то, что внушил ему Божий повелевающий глагол. Но Архангел, не ограничиваясь словом благовещения, не прекратил беседы своей с Пресвятою Девой дотол, доколе не услышал от нея слова согласия: *буди мне по глаголу твоему*. Следственно, так угодно было Богу. Следственно, так должно было. Следственно, сего непременно требовала Божия премудрость и Божия судьба.

Если желаем несколько уразуметь, почему всемогущая воля Божия в деле, принадлежащем собственно всемогуществу, действует не без соизволения воли человеческой: обратимся к началу и к существенным свойствам естества человеческого. Человек сотворен по образу Божию. Важная черта образа сего положена в его воле: и есть разумная свобода отличающая человека от низших созданий Божиих, образа Божия не

имеющих. Посему Бог хранит ненарушимую свободу воли человеческой, храня в ней черту образа Своего: а потому и при действии неограниченного всемогущества, когда его действие должно коснуться внутреннего, духовного состояния человека, приемлет во внимание свободное изволение человека. И человек, с своей стороны, если почему может быть способен к ближайшему общению и соединению с Богом, то – по силе Божия в нем образа; потому что лучшее в сотворенных существах, достойнейшее Божия воззрения и благоволения, приближения к Богу и блаженного с Ним соединения, конечно, есть образ Божий: а потому для достижения общения и блаженного соединения с Богом и должен человек обращать к Нему свои способности, ознаменованные чертами образа Его, устремлять к Нему свой ум, волю, сердце, особенно же соединять свою волю с Его волею, движением свободного изволения, посредством веры и любви.

Пророк, предсказав высокое общение с Богом преблагословенная Девы Марии посредством воплощения в ней Сына Божия, присовокупил: *приведутся Царю девы в след ея* (Псал. XLIV. 15). Под именем *дев* разумеются души, не растленные любовью плоти и мира, или от ней очищенные. Это, если угодно, – ваши души, христиане, поколику оне сохраняют духовное девство, в которое родились крещением, или поколику возвращают оное покаянием. Оне также должны быть *приведены к Царю* Богу, хотя не рядом с Царицею Небесною, Которая впереди всех, потому что выше всех, однако-же, *в след ея*; чрез последование в некоторой степени примеру ея, оне должны быть доведены до некоторой степени общения с Богом. Не нерадите пользоваться преимуществом, которое предлагается вам и почти усваивается пророчеством. Всматривайтесь внимательно, и действительно вступайте в след Царицы Небесная. Есть и для вас благовещение своего рода и степени; вам *благовестуется день от дне спасение Бога нашего* (Пс. XCV. 2): принимайте слово спасения, как принимает дождь земля жаждущая. Снизшедый вселится в Деву Ипостасию Свою, еще снисходит, чтобы *вселиться верою в сердца ваша* (Ефес. III. 17): не оставайтесь бездейственными: *исходите в сретение Жениху* (Матф. XXV. 6); сретайте приближающуюся благодать Божию вашим сердечным желанием. Сотворивший вас без вас определил спасти вас не без вашей воли, ознаменовывая тем высоту вашей природы даже в ея падении. Его воля, всегда спасительная, ждет вашей воли, долженствующей принять спасение. Не отлагайте, не колеблитесь, решитесь твердо – вашу волю владычественной воле Божией покорить страхом в послушание, всеблагой воле Божией предать верою в надежде, наконец, соединить с оною волю вашу любовию, – *союзом совершенства* (Кол. III. 14). Только в очищенном от мглы своевольных, страстных, чувственных, мирских вожделений воздухе души возсияет блаженнотворный Божий свет. Только преданная Богу воля будет царствовать с Богом на небесах. И напротив, если что еще в настоящей жизни возжигает в человеке адский огонь, и должно соделаться его пищею в вечности: то это воля, непокорная Богу. Аминь.

CCCLIV.

265. Слово

в день рождения Благочестивейшаго

Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в Успенск. соборе июня 25;

напечатано в Моск. Вед. 1851 г., в Твор. Св. От. 1851 г.,

<1851 год>

Яко свободни, а не яко прикровение имуще злобы свободу, но яко раби Божии: всех почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите (1 Петр. II. 16. 17).

Что важнейшие из сих заповедей, преподанных Апостолом, знакомы нам, и не остаются у нас без действия, – о том свидетельствовать может нынешний день.

Заповедь – *Царя чтите* – является в действии, когда благословенный день рождения благословенно царствующаго Царя вы воспоминаете радостно и торжественно.

Заповедь – *Бога бойтесь* – является в действии, когда вы вашу радость о Царе, ваши о нем желания и надежды приносите пред Бога, чтобы Он благословил вашу радость, призрел на ваши желания, совершил ваши надежды.

И да будет неразрывен союз сих двух заповедей, прекрасный и благотворный! Народ благоугождающий Богу – достоин иметь благословеннаго Богом Царя. Народ чтущий Царя – благоугождает чрез сие Богу: потому что Царь есть устроение Божие.

Как небо, бесспорно, лучше земли, и небесное лучше земнаго: то так-же бесспорно лучшим на земли должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и учил Бог Боговидца Моисея: *виждь, да сотвориши по образу показанному тебе на горе* (Исход. XXV. 40), то есть, на высоте Боговидения.

Согласно с сим, Бог, по образу Своего небеснаго единоначалия, устроил на земли Царя; по образу Своего вседержительства – Царя Самодержавнаго; по образу Своего царства непреходящаго, продолжающагося от века и до века – Царя наследственнаго.

О, если бы все Цари земные довольно внимали своему небесному достоинству, и к положенным на них чертам образа небеснаго верно присоединяли, требуемые от них, богоподобную правду и благодать, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намерения и деятельности! О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство Царя и устроение царства земнаго по образу небесному, и постоянно себя ознаменовывали чертами того-же образа, – благоговением и любовью к Царю, смиренным послушанием Его законам и повелениям, взаимным согласием и единодушием, и удаляли от себя все, чему нет образа на небесах, – превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия! Все, по образу небесному благоустроенное, по образу небесному было бы блаженно. Все царства земныя были бы достойным преддверием царства небеснаго.

Россия! ты имеешь участие в сем благе паче многих царств и народов. *Держи, еже имаши, да никтоже примет венца твоего* (Апок. III. 11). Сохраняй, и продолжай украшать Твой светлый венец, непрерывно подвизаясь совершеннее исполнять венцедательныя заповеди: *Бога бойтесь, Царя чтите*.

Простираясь от известнаго к тому, что, может быть, менее усмотрено и понято в слове апостольском, обращаю ваше внимание на то, что Апостол, уча страху Божию, почтению к Царю, повиновению начальствам, с тем вместе учит свободе. *Повинитесь*, говорит,

всякому человеку начальству Господа ради; аще царю, яко преобладающе, аще ли же князем, яко от него посланным, – яко свободни. Повинуйтесь, как свободные. Повинуйтесь, и пребывайте свободны.

Кто усомнился бы, довольно ли совместимы сии части учения, того спросил бы я: если есть обязанные долгом повиновения тебе, например – подчиненные по званию и должности, слуги, работники: не примечаешь ли, что из них одни повинуются только по необходимости, неохотно, принужденно, другие – добровольно, охотно, усердно, следственно – свободно? И не разумеешь ли, что повинующийся только по необходимости будет уступать сей необходимости не более, как поколику не может преодолеть ее, будет работать для тебя, как можно, менее, с малою заботою о успехе дела и о твоей пользе, и даже готов совсем пренебречь дело, как скоро не будет понуждать надзор, или угрожать наказанием и лишением воздаяния; напротив того, повинующийся по свободному расположению будет трудиться для тебя полною силою, верно и без надзора, тщательно и вне страха наказания? Итак не очевидно ли, что повиновение может быть соединено с свободою, и что такое повиновение лучше повиновения не свободного?

Но есть трудность в том, каким способом согласить и соединить повиновение и свободу, когда их направления представляются противоположными; – свобода хочет расширять человеческую деятельность, а повиновение ограничивает ее. В сем случае дело зависит наиболее от того, как понимают свободу. Ибо едва ли есть в языках человеческих слово, которое столько было бы подвержено неправому пониманию и злоупотреблениям, как слово: *свобода*.

Некоторые под именем свободы хотят понимать способность и невозбранность делать все, что хочешь. Это мечта; и мечта не просто не сбыточная и нелепая, но незаконная и пагубная.

Знаете ли, кто первый на земли прельщен был сею мечтою? – Первый человек, Адам. Получив при сотворении высокия способности и могущественныя силы, быв поставлен владыкою рая и земли, он пользовался обширнейшею свободою, какую может иметь сотворенное существо. Но и сей свободе поставлен был предел, – древо познания добра и зла. Адаму не предоставлено было свободы вкушать от плода его. Злоупотребитель свободы, старейший человека, чрез злоупотребление свободы сделавшийся духом тьмы и злобы, темными внушениями научил тому-же злоупотреблению человека. Человек захотел иметь свободу совершенно неограниченную, как Бог, и дерзнул переступить за предел, положенный заповедию Божиею. И что же последовало? – Он не только не приобрел большей свободы, но утратил большую часть и той, которую имел; и если бы и не осудил его Бог, то естественная необходимость поврежденной грехопадением его природы так-же осудила бы его на рабский труд: *в поте лица твоего снеси хлеб твой*.

Удивительно покушение праотца незаконно расширить область свободы, и без того почти всемирную; впрочем оно может быть объяснено недостатком знания опытного, хитростию искусителя, и самою обширностию действительного владычества, при которой легко было не остановиться перед пределом, по-видимому, ничтожным. Что касается до его потомков, обнаруживающих подобное стремление, – не знаю, более ли надобно дивиться тому, что они не уважают, и как бы не видят пределов, указуемых человеческой свободе и законом Божиим, и самым составом общества человеческого, и необходимостью природы, – или более оплакивать сию прирожденную заразу, которую они наследовали от зараженного злоупотреблением свободы праотца, и которую, по омрачению ума, подобным образом наследственному, не довольно умеют усмотреть, и еще менее уврачевать, хотя это и просто при свете истинном.

Разумеите же, – скажу с Пророком, – разумеите безумнии в людех, и буии некогда умудритесь (Пс. ХСIII. 8). Поймите, мечтатели безграничной свободы, губительное безумие ваших мечтаний, – поймите, наконец, хотя после жестоких опытов, когда сокрушавшая свои пределы свобода не раз обагряла лице земли неповинною кровию, и, проливая потоки крови человеческой, утопляла в них и сама себя!

Но как же правильнее понять и определить свободу? – Любомудрие учит, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и делать лучшее, и что она по естеству есть достояние каждого человека. Чего бы, кажется, и желать более? Но сие учение имеет свой свет на высоте умозрения природы человеческой, как она должна быть: а нисходя к опыту и деятельности, какова она есть, оно встречает темноту и преткновения.

В неизчислимости рода человеческого многие ли имеют так открытый и образованный разум, чтобы верно усматривать и отличать лучшее? И те, которые видят лучшее, всегда ли имеют довольно силы – решительно избрать оное и привести в действие? От лучших из человеков не слышим ли жалобы: *еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Римл. VII. 18)? Что сказать о свободе людей, которые хотя не в рабстве ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстию, одержимы злою привычкою? Свободен ли корыстолюбец? Не закован ли в золотые оковы? Свободен ли плотоугодник? Не связан ли, если не жестокими узами, то мягкими сетями? Свободен ли гордый и честолюбивый? Не прикован ли, не за руки и за ноги, но головою и сердцем, не прикован ли к своему собственному истукану?

Таким образом, опыт и сознание, по крайней мере, некоторых людей, в некоторых случаях, не говорят ли того, что вообще говорит Божественная Истина: *всяк творяй грех, раб есть греха* (Иоан. VIII. 34)?

Наблюдение над людьми и над обществами человеческими показывает, что люди, более попустившие себя в сие внутреннее, нравственное рабство – в рабство грехам, страстям, порокам, – чаще других являются ревнителями внешней свободы, – сколь возможно расширенной свободы в обществе человеческом пред законом и властью. Но расширение внешней свободы будет ли способствовать им к освобождению от рабства внутреннего? – Нет причины так думать. С большею вероятностию опасаться должно противного. В ком чувственность, страсть, порок уже получили преобладание, тот, по отдалении преград, противопоставляемых порочным действиям законом и властью, конечно, неудержимее прежнего предастся удовлетворению страстей и похотей, и внешнею свободою воспользуется только для того, чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство. Несчастливая свобода, – которую, как изъяснился Апостол, *имеют, яко прикровение злобы!* Благословим закон и власть, которые, поставляя, указуя и защищая по необходимости поставленные пределы свободным действиям, сколько могут, препятствуют злоупотреблению свободы естественной и распространению нравственного рабства, то есть рабства греху, страстям и порокам.

Я сказал: сколько могут: потому что совершенного прекращения злоупотреблений свободы, и погруженных в рабство греха возведения в истинную и совершенную свободу не только нельзя ожидать от закона и власти земных, но для сего не довлеет и закон Небесного Законодателя. Закон предостерегает от греха, согрешившаго обличает и осуждает; но не сообщает рабу греха силы расторгнуть узы сего рабства, и не преподает средства загладить содеянные беззакония, которые, как огненная печать греховного рабства, лежат на совести. И в сем то состоит *немоцное закона* (Римл. VIII. 3), о котором необинуясь свидетельствует Апостол.

Здесь вновь представляется вопрос: что же есть истинная свобода, и кто может ее дать, и особенно – возвратить утратившему ее грехом? – Истинная свобода есть деятельная способность человека, не поработенного греху, не тяготимаго осуждающею совестью, избирать лучшее при свете истины Божией, и приводить оное в действие при помощи благодатной силы Божией.

Возвратить сию свободу рабу греха может только Тот, Кто даровал ее при сотворении безгрешному человеку. Сие объявил сам Творец свободы: *Аще Сын вы свободит, воистину свободни будете* (Иоан. VIII. 36). *Аще вы пребудете во словеси Моем, воистину ученицы Мои будете, и уразумеее истину, и истина свободит вы* (31. 32). Иисус Христос Сын Божий, в воспринятом естестве нашем пострадав и умерши за нас, Своею кровию очистил совесть нашу от мертвых дел (Евр. IX. 14), и расторгши узы смерти Своим воскресением, расторг и связующия нас узы греха и смерти, и, по вознесении Своем на небо, ниспослав Духа истины, даровал нам чрез веру свет Своея истины – усматривать лучшее, и Свою благодатную силу – творить оное.

Вот свобода, которой не стесняет ни небо, ни земля, ни ад, которая имеет пределом волю Божию, и это не в ущерб себе, потому что и стремится к исполнению воли Божией, которая не имеет нужды колебать законныя постановления человеческия, потому что умеет в них усматривать ту истину, что *Господне есть царствие, и Той обладает языки* (Псал. XXI. 29), которая не принужденно чтит законную человеческую власть и ея повеления, непротивныя Богу, поелику светло видит ту истину, что *нестъ власть, аще не от Бога, суция же власти от Бога учинены суть* (Римл. XIII. 1). Итак, вот свобода, которая совершенно согласна с повиновением закону и законной власти, потому что она сама того хочет, чего требует повиновение.

Много имел бы я сказать о христианской внутренней, а не внешней, – нравственной и духовной, а не плотской, всегда благоделающей, и никогда не мятежной свободе, которая может жить в хижине так-же удобно, как в доме вельможеском или царском, которою подвластный, не преставая быть подвластным, может пользоваться столько-же, как властелин, которая и в узах и в темнице ненарушима, как то можно видеть в христианских мучениках. Но уже время положить конец слову.

Возлюбим свободу христианскую, – свободу от греха, от страсти, от порока, свободу охотно повиноваться закону и власти, и делать добро *Господа ради*, по вере и любви к Нему. И никто да не будет прельщен людьми, от каких остерегает нас Апостольское слово, – *которые свободу обещавают, сами раби суще тления* (2 Петр. II. 19). Аминь.

CCCLV.

266. Слово

в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено августа 15-го;

напечатано в Твор. Св. Отц. 1851 г. и в собр. 1861 г.)

<1851 год>

*Посем глагола им: Лазарь друг наш
усне* (Иоан. XI. 11).

Успение Пресвятыя Богородицы воспоминаем ныне благоговейно и торжественно. Что значит *успление*? По силе слова: отхождение ко сну. А означается сим кончина земной жизни Матери Божией.— Приметно, Святая Церковь хотела избежать наименования смерти, говоря о Матери Жизни. Но откуда же заимствовано наименование *сна* для означения смерти? Должно думать, что — из уст Христа Спасителя. *Лазарь друг наш успе*, сказал Он Апостолам, когда, по силе Своего всеведения, возвещал им о постигшей Лазаря смерти, находясь вдали от места его кончины. Видно, что это был новый язык: потому что Апостолы не поняли его, и Господь нашел нужным перевести Свое изречение на их обыкновенный язык: *Лазарь умре*.

Что же значит сей новый язык? Для чего Христос и Церковь называют смерть сном? Какая чрез сие хотят нам подать мысли? Теперь не неблагоприятно и не бесполезно — дать на сие ответ.

Почему смерть праведного Лазаря названа *сном*, — понять не трудно. Она имела ту отличительную черту сна, что вскоре должна была прекратиться пробуждением, то есть, возвращением прежней жизни. В слове: *успе*, вместе с извещением о смерти Лазаря, заключено было пророчество, что он через четыре дня воскреснет.

Подобно сему можно уразуметь и то, почему телесная смерть Божией Матери названа *успением*. И она имеет ту отличительную черту сна, что вскоре окончилась пробуждением, то есть, совершенным воскресением в жизнь вечную. В слове: *успление* скрывается указание на церковное предание, что Божия Матерь на третий день по Своем преставлении от земли, явилась Апостолам в небесной славе и — то был не один дух Ея, но купно с воскресшим телом, которого потому уже и не обрелось во гробе Ея.

Впрочем, в Писаниях Апостолов виден утвердившийся обычай — не только в особенных знаменательных случаях, но и вообще, называть смерть *успением и сном*. Так, Апостол Павел об очевидцах воскресшаго Господа пишет: *множайшии пребывают доселе, нецыи же и почиваа* (1 Кор. XV. 6). Он также пишет относительно воскресения мертвых: *вси не успнем, вси же изменимся* (51). То-есть: мы не все умрем, потому что последний день мира застанет на земли живущих; но все изменимся, потому что тем, которых последний день мира застанет живыми, некогда будет умереть и быть погребенными; их тела, не подвергаясь смерти, изменятся из тленных в нетленные, какия будут иметь и воскресшие из мертвых.

Переименовая смерть *успением и сном*, богомудрые Мужи, без сомнения, хотели внушить своим последователям, что христианин должен смотреть на смерть не *якоже и прочии, немущии упования*, что смерть не есть решительное отрицание жизни и погибель личности и бытия, что как уснувший вечером пробуждается утром с обновленною силою жизни, так уснувший смертью телесною пробудится в новую бессмертную жизнь в день всеобщаго воскресения. Таким образом, если мы внимательны: то произнося слово: *успление*, мы напоминаем себе учение о бессмертии души и утверждаем себя в надежде воскресения и тела.

Обращаясь от Новозаветных Писаний к Ветхозаветным, примечаем, что там нет сей утешительной заботы — облечь мысль о смерти светлою одеждою. Кончина даже праведных и святых там не называется *успением*, но *смертию*. — В книге Бытия о Патриархах первого и второго мира одинаково пишется: *поживе — и умре* (Быт. V. 5). О самом Отце верующих написано: *ослабев умре Авраам* (Быт. XXV. 8). Подобно и о Пророке Самуиле: *умре Самуил* (1 Цар. XXV. 1). Еще печальнее Патриарх Иаков изъяснился сам о своей смерти: *спиду к сыну моему сетуя во ад* (Быт. XXXVII. 35). От

чего в ветхозаветные времена такой не отрадный взор на смерть даже у святых, хотя они, без сомнения, также как и мы, веровали в воскресение мертвых и жизнь будущего века? – От того, что тогда, как говорит Апостол, *царствова смерть* (Рим. V. 14), еще не побежденная животворящею смертию Христовою; – от того, что тогда *не у явися святых путь* (Евр. IX. 8), еще не был открыт вход во святилище неба, *идеже предтеча о нас вниде Иисус* (Евр. VI. 20); – от того, что ветхозаветные Патриархи, Пророки, праведники – *по вере умроша вси сии, не приемше исполнения обетований, но издали видевшие я и целовавшие* (Евр. XI. 13); и потому на них сильнее знаменовался близкий мрак смерти, нежели отдаленный свет воскресения.

Из противоположности новозаветного состояния человечества с ветхозаветным открывается новая причина того воззрения на смерть, пред которым она перестает казаться смертию и превращается в сон. Если бы мы, еще в первых прародителях осужденные на смерть, и ежедневно сами подтверждающие собственное осуждение произвольными грехами, не были искуплены от смертного осуждения страданием и смертию Христовою: то смерть временная препровождала бы нас в смерть вечную без надежды пробуждения к жизни. Это была бы совершенная смерть. Но когда *Христос за ны умре* (Рим. V. 8); когда мы *примирихомся Богу смертию Сына Его* (10); когда *Бог, богат сый в милости, за премногую любовь Свою, еюже возлюбил нас, и суших нас мертвых прегрешеньми сооживи Христом* (Еф. II. 4. 5); когда, в-следствие сего, *якоже о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут* и по смерти (1 Кор. XV. 22), и оживут в жизнь вечную и блаженную, какова не может не быть жизнь о Христе: тогда смерть действительно перестала быть смертию и превратилась в сон. Это сон кратковременный в сравнении с последующею вечною жизнью, сон мирный, как отдохновение от трудов, как облегчение от скорбей, как покой умиротворенных Христом в совести, сон не безсознательный, – ибо спит тело, а душа не спит, – но сознательно сладкий, как предвкушение будущего блаженства.

При сем не надобно забыть, что преимущество новозаветного благодатного состояния человечества хотя открыто для всех, доступно всем; однако не принадлежит каждому из нас потому только, что мы живем в новозаветные времена. Были люди отдаленных ветхозаветных времен, которые принадлежали и к Новому Завету по духу. Таков был Авраам, который *рад был видеть день Христов, и виде и возрадовася* (Иоан. VIII. 56), и, конечно, наслаждался и всеми благами, открытыми человечеству во Христе. Напротив того, есть и в новозаветные благодатные времена люди, которые по внутреннему расположению не принадлежат к благодатному Завету Божию, хотя наружно украшаются именем христиан. Дверь благодати для всех отверста во Христе, Который рек: *Аз есмь дверь, Мною аще кто внидет, спасется* (Иоан. X. 9). Но надобно войти в сию дверь; а входят в нее верою, и притом живою и деятельною. *Верою живу Сына Божия* (Гал. II. 20), говорит Апостол. Кто возбудил и сохраняет в себе сию жизнь, тот и во гробе *не уснет в смерть*, но и с одра тления воспрянет в нетление, в жизнь, в небо, в блаженство, в славу. Но кто, не подвизаясь проникнуть в высшую, блаженную жизнь духа, живет жизнью ветхаго Адама, проводит жизнь плотскую, чувственную, греховную, движимую помыслами страстей и похотей: тот среди признаков жизни погружается в действительную внутреннюю смерть, – потому что *грех содеян раждает смерть* (Иак. I. 15); потом, если не обратится и не покается, умирает видимую смертию *грешника*, которая *лута* (Псал. XXXIII. 22), – потому что ею, наконец, он переходит в смерть вечную, которую как ни желал бы он превратить в глубокий сон, чтобы забыться от ея мук, но не возможет, потому что его непрестанно будить будут – огонь неугасающий, червь не умирающий, жупел кипящий, и будить будут не к жизни, но всегда к новой смерти.

Брат смертный! Да будет, сколь возможно, долга твоя жизнь: однако, наш смертный одр не далеко, и, как часто случается, вероятно, ближе, нежели мы думаем. Подумай же благовременно, что желаешь найдти на нем, – успение мирное, или смерть лютую? А найдешь верно то, что сам избереши и приготовиши. *Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет* (Гал. VI. 7). Перестанем сеять для себя смерть и мучение нашими грехами. Посеем для себя жизнь и покой покаянием, верою и добродетелию. Аминь.

CCCLVI.

267. Беседа

по освящении храма Святаго Благовернаго

Великаго Князя Александра Невского,

при доме Коммерческой Академии.

(Говорена ноября 4-го; напечатана в

Моск. Полиц. Вед., в Твор. Св. От. 1851 г. и в собрании 1861 г.)

<1851 год>

Дверцы же отверсты ему в горнице его противу Иерусалима; в три же времена дне бяше преклоняя колена своя, моляся и исповедася пред Богом своим (Дан. VI. 10).

Так в книге Пророка Даниила описывается молитвенное правило сего Пророка.

Слыша сие, вы можете подумать: для чего беру я теперь сей образец? Он представляет молитву домашнюю: а мы находимся теперь в новоосвященной церкви; и потому, если надобно обновить церковь размышлением о молитве, то не лучше ли было бы указать некий, достойный особеннаго внимания и подражания, образец молитвы церковной? –

Правда, что это церковь; но примите в разсуждение и то, что она в доме. Потому мысль о молитве церковной, встречается здесь с мыслию о молитве домашней; и отсюда рождается вопрос: почему благоустроители сего дома, и сего общепользнаго учреждения, не предоставили населяющим дом сей довольствоваться в нем только домашнею молитвою, а возжелали доставить им способ в самом доме пользоваться и церковною молитвою? – Пример Пророка Даниила поможет нам разрешить сей вопрос, оправдать сие дело, и даст нам полезныя наставления.

Дверцы же отверсты ему в горнице его противу Иерусалима. То-есть: когда Пророк Даниил хотел молиться в своем доме: тогда он отворял дверцы окна, обращеннаго к стороне Иерусалима, и пред сим окном преклонял колена для молитвы. Надобно при сем вспомнить, что это было в то время, когда Иерусалим и Иерусалимский храм истиннаго Бога, разрушенные Вавилонянами, лежали в развалинах; а Даниил находился в пленении Вавилонском, в самом Вавилоне, или, может быть, в Персидской столице Дария Мидянина, откуда Пророку так же невозможно было видеть Иерусалим, как нам отсюда. Если бы мы могли войдти в горницу молящагося Даниила: то могли бы спросить его: для

чего, моляся, смотрит он в окно, в земную даль? Если он ищет в видимом того, что приближало бы его к невидимому присутствию Божию: то не лучше ли было бы ему возвести очи горе на небо, на что есть некоторое указание от Самого Бога одному из предшествовавших пророков: *небо престол Мой* (Иса. LXVI. 1)? Или, не лучше ли было бы смотреть к востоку, по указанию другого Пророка: *воспойте Господеву, возшедшему на небо небесе на востоки* (Псал. LXVII. 33. 34)? Вопросы наши не дойдут до Даниила, и не принесут нам ответа: но мы сами должны уразуметь его действие так, чтобы оно было сообразно с достоинством Пророка, которого нельзя подозревать в суеверном пристрастии к Иерусалиму. Он знал, что храм Иерусалимский, при освящении, с знаменами небесного огня и облака славы, получил постоянный дар благодатного присутствия Божия, как о сем свидетельствовал Бог собственным словом: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3). Он разумел, что Вавилоняне могли сжечь дерево и разрушить камни храма: но не могли коснуться невидимой благодати. Он провидел, что благодать первого храма, разрушенного, хранится для имеющего воздвигнуться второго храма, которого должна быть *велия слава последняя паче первая* (Агг. II. 10), поелику в нем явится Источник благодати, Христос. Таким образом, где обыкновенные люди видели только развалины храма: там Даниил созерцал благодать храма и благодатное присутствие Божие.

И потому, отворяя окно и простирая взоры к стороне Иерусалима, он шел духом в Иерусалимский храм; и, преклоняя колена, он молился уже как бы в храме Иерусалимском.

И так можно сказать, что молитва Пророка Даниила была не только домашняя, но и церковная. И примечательно, как он не удовлетворялся молитвою домашнею, как сильно чувствовал преимущество и потребность молитвы церковной, как усиленно к ней устремлялся, не смотря на препятствия, не смотря даже на опасность жизни. Неблагорасположенные к нему чиновники и князи Дария Мидянина коварно выпросили у сего Царя повеление, чтобы в продолжение тридцати дней никто не смел приносить прошения никакому Богу, ни человеку, кроме Дария, под страхом быть отдану на снадение львам. Даниил знал сие, и без сомнения, понимал, что эта смертная сеть поставлена для уловления его. Но и сие не принудило его заключиться совершенно в одной домашней молитве, никому не приметной, и потому безопасной. Он продолжал, по своему обыкновению, во время молитвы, открывать окно к Иерусалиму, и устремляться взором и духом ко храму Иерусалимскому, что прямо вело, и действительно привело его к смертной опасности, из которой только неожиданным чудом он был исхищен. Голодные львы не посмели растерзать пророка.

Если в Пророке примечаем столь непоколебимую уверенность о недостаточности одной домашней молитвы, о преимуществе и потребности молитвы церковной: то и мы позволим ли себе колебаться в той же уверенности?

Если Даниил, по свидетельству небесному, *муж желаний* (Дан. X. 11), человек, который живет и дышет желаниями, простертыми к Богу, совершенный молитвенник, для возбуждения и возвышения своей молитвы, имеет нужду в храме: то для нас, — признаемся, — большею частию далеких от совершенства в молитве, а может быть, и не охотных к ней, не приобучившихся ко вниманию молитвы, склонных к рассеянию мыслей, коликонеобходимее храм Божий, который бы нас от рассеянности собирал, и в себе заключал, и своими священными образами и действиями сосредоточивал внимание молитвы, возбуждал и возвышал дух молитвы, воззревал теплоту ея!

Если Даниил, *иже Духа Божия свята имать в себе* (Дан. IV. 5), недовольствуется тем, чтобы искать благодатного присутствия Божия только в своей внутренности, но ищет

оного в определенном месте, в котором особенным тайнодействием положил и утвердил оное Бог для Своей Церкви: то нам, которые, может быть, и *начатка Духа* еще не имеем, koliko необходимее искать Бога преимущественно во храме, в котором Он, как в Своей сокровищнице, положил Свое присутствие, Свою благодать, Свои таинства, Свою силу, Свои дары!

Признаем же правою и благочестною мысль создателей храма сего, которые умственное образование детей, соответственное потребностям звания, желая упрочить, возвысить и увенчать образованием нравственно-христианским, нашли нужным доставить им не только учебныя храмины, с их уроками, но и святой храм, с его молитвою и таинствами.

Признаем прекрасно облагодетельствованными тех, которым даровано в такой близости, с таким удобством пользоваться освященным ныне храмом. И да примут они сей священный дар благоговейно; и да пользуются сим благодеением благодарно и усердно.

Да и все мы примем от пророка Даниила наставление, благоговеть ко храму, быть усердными к молитве. Или, если вам не угодно наставление, потому что вы это знаете; а наставление нужно незнающим: то подумайте, верно ли исполняете известное, и, уклоняясь от наставления знанием, не подвергаете ли себя обличению в неисполнении известного.

Даниил чрез тысячи поприщ устремлялся ко храму, по возможности, и сверх возможности. Мы не ленимся-ль иногда достигнуть храма только чрез несколько сот шагов? Даже тогда, как храм посылает к нам призывные звуки праздничного колокола, не являемся ли, подобно как осуждаемые в притче, невнимательными к сему благодатному призыванию, не *отходят* ли иные, *ов убо на село свое, ов же на купли своя* (Матф. XXII. 5), или еще хуже, иной на суетное увеселение, иной на нескромное зрелище?

Пророк благоговел пред отдаленною святынею даже разрушенного храма. Мы, даже внутри храма, пред его неприкосновенною святынею, не забываем ли иногда, что находимся пред лицом Божиим, и занимаясь с предстоящими, не отвлекаем ли друг друга от Того, Кому предстоим.

Даниил, *в три времена дне бяхше преклоняя колена своя, моляся и исповедався пред Богом своим*. Похвалимся ли мы подобным прилежанием к молитве, по крайней мере, домашней? Скажем ли, что не похвалимся, однако можем иметь некоторое извинение в нечастой молитве, потому что нас от утра до вечера занимают должности, дела, работы? – Но Даниил разве на досуге молился часто? Он был один из трех верховных вельмож при Дарии, которым подчинено было сто двадцать князей, и даже *царь постави его над всем царством своим* (Дан. VI. 1–3). Имея на своих руках дела огромного царства, Даниил находил однако время трижды в день коленопреклонно молиться.

Не будем взыскательны. Не потребуем, чтобы каждый на пути к Богу не отставал от Пророка. Но предложим вам и должное, и возможное, если скажем: чтите и любите храм Божий; посещайте его с благоговением так часто, как можете, и как требует священный чин Церкви, особенно в праздничныя времена; посвящайте Богу *начатки* каждого дня и ночи в молитве, благодаря Его за прошедшее, прося благословения Его на будущее, и в продолжение дня, из часов, похищаемых у вас миром и его делами, похищайте, по возможности, хотя минуты, дабы вспомнить Бога, тайно вознося к Нему сердце и мысль благоговейную, благодарную, молитвенную. Упражняясь в сем внимательно и постоянно, вы найдете в себе то, что написано в псалме: *Помянух Бога и возвеселихся* (Псал. LXXVI. 4). Аминь.

CCCLVII.

268. Слово

по освящении храма Святыя мученицы

Царицы Александры, во вновь открытом

Александринском сиротском кадетском корпусе.

(Говорено дек. 6-го; напечатано в

Твор. Св. От. 1851 г. и в собран. 1861 г.)

<1851 год>

*Да ополчаются сынове Израилевы пред
Господем,
окрест скинии свидения да ополчаются
сынове
Израилевы (Числ. II. 2).*

Ничто так не ознаменовано во времени чертами вечности, как Церковь Христова. Ея догматы о Боге вечном и неизменном по сему самому суть истины вечныя и неизменные. Ея правила жизни, исходя от того же вечнаго источника, естественно имеют тоже достоинство неизменности. Имея целию возвести человека в жизнь вечно-блаженную, она и во временной жизни непрестанно направляет его к тому, в чем заключаются неразрушимыя временем семена и начатки будущей вечно-блаженной жизни. Посему, Церковь Христова и в тех учреждениях своих, которыя неизбежно подвержены закону времени, как внешния и случайныя проявления духа ея, не любит изменений, но требует всевозможнаго постоянства. *Не прелагай предел вечных, яже положиши отцы твои* (Притч. XXII. 28). *Стойте, и держите предания, имже научистесь* (2 Сол. II. 15).

Кто с сими мыслями взирает на совершившееся здесь ныне дело, – на освящение храма Божия в доме, который можно назвать воинским станом (хотя это не цепь шатров, а громада зданий): тот, вероятно, расположен спросить: заключено ли сие дело в *пределах, яже положиши отцы*? Можно ли найти в нем черты от древности держимаго предания?

Чтобы дать на сие ответ, надобно несколько погрузиться в глубину Священных Писаний и священной древности.

Апостол Павел открывает нам, что, когда народ еврейский, на пути в землю обетованную, при горе Синае, *при разгоревшемся огне, и облаке, и сумраке и буре, и трубном звуке*, принял от Бога закон, и вступил с ним в завет; тогда, в устроении сего завета, который мы теперь называем ветхим, владычественно действовал *Ходатай завета новаго Иисус, Егоже глас землю тогда поколеба* (Евр. XII. 18–26). Из сего надлежит заключить, что Господь наш Иисус Христос, под собственными повелениями и распоряжениями, чрез Моисея устроил тогда, между прочим, и, так-названную, *Скинию свидения*, то-есть, храм Божий, по применению к потребности странствующаго народа, подвижный и переносный, по отношению к спасительным для всего человечества судьбам Божиим, исполненный таинственных прообразований Христа и Христовой Церкви, и сокровенных начатков благодати, под видимыми образами обрядоваго закона. Из сего следует также, что

Господь наш Иисус Христос дал и сие повеление: *да ополчаются сынове Израилевы пред Господом, окрест скинии свидения да ополчаются сынове Израилевы*. Далее в сем повелении с точностью определяется расположение ополчения окрест Скинии. *Ополчающиеся первии на восток – чин полка Иудина* (или, по иному толкованию с еврейского: *знамя полка Иудина*), с двумя другими племенами, к западу – *чин полка Ефремля*, с двумя еще племенами, к северу – *чин полка Данова*, с двумя племенами, к югу – *чин полка Рувимля*, с двумя племенами. Таким образом, ополчение было располагаемо крестообразно; и средину креста занимала Скиния свидения.

Вот первозданная в мире Церковь (ибо прежде ее были только жертвенники без храма): и мы видим ее среди стана и полков, устроенную в сем положении самим Господом Церкви. Это стан странствующаго народа: но, при внимательном рассмотрении обстоятельств, нельзя не признать, что это и военный стан. Иначе, народу, разделенному на двенадцать племен, на что бы еще давать новое разделение на четыре полка? – И нужно было странствующему израилю воинское устройство: потому что и на пути встречал он врагов, и обетованную землю должен был приобрести оружием. Посему то, когда Скиния свидения, вместе со всем станом, поднималась в поход: Моисей произносил воинскую молитву: *воздвигнися Господи, и да разсыплются врази Твои* (Числ. X. 34). Пред существенною святынею сего храма, – пред кивотом завета Божия, – шел Израиль на брань против Мадиянитов, и истребил их всех, не потеряв ни-одного воина. Пред сею же святынею сего храма изсяк Иордан, чтобы открыть путь Израилю, идущему завоевать обетованную землю. Пред сею святынею сего храма пали стены осажденного Иерихона и тридцать царей палестинских. Так было, когда Израиль был верен святыне Господней.

Извлечем из сих древних законодательных распоряжений и последовавших за ними деяний и событий, мысли и правила, которые в оных заключены, и которые нам теперь надобны. Воин и воинство у народа Божия получали образование и руководство под покровительством и манованиями Божиими. Скиния свидения, или походный храм воинствующаго Израиля, есть устройство Божие и Христово. Сей храм, поставленный среди полков воинствующаго Израиля, чрез сие самое говорил израильтянину – воину: ты должен быть защитником твоего Правительства, народа, отечества, и вместе защитником веры и Церкви. Кивот завета Божия, по временам сопутствующий Израилю в его воинских движениях, и чудесными знаменами споспешествующий его победам, чрез сие говорил израильскому воину: будучи защитником твоего Правительства, народа, отечества, веры, Церкви, ты должен полагать для себя твердейшую опору и надежнейшую защиту в вере и Церкви и ея святыне.

Не приятно ли будет воинствующему Россиянину из сего усмотреть, что он ходит в непреложных *пределах Отцев*, что держит от глубокой и священной древности по праву наследованное *предание*, когда имеет, чтит и усердно посещает храм Божий среди своих полков и военных учреждений; – когда ходит на брань под освященным Церковию знаменем, под осенением животворящаго креста Христова; – когда предмет и цель своего звания определяет обязанностию подвизаться за Веру, Царя и Отечество; – когда в основание своего мужества, побед и непобедимости, полагает веру и упование на Бога? –

И для невоинствующих сынов отечества не утешительно ли знать, что звание, назначенное стоять на страже государственной безопасности, обеспечивая сию безопасность изведенным мужеством и верностию, и под непосредственным руководством Самодержца, совершающимся воинским образованием, – имеет глубочайшее основание твердости и безопасности для себя и для нас, по обнадеживающему образу древняго народа Божия, в вере и уповании на Бога, и, соответственно вере и упованию, во всемогущем покровительстве Провидения Божия?

Боже мира (Евр. XIII. 20) и *Господи Сил* (Псал. XLV. 12)! *Боже мира* – по существу! *Господи воинств, сильный в брани* (Псал. XXIII. 8) – для низложения возстающих против мира Твоего! *Благослови люди Твоя миром*: и, если еще не поздно взывать к Твоему непобедимому долготерпению, устрой и продли мир мира. Но, да не возникнут, и да не возмогут сынове вражды и беззакония, *даждь* и еще *крепость людем Твоим* (Псал. XXVIII. 11), якоже древле избранному Твоему народу, якоже отцем нашим; да продолжит *дух твой ходити в полцех* (Суд. XIII. 25) наших; да *ополчаются сынове России пред Тобою*, Господи, взирая к Тебе верою, молитвою, упованием; да ходят пред лицом твоим, во свете Твоих повелений и Твоего закона.

Наипаче благослови, Господи, и спаси Благодетелейшего Самодержца нашего и Благоверного Наследника Его, ревностного Исполнителя Его благотворных изволений; и приими под Твой покров являемое здесь, по многих, новое дело Царской благопопечительности о умножении достойных защитников отечества, а с тем вместе – и дело Царского отеческого милосердия к лишенным родительской помощи, – и дело Царского благочестия, обитель полезных учений увенчавающее святилищем веры. Аминь.

1852 год.

CCCLVIII.

269. Слово

в неделю сыропустную и на память Святителя Алексия.

(Говорено февраля 10;

напечатано в Твор. Св. От. 1852 г. и в собр. 1861г.)

<1852 год>

*Облецытесь Господем нашим Иисус
Христом, и плоти угодия не творите
в похоти* (Римл. XIII. 14).

Сие наставление Апостола провозглашено ныне среди церкви: следственно, предложено нашему вниманию, уразумению и деятельному исполнению.

Но прежде нежели войдем в разсуждение о сем наставлении, не бесполезно – дать вам некоторое объяснение особенности настоящего дня, не часто встречающейся. Праздник блаженного преставления от земли Святителя Алексия совершаем ныне двумя днями ранее обыкновенного. Почему так? Потому что так повелели богомудрые Отцы наши, учредители церковных чиноположений. А почему они так повелели? Потому что находили неудобным, чтобы в день строгого поста и покаяния благочестивая печаль смешена была с радостью праздника. Неужели и благочестивая радость может иногда быть неблагоприятна? Так, видно, думали богомудрые Отцы наши; и наш долг – не состязаться с их мнениями, а правильно понимать их, и брать себе в руководство.

Благочестивая печаль не враждебна благочестивой радости, и даже сама раждает ее, как сие испытал и исповедал пред Богом Пророк: *по множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Псал. XCIII. 19). Но дабы печаль, яже по Бозе,

которая, как скажет Апостол, *покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. VII. 10), возымела в человеке полное действие, и принесла плод, – для сего должен он предаться сей печали полным сердцем, и неразстроивать ее действия постороннею радостью, даже и благочестивою. Сего требует закон единства, который имеет великую силу как в природе, так и в делах человеческих, и особенно духовных. *Едино есть на потребу* (Лук. X. 42). *Не можете двема работати* (Матф. VI. 24). *Царство раздельшееся на ся не станет* (Матф. XII. 25). Человек потолику живет и действует на земли, поколику пребывает в единстве его душа и тело и существенныя части состава телесного. Он достигает полного успеха и совершенства только в том деле, на которое одно устремлено все его внимание, мысль и воля. Разделяясь мыслями и желаниями на разные предметы, он не может не колеблясь идти к цели, подобно храмлющему на оба колена.

Благотворному закону единства подчиняет нас, а от опасной раздельности предостерегает, и слышанное ныне Апостольское наставление. Оно, как единственный предмет, который бы наполнял и обнимал наши способности, мысли, желания, деятельность, предлагает Господа нашего Иисуса Христа: *облецытесь Господом нашим Иисус Христом*; и возбраняет разсеиваться мыслями и желаниями по предметам чувственного мира: *плоти угодия не творите в похоти*.

Чтобы верно воспользоваться сим наставлением Апостола, – должно приметить в оном определенность мысли и точность выражения. Он не говорит: не делайте ничего угодного плоти, не прилагайте о ней никакого попечения, совсем не обращайтесь на нее внимания. По естеству, как он же говорит в другом месте, *никтоже когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю* (Еф. V. 29). Плоть, или иначе, тело, с его чувствами, силами, членами, по назначению Создателя, есть орудие или слуга души. Работающему орудием надобно пещись, чтобы орудие было исправно. Господину надобно пещись, чтобы слуга имел силу и способность делать дело, на него возлагаемое. Так, человеку надобно пещись о своем теле. Но говорит Апостол: *плотюгодия не творите в похоти*, не делайте плоти такого угождения, которого требуют не природа и разум, а пожелания чувственные, не управляемые разумом, прихотливые, страстные, необузданные, преобладающие. Потому что в сем случае плоть становится не только непокоривым слугою души, но даже властелином над нею, ее поработителем и мучителем.

Употребляй пищу и питье по требованию голода и жажды, для поддержания жизни, сил, здоровья: сего требует природа; сего не возбраняет закон; сего не отвергает здоровое учение. Если и избранную пищу употребишь в праздник, в день радости, с благодарением Богу, *дающему нам вся обильно в наслаждение* (1 Тим. VI. 17): и в сем оправдает тебя притча, на трапезе благовременного веселия предлагающая *тельца упитанного* (Лук. XV. 23). Но дабы в след за естественным услаждением вкуса не подкралась похоть, а за нею неумеренность, объядение, пьянство, сладострастие, – для сего и обыкновенное благоразумие советует, и врачебная наука вразумляет, и правило духовной опытной мудрости повелевает, вообще – отсекать нечто от количества пищи, требуемого чувственным пожеланием, особенно же в некоторые времена и количество пищи уменьшать, и качество ее изменять, отлагать утучняющее, и согревающее, и употреблять легкое и прохлаждающее. Закон духовный предписывает употреблять пост, как оружие для отражения похотей плоти, давать пост и молитву, как крила, духу, для возвышения его к Богу. Впрочем, правило церковное, строгое против похоти, снисходительное к немощи, требует поста, и осуждает непостящегося, *кроме препятствия от немощи телесныя* (прав. Апост. 69), следственно, позволяет облегчение поста, ради немощи телесныя; и весьма справедливо; потому что немощь сама собою доставляет то, что ищется посредством поста, то-есть, укрощение чувственности и бездействие плотских страстей; и следственно, для немощного не то нужно, чтобы усмирять плоть постом, а то, чтобы

немощное тело поддерживать питанием и врачеванием, дабы оно не сделалось вовсе неспособным служить душе.

Подобно сему и в-отношении к одежде и жилищу, к действию и отдохновению, к занятиям приятным и удовольствиям чувств, закон духа для плоти заключается в том, чтобы умеренно удовлетворять естественным ее требованиям, разсудительно снисходить к ее немощам, и притом не оскорблять достоинства духа и нравственного чувства, не противоречить намерениям Творца природы в дарах Его, не раболепствовать страстям и похотям. *Плоти угодия не творите в похоти.*

Если пред чистым зеркалом закона духовного поставим нашу действительную жизнь: как неблагообразны должны показаться многие дела, которыми многие не смущаются, а иные даже хвалятся!

Учащаемыя пиршества без праздника, – ежедневныя увеселения без случаев к веселию, – забавы, бурущие более времени, и причиняющие более утомления, нежели труды, – зрелища, пред которыми скромность должна бы закрыть глаза, – песни, от которых целомудрие должно заградить слух, – и мало ли что можно было бы еще указать, в чем обличается *угодие плоти в похоти*, уже переставшее бояться обличения?

Станным показалось бы слово, которое прямо указало бы на некоторые странности, по прихоти людей сделавшиеся обыкновенными. – Недовольствуясь пристрастным *угодием плоти*, которому дает некоторый повод природа (как например, из потребности пищи и питья заимствует себе повод неумеренность в пище и питии), – они изобрели *угодия плоти*, мимо намерений природы; образовали у себя вкусы, которых естественное чувство не знало, и к удовлетворению их приспособили потребности, которыми природа не думала их обременять, и как в неестественном должно быть более зла, нежели в естественном, то мимо природы вымышленная прихоть предавшихся ей порабощает привычкою с большею жестокостию, нежели воздержание в пище.

Может быть, скажут: стоит ли труда возставать против угождения плоти, хотя и с страстию соединенного, которое никому вреда не делает? – Не смущаюсь от сего упрека: потому что его делают не мне одному, но прежде меня святому Апостолу Павлу, который написал: *плоти угодия не творите в похоти.*

Для усмотрения, – что Апостол, проповедуя против угождения плоти в похоти, не об мелочах заботился, но предупреждал зло, не страшное в-начале, пагубное в-последствии, – довольно представить один пример из Св. Писания. Пророк Исаия говорит иудеям, что они – на краю погибели: *разшири ад душу свою, и разверзе уста своя*. От чего это? Как дошли до сего иудеи? Выслушайте объяснение Пророка! *С гуслями бо и певницами, и тимпаны, и свирельми вино пьют, на дела же Господня не взирают, и дел руку Его не помышляют* (Ис. V. 12–14). Необузданное плотоугодие довело их до забвения Бога: а удаляющиеся от Бога куда идут, если не к аду? *И ад разширяет душу свою и разверзает уста своя*, чтобы поглотить их.

Благодарение Апостолу Христову, который не только старается не допустить нас до сей опасности увещанием, но и показывает вернейшее средство и надежнейшую помощь к нашему охранению от оной. *Облецытесь*, говорит, *Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти*. Подвизайтесь исполнять первую часть сего наставления: и в сем найдете средство и помощь к удобнейшему исполнению второй.

Облеки во Христа твой ум посредством поучения в слове Его, и благоговейных о Нем помышлений, – твое сердце посредством веры в Него и молитвы и любви к Нему, – твою волю посредством послушания заповедям Его, – твою жизнь посредством подражания примеру жития Его: и твой дух облечется силою духа Его, к низложению мятежной силы плоти, к восполнению естественной немощи плоти.

Помяни Христа в вертепе и в темнице: и тебя не будет прельщать великолепно украшенный дом.

Помяни Христа в яслях, на соломе: и ты устыдишься твоего мягкого одра.

Помяни Христа обнажаемого и облакаемого в одежду поругания: и для тебя не желательна будет изящная одежда.

Помяни оцет и желчь, вкушаемые Христом: и ты не взалчешь роскошного пиршества.

Помяни Христа, Которого, по изображению пророческому, *колена изнемогоста от поста* (Псал. CVIII. 24): и пост будет для тебя сладок и питателен паче пиршества.

Приимите в сердце ваше Христа страждущаго и умирающаго на кресте: и умертвятся *уды ваша, яже на земли* (Колос. III. 5) и не дерзнут ожить страсти и похоти.

Святителю Отче Алексие! Как отец начинающему обмогаться от болезни сыну помогает облещись в одежду здравых: так и Ты нам, от немощей и болезней греховных возмощи желающим, силою молитв Твоих и данная Тебе благодати, помози *облещися Господем нашим Иисус Христом*, да в Нем ходим, и дойдем туда, где Ты со Христом живешь во веки. Аминь.

CCCLIX.

270. Слово

на день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Чудове монастыре марта 25-го;

напечатано в Твор. Св. От. 1852 г. и в собрании 1861 г.)

<1852 год>

*Помышляше, каково будет целование
сие* (Лук. I. 29).

Видите, что Пресвятая Дева размышляет: и, мне кажется, она учит нас размышлению. Объяснимся.

Когда Архангел Гавриил, посланный возвестить ей воплощение от нея Сына Божия, начал свое благовещение приветствием: *радуйся, благодатная, Господь с тобою, благословена ты в женах*; тогда она, как поветствует святой Лука, *смутися о словеси его*, и, как глубоко усмотрел сам Архангел, убоялась. Ибо он, как дух, и сквозь молчание видел, что происходило в ее душе, и сказал: *не бойся, Мариам*; следственно, видел в ней страх.

Что случается с нами, когда приходим в смущение и страх? – Трепещем, произносим вопль, стараемся убежать, а иногда теряемся до того, что не можем владеть ни мыслями, ни словами, ни движениями. Это – наше несовершенство, малодушие, немощь. Сему не надлежало быть в благодатной Деве; и сего не было в ней. По действию внешней причины, ощутив невольно смущение и страх, она тотчас удержала свое смущение, умерила свой страх. Каким образом? – Посредством размышления. *Помышляше.*

Ничтоже бо, разсуждает Премудрый, ничтоже есть страх, токмо лишение помощей, сущих от помышления (Прем. XVII. 11). Премудрая Дева не осталась долго в лишении сей помощи, но немедленно воспользовалась ею. *Помышляше.*

Как причиною смущения и страха ея, так и предметом размышления ея было необычайное приветствие Архангела. *Смутися о словеси его, и помышляше, каково будет целование сие.* Архангел нарек Деву Марию *благодатною*, то-есть, исполненною высоких даров Божиих, превышающих естественную доброту, и *благословенною в женах*, что, по свойству священного языка, значит: благословенною преимущественно пред всеми женами всего рода человеческого. Неудивительно, что она пришла от сего в смущение и страх, подобно человеку, внезапно восторгнутому на высоту. Как же искала она *помощи, сущей от помышлений*, и обрела ее? В сие мог проникнуть Архангельский взор; мы можем только гаданием постигать сие. Что сотворю, помышляла она, вероятно? – Прииму ли необычное приветствие? – Страшусь, да не вменится мне сие в превозношение. Отвергну ли? – Страшусь, да не оскорблю неверованием не только Божия посланника, но и Пославшаго? Пожду в безмолвии, что далее явит Бог. – Так, она и не приняла высокого приветствия, и тем сохранила свое смирение; но и не отвергла, и тем сохранила свою веру. А сохраняя смирение и веру, она сохраняла то чистое расположение духа, которое содействовало ее способною принять высочайшее откровение Божие. На Божественное благовещение, что она родит Христа Бога, что на нее найдет Дух Святой, только совершеннейшее смирение могло достойным образом ответить: *се раба Господня*, только совершеннейшая вера могла с несмущенным дерзновением рещи Архангелу: *буди мне по глаголу твоему.*

Видите, братия, что Матерь Божия, в одно из самых трудных мгновений своей духовной жизни, искала себе помощи в размышлении, благочестивом и смиренном, и действительно в нем обрела себе помощь. И если Дух Божий показал нам сию черту ея духовной жизни в Евангельском Писании; а *елика писана быша, в наше наказание преднаписашася*: то надобно признать, что ея примером Он учит нас благочестивому размышлению.

Из того, что в Евангелии видим Божию Матерь употребившую размышление в одном из трудных случаев жизни, не должно заключать, что она только в подобных нечастых случаях пользовалась размышлением. По опыту знаем, что, кто не приобручил себя к размышлению и не приобрел навыка в оном, тот не умеет найти в оном себе помощь в случае внезапном и трудном. Итак, если Божия Матерь в случае внезапном и трудном обрела себе помощь в размышлении: то сие показывает, что она ранее приобучила себя к размышлению, и приобрела навык в оном. Таким образом, преподаваемое нам примером ея учение расширяется; и мы должны заключить, что благочестивое размышление должно быть постоянным спутником человека в жизни духовной.

Как из сокрытаго в землю семени произрастает дерево, с его плодами: так из сокрытых в душе человека мыслей возникает его нравственная жизнь с ея делами. По роду семени, питаемого землею, бывает растение и плод; по роду мыслей, питаемых сердцем, бывают жизнь и дела. Кто попускает себе иметь мысли разсеянные, непостоянные, неуправляемые разсуждением: у того естественно и в образе жизни оказаться должны разсеянность,

непостоянство, беспорядок. Итак, сей в твоём уме и сердце благочестивые и добрые мысли, чтобы произростла благочестивая и добродетельная жизнь; и притом, не бросай их поверхностно, случайно, на удачу, но, как искусный и тщательный сеятель, с разсуждением, в порядке, в меру, полагай оныя в глубокую бразду ума и постоянно питай чувствованиями сердца; и как земля из вверенного ей семени углубляет внутрь себя корни, и тем способствует растению возвышаться и расширяться вне: так должно и тебе размышлением и созерцанием, подобно корням растения, углублять в себе святое и доброе, чтобы и деятельная жизнь твоя возвышалась в подвигах и расширялась в обилии добрых дел.

В наше время, – когда люди более прежнего *взыскаша помыслов многих* (Еккл. VII. 30), когда с ранних лет жизни стараются возбуждать и усиливать мысленную деятельность, когда в разнообразии помыслов многих ищут мнимаго образования, изящества, удовольствия, корысти, славы, когда посему души так легко засеваются мыслями плевельными, – особенно нужно воззывать людей к размышлению основательному, чистому, возвышенному, благочестивому.

Но мы видим в Священном Писании, что, и во времена древней простоты, сам Бог учил людей благочестивому размышлению. *Слыши израилю*, говорит по повелению Божию Моисей, *Господь Бог наш Господь един есть, и: возлюбии Господа Бога твоего*; и, чтобы укоренить в народе Божиим сии главные истины благочестия, Моисей продолжает: *и да будут словеса сия, яже аз заповедаю тебе днесь, в сердце твоём, и в души твоей, и да накажеша ими сыны твои, и да возглаголеши о них сидя в дому, и идый путем, и лежа, и востая* (Втор. VI. 4–7). Из слов: *лежа и востая* можно видеть, что глаголение значит у Моисея собеседование не только с другими, но и с самим собою, то-есть, размышление.

Пророк Давид провозглашает блаженным человека, у которого в законе Господни воля его и который в законе Его поучится день и ночь. Как можно поучаться в законе Божиим день и ночь? Во времена Давида мир не был так наполнен учителями и книгами, как ныне; да и при обилии учителей и книг нельзя проводить с ними день и ночь. Однако, не какой-нибудь мечтатель, а Пророк обещал блаженство и указал, как средство блаженства, поучение в законе Божиим день и ночь. Как же сие возможно? – Возможно посредством благочестиваго размышления и сердечной молитвы; потому что сим человек заниматься может, по выражению Моисея, *и сидя в дому, и идый путем, и лежа, и востая*.

Братия христиане! Что, еслибы в учении, которое Моисей и Давид, конечно, не без успеха, преподавали ветхому и плотскому израилю, оказались неуспешными мы, которые величаем себя наименованием новаго, духовнаго израиля? Не стыдно ли было бы нам? Не строгаго ли осуждения были бы мы достойны? Не вознерадим же, по указанию Давида, искать блаженства, поучаясь в законе Господнем день и ночь. Будем внимательны, чтобы, по наставлению Моисея, помышлять о Боге и о благоугождении Ему, *и сидя в дому, и идя путем, и лежа, и востая*.

Для чего часто попускаете вы помыслам вашим, по подобию необученных и неукротенных коней, ристать без управления, без пути, без цели! Обучайте себя *востыгать их браздами и уздою* твердой воли и основательнаго разсуждения, и смотря по надобности, либо приводить их в покой, либо направлять по пути правому, к полезной цели, преимущественно же, к великой цели вашего бытия – к Богу, ко Христу, к небу, к вечности.

Скажите ли, что предметы мира сего невольно поражают ваши чувства, и увлекают ваши мысли? Правда, что могут они невольно поражать ваши чувства; но не имеют силы увлекать ваши мысли, если вы сами не отдаетесь сему влечению. Вы можете, особенно при помощи Божией, *отвращать очи свои, еже не видети суеты*, или взирая на чувственное оком духовным, можете, по образу блаженного Святителя Тихона, *от мира собирать сокровище духовное*. *Вся бо*, говорит святой Макарий, *подлежащая нашему взору суть сень и образ вещей относящихся до души нашей*. И потому, как он же учит, *когда взираеши на солнце, ищи истинного солнца, яко слеп еси*. *Когда простираеши взор на свет, обратися оттуда очами к душе твоей, и виждь, имеши ли в ней истинный и благий свет, сиречь Господа* (Беседа 33).

Наипаче свойственно христианину прилежно простирать сердечныя помышления к Тому, Чье имя он на себе носит, – воспоминать житие Христа Господа, чтобы последовать Ему, вникать в Его учение и заповеди, чтобы уметь исполнять оныя, благоговейно созерцать Его страдания и крестную смерть, ради очищения грехов наших, и Его славное воскресение ради нашего блаженного воскресения, дабы, таким образом питать и укреплять свою веру, любовь, надежду, да живет Христос Бог в человеке еще на земли, и потом, да живет человек в Боге на небеси, во веки. Аминь.

CCCLX.

271. Слово

в день рождения Благочестивейшаго

Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в Успен. Соборе июня 25;

напечатано в Тв. Св. От. 1852 г. и в собр. 1861 г.)

<1852 год>

*Приблизь ко Господу дела твоя и
утвердятся
помышления твоя* (Притч. XVI. 3).

Вот одна из притчей Царя Соломона, которая он, по собственному его сказанию, написал для того, чтобы человек мог *познати премудрость и наказание*, – *уразумети же правду истинную* (I. 2. 3), то-есть, посредством основательного наставления узнать истинную добродетель и ею направить жизнь к блаженству.

Почему сия притча пришла мне на мысль для настоящего слова, вы усмотрите вскоре: но прежде всмотримся в притчу.

Приближение к Богу, по благотворному намерению Творца, соответственно потребности существа сотворенного по образу Божию, есть для человека истинная и законная цель стремления на поприще жизни. Сотворенный по образу Безконечного, человек не удовлетворяется конечным: и если гоняется за тем, что ему представляется желательным в тварях, то, и по достижении желаемого, не остается довольным, вскоре находя оное для себя маломерным и недостаточным. Ум, сотворенный по образу Безконечного, только вечною истиною может утолить жажду ведения. Сердце, сотворенное по образу

Безконечного, только бесконечным благом может насытить алчбу благополучия и блаженства. Так, конечно, мыслил Царь-пророк, когда взывал к Богу: *насыщуся, внегда явитимися славе Твоей* (Псал. XVI. 15). Посему и увещавает другой Пророк: *приблизжайся к Богу своему присно* (Ос. XII. 6). И Апостол поощряет к сему обещанием облегчающей сие взаимности: *приблизьтесь Богу, и приблизится вам* (Иак. IV. 8).

Но как может человек приблизиться к Богу невидимому и непостижимому? – Очевидно, не может лететь, как-скоро пожелает, всем существом своим от земли на небо, из видимого в невидимое: а может и должен направлять к Богу движения своих сил и способностей, преимущественно означенных образом Божиим, не связуемых телесным, не ограничиваемых пространством; может и должен устремлять к Богу помышления и желания, приближаться к Богу умом и сердцем, созерцанием и молитвою, верою и любовью.

На сем правом пути встречаются затруднения, которые происходят частью от прирожденного повреждения нашей природы, удобно простирающегося и на наш произвол, частью от приражения сил, действующих вне нас, также поврежденных и уклоненных от благоустроения Творческого. Хотя мы сознаем, что мы властны думать, о чем хотим: однако не случается ли, что, воскриляя помышления наши к Богу, не можем долго и постоянно удерживать их на высоте, что оне, то как бы ненарочно низпадают, то, даже вопреки нашим усилиям возвысить их, низвергаются долу, на предметы низкие, суетные? Хотя чувствуем, что не какая-либо посторонняя сила движет наши желания, а мы сами произвольно простираем их к тому или другому предмету: однако не случается ли, что направляя желания наши к благам духовным, небесным, вечным, мы испытываем сильное противоборство других желаний, которые влекут нас к предметам земным, тленным, к удовольствиям чувственным, и ослабляют и задерживают наше стремление к Богу?

Против таких и подобных затруднений хочет подать нам помощь притча, которая предлагает приблизить к Богу дела наши, и обнадеживает, что чрез сие утвердятся помышления наши. *Приблизжи ко Господу дела твоя, и утвердятся помышления твоя*. В самом деле, можем ли мы не колеблясь приближаться к Богу нашими помышлениями, желаниями, духом, когда небрежем о соответственном сему направлении наших дел? Хотя дух должен быть сильнее плоти, – *дух бо бодр* по самому естеству, *плоть же немощна* по естеству ея (Марк. XIV. 38): однако может ли иметь полную силу духовная мысль, когда ей противоборствуют чуждые духовного направления дела, с которыми соединена сила таких же мыслей и желаний, произведших оныя, и, в случае учащения оных, и сила привычек и пристрастий? Итак, если желаешь нехрамлющими и неколеблющимися стопами приближаться к Богу и твердо предстоять Ему в богомыслии, в молитве, в вере, в любви: то старайся всем делам твоим дать духовное направление, одушевляя их мыслию, стремящуюся к Богу. *Приблизжи ко Господу дела твоя, и утвердятся помышления твоя*.

Спросишь ли: как могу приближать к Богу дела свои? – Я уже сказал: одушевляя их мыслию, устремленную к Богу.

Не говорю теперь о делах незаконных и злых: их не льзя приблизить к Богу; их должно всю силою воли отражать и отвергать, как удаляющих от Бога.

Говорю о делах добрых, или по крайней мере безвинных, обыкновенных в жизни, но не представляющихся в непосредственном отношении к Богу; подвизайся не делать их в

забвении о Боге, по своеволию, по прихоти, по страсти; потому что чрез сие удаляешь их от Бога, и оне, приметно или не приметно, удаляют тебя от Бога.

Если, например, хочешь благотворить ближнему, не делай сего для славы или почести, потому что чрез сие приближаешь свое дело к людям, а не к Богу; не делай сего без внимания, без мысли и чувства, потому что такое дело будет без жизни, и следственно без движения к Богу; подай твою лепту нищему с сердечною мыслию о Рекшем: *будите милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лук. VI. 36), и твоя лепта пойдет чрез нищаго к Богу, и тебя поведет к Богу.

Если призываешься к делам звания и служения общественного: не ищи возбуждения твоей ревности в желании наград и в надежде возвышения над другими; найди для себя движущую силу в мысли, что должностное в обществе лице *Божий слуга есть во благое* (Римл. XIII. 4); служи Царю и царству верою и правдою, чтобы тем принести службу Богу, и твои дела для отечества земнаго будут приближать тебя к отечеству небесному.

Если трудишься для потребностей и благосостояния земной жизни: берегись поставлять себе целью то, чтобы наконец сказать с богачем притчи: *душе, имашии многа блага, – яждь, пий, веселися* (Лук. XII. 19): притча уже сказала, что это путь безумия и ведет ко внезапной гибели. Возьми себе в руководство Апостольское слово: *есть снискание велие* – великое приобретение – *благочестие с довольством* (1 Тим. VI. 6), и учись *богатеть в Бога* правдою приобретения, умеренностию в употреблении приобретенного, служением от избытка твоего, а иногда и от скудости твоей, нуждающимся ближним.

Аще ясте, говорит Апостол, *аще ли пиете, аще ли ино что творите, в славу Божию творите* (1 Кор. X. 31). Примечайте, как и то дело, которое чревоугодника унижает до самых низких между бессловесными, благоразумный может одушевить возвышенною мыслию и, по выражению Соломона, *приблизить ко Господу*.

Видишь ли дело, которое надобно начать: прежде нежели введешь оное в область событий, приближи оное к Богу молитвою о благословении на его начатие, о помощи для его совершения.

Смотришь ли на дела, которые ты уже совершил с успехом, с достоинством, с пользою для себя и других, со славою; не приближай их слишком к себе, не питай ими своего самомнения; приближай их к Богу, исповедуя над ними благодать Его Провидения, вознося к Нему фимиам благодарного сердца.

Сие последнее значение и применение притчи Соломоновой ныне особенно, к утешению и назиданию, мы можем видеть в живом, величественном действии.

От начинающагося ныне новаго лета жизни Благочестивейшаго Самодержца нашего обращаясь к лету прошедшему, там видим мы день, на который с ожиданием смотрели дни предшествовавшие, на который с благоговением смотрят и смотреть будут дни последующие. Это день, в который совершилось Его двадцатипятилетие в качестве Богом венчаннаго и помазаннаго Царя. Сколько воспоминаний приносил Ему сей день о подвигах и достопамятных делах, которые он совершил, ко благу Церкви и царства, в войне и мире, в законодательстве и управлении, в возвышении благоустройства званий и состояний, в излиянии милостей и щедрот, в призрении страждущаго и беспомощнаго человечества, в облегчении неотразимых человеческою силою частных и общественных бедствий, в укрощении бурь и волнения моря народов, иногда единственно Своею личною непоколебимостию и силою духа! Как же торжествовал Он сей день? Чем ознаменовал

сии воспоминания? Дух Его вознесся превыше всякой торжественности земной: Он *приблизил ко Господу дела Свои*. С совенчанною Супругою и собором второго и третьего рода Своего семейства, на крилах огня Он перенесся из Своей новой в Свою древнюю столицу единственно для того, чтобы принести Богу фимиам благоговейного и благодарного сердца в том самом храме, в котором приял от Него священное венчание и помазание. Торжество, бесспорно, самое высокое! потому что восходит непосредственно к Богу. Торжество в высшей степени радостное! потому что радость в нем небесная.

Праведно, Россия, ты нарицаешь Царя своего благочестивейшим. Радуйся о сем, и храни для себя свою радость, непрестанно подвизаясь и сама быть достойною наименования, которым Его украшаешь. Подвизайся быть и пребыть деятельно благочестивою, *приближая ко Господу дела твои*, живою верою и неуклонным последованием заповедям Его, да возможешь с твердою надеждою взывать к Нему пророческим гласом: *тогда не постыжуся*, не поколеблуся, утвержуся в силе и славе, *внегда призрети ми на вся заповеди Твоя* (Псал. CXVIII. 6). Аминь.

CCCLXI.

272. Слово

в день обретения мощей Преподобного Сергия.

(Говорено в Троицкой Лавре июля 5-го;

напечатано в Твор. Св. Отц. 1852 г. и в собр. 1861 г.)

<1852 год>

Помянеши Господа Бога твоего
(Втор. VIII. 18).

Благоговейно творя память преподобного и богоносного Отца нашего Сергия, мы исполняем заповедь Апостола: *поминайте наставники ваша* (Евр. XIII. 7). Сия Апостольская заповедь приводит мне на память заповедь Пророческую: *помянеши Господа Бога твоего*. И это не по одному подобословию, но по причине более существенной. Благочестно творимая память святых есть отрасль, которой корнем должно быть благоговейное памятование о Боге, так как и благодать святых есть отрасль от живоносного корня Божией силы, или луч от источника света Божия. Чтобы отрасль могла зеленеть, цвести и приносить плод, для сего потребен живой корень. Так, чтобы творимая о святых память была благотворна, для сего надобно, чтобы живое памятование о Боге всаждено было в сердце.

Итак, мы не уклонимся от предмета настоящего празднования, но еще послужим оному, если войдем в некоторые размышления о заповеди: *помянеши Господа Бога твоего*.

Сию заповедь предложил народу Божию Пророк Моисей, в великом поучении, которое произнес к нему в конце своего пророческого и законодательного служения, и вписал в книгу Второзакония. *Слыши израилю*, говорил Пророк, ты прошел достопамятное поприще четырехдесятилетнего странствования под непосредственным руководством Божиим; идет время, в которое ты должен будешь оправдать данное тебе руководство тем, чтобы уметь руководствовать и самому себя. В земле обетованной *не с нищетою снеси хлеб твой* (Втор. VIII. 9) *и ясти будеши и насытишися* (—10): как воспользуешься ты

настоящим благополучием? *Помянешь весь путь, им-же проведе тебе Господь Бог твой* (–2), опасности, сквозь которые ты прошел, трудности, которые преодолел, чудеса, которых был свидетелем и предметом: какое употребление сделаешь ты из сих воспоминаний прошедшего? – Указую тебе путь правды и спасения: вспомни Бога, виновника всех сих благ. *Помянешь Господа Бога твоего.*

Вспомни Бога. – Если сие требование принять в его буквальной ограниченности: то можно подумать, что оно слишком умеренно, чтобы не сказать скудно, и не в меру своего предмета. Довольно ли требовать от сына, чтобы он иногда вспомнил отца? И не излишне ли такое требование? Может ли сын забыть отца? Даже не оскорбительно ли для сына, когда предполагается, что он может забыть отца? Человек Богу не безмерно ли больше обязан, нежели между людьми сын отцу? Отец дал сыну жизнь: но не свою, а полученную от Бога творца. Отец воспитал сына, ввел в общество, обеспечил его благосостояние: но это все не иначе, как по благословию и под покровительством Бога промыслителя. Сын действует умом не отца, но своим, волею не отца, но своею, силою не отца, но своею: но человек не может ни действовать, особенно действовать праведно, ни мыслить, особенно мыслить доброе, ни жить, особенно жить блаженно, не может без Бога, Который *носит всяческая глаголом силы Своея* (Евр. I. 3), о Котором *живем и движемся и есмы* (Деян. XVII. 28), без Котораго *не довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе* (2 Кор. III. 5), Которому *отвращу лице, возмзутся всяческая, и исчезнут и в персть свою возвратятся* (Псал. CIII. 29). При таком отношении человека к Богу, довольно ли требовать от человека, чтобы он иногда вспомнил Бога? И не излишне ли такое требование? Можно ли человеку забыть Бога? Даже не оскорбительно ли, не только для Бога, но и для самого человека не оскорбительно ли, когда предполагается, что он может забыть Бога? – Нет сомнения, что совесть каждого на сие скажет: точно, так, или так должно быть.

Так должно быть, по размышлению о истине и справедливости. Но что видим на деле? Не станем искать суща в чужем оке: каждый да осяжет свое, нет ли в нем бревна. Не проводим ли мы многих часов, и целых дней, погруженные в дела земных обязанностей, или просто, произвола, корысти, прихоти, не приводя себе на мысль обязанности небесной: *помянешь Господа Бога твоего?* Встречая затруднения в делах, препятствия, неудачи, лишения, оскорбления, не мучим ли мы себя иногда очень долго бесплодную печалью или досадою и безуспешным изыскиванием средств помочь себе, не пользуясь близким и верным средством, – тем, чтобы вспомнить Бога, и просить Его помощи, или предаться Его воле? Имея успехи в делах, пользуясь безопасностью, изобилием, приятным положением в обществе, преимуществами в звании, в служении, не переходим ли мы от суетливой мирской деятельности к нравственной дремоте, в которой мечтаем о своем достоинстве, хвалим свое искусство, до безмерности расширяем свои виды, преувеличиваем свои надежды, – и не умеем очнуться, чтобы вспомнить Бога, узреть над собою Его благодетельную руку, и воздать ему хвалу и благодарение?

Сличим сии опыты жизни с умозрением истины и справедливости, выше указанным. Если мало требовать от сына воспоминания об отце; потому что сверх того сын обязан отцу почтением, любовью, послушанием; если тем паче мало – требовать от человека воспоминания о Боге, потому что сверх того человек обязан Богу благоговением, любовью, исполнением заповедей Его: то как много виновны мы, когда не исполняем и того, по исполнении чего надлежало бы еще сказать: этого мало! Если сыну так свойственно помнить отца, что излишним представляется напоминать ему о сем; если много паче свойственно человеку помнить Бога: то как странно, как неестественно, что человек забывает Бога! Если оскорбительно для достоинства сына предположить, что он может забыть отца, и еще более оскорбительно для достоинства человека предположить в

нем забвение Бога: то как тяжко мы оскорбляем достоинство ума, сердца, совести, природы человеческой, действительно забывая Бога! И колико же более оскорбляем чрез сие Бога!

О Боже праведный! Если бы за наше долгое, многократное о Тебе забвение Ты воздал только мгновением Твоего забвения о нас: мы низринулись бы ниже преисподней, ибо и сущие там не чужды Твоего памятования, так как не чужды Твоего провидения. Но Ты, Долготерпеливе, не забываешь забывающего Тебя человека, и кротко напоминаешь ему о Себе словом Твоего Откровения: *помянеши Господа Бога твоего*. Вспомни Бога. – *Тебе, Господи, правда, нам же стыдение лица* (Дан. IX. 7).

Пророк, возбуждая людей к памятованию о Боге, применяет свое наставление в особенности к состоянию благополучия: *помянеши Господа Бога твоего, яко Той даде тебе крепость, еже сотворити силу*. Сие особенное применение не то значит, чтобы надлежало помнить Бога в благополучии более, нежели в инаковом состоянии, но то, что в благополучии человек более подвергается опасности забыть Бога, и потому более требует предостережения от сего. Пример сего тот же Пророк представляет в пророческой песни о израиле, с горькою точностью оправданной событиями: *яде Иаков, и насытися, и отвержеся возлюбленный; уты, утолсте, разшире, и остави Бога сотворшаго его, и отступи от Бога Спаса своего* (Втор. XXXII. 15).

Предостереги себя сим примером, возлюбленный новый израиль. Если видишь себя благополучным, пользуйся благополучием умеренно; если чувствуешь в себе силу, помяни Бога, давшего тебе крепость; берегись, чтобы обильно питаемое земными наслаждениями сердце не одebelело, и не сделалось неспособным к небесным ощущениям; старайся питать оное не столько видимыми благами, сколько мыслю о невидимом Подателе благ, которая может содержать оное всегда открытым сосудом для благодати.

Некоторые из вышепредложенных размышлений требуют, чтобы не оставлен был без разрешения вопрос: почему Пророк, требуя памятования о Боге, требует так мало, когда человек обязан Богу не только памятованием, но и благоговением, любовью, исполнением заповедей? Это по той же причине, по которой земледелец сеет малое семя; ибо знает, что оно, быв принято доброю землею, само собою произведет немалое растение и обильный плод. Воспоминание и памятование о Боге есть семя добродетелей и семя блаженства.

Учащаемое со вниманием воспоминание о Боге постепенно переходит в постоянное о Нем памятование; с постоянным о Боге памятованием естественно соединяется ощущение себя в присутствии Божием и помышление о совершенствах и делах Божиих; от помышления о совершенствах и делах Божиих, при ощущении присутствия Его, восходят и растут благоговение к Богу, вера, молитва, любовь, желание благоугождать Ему и страх нарушить Его заповеди.

Бог избрав Авраама, восхотел сделать его совершенным. Какое же для сего употребил Он средство? Памятование о Боге и хождение в Его присутствии. *Ходи предо Мною, рек Он, и буди совершен* (Быт. XVII. 1).

В самом деле, если в присутствии царя мы не позволим себе никакой небрежности, а тем более неприличия, но стараемся, чтобы всякое наше слово, всякое движение было ему благоугодно: то кольми паче представляющий себя в присутствии Божием не позволит себе никакого греха, поревнует о святом деле, благоугодном Богу.

Помянух Бога, и возвеселихся (Псал. LXXVI. 4), сказал Пророк, – и это есть начаток веселия, чаемого от лицезрения Божия в вечности: *исполниши мя веселия с лицем Твоим* (Псал. XV. 11).

Востани, Иерусалиме, взывает Пророк, – *и виждь собраная чада твоя от восток солнца до запада, словом Святаго радующаяся памятию Божию* (Вар. V. 5). Новый благодатный израиль! Ты не должен отстать от древняго, но по данной Тебе преимущественной благодати должен превзойти его. Подвизайся всегда представлять небу, как представляешь иногда, как представляешь, кажется, в настоящие минуты, благоугодное небу зрелище множества чад твоих, водимых словом Божиим, *радующихся памятию Божию*. Воспомяй Бога, не умом только, но наипаче сердцем, с благоговением, с верою, с любовью, с благодарностию за Его благодеяния, с желанием благоугождать Ему, да и *Господь помянет тебя в благоволении людей Своих, посетит тебя спасением Своим* (Псал. CV. 4) во времени и в вечности. Аминь.

CCCLXII.

273. Беседа

на празднество Успения и в третий день

явления Божией Матери Апостолам.

(Говорена в Гефсиманском ските августа 17;

напечатана в Твор. Св. Отц. 1852 г. и в собр. 1861 г.)

<1852 год>

После усопших обыкновенно бывает время плача, потом время утешения печальных; и далее того и другого продолжается время, в которое дети и присные пользуются праведным наследием отшедших.

И успению Пресвятыя Владычицы наша Богородицы надлежало сопровождаться подобными последствиями, по сродному с нами естеству Ея, естественными, по обилию данной Ей благодати, обильно благодатными.

Плакали Апостолы, когда жизнь Матери Света, как тихая заря после Божественного Солнца Христа сиявшая для Церкви, угасла пред их очами. Плакали горькими слезами естественной печали, но вместе и сладкими слезами благодатного умиления: потому что вера в неумирающую благодать Матери Господней и чувство благоговейной любви к Ней господствовали над чувством лишения.

Полное же и совершенное утешение получили они, конечно, тогда, когда, в третий день по Ея успении, ради опоздавшего к Ея погребению Фомы, отверзши гроб Ея, не обрели пречистаго тела Ея, и в след за тем увидели Ее в славе воскресения, и от Ней самой услышали слово утешения: *радуитесь, яко с вами есмь во вся дни*.

Если радость, которую подает воскресшая Матерь Божия, имеет своим источником присутствие Матери Божией с нами во вся дни: то очевидно, что и радость, как поток из сего источника, должна протекать по всем временам, до впадения в море вечнаго блаженства. И вот прекрасное и неизживаемое наследие, которое Матерь Божия в

успении Своем не только оставила, но определительно назначила и преподала Своим по благодати чадам и присным. *Радуйтесь, яко с вами есмь во вся дни.*

И Церковь Христова прияла от Матери Божией сие наследие и хранит, и от дней до дней, от лета до лета, от века до века непрестает разделять оное. Для чего и ныне собрала Она сей собор, как не для того, чтобы, если можно, каждый приял некую долю святой и благотворной радости от благодатного сокровища Царицы небесная?

Правда, не всем без различия завещала она сию радость, но преимущественно Апостолам: однако, поелику обещала и продолжить оную, вместе с присутствием Своим в Церкви во вся дни; то чрез сие простерла Свое обещание и на живущих после дней Апостольских, если они усвоят себя Ей в чада и присные Апостольскою верою в Ея неумирающую благодать и Апостольскою благоговейною к ней любовью.

Итак *радуйтесь*, души, подвизающиеся в вере, по образу Петра, который ускорил прежде других исповедать Христа Сына Божия, и, по вере в Него, и по водам ходить отваживался! Матерь Начальника и Совершителя веры *с вами есть*; и как Она блаженна веровавшая, так и вам споспешествовать будет сквозь искушения и опасности достигнуть блаженства.

Радуйтесь, души, стремящиеся к совершенству любви, по подобию *возлюбленного Ученика*, который и Бога созерцал преимущественно в Его качестве любви, оком любви, и в любви же заключал все учение жизни! Нареченная Матерь *возлюбленного Ученика с вами есть*; и не отречется быть матерью и для вас, чтобы покровительствовать духовному воспитанию вашему от рабского страха до *совершенной любви, изгоняющей страх* (1 Иоан. IV. 18).

Радуйтесь, ревнители слова истины! Матерь вечного Слова *с вами есть* и неотступно предстательствует пред Ним о вас, *да даст вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися, или отвещати вси противляющиеся вам* (Лук. XXI. 15).

Радуйтесь, хранящие девство и целомудрие! Приснодева *с вами есть*; и как девство приблизило к Ней Иоанна, так оно приблизит Ее к вам. Дознают сие благодетельными опытами особенно те, которые в удалении от мира благоразсудно целомудрствуют духом и телом: а от некоторых из таковых и в мире сие известно, как например, от преподобных: Антония Печерского, Сергия Радонежского.

Радуйтесь, и благословенно супружествующие! Обрученная Дева и невестная Матерь, Которая не только удостоила посетить жениха и невесту в Кане Галилейской, но и первое открытое чудо для них от Божественного Сына Своего испросила, не чуждается вас; Она любит девство, но не унижает и супружества; и вас, молящихся Ей, не лишит благопотребной помощи, если взираете на супружество, как на союз не только естественный, но и духовный, имея высокий таинственный образ его в союзе Христа с Церковию.

Радуйтесь, благочестивые родители и во благочестии воспитываемая чада! Дщерь молитвы праведных Иоакима и Анны, воспитанная в доме Божиим, Матерь Сына, от Которого всякое сыновство на небеси и на земли имеет начало, признает вас по духу Своими присными и чадами, и простирает на вас Свой благодатный покров от дома Божия небесного и земного.

Радуйтесь, хотя сквозь слезы, испытываемые различными скорбями, но крепящиеся в терпении и уповании на Бога! Та, Которая более всех на земле, кроме только

Единородного Сына Ея, испытана была скорбями, Которой душу *прошло* крестное *оружие*, по Своим опытам знает, что вы чувствуете, и состраждет вам, и может и хочет облегчать вас, почему и нареклась *радостью всех скорбящих*.

Но нельзя не приметить, что в назначаемый нами раздел благодатного наследия Царицы небесныя не входят многие. Что же останется таковым? Чего могут ожидать те, которые не подвизаются в вере, не стремятся к совершенству духовной любви, не ревнуют о истине и правде, не чтят девства, не освящают супружества, чадородия и детоводительства, не благословляют Бога в счастье, ропщут в несчастии? Должно сказать правду: не им воскресшая Божия Матерь изрекла Свое безсмертное: *радуйтесь*, не им обещала Свое благодатное присутствие. Однако не оставила ли Она чего-либо и для сих, подобно как благодетельные завещатели, не только ущедряют достойных наследников, но и недостойным оставляют нечто по избытку милости? В книге Соломона есть запись о некоей доле наследства, которое осталяет по себе праведник. Очень естественно, чтобы и Первенствующая между всеми праведными оставила по себе то наследство, которое оставляет каждый праведник. Какое же это наследство? – Раскаяние. *Умираяй праведник остави раскаяние* (Притч. XI. 3). Тем, которые не приблизились к Матери Божией подвигом веры, усердием любви, не подражали примеру Ея добродетелей, и потому не приобрели права наследовать от нея благодатную радость, Она оставила, как последнюю милость, раскаяние – наследие несладкое вначале, но спасительное впоследствии, если направлено будет к исправлению жизни.

Если мы не умели, или, справедливее сказать, не потрудились стяжать, по примеру Пресвятыя Девы, *радость духа о Бозе Спасе* (Лук. I. 47): то поспешим воспрять *печаль, яже по Бозе*, которая *покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. VII. 10) и чрез которую, следственно, и радость спасения, наконец, обретена быть может. Аминь.

CCCLXIII.

274. Слово

по освящении храма Покрова Пресвятыя Богородицы, в Московском Тюремном Замке.

(Говорено сентября 18; напечатано в Твор. Св. От., в

Полиц. и Губерн. Ведом. 1852 г. и в собр. 1861 г.)

<1852 год>

Стояше Иисус, и зваше глаголя: аще кто жаждет, да приидет ко Мне, и пьет (Иоан. VII. 37).

Среди храма Иерусалимского стоял Христос Спаситель, и к наполнявшему оный, по причине великого праздника, народу простирал сие воззвание: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне, и пьет*. Кто не почувствовал бы жажды при сем воззвании, если бы и не чувствовал ея прежде? Кто не желал бы приблизиться ко Христу, и вкусить пития, которое Он подает?

Для чего благочестивое усердие трудилось благоустроить и благоукрасить храм сей? Для чего Священноначалие подвизалось в молитвах и тайнодействии, чтобы освятить оный? Не для того ли, чтобы он был Домом Божиим, обителию благодатного присутствия Христова? Чтобы здесь можно было приближаться ко Христу, и причащаться даров Его?

И так, с той минуты, когда провозглашено вступление сюда Царя славы, не пришел ли действительно Христос Спаситель? Не стоит ли Он здесь невидимо? Не простирает ли к душам, слышимо для *имеющих* уши *слышати*, неслышимо для *одебелевших сердец*, – не простирает ли и здесь Своего Иерусалимского воззвания: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет?*

Аще кто жаждет. Дело идет, конечно, не о телесной жажде, для утоления которой есть довольно рек, источников и водоемов, и потому нет нужды в чрезвычайном указании, куда идти для утоления оной. Итак должно заключить, что дело идет о жажде душевной, о желаниях сердца, неуспокоенных внутренно, неудовлетворенных отвне.

Аще кто жаждет. Сие условное и разделительное выражение подает повод думать, что есть жаждущие, и есть такие, которые не имеют жажды, или не довольно сознают ее притупленным чувством, или заглушают ее ложным удовлетворением. В сем отношении надобно нам испытать себя, в каком находимся мы состоянии, и что нам делать, чтобы не умереть от неутоленной жажды, или от утоления ее погрешительного и вредоносного.

Наш ум требует познания истины. Это его глад и жажда, – такое же требование природы, как требование пищи и питья телом. Что ж? Удовлетворяет ли природа требованию разумной природы? Есть люди, которых неудобно и спрашивать о сем: потому что у них действует чувство, память, воображение, чувственная мысль, чувственное желание: а собственно ум спит или дремлет, и они не сознают, или очень слабо сознают, чего он требует, и чего ему недостает. Спросим людей, которых ум кажется пробужденным, которые называются образованными, каких-нибудь Афинян. За них отвечает нам, лично наблюдавший их, Апостол, что они *ни во чтоже ино упражняхуся, разве глаголати что, или слышати новое* (Деян. XVII. 21). Что это значит? – То, что для утоления жажды любознательности они не могли или не умели найти ничего более, как только капли новостей, которая всегда оставляли неутоленную жажду. Спросим более основательных искателей знания; спросим Любоумудрствующих. Один из достойнейших доверия между ними признался, что усилием Любоумудрствования он достиг одного только познания; – он узнал, что ничего не знает. То есть: он узнал, что имеет жажду, и не нашел, чем бы удовлетворить ей. Спросим еще более достоверного исследователя; послушаем, что говорит Премудрый Соломон. *Сердце мое вдах, еже ведети премудрость и разум; и сердце мое виде многая, премудрость и разум, притчи и хитрость: уразумех аз, яко и сие есть крушение духа. Яко во множестве мудрости множество досады; и приложивый разум приложит болезнь* (Еккл. I. 17. 18). Иначе сказать: кто более домогается удовлетворить жажде знания; тот более страдает жаждою: потому что чем более человек познает, тем более усматривает, как мало познанное в сравнении с непознанным и недоступным познанию.

Наша воля по своей природе жаждет добра и правды. Найдет ли человек полное удовлетворение сей жажде в самом себе? – Нет, отвечает премудрый и опытный Соломон: *несть человек праведен на земли, иже сотворит благое и не согрешит* (Еккл. VII. 21). Найдет ли окрест себя? – Нет, отвечает и на сие Соломон: *обратихся аз, и видех вся оклеветания, бывающая под солнцем, и се слезы оклеветанных, и несть им утешающего* (Еккл. IV. 1). Сей Соломон, который некогда явился чудом правосудия, видит, что он не в силах совершенно удовлетворить жажде правосудия.

Сердце человеческое жаждет приязни и любви. Это также требование природы: потому что природа человека создана по образу Божию; а *Бог есть любовь*, как говорит глава Богословов. Сохраняя глубоко положенные черты сего образа, сердце человеческое ищет любви искренней, безкорыстной, не изменной, свободно соединяющей души, а не порабощающей, возвышающей в духе, а не низвергающей в чувственность, чистой, святой: но часто ли находит ее? Не чаще ли встречает равнодушие, холодность, под призраком любви самолюбие или своекорыстие, измену, зависть, ненависть, вражду? Некоторые же, или не поняв высших требований своего сердца, или отчаясь удовлетворить им, низлагают священное имя любви, называя любовью пожелания чувственные, влечения, которые ни мало не возвышают человека над бессловесными: и нездоровую жажду думают утолить из чаши нечистых наслаждений, и поздно узнают, что пили не здоровое питье, а одуряющее и отравляющее.

Все существо человеческое жаждет блаженства. И это не преувеличенное требование. Если агнец на пажити играет в чувстве довольства и удовольствия; если птичка на ветке поет свою радость и благополучие: то высшая природа человека не должна ли требовать более, нежели что имеют овца и птица? Не должна ли требовать блаженства? Где же оно? Слышали мы, что оно было в раю: но кто нашел его на земле, в естественной жизни земного человека? Чтобы человек мог быть блажен, для сего надобно, чтобы жажде ума его удовлетворено было истиною, жажде воли – добром и правдою, жажде сердца – чистою любовью: но доколе сим видам жажды не достает полного удовлетворения, доколе и блаженство может быть для него только предметом жажды, а не наслаждения.

После сих размышлений, что скажем мы на условия воззвания Христова: *еще кто жаждет?* Скажет ли кто: я не жажду? Или: я имею, чем утолить мою жажду? Не лучше ли признаться всем, что мы жаждем, и что не находим ни в себе того, что бы утолило нашу жажду, ни в окружающем нас мире того, что бы ей удовлетворило? Если же так: то благоразумие требует, чтобы мы как можно деятельнее, как можно вернее последовали воззванию Христову: *еще кто жаждет, да приидет ко Мне, и пьет.*

Итак, души жаждущия, приидите ко Христу. Он один может утолить вашу жажду истины: ибо *Сам есть Истина; в Нем суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол. II. 3); Он *из тмы вас призывает в чудный свой свет* (1 Пет. II. 9).

Приидите ко Христу. Он один может удовлетворить вашей жажде добра и правды: потому что Он *есть агнец Божий, взявляя грехи мира; Он кровию Своею очищает совесть нашу от мертвых дел; Он подает нам Божественныя силы, яже к животу и благочестию; Он победил мир, и дарует и нам победу над всякою неправдою мира.*

Приидите ко Христу. Он один может утолить вашу жажду истинной любви. Потому что *мы любим Его, яко Той первее возлюбил есть нас* (1 Иоан. IV. 19). Потому что Он дарует Духа Святаго, и *любы Божия изливаются в сердца наша Духом Святым данным нам* (Рим. V. 5), – любовь, которая объемлет и врагов, и потому не стесняется ничем, ей противным.

Приидите ко Христу. Он утолит и вашу жажду блаженства, из неистощимой чаши блаженства вечного. Не смущайтесь тем, что и Сам Он некогда в предсмертных страданиях воззвал: *жажду*; но тем паче утверждайтесь в уповании. Он для того принял участие в мучении вашей жажды, чтобы вы от Него приобщились сладости удовлетворения жажды духовной.

Приступайте ко Христу в Церкви Его. Приближайтесь к Нему верою, молитвою, любовью. Пийте свет истины и жизнь благодати и правды из Его заповедей, из Его Евангелия, из Его таинств.

Наконец, не поискать ли нам особаго утоляющаго слова для особаго рода жаждущих, обитающих окрест сего храма? – Вероятно, все вы страдаете одною жаждою, – жаждою освобождения отсюда. Что же скажу вам? Нельзя вдруг удовлетворить вашей жажде тем образом, каким бы вы желали. Но подумайте, что бывали в темницах люди, которые не страдали, или очень легко страдали жаждою освобождения. Иосиф в темнице Египетской был, как хозяин: *вся бо беша в руках Иосифовых* (Быт. XXXIX. 23); Апостол Петр в темнице Иерусалимской, в навечерии суда смертнаго, почивал спокойно, как бы у себя в доме; Апостолы Павел и Сила в Филиппийской темнице благодушно *пояху Бога*, как бы в церкви. Почему так? потому что они были невинны; потому что Христос был с ними, как именно написано о Иосифе: *бляше Господь с Иосифом, возлия на него милость*. Если и сюда некоторых из вас невинных привела испытующая судьба Божия: смотрите на сии примеры; прибегайте ко Христу, и уповайте, что будет *Господь с вами*, и, ранее или позже, *возлиет на вас милость*. А если у вас лежит на совести тяжесть вины: то разсудите, было ли бы для вас благом скорое и легкое освобождение отсюда. Тяготеющая на совести вашей неправда, и более или менее томящая жажда правды, или тоска по утраченной честности и добродетели, пошла бы отсюда с вами; и кто знает, не стали ль бы вы утолять сию жажду огнем вместо воды, то есть, новыми неправдами вместо покаяния, и таким образом не обратилась ли бы наконец утолимая жажда ваша в ту огненную и неугасимую, в которой человек, не искавший пить от воды благодати во время земной жизни, за гробом искал для своего языка перста, омоченнаго в воде, но искал тщетно.

Заботьтесь лучше утолить не жажду внешнего освобождения, но жажду внутреннего разрешения от уз грехов и преступлений. Не допустите разгореться в вас палящей жажде отчаяния, но, угашая ее слезами покаяния, притекайте ко Христу, Который хочет от вас не нерадения во глубине зол и отчаяния, но покаяния и надежды. *Прииде бо Сын человеческий взыскати и спасти погибшаго*. Аминь.

CCCLXIV.

275. Беседа

на освящение храма Святаго Апостола Филиппа,

на Иерусалимском, в Москве, подворье.

(Говорена сент. 20; напечатана в Твор. Св. От. 1852 г. и в собр. 1861 г.)

<1849 год>

Кому близко к сердцу Отцепреданное имя *единья Святых, Соборных и Апостольских Церкви*: тому должно быть по сердцу совершившееся здесь ныне торжество освящения храма, как такое, в котором можно усматривать приятныя черты *соединения Святых Божьих Церквей*, ежедневно испрашиваемаго нами в молитвах.

За несколько десятилетий пред сим, Церковь Иерусалимская пожелала иметь здесь свой храм: и Церковь Российская, с соизволения Благочестивейшаго Самодержца, предложила ей здесь храм и место для жительства священнослужителей. Усердие православных чад Церкви Российския споспешествовало благоустроению прежде бывшего здесь храма, и

устроению при нем жилищ для Иерусалимских священнослужителей, и ныне присовокупило к древнему новый храм. А блаженнейший Патриарх Иерусалимский, на общение благотворительное ответствуя общением собственно церковным и священнодейственным, своим к нашей мерности посланием изъявил желание, чтобы храм сей получил освящение от священноначалия Церкви Российской, что благодатию Божиею ныне и совершилось.

Не неблагоприятно при сем вспомнить, что в сем Богоспасаемом граде издавна есть обитель, подведомая патриархии Константинопольской; что в недавнее время и Антиохийской патриархии предоставлен храм; что посланник патриарха Антиохийского уже несколько лет пребывает здесь, пользуясь благотворениями чад Церкви Российской для своей бедствующей Церкви, и что теперь на пути сюда находится и посланник Патриарха Александрийского, также с надеждою на благотворительность Россиян для бедствующей Церкви Александрийской.

Приметим здесь, как я уже сказал, приятны черты единства и общения Церквей, составляющих Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Но дабы не было сомнения, суть ли это верные черты истинного единства, посмотрим, как единство и общение Церквей определяется в Слове Божием. Святой Апостол Павел, в послании к Ефесской Церкви, учит ее *блюсти единение духа в союзе мира*, и в основание сего учения полагает следующие рассуждения: *Едино тело, един дух, якоже и звание быте во едином уповании звание вашего, един Господь, единая вера, едино крещение, един Бог и Отец всех, Иже над всеми, и чрез всех, и во всех нас* (IV. 3–6). Таким образом Апостол указывает внутреннейшее средоточие и крайний верх единства церковного во *едином Боге Отце*: и знаменательно присовокупляет, что Он *един над всеми*, по Своей высочайшей власти, *един чрез всех*, по всеобъемлющему и всепроницающему действию Своего провидения и управления, *един во всех нас*, по внутреннему благодатному действию Святого Духа. Чрез сие дается разуметь, что дабы основать и ненарушимо поддерживать единство вселенской Церкви, для сего требуются Божественные совершенства, а не человеческие силы и средства. Более открытый источник единства церковного, по учению Апостола, есть *един Господь, Иисус Христос*, Который и нарицается в том же послании *Главою Церкви*, соответственно сему называемой *телом Его*. Прочия последовательные черты в Апостольском изображении церковного единства суть: *единство звания* ко спасению и упования будущих благ, *единство веры* и догматов ея, *единство крещения* и вообще таинств, наконец *единодушие* и *союз мира*.

Не сими ли Апостольскими чертами ознаменовано и ныне единство и общение Церквей, составляющих Кафолическую Православную Церковь? Все оне признают единственную Божественную Главу всего тела Церкви – Господа нашего Иисуса Христа. Все оне свято сохраняют *единую веру*, как проповедали ее Апостолы, как изрекли ее триста осьмнадцать Отцев первого вселенского Собора, и сто пятьдесят Отцев второго вселенского Собора, – сохраняют без изменения, без убавления, без прибавления. Общение таинств между Церквями, разделенными далеким разстоянием мест и народностию, в самом действии видите вы здесь ныне. Церковь Российская дарит Церкви Иерусалимской свое святилище: а Церковь Иерусалимская, для совершения таинства в усвоенном ей святилище, призывает священноначалие Церкви Российской. Не *единение ли духа* и *союз мира* между Церквями открываются и в том, что Церкви отдаленные, иноплеменные, с доверием и надеждою посылают своих посланников к Церкви Российской, изъявить ей свои нужды, и Церковь Российская приемлет к сердцу их скорби, и охотно простирает к ним вспомоществующую руку? Не есть ли это продолжение первоначального Апостольского общения, о котором пишет Апостол Павел: *Иаков и Кифа и Иоанн, мнимии столпы быти, десницы даша мне и Варнаве общения, да мы во языки,*

они же во обрезание, точно нищих да помним, еже и потщихся сие истое сотворити (Гал. II. 9. 10)? то-есть: Иаков, Петр и Иоанн, почитавшиеся столпами вселенской Церкви, преимущественно начальствуя над Церквами из Иудеев, без нарушения единства вселенской Церкви, точно такое же начальство предоставили Павлу и Варнаве над Церквами из язычников, с тем только, чтобы Церквам, терпящим бедствия и нищету, подавали помощь Церкви, пользующияся миром и обилием.

Прославим, Братия, Бога, даровавшего нам благодать быть, хотя малыми, членами единого великого духовного тела Христова, единыя Святыя Соборныя и Апостольския Церкви. И о, если бы каждый из нас был членом ея живым, по вере и добродетели! О, если бы никто из нас не был в опасности, быть отсечен от сего бессмертного тела, как член смертоносно зараженный неверием и преобладающим грехом! Да помышляем и да печемся о сем прилежно и непрестанно: это зависит от нашего внимания, желания и попечения; благодать Божия всегда готова на помощь сему.

Почудимся непостижимым, но понятно благопромыслительным о вселенской Церкви судьбам Божиим. Между тем, как на народы древних великих Церквей Востока постепенно налегало иго неверных, и вследствие сего и самыя Церкви подвергались затруднениям в управлении, лишались вещественных пособий, уменьшались в числе верующих, то бедствиями, то отторжениями нетвердых в вере; а Запад омрачался *дымом от студенца бездны, отверстаго звездою, падшею с небесе на землю* (Апок. IX. 1–3): Бог насадил, возрастил, укрепил, расширил Церковь Российскую, и, посредством Христолюбивой ревности Царей наших, соделал ее защитницею православныя веры в странах неверных, и в христианском усердии нашего народа отверз для бедствующих Церквей источник утешения и помощи.

Возчувствуем, братия Церкви Российския, милость к нам Провидения Божия. Вместе с Божественным даром православныя веры, нам даровано, в мире Царства, наслаждаться миром Церкви. Бог новаго Израиля *дал нам, по пророческому слову праведнаго Захарии, без страха, из руки враг наших избавльшимся, служить Ему преподобием и правдою пред Ним вся дни живота нашего* (Лук. I. 74. 75). Тогда как иныя Церкви и чада их подвизаются в скорбях, в теснотах, в лишениях, нам ничто не препятствует совершать торжества веры, пользоваться открытыми сокровищами и утешениями благодати, *яко возможи нам и суция в скорби утешати утешением, им же утешаемся сами от Бога* (2 Кор. I. 4). Да подвизаемся верно употреблять сии дары на дела благия, со страхом взирая к имеющему в деснице Своей судьбы Церкви, Который *соблюдающим дела Его до конца дает власть на языцех* (Апок. II. 26), и несовершенных к лучшим делам возбуждает угрозением *двигнуть от места светильник* (5), не сияющий светом живой веры и дел благих. Аминь.

CCCLXV.

276. Беседа

на обновление храма Святых Апостолов Петра и Павла,

при 1-м Московском Кадетском Корпусе.

(Говорена окт. 18; напечатана в Твор. Св. От. 1852 г. и в собр. 1861 г.)

<1852 год>

*Господи, возлюбих благолепие дому Твоего,
и место селения славы Твоея.* (Пс. XXV. 8).

Приятно – читать сии благочестивыя слова в книге Царя – Пророка: и особенным образом – приятно видеть сие благочестивое чувство написанным на самом храме, и на сердцах людей, призванных быть живыми храмами Божиими.

Не сие ли чувство любви к дому Божию подвиглось в сердце Благочестивейшаго Царя нашего, когда он, видя сей храм уже не неблаголепным, не умолчал однако, что еще требовались бы некоторые черты к возвышению его благолепия?

И на Царское слово свободно отозвалось верноподданническое благоговение к Царскому слову, вместе с любовью к дому Божию: и Царское слово исполнено, и благолепие храма сего возвышено.

Чему, как не той же любви к дому Божию, должно приписать и то, что братия сего храма изъявили настоящее желание, чтобы обновление сего храма совершилось молитвами не одного священнослужителя, но собора церковного? Так понято ваше желание; и потому, с утешением исполнено.

Предложим ли взаимно вам и наше желание? – Желаем, чтобы ваша любовь к дому Божию не прилеплялась к видимому только его благолепию, но чтобы простиралась к его благолепию невидимому, духовному, Божественному.

Вслушаемся внимательнее в слово Пророка: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея*. Храм Божий любезен ему: потому что благолепен. Но чем благолепен и любезен? – Не одним блеском видимых украшений, хотя и сии могут иметь полезное действие на чувство благоговения, но наипаче тем, что он есть *дом Божий и место селения славы Божией*, что в нем живет Бог и Его Божественная слава. Приметьте, что по разумению Пророка, храм есть *место* не временного только и преходящего явления, но постоянного *селения* славы Божией. Слава Божия не тогда только была во храме, когда ее видели, в чудесном облаке осеняющем, в небесном огне ниспадающем на жертвы, как было во дни Моисея и Соломона, но она пребывает в нем всегда. Не видит ее пытливое око, но чувствует ее присутствие верующее сердце, и сие чувство исторгается из сердца в слове восторга: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего, и место селения славы Твоея*.

Если мы не обретаем в себе сего внутреннего, живаго, сладостнаго, Давидова чувства присутствия Божия и славы Божией во храме: то это наш недостаток, – недостаток внимания, благоговения, разумения, веры. Это подобно тому, как человек с тупым зрением среди света не чувствует ясности света, как человек с притупленным обонянием среди благоухания не чувствует благоухания.

Чтобы сердце отверзлось для ощущения присутствия Божия и славы Божией во храме, для сего надобно прилежно внимать умом храму, как жилищу истины Божией, святыни Божией, благодати Божией, как дому молитвы.

Каждый день, в каждый церковный час, что слышите вы во храме, как не истину Божию? Он и поет и говорит о Боге Творце, Промыслителе, Спасителе, о наших к Нему обязанностях, о нужде и средствах нашего спасения, о покаянии, вере, надежде, любви, о благоделании. Будь только внимателен и неразсеян: и спасительная истина проникнет тебя, и даст тебе ощутить свою сладость и силу.

Для чего, так сказать, усиленное соединение средств и способов сообщить трапезе или престолу храма высокий степень освящения, — освященная вода и вино, святое миропомазание, многия тайнодейственные молитвы, положение святых мощей? Не для того ли, чтобы соделать сию трапезу, сколь возможно, достойным престолом святыни собственно Божией? Потому и дается ей наименование престола, что на ней, как на царском престоле, присутствует Царь славы, Богочеловек Иисус Христос, в Божественном слове Евангелия Своего, в спасительном знамении креста Своего, в Божественном таинстве Тела и Крови Своея. Итак, если ты не мог бы не благоговеть пред небесным престолом славы: то можешь ли не благоговеть и пред сим? Ибо на том и на сем един и тойжде Царь славы Христос.

Но для чего святыня и слава Божия нисходит от горних в дольняя, от безпредельнаго неба в тесный земный храм? Очевидно не для себя, но для тебя, молитвенник храма, для того, чтобы явиться тебе сообщающеюся благодатию, чтобы от святилища преподавать тебе благодатный свет, силу и освящение. Отверзай только для сего сердце твое искреннею молитвою и несомненною верою.

Желая себе и вам привить душеполезную Давидову любовь к дому Божию, воспоминаю еще одно его изречение: *изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих* (Псал. LXXXIII. 11). То-есть: желаю лучше повергать себя у прага дому Божия, нежели жить с удобством и удовольствием в жилищах грешников. Изречение многовразумляющее. Не потому ли между-прочим он так сильно чувствовал любовь к дому Божию, так крепко и смиренно прилеплялся к нему, что не любил жить в селениях грешничих, и наслаждаться их удовольствиями? Не потому ли, напротив, некоторые из нас, и, может быть, многие холодны к дому Божию, что слишком любят селения грешничи, обиталища суетных забав и чувственных наслаждений? Помысли, бессмертная душа, что селения грешничи скоро разрушатся, истлеют или сгорят в преисподнем огне: а дом Божий с живущими в нем и любящими его перенесется на небо. Избери лучшее и надежнейшее; избери решительно; возлюби дом Божий с его святынею и благодатию, с его молитвою и духовным учением и не позволяй себе увлекаться исчезающею прелестью селений грешничих. Аминь.

CCCLXVI.

277. Слово

в день Восшествия на Всероссийский Престол

Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в Чудове монаст. ноября 20;

напечатано в Московск. Ведомост., в Полиц. и Губерн. Вед.,

в Твор. Св. От. 1853 г. и в собран. 1861 г.)

<1852 год>

*Воздадите убо Кесарева Кесареви,
и Божия Богови* (Матф. XXII. 21).

Сие изречение Христа Спасителя часто мы слышим, когда в подобные нынешнему дни, верноподданническое чувство собирает нас во храм, *творити молитвы, моления, прошения, благодарения за Царя*, Богом данного и Богом хранимаго. И без сомнения, не Иродиане только и Фарисеи некогда *слышавшие дивилися*: но и ныне размышляющие не перестают удивляться многообразной премудрости, заключенной в кратком изречении.

Если бы на вопрос: *достойно ли есть дати кинсон Кесареви*? Господь отвечал только: достоин: Он изрек бы истину, но без убеждения в ней. Он разрушил бы ков Иродиан, которые хотели предать Его области игеомовы под предлогом Его неуважения к государственной власти; но не обезоружил бы Фарисеев, которые готовились обвинить Его в раболепстве власти языческой и в оскорблении достоинства народа Божия и Самого Бога. Но когда Он указал на образ и надписание Кесаря на монете, и сказал: *воздадите Кесарева Кесареви*: Он изрек истину, и убедил в ней очевидным доказательством. И когда присоединил: *воздадите Божия Богови*: Он разрушил сугубый ков, и отразил двустороннее нападение Иродиан и Фарисеев.

Когда на один вопрос, об обязанности ко власти земной, Он дал не один, а вдруг два ответа, об обязанности ко власти небесной, и об обязанности ко власти земной: Он чрез сие дал разуметь, что последняя обязанность должна искать себе опоры в первой, а без нея неполна, не тверда и недостаточна.

После многократно, без сомнения, слышанных вами размышлений преимущественно об одной части изречения Господня: *воздадите Кесарева Кесареви*, дадим ныне чреду нескольким мыслям преимущественно о другой части онаго: *Божия Богови*.

Божия Богови. Что значит здесь: *Божие*? Как воздавать *Божие Богу*? Чтобы разуметь сие согласно с духом Божественного Учителя, надобно к сему придти по Его направлению.

Смотря на монету, сказал Он: *воздадите Кесарева Кесареви, и Божия Богови*. Что здесь было Кесарево, сказано предварительно: это Кесарев образ и надписание. А что Божие? – Остается золото. Кесарь дал монете свой образ и надписание: а золото ея сотворил Бог: почему и глаголет Он у Пророка, *Мое серебро и Мое золото*. Или, может быть, Христос Спаситель имел в мыслях, кроме монеты Римской, находившейся пред глазами Его, другую монету, Еврейскую, – сикль, платимый Иудеями в пользу храма Иерусалимского, и таким образом усвояемый Богу. Как бы то ни было, отдать Кесарево Кесарю, конечно, не значит снять с монеты и отдать Кесарю Его образ и надписание; ибо это не в природе вещей. Следственно изречение Господне необходимо принять в значении не столько буквальном, сколько созерцательном и более обширном.

Итак *воздавать Кесарева Кесареви*, значит за благодетельныя для подданных действия Царской власти воздавать неуклонным исполнением соответственных оным верноподданнических обязанностей.

Царь дает тебе монету, ознаменованную Его властью, как твердое и удобное орудие для определения достоинства твоей собственности, для производства хозяйственных и торговых оборотов: воздавай ему определенную долю твоей собственности и самой сей монеты, дабы Он имел средства доставлять тебе сие и другия удобства общественной жизни.

Царь дает тебе закон и управление, чтобы в обществе существовал порядок, чтобы права твоего звания были известны и признаны, чтобы собственность твоя была несомненна, и

личность твоя неприкосновенна постороннему своеволию: воздавай Ему повиновением Его закону и управлению, и тем облегчай Ему подвиг доставления сих благ тебе и всем.

Царь дает тебе суд и правду против обид и несправедливых лишений: воздавай Ему твоею благонамеренною подсудностию; являйся в суд с правдою, а не с клеветою и лукавством; не позволяй себе самоуправства; будь правдивым свидетелем по законному требованию суда.

Царь доставляет тебе общественную тишину и безопасность от врагов, непрестанно бодрствуя против духа тревог и браней не только в пределах и на пределах, но и за пределами Своей Державы, многими трудами образуя, с многотрудными соображениями употребляя воинство, и даже Сам с Своими присными становясь в чин воинов: воздавай Ему с одной стороны любовь к тихому и безмолвному житию, с другой готовностью принести на защиту общественной безопасности всякую жертву, какую Царь и Отечество потребовать могут.

Если так обширно по справедливости должно быть значение правила: *воздадите Кесарева Кесареви*, – что скажем о значении другого правила: *Божия Богови*? Не трудно усмотреть, что значение сего должно быть еще обширнее, поколику власть Божия выше и обширнее власти Кесаря.

Не *образ* только вещей, или какое нибудь положенное на них знамение есть Божие: Божие есть все от глубокой сущности существ до видимого их явления; все Божие, по праву сотворения, по праву сохранения, по праву управления, ко благу всех творений Божиих, и преимущественно ко благу и блаженству человека. Посему полон силы, и никаким изъятием не может быть ослаблен вопрос Апостола: *что имаша, его же неси приял?* А за сим необходимо следует равносильный вопрос: что же имеешь ты, что не был бы ты обязан *воздать* вседаровавшему Богу, в чем бы ты мог отказать Богу?

Бог дал тебе ум: отдай его Богу, посвящая его на познание Бога, на помышление о Боге; и, если очищением и возвышением его достигнешь того, что *денница* дня Божия *возсияет в сердце* твоём, – посвяти ум твой на созерцание Божества.

Бог дал тебе волю: отдай ее Богу; да будет *в законе Господни воля* твоя; употребляй ее на исполнение заповедей Господних.

Бог дал тебе сердце: отдай его Богу, иначе сказать, возлюби Бога всем сердцем.

Бог устройством и покровительством Своего Провидения дает тебе внешния земныя блага: отдавай их Богу, препосылая к Нему избыток их чрез руки нищих; и то, что из них употребляешь для себя, можешь и должен ты отдавать Богу, не отнимая у себя, но признавая во всем употребляемом тобою Божии дары, и употребляя оные с благодарением Богу.

И кто изчислит дары Божии человеку? Но нельзя не указать еще одного наибольшего. Бог дал тебе Единородного Сына Своего посредством воплощения. Не возрази, что говорю дерзновенно. Говорю то, что сказал Пророк: *Отроча родися нам сын, и дадеся нам*. Говорю то, что сказал Сам Сын Божий: *так возлюби Бог мир, яко Сына Своего Единородного дал есть*. И с какою страшною щедростию дал Его! Дал Его не только для того, чтобы Он был для нас наставником истины, руководителем и примером жизни, но дал Его на смерть за нас, *да всяк веруя в Него не погибнет, но имать живот вечный*. После сего нужно ли определять, как и в какой мере должен ты *воздать Божия Богови*?

Если отдашь Богу, не только все, что имеешь, но и все, что мыслишь, чувствуешь, делаешь, душу, тело, жизнь: можешь ли не признать, что сим еще мало воздашь *Божия Богови*? Если сие можно почесть достаточным: то не потому ли только: что не можешь сделать более?

Но разширяя таким образом до безпредельности область заповеди: *Божия Богови*, не отнимаем ли мы уже места у другой заповеди: *Кесарева Кесареви*? – Отнюдь нет. Царь и Его благотворная власть не есть ли также дар Божий? *Несть власть, аще не от Бога*, учит Апостол. *Мною царие царствуют*, провозглашает премудрость Божия. Следственно и за Царя и Его державную власть должно воздать давшему Его Богу. Чем? – Тем, чтобы сей дар Божий благоговейно принять и верно сохранять; а это значит быть деятельно верноподданным, *воздавать Кесарева Кесареви*. Так обе заповеди не только совместимы, но и содружны и не разрывны.

Надобно впрочем не оставить без внимания того, что между заповедями Божиими и Христовыми есть порядок, котораго не должно нарушать. Сей порядок ясно показан в слове Христовом: *возлюбии Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею. Сия есть первая и большая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюбии искренняго твоего, яко сам себе* (Матф. XXII. 37–39). Тот же самый порядок должен быть и между заповедями, которые суть особый только вид оных главных и общих. Заповедь: *Божия Богови*, есть *первая и большая*; заповедь: *Касарева Кесареви*, есть *вторая*. Мысль о сем порядке не должна ослаблять сию вторую заповедь, но должна способствовать полной силе и действию первой, для подкрепления и последней.

Достойно заботливаго внимания то, не нарушаем ли мы сего Богоустановленного порядка в наших делах; не лишаем ли первую заповедь не только первенства, но и равенства со второю. Мы обязываемся служить Царю, с готовностью жертвовать жизнью даже до последней капли крови; и действительно верный воин с радостью за Царя сражается и побеждает; и, по другому жребию брани, с радостью за него сражаясь умирает. Так и обязанность к Богу исполняли Святые Мученики, которые против врагов царствия Христова сражались не оружием, а только словом Христовой истины, и которых победа в том только и могла состоять, что они умирали за истину, не изменяя ей. Испытаем себя, готовы ли мы подобным сему образом *воздать Божия Богови*? Или, может быть, такое испытание неудобно, когда нет в виду случаев, произвести оное не в мыслях только, но на самом деле. Предлагаю испытание менее трудное: готовы ли мы предать на смерть – нашу гордость, чтобы благоугодить Всевышнему смирением, предать на смерть – нашу скупость, чтобы принести в жертву Всеблагому дела милосердия, предать на смерть – нашу роскошь и леность, чтобы служить Богу Духу воздержанием, постом и молитвою? – Кто может, пусть скажет, что он готов воздать, и действительно вполне *воздает Богови* все сие: но многие, думаю, признаются со мною, что для сего еще недостает в нас многого.

И по сему напоминаю себе, и всем, кому нужно, возбуждать в себе ревность, чтобы сколько можно чисто и вполне исполнять первую и большую Христову заповедь: *Божия Богови*, дабы исполнение другой заповеди: *Кесарева Кесареви*, Бог благословил и силою и благими плодами для всех и каждого. Аминь.

CCCLXVII.

278. Беседа

в день тезоименитства Благочестивейшаго Государя

Императора Николая Павловича.

(Говорена во Вдовьем Доме декабря 6; напечатана в Губерн. Вед. 1852 г.,

в Твор. Св. От. 1853 г. и в собрании 1861 г.)

<1852 год>

Иди, и ты твори такожде (Лук. X. 37).

Собраннм в одной из обителей обширной области Царскаго милосердия, о чем ближе нам и помышлять и говорить как не о милосердии? Здесь можно порадоваться о действиях милосердия, можно и поучиться изобретательному искусству милосердия. Но мы должны преимущественно учиться у одного Учителя. *Един бо есть ваш учитель Христос*, по Его собственному слову (Матф. XXIII. 8).

Христос Спаситель, изъясняя заповедь о любви к ближнему и разрешая вопрос: кто есть ближний, в притче о впадшем в разбойники указал образ милосердия, и сказал вопрошавшему, и даже доныне говорит в Евангелии каждому из нас: *иди, и ты твори такожде*.

Посмотрим на сей образ милосердия.

Некто шел от Иерусалима к Иерихону. На него напали разбойники, обнажили его, изранили, оставили едва живаго. Проходившие тою дорогою, священник и левит, видели его и прошли мимо. Но проходивший самарянин, увидев его, сжалился, перевязал его раны, возливая на них елей и вино, посадил его на животное, на котором ехал сам, привез его в гостинницу, продолжал и здесь пещись о нем, а отходя поручил продолжать сие попечение гостиннику, которому и дал на сие два сребреника, обещаясь заплатить и то, что сверх сего издержано будет. Христос Спаситель, заставив совопросника признать в лице и действии самарянина разрешение вопроса, кто есть ближний, и исполнение заповеди о любви к ближнему, сказал наконец: так поступай и ты. *Иди, и ты твори такожде*.

Непонятным показаться может, почему в образец милосердия избран не какой-нибудь воистину израильтянин, в немже льсти несть (Иоан. I. 47), но самарянин, повидимому, неблагородное порождение от смешения иудейства и язычества? Почему, напротив, образ немилосердия представлен в священнике и левите? Неужели сей род людей более других склонен к жестокосердию? Для чего упоминается о дороге от Иерусалима к Иерихону, когда нужно было только показать дело милосердия, которое равно прекрасно, на какой бы дороге ни совершилось? — Чтобы не оставить в умах ваших недоумения о сих вопросах, побуждаюсь упомянуть о таинственном знаменовании разсматриваемой притчи, к которому, может быть, сими самыми вопросами приведены были некоторые из святых Отцев.

Иерусалим, город мира, есть образ благодатнаго царствия Божия. *Иерихон*, город роз, есть образ мира с его прелестями. Человек, который *схождале от Иерусалима во Иерихон*, был праотец Адам, когда он неосторожно нисходил своими помыслами от духовных красот царствия Божия к прелестям чувственнаго мира. *Разбойники* суть духи злобы и лукавства, которые *обнажили* человека от одежды чистоты и света, и его дотоле здравое и бессмертное существо покрыли язвами греха и тления. *Священник и левит*, которые видели раненаго и полумертваго, но не помогли ему, означают то, что ветхий закон и жертвы

бедственное состояние человека грешника представляли только видимым и ожидающим помощи, но не изцеляли его. Милосердователь, по выражению церковных песней, *не от Самариин, но от Марии возсиявший*, есть Христос. Он возливает на душевные раны человека грешника *елей* милости, утешения, прощения и *вино* благодатной силы животворной, радостотворной, укрепляющей, и как *обязанием*, совершенно покрывает оныя Своею добродетелию, Своею крестною заслугою. *Гостинница*, в которой продолжается и совершается изцеление от ран греховных, есть Церковь. *Гостинник* есть образ служителей Христовых. *Два сребреника*, для продолжения врачевания и питания врачуемого, суть два Завета Божественных Писаний, которые благоразумно употребляющим неоскудное приращение сокровища премудрости и благодати готов подавать Милосердователь Христос.

Коснувшись сего таинственного толкования притчи, может быть, неизлишнего для желающих испытывать глубины словес Христовых, возвращаюсь к разсматриванию ближайшего и более открытого, нравственного значения оной.

Надобно принять в разсуждение, что вопросившему: кто есть ближний, дает ответ Сердцеведец, Который не только слышит его слова, но и видит его мысли, настоящие и готовые родиться. Да и по самому вопросу можно примечать, что совопросник хотел им запутать понятие о люблении ближнего, как самого себя. Неужели, – думал он, вероятно, – неужели должно любить, как самого себя, и таких людей, как самаряне и язычники, наравне с избранными членами избранного народа Божия? Дабы разрушить сию мечту народной гордости и презрения к людям, поставляемую на место любви к ближнему, и преподать учение о истинной, всеобщей любви к ближнему, Христос Спаситель благоволил показать, что и между избранными, повидимому, членами избранного народа могут быть люди, которыми совсем нельзя гордиться, и в племени неизбранном могут найдтись люди, которых нельзя не уважить. Для сего указал Он образ немилосердия в иудейском священнике, а образ милосердия в самарянине.

Теперь посмотрим, как должно нам поступать, чтоб исполнить повеление Господне: *иди, и ты твори такожде*.

Как поступил самарянин, когда нашел на дороге ограбленного, израненного, полумертвого? – *Видев его милосердова*. Не сказал он в сердце своем: «это иерусалимлянин, один из тех, которые *не прикасаются самаряном* (Иоан. IV. 9); что жалеть о тех, которые нас презирают?» – Нет, в страждущем он не хотел видеть человека чуждаго, или неприязненного, но видел только человека, и почувствовал жалость; страдания ближнего отозвались в его сердце.

Иди, и ты твори такожде. Не проходи мимо бедствующаго и страждущаго без внимания; не смотри на него холодным оком; не скажи: он не из тех, которые возбуждают сочувствие. Он человек; и он страдает: чего более для возбуждения твоего сочувствия? Не случается ли, что когда пред глазами нашими нож врача действует над телом больного, для нас посторонняго, сердце наше невольно стесняется? Видишь ли, что ты невольно, природно, как бы телесно сострадателен: как же тебе не быть сострадательну душевно, свободно, разсудительно?

Что еще сделал со впадшим в разбойники сострадательный самарянин? *Приступль, обяза струпы его, возливая масло и вино*. Не остановился на одной мысли о его жалком положении, на одном чувствовании сострадания к нему; но немедленно приступил к делу, чтобы оказать помощь, какая страждущему потребна, какая со стороны состраждущаго возможна.

Иди, и ты твори такожде. Не довольствуйся мыслию, чувствованием, словом, где нужно и возможно дело. Хорошо, если у тебя не каменное сердце: но не хорошо, если у тебя сухая и скорченная рука, непростирающаяся и неотверзающаяся для нищаго. *Аще брат или сестра,* говорит Апостол, *наги будут, и лишени будут дневняя пищи; речет же им кто: идите с миром, грейтесь и насыщайтесь, не даст же им требования телеснаго: кая польза* (Иак. II. 15. 16)? *Чадца моя,* вызывает другой Апостол, *не любим словом, ниже языком, но делом и истиною* (1 Иоан. III. 18).

Что еще сострадательный самарянин? – *Всадив его на свой скот, приведе его в гостинницу, и прилежса ему.* Здесь достойно примечания то обстоятельство, что самарянин имел одно только животное, на котором ехал сам, и не имел другого, которое мог бы предоставить немощному. Итак, он решился лишить себя того, в чем нуждался ближний. *Всадив на свой скот,* он вел немощного в гостинницу; а сам шел пешком, не смотря на то, что был утомлен, оказывая помощь страждущему.

Иди, и ты твори такожде: Угодную Богу добродетель творишь ты, когда служишь ближнему тем, в чем у тебя избыток, в чем ты не нуждаешься, если притом делаешь сие с любовию к Богу, заповедавшему благотворение, с любовию к ближнему, терпящему нужду. Но если ты лишаешь себя приятности, удобства, покоя, чтобы утешить и успокоить ближняго; ущербляешь нужное для тебя, чтобы помочь нужде ближняго: то ты проходишь подвиг, который может привести к венцу; сеешь семя, которое способно принести обильную жатву благословений и воздаяний.

Наконец, сострадательный самарянин, *изъем два сребреника, даде гостиннику,* для продолжения попечений о пострадавшем от разбойников, обещая и более впредь, по мере потребности. Благодетельный путешественник мог подумать, что уже довольно сделал для несчастнаго, когда с трудом избавил его от безпомощнаго страдания и смерти, доставил в безопасное место, ходил за ним на ночлеге, и что за сим, при необходимости продолжать путешествие, надобно предоставить его человеколюбию других. Но иное говорила сердцу истинная любовь к ближнему: не будь равнодушен к завтрашнему дню того, кому сострадал вчера: не оставляй добраго дела неоконченным; не довольствуйся цветом, когда можешь достигнуть плода. И самарянин устрояет и обезпечивает призрение несчастнаго до тех пор, как он с возстановленными силами получит возможность устроить сам свое благосостояние.

Иди, и ты твори такожде. Если ближнему нужно, если тебе возможно только одновременное дело милосердия, или только участие в оном: сделав потребное и возможное, ты исполнил должное. Но если ближнему нужна, и с твоей стороны возможна продолжаемая помощь: не допусти, чтобы твоя любовь к ближнему была короче его несчастья.

Особенно те, которые по доброму изволению и обету принимают на себя упражнение в каком-либо роде дел милосердия, никогда не должны забывать, что обет никого не вяжет по неволе, но что связавший себя обетом добровольно не может расторгнуть его безвинно, и что, по слову Господню, *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лук. IX. 62). Аминь.

1853 год.

CCCLXVIII.

279. Беседа

пред присягою дворянства Московской губернии к избранию в должности.

<1853 год>

(Говорена в Чудове монаст. января 7; напечатана в

Твор. Св. От., в Губ. Вед. 1853 г. и в собр. 1861 г.)

<1853 год>

*Не устыдишися лица человека, яко
суд Божий есть* (Втор. I. 17).

Вид сонма благородных мужей, собравшихся избрать для себя блюстителей порядка и служителей правосудия, располагает к немаловажным размышлениям.

Какой борьбы предметом бывает у иных народов избрание в общественные должности! С борьбою, а иногда и с тревогами, достигают того, чтобы узаконить право избрания общественного. Потом начинается, и то утихает, то возобновляется новая борьба, то за расширение, то за ограничение сего права. За неправильным расширением права общественного избрания следует неправильное употребление оного. Трудно было бы представить вероятным, если бы мы не читали в иностранных известиях: что избирательные голоса продаются; что ищущим избрания их удостоверение или неудостоение избиратели выражают не только утвердительными или отрицательными голосами, но и камнями и дреколием, как будто может родиться от зверя человек, от неистовства страстей разумное дело; что невежды делают разбор между людьми, в которых должно усмотреть государственную мудрость, беззаконники участвуют в избрании будущих участников законодательства, поселяне и ремесленники разсуждают и подают голоса, не о том, кто мог бы хорошо смотреть за порядком в деревне или в обществе ремесленников, но о том, кто способен управлять государством.

Богу благодарение! не то в благословенном отечестве нашем. Самодержавная власть, по богопреданному образцу: — *от плода чрева твоего посажду на престоле твоем* (Псал. СXXXI. 11) — утвержденная на вековом законе наследственности, некогда, в годину оскудевшей наследственности, обновленная и подкрепленная на прежнем основании чистым и разумным избранием, стоит в неприкосновенной неколебимости, и действует в спокойном величии. Подвластные не думают домогаться права избирать в общественные должности, по уверенности, что власть всевозможно радует о благе общем, и лучше их разумеет, чрез кого и как устроить оное. Власть, по свободному благоволению и доверию к подвластным, дарует им право избрания общественного, назначая оному такие пределы, в которых оно может быть употребляемо с разумением и с пользою для общества.

Так, кажется, не мечтаю, а вхожу в истинное разумение дела, когда мне представляется, что верховная власть говорит вам, благородные мужи: происхождение от преимущественно чтимых издревле родов и заслуги ваших предков, и ваши, образовали из вас избранное, особенными преимуществами отличное, сословие в государстве. Ваше сословие, как и всякое, требует порядка и благоустройства, ему свойственного; имеет дела, ему и его членам собственно принадлежащая. Для сего должны быть люди, которые

бы с благоразумием и опытностью предводительствовали определенными отделами онаго, и производили дела онаго. Кроме сего дела общественного благочиния и местного правосудия могут требовать содействия от вашей ревности, от вашей образованности и от вашего наблюдения собственной пользы, потому что оныя касаются между прочим людей, которых благосостояние вверено вашему наследственному попечению, и частью служит к вашему благосостоянию. Смотри друг на друга в определенном, не очень обширном круге, вы можете знать, кто которому из означенных требований верно удовлетворить может. Итак, соответственно сим требованиям, изберите из среды себя людей, которые оправдывали бы дарованное доверие, поддерживали достоинство вашего сословия, приносили пользу обществу, которые бы продолжали доказывать, что благородство и превосходство, слышимые в ваших почетных названиях, выражают не поверхностный блеск, но из глубины души исходящий живой и деятельный свет.

Чтобы таков был успех предприемлемаго вами избрания, сего, без сомнения, желаете и вы сами. Но случается, что стреляющий в цель, и при желании успеха, и при знании сего дела, в цель не попадает: и это от того, что его глаз, и рука, и внимание, не довольно точно соединены в стремлении к цели, но приметно, или неприметно, развлекаются посторонними направлениями. Подобное сему случиться может и с избирателем. Цель, к которой должно быть устремлено его внимание и желание, есть умственное и нравственное достоинство в избираемых. Но если он позволит себе развлекаться некоторыми посторонними видами, какие представляют личности ищущих избрания: то легко может случиться, что избирательный шар пройдет мимо достоинства, как стрела мимо цели. Для предупреждения такой неудачи, надобно вам принять в особенное внимание, и твердо держать правило благоразумия и правды, предложенное первым в мире законодателем: *не устыдишися лица человека, яко суд Божий есть*.

Не думаю, чтобы кто из вас стал отстранять от себя сие правило возражением, что оно предписано судиям, а не избирателям. Однако, в отвращение всякого сомнения, замечая, что избиратель, во время избрания, есть также судия. Судия судит правду правого, действительно ли она есть, чтобы оправдать, и вину виноватаго, чтобы осудить. Избиратель в представляемых к избранию судит достоинство, действительно ли оно есть, чтобы решительно избрать. Итак, избиратель, это верно, что Моисей говорит и тебе: *не устыдишися лица человека, яко суд Божий есть*.

Является *лице человеке*, и говорит избирателю: «я твой сродник, я твой друг; неужели ты откажешь мне в твоём избирательном голосе?» Или: «я имею нужду занять место в общественной службе, поддержи меня в избрании, чтобы я мог устроить свое благосостояние». — Что ты думаешь, избиратель? Думаешь ли, что стыдно отказать, хотя видишь высшее внутреннее достоинство в других лицах, нежели в сих? — Да *не устыдишися лица человека*. Царь, который тебя, в качестве избирателя, удостоивает своего доверия, Бог, Который видит и приемлет твой обет поступать в избрании верно, требуют от тебя не твоих сродников, не твоих друзей, не людей ищущих своих выгод, но достойных и полезных обществу. *Усмотри себе от всех людей мужи сильны, Бога боящиеся, мужи праведны, ненавидяция гордости* (Исх. XVII. 21).

Забота у избирателя должна быть не об угождении лицам, но о соблюдении блага общего, которое много зависит от того, каким людям вверяются должности общественныя. Из одних добрых и совершенных членов состоят только небесныя общества, которыя потому и не подвержены никакому разстройству. Общества земныя человеческия состоят из людей добрых, в различных степенях, и недобрых, также не в одинаковой степени. И для общества, конечно, не все равно, которая из сих двух стихий сильнее и деятельнее другой. Слово Божие представляет иногда воду изображением общества человеческого, как

написано у Тайновидца: *воды людие и народи суть* (Апок. XVII. 15). Воспользуемся сим образом, чтобы почерпнуть из него истину. Вода, хотя и есть в ней ил, является чистою, когда он лежит на дне: но когда каким-нибудь неправильным движением ил поднимается вверх, – вся, чистая дотоле, вода теряет вид чистоты, и является мутною. Подобно сему общество человеческое, хотя и есть в нем часть людей добрых, является чистым, благолепным и благополучным, когда сия несчастная стихия лежит на дне, когда люди недобрые, по справедливости униженные в общем мнении, не достигают власти, почета и влияния на других: но когда недобрая стихия поднимается вверх, когда люди недобрые достигают власти, почета и влияния на других, тогда они мутят и чистую воду, и добрых людей или своим влиянием вводят в соблазн, или своею силою подвергают затруднениям и скорбям, и возрастая в силе, вредят целому обществу. О сем сказал творец Притчей: *похваляемым праведным возвеселятся людие, начальствующим же нечестивым стеснят мужие* (Притч. XXIX. 2). То-есть: когда добрым людям предоставляются по справедливости принадлежащий им почет и влияние на общество; это радость и счастье всем людям: но если недобрым дается начальство; это горе и несчастье всем.

Похвалите праведных, дайте избранием силу людям благочестивым, мудрым, честным: и *возвеселятся людие* и сам человеколюбивейший Самодержец. Аминь.

CCCLXIX.

280. Беседа

**в день совершившагося пятидесятилетия от
учреждения Екатерининского Училища
благородных девиц.**

(Говорена февр. 10; напечатана в Твор. Св. От.,

в Моск. и Губерн. Вед. 1853 г., и в собр. 1861 г.)

<1853 год>

*Жену доблю кто обрящет? Дражайша есть
камения многоценнаго таковая*
(Прит. XXXI. 10.)

Опытный Соломон, видно, почитал не очень обыкновенным явлением доблестную жену, когда сказал: *жену доблю кто обрящет?* Слова сии дают разуместь, что ее надобно искать; и как желательно найти ее, так сомнительно, чтобы она была найдена удобно. Если такой отзыв неприятным покажется дочерям Евы: то да поревнуют девы и жены христианския, чтобы в них не была редкостью доблесть, которая редкостью была в глазах Соломона; потому что он имел пред глазами жен иудейских и языческих; и потому что не ясно видел в дали времен Благодатную Деву Матерь, и *приводимых Царю небесному дев и жен в след Ея* (Псал. XLIV. 15), хотя и слышал о них от своего родителя Пророка, и сам был Пророк: *отчасти бо разумеваем, и отчасти пророчествуем* (2 Кор. XIII. 9).

Но если Соломон в одной черте своего изображения соединяет и свет и тень: за то как чисто светла у него другая черта! Если он не щедро уделяет женскому полу доблесть: за то как высоко ценит доблестную жену! *Дражайша есть камения многоценнаго таковая.*

Почему премудрый судитель обращает особенное внимание на женскую доблесть, и ее превозносит? – Думаю, потому между прочим, что видит ее в немощной части человечества. Когда видите высокую и сильную доблесть в лице мужа: вы не столько удивлены, сколько удовлетворены, найдя вполне то, чего можно было требовать от сей природы. Но когда такую же доблесть встречаете в немощном естестве жены: ваше ожидание превышено, и вы не только довольны, но и удивлены. Например, смотря на Иакова, который, чтобы угасить несправедливую вражду брата, добровольно осуждает себя на изгнание из родительского дома, и, не взяв ничего из наследства богатого отца, с одним странническим посохом, идет в отдаленную страну, без сомнения, с чувством удовольствия, скажете вы: это великодушно, это достойно сына Исаакова, внука Авраамова. Но если посмотрите на Руфь, которая по любви к свекрови, беспомощной иноплеменнице, и по уважению к ее добродетели и благочестию, решается оставить свое родство и отечество, и, будучи самою Ноемминью удерживаема от сего трудного и, повидимому, безнадежного подвига, не колеблется и говорит Ноеммини: *идеже идеши ты, и аз пойду, и идеже водворишия ты, водворюся и аз, людие твои людие мои, и Бог твой Бог мой* (Руф. I. 16 и 17): при виде сей мужеской в жене крепости духа, сего восторга добродетели, думаю, вы не только довольны, но и удивлены, и тронуты.

Довольно пока сих воззрений на Соломоново изображение доблестной жены. Оно мне представилось, как зеркало, отражающее в себе образ высоко доблестной жены, который, не кистью на полотне, не письменами на хартии, но живыми воспоминаниями начертанный, светит ныне в наших мыслях и сердцах.

Жену доблю кто обрящет? – Не редким ли подлинно и неудобно обретаемым явлением была Та, Которая, произшед от светлаго рода вне православной Церкви и России, правым разсуждением и разсудительною любовию переродила Себя в приискреннюю дочь православной Церкви и новаго Своего отечества, – Которая, привившись посредством супружества к оскудевавшему отраслями древу царскаго в России рода, оставила оное по Себе обильныя цветущия и плодоносныя ветви простирающим далее пределов России, – Которая венценосною главою и *дражайшими камения многоценнаго* доблестями сердца сияла в трех последовательных царствованиях, – явилась великою Матерью двух великих Царей? И кто же обрел для сей высокой судьбы высоко доблестную Марию? Прозорливый ум Екатерины? Чистый взор Павла? Это верно. Но это не все. Ее обрело и даровало России особенное, благодеещее России, Провидение Божие.

Но я должен удержать порывы слова, немогущаго следовать за многообразными доблестями приснопамятной Императрицы, и стеснить оное в пределы, указуемые местом, временем и предметом настоящего торжества.

Когда Павел Первый восприял самодержавие России: тогда, зная, чего для блага ея может ожидать от Своей Супруги, Он отделил в Ея управление и попечение особую область человеколюбия. Не обширна была сия область, когда приняла ее в Свою власть Мария: но Мария постепенно разширила ее, создала в ней новыя учреждения, благоустроила их, упрочила. Одним из первых созданий Ея была сия обитель воспитания благородных дев, которыя не имели бы средств получить достаточное образование в семействах, и которыя, получив оное здесь, были бы способны внести оное в семейства, устроить свое благосостояние и вспомошествовать своим родителям. При сем Ея человеколюбивое чувство объяло весь державный Дом, и все его члены оказали Ей содействие в сем благотворном учреждении. Двадцать пять лет воздвигала и возвращала Она сей насажденный Ею вертоград: и вот, двадцать пять уже лет после Нея, он продолжает являться цветущим и приносящим нравственный плод, в ознаменование того, что его насадила искусная и благословенная рука, и что дух человеколюбивой попечительности,

одушевлявшей Благочестивейшую Марию, почил и на преемнице Ея, Благочестивейшей Александре.

Итак праведно, чтобы мы с благоговейным вниманием остановились на пределе совершившагося ныне полувекового бытия сего учреждения, и, взирая на его прошедшее и настоящее оком радости, на его будущее оком надежды, наипаче *возвели очи наши и благодарныя сердца к Живущему на небесах, к Отцу, из Него же всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. III. 14. 15), к Царю, из Него же всякое царство на небесех и на земли именуется. Благословен еси, Дающий в Царе отца народу Своему, и в Царице мать сынам и дочерям людей Своих! *Боже сил, обратися убо, и призри с небесе, и виждь, и посети виноград сей* (Пс. LXXIX. 15) и не престани посещать Твоим благословением и Твоею благодатию! Да всегда (*радуются сынове России о Царе своем* (CXLIХ. 2))! Да всегда пребывают Царь и Царица России отцем и матерью о чадах веселящимися!

Да подвизаются же и дочери России с своей стороны, чтобы оправдывать царския о них попечения и благия чаяния!

И для сего возвратимся на краткое время к Соломонову изображению доблестной жены; и укажем некоторыя черты, доступныя общему подражанию.

Вкуси, яко добро есть делати (Притч. XXXI. 18). То-есть: не жаждет она забав. В труде и полезном занятии находит более вкуса, нежели другия в увеселениях и забавах.

Не угасает светильник ея всю ночь (ст. 18). Не предается она мрачному и долгому сну, и не освещает ночи тысячею светильников, которые не светят никакому полезному делу. У нея *не угасает светильник*, который светит ея ночной работе, или ея ночной молитве; наипаче же, в душе ея *не угасает светильник* веры, в ожидании грядущаго в полунощи небеснаго Жениха.

Сугуба одеяния сотвори мужу своему, от виссона же и порфиры себе одеяния (ст. 22). Не хочет она быть данницею иноплеменникам за мечтательное изящество и прихотливыя новости в одежде: для нея та одежда лучше, в которой менее чужаго труда.

Уста своя отверзе внимательно и законно, и чин заповеда языку своему (ст. 25). Не полагает она достоинства в дерзости суждения, ни удовольствия в многоречии; не оскверняет языка ея насмешка и злоречие, и не разстраивает ея духа и вида необузданный смех; здравый ум и доброе сердце отверзают уста ея для слова чистаго и непорочнаго, и вскоре скромность запечатлевает их.

Так живописуя учит древний, опытный, царственный мудрец. Не увеличим и не затрудним урока. Обратим только к нынешней жене и к нынешней деве сказанное в другом случае при виде добраго образца: *иди и ты твори такожде* (Лук. X. 37). Аминь.

CCCLXX.

281. Слово

в день памяти Святителя Алексия.

(Говорено в Чудове монастыре февр. 12;

<1853 год>

Блажени плачуущи ныне (Лук. VI. 21).

Не печально ли сие слово? И желали-ль бы вы слышать оное ныне, когда мы радостно творим память блаженного мужа, Святителя Алексия? – Но я не виноват, что произнес оное. Чин церковный повелел провозгласить оное в чтении Евангельском именно ныне, и таким образом, предложил оное нашему благоговейному вниманию, размышлению, назиданию. Богомудрые чиноположители церковные, сблизив сие слово с памятью Святителя Алексия, дают нам чрез сие разуметь, что и он не без слез достиг блаженства.

Итак, надобно подумать о плачевном пути к блаженству.

Нетрудно понять всякому, что не всякия слезы могут быть источником блаженства. Дети часто плачут, при легких неприятных ощущениях, при маловажных лишениях, при неисполнении неразсудительных желаний; нередко плачут и не дети по причинам, не много более основательным: но никто еще в таких слезах не нашел блаженства, хотя некоторые иногда и находят в них удовольствие.

Как же определить, какие *плачуущие* находятся на пути к блаженству? – Христос Спаситель убажает *нищих*, не просто, но нищих *духом* (Лук. VI. 20). И когда, по сказанию святого Луки, говорит: *блажени алчуущи ныне: яко насытитесь* (VI. 21): Он убажает не алчущих хлеба, потому что насыщение хлебом не есть блаженство: но, как полнее и яснее сказует святой Матфей, *блажени алчуущи и жаждущи правды* (V. 6). Сообразно с сим надлежит рассуждать и о плачущих. Блаженны плачущие *духом* и по духовному побуждению, плачущие о *правде* и добродетели, которой не имеют, оплакивающие неправды и грехи, которыми обременены, плачущие от скорби духа, что прогневали и прогневают Бога, и потом от любви духа, что, при всем желании, видят себя не довольно соответствующими Божией любви и милосердию.

Из сего можно усмотреть и то, почему желающий достигнуть блаженства не должен миновать пути слезного. Первозданный непорочный человек блаженствовал в раю без слез; и путем радости шел к высшему блаженству небесному. Но когда, прельщенный духом злобы, человек преткнулся и пал грехом: райский путь радости скрылся от него; и сам Бог, как праведный судия, и вместе как человеколюбивый врач, поставил его на путь плачевный, когда сказал Адаму, указуя на проклятую в делах его землю: *в печалех снеси тую вся дни живота твоего* (Быт. III. 17); когда сказал Еве: *умножая умножу печали твою, и воздыхания твоя* (ст. 16).

Что Бог поступил в сем, как праведный судия, сие понятно само собою. А что Он поступил в сем, и как человеколюбивый врач, сие требует изъяснения.

Христос Спаситель сказал: *царствие Божие внутри вас есть* (Лук. XVII. 21). Оно есть в нас конечно не в полноте, как оно есть на небе, но по крайней мере в начатке, когда живет в нас благодать Божия, когда *вселяется Христос верою в сердца* (Ефес. III. 17). По прямой с сим противоположности справедливо можно сказать, что и царство диавола, или иначе ад, и самый огонь геенский, не в полноте, а в начатке, внутри человека есть, когда живет в нем грех. Сей скрытый огонь оказывает себя в действиях. Он непрестанно возжигает в душе грешника желания к новым грехам; и *жжет совесть* (1 Тим. IV. 2) темным, но всегда мучительным сознанием зла, при особенных обстоятельствах разгорающимся в

пламя отчаяния. Посему, как для угашения пожара нужна вода: так для угашения неестественного огня греховного в душе нужны слезы покаяния. Как для уврачевания разстройства в здоровье, произведенного роскошью и неумеренностью в пище и питии, употребляются горькия врачевства: так, для уврачевания души, зараженной впечатлениями греховных услаждений, требуются скорби покаяния и горькия слезы.

Впрочем, одне человеческия усилия и средства недостаточны для того, чтобы уврачевать душу человека, зараженную грехом, и угасить греховный огонь. И потому, премудрость и милосердие Врача небеснаго изобрели для сего собственное, легкое и совершенное врачевство, – благодатную, осененную Духом, воду святаго крещения. Но поелику мы, и по возрождении крещением в новую чистую жизнь, более или менее низпадаем в греховную жизнь ветхаго Адама: то и по крещении необходимо для нас врачевство покаянных слез, – и тем в больших приемах, чем бедственнее после изцеления болезней, после возстановления падение, после благодати грех и зло.

Живущие в мире, занимающиеся мирскими делами, связанные мирскими обычаями, могут усомниться, не есть ли указуемый Евангелием слезный путь некая особая стезя, не для них назначенная, или, если надобно и им коснуться ея, то как согласить сие с обыкновенным необходимым движением их жизни. Недоумение сие может быть разрешено примером. Давид был Царь. Кто не знает, что жизнь Царя более обременена многотрудными делами, и наполнена многообразными занятиями, нежели жизнь частного человека? Но послушайте, что скажет о своей жизни Царь Давид. *Измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. VI. 7). *Быша слезы моя мне хлеб день и ночь* (Псал. XLI. 4). Видите, что и Царь не чуждался слезнаго пути к блаженству, и не находил неудобным или неприличным, блистательную царскую жизнь соединять с жизнью смиреннаго кающагося. Владычествуя над людьми, праведный Давид не менее смиренных земли смирялся пред Богом. Днем видели его израильтяне в царских подвигах и в царской славе: а ночью не видали его люди, но един Бог видел его, *измывающаго слезами ложе свое*, – то-есть, омывающаго ими душу свою от праха суеты или нечистоты, падшаго на нее в движении дня. Были дни, когда он разделял пиршественную трапезу с домашними и вельможами: и были дни и ночи, в которыхы слезы покаяния, умиления, любви к Богу, ревности по славе Божией, были пищею души его. Впрочем нет сомнения, что, *сея слезами* сокрушения, он *радостию пожинал* (Пс. CXXV. 5) благодатное утешение. Итак, не говори, что слезный путь не твой путь: это правый путь для всякаго грешника, и следственно для всякаго человека на земли: *вси бо согрешиша* (Рим. III. 23). Не говори, что трудно тебе ввести покаянную жизнь в обыкновенный необходимый образ твоей жизни: сия трудность не в существе вещей, но в твоей невнимательности, в твоём нестарании поставить духовное делание выше дел мира и плоти.

Из примера праведнаго Давида можно еще вывести заключение, которое и прежде нас вывел из примера Святых вообще преподобный Исаак Сирий. *Аще святии плакаху, и очеса их исполняхуся присно слез, дондеже от жития сего отъидоша: кто не имать плакати? Аще совершеннии и победоноснии плакашася zde: исполненный язв како стерпит умолчати от плача* (Слов. 21)?

Спросит ли кто: как научиться душеполезному плачу? – Таковаго предваряет ответом тот же преподобный Исаак: *имеяй мертвеца своего пред собою лежаща, и сам себе умерщвленна зряи грехами, требует ли учения, ким помыслом употребит слез? Душа твоя умерщвлена грехами, и лежит пред тобою, яже лучша есть у тебе паче всего мира: и не требует ли плача?*

Мир не любит плакать, когда не исторгает слез страсть или беда. Он любит веселие или смех. Спешит скачущею ногою достигнуть минутного блаженства. Кажется, он стремится теперь к такому совершенству суеты, чтобы совсем ничего не делать, а только забавляться. Столько занимаются увеселениями, столько говорят о них, и пишут и печатают, что непонятно, как людям не наскучит веселие, простираемое до пресыщения и утомления.

Знаете ли, думаете ли вы, куда ведет сей путь, к каким последствиям приближает сия все поглащающая страсть к увеселениям, к роскоши, к непрестанным чувственным наслаждениям? – Суд уже произнесен; и произнесен таким Судиею, Котораго определения неизменны, потому что Он безконечно праведен и вечен. *Горе вам смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете* (Лук. VI. 25). Это *ныне*, которое вы с такими усилиями наполняете обаяниями и мечтами, вскоре прейдет; обаяния и мечты исчезнут: и вы *восплачете* о разстройстве вашего внешнего благосостояния, о разстройстве здоровья, о разстройстве сил душевных, и, что всего плачевнее, *возрыдаете*, наконец, о том, что не плакали кратковременными слезами покаяния и умиления, которые принесли бы вам вечное утешение, и что кратковременным веселием и смехом купили себе вечныя, палящая слезы.

В час уединения и безмолвия вспомните иногда, и примите к сердцу поучение преподобнаго Макария Египетскаго. *Братия*, сказал он, *станем плакать, доколе мы не пришли туда, где слезы опалить нас будут.* Аминь.

CCCLXXI.

282. Слово

в день обретения мощей Святителя Алексия.

(Говорено мая 20; напечатано в Твор. Св. От. 1853 г. и в собр. 1861 г.)

<1853 год>

*Весь народ искаше прикасаться Ему:
яко сила от Него исхождаше, и исцеляше
вся* (Лук. VI. 19).

Какое счастливое время! Какие счастливые люди! Воплощенный Сын Божий ходит между людьми; и весь народ может приближаться к Нему, и прикасаться, и почерпнуть исходящую от Него всеизцеляющую силу!

Не хотители вы позавидовать современникам земной жизни Господа нашего Иисуса Христа? – Это было бы грешно, – потому что чувство зависти противно любви к ближнему, и бесполезно, – потому что зависть не доставит нам того, чему завидуем, а только мучит нас: но это и ненужно, – потому что Бог премудрый и всеблагий, конечно, не поставил нас в такое положение, чтобы мы по справедливости могли завидовать другим людям и другим временам, как бы обиженные Провидением.

Что ж? *Исходит* ли и ныне *сила от* Господа нашего Иисуса Христа, чтобы *исцелять вся*? – Так без сомнения. Но почему не всегда видим ея действие, когда желаем? – Если это не от того, что сокрылась, или удалилась Его сила: то конечно от того, что мы не умеем *искать прикасаться Ему.*

Что это за *сила*, которая *исхождаше от Господа Иисуса и исцеляше вся*? – Не иная, как сила Его Божеского естества, соединенного с естеством человеческим, и Его человечества обоженного.

Сила Божества бесконечно велика, так как все Его свойства бесконечны, и вечно деятельна, так как все Его свойства вечны и непреходящи. Итак, сила Божества не только деятельно исходила из Его сокровенности во время шестидневного творения, но деятельно исходит и после онаго, по реченному Господом: *Отец мой доселе делает, и Аз делаю* (Иоанн. V. 17). Она исходит в мир невидимый, и действует, как первоначальный свет, просвещающий вторые светлы, чистые умы, – как источная жизнь, оживляющая и облаженствующая безсмертное бытие духов. Исходит в мир видимый, и действует, как свет, который *во тме светится* (Иоанн. I. 5), который *просвещает всякаго человека, грядущаго в мир* (9), как жизнь, которая оживляет смертное, и мертвое воскрешает. Святой Апостол Павел видит, и свидетельствует, что Сын Божий *носит всяческая глаголом силы Своея* (Евр. I. 3), что мы в Боге *живем и движемся, и есмы*, что Он дивным образом приближается к нам, *да поне осяжем Его, и обрящем, яко недалеко от единого коегождо нас суца* (Деян. XVII. 27. 28).

Но поелику опыт веков показывал, что дух человеческий не умел обрести и духовно осязать приближающагося к нему Божества, и, вопреки своему назначению к блаженному общению с Богом, погрязал в тварях, в тлении, в смерти: то неистощимый в средствах милования Бог изобрел новый необычайный способ преподания Своей животворной и спасительной силы человеку. Это уже не приближение только Божества к человеку, но соединение Божества с человечеством в лице Богочеловека Иисуса Христа, в Котором, по изъяснению Апостола, *живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. II. 9). Его человечество исполнено и орошено Божественною силою, по ипостасному, или единоличному в Нем соединению естеств Божеского и человеческого; а поелику восприятое им и обоженное человечество, яко человечество, есть единоестественно со всем родом человеческим, – то оно есть открытый для всех человеков и неистощимый источник Божественной, благодатной, животворящей, всеизцеляющей, спасительной силы.

Такова *сила*, которая *исхождаше от Господа Иисуса, и исцеляше вся*. Еще ли кто спросит: исходит ли она от Него и ныне? – Прежде вопроса уже отвечал на сие Апостол: *Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки* (Евр. XIII. 8), – Тойже и днесь, с тоюже силою, от Него исходящею, и изцеляющею вся; поелику это сила Божественная, и следственно не временная, не преходящая, но вечная и вечно действующая, и преимущественно на желающих и *ищущих прикасаться Ему*.

Здесь рождается новый, повидимому, трудный вопрос: как можем мы прикасаться ко Христу, когда Он уже не ходит по земле, как человек между человеками, но, яко Бог, сидит на небеси одесную Бога Отца? Кто из нас может достигнуть, чтобы прикоснуться к Нему? – Если будем внимательны; найдется, на сие недоумение, благоприятное и для нас разрешение в событиях того времени, когда Христос видимо ходил между человеками.

Многие думали тогда, что благотворная во Христе сила ограничена Его телом, и что для получения от нея благотворнаго действия, надобно прикоснуться телом к Его телу; и потому, даже не прося от Него изцеления, просто бросались для прикосновения к Его телу, и, видно, имели успех, как сие можно примечать из слов Святаго Евангелиста Марка: *мнози исцели, якоже нападати на Него, да Ему прикоснутся* (Марк. III. 10).

Не так думала, упоминаемая в Евангелии, жена кровоточивая. Она полагала, что сила Христова не ограничивается Его телом, но простирается далее, что ею орошены и ризы Его, что прикоснуться к Его ризам значит уже прикоснуться к Нему и Его целебной силе, и что следственно посредством прикосновения к ризам Его можно получить изцеление. И сие мнение оправдал опыт. *Прикоснуса ризе Его, – и абие изсякну источник крове ея, и ощути телом, яко исцеле от раны* (Марк. V. 27–29).

Еще иначе думали десять прокаженных. Прикоснуться ко Христу, или хотя к ризе Его, не позволял им строгий закон, который прокаженных, как нечистых, удалял от сообщения с чистыми. Что же было им делать? Изцеление получить желательно, а к Изцелителю прикоснуться непозволительно. Нужда заставила их возвыситься над чувственным образом мыслей. Они разсудили, что сила во Христе не телесная, но духовная, Божественная, и что следственно можно к ней прикоснуться не только телом, но и кроме тела духом, мыслию, желанием, словом молитвы. И так, они *сташа издалеча, и вознесоша глас, глаголюще: Иисусе наставниче, помилуй ны* (Лук. XVII. 12. 13). И что чрез сие прикоснулись они ко Христу духовно, и привлекли себе Его всеизцеляющую силу, сие, подобно как и над кровоточивою, показал опыт. *И бысть, идуцим им, очистишася* (14).

Из сих примеров открываются нам три вида спасительного прикосновения ко Христу: прикосновение телесное непосредственное, прикосновение чрез некое видимое посредство или знамение, и прикосновение духовное.

Теперь пусть спрашивают: можно ли прикасаться ко Христу, вознесшемуся уже на небо? – Надеюсь, понятен и удостоверителен будет ответ: можно прикасаться ко Христу духовно, не рукою или устами, но духом, мыслию, желанием, молитвою, верою, созерцающим умом, любящим сердцем; потому что дух и его движения не так стеснены пространством и временем, как тело и его движения. Если же для духа, облеченного плотию, нужно и посредство, или видимое знамение, для приближения и прикосновения ко Христу: Он, изливавший Свою благодатную силу даже на Свою вещественную одежду, не паче ли изливал ее в души Святых Своих, которые, во Христа крестившись, во Христа облеклись, и по мере веры и чистоты, сами соделались облачением и вместилищем Его благодатной силы? А от душ святых не излилась ли она и на их нерукотворенные одежды, – на их святые тела и нетленные мощи; не проявила ли, и не проявляет ли себя и чрез священные изображения? Не исходит ли чрез сии посредства и знамения Христова сила, чтобы изцелять вся? Не часто ли сие испытывают верующие, хотя не все умеют сие видеть и принимать? Желаете ли вы еще более, – желаете ли телесно, непосредственно прикоснуться ко Христу? Что на сие сказать? – Надобно сказать, что Он даровал вам более, нежели могли вы пожелать и представить себе возможным. Он рек: *приимите, ядите, сие есть тело Мое; пийте, сия есть кровь Моя*; и, чрез служителя таинства, глаголет сие и ныне; и преподает нам верующим всегда и всюду Свое животворящее тело и Свою животворящую кровь, не для прикосновения только, но и для вкушения, дабы мы, вкусив оных с верою, могли из глубины внутреннего чувства воззвать к Нему со святым Василием Великим: *наполнихомся Твоя безконечная жизни!* Чего же еще тебе, христианин вселенския Церкви? Можешь ли ты завидовать иудею, который, по слуху о Иисусе, устремляясь из Иерусалима, или откуда-нибудь, в Галилею, *искаше прикасатися Ему, яко сила от Него исхождаше, и исцеляше вся*?

Станешь ли жаловаться, что, хотя ты ищешь *прикасатися Ему*, теми самыми способами, на которые я указал, однако не ощущаешь живительного прикосновения и не обретаешь изцеления твоих страстей, скорбей и недугов?

Разсмотрим сию жалобу, также на основании опытов, которые представляются в Евангельских повествованиях.

В Евангелии не видим, чтобы Христос Спаситель кому-нибудь отказывал в животворном прикосновении Своей силы. Ибо и сказанное Им жене Хананейской: *остави, да перее насытятся чада* (Марк. VII. 27), не было совершенным отказом в изцелении дщери ея, а только это было обличение язычества и воззвание язычницы к чистой вере в единого истинного Бога. Напротив, Евангелие говорит, что сила от Господа Иисуса, как бы сама собою, непрестанно исходила, и простиралась всюду на все, подобно как сила света от солнца. *Сила от Него исхождаше, и исцеляше вся*. И сам Он о Себе свидетельствует, что сила от Него исходила как бы самодвижно, по воле ищущих прикасаться Ему, без предварительного испрошения Его на то соизволения: *прикоснуса Мне некто; Аз бо чух силу изшедшую из Мене* (Лук. VIII. 46). Не так ли сему и подобало быть? Если от видимого солнца непрестанно исходит и на все простирается животворная сила света: не паче ли могущественна и непрестанно и неограниченно деятельна должна быть сила Божественного солнца правды?

Итак, если ты жалуешься, что, и при употреблении известных средств приближения и прикосновения ко Христу, ты не ощущаешь животворного и всеизцеляющего действия силы Его: то пойми, что твоя жалоба должна пасть не на кого-либо другого, как на тебя самого. Как никто не может по правде жаловаться на солнце, будто оно не дает ему своего благотворного света и силы: так никто не может по правде жаловаться на Христа, будто Он не дарует Своего благодатного света и силы; с тою разницею, что свету и силе солнца могут препятствовать облака и ночь, а свету и силе Христовой никакия темныя и противныя силы препятствовать не могут. Если ты не видишь радостотворного света Христова: то конечно потому, что не умеешь или не хочешь открыть твое духовное око. Если ты не ощущаешь благодатной силы Христовой: то конечно потому, что твое внутреннее чувство не возбуждено, или отуманено впечатлениями внешних чувств, по невниманию и небрежению твоему над тобою господствующих; или, может быть, благодатная сила предусмотрительно удерживает свое явственное влияние, чтобы не разрушить твой некрепкий сосуд, когда ты еще не укрепился, а только укрепляешься ея же сокровенным действием. Если дух твой не находит силы вознестись к небесному, и оживительно прикоснуться ко Христу верою: то не потому ли, что его задерживают земныя привязанности, которым ты позволил слишком укрепиться? Если дарованныя тебе средства для приближения ко Христу, и для общения с Ним, не оказывают над тобою желаемого действия: то не потому ли, что ты неверно или небрежно употребляешь оныя? не потому ли, что мысли твои разсеяны, желания непостоянны, молитва непрележна, вера мертва неделанием благих дел, любовь к Богу подавлена любовью к тварям?

Братие святая, взываю к вам Апостольским воззванием, *звания небеснаго причастницы, разумеите посланника и святителя исповедания нашего Иисуса Христа* (Евр. III. 1). Разумеите, что в Нем наша жизнь, в Нем наш свет и сила, в Нем наше всецелительное врачество для души и тела, в Нем наше благо настоящее и блаженство будущее, что вне Его и в удалении от Него только преходящие призраки добра и счастья, а за ними зло, и тление, и смерть. И потому, не будем менее внимательны к нашему собственному благу, нежели оный иудейский народ, который отсюду во множестве, забывая свои дома и дела, притекал к Нему, для слышания Его учения, и для изцелений от Него, и с неудержимыми усилиями *искаше прикасаться Ему*. Да притекаем и да приближаемся к Господу Иисусу во святом храме Его, и в сердце нашем, которое также должно быть храмом Его. К Нему да собираем наши мысли от разсеяния в мире. К Нему да устремляем наши желания от пристрастия к тварям. Да прилежим к молитве, дабы она могла наконец обратиться в непрестанную беседу сердца с Богом. Верою деятельною да приобретаем

веру созерцающую. Не только да не позволяем себе любить суету, но и естественной, законной любви земной поставим пределы, и над нею вознесем любовь Божию. И, по мере верности и усердного подвига, по дару же Христа Бога, да сподобится каждый истинного, живого и животворного не только прикосновения, но и *вселения* благодатной силы (2 Кор. XII. 9), от *Него* исходящей, и исцеляющей вся. Аминь.

СССLXXII.

283. Беседа

**в неделю седмую по Пасхе,
по освящении храма Воскресения Христова,
в Покровском Хотькове монастыре.**

(Говорена мая 31-го; напечатана в

Твор. Св. От. 1853 г. и в собр. 1861 г.)

<1531 год>

По вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небо, первым делом, первенствующаго между Апостолами, Петра было дополнить дванадцатое число Апостолов, из котораго, как они скромно выразились, *испаде Иуда ити в место свое* (Деян. I. 25). Святый Петр предложил о сем собранию церковному, в котором находилось около ста двадцати мужей. Собрание наименовало двух достойных, и из них, по молитве, посредством жребия, решительно избран Матфий, *и причтен бысть ко единонадесяти Апостолом* (26).

Вероятно, для сего священнаго действия святым Петром избран был и день священный, – день, который в Книге деяний Апостольских, по иудейскому счислению времени, называется *единою от суббот*, то-есть, первым днем недели, и в который, как праздничный, *собирались христиане преломити хлеб* (Деян. XX. 7), то-есть, совершать таинство причащения Тела и Крови Христовы, словом – день воскресный. Сей день надлежало избрать и для того, чтобы иметь более полное собрание церковное, которое не могло быть одинаково полно во дни непраздничные. Посему вероятно, что мы теперь избрание двенадцатаго Апостола вспомнили в тот самый день, в который оно совершилось.

Слова, которыми Апостол Петр предложил о избрании двенадцатаго Апостола, возбуждают особенное внимание и размышление. Он говорил: *подобает убо от сходящихся с нами мужей во всяко лето, в неже вниде и изыде в нас Господь Иисус, начен от крещения Иоаннова даже до дне, в онъже вознесется на небо от нас, свидетелю воскресения Его быти с нами единому от сих* (Деян. I. 21. 22).

Требуется человек, который вместе с Апостолами следовал за Господом Иисусом, во все годы торжественнаго на земли служения Его спасению рода человеческого, от дня крещения его во Иордане до дня вознесения Его на небо. Такой человек назначается, вместе с прочими Апостолами, быть *свидетелем*. Чего? Не того ли, что он видел во все сии годы? Крещения, в котором Иисус Богочеловек открыт и свидетельствован небесным гласом Бога Отца и сошествием Святаго Духа? Учения, которое Он потом преподавал? Чудес, которыя Он сотворил? Пророчеств, которыя проявил Свое Божеское всеведение?

Царского входа Его в Иерусалим? Его страданий и смерти? Его славного вознесения на небо? Не то говорит святой Петр. Он требует очевидца всех сих дел и событий; но, мимо сих дел и событий, назначает избираемому, равно как и себе и прочим Апостолам, один только предмет свидетельства: *свидетелю воскресения Его быти с нами*.

Здесь размышляющему представляется вопрос: почему святой Петр поставляет себя и прочих Апостолов свидетелями только воскресения Христова, когда они могли и должны были свидетельствовать не о сем только, но и о всем житии, деяниях и учении Христа Спасителя, без чего и не могло быть полно и удостоверительно свидетельство о Его воскресении? Это не вопрос любопытства, но путь к наставлению.

Святой Петр признает потребность Апостольского свидетельства не об одном воскресении Христа Спасителя, но и о всем Его житии, деяниях и учении. Сие видно из того, что он для Апостольского служения ищет очевидца Христова жития от крещения до вознесения на небо. Из сего надлежит заключить, что святой Петр, называя Апостолов *свидетелями воскресения Христова*, не думал устранить другие предметы Апостольского свидетельства, но только для краткости наименовал один из них, подразумевая и другие, с ним связанные: преимущественно же указал он на воскресение Христова, конечно потому, что свидетельство о сем было для Апостолов предметом особенного внимания и подвига.

Утверждение веры в воскресение Христово есть дело великой важности для Христианства и для христианина.

Главная сила Христианства состоит в том, чтобы признать Господа Иисуса Спасителем мира, согрешившаго против Бога, и Богом осужденного на смерть. А чтобы с полною надеждою признать в Нем сие могущественное качество, для сего нужно совершенное удостоверение, что Он есть Единородный Сын Божий и истинный Бог: потому что хорошо сказано, хотя и не хорошими людьми сказано: *кто может оставлять грехи, токмо един Бог* (Лук. V. 21)? Только Милосердие Бога Сына может представить достойное удовлетворение оскорбленному величеству и правосудию Бога Отца; только Бог может возратить жизнь осужденным на смерть Богом.

Но сильнейшее удостоверение о Божестве Иисуса Христа заключается в Его воскресении. Сию мысль подал он Сам. Когда иудеи, удивленные необычайною властью, которую показал Он, изгоняя из храма продающих и купующих, спросили Его: *кое знамение являеши нам, яко сия твориши?* то-есть, каким чудом докажешь, что Бог дал тебе власть над храмом Своим? – тогда Он, преимущественно пред другими чудесами Своими, указал на чудо Своего воскресения. И рече им: *разорите церковь сию и трети денми воздвигну ю* (Иоанн. II. 18. 19), то-есть, в третий день воскресну. В самом деле, чудеса, которые творил Господь Иисус во время земной жизни Своей над другими, даже и самое дивное из них, воскрешение мертвых, творили и Пророки, хотя не с таким полномочием, как Он. Так Илия молился: *Господи Боже мой, да возвратится убо душа отрочища сего в онь* (3 Царств. XVII. 21): но Иисус повелевал: *Лазаре, гряди вон* (Иоанн. XI. 43) из гроба. Однако сего различия иные могли не приметить, и потому могли познать в Иисусе Пророка и посланника Божия и еще не познать в Нем Единородного Сына Божия. Но никогда не было, и не можно представить возможным того, чтобы человек воскресил сам себя: и потому самовоскресением Господа Иисуса дано совершеннейшее удостоверение в том, что Он есть истинный Бог, владычествующий жизнью и смертию, и Божественный Спаситель, имеющий могущество воскресить всех человеков, умерщвленных прегрешеньми.

Слава и благодарение воскресшему Христу Богу нашему, что Он Свое спасительное воскресение явил нам очевиднейшим образом, и дал оному достовернейших свидетелей! В самый день Своего воскресения Он явился Марии Магдалине и другим мироносицам, явился Апостолу Петру, явился двум ученикам на пути в Еммаус, наконец явился десяти Апостолам; потом, чрез восемь дней, явился всем Апостолам, для уверения Фомы о Своем воскресении; потом явился собранию более пяти сот человек, потом Иакову, еще семи Апостолам на море Тивериадском, еще всем Апостолам, чтобы соделать их очевидцами и Своего славного вознесения на небо, и наконец из отверзтаго неба явился гонителю Своих учеников Савлу, чтобы соделать его Павлом Апостолом. Что может быть удостоверительнее, когда враг Христа убежден быть свидетелем воскресения Христова? Что может быть удостоверительнее, когда все Апостолы страдают и умирают от гонителей за проповедь о воскресении Христовом, и среди смертных мучений не престают проповедовать Христа воскресшаго? Слава утвердившему Своим воскресением Свою Веру и Свою Церковь!

Не остановимся на сем, братия христиане, и приближим свидетельство воскресения Христова к себе, все вообще, и каждый лично. Апостол пишет: *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. XV. 20). То-есть, воскресение Христово есть начало воскресения всех умерших человеков, – воскресения уже не в жизнь временную, как было воскресение Лазаря и других прежде его, но в вечную. До воскресения Христова ходили между людьми темные и нетвердые мнения о безсмертии души человеческой: но о воскресении души с телом всего менее думали даже те, которые более других усиливались мыслить. Не светел был и взор избраннаго народа на сей предмет. Когда Христос Спаситель, обличая Саддукеев, в наименовании Бога Авраамова, Исаакова и Иаковлева открыл мысль о воскресении мертвых: тогда не только Саддукеи, но и лучше их мыслящие поражены были новостью сего открытия: *слышавшие народи, дивляхуся о учении Его* (Матф. XXII. 32. 33). А чем менее знали будущую жизнь, тем конечно менее умели и менее имели побуждения приготовляться к ней. Христос Спаситель, чрез Свое учение, на место шатких мнений о безсмертии, поставил твердую истину воскресения, и, чрез Свое воскресение, соделал сию истину даже опытною. Он учил: *грядет час, в онъже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотвориши благая в воскрешение живота, а сотвориши злая в воскрешение суда* (Иоан. V. 28. 29). Дополняет Апостол: *да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. V. 10).

Можно ли не видеть великой важности сего учения? – Ты воскреснешь, не просто, чтобы жить, но чтобы по суду того, что ты делал во временной жизни, получить, или вечно блаженную жизнь, или не умирающую, вечно мучительную смерть. Не должно ли каждому из нас помышлять о сем каждый день и устроить свои дела так, чтобы они вели к воскрешению жизни, а не к воскрешению осуждения? Ты воскреснешь, чтобы получить то, что делал с телом, злое или доброе. Не должно ли посему внимательно блюсти и тело наше, чтобы оно не было орудием зла, греха, нечистоты, и чтобы мы таким образом не готовили его на дрова огню вечному?

Сей храм, посвященный ныне памяти и славе воскресения Христова, благодатию Господа воскресшаго, да будет отныне говорящим свидетелем воскресения Христова всем входящим в него и молящимся в нем. Да радуется он нас верою в Господа воскресшаго; да возбуждает нас к делам правды надеждою воскресения живота; да напоминает нам и страшное воскрешение суда, *да поне страхом от зла спасемся*, и от огня восхищены будем, и в царстве вечнаго света прославим Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

284. Слово

в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в Успенск. Соборе июня 25; напечатано в

Тв. Св. От., в Полицейск. и Губерн. Вед. 1853 г. и в собр. 1861 г.)

<1853 год>

И будут царие кормители твои
(Иса. XLIX. 23).

Хотя Христос Спаситель дал Своей Церкви новый завет, высший ветхаго, и новое Священное Писание, в новом свете открывающее тайны Боговедения и учение жизни: однако чрез сие не сделалось бесполезным Писание ветхозаветное. Особенно заключенные в нем пророчества, когда сокрытый в них свет открывается чрез отражение в событиях, чудным и благотворным образом освещают пути спасительного провидения Божия в мире и в роде человеческом. Посему Апостол Петр тогда, как пишет сам богодухновенное послание, и уже не первое, находит еще неизлишним отсылать читателей к ветхозаветному пророческому Писанию. *Имамы, говорит, известнейшее пророческое слово, емуже внимающе, якоже светилу, сияюще в темном месте, добре творите, дондеже день озарит, и денница возсияет в сердцах ваших* (2 Петр. I. 19).

В день Царев, приглашаю вас внять слову Пророка Исаии о царях, довольно загадочному. Может быть, дастся нам *разрешение гадания* (Притч. I. 3), и внимание ваше не будет потеряно.

И будут царие кормители твои, и княгини их кормилицы твои.

Кому это Пророк предвещает столь высоких кормителей и кормилиц? – Он обращает речь свою к Сиону, и к Сиону не возрастающему и цветущему, но являющемуся в безнадежном состоянии: *рече Сион: остави мя Господь, и Бог забы мя* (14). Под именем Сиона Исаия понимает, без сомнения, не гору, но население горы Сиона, Иерусалим с его обитателями; и притом, как пророк Божий, занятый не человеческими видами, но Божественными, в образе Иерусалима он зрит град Божий, обиталище истинной веры в Бога, Церковь Божию. Сему-то духовному Сиону, на его сетование об оставлении его Богом, ответствуется: что если бы и мать забыла свое дитя, но Господь не забудет его; – что ему даровано будет неожиданное многочисладие: *и речеши в сердцах твоих: кто мне породил сих* (21)? – и что ему и многочисленным чадам его, вместо кормителей и кормилиц, даны будут цари и княгини: *и будут царие кормители твои, и княгини их кормилицы твои.*

Кто же сии цари кормители Сиона? – Если бы о них пророчествовал Самуил: то мы могли бы догадываться, не суть ли это Давид и Соломон. Один из них возвысил Иерусалим в достоинство царствующаго града, другой обогатил его. Один сильно питал в сынах его чувство благочестия, внеся в него кивот завета Божия, и дав богослужению высокое благолепие и торжественность, другой, – создав храм, ознаменованный чудесным присутствием Божиим.

Но Исаия пророчествовал уже после цветущих времен ветхозаветного Иерусалима, и предвещал еще более тяжкия времена, прежде времен многочадия и славы.

Как на исполнение печальной части сего пророчества, можно бы указать на времена пленения вавилонского и на времена утеснения народа Божия царями сирийскими, когда Иерусалим был опустошен, и пресечено было в нем служение истинному Богу: но следующие близко за сими времена не представляют исполнения утешительной части пророчества. Цари, к которым имел отношения Иерусалим после пленения вавилонского, были языческие, и не питали, но едва не поглотили его; а Маккавеи, которые возстановили его и богослужение в нем, не были цари. Наконец, ветхозаветный Иерусалим, ждавший Христа мечтаемого, но неприавший Христа истинного, отягченный виною христуубийства, вновь пал от Римлян: и хотя Иулиан покушался возстановить его, но сие богоборное предприятие уничтожено чудесными действиями гнева Божия.

Итак, чтобы найти исполнение рассматриваемого нами пророчества, мы должны перейти во времена новаго Иерусалима, то-есть, Церкви христианской.

При рождении своем и в первом возрасте, она встретила с царями, из которых ни один не был кормителем ея, а многие были разрушителями. Млеко учения Христова, в питаемых им обращаясь невидимо в кровь жизни безсмертной, в тоже время в видимой жизни питаемых и питающих оным обращалось часто в кровь мученичества. Так проходили три века. Во время жестоких на Церковь Христову гонений от царей и народов языческих, каково особенно было Диоклетианово, – когда христианския церкви были разрушаемы, святыня подвергаема поруганиям, священныя книги сожигаемы, церковное достояние расхищаемо, духовныя стада и пастыри, если не истреблены, то расточены, – сей новый Сион мог вопиять тем воплем, который слышал Пророк Исаия: *рече Сион: остави мя Господь; и Бог забы мя.*

Нет, возлюбленный благодатный Сион Святаго Израилева! Он не *забыл* тебя. Он попустил тебе трудное и долгое испытание для того, чтобы предохранить тебя от вредной клеветы последних времен, будто тебя возрастила и укрепила человеческая сила. Напротив, тем, что все человеческия силы, как ни старались разрушить тебя до конца, но не могли, Он доказал, что не *оставил* тебя, но тайно поборает по тебе, и готовит тебе жребий, достойный Его благодати и всемогущества.

Цари, гонители Церкви исчезают: является Равноапостольный Царь Константин. Можно ли не узнать в нем перваго из Царей кормителей Сиона, предсказанных Пророком? Под чудесным знаменем креста, победив властителей, враждебных Христу, он простер к Его Церкви десницу мира: и расточенныя словесныя овцы и пастыри собираются: разрушенныя храмы возсоздаются великолепно прежняго; таившиися христиане открываются; непознавшия достоинства Церкви Христовой в ея борьбе и страданиях начинают познавать оное в ея победе и мире: враги ея превращаются в чад ея; и теперь действительно можно прочесть в сердце ея слова удивления, которыя за несколько веков вложил в сердце ея Пророк Исаия: *кто мне породил сих?* Царь Константин в буквальном значении пророчества может быть назван *кормителем* Церкви; потому что не только возвратил ей расхищенное гонителями достояние, но и умножил оное, и щедро давал потребное на содержание служителей ея, и на питание нищих ея. Но он может и в духовном разуме назван быть кормителем Церкви; потому что, когда ересь, вместо *словеснаго нелестнаго млека* (1 Петр. II. 2), предлагала младенцам веры отравленную пищу зломудрия; тогда он со всей вселенной собрал блюстителей истины, и своею ревностию споспешествовал им устроить несокрушимый и неистощимый сосуд словеснаго нелестнаго млека и твердой Божественной пищи, – Никейский Символ веры.

Путем Константина и после него шли православные и благочестивые Цари, как например Феодосий, который способствовал Отцам Церкви довершить дело Никейского Собора на Соборе Константинопольском.

Хотите ли узнать также хотя одну из *княгинь кормительниц* Сиона, предсказанных Исаиею? Вспомните мать святого Константина, святую Елену. Не действиями правительственными, однако тем не менее сильно подкрепляла она христианство высоким примером веры и святости и царскими делами благочестия и благотворительности, которые особенно просияли в Церкви иерусалимской, но и всю Церковь вселенскую озарили утешительным светом. Она открыла из-под развалин высокую святыню христианства, крест и гроб Господень, и осенила их, и другие святые места, достойными их святыни храмами, из которых главнейшие доныне питают души верующих священными воспоминаниями и благодатными впечатлениями.

Хотите ли, чада Церкви Российской, уразуметь, простирается ли на нашу Церковь Божие чрез Пророка обетование, что *будут царие кормители ея, и княгини их кормилицы ея*? – Для сего довольно вспомнить Великого Князя Владимира и бабу его Ольгу: и не лзя не удивиться, как Бог, *вся мерою и числом и весом расположивший* (Прем. XI. 21) в мире вещественном, покоренном закону необходимости, и на мир нравственный, управляемый законами свободы, без нарушения свободы, простирает точность меры и числа. Подобно Равноапостольному Константину, Равноапостольный Владимир свое языческое царство перерождает в христианское, и питает Церковь своими благотворениями. Подобно Елене, мудрая Ольга споспешествует сему перерождению: потому что высокий пример ея христианства был одною из сил, которая подвигли ко Христу советников Владимира, а конечно и народ.

Не достанет ли повествующу времени о великих Князях, Царях и Императорах России, защитниках и охранителях духовного благоденствия и мира православной Церкви, и питателях ея от щедрот своих.

Поспешим управить слово к цели. Если события дали нам разрешение гадания пророческого о царях кормителях Сиона; то к чему нам сие послужить может? Какой может быть плод сделанного дознания? – Очень немалый, если мы внимательны.

Не утешительно ли, не назидательно ли видеть чудные пути Божия в устроении, распространении и сохранении Церкви Христовой? За семь веков до ея открытия, за десять веков до рождения сына Елены, Господь чрез Пророка глаголет сему: ты будешь орудием умиротворения Моей гонимой Церкви. За семнадцать веков до рождения внука Ольги, Господь чрез того же Пророка глаголет и сему: ты воскормишь млеком истинной веры народ, в котором Церковь Моя получит многочадие на севере, во дни оскудения чад Ея на востоке. Никто да не смущается, если где-либо, когда-либо истинная Церковь кажется не в цветущем состоянии. Она может быть испытываема: но не будет оставлена. Речено, и не умолкнет слово к Ней Господа: *еще и забудет жена исчадие чрева своего; но Аз не забуду тебе*.

Не поучительно ли усматривать таинственное соотношение благочестивых Царей с верховным правительством Царя царствующих? Из глубины вечности провидит и уготовляет Он их; назначает им время и подвиг не только для земного их царства, но и для Своего царствия небесного; и дарует им и силу и победу над противоборствующими силами. Сим на пророчестве основанным умозрением как уясняется обязанность молитвы о царе благочестивом и о благочестии царя! Как возвышается радость о царе благочестивом! Как утверждается надежда на царя благочестиваго!

Слышим от Благочестивейшаго Самодержца нашего во всенародной слух исшедшее слово, которым Он, соединяя миролюбие с твердостью в правде, ограждает права и спокойствие православного христианства на востоке, и особенно в Святых Местах святой земли. Не утешительно ли видеть Его здесь на том пути, который пророчество предназначало царям благочестивым, – на пути царя охранителя и защитника Сиона Божия?

Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона (Псал. L. 20) и видимого и умозримого. Да постыдятся и возвратятся вспять вси ненавидящии Сиона (Псал. CXXVIII. 5). Державному же защитнику Сиона, Боже, суд Твой царице даждь (Псал. LXXI. 1) и судом правды и мира победу над всякою враждою и ухищрением. Да будет судьбою Его выну святое слово: яко царь уповае на Господа, и милостию Вышняго не подвижится (Псал. XX. 8). Аминь.

CCCLXXIV.

285. Слово

в день венчания и помазания на царство

Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорено в Успенском соборе августа 22; напечатано в

Твор. Св. От. и в Губернск. Вед. 1853 г. и в собрании 1861 г.)

<1853 год>

*Буди верен даже до смерти, и дам ти
венец живота (Апок. II. 10).*

С благоговейною радостью мы смотрим ныне на венец, который недосызаемо превознесен над нами, но который осеняет всех нас, и которым все мы хвалиться можем пред народами. Это венец, который двадцать семь лет почивает на главе Благочестивейшаго Императора нашего Николая Павловича. Радостен сей венец для нас; поелику он для всех нас есть покров, защита, украшение, слава: но тяжел для Венценосца; потому что это венец избрания и освящения на великие подвиги, а не венец награды и покоя после подвигов. *Тяготы* огромной России *носит* Благочестивейший Самодержец, *исполняя закон Христов* (Гал. VI. 2) и закон царский. Какая потребна сила, чтобы поднять, и носить, и направлять в движении силы всея России! Праведно посему, чтобы все силы Россиян соединялись, дабы, по возможности, облегчать бремя, носимое Самодержцем, чтобы все сердца Россиян соединялись, дабы искренними молитвами призывать Ему силу от Того, Которым *царие царствуют* (Притч. VIII. 15): *Господи, силою Твоею да возвеселится Царь, и о спасении Твоем да возрадуется зело* (Псал. XX. 2).

От венца, над нами превознесенного и для нас неприкосновенного, не желаете ли обратить мысль к венцу, который может коснуться главы каждого из нас? – Да, есть венец, который не недосызаем для нас, котораго мы можем желать и искать, который обещает, предлагает, почти подает нам Верховный Венцедатель. *Дам ти, говорит, венец живота.*

Вслушайтесь хорошо в сие слово. Предлагается *венец живота*, венец, с которым соединена жизнь, которым увенчанный не будет бояться смерти. Будет ли кто так неразсудителен, чтобы не пожелать такого венца?

Если вы желаете предлагаемого венца, то вы должны принять условие, с которым предлагается венец: ибо Венцедатель не обязан дать вам венец по одному вашему произволу; и сие было бы несообразно с достоинством и Венцедателя и венца. Условие, с которым предлагается венец живота, состоит в том, чтобы вы были верны Венцедавцу Христу, и притом верны до смерти. *Буди верен до смерти, и дам ти венец живота.*

Верным называем того, кто долг подданства и повиновения, признанную обязанность, данную клятву и даже простое данное слово или обещание исполняет без измены, без уклонения, без ослабления, без лицемерия, деятельно, точно, чистосердечно. Верным до смерти можно почитать того, кто пребывает верным во всю свою жизнь до конца ея; преимущественно же того должно почитать верным до смерти, кто, встречая обстоятельства, в которых верность не лъзя сохранить иначе, как с пожертвованием удовольствий, выгод, почестей и самой жизни, решительно готов пожертвовать и действительно жертвует удовольствиями, выгодами, почестями, самою жизнью, чтобы сохранить верность. Сих понятий о верности, надеюсь, никто не будет оспаривать.

Теперь, чтобы определить нашу верность ко Христу, должную и действительную, надлежит принять в разсуждение, какия мы имеем к Нему обязанности, и как их исполняем. Мы природные рабы Богу и Христу, по владычественному праву Творца над Своими созданиями, Вседержителя над всем, что пользуется Его промыслием и управлением. Но, поелику мы нарушили сей естественный союз с Богом нашею неверностью и непослушанием; и поелику Христос желает возвысить рабов на степень свободных, и даже в достоинство сынов: то Он призвал нас добровольно вступить в новый с Ним завет; и мы вступили в него крещением, и приняли соединенные с ним обязанности. Какия? – Мы отреклись сатаны и всех дел его, и сочетались Христу, исповедав веру в Него и признав в Нем нашего Царя и Бога. Верны ли мы принятым на себя чрез сие обязанностям? – Кажется, мы чуждаемся дел сатаны; не возстаем против Бога; не идолопоклонствуем; чувствуем отвращение от злобы и разврата; сохраняем веру во Святую Троицу и во Христа Спасителя; продолжаем признавать Его нашим Царем и Богом, и, согласно с Его учением, посильно воздаем *Кесарева Кесареви и Божия Богу* (Матф. XXII. 21). Что вы думаете? Не выдержали-ль мы уже испытания в верности Христу? Не можем ли уже простерть руку к Венцедавцу, и сказать: Господи, кажется, мы верны: подаждь нам венец живота! – Нет, братия, может случиться, что сие самоиспытание, кажущееся так удовлетворительным по важности предметов и благовидности выражений, окажется неполным и ненадежным, если продолжим испытывать себя не поверхностным, а проницательным взором, и если станем поверять мысль и слово делом и опытом.

Истина лучше откроется, если спросим себя: стяжали-ль мы верность христианским обязанностям *до смерти*? – Скажут, может быть, что на этот вопрос отвечать можно только тогда, когда умрем. Частью это правда; потому что и твердый в добродетели не может ручаться за будущий день и час, что не падет; но частью неправда, потому что *верность до смерти* должна образоваться и утвердиться прежде смерти; и следственно, должны быть приметны в жизни некоторые черты ея, и еще приметнее недостаток ея. Когда некий юноша вопрошал Христа Спасителя: *что благо сотворю, да имам живот вечный* (Матф. XIX. 16)? – он чрез сие изъявлял намерение, быть верным учению Христову до смерти, чтобы получить венец живота. Но вскоре дело показало, что его душа не стяжала добродетели, которой призраком являлся в его словах. Когда от него

потребовано, чтобы он раздал нищим свое имение, дабы, в совершенной свободе от мирских забот, следовать за Христом: верность его Христу мгновенно исчезла; он предпочел быть верным золоту. Сим несчастным личным опытом выразилась общая истина: кто не умер своекорыстию, а также самочестию и плотоугодием, и всякому виду самолюбия и самоугодия, тот напрасно стал бы льстить себе мыслию быть верным до смерти Христу и Его учению, и ненадежно простирал бы руку к венцу живота.

Вспомните верных до смерти не мысленно только, но действительно и совершенно, Христовых мучеников. Смертный приговор за верность Христу выслушивали они с радостью; с мирною молитвою преклоняли главу под меч, или метаемые на них камни; не могли поколебать их верности ни прельщения чувственными удовольствиями, или видами корысти и славы человеческой, ни угрозы, ни темницы, ни отъятие имения, ни осуждения на тяжкия работы, ни разнородныя мучения изобретательной злобы, – эта медленная, нерешительная смерть, против которой непоколебимо устоять труднее, нежели против решительной, мгновенной смерти. Подобные опыты верности способны ли выдержать люди, которые, думая быть верными Христу, гораздо более верны своим прихотливым желаниям, своим безотчетным привычкам и суетным обычаям, своим страстям? Например, перенес ли бы благодушно долгое темничное заключение за веру и правду тот, кто не переносит однодневного добровольного заключения в своем доме, не для какого-нибудь истязания себя, но для полезного труда, для попечения о душе, для размышления о Боге, а чувствует неодолимое влечение, если не утром, то вечером, броситься в разсеянный круг подобных людей, или в вихрь увеселений? Был ли бы тот безстрашен и непоколебим, охраняя свою веру и совесть, при виде угрожающих за сие лишений, страданий и смерти, кто колеблется пред лишением – тучной пищи в день поста, боится умереть – от воздержания, оказывает невнимание к руководству Матери-Царквы, чтобы не причинить скорби – своему чреву?

Или нам не слишком нужно заботиться о строгих испытаниях верности, потому что мы живем не в мученические времена? – Но, братия, бессмертный Венцедавец требует верности до смерти, а без того не обещает дать венец живота.

Что же нам должно делать? – Надобно найти средство сделаться верными до смерти и без мученичества, и употребить такое средство прежде смерти: потому что поздно будет сеять, когда настанет время собирать плоды. Такое средство предлагает нам Апостол, когда говорит: *умертвите удо ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение* (Колос. III. 5). Умерщвляйте плотское самолюбие и самоугодие, не только во внешних действиях, но и в сокровенных движениях вашего сердца, и это не собственным только мудрованием, которое чем более самонадеянно, тем менее надежно, но непрерывным обращением сердца вашего ко Христу, с искренним желанием благододать Ему, при помощи благодати Его.

Благодать Христа Бога нашего да споспешествует всем нам постоянством в сем подвиге достигнуть совершенной и неизменной к Нему верности, для которой готов у Него венец живота. Аминь.

CCCLXXV.

286. Слово

по освящении храма Введения во храм

Пресвятыя Богородицы, в городе Коломне.

<1853 год>

*Иже обрете благодать пред Богом, и
испроси
обрести селение Богу Иаковлю: Соломон же
созда Ему храм (Деян. VII. 46. 47).*

Посвящение Богу храма и усердный подвиг, для его благоустроения и подобающего святине украшения, есть приятное приношение Богу, и в тоже время есть великая милость Божия человеку.

Бог, Котораго храм есть весь мир, и престол небо, не имеет для Себя нужды в малом земном храме. Обладая всем, что есть во вселенной, очевидно, не имеет Он нужды и в приношениях человеческих. Итак, если он приемлет от человека храм и приношение; то сим являет человеку Свое снисхождение, благодать, милость, – милость в том самом, что дарует благочестивую мысль и желание, потому что, как вразумляет Апостол, *не довольни есмы помыслити что истинно доброе от себе, яко от себе, но довольство наше от Бога* (2 Коринф. III. 5), – милость в поспешествовании Провидения исполнению благочестиваго желания – милость в приближении человека к Богу посредством облагодатствованнаго храма, – милость в принятии приношения, открывающем путь новой милости воздаяния за приношение веры и усердия.

Так, без сомнения, мыслил святой Первомученик Стефан, когда сказал о Царе Давиде, что он *обрете благодать пред Богом, и испроси обрести селение Богу Иаковлю*. То-есть: Давид пользовался особенною милостию Божиею, и сие оказалось особенно в том, что, по его желанию, Бог соизволил на созидание храма, и назначил для сего место в Иерусалиме. Если же одно намерение храмоздательства, предпринятое и утвержденное, было уже милостию Божиею для Давида; то кольми паче действительное создание храма было милостию Божиею для Соломона. *Соломон созда Ему храм*.

Итак, радоваться должны те, которые с чистым усердием, по мере возможности, приняли участие в деле Давида и Соломона, – в деле храмоздательства: ибо чрез сие они имеют участие в благодати и милости Божией.

Радоваться должны об освященном храме и все, взыскующие благодати Божией: ибо если даруется благодать храмоздательства, то для того, чтобы даровать благодать храму, а чрез храм и входящим в него.

Чтобы познать благодать святаго храма, и посредством веры пользоваться оною к нашему освящению, для сего есть простое средство, – взирать со вниманием на тех, которые с особенною силою и очевидностию на себе оную испытали.

Праведная Анна была неплодна, и горько сетовала, что не имела детей. Как жена благочестивая, без сомнения, многократно молилась она у себя в доме о разрешении своего неплодства: однако неплодство продолжалось. Но когда она при *празе двери храма Господня* (1 Цар. I. 9) помолилась, прося себе сына, и при том обещалась посвятить его на служение Богу и храму Его: тотчас ощутила облегчение от своей скорби, а потом получила и разрешение неплодства. Она родила сына, – и какого сына? – Самуила Пророка.

Праведные Захария и Елисавета до старости дожили в скорби, и, по понятиям своего времени, в поношении безчадства. Долга, и, конечно, крепка и достойна услышания была молитва сей четы, о которой священное Писание свидетельствует, что *беста праведна оба пред Богом, ходяще во всех заповедех и оправданиях Господних безпорочна* (Лук. I. 6). Наконец открылось, что молитва святых услышана, но не без помощи святого храма. *Вшедшу в церковь Господню*, явился Захарии Ангел и сказал: *услышана бысть молитва твоя, и жена твоя Елисавет родит сына тебе, и наречеши имя ему Иоанн* (ст. 9. 11. 13).

Дщери праведных Иоакима и Анны, Деве Марии, судьбою Божиею предопределено было соделаться матерью воплощаемого Сына Божия, – предопределено, по безпримерной благодати Божией, но также и по безпримерному достоинству и чистоте избираемой в сие служение. Как же сохранена ея чистота, более нежели Ангельская? Как возрощено ея достоинство, выше, нежели небесное? При помощи Ея воспитания и пребывания во храме Божию, до самого Ея обручения праведному Иосифу, почти до самого благовещения Архангелова. Храм Божий был воспитателем, хранителем, украсителем, невестоводителем Матери Божией.

Если благодать святого храма так благоупотребительна для святых: то кольми паче должна она быть благопотребна для грешников.

Мытарь, которого наименование знаменует человека, погрязшаго в неправде и беззаконии, при свете обличающей совести, усматривает свое гибельное состояние, и помышляет о избавлении от него. Входит в церковь, но не смеет приблизиться к святыне ея, ни воззреть на небо, бьет себя в перси, то-есть, сам себя осуждает, смиряет, признает достойным наказания, и произносит молитву покаяния: *Боже, милостив буди мне грешному* (Лук. XVIII. 13). Много ли он сделал для своего спасения? Но он уже спасен, как возвещает Господь Сердцеведец и Судия. *Сниде сей оправдан в дом свой* (ст. 14). Это притча: но истина притчи Христовой так же достоверна, как истина какого-нибудь личного события; и даже более применима к учению, потому что притча представляет не столько частный примерный случай, сколько закон для частных случаев. Смотрите же внимательно: где указывает Господь столь удобный и сокращенный путь покаяния и спасения? – В церкви. Почему? – Потому, конечно, что ея благодать споспешествует ищущему спасения. Входя здесь в особенное, таинственное присутствие Божие, здесь наипаче ощущает он страх Божий, и тем сильнее осуждает и отвергает свои грехи, тем удобнее смиряется, тем глубже входит в покаяние, и тем скорее достигает прощения и спасения.

Если, впрочем, хотите и в действительной жизни видеть то, что в притче представляет мысленный образ мытаря: сие между многими примерами можно ясно видеть в жизни Марии Египетския. Она чрезмерно предана была греху: но когда пример идущих в Иерусалимский храм креста, гроба и воскресения Господня возбудил и в ней желание идти в оный: тогда благодатная сила храма явилась чудным образом. За греховную нечистоту, Мария невидимою силою остановлена в дверях храма, и не допущена войти в оный: но за то, что прибегла ко храму, в то же время получила дар совершенного покаяния. В притворе храма, пред образом Божией Матери, дала она обет исправить свою жизнь: и в следствие сего, быв допущена в храм приложиться ко кресту Господню, а в другом храме напутствовав себя причащением святых таин, удалилась в за-иорданскую пустыню, и там вела чудесно святую жизнь.

Если бы кто спросил: каждый ли храм христианский имеет благодать, подобно как ветхозаветный храм Иерусалимский, и храм Иерусалимский новозаветный,

действительное место креста, гроба и воскресения Христова: не обинуясь ответствуем: имеет **каждый**.

Христос Спаситель дал нам обетование, в высокой степени благодатное: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое; ту есмь посреде их* (Матф. XVIII. 20). Где же большее и совершеннейшее бывает собрание во имя Его, как не во святом храме? Итак, здесь Он благодатно присутствует посреде нас; а где благодатно присутствует, там и действует благодатно и спасительно.

Здесь каждый день в Евангелии слышим слово Христа, Сына Божия. А оно есть едино и тоже слово, которым Он сотворил мир, которым Он *носит всяческая*, как *глаголом силы Своея* (Евр. I. 3), которое во днех плоти Его, изцеляло больных, прогоняло бесов, воскрешало мертвых. Чего же не сделает оно и здесь для верующаго и молящагося? И, посему, благознаменателен и достоин внимательнаго соблюдения тот обычай, что во время чтения Евангелия вы преклоняете главы, а некоторые подклоняют главы под самое Евангелие, чтобы вас осенила благодатная сила слова Христова.

Здесь совершается таинство Тела и Крови Христовой. Но если, как видим в Евангельских повествованиях, прикосновение к ризам Христовым изцеляло недугующих: то каких благодатных действий надлежит ожидать от вкушения Тела и Крови Христовой, и даже от приближения к олтарю, на котором Христос Спаситель, в Своем Теле и Крови, живым и живоносным образом присутствует!

Зная сие, да не нерадим, братия, но да ревнуем пользоваться благодатию, которую открывает нам Господь во святом храме Своем.

Притекайте во храм Божий прилежно; входите в него со страхом Божиим; слушайте в нем священное чтение и пение со вниманием и желанием уразумения и наставления; преклоняйтесь пред святынею духом и телом со смиренною верою; молитесь с сердечным сокрушением и умилением; представляйте Господу благия и душеполезныя прошения, чтобы благоугождать Ему, а не в сластех ваших иждивать дары Его; приносите Ему жертвы духовныя от чистаго сердца, и жертвы видимыя от чистых рук и от праведных трудов: и Господь, давший Своему храму благодать Свою для того собственно, чтобы преподавать ее вам, не преминет осеять ею души ваши, исполнять во-благих желания ваши, простирать от храма Своего благословение и на ваши дела и житие временное в уповании живота вечнаго.

Да благословятся от Господа, христолюбиво споспешествовавшие созданию и возсозданию, обновлению и украшению храма сего; – и прежние, уже отшедшие ко Господу, да благословятся у Него благословением вечным, и нынешние, пребывающие с нами, – благословением временным и вечным. Благословени да будут и все, входящие во храм сей со благоговением; да ущедренными и благодарными душами славится Пресвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа, во веки. Аминь.

CCCLXXVI.

287. Речь

при вручении жезла новопосвященному

Епископу Дмитровскому Алексию.

(Говорена в Успенском Соборе сент. 20-го; напечатана

в Твор. Св. От. и Губерн. Вед. 1853 г. и в собрании 1861 г.)

<1853 год>

Преосвященный Епископ Алексей!

Почти шестнадцать лет тому, как, вводя тебя в чин монашествующих, при мощах Святителя Алексия, мы поручили тебя его покровительству, заимствовав от него тебе имя. Не сомневаюсь, что, вместе со мною, ты признаешь действительность его над тобою покровительства. Мирным путем служения, под благоволительными взорами Державной и Священной Власти, ты доведен до того, что приемлешь ныне участие в попечении о его пастве, которой он в течение веков не престаёт покровительствовать.

Прибегнем и ныне к близкому для нас покровительству Святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, и, моля их, будем надеяться, что их молитвы и невидимое благодатное вразумление и содействие будут споспешествовать, чтобы начатки твоего нового служения были благонадежны для Церкви и благопомощны для останков моего настоящего служения.

Уже девятый являешься ты на помощь моему здесь служению. Храня добрую память о твоих предшественниках, и утешаясь светлыми знаменами дальнейшего их служения, надеюсь и в тебе найти то, за что благодарен к ним.

Говорим о надежде, не для того, чтобы почивать на ней, как на возглавии, но, чтобы не упасть духом пред мыслию о нашем недостоинстве, чтобы не колебаться маловерием. Не усыплять должна благая надежда, но к благим подвигам возбуждать нас, часто напоминающих себе Апостольское увещание: *образ буди верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою* (1 Тим. IV. 12).

Приемля и употребляя сей жезл, право помышляй о его истинном начале и значении. Он не для того изобретен, чтобы только показывать знамение начальства, но сделан священным от того, что святые предшественники наши употребляли его, как необходимую подпору для изнуренного подвигами внешнего их человека, когда в них обновлялся внутренний, поколику тел внешний.

Теперь взыди, и от новоя благодати подаждь благословение людям Господним!

CCCLXXVII.

288. Беседа

к Братству Николаевского

Угрешского Общежительного монастыря.

(Говорена окт. 16-го; напечатана в Твор. Св. От. 1853 г. и в собран. 1861 г.)

<1853 год>

Рече ему Иисус: аще хоцещи совершен

*быти,
иди, продаждь имение твое, и даждь
нищим;
и имети имаши сокровище на небеси, и
гряди
в след Мене (Матф. XIX. 21).*

В сих словах мы имеем учение о нестяжании, преподанное самим Иисусом Христом.

Случай к сему подал некто, котораго Евангелист Матфей называет *юношею*, а Евангелист Лука *князем*, следственно, человек не без достоинства и не без образования, как и слова его показывают. Он спросил Христа Спасителя: *что благо сотворю, да имам живот вечный* (Матф. XIX. 16)? Господь ответствовал, что для сего должен он соблюсти данная Богом заповеди десятизакония, и особенно глубокую и многозначительную заповедь: возлюби ближняго, как самого себя. На сие юноша отозвался, что все сие исполнил с малолетства. Отзыв, конечно, необдуманный: потому что истинные ревнители исполнения заповедей всегда чувствуют и признают свои несовершенства и недостатки в исполнении оных; а хвалящиеся исполнением заповедей обнаруживают чрез сие то, что они недовольно познали себя и силу заповедей. Но кроткий Божественный Учитель не благоизволил противопоставить слову самохваления слово обличения, а указал путь совершенства и предоставил хвалящемуся самому обличить свое несовершенство делом. *Рече ему Иисус: аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим; и имети имаши сокровище на небеси; и гряди в след Мене.* Что же юноша? Можно ли, кажется, не пожелать сделаться совершенным? Можно ли не пожелать следовать за Христом, и особенно, когда Он сам приглашает к сему? – Но, нет. Юноша не вступает на путь совершенства: не хочет идти за Христом; жаль ему, что не имеет духа решиться на сие, однако нерешается, отступает вспять: *отъиде скорбя* (XIX. 22). От чего это так? От того, что он нерасположен жить в совершенном нестяжании; не хочет разстаться с богатством: *отъиде скорбя: бе бо имея стяжания многа.* И вот, он делом обличил себя в том, что напрасно на словах представлял себя исполнителем заповеди, повелевающей любить ближняго, как самого себя. Если бы он любил ближняго, как самого себя: то ему нетрудно и даже приятно было бы раздаянием своего имения утешать и успокаивать любезных ближних, нуждающихся и нищих.

Заключенное, в изложенном теперь повествовании Евангельском, учение о нестяжании, очевидно, есть истинное и спасительное, потому что есть учение Божественное, преподанное Иисусом Христом, Который Сам есть истина и источник спасения. Не смотря на то, упоминаемый в Евангелии юноша, который и сам признавал Иисуса Христа *учителем благим*, в применении учения Его к жизни встретил затруднение, котораго не умел преодолеть. Не найдутся ли подобные сему юноше и ныне, и между нами?

Не скажут ли некоторые, что учение о совершенном нестяжании могло быть применено только к ближайшим последователям Христа Спасителя во время Его земной жизни, когда оскудение пособий естественных легко восполняемо было Его чудодейственною силою, что, напротив того, учение сие в общем виде не применимо к благоустройству общественной и частной жизни; потому что, если бы все богатые роздали свое имение нищим, то и те, которые честным трудом в пользу богатых снискивают себе пропитание, сделались бы нищими, и весь мир сделался бы беспомощным?

Сии недоумения о возможности нестяжательной жизни кажутся основанными на разсуждении: но сокровенное их основание есть маловерие и мудрование плотское, затмевающее духовный свет.

Вы боитесь, что нестяжательный не возможет жить, если не будет с ним видимо Христос, питающий пятью хлебами пять тысяч человек. Напрасно. После времени видимаго на земли пребывания Христова мы знаем многих нестяжательных; и не знаем ни одного из них, который бы в следствие нестяжания умер от голода или наготы. Провидение Божие было для них, большею частию, невидимым, но непрерывным чудом к их сохранению и снабдению; а иногда, когда они естественным путем не могли доставать себе пропитания в пустыне, Ангел видимо предоставлял им пищу, подобно как древле Илии пред путем в Хорив.

Вы боитесь, что чрез распространение нестяжания обнищает весь мир. Напрасно. Если бы дух нестяжательности объял всех людей, и богатых и бедных; то нищих просящих осталось бы очень мало; их не достало бы для того, чтобы истощить богатых; и богатые, оставаясь любителями нестяжания, по своей готовности все отдать нищим, остались бы еще богатыми, по недостатку нищих, приемлющих расточаемое богатство; мир нестяжательный был бы богаче мира любостяжательнаго. Впрочем, если кто и не верит сему; то еще может себя успокоить. Нынешний мир не подает причин к опасению, что в нем окажется недостаток в любостяжательных и богатящихся. Если ему что может угрожать, то это не алчущая правды нестяжательность, а ненасытимое любостяжание, всепожирающая роскошь и праздное, изобретательное на зло, тунеядство.

Можно ожидать, что скажут еще некоторые: поелику Спаситель призывает к совершенному нестяжанию тех, которые *хотят быть совершенными*, а мы находим себя недостойными иметь притязание на совершенство; то совет Христов о нестяжании не относится к нашему исполнению. Это можем, и могут сказать, все до одного. И в следствие сего слово Христово может остаться совершенно без исполнения. Для чего же оно и сказано? Господь не повергает Своего слова на ветер. Глагол Его не должен *возвратиться* к Нему *тощ* (Исаии. LV. 11). Духовное семя слова Христова не должно пасть на землю бесполезно, а должно, хотя на меньшей части ея, прозябнуть и принести плод. Итак, благовидная отговорка недостойнством иметь притязание на совершенство не должна воспрепятствовать действию учения о совершенстве. Если от самопознания и смирения рождается у тебя помышление, что ты недостойн иметь притязание на совершенство; то это помышление правильное; и оно не должно тебя останавливать или воспящать на пути учения Христова, а должно побуждать тебя простираться в предняя, подвизаться, чтобы как-нибудь уменьшить свое недостойнство, и сделаться не недостойным спасения вечнаго. На встречу сему стремлению идет благодать Божия, и поддержит тебя, и поведет тебя от недостойнства к достоинству, от несовершенства к совершенству, в легкости ли нестяжания, если ты чувствуешь тягость стяжания и искушение богатства, или в бременености честнаго стяжания и безпристрастнаго обладания; потому что Христос Спаситель указал нестяжание, как пособие к совершенству, полезное для некоторых, а не как необходимое для всех. *Буди совершен* (Быт. XVII. 2), сказал Бог Аврааму, и он был совершен, тогда как он *бе богат зело* (XIII. 2), но к богатству не пристрастен, и, следственно, хранил нестяжание в душе, обладая стяжаниями в доме.

Но душа, в которой слышится голос, внушающий, что она недостойна домогаться совершенства вообще, и в особенности совершенства нестяжания, должна стараться верно распознать, чей это голос. Точно ли это голос смиреннаго самопознания? Не есть ли, напротив, это голос лени, или любостяжания, скрывающихся под личиною смирения? В сем последнем случае душа подвергается опасности не только не возвыситься к совершенству, но и погрязнуть в пороке. Когда упоминаемый в Евангелии юноша услышал от Христа Спасителя призвание к совершенству при помощи нестяжания: он решился не домогаться совершенства, оставаясь, конечно, в надежде достигнуть вечнаго

жизноты обыкновенным исполнением заповедей. Но каким жалким образом обмануло его любостяжание! *Отъиде скорбя*. Он удалился не от совершенства только, но удалился от Спасителя, следственно и от спасения.

Братия монашествующие! К нам особенным образом относится Христово учение о нестяжании. Для других это есть совет, подлежащий свободному избранию: для нас это есть обет, который, вместе с обетом целомудрия и послушания, мы уже приняли на себя пред алтарем Господним. Если непринятие доброго совета может быть погрешностью, и погрешностью опасною: то нарушение данного обета есть решительно вина, подвергающаяся правосудию Божию. Итак, надлежит нам заботливо благоустраивать образ нашей жизни, чтобы он, сколько возможно, сообразен был с нашим обетом.

Обитель дает вам легкий способ соблюсти нестяжание в отношении к жилищу: ибо дает вам жилище готовое. Дополняйте ваше нестяжание тем, чтобы не желать жилища, по вашему вкусу, просторного, украшенного: довольствуйтесь необходимым.

Представляя вам готовую трапезу, обитель освобождает вас от необходимости иметь собственное стяжание для пищи. Дополняйте ваше нестяжание тем, чтобы всегда безропотно довольствоваться предлагаемым, и не требовать ничего изысканного.

Обычай многих обителей предоставляет каждому брату самому пещись об одежде и о некоторых других потребностях данными способами. Как тут соблюсти нестяжание? Можно соблюсти, если данное тебе будешь почитать не собственностью, а благодеянием и даром, если будешь иметь одежду и прочее только необходимое и простое, не будешь иметь излишнего, не позволишь себе желать изящного, если избыток вверенного тебе не удержишь и не умножишь, а употребишь на пользу души и на благотворение ближнему.

Но не проще ли, не полнее ли дело нестяжания в тех, которые, принимая на сие обет, и вступая в обитель, решаются не иметь ни одежды, ни платы, ни обуви, ниже лепты, как собственности, но поручают себя попечению начальства обители, и от него ожидают всего им потребного? Сим решительным отсечением собственности вдруг отсекается немало забот и искушений.

Если тебе на твои нужды дают деньги: тебе предлежит забота, достанет ли их, предстоит искушение употребить их не на нужду только, но и на удовлетворение какой-нибудь прихоти.

Если тебе надобно приобрести вещь по твоему произволу; легко подкрадывается вещелюбие и тщеславие, и побуждают тебя приобрести красивое, вместо простого, твоему званию свойственного. Сим заботам и искушениям нет места, если ты отрекся от всякой произвольной собственности.

Если ты сам для себя покупаешь одежду приличную и смиренную; она приходит к тебе просто, как и всякая купленная вещь, не принося тебе особенного благословения: а если покупаешь несмиренную, то покупаешь с нею свое осуждение. Но если в послушании приемлешь одежду, от руки начальства обители: ты приемлешь ее, как дар Божий, как благословение Божие чрез начальство. Так, простые вещи для нестяжательного благословляются и некоторым образом освящаются.

Если бы ты для удовлетворения твоим собственным нуждам употребил собственный труд и время: сие трудолюбие было бы достойно одобрения и угодно Богу; впрочем, не обещало бы тебе особенной награды в том отношении, что ты был бы работником на

самого себя. Но если, отрехшись от собственности, весь свой труд и все свое время ты посвящаешь Богу и обители: то чрез сие ты приносишь жертву Богу и службу обители, и жертва твоя призывает особенное тебе благое воздаяние.

Братия святыя обители сея! Прославьте человеколюбиваго Бога, Который в сердце человека, живущаго в мире, вложил попечение о вас, отрехшихся от мира, чтобы способствовать очищению вашего духовнаго пути от внешних забот. Два благолепные храма непрестанно призывают вас к молитвам о добродееющих во святей церкви и во святей обители. Нынешний день подтверждает для вас сию обязанность, которую вы должны передать и будущим по вас.

От вас, братия, зависит, чтобы благодеяния, которыя несомненно принесут благословение благодетелю, принесли истинную и совершенную пользу вам облагодетельствованным. Подвизайтесь не с оскудевающею, но с возрастающею ревностию в исполнении принятых вами на себя обетов. Потщитесь в легкости совершеннаго нестяжания идти в след Христа, и *имети имашии сокровище на небеси*, безценное, вечно неотъемлемое. Аминь.

CCCLXXVIII.

289. Беседа

в день восшествия на Всероссийский Престол

Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича.

(Говорена в Чудове монастыре ноября 20-го; напечатана в

Твор. Св. От., в Полиц. и Губерн. Вед. 1853 г. и в собрании 1861 г.)

<1853 год>

Ныне миллионы народа и народов простирают мысленные взоры к престольному граду святаго Петра, и возводят оные на небо, и гласом верности, любви и надежды взывают: *да живет Царь*.

И, кажется, время бы уже, после многолетних и многотрудных подвигов Царя нашего, для блага России, для облегчения жребия единоверных народов, для поддержания законных союзных правительств, для утишения бурь Европы, в награду сих подвигов, — время бы уже, *да живет Царь* наш, и царство его, в ненарушимом мире, за сохранение или восстановление которого он всегда и подвизался, и желание которого и в настоящее лето положил на весы с причинами к брани. Но безкорыстному миротворцу других не уступают мира. Народ нехристианский, который всегда был бичем для христиан, и вместе бичем для самого себя, по своему невежеству, соединенному с неустройством управления, — которого владычество над христианским наследием некогда вся христианская Европа хотела разрушить, но не могла, а теперь может, но не хочет, — народ, который был уже побежден Царем нашим, потом принял от него мир, и спасен им от губительнаго междоусобия, угрожавшаго столице и престолу, — от которого и теперь Царь наш не требует ничего более, как только совершеннаго исполнения прежних союзных договоров, — этот народ, не вняв даже примирительному слову других держав, упорно

вызывает Россию на новые подвиги брани; а между-тем испытывает свою силу над безоружными христианами своих собственных областей.

Защитниче наш, виждь Божже, и призри на лице помазанника Твоего (Пс. LXXXIII. 10) се врази Твои возшумеша, и ненавидящии Тя воздвигоша главу. На люди Твоя лукавоваша волею, и совещаша на святыя Твоя (Пс. LXXXII. 3. 4). Да обрящется рука Твоя всем врагом Твоим; десница Твоя да обрящет вся ненавидящия Тебе (Пс. XX. 9). Помози нам, Божже Спасе наш, славы ради имени Твоего (Пс. LXXVIII. 9).

Вы слышите, что я говорю о настоящем положении дел словами древняго народа Божия. Счастливо это для нас, что самыя обстоятельства поставляют нас в положение народа Божия против врагов Божиих. Враги наши суть враги креста Христова. Следственно, мы можем просить от Бога защиты и победы не только для себя, но и для славы имени Христова. *Помози нам, Божже Спасе наш, славы ради имени Твоего.* Надобно только, чтобы мы, приступая с сею молитвою к Богу, представлялись Ему в чертах истиннаго народа Божия, которыя суть: чистая вера в Бога, крепкая надежда на Бога, нелицемерная любовь к Богу и ближнему, верность заповедям Божиим, преданность власти, сущей от Бога, любовь к православному отечеству, возведенная до степени, указанной Христовым словом: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Иоан. XV. 13).

Мыслию о народе Божиим возбуждается и та мысль, что мы ужь не ветхий народ Божий. Не нам речено: *око за око, и зуб за зуб* (Матф. V. 38). Мы призваны быть новым народом Божиим, и нам дана *новая заповедь* (Иоан. XIII. 34), новый закон – любви и мира. При самом рождении Царя новаго народа Божия, Иисуса Христа, небеса возвестили земле мир. И когда Он посылал Своих посланников приглашать людей в свое подданство, или паче, в чада Своего царства: тогда Он повелел подавать всякому дому и всякому граду мир. И когда Он шел на вольную, спасительную для нас, смерть: Он оставил Своему царству, как всеобщее наследие, мир. *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Иоан. XIV. 27). Мир Христов не должен ли быть сильнее брани человеческой? И почему же он не уничтожил брань? Почему она поднимает голову и против сынов царствия Христова, и даже возставляет христиан против христиан? – Разумевающий да разумеет! Небо, конечно, не обмануло земли, возвещая ей мир вместе с пришествием Христовым. И Христос Господь, даровав Своему царству мир, конечно, не взял его обратно. *Мир Божий превосходяй всяк ум*, как облак света сверхчувственного, носится над землею, и готов осенить всякую душу, и все души, искренно желающия принять его, и действительно их осеняет, и исполняет и *соблюдает* (Фил. IV. 7), и никто не может похитить у них сего внутреннего мира. Он готов чрез них низпуститься и во внешний мир, осенить и внешнюю жизнь, исполнить собою и дома, и грады, и царства, и прогнать с лица земли всякую брань. Но беда в том, что слишком много людей, которые не приемлют Христа, и следственно и мира Его; и, что еще горестнее, есть люди, которые приближаются ко Христу устами, сердцем же своим и жизнью своею далече отстоят от Него, и следственно и от мира Его. И от того, к стыду христианства и человечества, есть люди, которые, именуясь христианами, идут содействовать изступленным и безчеловечным врагам имени Христова, в то самое время, когда их изступление особенно возбуждено против христианства и человечества.

Что убо речем к сим? – Да поощряем ревность нашу быть верными Христу жизнью и делами: и в следствие сего, духовная *победа*, уже *победившая мир*, *вера наша* (1 Иоан. V. 4), не приминет привести нам и видимую над врагами победу и победоносный мир.

Подобно как новому народу Божию, христианам, обещан и дарован от Бога и Христа мир, обещано было и древнему народу Божию, Израильтянам, спокойное обладание землею обетования, чрез изгнание из нея или истребление языческих враждебных народов. И также обетование исполнилось: но не вполне. После чудесных побед, одержанных Иисусом Навином над племенами хананейскими, после занятия народом израильским земли обетованной, казалось, уже нетрудно было совсем очистить ее от язычников. Но после того, как совершенно трудное, не довершено нетрудное. *Остави Господь*, повествует книга Судей, *языки сия, не истребити их вскоре, и не предаде их в руку Израилеву: – да искусит ими Израиля, да увестъ, аще послушают заповедей Господних* (Суд. II. 23. III. 4). Что это значит? Изъяснил сие опыт. Когда Израильтяне пребывали верны Богу и заповедям Его: тогда он даровал им победы над язычниками, и тем утверждал народ Свой в вере. Но когда Израильтяне поддавались прельщениям язычников, и подражали их суете, роскоши, порокам, наконец идолопоклонству; тогда сила Божия скрывалась от народа Божия; язычники усиливались; и народ Божий скорбями и страданиями побуждаем был, посредством покаяния и обращения к Богу, возвращать себе Его благодать и помощь, и с нею победу, мир и благоденствие.

Прошедшее есть добрый советник настоящему и будущему, если мы умеем хорошо понимать оное. Назидательным опытом древняго Израиля воспользуясь благовременно, и предусмотрительно, новый благодатный Израиль! Подвизайся непрерывно быть деятельно верным Богу и Его заповедям. Остерегайся, чтобы не разслаблять и не порабощать своего духа прелестями суеты, роскоши, неуправляемых разсудком чувственных наслаждений, обаятельных зрелищ, бесполезных и заразительных чтений, – наконец и прелестию мнимой любознательности, *мудрствующей паче, еже подобает мудрствовать* (Рим. XII. 3), легко превращающейся в предосудительное любопытство и опасную пытливость. Ибо такая занятая и забавы не только ниже достоинства христианскаго, но частью действительно проистекают из мутнаго источника языческих преданий, и проникнуты языческим духом. Если же в чем находим себя уклонившимися от бдительной осторожности в соблюдении спасительных заповедей: да не умедлим покаянием и лучшими прежних намерениями и делами возвратиться к оным, приискренне приблизиться к Богу, и *положить сердца наши в силу Его* (Пс. XLVII. 14). И да узрит Господь, яко *послушахом заповедей Его*: и таким образом, *о Боже сотворим силу, и Той уничтожит стужающую нам* (Пс. LIX. 14) враги видимые и невидимые. Аминь.

СССLXXIX.

290. Слово

в день Тезоименитства Благочестивейшаго Государя Императора

Николая Павловича, в Мариинской церкви Императорскаго

Вдовьяго Дома, при воспоминании совершившагося

пятидесятилетия сего благотворительнаго учреждения.

(Говорено декабря 6-го; напечатано в Твор. Св. Отц., в

Полиц. и Губерн. Вед. 1853 г. и в собр. 1861 г.)

<1853 год>

Затвори милостыню в клетех твоих
(Сир. XXIX. 15).

Полагаете ли вы возможным, чтобы вам где-либо, когда-либо случилось быть свидетелями спора достойнейшего из сынов с достойнейшею из матерей, и притом такого спора, для которого ненужно примирение, потому что обе стороны правы? – А мне кажется, что вы можете стать свидетелями сего здесь, ныне. За двадцать семь лет пред сим Царица-Мать сказала однажды навсегда, следственно сказала и на нынешний день: в сей день, в сем храме и доме, да будет особенный праздник в честь моего Державного Сына, в благодарность Богу, Который даровал Ему святое христианское имя, благословил дни Его, и хранит его благоденствие. Но недавно Державный Сын ея изрек слово также на нынешний день: в сей день, в сем храме и доме, да будет особенный праздник в честь и память моей Венценосной Матери, в благодарность Богу за то, что сие благотворительное учреждение, чадо Ея милосердия, благоденственно достигло полувекового возраста, с надеждою достигнуть и векового. Не прекрасный ли это спор сыновняго благоговения с материнскою любовью? Не правда ли, что он не требует примирения? Мы имеем два повеления: но оне не разделяют сердец наших, а соединяют и воспаляют их к исполнению того и другого. Благословен во веки, благословенный донныне, день Богохранимаго Самодержца нашего, и да благословятся, обильнее прошедших, Его грядущия лета! Благословенна память в Бозе почивающей Матери Его, по естеству и дару Провидения благословенной Матери Венценосных чад, по милосердию Матери сирых, вдовиц и разнообразно бедствующих.

Древний благочестивый мудрец учил: *затвори милостыню в клетех твоих*. Приснопамятная Мария затворила милостыню более, нежели в *клетех*, или в хранилищах обыкновенных. Царица поселила милостыню, можно сказать, во дворцах милосердия; преподала ей средства продолжать вековую жизнь и деятельность, давать непрерывно сирым воспитание, престарелым покой, вдовицам призрение, болящим врачевание и утешение, слепым, глухим, немым, хотя не даровать зрение, слух, язык, но, что в своем роде также довольно чудно, при недостатке внешних орудий образования, открыть внутреннее око души, показать ей свет истины, возбудить и очистить нравственное чувство, некоторым образом получеловека сделать человеком. Сие царство человеколюбия вместе с царством Всероссийским, наследовав Благочестивейший Самодержец наш, не только хранит оное, часто назирая собственным оком разные части онаго, но и возвышает, и распространяет, имея сотрудничавшими, во-первых, совенчанную Супругу Свою, а потом, и Благоверных чад Своих.

Обратимся с учением благочестиваго мудреца к самим себе. *Затвори*, говорит, *милостыню в клетех твоих; и та измет тя от всякаго озлобления*. Если несколько углубимся в сие многознаменательное изречение: то найдем в нем следующие рассуждения. Многие стараются наполнить свои *клет*и, или хранилища множеством хлеба, множеством одежд, множеством разных вещей, и особенно множеством денег: и, когда клетки их наполнены, и крепко затворены и заперты, они думают, что их благоденствие обезпечено. Это более мечта, нежели мысль и дело. Огонь, вода, воздух, тать, разбойник, неверный приставник, неправедный судия, слишком надеющаяся на богатство расточительность, и даже неумеренное усилие умножить богатство, могут коснуться полной сокровищницы так, что явится в полном действии слово пророческое: *уснуша сном своим, и ничтоже обретоша вси мужие богатства в руках своих* (Пс. LXXV. 6). Или же, если богатство и не поспешит скрыться из клетки надеющегося на оное; то раньше или позже придет день, в который оно, и находясь при нем, само скажет ему: *напрасно ты на меня надеялся; не пользуют имения в день ярости* (Прит. XI. 4). Итак, не слишком заботься о том, чтобы наполнить твои хранилища множеством сокровищ: это

не обеспечит тебя от лишений и не предохранит от бед. Предлагается тебе более прочное дело, более верное обеспечение: *затвори милостыню в клетех твоих; и та измет тя от всякаго озлобления*. Отдай нищим часть богатства, наполняющего клетки твои: и упразднившееся в них место займет милостыня, и будет стражем оставшагося богатства. Даже, если бы ты и все, затворенное в клетях твоих, роздал нищим; твои клетки были бы полны сокровищами милостыни, многоценными паче злата, некрадомыми, довольными обеспечить тебя от лишений и предохранить от бед.

Не скажут ли, что это еще более походит на мечту, нежели мысль и надежда обеспечить себя умножаемым и обладаемым богатством? И в каких клетях затворится милостыня, когда у расточившаго на нищих богатство не останется и клеток? Конечно, так могут думать и глумиться неверующие или маловерные: но истинно верующие должны усмотреть в загадочном изречении древняго мудреца истину, веками дознанную и непрестанно познаваемую. Вещество розданной милостыни, очевидно, не возвращается в вещественную клеть дателя; при нем остается невещественное стяжание, – содеянное нравственное дело: для сего стяжания невещественное должно быть и хранилище. Какое же? – Думаю, это Провидение Божие, воздающее каждому по делам, и вера в сие Провидение. Полное и совершенное воздаяние каждому по делам предоставлено великому всеобщему суду Божию в конце времен: но, чтобы человечество на долгом пути к сему суду не потеряло мысли о правосудии Божиим, Бог, как вообще нравственные дела каждого человека, так в особенности дела милосердия, приемля в хранилище Своего всеведения и Провидения, и в течении времен износит из своей сокровищницы соответственные делам воздаяния.

Товит рассказывает о себе: *милостыни многи творих братии моей и языку моему. Хлебы моя даях алчущим, и одеяния нагим, и аще коего от рода моего видех умерша, и извержена вне стены Ниневиш, погребях его*. Видите, он *затворил милостыню в клетки своей*, или иначе, положил ее в хранилище Провидения. Посмотрим, сохранится ли она, и сохранит ли его. Он продолжает: *разграблена быша вся имения моя, и не остана ми ничтоже* (Тов. I. 3. 17. 20). Сверх сего, дело его человеколюбия, погребение убитаго, было случаем к тому, что он лишился зрения. Что вы думаете? Не обманула ли его милостыня, подобно как изменило ему богатство? – Нет! Сокровищницу Провидения, скрывшую его добродетель и благоденствие, открыл Ангел; и Товит чудесно вновь получил зрение, богатство, благополучие семейственное, долгую мирную старость, и за все сие почитал себя обязанным милостыне. *Чада, веждте, что милостыня творит и правда избавляет* (XIV. 11), – были последние слова его.

Может быть, не без особенного значения сказано и то, чтобы милостыню затворять в *клетех*, а не в клетки. В самом деле, можно указать еще очень близкую *клеть*, в которую человек полагает дело милостыни, тогда как раздает вещество милостыни. Это невещественная, но крепчайшая всякаго крепкаго вещества клеть, это неразрушимое хранилище нравственных дел есть – совесть. Посмотри внутрь себя, человеколюбивая душа: при соделании дела милосердия, и потом при воспоминании онаго, не находишь ли ты в себе ощущения мира и утешения? Итак, видишь, что милостыня хранится во внутренней *клетки* твоей: и она будет храниться здесь до дня великаго суда, чтобы тогда *избавить тебя от всякаго озлобления* не временнаго, но вечнаго.

Тайновидец, возвещая нам блаженство и покой *умирающих о Господе*, дает сему причину: *дела бо их ходят в след с ними* (Апок. XIV. 13). Каким образом дела, сделанные и оконченные, могут идти в след с человеком, который их сделал, и даже далее смерти? – Думаю, это не иначе, как потому, что оне всегда остаются в его совести. В день последнего суда сие тайное хранилище откроется, или по другому выражению тайновидца, *разгнется*

книга жизни (Апок. XX. 12), писанная не письменами, но нравственными делами и помышлениями, и человек, хотя или не-хотя, прочитает в раскрывшейся совести своей дела и помышления своей прошедшей жизни, и таким образом, *суд примут человецы от написанных в книгах*, – в раскрытой совести своей найдут себе суд вечного покоя и блаженства, или суд вечного отвержения и мучения.

Помысли, христианская душа: что *затворяешь ты в клетех твоих*? Чем наполняешь хранилище твоей совести? Наполняешь ли его чистыми помышлениями, святыми желаниями, делами благочестия, милосердия и всякой добродетели? Если же в хранилище совести твоей, вместо истинных сокровищ, внесено брение и изгребие грехов и пороков: подвизаешься ли, чтобы извергнуть оное покаянием и самоотвержением, дабы собрать и хранить, сколь можно, чистое сокровище духовное? – И не забудь, что если в твое внутреннее хранилище не положишь добраго во времени, то не найдешь в оном добраго в вечности. Аминь.

CCCLXXX.

291. Беседа

по обновлении храма Воскресения Христова,

при доме заключения должников.

(Говорена декабря 22; напечатана в Моск. и Губерн. Вед. 1853 г.,

в Твор. Св. От. 1854 г. и в собр. 1861 г.)

<1853 год>

*Яко скры мя в селении Своем в день
зол моих* (Псал. XXVI. 5).

Царь и Пророк Давид многократно явил делом и словом необыкновенную любовь ко храму Божию.

Устраивая Иерусалим в качестве столицы новаго царства, он построил в ней, вместо обетшавшей скинии Моисеевой, новую скинию; и с великим торжеством перенес в нее кивот завета Божия.

Он сильно желал создать Богу новый, более скинии завета твердый и великолепный храм; и только особенным повелением Божиим удержан был от сего предприятия, которое судьбою Божиею предоставлено было сыну его Соломону.

И когда, вместе с сим определением Божиим о храме, Пророк Нафан возвестил Давиду высокое потомственное благословение Божие: первым движением радости его было то, чтобы внити в дом Божий, и принести благодарственную молитву.

И в противоположных сему обстоятельствах, когда он в посте и уничижении страдал скорбию покаяния о грехе, и печалию о болезни сына, как-скоро узнал о смерти его, тотчас *измени ризы своя, и вниде в дом Божий* (2 Цар. XII. 20), чтобы принести Божию суду жертву покорности в молитве, уже непечальной.

Вот одно из многих изречений, в которых он открывал свою любовь ко храму Божию и непрестанное к нему влечение сердца: *едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм святыи Его* (Псал. XXVI. 4).

И вот одна из причин, которыми Давид объяснял и оправдывал свою любовь и непрестанное влечение ко храму Божию: *яко скры мя в селении Своем в день зол моих*. Потому, говорит, желал бы я все дни моей жизни проводить в доме Божием, что в самый бедственный день моей жизни Господь скрыл меня в селении Своем от угрожавших мне бед, во храме Своем даровал мне безопасность.

Да слышат сие люди, которых конечно не день благополучия, но *день зол* заключил в стенах сего дома. Пророк собственным опытом удостоверяет, что от дня зол можно скрыться, найти безопасное убежище в храме Божием. И такое убежище благочестивым и человеколюбивым попечением о бедствующим, видите, как близко для них уготовано, и как благоуукрашено. Видно, что не только думали приготовить и открыть святое прибежище для страждущих, но и старались видимою *красотою Господнею* привлекать сердца их к невидимой благодати Господней. Перенимайте же у достойного Давида его любовь ко храму Божию. Преследуемые днями зол, прибегайте сюда искать дней утешения, благодати и мира. Чем усерднее будете прибегать сюда: тем вернее найдете утешение, благодать и мир.

Может быть, спросят: когда, и как это было, что Давида, в день зол его, Бог скрыл в Своем селении? – Кажется, слову Пророка о том, что он знает по собственному опыту, можно поверить и без исследования, которое и не всегда возможно, потому что нередко весьма важныя в жизни человека события бывают сокровенныя, недоступныя дознанию, неведомыя истории. Но, дабы и *косных сердцем еже веровати* по возможности подвигнуть к вере в благодать храма, возвещаемую Давидом, поищем соответствующаго словам его события в его жизнеописании, в книге Царств. После дней славы, когда победы над врагами сделали его любимцем народа, и зятем Саула, зависть сей славе привела дни зол. Давид узнал, что дом его стерегут, чтобы убить его: и принужден был скрыться чрез окно. Сперва он вверил себя защите Божией в лице и в обители Пророка Самуила: и был защищен. Ибо когда посланные от Саула, а потом и сам он, приблизились, чтобы взять Давида: Дух Божий наводил на них изступление, в котором они делали и говорили не то, что предназначали. Но потом Давид нашел нужным скрыться и отсюда. Тогда-то, в *день зол* многих, когда он был без дома, без пищи, без оружия, в опасности жизни, в необходимости скрывать от гонителя самый след свой, он прибегнул к помощи дома Божия; и получил помощь необыкновенную. Первосвященник Авимелех спросил о нем Бога, и конечно подкрепил его надеждою сохранения от опасности, не поколебался нарушить для него Закон, дав ему пять хлебов, которые по Закону могли вкушать только священники; наконец, хотя назначение храма совсем не то, чтобы готовить для кого-нибудь оружие, однако нашлось в нем для Давида и оружие, меч Голиафа. Опасность постигала Давида и здесь: но невидимый щит Божий ограждал его от нея. Здесь был в сие время неблагонамеренный Доик, и видел Давида: но Доику не пришло на мысль донести о сем Саулу тотчас; а когда он донес, тогда след Давида уже скрылся.

Без сомнения, это не единственный в жизни Давида опыт помощи Божией, явленной посредством храма Божия; но один сей опыт не достаточен ли для того, чтобы понять и оправдать его мысль и чувство: паче всего прошу я у Господа, чтобы мне жить в дому Господнем; ибо Он скрыл меня, и уповаю, и впредь скроет в селении Своем в день зол моих.

Видя в житиях Святых чудныя над ними благотворныя действия особеннаго провидения Божия, и веря истине повествований о них, многие однако смотрят на оныя, как на некия необычайныя движения, происходящия в особом мире, к которому мы будто не принадлежим. Говорят: то было со Святыми; можно ли нам ожидать подобнаго? Можно ли ожидать, что и меня скроет Бог в селении Своем от моих преследователей, от моих лишений, от моих скорбей и печалей? И возможно это тебе, и невозможно, смотря потому, как тебе угодно будет. Возможно, если ты веришь, что Бог не только *праведных любит*, но и *грешных милует*, и если, по сей вере, стараешься достигнуть сперва помилования от Бога, а потом и любви Его. Невозможно, если ты веру во всеблагое и чудное провидение Божие, которую чувствуешь в себе, когда смотришь на Святых, сам в себе угадываешь, когда обращаешь взор на себя. Все возможно Богу: тебе ничего не возможно без Бога; но и тебе *вся возможна верующему* (Мар. IX. 23). Прилепись верою ко всевозможности Божией: и победишь твою невозможность; и не преставай сознать себя грешником, примешь с праведниками участие в дарах особеннаго Божия промысления и благодати. С верою праведный Симеон пришел во храм, и обрел высочайшее благо, принял в объятия Христа. С верою грешный мытарь пришел во храм, и обрел избавление от зол душевных, которыя хуже всех зол внешних.

Впрочем, притекая с верою во храм Божий, не слишком усиленно ищите скорого прекращения всех внешних зол. Сего не даровано и праведному Давиду: и для многих не было бы сие полезно. По намерению провидения Божия и внешнее благополучие должно вести нас к Богу путем благодарности; но на сем приятном пути многие дремлют и забывают, куда должно идти; и напротив, внешния бедствия и гонения должны гнать нас к Богу путем познания своих немощей и недостатков, путем смирения, дабы наконец человек мог по опыту исповедать: *благо мне, яко смирил мя еси* (Пс. CXVIII. 71).

Да ищет грешник во храме скрыться от преследующей совести, в тайне покаяния.

Скорбящий да входит в храм, чтобы превратить скорбь в молитву; и он может достигнуть того, чтобы сказать с Пророком: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. XCIII. 19).

Каждый да приносит в храм, как жертву, и да предает Богу свою волю. Чем более предадим: тем более примем. Предадим себя Богу верою всецело, как бы во всесожжение в огне любви Божией; и верно примем вснаследие новой жизни и блаженства вечнаго. Аминь.

1854 год.

CCCLXXXI.

292. Слово

на память Святителя Алексия.

(Говорено в Чудове монаст. февр. 12;

напечатано в Твор. Св. Отц. 1854 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

*Повинуйтесь наставником вашим и
покарайтесь:
тии бо бдят о душах ваших* (Евр. XIII. 17).

Сими словами Апостола огласила нас Церковь ныне, когда мы благоговейным чувством и молитвами увенчаваем память богомудраго и благодати исполненного наставника нашего, Святителя Алексия. Кажется, это для того, чтобы в венец наших ему похвал неприметно вплести благоуханный цвет Апостольского слова, заключающего в себе ту общую похвалу истинных наставников благочестия, что они *бдят о душах*, им вверенных. Поистине, Святитель Алексий не только в земном житии своем был наставником неусыпно *бдящим о душах* духовныя паствы московския и всероссийския, но и по блаженном успении своем не престаёт бодрствовать над душами нашими, силою своих молитв вознося наши немощныя молитвы к пренебесному престолу благодати, и подавая благодатную помощь притекающим к нему с верою и любовью.

Но указуя в слове Апостольском на бдительность наставников, как на действительное их свойство и отличие, Церковь тем же словом напоминает и наставникам их обязанность бодрствовать о душах, и всему народу верующих обязанность повиноваться наставникам. *Повинуйтесь наставником вашим и покарайтесь.*

Благодарение матери Церкви за сие напоминание. Наставники достойные, по смирению, не хотели бы настоятельно требовать себе повиновения: нам, чувствующим свое недостаточество и недостойнство, сие чувство могло бы заградить уста. Но вот напоминатели долга, которые имеют сколь совершенное полномочие напоминать, столь же полное право требовать деятельнаго внимания к их напоминанию, святыи Павел и святая Церковь, при каждой памяти святых наставников, призывают к вам: *повинуйтесь наставником вашим и покарайтесь.*

Нужны ли доказательства и убеждения, чтобы сия заповедь принята была, как необходимая к исполнению? Не довольно ли того, что ее написал Апостол Павел, в одном из Посланий, в которых он, вместе с спасительными истинами веры, излагал спасительныя правила жизни и законы церковнаго благоустройства?

Никакое общество не может быть благоустроено, и даже существовать не может, без начальников или наставников. А начальники и наставники не могут благоустроить общества без повиновения подчиненных и наставляемых.

По слову Христову (Иоан. XVII. 3), живот вечный, или вечное блаженство заключается в том, чтобы знать единого истиннаго Бога, и посланнаго Им Иисуса Христа. По слову Апостольскому *веровати подобает приходящему к Богу* (Евр. XI. 6). Но Бог непостижим; и Христос есть *тайна сокровенная от веков и родов в Боге, ныне же явленная святым Его* (Кол. I. 26), не в мерцании разума естественнаго, но в свете откровения благодатнаго. Отсюда необходимо происходит вопрос Апостола: *како уверуют, егоже не услышаша? како же услышат без проповедующаго* (Рим. X. 14)? – Надобен проповедник истины Божией, наставник в вере, строитель таин благодатных.

Вера, чтобы ей быть спасительною, требует жизни по вере. *Ибо вера без дел мертва есть* (Иак. II. 26); и следственно, неспособна довести человека до жизни вечной. Чтобы жить по вере, и творить добрыя дела, для сего надобно знать заповеди Божии, соображать разумение и исполнение их с духом веры, верно применять оныя к разнообразным обстоятельствам жизни. Только невнимательный к себе или самонадеянный может

сказать, что для сего ему довольно самого себя, и что он не имеет нужды в наставнике или советнике.

Слово Божие сказует, и опыт показывает, что человек рождается зараженный прародительским грехом. Святое крещение возрождает его в новую жизнь, но не уничтожает тотчас жизни ветхаго человека; ибо вседействующая благодать Божия дает место действию веры и подвигу человека, дабы милость была не без правды, и дабы мы добровольно приняли спасение. Таким образом и возрожденный не устыдился признаться, что *еще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем* (1 Иоан. I. 8), обманываем сами себя. Посему, мы непрестанно должны быть, то в подвиге против греха уже в нас более или менее живущаго и действующаго, то на страже против греха, готоваго нас искусить, прельстить, поработить и умертвить. Как укрепиться в сем подвиге? Как не воздремать на сей страже? Как победить привычку ко греху? Как устоять против прелести греха? Как возбудить в себе ненависть ко греху? Как обличить и отразить грех, когда он приближается под благовидною личиною невинных забав и принятых обычаев? Как очистить сердце от греховных желаний, ум от греховных помышлений? Как отложить ветхаго человека и облещися в новаго? Как охранить самыя добродетели, чтобы их не оскверняло тайное примешение греха? Решится ли кто сказать, что это все очень просто, и что для сего не нужно искать наставника, *имущаго чувства обучена долгим учением в разсуждение добра же и зла* (Евр. V. 14).

Но прилежно ли мы ищем духовных наставников? Охотно ли следуем их советам? В высоких и глубоких предметах верования не довольствуются ли многие собственным только мудрованием, или немногими поверхностными понятиями, в детстве приобретенными? Не остаются ли безпечно в неведении о Боге и о Христе? В образе жизни не следуют ли, вместо закона Божия и заповедей Христовых, обычаям и примерам, не лучшим, а только более бросающимся в глаза? Духовное бдение над своими делами и помышлениями, умерщвление плоти, подвиги внутреннего самоисправления не почитают ли преувеличением набожности? Не живут ли в нравственном расслаблении, с мечтою о своем достоинстве и о праве на вечную награду только за то, что не сделали явно безчестных и законопреступных дел?

Слышащие сие, может быть, думают, и готовы сказать: дайте нам таких наставников, как святой Павел, как святой Алексей; мы желали бы повиноваться и покаряться таким наставникам.

Приемлю обличение, и обращаюсь к себе и другим, на которых, по судьбам Божиим, пал жребий бодрствовать о душах. Поистине, братия и сослужители, со страхом и крайнею заботою должны мы помышлять, таковы ли мы, каких требует наше служение. Не говорю, облечены ли вы особенными знаменами благодати, как святой Павел, как святой Алексей? Особенные, чрезвычайные дары благодати Дух Святой раздает, якоже хочет, и они не были никогда предметом общаго требования. Но – довольно ли мы стараемся снискать духовное просвещение для себя, чтобы основательно и удостоверительно наставлять других? Так ли благоустроаем нашу жизнь, чтобы она могла поучать без слова, паче слова? Бодрствуем ли о душах? Как будем наставлять других, если не ревнуем о наставлении самих себя? Как будем руководить к духовной жизни других, если наша жизнь опутана мирскою суетою? Как возбудим других к прилежной и непрестанной молитве, если у нас в совершении церковной молитвы могут они примечать недовольно благоговейнаго внимания и точности в исполнении отцепреданнаго чина? Словесныя овцы, – не как безсловесныя, – могут сами различить безопасную пажить от опасной дебри; и потому, сами будут виновны, если сделаются добычею волка: но не будет ли виновен пастырь, который дремлет тогда, как разсыпавшихся овец надлежало бы

останавливать и собирать? Да внимаем себе и служению нашему, дабы грозное слово Господне, изреченное на пастырей израилевых, не возгремело и на нас: *пасоша пастырие самих себе, а овец Моих не пасоша. Се Аз на пастыри* (Иезек. XXXIV. 8. 10).

Возвратим слово к наставляемым, недовольно расположенным к принятию наставления. Вы думаете, что вы совершенно повиновались бы наставникам, если бы имели наставников превосходных. Сомнительно. Когда сам Иисус Христос избрал и посылал Апостолов Своих проповедывать царствие небесное; Сам дал им наставления, как должны они наставлять других; даровал им силу исцелять больных, воскрешать мертвых, изгонять бесов: не превосходные ли это были наставники? При всем том, в наставлениях им Господь сказал: *иже аще не примет вас, ниже послушает словес ваших, исходяще из дому, или из града того, отрясите прах от ног ваших* (Матф. X. 14). То есть, Он предвидел, что найдутся дома и целые города, которые не захотят слушать сих превосходных наставников. Смиранный и искренно желающий спасения со вниманием слушает и посредственного наставника, и успевает в добре; а кто, по самонадеянности или разсеянности пренебрегает обыкновенного наставника, тот едва ли воспользуется превосходным. Желайте искренно душеспасительного наставления; расположитесь принимать оное с верою: силен и верен Бог, желающий всем спастися, и чрез недостойного наставника преподавать вам совершенное наставление, и мнящихся быть мудрыми чрез не мудрого вразумить, подобно как некогда *подъяремник безгласен, человеческим гласом провещаши, возбрани пророка безумие* (2 Петр. II. 16).

Некоторые, стараясь не столько исправить, как оправдать свою жизнь, небрежную, несообразную с учением Христовым, думают найти себе оправдание в том, что иные наставники не так хорошо живут, как учат. Нет, самопоставленные судии своих наставников, вы не найдете своего оправдания в нашем осуждении. Мы будем осуждены, если живем недостойно преподаваемого нами учения: но и вы также будете осуждены, и за то, что осуждаете ближнего вопреки запрещению самого Иисуса Христа, и за то, что не последуете святому учению, которое не перестает быть святым от того, что проходит чрез грешные уста. Истинный Судия мира, Христос Спаситель строго осуждал жизнь и дела фарисеев: но повелевал уважать и исполнять преподаваемое ими учение закона Божия: *вся елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите: по делом же их не творите, глаголют бо и не творят* (Матф. XXIII. 3).

Если, братия, вы расположены в сии минуты внять некоему особенному наставлению: будьте внимательны, не к тому, что придумали бы мы для вас, но к тому, что говорит нам настоящее время. На дальнем небе собралась туча; и уже слышан был гром. Слава Господу сил! Гром победы неоднократно поразил врагов наших. Но для приобретения победы пролита и родная нам кровь. Братия наши стоят с оружием против врага, в ежечасном ожидании возобновления брани. Отец отечества бодрствует в сугубом подвиге: попечения о сохранении мира, и попечения о предусмотрительном приготовлении к брани. Благовременно ли теперь, — если только благовременно когда-нибудь, — детям отечества, чадам Церкви, детски, неудержимо предаваться суете, чувственным удовольствиям, обаянию зрелищ, оскорбительных то для благочестиваго, то для нравственного чувства? Не время ли мыслить основательнее, поступать степеннее? Не надобно ли теперь особенно отвращать очи наши от суеты, возводить очи наши к Живущему на небесах, и искать животворящих взоров Его благоволения и милости? — Попросите на сие ответа у вашего разсудка, у вашей совести, у вашего благочестиваго чувства и последуйте, уже не совету посторонняго наставника, но совету вашего разсудка, вашей совести, вашего благочестиваго чувства. Аминь.

293. Слово

по освящении храма Святыя равноапостольныя

Марии Магдалины при коммерческом училище.

(Говорено 21 марта; напечатано в

Твор. Св. От., и Губерн. Ведом. 1854 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

*Отцы не раздражайте чад своих, но
воспитовайте
их в наказании и учении Господни* (Еф. VI. 4).

Не то ли и делается здесь, что заповедал святой Апостол Павел в произнесенном теперь изречении?

Сей дом устроен для того, чтобы в нем собирать детей одного из общественных сословий, чтобы образовывать их чрез учение, соответствующее требованиям их звания, чтобы попечения родительския частию дополнять, частию заменять попечениями наставников и детоводителей. А что при сем есть и то намерение, чтобы *воспитовать* сии чада *в наказании и учении Господни*, о том свидетельствовать может созданный при доме учения храм Господень.

Что же мне после сего сказать? Похвалить и умолкнуть? – Не думаю, чтобы сим исполнена была моя обязанность.

Доброе намерение есть доброе основание доброго дела. Но когда положено хорошее основание: тогда еще не все построено. За добрым намерением должна следовать забота о верном исполнении онаго. Забота должна побуждать к размышлению.

В наше время важность воспитания для всей последующей жизни понята и признана более, нежели в иныя времена. Число училищ, как орудий воспитания, и число учащихся, при покровительстве просвещеннаго правительства, при соревновании частных людей, со дня на день возростает. Для соединеннаго множества воспитываемых соединяются многие наставники: а нередко и к одному воспитываемому призываются многие наставники. Благочестивейший Самодержец прозорливо обращает особенное внимание на воспитание нравственное, и, как на основание сего, на воспитание благочестивое. Но все ли довольно верно следуют сему направлению? Воспитание ученое, воспитание деловое, воспитание изящное, не слишком ли сильно привлекают к себе заботы некоторых воспитателей и воспитываемых, видами наружных преимуществ, выгод, славы, удовольствия? – По сему не излишне, думаю, напоминать родителям и воспитателям детей Апостольское наставление: *воспитовайте в наказании и учении Господни*. То-есть: словом и делом руководствуйте детей к жизни благочестивой и честной по учению Христову.

Отдадим долг уважения знанию и учености. Скажем, если угодно, что люди, обладающие глубокими познаниями о предметах природы, человечества и общества человеческого, суть очи народа. Однако, как не всякому члену тела надобно быть оком: так не всякому

члену общества надобно быть ученым. Но усиленные укоры невежеству и похвалы неопределительно понятому просвещению посеяли в некоторых людях односторонняя мысль, что воспитание, достойное своего имени, есть только ученое, что воспитывать значит преподавать науки, что воспитанным надобно почитать того, кто прошел несколько поприщ уроков. Это значит воспитывать более голову, нежели сердце и всего человека. Щастлив воспитываемый, если наставник в учении веры успеет глубже посеять в нем семя духовного учения, нежели другие наставники семена мирских учений, и если духовное семя будет питаемо домашними и церковными упражнениями благочестия, под влиянием доброго руководства и примера. Учение Божественное очистит, утвердит и освятит учения человеческия, и сделает их употребительными на пользу частную и общественную: потому что *благочестие*, как говорит Апостол, *на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго и грядущаго* (1 Тим. IV. 8). Но если благочестие, хотя и говорят о нем постановления, в самой душе воспитываемаго не положится в основание мирских учений: то оне не будут истинно основательны: учения неосновательныя не благоустроят жизни, а между-тем, обыкновенно надмевают; надменный мнимым знанием и образованностию всего чаще ставит себя выше своего состояния. Так, происходят люди, которые не мирятся с бедностию, не уживаются с посредственностию, не сохраняют умеренности в изобилии; алчут возвышения, блеска, наслаждений; разочаровываются пресыщением так-же как ненахождением пищи своим страстям; всегда недовольны; любят перемены, а не постоянство, и, преследуя мечты, разстроивают действительность настоящую и будущую.

Ученые сами признали, что воспитание ученое не всегда уместно и с пользою прилагается, особенно к состояниям, средним и низшим в обществе, когда отличили от онаго и старались отдельно устроить для сих состояний воспитание деловое, то-есть, приспособленное к делам сих состояний, к земледелию, к ремеслам, к художествам, к промышленности и торговле. Мысль дельная при дельном исполнении. Впрочем, не мое дело разсуждать о сем. Мой долг напомнать, – напомнать, говорю, потому что, думаю, ненужно доказывать, – что воспитание деловое, только при помощи воспитания благочестиваго и нравственнаго, может образовать земледельца, ремесленника, промышленника, торговца, трудолюбивых, честных, способных устроить свое благосостояние, и быть исправными членами общества.

Что сказать о изящном воспитании, – о образовании детей приятными искусстваами? – По щастию, могу теперь нечто сказать в пользу сей отрасли воспитания по близкому опыту. Здесь мы слышали воспитываемых детей участвующих в церковном пении. Вот приложение приятнаго искусстваа к воспитанию, достойное похвалы и поощрения. Упражнение в пении церковном, и близких к оному песнопениях духовнаго и нравственнаго содержания, путем удовольствия ведет к пользе; оно умягчает сердце, но не изнеживает, как иные роды пения, возбуждает и питает возвышенныя чувствования, а не страсти; занимая невинную душу, не только не уменьшает ея невинности, но и освящает оную. Не скроем желания, – не останавливаясь на том, сбыточно ли оно, – чтобы сие чистое увеселение из воспитания чрез привычку перешло в жизнь, и чтобы христиане, как и бывало некогда, не только в церкви, но и в доме, по наставлению Апостола, *глаголали к себе во псалмах и пениих и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах Господеву* (Ефес. V. 19).

Не того хочет обычай века. Он употребляет приятныя искусстваа в воспитании так, что оне, – изыяснимся, как можно, скромно, – являются цветами, которые не приносят плодов, и с которыми соединено терние, приятно уязвляющее. По сему предмету чувство благочестивое, чистое нравственное чувство и опытное благоразумие тщательно должны быть призываемыми на совет о том, в каком виде и в какой мере допустить приятное,

чтобы под прикрытием его не прокралось вредное, — изнеженность, рассеянность, пристрастие к чувственным удовольствиям.

Мир представляет себе забавы почти такую же потребностью жизни, как труд, пища и покой. Он думает жить, играя. Нет, братия, жизнь не игра, но дело важное. Земная жизнь дана человеку для того, чтобы из нея, рукою свободной воли, силою Божией благодати, выработать вечное блаженство. Кто понял сие дело, и занялся им, как должно: тот едва ли найдет много времени для игр и забав.

И посему прозорливо и благопопечительно заповедует Апостол учить и учиться сему делу, как можно ранее, от юности, от детства. *Воспитовайте в наказании и учении Господни.*

Родители и дети, воспитатели, и воспитываемые! Помышляйте и не забывайте, что учения человеческия готовят к жизни временной, но и ея не могут сделать щастливою без помощи учения Господня: а учение Господне готовится к вечной блаженной жизни, которой и да сподобит Бог всех нас, кратким или долгим, но правым и верным путем достигнуть. Аминь.

CCCLXXXIII.

294. Беседа

в день Вознесения Господня, и обретения мощей Святителя Алексия.

(Говорена в Чудове мон. мая 20;

напечатана в Твор. Св. От. 1854 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

Никто из живущих в теле не видал воскресения Христова в то тайное мгновение ночи или глубокого утра, когда оное совершилось. Так было, может быть, по самому свойству сего действия, в котором и видимое Христово тело, преобразуясь в духовное и прославленное, выступало за пределы мира видимаго. Но притом, так устроено было, вероятно, и потому, что еще не созрела вера для сего высокаго созерцания: ибо явление небесное и Божественное для приготовленнаго к нему верою, чистотою, боголюбием, смирением есть свет просвещающий и животворящий, а для неприготовленнаго и неочищеннаго есть молния поражающая. Так устроено было, вероятно, и для того, чтобы дать место возвышенному подвигу веры и высшему за него воздаянию, по суду Христову: *блажени не видевшии и веровавшии* (Иоан. XX. 29).

Напротив того, вознесение Господне многие собственными очами видели, когда оно совершалось. Так было, конечно, потому, что теперь уже созрела вера многих для сего Божественнаго созерцания. Так было конечно и для того, чтобы и немощным в вере, каким в день воскресения Христова виден был Фома, дать подкрепление очевидным удостоверением.

Святой Евангелист Лука свидетельствует, что Господа воскресшаго, – кажется, и возносящагося, – видели не одни одиннадцать Апостолов, но и другие, *иже бяху с ними* (Лук. XXIV. 33. 50).

Если сам Господь благоизволил, чтобы так доступно было Его божественное зрелище: подвигнем и мы нашу мысль в след очевидцам онаго, дабы, по возможности, ближе и яснее видеть то, на что небеса смотрели с таким же удивлением, как и земля. Путем да будет нам Евангельское повествование, и путеводителем святой Евангелист Лука.

Он пишет: *извед их вон до Вифании*. То-есть, в сорок четвертый из дней, в продолжение которых воскресший Господь являлся Апостолам, *и глагола яже о царствии Божии*, Он явился им в Иерусалиме; потом, предшествуя им, вел их по улицам города, и вышел из него вратами, чрез которые лежал путь к горе Елеонской.

Что же Иерусалим? Видел ли он в сие время Распятого Воскресшаго, и в ожесточении своем не верил глазам своим? Или видел Его, но, за неверие, не удостоен был узнать Его, как некогда и с верующими, но колеблемыми сомнением, навремя случилось на пути в Эммаус? Или, в ослеплении неверия, совсем не видал Того, Котораго верующие в то же время видели, слышали и осязали? Так или иначе, во всяком случае какое страшное ослепление! Какая жалкая участь! Христос является среди христоубийственного города еще не как Судия, но как Спаситель; Он готов внять покаянию и помиловать: но самоосужденный город *не понимает времени посещения своего* (Лук. XIX. 44), и Спаситель проходит по его стогнам, и выходит из его врат только для того, чтобы очевидно исполнить Свое предварительное слово: *се оставляется вам дом ваш пуст* (Матф. XXIII. 38).

Братия! Да страшимся неверия. Берегитесь невнимательности к благодатным Божиим посещениям, которая может наконец обратиться в бедственное ослепление. Может быть, скажут: к чему сии подозрения и опасения? Разве мы иудеи? К какому благодатному посещению были мы невнимательны? – Правда, мы не ветхозаконные иудеи; по благодати Божией, мы новый израиль. Но мы знаем, что древний израиль, по вере и благодати избранный, за неверие после веры, за грехи после Закона, то более частные, то более общественные, неоднократно был исправительно наказан, и наконец, как непринявший исправления, отвержен: кто сказал нам, что новому израилю не может угрожать ничто подобное? Благодатныя же посещения не так редки, как некоторым кажется. Когда вы слышите в церкви чтение Евангелия: тогда не проходит ли Христос спаситель пред вами? не беседует ли с вами? не чудодействует ли пред вами? И если после сего некоторые выходят из церкви так, как бы ничего такого не видали и не слышали; продолжают жить по своим страстям и чувственным желаниям, как будто Христос, и Его учение, и Его пример принадлежат к иному миру, а не к тому, в котором они живут: то такие люди не походят ли на оных иерусалимлян, мимо которых прошел Христос, непостигнутый их вниманием и верою, и *оставил им дом их пуст*? И кто знает, долго ли еще Он, по милосердию Своему, восхощет сих невнимательных и непослушных благодати Его детей новаго Иерусалима, *собирать, якоже кокош собирает птенцы своя под криле* (Матф. XXIII. 37), и удержится ли от суднаго слова: *се оставляется вам дом ваш пуст*.

Возвратимся к Евангелисту, и последуем за ним далее. *Извед же их вон до Вифании, и воздвиг руце Свои и благослови их*.

Воскресший Господь являлся ученикам Своим не только в Иерусалиме, но и на пути в Эммаус, и в Галилее на горе, и на берегу озера Тивериадскаго: почему же наконец Он явился им не прямо на месте, которое избрал для Своего вознесения, но в Иерусалиме и

вывел их из него вон? Нет сомнения, что как всякое действие Божественной мудрости Его, так и сие исполнено глубокого знаменования. Это значит, что благодать отступает от ветхаго Иерусалима, который обетованного ему Христа, *во Своя пришедшаго, не принял* (Иоан. I. 11), излившую для спасения мира кровь Его сам на себя принял к своему осуждению, своим неверием и христубийством сам себе приготовил оставление и разрушение. И как Пришедший не погубить души человеков, но спасти из среды погибающих, начал уже избирать Себе спасаемых, взял из ветхаго града лучшие камни, и художеством небеснаго архитектонства – словом истины и спасения, очистил и приготовил их для новаго здания: то, дабы показать, что Он не ветхому, отжившему служит, не к ветхой ризе новый плат приставляет, не в ветхие мехи вино новое вливает, а устрояет новую ризу спасения, новые сосуды благодати, новый живой град небеснаго царствия на земли, Он несет избранные Им живые камни из ветхаго града на свободное, чистое, высокое место, дабы здесь благословить новосозидаемую Церковь Свою, подобно как некогда благословил Свое новое райское творение. *Извед их вон до Вифании, и воздвиг руце Свои, и благослови их.* Воздвиг руце на небо, и простер их на благословляемых, в знамение, что преподает благословение небесное и пренебесное, и так обширное, как далеко досягают Его руце, в которых *все концы земли* (Псал. XCIV. 4). Какими словами благословил? – Сего не написал святой Лука: но веруем, что то был поток Божественной благодати, жизни и силы, который не только исполнил предстоявшие сосуды, но простерся и простирается и на всю Церковь Христову до последнего истиннаго христианина пред вторым пришествием Христовым. Более, нежели вероятно, что к сему благословлению принадлежат преданные святым Матфеем слова Христовы: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Матф. XXVIII. 20).

И бысть, егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо. Приметьте, что Евангелист не говорит: *егда благослови*, когда окончил благословение: но *егда благословляше*, когда еще продолжал благословлять. Какой чудный образ действия! Господь благословляет, и еще не оканчивает благословения, а продолжает благословлять, и между-тем возносится на небо. Что это значит? То, что Он не хочет прекратить Своего благословения; но продолжает без конца благословлять Свою Церковь и всех верующих в Него. Помыслим, братия, что, аще веруем, и ныне, и над нами простерты руце Его, и взор Его, и благословение Его. Какая радость для любящих его! Какой стыд и страх для тех, которые в суете мирской забывают Его!

Предел, от котораго начинается вознесение Господа, есть гора Елеонская. Почему она избрана для сего, а не иное место? – Можно думать, потому, что и прежде она была у Него избранным местом, которое освятил Он многократным Своим пребыванием и молением, особенно же потому, что здесь начались Его спасительныя для нас страдания, равною смерти скорбию душевною, и многотрудною молитвою, простертою до произлиния кроваваго пота. Обратив место начавшихся страданий в место совершившагося прославления, Он чрез сие ознаменовал то, что Его страдания и прославление составляют один стройный состав спасительнаго для нас домостроительства Божия, одну златую цепь, выработанную в горниле премудрости Божией, для возвращения на небо падшаго из рая человечества.

Христианин! Если судьба приведет и тебя, в нощи темных и смутных обстоятельств, на место скорби и туги: старайся усмотреть здесь некий след пути Христова. Если Он, безвинный, за наши вины, соизволил перенести скорбь и тугу смертную: ты ли не покоришься понести без сравнения меньшую скорбь, без сомнения, за некия вины твои пред Богом, хотя, может быть, и безвинно пред человеками? Последуя, хотя издавеча, Христу, молись молитвою крепкою и в волю Божию преданною; и надейся, что не в дали от твоей скорби явится твое спасение, если только удержишься на пути Христовом, – на

пути непорочности и преданного Богу терпения. *Претерпевый до конца той спасен будет* (Марк. XIII. 13).

А где предел, до которого простирается вознесение Господа? Если возможен для слова человеческого некоторый на сие ответ: то его можно найти в сем изречении Апостола: *сшедый Той есть и возшедый превыше всех небес, да исполнит всяческая* (Ефес. IV. 10). Присоединим к сему слово Евангелиста, что вознесшийся Господь *сede одесную Бога* (Мар. XVI. 19); при чем слышащий не должен представлять в уме ничего телесного и чувственного. Ты слышишь иногда, что человек говорит о другом человеке: он моя правая рука, и не думаешь, чтобы человек сделался рукою, а разумеешь сие так, что он близок к другому, подобно как его собственная рука, и по воле его превосходно действует, подобно как правая рука превосходно действует в сравнении с левою. Кольми паче не должен ты прилагать телесных понятий к Бездельному, и ограничивать местом Невместимаго и Вездесущаго. Слыша, что Христос *седит одесную Бога Отца*, помышляй, что он имеет единую со Отцем вседержительную власть, единую с Ним славу, единое царственное промышление о всем мире, и особенно о Церкви спасаемых. Вообще, не устремляй дерзновенно полета испытующей мысли в сию безмерную высоту: там *свет неприступный* (1 Тим. VI. 16). Если пред сотворенным светом видимаго солнца изнемогает твое око: как не изнеможет неочищенное от брения око ума твоего пред светом вечнаго Солнца духов, пред Которым и высшие из Ангелов закрывают лица? И Апостольские взоры недалеко могли следовать за возносившимся Господом: облак подъял Его, и скрыл от них. И как они в сие время *поклонилися Ему*: так и ты, после скромнаго взора веры на небо, пади, сын праха, смиренно в прах, и неизреченное величие почти безмолвным благоговением.

Неожиданным показаться может засвидетельствованное Евангелистом действие вознесения Господня на Апостолов: *возвратишся в Иерусалим с радостью великою*. Можно бы подумать, что они будут очень опечалены разлучением с своим Божественным Учителем и Спасителем: но они очень радуются. Почему это? Радуются потому, что теперь совершенна вера их, и отверзст ум их к разумению таин Христовых: они веруют и знают, что Христос, как воскресением Своим сокрушил двери ада, и открыл верующим исход из него, так вознесением Своим отверзает двери неба, и открывает верующим вход в него. Радуются потому, что совершенна их любовь: сладостно для них то, что возлюбленный Спаситель восходит на небо в блаженство и славу, хотя сами они остаются на земли для подвигов и страданий. Радуются потому, что совершенна их надежда; они чают и предчувствуют, что вознесшийся Господь, по обещанию Своему, вскоре пошлет им инаго утешителя, Святаго Духа; и что, наконец, по предвестии Ангельскому, *сей Иисус вознесыйся на небо, такожде приидет* (Деян. I. 11); и приидет для того, чтобы исполнить Свое другое обещание: *паки прииду и поиму вы к Себе* (Иоан. XIV. 3).

О блаженные прежде небеснаго блаженства! Но если, братия, вожделенно и нам подобное блаженство; да ведаем, что в нем не отказано и нам. Послушайте, что говорит Апостол Петр вообще о верующих во Христа и любящих Его: *Егоже не видевше любите, и на Негоже ныне не зряще, верующе же, радуется радостью неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. I. 8). Итак, храните живую веру во Христа, возгревайте в себе к Нему любовь, утверждайтесь в надежде на Него: и вы, по мере верности в сем подвиге, еще на земли будете *радоваться радостью неизглаголанною и прославленною*.

Наконец, не оставим без внимания, но примем к нашему наставлению и к подражанию то, каким образом Апостолы сохраняли и питали благодатное чувство, дарованное им в вознесении Господнем. Они *бяху выну в церкви, хваляще и благословяще Бога*. Наследники неба! Для чего так много скитаются по земле наши помыслы и желания? Да собираем их в

преддверие неба; *да будем выну в церкви*, неразлучным соединением с нею в вере, прилежным общением в ея молитвах и таинствах, деятельным послушанием ея уставам и учению жизни. Сей есть и нам путь к небу, и нет инаго.

Настави нас Господи на путь Твой, и да ходим выну во истине Твоей (Псал. LXXV. 11), предводящу нас молитвами своими безсмертному пастырю нашему Святителю Алексею. Аминь.

CCCLXXXIV.

295. Беседа

в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорена в Усп. соб. июня 25;

напечатана в Твор. Св. От. 1854 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

По наблюдению и учению царственного Мудреца, *время всякой вещи под небесем* (Еккл. III. 1).

В подобные нынешнему дни, при обозрении совершившагося года царской жизни Благочестивейшаго Самодержца нашего, нам представлялись по временам разные виды Царских подвигов и деяний, – то победы, приобретающий мир, то мир, приобретенный победами, то Царския попечения о возвышении благоустройства званий и состояний и правосудия в государстве, то подвиги Царской ревности о благе православной Церкви, то дела Царскаго человеколюбия во дни общественных бедствий, то спокойная твердость России во время смут и тревог Европы, то наконец сильная и безкорыстная помощь, поданная соседу и союзнику, для поддержания потрясеннаго престола его. Дай Бог, чтобы он так христиански был благодарен за сие благодеяние, как христиански оно ему оказано.

Чему время ныне? И ныне время благодарить Бога за победы на суше и на море: но сии победы еще не завоевывают нам мира, и даже некоторые из них безстыдными лжеумствованиями обращены в предлог к умножению нам врагов. Посему, ныне время особенно взирать на твердость Царя нашего в правде пред возрастающим числом врагов. Изъявив решимость оградить спокойствие православия на востоке, по возможности без нарушения мира, Он никому не объявил войны, хотя и вызывали к тому поступки не только открывающихся врагов, но и мнимых миротворцев. Но когда враги христианства объявили России войну: наш Царь принял ее с упованием на Бога. И когда две христианския державы, которых ничем не обидела Россия, и которые в посторонней для них распре признавали Россию правою, сверх ожидания, объявили ей войну: наш Царь не колебался принять и сию войну с упованием на Бога. Мысль о подвиге за правду он поставил выше мысли о возрастающем числе врагов.

Братия христиане! Братия Россияне! При единодушии народа с Царем, которое так очевидно во всех званиях и состояниях, от средоточия до пределов России, ныне особенно время всем нам укрепляться в духе, молитвою к Богу, благоугождением Богу, упованием

на Бога, как советует и учит многоборимый некогда, и многопобедный Царь израилев: *мужайтесь, и да крепится сердце ваше, вси уповающие на Господа* (Псал. XXX. 25).

Или некоторые думают, что мужество есть такая из добродетелей, которую надлежит отдать на долю военачальников и воинов? Не то думает Пророк. Он не говорит: мужайтесь все военачальники и воины; но говорит: *мужайтесь вси уповающие на Господа*. Упование на Господа есть обязанность и добродетель и воинствующих и невоинствующих: следственно, и мужество есть обязанность и добродетель не только воинствующих, но и невоинствующих.

Мужество воинствующаго – идти безтрепетно противу врага, – не терять присутствия духа при виде опасности, – не колебаться в исполнении повелений вождя и тогда, когда оне кажутся очень трудными к исполнению, – идти, когда нужно, и в малом числе против многих, с мыслию Маккавея, что *несть разствия пред Богом небесным спасти во многих или в малых* (1 Мак. III. 18), – взирать на смерть за веру, царя и отечество, как на венец жизни.

Мужество воинствующаго и невоинствующаго христианина – стоять твердо, по Апостолу, во всеоружии Божиим, в препоясании истины, в броне правды, со щитом веры, под шлемом упования спасения, с мечем духовным, иже есть глагол Божий, в обувении готовности действовать к миру и спасению и других, – не позволять себе ослабевать в отражении стрел диавола, козней и прелестей мира, возмущений плоти против духа, – не колебаться при встрече с страданием и смертию на пути веры и правды, как не колебались мученики, – не малодушествовать при опасении лишения временнаго благосостояния, и при самом лишении сохранить благодушие, чтобы благословить Бога, как Иов, – во времена, трудныя для целаго общества, забывать собственные личныя трудности, чтобы ободрять и подкреплять друг друга, и тем увеличивать общую силу к перенесению и облегчению общественных трудностей.

Если сверх общаго наставления Пророка: *мужайтесь вси*, желаем иметь наставление о мужестве, ближе относящееся к обстоятельствам настоящаго времени: мы найдем о сем в Евангелии наставление выше Пророческаго. Христос Спаситель, между прочими предречениями о судьбе ветхаго Иерусалима и новой Своей Церкви, указывает Своим последователям на будущия брани, и заповедует им быть мужественными: *услышати имате брани и слышания бранем; зрите, не ужасайтесь* (Матф. XXIV. 6).

Господь дает и причину, почему при виде угрожающих событий мы не должны быть боязливы, а должны быть мужественны. *Зрите*, говорит, *не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти*. Вот слово, из котораго не вдруг можно почерпнуть углубленный в нем разум. По разсуждению обыкновенному, от безпокоящаго слышания можно было бы найти успокоение в тех мыслях, что угрожающаго не будет, по крайней мере, вероятно, не будет, или что оно не коснется тех, которые видят опасность; а мысль, что угрожающее непременно должно последовать, может, по видимому, только увеличить, а не уменьшить страх. Но не так велит разсуждать Христос, Божия Премудрость и Божия Истина. *Зрите*, говорит, *не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти*. Если бы события происходили случайно: то как разсудком нельзя поставить предел угрожающему случаю, так нельзя было бы поставить предел страху. Но когда знаем, что события происходят, не как случится; что жребий человеков и человеческих обществ не предан неограниченно произволу и страстям человеческим; когда помышляем, что все явления на зрелище мира, не только благоприятныя, но и могущия потревожить и утратить, каковы – брани и слышания бранем, бывают, как *подобает быти*, по предусмотрению Божию, под невидимым управлением Промысла Божия, в направлении к благим целям Божескаго

мироуправления: тогда, хотя бы все народы мира возстали, чтобы утратить нас, этот страх, если уповаем на Бога, может быть так мал, как малы пред Богом все народы, а они, по слову Пророка, *аки капля от кади, и яко претяжение веса вменишася* (Иса. XL. 15). Как бы ни велика была сила неправды, она не может разрушить истинного блага верующих и уповающих на Бога, – блага внутреннего и вечного, и благосостояние внешнее и временное может поколебать не более, как сколько попустит Бог; а Он попускает, растворяя Свой суд милосердием, защищая правых, и побуждая к исправлению согрешивших, дабы потом исчерпанную ими меру скорбей и лишений наполнить утешением и воздаянием. Итак, храни веру, правду, упование на Бога, и не будь боязлив, вверяя себя Божью Провидению. *Так должно* понимать и исполнять слово Христово: *зрите, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти*.

Ум пытливый может сказать: каким образом *подобает быти* и таким событиям, как брани, слышания браней, бедствия, страдания, даже лучших из человек, и это под управлением премудраго, праведнаго и благаго Провидения? – Это возражение может показаться сильным; но в самом деле оно только дерзновенно: потому что чрез него земный прах покушается возлететь на небо, судить Творца и Судию мира, и постигнуть тайны его мироуправления. Подробное исследование предложеннаго вопроса потребовало бы более времени, нежели мы теперь имеем. Дадим совопроснику краткий ответ. Не слышал ли ты, что Христос о бранях, и слышаниях браней, и о бедствиях Своих последователей сказал: *подобает всем сим быти*? Можешь ли сомневаться и о том, что Христос есть самая Премудрость, самая Правда, самая Благодать? Как же можешь сомневаться и о том, что если чему по его предусмотрению, под Его владычеством, *подобает быти*, то непременно бывает и будет сообразно с премудростию, правдою и благодатию? Можешь усмотреть сие и в самых событиях, если будешь смотреть чистым оком.

Например, нечестивые Ассириане воздвигают брань против благочестиваго Царя Езекии, наносят вред царству его, угрожают столице его. Но это после того, как Пророк Исаия уже обличил Иерусалим и Иудею в беззакониях, и говорил им от лица Божия: *аще не хотите, ниже послушаете Мене, мечъ въ поясъ* (Ис. I. 20). Итак не видишь ли здесь правды Провидения Божия? Благочестивый Езекия охранен от врагов, и по вере его и город и народ его помилованы. Не видишь ли здесь и правды и благодати Провидения? Враги поражены не оружием видимым, человеческим, но невидимым оружием Ангела Божия, дабы Израиль не возмечтал о себе, но смиренно благодарил защитника Бога; а для язычников сие было сильною проповедию о истинном Боге израилевом. Не видишь ли здесь премудрости Провидения?

Лучшие из современнаго им человечества, христианские мученики, в продолжение трех веков страдают и умирают бедственнее, нежели преступники, караемые строгим правосудием. Можно ли видеть и здесь правду Провидения? – Можно: потому что святые страдальцы, как говорит Апостол, *не прияли избавления, да лучшее воскресение улучат*; по мере их неповиннаго кратковременнаго страдания, светлее становятся их вечные венцы. Можно ли здесь усматривать и благодать и премудрость Провидения? – Без сомнения: потому что в радостной смерти мучеников за веру Христову дано мудрым и простым вразумительнейшее и убедительнейшее доказательство истины христианства; – потому что кровь мучеников сделалась семенем христианства и послужила к переходу мира языческаго в мир христианский.

Для внимательных, довольно опытов прошедшаго, чтобы уметь смотреть на настоящее и встречать будущее.

Братия! да вверяем премудрому и всеблагому Провидению Божию всякий день и час нашей жизни, наши внутренния расположения и наши внешния обстоятельства. *Да утвердится сердце наше в Господе*, и да не колеблет его никогда непрестанно колеблющийся образ мира сего. *Вышняго положи прибежище твое*: и тогда *не убоишися от страха нощнаго, и от стрелы летящая во дни. Открой ко Господу путь твой и уповай на Него*. Внимай и соблюди указуемый сим словом чин духовных движений. Не бездейственно и леностно уповай; но прежде *открой ко Господу путь твой* усердною молитвою, удалением от грехов, хождением по заповедям Божиим, и тогда *уповай на Бога и Той сотворит* благое и спасительное, *и изведет яко свет правду твою, и судьбу твою яко полудне*. Аминь.

CCCLXXXV.

296. Беседа в день Успения Божией Матери.

(Говорена в Успен. соборе августа 15; напечатана в

Твор. Св. От., в Моск. и Губ. Вед. 1854 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

Вся слава Дщери Царевы внутрь.
(Псал. XLIV. 14)

Дух пророческий в сорок четвертом псалме изображает Царя: *глаголю аз дела моя Цареву*. Но в сем изображении полагает частию такая черта, которая может относиться к совершенству человеческого, как сия черта: *красен добротою паче сынов человеческих*, а частию такая, которая не может принадлежать никакому земному царю, и которая безмерно выше всякаго совершенства человеческого, какова следующая черта: *престол Твой, Боже, в век века*. Сколько бы вы не изыскивали, с кого списан сей пророческий образ, не найдете сего нигде, как только в лице Иисуса Христа, Который, как человек, *красен добротою паче сынов человеческих*, потому что в Нем едином естество человеческое безгрешно; Который, как Бог, царствует от века, и, как Богочеловек, *воцарился* так, что *царствию Его не будет конца* (Лук. I. 33).

Дух пророческий в том же псалме изображает Царицу, Дщерь Цареву, Которая приближается к изображенному выше Царю, и предстоит одесную Его: *предста Царица одесную Тебе*. В изображении сей Царицы есть также необыкновенная черта следующая: *вся слава Дщере Царевы внутрь*. Где найдем лице, которому принадлежала бы сия черта? – Что заключено внутри, то мы обыкновенно называем сокровенностью или тайною: славою называем обыкновенно нечто такое, что вне открыто и всем явно. Напротив того, дух пророческий велит искать *всей славы внутрь*, и по сей черте узнавать *Дщерь Цареву*, Которую Он прославляет.

Не даст ли сему пророчеству изъяснения то, что мы ныне благоговейно воспоминаем? Ныне должны мы зреть духом, как Преблагословенная Дева Мария, – *Дщерь Царева*, по родословию от Царя Давида, – Дщерь Царя небснаго Бога, потому что осенена Духом Святым, – *Царица* и *Дщерь Царева* вместе, потому что Она есть и Мать и Дева, – восходит от земли на небо, чтобы предстать одесную Царя Христа, и сообразно с достоинством Матери Его, воспринять достоинство Царицы небснай.

Если кто когда имел *всю славу внутрь*, совершенно удаляясь от всякой славы внешней: то паче всех Она. Что может быть выше и полнее внутренней славы Ея, – Ея безпримерной чистоты, Ея духовного совершенства, Ея святости? Но все сие, во всю жизнь Ея на земле, покрыто было почти непроницаемым покровом, – Ея глубоким смирением. Все, что могло прославить Ее пред человеками, Она или скрывала, или устранила от Себя. Славное благовещение Архангела о воплощении от нея Сына Божия Она скрыла от всех так, что даже хранителю Ея Иосифу должен был открыть сие Ангел; и единомысленной с Нею праведной Елисавете не Она сие открывала, но Дух Святой. Чудесныя знамения, окружившия рождение Иисуса Христа, как заметил поздно уже писавший Евангелист, Она *соблюдаше слагаючи в сердце Своем* (Лук. II. 19), а не износя устами в слышание другим: и потому-то, конечно, иудеи знали только Его явление из Назарета, и не знали Его рождения в Вифлееме. Когда Иисуса, *славы от человек не приемлющего* (Иоан. V. 41), тем не менее прославили чудеса Его и Его Божественное учение: тогда Его Матерь, если являлась близ Его, то для того, чтобы разделять Его страдания, как на Голгофе при кресте Его; а где могло бы пасть на Нее светлое отражение славы Его, как например, при Его царском входе в Иерусалим, там Ея не видали. После того, как Он видел Ее страждущую при кресте и утешил Ее, возможно ли, чтобы Он не утешил Ее преимущественно пред другими Своим явлением по воскресении? Однако сие не прославлено в Евангелии, подобно видениям Магдалины и других; и предание о сем неполно, конечно, в следствие смиренной сокровенности, которую Мариам имела правилом Своей жизни. Будучи безпрекословно первую дочь открывшейся Церкви Христовой и Матерью всех верующих, которых Божественный Сын Ея нарек *братиею Своею* (Иоан. XX. 17), Она и в сие время продолжала Свою сокровенность и уклонение от всякой славы и почести: и в книге Деяний Апостольских, которая есть история первенствующей Церкви Христовой, только однажды встречаем имя *Марии Матери Иисусовой* (Деян. I. 14), и то после имен Апостолов. Наконец, Матерь Царя Христа, Матерь и Царица верующих, представляется от земной жизни в небесную: что осталось после Ея? Остались ли царские чертоги, великолепныя одежды, драгоценныя украшения, сокровища? – Ничего такого: остались только две одежды, и притом такие, которые годились только в подаяние двум нищим вдовам. Воистину *вся слава Дщере Царевы внутрь*.

Дивитесь, разумеющие, полноте внутренней славы, не требующей никакого дополнения отвне.

Радуйтесь, любящие простоту, нестяжательность, безмолвие безвестности, тайно подвизающиеся, скрывающие свои добродетели: путь Царицы небесной даст вам свидетельство, что вы на царском пути.

Да вразумятся честолюбивые и славлюбивые. Можно ли высоко ценить наружный блеск и человеческую славу, которых не имела и не удостоивала иметь Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим? Надобно ли усиленно гоняться за славою смертного между смертными, которую, не знаю, по каким доказательствам и опытам, называют бессмертною, тогда как она, подобно ветру, налетает и улетает, как дым, отуманивает прельщенного ею, и, как дым, исчезает? Не лучше ли искать *славы внутрь*, – существенной славы, или достославной существенности благочестия и добродетели, – славы, которую внутренно возвещает закон Божий, которую слышит непорочная совесть, которая не зависит от непостоянства человеческих мнений, которой не повреждает клевета, которой рукоплещут небожители, которую благословляет Бог?

Да вразумятся любостяжательные: поелику и богатство имеет притязание на славу внешнюю. Стоит ли труда изнурять себя непрерывными заботами о приобретении и сбережении приобретенного свыше нужды, чтобы можно было хвалиться блестящим

прахом, доколе не унесет его вихрь непредвидимых превратностей, или доколе не придет чреда хвальному им самому обратиться в прах? Не лучше ли *продать все*, то-есть, отложить всякую привязанность и пристрастие к земным вещам, чтобы приобрести *един многоценный бисер* (Матф. XIII. 46), – Христову жизнь в сердце, и посредством сей драгоценности приобрести безценные нетленные сокровища неба?

Да вразумятся и роскошные и любящие суету, которым также мечтается слава, но, по верному взгляду Апостола, *слава в студе* (Фил. III. 19). В самом деле, не постыдная ли это слава, когда некоторые имеют своим отличием тонкую изысканность и неограниченную расточительность в чревоугодии и невоздержании, страсть к обаятельным зрелищам и сладострастным песням, превосходство в какой-нибудь игре бесполезной, или еще и вредной? Стыдимся говорить о студе, более глубоком, в который низводят необуздываемая роскошь и плотоугодие. Как же далеки от истинной внутренней славы люди, которых и внешняя слава есть стыд и унижение умственного и нравственного достоинства человеческого!

Надобно и всем нам, христиане, настоятельно вразумлять себя о славе внутренней. Ибо в след Царицы, путем славы внутренней вошедшей в славу небесную, Дух Божий призывает и наши души. *Приведутся*, говорит, *Царю девы в след Ея*. Под именем дев можно здесь разуметь определенно девствующих духовно и телесно, по особенной любви к чистоте и по обету. Но можно разуметь и неопределенно всякую душу христианскую, обручившую себя Христу верою и любовью: поелику о всех сказал Апостол: *обручих вы девам чисту представити Христови* (2 Кор. XI. 2).

Итак, если, в след Царицы небесной, и мы призываемся в славу небесную путем славы внутренней: то как управим себя на сей путь? – Примите о сем наставление от св. Василия Великого: «Кто благоукрашает себя для Отца видящего *в тайне* (Матф. VI. 4), и молится, и все делает не так, чтобы показаться людям, но чтобы явиться единому Богу, тот имеет *всю славу внутрь*, как и *Дщерь Царева*».

Если бы кто вспомнил и заметил мне, что сие изречение Василия Великого здесь же, в сей же день уже было произнесено за несколько лет пред сим: то я отвечал бы: о, если бы слово истины и душевной пользы, сказанное здесь однажды, не было забываемо и оставляемо без исполнения! Мы с радостью предписали бы себе удерживаться от повторений: а вы не жаловались бы на повторение наставлений, которые, при повторении, обращались бы вам в похвалу, а не в обличение. Аминь.

CCCLXXXVI.

297. Речь

Их Императорским Высочествам, Государям,

Великим Князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу,

при посещении ими кафедральной церкви Чудова монастыря,

во время путешествия Их к действующей армии.

(Говорена сентября 29; напечатана в Моск. Ведом. 1854 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

Благоверные Государи!

Слышим, что любовь к Отечеству влечет Вас туда, где может предстоять сильный подвиг на защиту Отечества, и что Августейший Родитель благословил сие желание Ваше.

Так все Сынове Царя нашего, каждый на своем поприще, по Своей мере дают сынам России пример деятельной любви к Отечеству и ревности к подвигам.

И Россия благословит Вашу ревность. *Господь сил с Вами. Ангелам своим да заповедает Он сохранить Вас во всех путях Ваших. Да ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его* на спасение, победу и славу.

CCCLXXXVII.

298. Беседа

по освящении храма Святителя Стефана

Епископа пермского, в доме Московской 1-й гимназии.

(Говорена октяб. 3; напечатана в Твор. Св. От.,

в Моск. и Губерн. Вед. 1854 г., и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

*Видевшие же архиереи и книжники чудеса,
яже
сотвори, и отроки зовуща в церкви и
глаголюща:
осанна Сыну Давидову, негодоваша
(Матф. XXI. 15).*

Какое это странное явление в иерусалимском храме! Христос, Царь кроткий и спасающий, входит во храм, творит благодетельные чудеса, дает хромым хождение, слепым прозрение: и на это негодуют. Отроки благоговейно приветствуют Его: *Осанна Сыну Давидову*: и на это негодуют. И кто же? Архиереи и книжники, люди, которые, конечно, удобнее детей могли узнать Христа, и лучше их разсудить, какого благоговения и прославления Он достоин.

Христос Спаситель обличил неблагоговение первосвященников и неразумие ученых, и оправдал мудрость детей, доказав Священным Писанием, что не только славословие детей справедливо, но и что дело их есть дело провидения Божия, потому-что за несколько веков предсказано Духом Божиим: *несте ли чли николиже, яко из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу* (Матф. XXI. 16)?

Благодарение Богу, ныне в сем храме не то, что некогда в иерусалимском! Мы слышали здешних отроков и юношей, возглашающих одно и тоже с иерусалимскими отроками славословие, только с большею ясностию истины: *верую во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, – нашего ради спасения воплотившагося от девы Марии, – Егоже царствию не будет конца; осанна в вышних*. И никто не думал негодовать: но размышляющие конечно радуются, что христианские отроки знают и возглашают истины

высших, нежели до каких когда-либо достигали нехристианские мудрецы. Споспешествователи истинной мудрости для того устроили сей храм, чтобы отроки и юноши, Христа, отныне здесь присутствующего благодатию, сретали здесь верою и молитвою, познавали Его из слова Его, возрастали в сем познании, и прославляли Его славою, Его достойною.

Возвращаюсь к иерусалимскому происшествию. Как могла произойти эта нечаянность, что иерусалимские отроки оказались в знании веры более успешными, нежели первосвященники и ученые? – Мысль о Христе и ожидание пришествия Его, пред временем сего пришествия, весьма распространены были не только между православными в Церкви ветхозаветной, но даже и между неправославными. С уверенностью говорит самарянка: *вем, яко Мессия приидет, глаголемый Христос; егда Той приидет, возвестит нам вся* (Иоан. IV. 25). И примечательно, что у ней видно понятие о Христе не так грубое, как у многих плотских иудеев: она не представляет Его земным царем и завоевателем, а совершеннейшим руководителем к истинному богопознанию и богочтению. Если самарянка, неправославная, имевшая, как обличил ее Господь, пять мужей, и еще шестаго без имени законного мужа, – если женщина, которой тем менее удобно было снискивать духовную мудрость, чем более она предана была чувственности, знала однакоже о Христе так немало: то не более ли знания о Нем предполагать должно в современных ей православных иудеях, неомраченных преобладающими страстями и пороками? Итак иерусалимские отроки могли в Иерусалиме от добрых отцов и матерей слышать тоже самое, что говорила на кладезе Иаковлевом самарянка: *Мессия приидет, глаголемый Христос; – возвестит нам вся*. И когда они услышали еще, что явился Иисус, Который возвещает царствие Божие и тайны Божии, хотя не без притчей указывает пути к блаженству, призывает к покаянию, и прощает грехи, требует веры, и над верующими творит спасительныя чудеса, изцеляет неизлечимых, изгоняет злых духов, воскрешает мертвых, и тем являет в Себе силу Божескую: тогда и детского, недозрелого разума, при неомраченном страстями сердце, достаточно было, чтобы ожидаемого, дотоле неизвестного, Христа узнать в лице Иисуса. Когда же они услышали, что Иисус грядет в Иерусалим, увидели путь к Иерусалиму и улицы Иерусалима полными народом, сдвигающим и сопровождающим Его с торжественными восклицаниями: тогда, чтобы удобнее принять участие в торжестве, они устремились во храм, еще незанятый народом, и здесь, устроясь в особый детский собор и лик, возгласили входящему во храм Господу: *осанна Сыну Давидову!* Может быть, и некоторые *от князь*, которые *вероваша в Него, но фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут* (Иоан. XII. 42), отеческою властью послали в сей собор своих детей, чтобы хотя чрез них облегчить свою совесть исповеданием Христа, с меньшею опасностью от фарисеев, от строгости которых сих исповедников защищал их детский возраст.

Слушающие меня не думают ли теперь, к чему здесь это разъискивание о детях и родителях еврейских? А мне думается, что оно не неуместно и, может быть, не напрасно. Оно связано с заботою о детях и родителях христианских.

Не согласитесь ли со мною в том, что благоразумны и счастливы были сии родители еврейские, которые из Писания и предания получив некоторое познание о грядущем Христе, и с верою ожидая Его пришествия, старались и в детях своих рано засветить некоторый свет сего познания, и согреть сердца их сею верою? Их старание принесло прекрасный плод: их дети еще в незрелом возрасте сделались превосходными проповедниками славы Христовой. Согласитесь же и в том, что благоразумны, и должны быть счастливы родители христианские, а также и руководители детей христианских, которые стараются, сколь можно рано, преподавать детям простые, но чистые и светлые понятия о Боге и о Христе, и возбудить в сердцах их чувство благоговения, веры и любви

к Богу и Христу. Спешите сеять семя слова Божия на земле сердца, орошенной живою водою святого крещения, и еще незаросшей плевелами грехов произвольных и тернием ложных и суетных помыслов. Не очевидна ли здесь надежда доброго роста посеянного и обильного плода? Как упредившие ростом плевелы и терние подавляли бы пшеницу: так упредившая ростом и силою пшеница будет препятствовать возникнуть и усилиться плевелам и тернию.

Счастливы отроки еврейские, которые нашли редкий случай во храме иерусалимском *совершить хвалу* Христу непосредственно, с непосредственным от Него одобрением. Ибо их славословие было не иное что, как блаженный восторг веры. Для чего и вам, дети христианские, не быть также счастливыми, если не больше? Не говорю, можете иметь случай, – нет, вы имеете постоянное удобство здесь во храме, куда Господь наш Иисус Христос приходит, чтобы исполнить Свое обещание *быть посреде собранных во имя Его*, и чтобы *заклатися и датися в снедь верным*, – здесь имеете вы постоянное удобство сретать Его, и верующим сердцем взывать к Нему с Церковию: *благословен Грядый; – осанна в вышних!* И нет сомнения, что Он благодатию призрит на вас, и, по мере веры вашей, наградит вас святою в сердце радостью. Только, повторяю, по мере веры. Не довольно устами приближаться к Богу: не довольно положить учение о Христе в память, и износить из нея, как изученный урок. Надобно, чтобы за познанием и помышлением о Боге неразлучно следовало ощущение себя в Его присутствии, благоговение пред Его величием, желание благоугождать Его святости. Познание Христа Спасителя становится для нас действительно спасительным потолику, поколику мы, наблюдая за своими недостатками и погрешностями, внутренно, глубоко убеждаемся, что без Него мы только немощь, тьма, ничтожество, что Он *есть путь* нашей жизни, и *истина* и свет нашего ума, *жизнь* нашего сердца, – и в следствие сих убеждений усердно и деятельно простираемся в сретение благодатному свету и жизни Его путем исполнения заповедей Его. Так Христос *верою вселяется в сердца* (Ефес. III. 17): и тогда истинно *блаженны верующие* и любящие Господа своего. Аминь.

CCCLXXXVIII.

299. Беседа

пред благодарственным Господу Богу

молебствием по прекращении губительной болезни.

(Говорена в Чуд. Мон. октября 24; напечатана в

Твор. Св. От. и Губерн. Вед. 1854 г. и в собрании 1861 г.)

<1854 год>

Матерь Церковь пригласила своих чад, и вы приняли ея приглашение, чтобы принести ныне соборную благодарственную молитву Господу Богу, наказующему и милующему. *Даяй молитву молящемуся* да отверзет сердца всех нас, *да исправится молитва* наша *яко кадило* пред Ним, и фимиам благоговейных помышлений, разрешившись в огне любви, да низведет и распространит благоухание небесной благодати.

Со многим трудом, не с желаемым успехом, естествоиспытатели образованного мира искали сокровенных в природе причин губительной болезни, которая более двадцати лет ходит по образованному миру, и сколь сильно дает чувствовать свое присутствие, столь

же мало позволяет себя понимать. Но сие самое, что она приходит сокровенным путем, не допускает заградить себе вход, падает как внезапный неотразимый удар судьбы, сие самое облегчает труд чадам веры, своим путем открыть ее происхождение в природе и далее природы, – в природе, в произвольном зле природы нравственной, поражающем непроизвольное зло подчиненной природы вещественной, в зле греха, привлекающем зло наказания, – далее природы, в Промысле и суде Творца природы, попускающего зло вещественное, чтобы зло нравственное наказывать, пресекать, врачевать. Так понимать необъяснимыя для обыкновенного разума карательныя происшествія учит нас воплощенная Премудрость Божия.

В Иерусалиме упала Силоамская башня, и своим падением убила осмнадцать человек. Указав на сие происшествие, Христос Спаситель извлек из него следующее рассуждение: *они осмнадцать, на них же паде столп Силоамский, и поби их, мните ли, яко тии должнейши бяху паче всех живущих во Иерусалиме? Ни, глаголю вам: но аще не покается, вси такожде погибнут* (Лук. XIII. 4. 5). Сей пример ведет к общему заключению, что в общественном бедственном происшествии, для неразумяющих случайном и непонятном, разумеющие и верующие должны видеть прещение суда Божия, которое некоторых поражает, а всем *должникам* правосудия Божия, то-есть, грешникам, угрожает, чтобы возбудить их к покаянию, и предохранить от дальнейшего наказания и самой гибели. Таким образом, следуя направлению мыслей, данному словом Христовым, не мог ли бы кто-нибудь сказать нам ныне: оные несколько тысяч, пораженных в три месяца губительною болезнью, *мните ли, яко должнейши бяху всех живущих в Москве? Ни, глаголю вам, но аще не покается*, не можете почитать себя безопасными от новых, подобных, или инаковых, прещений правосудия Божия. Уже в третий раз, в немногое число лет, посещены мы губительною болезнью: с заботою надобно помыслить, не заключается ли в сем обличения того, что первым и вторым посещением недовольно тщательно, или недовольно постоянно воспользовались мы к покаянию и исправлению нашей жизни.

Впрочем, если мы еще наказаны: то еще и помилованы. Болезнь неслишком нас отягчила своим продолжением, а как-будто хотела только нас вразумить, взяв такое число дней для своего возрастания, и такое число для умаления, которое в Священных Писаниях и в Церкви представляется, как число покаянного и очистительного подвига. Около сорока дней она возростала от своего начатия до высшей степени своей силы; около сорока дней умалялась до прекращения. Кажется, Ангел смерти обращал внимание на некоторые времена особеннаго благоговения церковнаго, и приостанавливал свою жатву. В обильный молитвою и благоговением день Успения Пресвятыя Богородицы, умерших было в половину менее, нежели в предшествовавший, и втрое менее, нежели в следующий. Подобное преимущество дано было дню Сретения Чудотворныя иконы Божией Матери Владимирския, ознаменованному крестным хождением. Первый день, в который не оказалось ни одного заболевшаго, ни умершаго от губительной болезни, был день Преподобнаго Сергия. Не можно ли в сих особенностях видеть некотораго знаменія того, что, если бы все мы постоянно и совершенно исполнены и объаты были духом молитвы, благоговения, освящения, то тлетворный дух земной природы, постоянно отражаемый животворным духом небесной благодати, ни к кому никогда не смел бы прикоснуться?

Не удержим слова истины, чтобы дать свидетельство добру. Мы имели утешительные виды возбужденнаго духа молитвы. Сверх участия в ежедневных при церковном богослужении молитвах о избавлении от губительной болезни, братия то одной, то другой церкви, то нескольких соседственных между собою церквей, по собственному побуждению, учреждали особенныя моления, в присутствии особенно чтимой святыни, и

площадь и улица превращались в церковь для многочисленного молитвенного собора. Многие усердствовали подобными молениями освящать свои дома, без сомнения, с верою в приходящее чрез оныя охранение. При сих утешительных видах, мне слышится слышанное древле с неба, одобрительное и поощрительное к добру, слово: *кто даст еже быти тако сердцу их в них, яко бояться Мене, и хранить заповеди Моя во вся дни, да благо будет им, и сыном их во веки* (Втор. V. 29). Но вместе с сим, к прискорбию, приходит на мысль и горькое слово Пророка о том, как далеко не соответствовали сему небесному благоволению люди, онаго удостоенные: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху к Богу; и помянуша, яко Бог помощник им есть: а потом – сердце их не бе право с Ним; – колькраты преогорчиша Его* (Пс. LXXVII. 34. 35. 37. 40)! Людие Господни! Да внимаем себе, и да бодрствуем над собою, чтобы сердце, возбужденное и обращенное к Богу во дни грозного посещения Его, не преставало к Нему обращаться, устремляться, прилепляться и во дни помилования. Да испытуем путь нашего сердца, и да управляем его духовным разумом, а не плотскими слепыми желаниями, дабы не уклониться на стропотный и ведущий к пропасти путь ветхаго неблагодарнаго пред Богом израиля, который на время обращался к Богу карающему, и вскоре забывал Бога милующаго и благодеющаго.

Есть произвольная болезнь, которая открывает вход многим другим болезням, произвольным и непроизвольным и наконец губительным. Такая болезнь есть нравственное небрежение. Слышащие сие могут подумать, что это болезнь нетяжкая и неопасная. Но потому-то, что ее почитают нетяжкою и неопасною, она и становится тяжкою и опасною.

Евангельская притча показывает нам людей, которые, будучи званы на царское пиршество, в честь царскаго сына, приняли сие с небрежением: *небрегшие отъидоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя* (Матф. XXII. 5). Они не думали быть мятежниками, или преступниками: они только позволили себе небрежение. Но что из того произошло? Они сами себя лишили чести и радости быть участниками царской трапезы; оказали царю неуважение и непослушание; подали худой пример другим, которые пошли далее, и убили посланных от царя; подвигли тем царя на гнев, и подвергли его прещению свой город. Братия, Царь небесный, по благодати едиnorodнаго Сына Своего Иисуса Христа, призывает всех нас к Своей духовной трапезе, для вкушения силы, жизни и радости царствия Его, во времени и в вечности. Если бы искуситель приступил к нам, и сказал: не ходите на трапезу царствия Христова: мы, конечно, ужаснулись бы, и сказали бы: отъиди, сатана! Он это знает, и поступает не так грубо. Нас зовут ко Христу в церковь; но искуситель говорит: можно и не ходить, или не очень часто, и не на продолжительное время; у вас есть свои дела; – и, при нашем небрежении, с нами происходит то, что в притче: *небрегшие отъидоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя*. Посланники Царя небеснаго, Пророки и Апостолы, внушают нам, что ко Христу и к трапезе царствия Его надобно идти путем покаяния, молитвы, исполнения заповедей Божиих: но искуситель говорит: кто без греха? нельзя живущим в мире нейдти больше или меньше путем мира; путь покаяния найдется еще открытым ближе к смерти и к самой трапезе небесной: – и мы, хотя не отрекаемся от сей трапезы, но или нейдем к ней, или идем, храмля на оба колена, и едва ли подвигаемся вперед от худшаго к лучшему. Евангелие учит нас, что для достойнаго приобщения трапезы царствия Христова должно иметь одеяние чистое, достойное близости к Царю; что ум наш должен быть одет благоговейными помышлениями, сердце святыми желаниями, тело очищено воздержанием, что дела веры, правды, добродетели должны составить светлую одежду нашего духовнаго существа: но подкрадывается лукавый помысл, и шепчет, что это значит требовать от человека жизни Ангельской, которая выше его: – и многие из нас, под тем предлогом, что не обязаны вести жизнь Ангельскую, небрежно всем существом своим погружаются в жизнь

мирскую, рассеянную, чувственную, нечистую, скотоподобную. Что же из сего? – Мы своим небрежением сами себя лишаем наслаждения дарами благодати Христовой; в нашем недостаточном исполнении обязанностей люди, более склонные к нарушению обязанностей, видят свое оправдание и идут далее во глубину зол; Царь небесный оскорбляется; время, данное нам для нашего спасения, истощается без пользы; прещение правосудия Божия угрожает; – еще то милость Божия, если угрожает прещение Божие временное, наказательное и исправительное, а еще не осуждение конечное и вечное.

Повторяю: да внимаем себе, и да бодрствуем над собою. Да удерживаемся не только от поущения себя на зло, но и в неосудительной, повидимому, деятельности, да страшимся небрежения и ленивой беспечности, которая повреждает доброе, и неприметно пролагают путь злему. У Пророка написано: *проклят творяй дело Господне с небрежением* (Иерем. XLVIII. 10). Видите, что не только пагубно не делать дела Божия, но и делать оное с небрежением страшно. Да будем, по учению Апостола, *тщанием не лениви, духом горяще, Господеви работающе* (Рим. XII. 11). Аминь.

CCCLXXXIX.

300. Беседа

при гробе новопреставленной княжны

Анастасии Михайловны Голицыной.

(Говорена в церкви Божией Матери, иконы ея Ржевския,

ноября 13-го; напечатана в Твор. Св. От. 1854 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

Редко, и только покоряясь необходимости, беседовал я при гробах усопших. Ненужна для них повесть о их жизни и похвала, исчезающая в воздухе: а благопотребна и полезна молитва о их вечном покое. А для окружающих гроб зрелище смертных останков человечества, думаю, вразумительнее и поучительнее всякого слова говорит о ничтожности всего земного, о неизбежной для каждого смерти, о невидимом мире, о сокровенной вечности, в которую ведет нас одна узкая дверь смерти, но которая безмерно пространнее видимого временного мира, и в которой есть *многия обители* горния и преисподния, невечерний день и безконечная ночь, вечный свет и неугасимый огонь, вечный покой и вечное мучение, вечная жизнь и вечная неумирающая смерть.

Но ты, провождаемая ныне в вечность, благоверная княжна Анастасия, прежде отшествия твоего, неоднократно о пути и приготовлении к вечности, о благоустроении души, об очищении и возделании земли сердца, о благовременном насеянии в нем семян вечного покоя, так занимательно беседовала со мною, что мне трудно вдруг пресечь собеседование с тобою, и удержаться от малаго, по крайней мере, последнего слова пред последним молчанием. Притом же, теперь могу дать себе свободу сказать о тебе нечто и такое, чего прежде не мог сказать тебе, чтобы не возмутить твоего смирения.

Отрасль рода, издревле возвышенного, доблестями своих членов оправдавшего пред отечеством достоинство своего звания, – ветвь семейства, которому если бы я не приписал наследственного благочестия, то меня обличил бы наследственно пребывающий в его доме храм, исполненный частых молитв, – княжна Анастасия в тихом кругу семейства,

как крин в юдоли, долго цвела в благолепии девства и целомудрия, в благоухании благочестия и доброты сердечной; и тогда как с умножением дней увядал цвет ея жизни, не уменьшалось, а возрастало благоухание благочестия и доброты. Неизвестна мне первая большая половина ея жизни: но в продолжении более тридцати последних лет знал я ее всегда удаленною от суеты и увеселений мира, преданною церкви, молитве и духовному поучению, мирною в семействе, любящею благотворить, и особенно так, чтобы не ведала шуйца, что творит десница. При постепенном уменьшении крепости телесной, труд ночной молитвы простирала она иногда до того, что в изнеможении упала пред святынею, пред которою коленопреклонно молилась, и непризываемый ею сон приходил обновить ея силы. При попечении присных и ближних о ея спокойствии, она имела однако иногда скорбь: о чем, думаете? о том, что по немощи не могла, или не довольно часто могла быть в церкви при священнодейственном богослужении, хотя некоторые части богослужения нередко совершались в ея собственной храмине, исполненной отцепреданною святынею. С некоторого времени, разсудив, что может быть призвана от сей жизни внезапно, и желая отойти со Христом, она чаще прежнего приобщалась Божественного Тела и Крови Христовы: но Бог даровал ей и сие знамение христианской непостыдной кончины, что и пред самым преставлением своим она прияла напутствие священных Таинств.

Утешительно видеть добрую жизнь, благословенную долголетием: потому что одно из благословений Божиих есть – *долголетен будеши на земли* (Исх. XX. 12). Но вот и благословенное долголетием поприще жизни нашло свой предел; странствование христианской души, взыскующей града грядущаго, кончилось, отворилась темная дверь вечности, и душа скрылась в ней, оставив здесь, как в преддверии дома, дорожную одежду, брненное тело, дабы над тем, что в нем есть от ветхаго Адама, исполнился древний суд: *земля еси, и в землю отъидеши* (Быт. III. 19).

Что же теперь там, за затворенною для нас дверью вечности? Какую весть можем дать об отшедшей туда ея присным и знаемым, которые, конечно, неравнодушны к разлучению с нею, хотя и были к тому приготовлены немалым временем? На что укажем в утешение и подкрепление продолжающих земный подвиг в вере и благоделании, с большими или меньшими трудами и скорбями? Скажем ли нечто и для тех, которых жизнь представляет не столько *дело веры*, или *труд любви*, сколько действие с сознанием или без сознания возгосподствовавшего правила: *да ямы и пием, утре бо умрем* (1 Кор. XV. 32); – хотя впрочем, если бы они несколько истрезвились от опьянения суеты, то и без напоминания легко могли бы разсудить, до какой степени безразсудно в неизвестный темный путь предваренным, что на нем есть пропасть, пускаться без указателя и светильника, с одною мечтательною мыслию, что, может быть, и нет пропасти?

Был глас с небесе, и его слышал Тайновидец, и дает его слышать и нам: *блажени мертвии умирающие о Господе отныне; ей, глаголет Дух, да почнут от трудов своих; дела бо их ходят в след с ними* (Апок. XIV. 13). Слышите, *блажены умирающие*, но не все, а только *умирающие о Господе*: умирающие *почнут*, но не все, а только те, которым обещает сие Дух Божий, которых *дела ходят в след с ними*. Кто же суть умирающие о Господе? Без сомнения те, которые жили о Христе Господе, облекшись в Него верою и крещением, таинственно питаюсь Его Живоносным Телом и Кровию, уготовляя Ему в себе обитель любви к Нему. Какие это *дела*, которые *ходят в след за умирающими*? – Конечно, не дела плоти, тлеющие и растлевающие, не дела земной корысти и чувственного самолюбия, мертвые и умерщвляющие, но живые дела духа, дела покаяния, веры, любви к Богу и ближнему. Итак, кто не хочет убивать сам свою надежду будущаго: тот должен внимательно испытывать и благовременно располагать свою жизнь и дела так, чтобы он мог умереть о Господе, чтобы мог за предел гроба переступить сопровождаемый делами

жизни, и чтобы в следствие того способен был услышать глас Духа Божия: почий от трудов временной жизни на уповании вечного блаженства.

Имеем основание верить, что сей вожделенный глас коснулся тебя, благоверная душа княжны Анастасии. Иди с миром к горнему Иерусалиму, сопровождаемая молитвами любви; и молись взаимно, да не угасает твой достойно чтимый род, и да продолжает в нем жить и действовать древнее благочестие. Аминь.

СССХС.

301. Беседа

к сердобольным вдовам,

и избранным для попечения о раненых

и больных воинах действующей армии.

(Говорена в Мариинской церкви Императорского Вдовьяго

дома ноября 17; напечатана в Твор. Св. От. 1854 г. и в собран. 1861 г.)

<1854 год>

К вам слово Церкви, сестры христианского сердоболия о болящих, которых Царским человеколюбием призываетесь ныне к особенному подвигу христианского попечения о болящих от ран, полученных на брани за веру, Царя и отечество. Подвиг, сколь необыкновенный для вас и трудный, столь же благословенный и способный возбудить неослабевающее усердие.

Война – страшное дело для тех, которые предпринимают ее без нужды, без правды, с жаждою корысти или преобладания, превратившеюся в жажду крови. На них лежит тяжкая ответственность за кровь и бедствия своих и чужих.

Но война – священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости, в защиту правды, веры, отечества. Подвизающийся в сей брани оружием совершает подвиг веры и правды, который христианские мученики совершали исповеданием веры и правды, страданием и смертию за сие исповедание; и, приемля раны, и полагая живот свой в сей брани, он идет в след мучеников к нетленному венцу.

Кто начал нынешнюю войну? Народ неверный, который не знает правды, который живет угнетением христиан и христианства. Кто еще против нас? – Два народа, которые признали нас правыми в споре, и потом присоединились к нашим врагам, – два народа христианские, которые соединились с врагами христианства, и приняли участие в угнетении православных христиан. Против таких врагов идет наш воин, по мановению Благочестивейшаго Царя, сильным, но миролюбивым царским словом защищавшаго единоверных востока, не начавшаго, но в уповании на Бога принявшаго нанесенную несправедно войну.

Итак, рассуждайте, к кому относиться будет служение, в которое вы призываетесь. Не почли ли бы вы особенным для себя благословением провидения Божия, если бы вам дано было послужить мученику к облегчению его страданий? Подобное благословение ожидает

вас в верном исполнении служения, вам предлежащего. Рана верного воина, которую вы облегчаете обязанностью и врачевством, светит доблестию теперь, и будет сиять в вечности. Если при попечении вашем он возвратится с пути смерти: вы заслужите благодарность не только его, но и отечества, которому возвращаете драгоценного сына. Если же суждено ему окончить земный путь, и прејдти в отечество небесное: вы будете иметь на небесах благодарного вам, и призывающего на вас благословение Отца небесного. Так размышляя, вы можете с благоговением смотреть на предмет вашего подвига, и тем умерять скорбь и страх, естественно производимые зрелищем страданий.

Может встретить вас и страх от происходящей невдалеке брани, и от звука оружий, и от разных нечаянностей: потому-что нельзя требовать, чтобы безопасность постоянно жила в соседстве с войною. Предавая себя в покров провидения Божия, укрепляйте вашу немощь, *помяная дни древния* (Псал. CXLII. 5), и помышляя, как некогда упование на Бога и любовь к народу Божию давали и женам мужескую крепость духа. Деввора, вместе с Вараком, предводительствовала войском. Юдифь одна без оружия вошла в стан врагов, чтобы сразить Олоферна и его войско, и действительно ударом вражеского меча сразила всю силу врагов, отразив с тем вместе опасное оружие соблазна. От вас не так много требуется; не требуется участие в деле брани; требуется только довольно твердости духа, чтобы вы не смущались мыслию о брани, делая дело мира и человеколюбия. Указуем вам еще, между многими, более близкий образ предлежащего вам подвига: помяните и призовите в помощь святую Анастасию узорешительницу, которая находящихся в подвиге мученичества посещала среди опасности впасть самой в руки мучителей, омывала и перевязывала их раны, подавала им пищу, питье, врачевства, доставляла всякое возможное облегчение и утешение.

Возбудив и по возможности укрепив себя к начатию подвига, наблюдайте и в продолжении онаго, чтобы как насущный хлеб, как предохранительное врачевство, не оскудевала у вас никогда благочестивая мысль и доброе намерение. *Возведите очи ваши к Живущему на небеси*, и с верою помышляйте, что Он взирает на ваш подвиг, что над вами простерта Его благословляющая рука, – но благословляющая только нелицемерную верность в подвиге и чистоту деятельности.

Христу, Врачу душ и телес, мысленно предлагайте язвы поручаемых вашему попечению болящих, и могущия случиться ваши собственные скорби: и с упованием все предавайте Тому, Который *язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша*, и Которого *язвою мы исцелехом* (Иса. LIII. 5).

Матери Господней, *радости всех скорбящих* вы представлены в особенное покровительство: имейте постоянную веру в действительность, близость, всегдашнюю готовность сего покровительства. От сего должно произойти то, что и вы с своей стороны будете близки к Ней, с детскою простотою будете простирать руки к невидимой Матери, и по благопотребности Она будет вам подавать тайное вразумление, подкрепление, утешение, помощь.

Внутреннюю молитвою вашею при самом одре болящих, а, по мере потребности и удобства, и словом кроткого напоминания старайтесь споспешествовать и им в том, чтобы они взирали ко Врачу душ и телес. Обращайте их внимание, как на испытанное дело, на то, что в молитвенном воздыхании болящего может заключаться прием врачевства из небесной врачевницы; небесное же без сомнения сильнее земного.

О всех болящих имейте равномерное нелицеприятное попечение; особенно же бдительный труд употребляйте по особенному требованию болезни, а не по

предпочтению лица. Для больного, для требующего помощи, будьте как родные, но для лица оставайтесь чужими, чтобы чистота христианской любви не была затемнена пристрастием, чтобы предпочтение одного не было неправдою в отношении к другому.

Радует, что на путь и подвиг вы пожелали приять, и прияли ныне Божественное напутствие, – приобщились Тела и Крови Христовы. Идите в мире: Господь с вами. Не забывайте воверяемых вашему попечению видеть меньшую братию Господа Иисуса: да слышится в сердцах ваших Его слово: *болен бех, и посетите Мене* (Матф. XXV. 36); и да сподобитесь услышать от Него сие с радостию и тогда, егда приидет во славе воздати комуждо по делом его. Аминь.

СССХСІ.

302. Беседа

в день Святителя Николая и

тезоименитства Благочестивейшаго

Государя Императора Николая Павловича.

(Говорена в Чудовом мон. декабря 6-го; напечатана в

Моск. Вед. 1854 г., в Твор. Св. Отц. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

Какия полныя собрания в церквах собирает ныне Святитель и Чудотворец Николай! В особенности это потому, что за Соименнаго ему Благочестивейшаго Царя нашего стремятся принести молитву верноподданные: но и вообще наш православный народ являет много усердия к Святителю Николаю, и любит чтить его память.

Вдали от отечества нашего, вдали от наших времен жил и прославился Святитель Николай: но близким и как бы присным нам он представляется; и как Церковь в общественном Богослужении и преимущественно часто прибегает к его предстательству пред Богом, назначив для сего день в каждой неделе, так преимущественно часто прибегают к нему и частно произвольные молитвенники. Слава его (впрочем и не одного его) простерлась и за пределы Православия, и даже за пределы Христианства; и оттуда простирают к нему молитвенные гласы некоторые, требующие помощи выше земной: и, видно, не без успеха, потому что иначе и не образовался бы у них сей обычай; видно и туда он уделяет нечто от сокровища данной ему благодати, подобно как Христос Спаситель от Своей всемогущей чудодейственной силы уделил нечто и для языческой жены хананейской.

Как это происходит, что благодатная деятельность святых иногда получает как бы некое определенное, а иногда разнообразное направление, и наполняет обширный круг? – Если спросим о сем Апостола Павла, то можем иметь следующий ответ: *вся сия – подавание благодатных дарований, определение их рода, степени, силы, пространства, – вся сия действует един и тойжде Дух, разделяя властью коемуждо, яко же хочет* (1 Кор. XII. 11). Подвластные часто не могут знать, почему так или иначе действует человеческая власть, кольми паче власть непостижимаго Божества.

Впрочем как Дух Божий, по безпредельной благодати, готовый дать всякому человеку всякое благодатное дарование, действительно раздает дарования сообразно с законом правды, – достойным, и, сообразно с законом премудрости, – способным употребить оныя для благих целей: то можно полагать, что вышнее определение рода, степени, силы, пространства благодатных дарований, низпосылаемых верующему человеку, бывает по некоему применению к роду, степени, силе, пространству его свободных духовных расположений, и его подвигов и добродетелей. Нечто подобное сей мысли находим у Апостола Павла, когда он о подвигах Самого Иисуса Христа говорит: *в немже бо пострада, Сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. II. 18). Неужели Он не мог бы помогать искушаемым, если бы не пострадал и не был искушен Сам? Без сомнения, мог бы по Своему всемогуществу и благодати: но закон правды и премудрости, и порядок Божественного домостроительства спасения нашего требовал, чтобы Спаситель Своими, по человеческому естеству, искушениями, подвигами, страданиями, вошел как бы в соприкосновение с нашими искушениями, подвигами, страданиями. Чрез сие Он с глубоким человеколюбием принял на Себя наши искушения и страдания к их облегчению (подобно как, и по нашему опыту, пострадавший сам тем более глубоко сочувствует и состраждет страждущему); и заслугою Своих чистых, из человеколюбия подъятых страданий приобрел право, и открыл путь, и на нас искушаемых, подвизающихся, страждущих и притом всегда небезвинных, простирать благодатное причастие Божественной силы, которою Он подъял для нас свои безмерно великия искушения, подвиги и страдания. Что во Христе Спасителе по Его естеству, по Его собственной силе, в полноте, без меры: тому нечто подобное и сообразное в спасаемых и спасенных Им, в которых Он *воображается* (Гал. IV. 19), бывает по благодати, по дару, по причастию, в меру. Посему можно полагать, что и в них, особенно в избранных между ими, в своем роде и степени действует открытый Апостолом закон благодатного домостроительства: *в немже пострада Сам искушен быв, может и искушаемым помощи*. Кто с верою и любовью к Богу и Его закону, с надеждою благодатной помощи Божией, твердо стоял против искушения, и действительно приял благодатную помощь к отражению онаго; кто ревностно и постоянно упражнялся в некоем благочестивом подвиге или добродетели, и действительно приял благодатную помощь совершить подвиг и добродетель; кто мужественно решился лучше пострадать и умереть, нежели изменить истине и правде, и действительно приял благодатную помощь победоносно прејдти поприще неповиннаго страдания: тот *может* и другим *искушаемым* и подвизающимся *помощи*; или вообще потому, что привлеченная его верою и подвигом *вселяется в него сила Христова* (2 Кор. XII. 9), и действует не только в нем, но и чрез него; и в особенности потому, что он, по опыту своего искушения и подвига, тем глубже сочувствует и состраждет другим в подобном искушении и подвиге, и тем ревностнее ищет им помощи, и, по опыту обретенной для себя благодатной помощи, тем с большим дерзновением веры и тем с большим успехом, предстательствует пред Богом и за других, требующих подобной помощи, находя притом в радости благотворения награду за свой подвиг.

Такое применительное направление благотворной силы святых можно усматривать на опыте в житиях их.

У преподобнаго Даниила Скитскаго просил помощи некто, тяжело боримый искушением, возставшим против его целомудрия. Старец послал его на гроб мученицы Фомаиды, молиться при ея предстательстве. И когда повеленное было исполнено: искушение исчезло. Почему же помощь должна была прийти именно чрез сию мученицу? – Потому, что она в жизни прошла чрез тяжкое искушение против ея целомудрия, совершила подвиг целомудрия и мученически умерла за сохранение целомудрия.

В житии Святителя Николая можно примечать его сильную, многообразную, далеко простираемую ревность благотворить ближнему. *И бе, говорит его жизнеописатель, рука его простерта к требующим яко река многоводна, текущая преизобильно струями.* Он не только облегчал являющуюся нищету, но и проникал в убежища скрытой бедности, и позади бедности и голодной нищеты открывал опасность еще большего зла, нравственного: и искусно заграждал источники зла. Так он узнал, что обнищавший глава одного семейства почти решился средством для пропитания его употребить порок: мудрый человеколюбец отвратил сие тайною троекратною помощью, употребив сию постепенность, как предосторожность, чтобы, усмотрев правильное употребление первой помощи, благонадежнее подать вторую и третью. Как сильный, многообразный, далеко простираемый подвиг благотворения предпринял он, по своему свободному расположению, жертвуя для сего всеми своими силами и средствами естественными: так сильный, многообразный, обширно действующий благодатный дар приял от Бога, чтобы благотворить вышеестественными средствами.

Воистину, Святителю Отче Николае, можеша со Апостолом реши и нам: *разделил нам Бог меру, досязати даже и до вас* (2 Кор. X. 13). Дерзаем реши, что и наша вера во благодать, тебе данную, и наша любовь отсюду простираются к тебе. Свидетель сему – самое твое имя, нареченное на Царе нашем, тогда как нарицавшим оное Павлу, или Марии, или Екатерине, мог бы кто-нибудь сказать, подобно как матери Иоанна: *никто же есть в родстве твоём, иже нарицается именем твоим* (Лук. I. 61); – нареченное, почему иначе, как не по вере и любви? – Благоволи убо пребыти в благодатной близости к нам, якоже и мы к тебе. Предстательствуй, купно и с другими Святими, пред Царем царствующих за Тезоименитаго тебе Царя и за чуждое тебя царство. Враги, от неверия, нестроения и жестокости которых в развалинах лежит твой Мирликийский гроб и град, – и только ли? – от которых страждут и Святые Места Христовы, – возстали против нас, и, что не меньше удивительно, как прискорбно, нашли себе неестественное подкрепление в сынах Запада, которые воздвигли бурю разрушительных страстей, покушаясь ослабить мирный свет православного Востока. Господь сил не оставил нас. Он защитил от сильных нападений врагов и неукрепленный град и почти безоружную обитель; Он вооружил против врагов наших болезни и бури; Он дает нашему воинству непоколебимую твердость и силу против сильнейших. И ныне, Отче, якоже некогда Моисей от горы, или и паче Моисея, от небесе к Живущему превыше небес, воздвигни твои молитвенные неизнемогающие руки, да преодолён будет Амалик, несправедливо нападший на невраждующаго Израиля, и да возвратится Израиль победоносно в мир и тишину, из которых и не желал исходить.

Братия! По человеколюбию небесному, сильнейшему земного, призываемый нами в помощь Святитель не презрит нас. Но мнится мне, что он, подобно как некогда избавленным им от опасности мореплавателям, глаголет и нам: *О чада! Сердца ваша и помышления на благоугождение Богу исправите.* Аминь.

СССХСП.

303. Беседа

по освящении храма Воздвижения Креста Господня

в Преображенском Богаделенном доме.

(Говорена декабря 19-го; напечатана в Твор. Св. От.,

в Губерн. и Полиц. Вед. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1854 год>

Когда во дни Соломона совершилось освящение Храма Божия в Иерусалиме: тогда, как повествует книга Царств, праздновавшие освящение онаго *идоша кийждо в дома своя, радуящиеся веселым сердцем о благих, яже сотвори Господь Давиду рабу Своему, и Израилью людем Своим* (3 Царств. VIII. 66). То был храм истинного Бога для целого народа, и даже единственный в те времена для всего мира. Здесь осветился ныне храм Божий для не многого, впрочем, по благодати Божией, возрастающего собора чад единых, святых, соборных, Апостольских, святоотеческих Церкви. Тем не менее надеюсь, что и вы, братия святого храма сего, *отыдете в дома своя, радуящиеся веселым сердцем о благих, яже сотвори Господь людем Своим*.

И славный храм иерусалимский и смиренный (впрочем древним благолепием привлекающий благоговейные взоры) храм здешний есть храм единого Бога, единый Бог есть Освятитель и того и другого, с тою разностию, что там образ, а здесь и образ и существо изображаемое, там *сень грядущих благ*, а здесь истина благ, уже дарованных. Итак, не радостно ли, что и над сим освященным храмом, как некогда над иерусалимским, изречено слово Господне: *освятих храм сей, еже положити имя Мое тамо во веки, и будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Царств. IX. 3).

Радость наша получит особенный вид, если помыслим о судьбе сего места, и сравним нерадостное прошедшее с радостным настоящим.

За восемьдесят три года пред сим, здесь было пустое место; а потом устроилась больница для страждущих губительною болезнью, и место погребения умерших от губительной болезни. Печальное начало!

Желаю осветить сие несветлое воспоминание мыслю о человеколюбии основателей сего учреждения, о смелости действия их в опасное время, о постоянстве и щедрости, употребленных для того, чтобы сие временное учреждение не прекратилось, но поддерживалось, возрастало и возвышалось в своем значении. Но все сие пред оком духовным покрывает печальная тень. Под кровом человеколюбия мнили здесь поставить седалище веры, но в таком обществе людей, которое, в следствие давно возникших распрей и усиленно изысканных сомнений о вселенской православной Церкви, само себя поставило в отчуждении от вселенской православной Церкви.

Молю всех, слушающих меня теперь, слушать мирно и благодушно, и не огорчаться, если в слове моем покажется нечто для некоторых неприятным. Желаю быть со всеми в мире и духом и словом: но судьбою Божиею возложенное на меня служение обязывает меня в духе мира возвещать истину, иногда и неприятную, на спасение душам: *нужда бо ми належит; горе же мне есть, аще не благовествую* (1 Кор. IX. 16). Внемлю слову Господню: *не судите, да не судими будете* (Матф. VII. 1), и слову Апостола: *прежде времени ничтоже судите, дондеже придет Господь, Иже во свете приведет тайная тмы, и объявит советы сердечныя* (1 Кор. IV. 5); и не желаю судить никого даже из тех, которые слишком жестокие суды произносят на святую Церковь; а желаю и молю Спаса всех Бога, да покроет всякий грех неведения Своим безпредельным милосердием, да развеет Своим Божественным светом туман сомнений, покрывающий некия души; да приведет овцы, яже не суть от двора сего, в единый двор единого пастыря Иисуса Христа. Но я был бы виновен и пред правоходящими, если бы молчал, и не остерегал их от пути неправого разсуждения, и пред неправоходящими, если бы молчал, и не указывал им пути правого разсуждения.

Была на сем месте и в прошедших восемьдесят лет исповедуема вера во единого Бога Отца, Творца, Вседержителя, и во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия, Единородного, прежде век рожденного, единосущного Отцу, Бога истинного от Бога истинного, нашего ради спасения воплотившагося, страдавшего, погребенного, воскресшего, возшедшего на небеса, сидящего одесную Отца, паки грядущаго со славою судити живых и мертвых, и Духа Святаго, такожде истинного Господа, от Отца исходящаго, купно со Отцем и Сыном покланяемаго. Сия вера Апостольская. Сия вера отеческая. Сие есть твердое основание веры для всей Церкви вселенской. Но что на сем основании строили здесь? Злато ли? Серебро ли? Честное ли камение? Положите в горнило слова Божия главнейшия учения, здесь господствовавшия, и посмотрите, что окажется.

Некогда Пророк Азария, к чадам Церкви иудейской, провидя их неверность в служении Богу, произнес сие угрожающее предсказание: *много дни будут во Израили, без священника учащаго, и без закона; егда же обратятся в печали к Господу Богу Израилеву, и възвзвоят Его, и обрящется им* (2 Пар. XV. 3. 4). Итак, быть без священника есть наказание, посылаемое от Бога на неверных в служении Ему, на время, доколе не вразумятся, и усердно обратятся к Нему. Но здесь учили, что быть без священника, есть дело правильное, и что оно должно продолжаться до скончания века: и таким образом сами наводили на себя то, что слово Божие признает наказанием Божиим. Радуйтесь же, братия святаго храма сего: Господь обретен вами в благодати Его; и возвратил вам утраченного предками вашими священника учащаго, друг-друго-приимательным от Апостолов рукоположением освященнаго, по освященному чину молящагося и тайнодействующаго.

Рече Господь: *еще не снесете плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его; живота не имате в себе* (Иоан. VI. 53). Но здесь учили, что можно и надобно жить без вкушения Тела и Крове Христовы; и не примечали, что таким учением, по силе слова Христова, сами себя обрекали на духовную смерть. Радуйтесь, братия святаго храма сего. Источник жизни для вас открыт; двери святилища отперсты, и служитель Божественнаго таинства приглашает вас к общению Тела и Крове Христовы; только со страхом Божиим и верою приступайте.

Устами святаго Апостола Павла *Дух явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью, возбраняющих женитися* (1 Тим. IV. 1–3). А бывшие здесь наставники именно *возбраняли женитися*, и совсем отвергали брак. Не понятно, как не слышали и не слышат они, какой страшный гром Апостольскаго слова гремит над их новоизобретенным мудрованием, и над их главами. И как не усмотрели они, к чему ведет их учение? Христос Спаситель о безбрачной жизни сказал Апостолам: *не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть* (Матф. XIX. 11). То-есть: не все могут пребыть безбрачны, а только некоторые имеют дарование всегдашняго девства. К чему же ведут неимеющих дарования девства учителя всеобщаго безбрачия? Не приближают ли к пропасти порока, и потом к бездне ада? – Радуйтесь, братия святаго храма сего. Вы можете с мирною совестью, согласно с словом Христовым, избрать то, что можете *вместить*, или святое девство, или благословенный брак, не опасаясь тех никем не благословенных наставников, которые мечтали своею заповедью разрушить всеродное благословение Божие человекам: *раститесь и множитесь, и наполните землю* (Быт. I. 28).

Благословен Бог, Иже всем человеком хочет спастися. Благословенна благодать Господня, просвещающая всех, не смежающих очей от света ея. Благословенны души,

безпристрастным умом и искренним сердцем ищущия истины, благодати и спасения. Се, в едино лето второй уже храм освящается здесь, и просвещает место сие. *Призри с небесе Боже, и виждь, и посети, и утверди, и возрасти, и распрости вином виноград сей, егоже насади десница Твоя!* Аминь.

1855 год.

СССХСІІІ.

304. Речь

Их Императорским Высочествам, Государям, Великим Князьям

Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу,

при посещении ими Кафедральной Церкви Чудова Монастыря,

во время путешествия их к действующей Армии.

(Говорена января 3-го; напечатана в

Моск. Вед. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1855 год>

Благоверные Государи!

В первом путешествии Вашем на подвиг за Отечество, мы сопровождали Вас общемою молитвою, да *ополчится Ангел Господень окрест* Вас на спасение, победу и славу. Ныне с молитвою соединяем благодарение о Вас Богу. Вы разделили с неутомимыми защитниками Отечества трудности и опасности; явили опыты неустрашимого мужества; заслужили почестъ избранных подвижников брани: а стрелы врагов пролетели мимо Вас.

Когда забота о здравии Августейшей Родительницы внезапно позвала Вас к Ней, и отторгла от подвига за Отечество; мы готовы были сказать: довольно и сего подвига; да не умножаются еще безчисленные заботы Августейшаго родителя Вашего новою заботою о Вас. Но видим, что ревность к подвигам за Отечество движет души Ваши не менее сильно, как и любовь к Родителям.

И паки благословит Отечество сию ревность. Еще поощрится мужество защитников Отечества Вашим с ними сподвижничеством. Еще молится, и будет молиться церковь, да *падет* пред Вами *тысяща и тма* сопротивных, и да сокрушится нога неправды, дерзнувшая наступить на предел России.

СССХСІV.

305. Слово

в день совершившагося столетия Императорскаго

Московского Университета.

(Говорено в церкви Св. Мученицы Татианы января 12;

напечатано в Журнале Минист. Народн. Просвещ. 1855 г.,

в Твор. Св. От. того же года, и в собран. 1861 г.)

<1854 год>

Обитель высших учений празднует ныне день своего рождения, и притом с особенною торжественностью; потому что это сотый день ея рождения. Воспоминания своей столетней жизни, конечно достопамятны, она возвестит собственными устами, в которых не имеет недостатка. Мне должно пред нею быть в том положении, в которое меня поставили преемники учеников Учителя рыбарей и скинотворцев, *избравшаго буяя мира, да премудрыя посрамит* (1 Кор. I. 27). Отсюда смотрю, как начинается свой праздник обитель высших учений: и что вижу? – С благоговением приводит она и наставников и наставляемых пред лице Учителя, Который провозгласил Себя единственным Учителем, и следственно всех человеческих учителей низвел в разряд учеников, и однако чрез сие не преувеличил Своего достоинства и не оскорбил их достоинства. *Един есть ваш Учитель Христос* (Матф. XXIII. 8). Итак вы делом исповедуете, что Христос есть Божия премудрость поучающая, и Он же есть предмет поучающей премудрости – истина: что *Господь дает премудрость* наставляющим, *и от лица Его познание и разум* в наставляемых (Притч. II. 6).

Взирая на сие с утешением, и призывая свыше умам и сердцам наставников и наставляемых внутренне озаряющий свет Христов, надеюсь найти открытый слух, если прочитаю некия слова из святой учебной книги Божественного Учителя, которая одна удовлетворила некогда Иустина Философа после всех философских мудрований, и которой, после приобретенной славы афинской учености, отдали себя в ученики Василий Великий и Григорий Богослов.

Аз на сие родихся, и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину (Иоан. XVIII. 37). *Аще вы пребудете во словеси Моем, воистину ученицы Мои будете; и узрете истину* (Иоан. VIII. 31. 32). *Аз есмь путь и истина и живот* (Иоан. XIV. 6). Это суть собственные слова небеснаго Учителя. Ревнителям знания, просвещения, мудрости, следственно ревнителям истины, не радостно ли видеть, какую высокую важность дает Он истине, и как сильно побуждает к исканию и уразумению ея.

Бог Слово сходит с неба; *одейся светом, яко ризою*, отлагает одежду славы; облекается в одежду нищеты, – в естество человеческое; *приходит в мир*; добровольно идет на встречу пререканиям, лишениям, бедствиям, гонениям, несправедному осуждению, многострадальной смерти: для чего столько необычайностей, столько без меры усиленных подвигов? Он отвечает: *да свидетельствую истину*. Видно, истина нужна миру; видно, нужно чрезвычайное о ней свидетельство; видно, не была бы она достойно и удовлетворительно засвидетельствована, если бы не свидетельствовал о ней воплощенный Бог-Слово.

Истина есть одна из естественных и существенных потребностей духа человеческого.

Божественное Откровение говорит в глубоком значении, что слово Божие, или истина Божия есть хлеб жизни. *Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Матф. IV. 4). Подобно и естественный разум, хотя не в таком глубоком разумении, может сказать, что истина есть жизненная пища духа человеческого. Уничтожьте истину: в уме останется пустота, глад, жажда, томление, мука, если только он

не в омертвлении или не в обмороке от крайнего невежества. Если вздумаете питать его образами воображения, имеющими преходящий блеск, но не заключающими в себе твердой истины: ему вскоре наскучит черпать воду бездонным сосудом; и жажда его останется неутолимою, и мука неисцельною.

Что значит любопытство детей, их желание о всем спросить, и все узнать? Это естественная жажда истины, еще не знающая определительно, чего жаждет, и потому стремящаяся поглотить, что только можно.

Чего ищет судия в законе и в судебном деле? – Истины. Если бы вы могли уверить его, что он не найдет истины: вы уничтожили бы закон и правосудие.

Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной, и в тайных хранилищах природы человеческой? – Истины. Утвердите, что нельзя найти ее: вы поразите науку смертельным ударом.

Но можно ли действительно находить истину? – Должно думать, что можно, если ум без нея не может жить, а он, кажется, живет, и конечно не хочет признать себя лишенным жизни.

Были люди, которые хотели доказать, что истина недоступна познанию человеческому. Но что значит доказать? – Значит истину, скрывающуюся во мраке неизвестности, или во мгле сомнений, вывести на свет, посредством одной или нескольких истин, ясно познанных, и несомнительно признанных. Итак истина существует прежде доказательств; уже присутствует при их рождении, и смеется над теми, которые хотят доказать ее отсутствие или несуществование, но для сего принуждены ее же призвать на помощь.

От любомудрия новейшего времени можно услышать, что ограниченное, многочастное, условное, относительное, чувственно являемое (*phainumeton*), изменяющееся, преходящее не представляет совершенной истины; что коренная и совершенная истина должна быть найдена в непреходящем, в неизменяемом, в умосозерцаемом (*noumeton*), в отрешенном, в безусловном, в единичном, в бесконечном. В сих словах нечто слышится о истине: но не слишком ли мало в них ясности? Многие ли удобно и верно выразумеют каждое из них? Но разве истина только для немногих мучителей собственного ума, а не для всего человечества? И не ужели к началу света надобно идти непременно темным путем? Менее ли удовлетворительно, и не более ли понятно для всех, если скажем, что корень и основание истины, средоточие истин, солнце мысленного мира есть чистое умопредставление, или по вашему, идея Бога, Творца, Вседержителя; и что сия истина весьма доступна познанию всех человеков; *понеже разумное Божие яве есть в них; Бог бо явил есть им; невидимая бо Его от создания мира твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Римл. I. 19. 20).

В слух столицы язычества, в слух народов и мудрецов языческих сказал Апостол Павел, что *разумное Божие яве есть в них*. Так он был уверен, что против сей истины не может быть основательного возражения. Но в след за сим он же, не опасаясь быть в противоречии с самим собою, сказал, что сии самые люди, для которых *разумное Божие яве есть, премениши истину Божию во лжу, и почтоша и послужиха твари паче Творца* (25). И на сие очевидным доказательством также имел он пред собою целый мир языческий, и опыты веков и тысячелетий.

После сего извольте усмотреть, ревнители истины, в каком положении находится человечество в отношении к истине. Истина так необходима ему, как пища; истина

доступна его познанию: а между тем целый мир в продолжении веков и тысячелетий не умел найти и привести в действие первую, коренную, преимущественно необходимую, *яве* поставленную истину. Не несчастно ли человечество, не умея познать истину, преимущественно необходимую и спасительную? И еще не виновно ли оно пред Богом, не приняв истины, которую *Бог явил есть*? Что же далее по естественному последствию предыдущаго и вместе по правосудию Божию? – Неразрешимая мгла сомнений? Блуждение во мраке неизвестности, или в след за обманчивыми призраками? Гладная смерть духа, и, по кратковременной призрачной душевной жизни, погибель всего человека? – Такова точно была и была бы навсегда судьба человечества, еслиб Бог, Который познавательное о Себе явил человекам посредством естества сотворенных вещей, по преизбытку милосердия, не явил Себя вновь посредством Своего воплощенного Слова, Своего Единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа.

Так определяется значение, и открывается сила изречений Христа Спасителя, что Он *на сие родился, и на сие пришел в мир, да свидетельствует истину*; что только *пребывающие в словеси Его* имеют надежду *уразуметь истину*; что Он Сам *есть истина*, и *путь к истине и жизни*. *Благодать и истина Иисус Христом бысть* (Иоан. I. 17), говорит возлюбленный ученик Его. Почему прежде *благодать*, и потом *истина*? – Потому, что человек не только не знал истины, но и был виновен в непринятии истины, и за то недостоин ея новаго откровения; и потому потребна была *благодать*, преизбыточествующая милость, чтобы удостоить его новаго и высшаго откровения истины. Какого откровения истины? – Тот же возлюбленный ученик объясняет: *Бога никто же виде нигде же; Единородный Сын, сый в лоне Отчи Той исповеда* (18); – исповедал Бога, не только как творца и Вседержителя, но, что особенно и дивно, и вожделенно, как Отца, милующаго, любящаго и спасающаго. *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный* (Иоан. III. 16).

Не скажет ли мне ктонибудь: это истина Божия; предоставляем ее богословам; нам предлежит подвиг о истине естественной, полезной для человека и для общества человеческого? – А мне, братия, предлежит забота и подвиг о том, чтобы вы не отстраняли от себя истины Божией. Для чего хотят разсекать истину? – Разсекать значит убивать. Нет жизни без единства. Не ужели думают, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной, полезной человеку и обществу человеческому, и что последняя так же может жить без первой, как и в соединении с нею? – Посмотрите на народы и на общества человеческия христианския и не-христианския. Не там ли ясно светит истина естественная: естествоиспытательная, умственная, нравственная, созидательная, благоустроительная и благоуукрашительная для человеческих обществ, где сияет солнце истины Божией и Христовой? Не ночь ли покрывает естественныя способности и жизнь народов, над которыми не возшло благодатное солнце истины Божией и Христовой? Исторгните солнце из мира: что будет с миром? Исторгните сердце из тела: что будет с телом? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божию и Христову из человечества: с ним будет тоже, что с телом без сердца, что с миром без солнца.

Но я по призванию любомудр и естествоиспытатель: какое же должно быть мое отношение к истине Откровения? – Не мечтай, что ты можешь создать мудрость; помышляй лучше, что мудрость может прийти, и пересоздать тебя: и когда, с Соломоном, найдешь, что *во множестве* самодельной, неудовлетворяющей *мудрости* *множество досады* и только *крушение духа* (Еккл. I. 17. 18); тогда не стыдись и не медли исповедать, и твоему естественному любомудрию призвать на помощь, Того, в *Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол. II. 3), *Иже бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (1 Кор. I. 30).

Я изыскатель истины бытописаний человеческих: чем должен я истине Божией? – Не попусти себе тупым взором видеть в бытиях человечества только нестройную игру случаев и борьбу страстей, или слепую судьбу; изощри твое око, и примечай следы провидения Божия, премудраго, благаго и праведнаго. Остерегись, чтобы не впасть в языческое баснословие, доверчиво следуя тем, которые в глубине древности мира указывают, так названные ими, *доисторическия времена*. У язычников басня поглотила истину древних событий: мы имеем истинную *книгу бытия*, в которой нить бытия человеческого начинается от Бога и первого человека, и не прерывается, доколе наконец входит в широкую ткань разнонародных преданий и бытописаний.

Я исследователь звезд, планет и их законов: чего требует от меня истина Божия? – Ты очень искусно возвысил проницательность своего зрения, чтобы видеть в небесах невидимое простому оку: потщись возвысить также искусно проницательность твоего слуха, чтобы ты мог ясно слышать, и возвестить другим, как *небеса поведуют славу Божию*. Укажу тебе для примера на одного из подвижников твоего поприща. Когда он усмотрел¹, что одна, долго наблюдаемая звезда, в продолжение наблюдений, переменила свой сребровидный свет в вид раскаленного угля, и потом исчезла: он заключил, что с нею совершилось подобное тому, что предречено о нашей земле; *земля, и яже на ней дела, сгорят* (2 Петр. III. 10); и потому сказал: слава Богу! Пред нашими глазами новое, свидетельство того, что миру предстоит конец; что следственно он имел начало; что есть Бог Творец мира и владыка судеб его.

Я любитель и возделыватель изящнаго слова; должен ли и я свободу и красоту слова поработить строгости высшей истины? – Разсуди, велико ли будет достоинство твоего дела, если красивые цветы твоего слова окажутся бесплодным пустоцветом? Не лучше ли, чтобы в них скрыто было плодотворное семя назидательной истины, и чтобы они издавали благоухание нравственной чистоты?

Все мы, христиане, и любомудрствующие, и в простоте смиренномудрствующие, да не забываем никогда, что Христос есть не только *истина*, но и *жизнь*. В Своем слове и в Своем примере он соделался для нас *путем*, чтобы привести нас *к истине*, и чрез истину к истинной *жизни*. Кто думает обезпечить себя достижением некотораго познания истины Христовой, и недовольно старается обратить ее в действительную жизнь по учению и примеру Христову: тот самую истинною обманывает себя; и подвергает себя опасности умереть на пути, и никогда не достигнуть истинной, вечной, блаженной жизни со Христом в Боге. – *Тако тецйте, да постигнете*. Путем истины стремитесь к истинной жизни.

Так теки царским путем, царская обитель знаний, от твоего первого века в твой второй век. Озревшись на достигнутые успехи, благодари Бога, и поревнуй достигать больших. Не прикрывай лестию неразлучных с делами человеческими несовершенств, но в безпристрастном их признании найди наставление и побуждение к усовершенсиям. Распространяй не поверхностное образование, но просвещение, проникающее от ума до сердца; и да будет плодом знания добродетель и истинное благо, частное и общее. Подвизайся образовать подвижников истины и правды, веры и верности к Богу, Царю и Отечеству, которые бы жили истиною и правдою, и готовы были за них пожертвовать жизнью. Ибо истина, когда за нее умирают, бывает особенно животворна. Аминь.

СССХСV.

306. Беседа

в день памяти Святителя Алексия.

(Говорена в Чудовом монастыре февр. 12;

напечатана в Твор. Св. От. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1855 год>

*Хвалю же вы, братие, яко вся моя
помните, и яко же предах вам,
предания держите (1 Кор. XI. 2).*

Пятый век протекает, как блаженный Пастырь, Святитель Алексий, почил и почивает от видимых дел пастырских: и не престаёт паства, в срочные и несрочные дни, притекать к нему, с благоговением, с верою, с прошениями о помощи в скорбях, в нуждах, в болезнях, в бедах, в искушениях, с утверждению опытами надеждою невидимых, но тем не менее действительных от него благотворений. В сем видна, с одной стороны, сила благодати, пребывающей во Святах, с другой, – постоянство благочестиваго предания. Если бы Святитель благоволил отверсть уста: то не удостоил ли бы он ваше настоящее собрание такой же похвалы, какой Апостол Павел удостоил христиан коринфских: *хвалю вы, братие, яко вся моя помните, и предания держите?* – Счастливы были бы мы, если бы явились вполне достойными такого одобрения.

Предания, соблюдение которых Апостол одобряет, и чрез то утверждает, и предлагает к дальнейшему исполнению, суть не одного рода. Есть предания догматов, то-есть, главнейших истин веры и благочестия. Есть прадания церковных правил и чиноположений, для совершения Богослужения, и особенно таинств веры. Соблюдение сих преданий лежит на попечении особенно священноначальствующих и учащих в Церкви: и в свидетели постоянного сохранения сих преданий в православной Церкви довольно представить неизменный Символ веры, от Апостолов до Собора Никейскаго наиболее устный, со времени сего Собора донныне писанный, и чин Божественныя литургии, от Апостола Иакова до Василия Великаго частию писанный, частию подражательно преемственный, а от времен Василия Великаго и Иоанна Златоустаго неизменным писанием огражденный.

Между преданиями, которыя Апостол называет своими, есть и такая, которыя, исходя от начал христианских, простираются от Церкви в обыкновенную домашнюю и общественную жизнь христиан, и составляют их обычаи. Так он повелевал христианам *отлучатися от всяка брата безчинно ходящаго, а не по преданию* (2 Сол. III. 6) Апостольскому, то-есть, удаляться от сообщения с человеком, который ведет жизнь праздную и рассеянную, или обезображенную подражанием обычаям языческим. Так он предписывал, чтобы христианския жены ходили *во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием, не в плетених власов* (1 Тим. II. 9), по подобию жен языческих. Как предания сего рода суть более наставления и советы о приличном и полезном, нежели строгия заповеди о необходимом: то сохранение оных наиболее зависит от внимания, разсудительности, послушания и усердия получивших предания.

Приближая Апостольския наставления к себе, и к нашим обстоятельствам, не погрешим, думаю, если скажем, что Апостольской похвалы достойны те, которые чтут, хранят и употребляют к лучшему направлению своих дел и жизни добрыя предания добрых предков, и особенно происшедшия от духа благочестия и благоприятствующия сохранению благочестия и чистоты жизни, и которые не увлекаются чуждыми новостями,

дающими обманчивый блеск жизни чувственной, и неприметно простирающими мглу и мрак на жизнь нравственную и духовную.

Образование способностей и направление жизни, какое кто имеет или может иметь, получается посредством учения и предания. Но учением, особенно правильным и основательным, пользуются немногие из всего числа народа; и при том из сих немногих едва ли не большая часть употребляют приобретенные познания, только как орудия для некоторых особенных дел и занятий, а живут по преданию и подражанию. По сему можно судить, как много значит предание для жизни и благосостояния человека и народа. Итак если, по несчастю, дошло до нас предание худое, неблагоприятное для истинного благочестия и добрых нравов: не должно уступать или колебаться; надобно здравым учением и сильным противоположным примером остановить наследственную заразу, уврачевать настоящий род, и охранить здоровье будущих поколений. Но если добрые предки оставили нам предание доброе, от истинной веры и благочестия произшедшее, и благочестию споспешествующее, благоприятное благонравию и благоустройству семейства и общества: сие наследие душ менее ли ценно, нежели наследие домов и земель? Сие сокровище сердец менее ли достойно сбережения, нежели сокровище сундуков?

В слове Божиим видим, как Сам Бог основывает и утверждает родовое и народное благочестивое предание. Он глаголет Аврааму: *Авраам бывая будет в язык велик и мног, и благословятся о нем вси языцы земнии; вем бо, яко заповесть сыном своим и дому своему по себе, и сохранят пути Господни творити правду и суд* (Быт. XVIII. 18. 19). Потомки Авраама составят народ многочисленный, имеющий великое значение между народами. Но как и почему это будет? – Авраам оставит своим потомкам благочестивое предание; и они сохранят благочестивое предание.

Удивления достойно, что Бог не только для избранного народа Своего, но некоторым образом и для Себя употребляет человеческое предание. Не довольно ли произнести одно имя Бога, чтобы человек ощутил и благоговение, и любовь, и покорность? Так иногда и творит Господь: *да убоишися Господа Бога твоего; Аз Господь* (Лев. XIX. 4). Но иногда, как бы не довольствуясь Своим именем, Он присоединяет к нему предание имен человеческих. *Рече Бог к Моисею: тако речеши сыном Израилевым: Господь Бог отец наших, Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль посла мя к вам* (Исх. III. 15). Конечно предвидено, что напоминание благочестиваго предания благочестивых предков удобнее отверзет сердца народа Богу, и возбудит веру, чтобы принять от Него чудеса и спасение.

Сынове России! Бог Владимира, Бог Александра Невского, Бог Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Сергия, чрез роды и веки предал и сохранил нам чистую, святую, православную веру Христову, и чрез веру посеял и возрастил в жизни предков наших добрыя семена, способныя взаимно питать веру и простираť ея действие в потомстве. Тщательно ли мы пользуемся сим наследием? Бдительно ли храним сие сокровище? Наши предки по доброй совести могли говорить с Пророком: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего* (Пс. XXV. 8). Все ли мы можем, – довольно ли многие из нас могут сказать о себе сие слово, не опасаясь быть обличены делом? Наши благочестивые предки, в праздники и посты, участием в церковном вечернем, утреннем и дневном Богослужении благоговейно приносили жертву Богу; и находили в оном собственное услаждение. Признаем благословенное наследие сих расположений в тех, которых с утешением видели мы наполнявших сей храм во все дни сей седмицы поста. Но не много ли между нами и таких, которые часы предпраздничнаго вечера отдають зрелищам и забавам, а часы праздничнаго утра сну, после ночи, превращенной в день, недостойный солнца? Наши предки, может быть, не всегда умеренно пиршествовали в праздник; но в день непраздничный

обыкновенно были воздержны и трудолюбивы, и строго соблюдали пост: ныне можно нередко встретить людей, которые роскошь прославляют, как добродетель; дни работные проводят в игре и праздности, и оскорбляют святость поста, одни, покрывая именем поста несколько измененный вид роскоши, другие, нередко совсем забывая о посте. Трудно было бы кончить, если бы решиться исчислять, как много набожного, доброго, невинного, скромного из преданий и обычаев отеческих пренебрежено и утрачено, и как много многие приняли чуждых, очевидно бесполезных, и неприметно клонящихся к вреду новостей. Указать ли на раболепство чуждому непостоянству и нескромности в одежде? Указать ли на страсть к искусству Иродиады, сделавшуюся для многих почти законом? Указать ли на неизвестное природе лакомство прахом и дымом худородного зелия? Указать ли на обычай многих без нужды употреблять чуждый язык, как будто некое отличие высшего звания и образованности? Может быть, меня обвинят, что обращаю внимание на мелочи? – Обвиняйте, если угодно: вам от сего не будет пользы; полезнее же вам помыслить, можете ли оправдать себя, когда с чужой земли собираете, конечно, не мудростию указанные, мелочи, и наполняете ими ваше недра, извергая из него доброе, положенное добрыми предками? При сем надобно принять в разсуждение, что кажущееся маловажным имеет иногда немаловажное значение. Если бы вы слышали обличение: *вознесошася дщери Сиони, и ходиша выею высокою, и помизанием очес, и ступанием ног, купно ризы влекующая, и ногама купно играющая*: не показалось ли бы вам, что взыскательно преследуется маловажное? Но Пророк сквозь сии легкия черты суеты, конечно, усматривает глубокое повреждение нравов; и потому к обличению присовокупляет угрозу: *смирят Господь дщери Сиони* (Иса. III. 16. 17).

Другой Пророк сказал в обличение древних Израильтян: *смесишася во языцех, и навыкоша делом их; и поработаша истуканным их, и бысть им в соблазн* (Пс. CV. 35. 36). Не надобно ли нам, благочестивые Россияне, взять из сего некоторое наставление для нашей осторожности? Или наше иное дело, когда мы заимствуем некоторые чуждые мысли, некоторые чуждые обычаи, кажется, не языческие, не от языческих народов? На сей вопрос отвечать можно другим вопросом: что в древних народах языческих так опасно было для народа Божия, как подражателя, тому подлинно ли нет ничего подобного в нынешних народах, именующихся христианскими; между тем как мы знаем, что у одного из них противохристианское неверие и безбожие с дерзостию явилось в некоторых умах и в книгах, и перешло к другому; а у сего другого не очень давно воцарено было государственным законом; и ныне видим, что сии же народы воздвигли яростную войну против христиан в защиту врагов Христианства?

Но удержимся от произнесения суда на других. Осудим наши погрешности и грехи. Принесем покаяние Вземлющему грехи мира. Утвердим себя в вере отцев наших. *Смиримся под крепкую руку Божию, да нас вознесет во время* (1 Пет. V. 6). Аминь.

СССХСХVI.

307. Беседа

на день рождения Благочестивейшаго Государя

Императора Александра Николаевича.

(Читана в Чуд. монаст. апреля 17; напечатана

в Твор. Св. От. 1855 г. и в собрании 1861 г.)

<1855 год>

Нынешний день за тридцать семь лет пред сим вышел из круга дней обыкновенных, и ныне в первый раз явился в своем полном значении. Теперь благовременно воспоминанием и размышлением соединить предзнаменательное начало с предзнаменованным совершением.

В двенадцатом году текущего столетия, мать градов, град Царского венчания и помазания, Москва, по судьбе Божией, и частью по свободному действию любви к отечеству, сделалась жертвою всесожжения, за спасение России, и в следствие сего, для избавления Европы от утеснителя, ненасытным властолюбием и ненасытною войною пожиравшаго и чужих и своих.

Лет через пять потом, когда всесожженная жертва, возродясь из своего пепла, являла в себе новую жизнь и деятельность, но еще не в прежней силе, Александр Благословенный, в совете своей любви к своей древней столице, сказал: надобно утешить Москву после ее страданий, и подкрепить ее деятельность. И Он даровал ей на год свое присутствие, почти со всем Царским Семейством.

Таким образом *сердце Царево*, которое *в руке Божией*, не зная, следовало вышнему совету Провидения, в котором на то время положено было, царский град, с молитвою и самоотвержением выдержавший тяжкое испытание, утешить царственным событием, соединенным с великою царственною надеждою. И Москва увидела в стенах своего Кремля рождение царственного Младенца, долго пред тем не имев подобного счастья, доставшагося новой столице. В сем храме сей Младенец принял святое крещение; и в след за тем из объятий Благочестивейшей Праматери перешел в объятия Святителя Алексия. Необыкновенно велика была радость Москвы о Новорожденном: и ныне мы можем понимать, что то было предчувствие и предзнаменование. Москва сделалась колыбелью будущего Царя, тогда еще неугадываемаго, но уже свыше предопределеннаго. Наконец предчувствие оправдывается; предзнаменование переходит в событие, надежда в исполнение. Александр Второй царствует, и мы празднуем день Его рождения.

Стани в благоговении, древняя мать градов, стани в благоговении вся благочестивая Россия, и созерцай над собою, и благословляй Господа Вседержителя, Всепромыслителя, *Вышняго, владеющего царством человеческим*, смиряющего и возвышающего, наказующаго и милующаго, поражающего и исцеляющего, попускающего брань и приводящего мир, разрушенное бранию возсозидающего миром, горькое воспоминание растворяющего сладостию надежды, на Нем утвержденной надежде дарующаго исполнение превыше надежды.

По истине, братия, благоговейное, с верою и упованием соединенное, помышление о Боге, премудром и всеблагом Всепромыслителе, и о благотворности Его промысления для нас, есть сколько долг справедливости в отношении к Нему, столько же и наша собственная потребность для нашего блага и спокойствия.

По лености мыслить основательно и глубоко, по привычке судить поверхностно, не редко мы говорим, что тому или другому человеку, в том или другом случае, посчастливилось, или не посчастливилось. Это слова без мысли. Если бы я сказал вам, что придти ныне в церковь вам *посчастливилось*: вы конечно, сказали бы, что это слово здесь не дает никакой мысли и неуместно; что вы пришли не потому, что посчастливилось, а потому, что употребили волю, силу и движение. Точно так же и во всяком случае тоже слово не дает никакой истинной мысли, и неуместно пред разсуждением основательным. А между

тем этот мысленный идол благоприятствующего или неблагоприятствующего счастья, многих обольщает обманчивыми надеждами; затрудняет напрасным страхом; заграждает от них Бога Промыслителя, и делает их виновными в забвении Его.

С другой стороны гордость и самонадеяние внушают человеку мысль: я это сделал, или сделаю, с моим дарованием, с моею силою, с моим искусством, с моими средствами. Человек хочет быть достаточным промыслителем сам для себя. Это значит опираться на ломкий тростник; строить дом на рухлом основании. Нет спора, что дарования, искусство, сила, средства много значат для важных дел: но сколько раз видали, что блестящее дарование, как ночной блуждающий огонь, угасало в болоте, что сила сокрушалась пред немощию, что превосходное по видимому искусство перехитряло или недохитряло, и не достигало успеха! Фараон преследовал Израильтян с войском, с конницею, с военными колесницами, которые были превосходным орудием военного искусства и силы в древния времена; Израильтяне бежали, не находя возможности противоборствовать Египтянам: и кто же остался победителем? Израильтяне. Почему? Потому что Фараон думал быть промыслителем сам себе; а Израильтяне преданы были Всепромыслителю Богу.

Есть еще воззрение на события в мире и между человеками, которое изобрела мудрость, но не Богомудрая, а мудрствующая по стихиям мира. Она полагает, что все в мире, от великаго до малаго, с точностию определено законами вещей и действием причин, и потому бесполезно думать о каких-либо чрезвычайных распоряжениях Промысла, которые только возмутили бы порядок и стройное движение мира и его частей. О мудрецы машинальные! Вы хотите полную жизни вселенную, с ея свободными существами, превратить в мертвую машину, которой бы все части невольно движимы были одна другою, и к которой бы великий Художник, ее устроивший, по запрещению от вашего мудрования, не смел прикоснуться для исправления, или улучшения какой-либо части, что может быть особенно нужно, при возмущении порядка злоупотреблением свободы нравственных существ! Вы свободно располагаете у себя в доме вещами, которых вы не только не могли сотворить из ничего, но и произвести из готового вещества: и мечтаете возбранить Сотворившему из ничего и украсившему вселенную располагать всем, что в ней есть, с Его неограниченною свободою и премудростию! – Говорят: все в мире определено естественными законами и причинами и установленным при сотворении порядком. Но разве закон выше законодателя? Разве законодатель поработен закону, истекшему от его власти? Закон не требует ли не только законодателя, но и блюстителя? Причины естественныя разве могут воспрепятствовать действию причины причин сверх естественной? Напротив того, не имеют ли оне нужды в ея действии, содействии, направлении для своего продолжения, так же как и для своего начала? Порядок естественный в самом опыте не являет ли иногда над собою очевидно порядка вышеестественнаго? Например, дождь и град в порядке естественном: но в естественном ли порядке каменный град? И если уступим, что и сие может быть естественно: в естественном ли порядке каменный град, поразивший войско пяти языческих царей, с которыми сражался Иисус Навин? Почему град сей упал в сие, а не в другое время? Почему на войско языческое, а не на Израильское? Естественныя причины и порядок не дают на сие ответа. Ответ дать может только слово Господне. *Рече Господь ко Иисусу: не убойся их; яко в руке твои предах я. И Господь верже на ня камене великое града с небесе* (Иис. X. 8. 11).

О как, преимущественно пред всяким мудрованием земным, удостоверительно, успокоительно, благотворно небесное учение о Творце мира всеназирающем и всепромышляющем!

Не две ли птицы ценятся единым ассарием, и ни одна от них падет на земли без Отца вашего. Вам же и власи главнии вси изочтени суть. Не убойтеся убо (Матф. X. 29–31).
Какая безопасность личная!

Се не воздремлет, ниже уснет храняй Израиль (Пс. СХХ. 4). Какая безопасность общественная!

Клятся Господь Давиду истиною: – аще сохранят сынове твои завет Мой и свидения сия, имже научу я; и сынове их до века сядут на престоле твоём (Пс. СXXXI. 11. 12). Какое утверждение царства!

Рече Господь: *Аз убью, и жити сотворю; поражу, и Аз исцелю* (Втор. XXXII. 39). Какой сильный страх для прогневающих Бога, и вместе какое сильное предохранение от дерзости прогневать Бога! И с другой стороны, какая животворная надежда для бедствующих и находящихся в опасности!

Судити имать Господь людем Своим, и о рабех Своих умолен будет (Втор. XXXII. 36).
Какая отрада и для наказуемых за грехи!

Бог нам прибежище и сила (Пс. XLV. 2). Часто, часто да возводим очи наши к Живущему на небесех, – очи сердца благоговеющего, верующего, любящего, кающегося, молящегося, уповающего, благодарящего. *Се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своя: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны* (Пс. СХХII. 2). И как ущедрял много, так верно и ущедрит, поколику охраним, или очистим себя от неправд и нечистот, от которых Он отвращает Свое пречистое око. Аминь.

СССХСVII.

308. Беседа

пред обетом некоторых сердобольных вдов

и при напутствии избранных для попечения о раненых

и больных действующей армии.

(Говорена в Мариинской церкви Вдовьяго Дома

июля 30; напечатана в Тв. Св. От. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1855 год>

Болен, и посетите Мене (Матф. XXV. 36).

Христос Спаситель в Своем Божественном учении предлагает нам сильные убеждения к делам человеколюбия; и хочет возбудить в нас глубокое чувство человеколюбия.

Чтобы подвигнуть нас на дела человеколюбия, Он отъемлет часть завесы, закрывающей от нас будущее; приближает к нашему созерцанию дальний последний день мира; являет Себя, на престоле славы, судиею всего рода человеческого; дает нам предварительно

услышать имеющее быть провозглашенным торжественно, в слух всего мира, в слух времени и вечности, решительное определение суда Его: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Матф. XXV. 34). Кто сии, достигшие столь счастливого решения величайшего судного дела? Кто сии, благословенные Отца небесного, вводимые в наследие царствия вечного? – Это человеколюбивые. Чем так сильно доказали они свое право на обладание небесным наследием? Какими подвигами сделали себя достойными столь высокой награды? – Делами человеколюбия: они напители алчущих, напоили жаждущих, одели нагих, посетили болящих и заключенных в темнице. И поелику им трудно было бы поверить, что за такие невеликия дела можно получить столь великое воздаяние: то Царь Судия объявляет, что бедствующие человеки суть Его меньшие братия, и что служащие им служат Ему Самому; и сим объявлением дает новое сильное побуждение к делам человеколюбия, необычайно возвышая их достоинство.

Как о благах мира, так и о благах духовных *мнози глаголют: кто явит нам благая* (Псал. IV. 7)? Грехи содеянные тяготят совесть; *удобь обстоятельный грех* то и дело приражается к воображению или чувству, и клонит к новым падениям; примеры суетного мира прельщают суетою, и влекут к порокам; чтобы согласить с заповедями Божиими наше положение и принятые обычаи, у нас недостает то благоразумия, то твердости. Слышим, что надобно *распять плоть со страстями и похотьми*, чтобы в нас воскресла духовная жизнь с ея благодатными утешениями: но при одной мысли о распятии трепещет плотное сердце, и неплотский разум останавливает нас в недоумении, где найдем столько духовного искусства, чтобы произвести столь сильный переворот в нашей жизни и в нашем существе. Видим подвиги Святых: но они большею частию нам не по силам. *Кто явит нам благая?* Кто укажет нам верный и удобный путь к спасению и блаженству? –

Знаменася на нас свет лица Твоего Господи (Пс. IV. 7). Ты, Христе Господи, и премудрым недоступны тайны царствия Божия открываешь так, что оне и младенцам понятны. Ты устрояешь путь к сему царствию, и для малосведущих удобно находимый, и для немощных удобопроходимый, чрез малое ведущий к великому, чрез смиренное в горняя. Накормить алчущаго, напоить жаждущаго, одеть нагаго, посетить больнаго, – что сего проще? что удобнее? Вот путь, который всякому открыт, и на котором нет причины останавливаться в недоумении? Кто же охотно вступит на сей путь благодеяния, и продолжит по нему шествие, не изменяя верному пути своею неверностию: тот, по уверению Самого Иисуса Христа, может дойти до того, что провозглашен будет благословенным Отца небесного, и будет призван к наследованию царствия небесного.

Впрочем сей благословенный жребий может принадлежать только тому, кто, как я сказал, не изменяет верному пути своею неверностию. Здесь потребна осмотрительность.

Кто подал, или велел подать, нищему ломоть хлеба и стакан воды; и, пиршествуя за роскошным столом, не заботится, утолены ли действительно голод и жажда нищаго, и не принимает в нем искренняго человеколюбиваго участия: тот да не спешит уверять себя, что уже приобрел право на царствие небесное. Оценить царствие небесное ценою ломтя хлеба и стакана воды значило бы оценить слишком дешево, и оскорбить достоинство ценимаго.

Дело благотворения, сделанное без разсудительнаго и сердечнаго участия в бедствующем, есть тело без души: и не имеет истиннаго достоинства пред судом Христа, котораго закон духовен, и Который по закону духовному и судит.

Если кто и удовлетворительную и обильную многим подал милостыню; но сделал сие с желанием иметь славу благотворителя; таковой подал милостыню своему тщеславию: не трудно разсудить, много ли должен ему Христос за то, что он сделал для себя, а не для Христа.

Углубите мысль вашу в слово Судии мира: *понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе*. Если вы творите добро несчастному, потому что видите в нем жалкое существо: то вы делаете дело естественного сочувствия. Если благотворите бедствующему потому, что видите в нем соестественного вам человека, и сознаете обязанность творить ближнему то, чего желали бы вы себе в подобных обстоятельствах: то вы делаете дело, свободно и нравственно доброе. Но чтобы ваше благотворительное дело было духовно доброе, достойное Христа, вы должны видеть в бедствующем *меньшого брата* Его, который по сему качеству достоин духовной любви и духовного уважения, кто бы он ни был по своему внешнему положению. При таком воззрении сердце христианина конечно скажет ему: поелику благодати Христа Бога обязан ты бытием, жизнью, достоинством человека, откровением благодати и прощения грехов, благами временными, надеждою благ вечных, и поелику за безчисленные и безмерные благодеяния ты ничего не можешь принести ничего не требующему; то какое для тебя счастье, что твою благодарность и любовь ко Христу можешь ознаменовать на том, которого Он называет Своим меньшим братом! Поелику для тебя Христос от превыспренняго небеснаго престола нисшел на землю, и даже до ада; провел на земли тягостную человеческую жизнь, пострадал и умер: ты ли не снидешь к *меньшему брату* Его, в какую бы глубину бедствия и унижения ни был он повержен? Не усладительно ли для тебя будет, не только твоим избытком наполнить его лишение, но и понести самому лишение для него, и пострадать самому, чтобы облегчить его страдания?

Что такая духовная расположения, преимущественно пред вещественностию дел, возвышают ценность христианских благотворений, что по таким расположениям и чаша студеной воды становится достойною небеснаго воздаяния, что таких расположений требует от благотворящих Судия мира, сие можно усмотреть между прочим из того, что Он определяет небесную награду за посещение больных, отделяя их от страждущих лишением вещественных потребностей, от алчущих и нагих. Если таким образом вы обязаны посетить больного, не требующаго от вас вещественной помощи, а только тяготимаго безсилием, болью, скукою болезненнаго бездействия: то что же можете и должны вы принести к одру его, как разве христианскую любовь, сердечное сострадание, искреннее слово утешения Христова?

Вам, призванные и удостоенные служительницы Царскаго человеколюбия, открывается ныне путь к особенному подвигу христианскаго человеколюбия и к Христовой за оный награде. Иные проходят подвиги человеколюбия и для таких несчастных, которых несчастье не ознаменовано никакою чертою достоинства, или даже есть следствие собственной их вины: должное дело и сие, но конечно не так приятное, как предлежащее вам. Ваш подвиг будет в пользу страдальцев, которых страдания ознаменованы печатью достоинства и добродетели, в пользу подвижников, которые от мужественных подвигов за веру, Царя и отечество перешли к подвигу великодушнаго претерпения ран и болезней. Любовь христианская, любовь к Царю, любовь к достойным соотечественникам и к отечеству соединятся, чтобы подкреплять вас в подвиге вашем.

Надеемся, что вы явитесь деятельно верными подвигу, в который вступаете, не только потому, что избраны, но и потому, что сами возжелали.

Надеемся, что небесный Человеколюбец осенит ваш подвиг Своим всевышним благословением, и ниспослет вам Свою благодатную помощь: потому что вы к Нему पहले *открываете путь* свой в общих с нами молитвах, и Его Божественною пищею себя напутствуете.

Надеемся увидеть в вашем действовании тоже человеколюбивое сердоболие, туже крепость духа, неутомимость, благотворность, какая и издавна видим у ваших предшественниц, и благословляем человеколюбца Бога, и Его благословение призываем на них и на вас. Аминь.

СССХСVIII.

309. Беседа

в день тезоименитства Благодетелей Государины

Императрицы Марии Александровны.

(Говорена в Чудове монаст. июля 22-го;

напечатана в Твор. Св. Отц. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1855 год>

Святые, живущие во славе небесной, в высокой и вечной славе, яже от Бога, без сомнения, не имеют нужды в славе земной, в ничтожной славе от человеков. Для чего же святая Церковь узаконила церковныя воспоминания Святых и празднования их памяти? – Разрешение сего вопроса можно почерпнуть из самых чиноположений церковных для сих памятей и празднований. Состав сих чиноположений наполняют главным образом два предмета: во-первых, воспоминание жития, подвигов и добродетелей Святых, во-вторых, призывание их молитв о нас к Богу. Очевидно, что Мать-Церковь воспоминанием их жития, подвигов и добродетелей желает дать нам наставление и побуждение к Богоугодному житию и к душеспасительным подвигам; а призыванием их молитв о нас, поставляет их небесную молитву как бы лестницею, для удобнейшаго восхождения наших земных, немощных, недостойных молитв к пренебесному мысленному жертвеннику Божию.

Последуем, чада Церкви, матернему ея мановению и воспользуемся совершаемою ныне памятию св. равноапостольныя Марии Магдалины, собирая поучительныя черты жизни ея из евангельских сказаний.

Из первой части жития Марии Магдалины ничего неизвестно нам, кроме того, что она была подвержена тяжкому и страшному недугу, в котором обыкновенные врачи тем менее умеют подавать помощь, чем менее понимают его начало. И если бы кто, как некогда Апостолы о слепорожденном, спросил о ней: *сия ли согреши или родители ея*, да тако страждет: не знаем, можно ли было бы, подобно как о том, сказать и о ней: *ни сия согреши, ни родители ея, но да явятся дела Божия на ней*. Но, как бы то ни было, за грехи ли, или не за грехи подверглась она страданиям, мы, не колеблясь, можем утверждать, что сие допущено было Провидением Божиим для того, чтобы над нею совершилось спасительное дело Божие. Если бы она не подверглась страданиям, и не испытала беспомощности в них; то, вероятно, жила бы в родной стране Магдальской, в неведении о чудесах Иисуса Христа и о учении Его; или слух о них приняла бы только с

любопытством, с удивлением, с недоверием; и не возвысилась бы до живой веры и до *крепкой, яко смерть*, любви ко Спасителю. Но страждущая и беспомощная в страдании, не могла быть равнодушна к слуху о Чудотворце, *исцеляющем всяк недуг и всяку язю в людех* (Матф. IX. 35); она поспешила найти Его, сделалась самовидицею чудес Его, уверовала в Божественную силу Его: по вере получила исцеление, и из порабощения силе тмы перешла в свободу света: таким образом недорогою ценою временного бедствия купила вечно блаженную жизнь.

Братия! Кто из нас не испытал в жизни каких-либо бед, страданий, скорбей? Кто не страдал сердцем, видя страждущих, родных, друзей, благодетелей, иногда и целое общество? Из представившагося теперь примера научимся смотреть на все сие с истинной точки зрения, усматривать в сем пути Провидения Божия благие и спасительные, и тесным прискорбным путем достигать истинного блага и спасения.

Лучше ли было бы для Марии Магдалины, если бы она не подверглась страданиям, но провела в стране Магдальской обыкновенную мирскую жизнь, и перешла в страну загробную, не познав Христа Спасителя, и не причастившись благодати Его? – Конечно не лучше, а хуже. Так верьте, что и для нас не лучше, а хуже было бы, если бы мы могли уклониться от бед и скорбей, которыми нас посещает непостижимая, но достоверно премудрая и благая судьба Божия.

Отец небесный хочет образовать в тебе Своего благодатного сына, и для сего назначает тебе трудные уроки, строгия испытания, сильно вразумляющия наказания: и по уверению Апостола, *аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог; всяко бо наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль, последи же плод мирен правды наученным тем воздаст* (Евр. XII. 7. 11). Тяжки тебе уроки, испытания, наказания: но разве лучше было бы тебе облегчену быть от них, и оставаться без плодов правды, и не достигнуть достоинства благодатного сына Божия?

Небесный Врач подает тебе горькое врачевство против болезни, может быть самым тобою не примечаемой, но не скрытой от Его всепроницающего всеведения. Тебе не хочется горечи: но разве лучше тебе не вкусить горечи, и носить в душе болезнь и семя смерти вечной?

Небесный Подвигоположник выводит тебя на поприще нравственных и духовных подвигов, чтобы ты видимому и невидимому злу противопоставил веру, мужество, терпение, и чтобы ты *не побежден был от зла, но победив благим злое* (Римл. XII. 21), получил нетленный венец. Тебе кажется, что это значит поставлять тебя, как Давида против Голиафа, как Иова против диавола? Чтож? Разве Давид не низложил Голиафа? Разве Иов не победил диавола? Но ты, отступающий пред трудностью подвига, чего хочешь? Неужели хочешь отказаться и от победы, и от венца?

Случается от впадшаго в несчастье слышать жалобу: за что я так стражду? – Ответ близок: ты страдаешь за этот самый вопрос. Ибо в вопросе: за что я так стражду? – заключается решительная мысль: я не заслуживаю того, чтобы так страдать, или, что тоже, я стражду несправедливо. Но кто послал или попустил на тебя страдание? Не Бог ли, и Его Провидение? Итак, не видишь ли, что твоим вопросом ты в сердце величаешь себя и укоряешь Бога, если и не ропщешь на Него явно? Не думаешь ли оправдаться тем, что сия несчастная мысль родилась после несчастья и от самого несчастья? – Нет. Ты в несчастьи тот же, который был прежде несчастья. Несмиренная и непокорная Богу мысль спала у тебя в сердце прежде несчастья, но не имела случая пробудиться; несчастье пробудило ее и вызвало наружу. Итак, поспеши сам себе отвечать праведно на

неправедный вопрос: я страдаю за грехи мои; потому что *еще речем, яко греха не имамы, себе прелщаем, и истины несть в нас* (1 Иоан. I. 8), и, если не усматриваю явных грехов, явно привлекая наказание, *от тайных моих очисти мя, Боже* (Псал. XVIII. 13)! Можешь еще о том же предмете предложить вопрос, более разсудительный: для чего я страдаю? И на сие можешь иметь утешительный ответ: по намерению Божию, ты страдаешь для твоего спасения. Господь рек: *претерпевый до конца той спасен будет* (Матф. XXIV. 13). Где же было бы место терпению, если бы не было ничего неприятного, если бы не от чего было скорбеть и страдать? Но *скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование* (Римл. V. 3. 4); и таким образом исполняется обетование Господне: *претерпевый до конца той спасен будет*.

Возвратимся к житию Марии Магдалины, и посмотрим, как наказание, с смиренною покорностию судьбе Божией понесенное в первой части онаго, во второй части принесло *мирный плод правды*.

Когда Христос Спаситель освободил ее от мучительства темных сил, и исцелил от тяжкого недуга: тогда в душе ея к силе веры присоединилась сила благодарности и любви к Избавителю, чтобы дать жизни ея новое сильное направление. Обновленную Христом жизнь Мария совершенно посвятила на служение Христу.

Когда Он *проходящие сквозь грады и веси, проповедуя и благовествуя царствие Божие*, тогда за Ним, после Апостолов, следовали многие жены, *яже служаху Ему от имений своих*; и в числе их первую именует святой Евангелист Лука *Марию Магдалину* (Лук. VIII. 1–3). Посему, должно полагать, что или она первая вступила в сие служение, и подала пример другим; или преимуществовала пред прочими усердием и деятельностью в сем служении.

В грозные часы страданий и смерти Христа Спасителя, когда почти все Апостолы, после обещания умереть с Ним, побеждены были страхом, и скрылись, Магдалина любовью победила страх; она стояла при кресте Иисуса; она была при Его погребении.

Наипаче же, как молния в ночи, просияла крепкая, как смерть, любовь Магдалины в том подвиге, который дал ей, с некоторыми другими женами, наименование *Мироносицы*. И здесь два Евангелиста поставляют ее первую между ними; а святой Иоанн одну только ее именует: *во едину от суббот Мария Магдалина прииде еще сущи тме на гроб Иисусов, с благоуханным миром* (Иоан. XX. 1). Это значит, что предприятие принадлежало ей; а другие следовали ея предводительству. Разсмотрите сие предприятие. Господь Иисус умер на кресте, и погребен. Близкие к Нему в опасности: потому что враги Его и воскресенного Им Лазаря решились убить, и на Апостолов готовы были наложить руки, если бы не воспрепятствовало, и в самом страдании владычественное, слово: *оставите сих ити* (Иоан. XVIII. 8). В высшей степени вероятно, что предречение Иисуса о Его воскресении известно было Магдалине, если не непосредственно, то чрез Апостолов: но видно, и сей луч света угас в ея уме среди мрачных событий. Ибо, в чаянии воскресения, не нашла бы она нужным помазывать миром тело Иисуса, как обыкновенного мертвого; и не произнесла бы сих, отнюдь не воскресных слов: *взяша Господа от гроба, и не веи, где положиша Его* (Иоан. XX. 13). Итак, угрожаемая опасностью, не подкрепляемая надеждою, как дерзнула Магдалина идти, еще *сущи тме на гроб Иисуса*? На пути представилось мыслям ея непреодолимое препятствие. Она вспомнила, что гроб Иисуса закрыт таким тяжелым камнем, которого не в силах отвалить, ни она, ни спутницы ея. Как же и непреодолимое препятствие не остановило ея? Какая всепревозмогающая сила одушевляла и влекла ее? – Сила любви и благодарности к Божественному Спасителю, сила святого сострадания к Святому безвинно пострадавшему.

И какая за высокий подвиг высокая награда! Магдалина первая узрела Господа воскресшего, и сделалась Христовым Апостолом для самих Апостолов; ибо она первая возвестила им воскресение Христово.

Душа христианская! Разумевай из сего примера силу, животворность, благотворность, блаженство любви к Господу Иисусу, твоему Спасителю и Богу. Разумевай высокое даже пред очами Божиими достоинство человеколюбия и сострадания к бедствующим и страждущим и особенно страждущим безвинно, за истину Божию, за правду, за добродетель. И если скорбь, опасность, бедствие, частное или общественное, призывают тебя на дело человеколюбия: не колеблись, не ослабевай пред затруднениями, не медли, пробуждай себя рано, спеши с возможною от тебя помощью туда, где она благопотребна, в доме ли надобно тебе искать предмета твоего человеколюбия, или в хижине, или в больнице, или в темнице, или на краю гроба.

Тот, Который рек: *понеже сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе* (Матф. XXV. 40), в самые тяжкие для тебя минуты, даст тебе услышать глас Своего Божественного утешения, и твой временный подвиг любви христианской увенчает вечною наградою Своей благодати.

Переходя мыслию от церковного к отечественному значению настоящего дня, с утешением усматриваю новое умиленное зрелище христианского и отечественного человеколюбия. Тезоименитая ныне, Благодетельнейшая Государыня Императрица Мария Александровна, еще прежде, в звании Цесаревны, приняла на себя постоянный подвиг человеколюбия, даровав Свое покровительство и материнское попечение многим смиренным дочерям служителей алтаря, дабы усовершенствованным воспитанием их усовершенствовать внутреннее устройство священнослужительских семейств и чрез то благотворно действовать и на семейный быт народа. Потом, уже с высоты престола, Она простерла сострадательный взор на подвизающихся ныне во брани за веру, Царя и отечество, на их особенные, при трудных подвигах, нужды, на их раны, на их семейства, и в собственном доме открыла для них источник благотворений, дав с тем вместе верное направление и притокам народного человеколюбия. Нельзя при сем не вспомнить и подвигов Благодетельнейшей Царицы-Матери, а также и Великих Княгини Елены Павловны, Которые чрез избранных, приготовленных, снабженных и посланных ими служительниц человеколюбия ежедневно и ежечасно посещают страждущих от ран и болезней подвижников отечества, и подают им всякую благопотребную помощь и христианское утешение.

Христе Боже, благословивый послуживших Тебе верою и любовью во дни Твоего истощания! Благослови и ныне служащих Тебе в лице меньших братьев Твоих, которые во имя Твое, и за имя Твое подвизаются!

Христе Царю! Призри на Твое достояние. Благословен еси, *посещаяй жезлом беззакония наша* (Псал. LXXXVIII. 33). Благословен еси, *не разоряяй милости Твоя от нас* (34), *даяй крепость Царю нашему* (1 Цар. II. 10), и верному воинству Его. Но *доколе грешницы, Господи, доколе грешницы восхвалятся, провещают и возлагают неправду* (Псал. XCIII. 3. 4)? *Доколе вознесется враг* (Псал. XII. 3) преисподний? Уже он не чрез неверных возстает на Твоих верных: но Твое имя на себе носящих сделал друзьями врагам Твоим и врагами Твоему православному народу: и тогда как необычайно напряженные действия военного искусства и военных сил не доставляют им торжества, он внушил им причислить к военным средствам – разбой, грабительство, зажигательство, убийство безоружных, истребление мирной собственности граждан и поселян, святотатство, поругание святыни. *Воскресни, Боже, суди земли; яко Ты наследилши во всех языцех*

(Псал. LXXXI. 8). Но, *Господи, да не яростию Твоею обличиши нас, ниже гневом Твоим накажеши нас* (Псал. VI. 1). Аминь.

СССХСІХ.

310. Беседа

в день Тезоименитства Благочестивейшаго Государя

Императора Александра Николаевича.

(Говорена в Чудове монастыре августа 30-го;

напечатана в Твор. Св. От. в 1853 г. и в собрании 1861 г.)

<1855 год>

*Умножися на мя неправда гордых:
аз же всем сердцем моим испытаю
заповеди Твоя* (Пс. СХVIII. 69)

Священное и возлюбленное имя Александра созвало нас во храм, и соединило в молитве веры, надежды и благодарности. С благоговением чтим память святого Александра Невского, который силою веры отражал и вещественное оружие врагов отечества, и мысленное оружие врагов православной Церкви; и пред сильным неверным властителем исповедал свою веру так, что своим прямотушием и дерзновением обезоружил его. С утешением воспоминаем Александра Благословеннаго, который вместе с верноподданными, также одушевляясь верою и надеждою на Бога, не только исцелил рану, нанесенную России поработителем многих царств, проникшую до сердца ея, но и державу врага до сердца пронзил, и это не к смерти, а к исцелению от порабощения. С благодарением и надеждою молимся о Александре втором, наследовавшем имя, благословенное прежде, в залог благословений будущих.

Любовь к Царю не желала бы уменьшать светлость настоящего дня никаким облаком неприятной мысли; но таже любовь не может и один день провести без заботливых мыслей о тяжком подвиге, в который Царь и отечество наше поставлены неправдами бывших союзников, а ныне врагов наших.

По истине, Россия может ныне приносить Богу правды древнюю жалобу: *умножися на мя неправда гордых*.

После неправды соседа, который, быв защищен Царем России от сильного мятежника, вместо благодарности, нарушил царственные договоры и древния права Святых Мест, утеснил православных христиан и тем начал распрю, сколько еще родилось неправд! Возстала *неправда гордых*, которая не могла спокойно смотреть на победоносное могущество России, впрочем ни для какого царства и народа не тягостное, а для многих благотворное; и, судя по себе, не хотела верить правде России; вымышляла мечтательныя на нее подозрения и обвинения, и раздражала ими умы народов. Возбудилась неправда своекорыстия, и, не довольствуясь многими уже, широкими путями к приобретениям, взыскала открыть себе новые, оружием и кровопролитием. Была ли правда в предприятии миротворства, когда предложившие условия мира, какия они нашли безобидными для обеих разногласящих сторон, получив на оныя согласие России, вместо того, чтобы

соединиться с нею, и поддерживать общее уже с нею дело мира, обратились на сторону противника ея, и возжгли войну? Была ли правда и в другом подобном предприятии, когда доверенные воюющих и невоюющих держав нашли путь, которым все они полагали возможным дойти до мира, но две державы вновь обратились решительно на путь войны, не оправдывая сего никакими причинами, и скрывая свои намерения? Не явны ли неправды войны, в которой враги наши свои неудачи против укрепленных мест думают вознаграждать опустошением беззащитных, вероломно употребляют знамя мира, чтобы убивать или грабить не ожидающих битвы, не щадят немощного пола и возраста, оскорбляют святыню поруганием и святотатством? Есть ли правда в союзе, в который вступили христиане с неверными против христиан, с желанием, договоры в пользу христиан, по праву заключенные, без права уничтожить, – в котором защищающие попирают защищаемого, – в который не побуждениями справедливости, а угрозами и прельстительными обещаниями стараются вовлекать царей и народы, чтобы они проливали кровь за дело, для них чуждое?

Что при сем думаешь ты, христианин Россиянин? Не смущаешься ли, что так много попущено неправде. – *Не ревнуй лукавнующим; ниже завиди творящим беззаконие: зане, яко трава, скоро изсхнут, и яко зелие злака скоро отпадут* (Пс. XXXVI. 1. 2). Израиль страдал; Фараон причинял ему страдания: Израиль избавлен; Фараон погиб. Сennaхирим и его многочисленное войско вторглись в пределы иудейского царства, ругались над Иерусалимлянами и над Езекиєю, и даже хулили Бога; Езекия молился: Сennaхирим и его войско погибли; Езекия и Иерусалим спасены.

Древнюю жалобу на *умножившуюся неправду гордых* напомнил я, и на неправду, ныне против нас *умножившуюся*, указал вам, братия, не для того, чтобы увеличить вашу скорбь, или поколебать вашу твердость, но чтобы найти вам и себе утешение, подкрепление и охранение от зла.

Вслушаемся внимательно в слова древняго противоборца неправды, не найдем ли в них щита для ограждения себя от нея, и оружия для отражения нападений ея. *Умножися, говорит, на мя неправда гордых*. Если неправда умножилась; если она устремляется на тебя: что же ты делаешь? как защищаешься от нея? чем отражаешь ее? Покажи образец, особенно нам безоружным. – Он продолжает: *аз же всем сердцем моим испытаю заповеди Твоя, Боже!* – Видите ли достопримечательный образ подвига против нападающей неправды? Неправда возстает против праваго: а он *всем сердцем испытует заповеди* Божии, как бы хранилище победоносных оружий против неправды. Но что может он сделать заповедями Божиими против неправды, которая решилась не бояться их? – Он может испытанием заповедей Божиих, испытанием себя по заповедям Божиим, признанием своих грехов, покаянием в них, исправлением от них, победить неправду в самом себе; а в следствие того, видно, он уверен, что возможет победить неправду и вне себя. В самом деле, если правда Божия попускает неправде врагов с силою нападать на нас; то, конечно, потому наиболее, что мы, будучи правы пред врагами нашими, в то же время не правы пред Богом: а если мы верным исполнением заповедей Божиих вступим в мир и союз с Богом; то, без сомнения, Бог правды не лишит нас всесильной Своей защиты. Царство Божие в мире давно постановило, написало и провозгласило свой договор, в лице Израиля, со всеми царствами человеческими, следующий: *аще слухом послушаете гласа Господа вашего, хранить и творити заповеди Его: – предаст тебе Господь Бог враги твоя, сопротивляющиеся тебе сокрушены пред лицом твоим* (Втор. XXVIII. 1. 7).

Кто вникнул в сказанное теперь: тот не будет думать, что он, или кто другой из нас, не участник в происходящей ныне брани за отечество против неправедных врагов. Нет. Все

до одного мы в ней участвуем, — если не в ее деле, то в ее успехе. Нашею верою, молитвою, покаянием, безпорочностию, благоделанием, короче, исполнением заповедей Божиих мы привлекаем силу и помощь Божию себе и защитникам отечества, с таким непоколебимым мужеством за него подвигающимся: нашим забвением заповедей Божиих, нашими грехами удаляем себя от силы и помощи Божией; и что, если более между нами удаляющих благодать Божию, нежели привлекающих ее?

В истории браней народа Божия видим, что после того, как Иисус Навин с войском чудесно перешел Иордан, открывший для сего свое дно, чудесно низложил Иерихон звуком труб и восклицаниями воинов, — внезапно, при нападении на малый город, воины израильские были отражены и поражены. Смутились и вождь и войско, не понимая, почему отступила от них помощь Божия. Почему же? — *Рече Господь ко Иисусу: согрешиха людие; сего ради не могут сынове Израилевы стати пред лицом врагов своих* (Иис. Нав. VII. 10–12). Дело в том, что Ахар из добычи Иерихонской взял золотой сосуд, деньги и одежду, что вождем было запрещено под клятвою. Преступник истреблен: и Божия помощь и победа возвратились к войску израильскому. Если один грешник и один грех так был опасен: koliko должно быть опаснее множество грехов многих грешников!

Вразумимся и убедимся, что наша собственная неправда для нас вреднее чужой; что страшнее наших врагов — наши грехи. Станем крепко против сих домашних врагов. Надежное против них оружие близ нас: оно в слове Божиим, в заповедях Божиих и в нашей совести! Тогда, как *умножися* на нас *неправда гордых*, мы со смирением и с особенною ревностью *всем сердцем да испытаем заповеди* Божии, чтобы в верном их исполнении находить нашу безопасность и спасение. Аминь.

CD.

311. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору Александру
Николаевичу при вступлении в сопровождении Высочайшей
фамилии в Успенский собор.**

(Говорена сентября 2-го; напечатана в

Моск. и Губерн. Вед. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1855 год>

Благочестивейший Государь!

Твой древлепрестольный град, которому особенною судьбою даровано было с радостию предчувствия принять Тебя вступающего в жизнь, принести первое благодарение Жизнодавцу, даровавшему Тебя России, первую молитву о Твоем преуспейании, надобно ли изъяснять, с какими чувствованиями видит Тебя, как исполнение своих молений, предчувствий, надежд, как начало новых высших надежд отечества?

Глубоко чувствует он сию царскую милость, что Ты, прияв необъятное бремя необъятного царства, и с тем вместе необычное наследие, — необходимое продолжение праведной

брани, среди усугубленных Царских подвигов, нашел однако время вспомнить Твою колыбель – Москву, и даровать ей Твое лицезрение.

Но это не все. С благоговением постигаем высшую мысль Твоего настоящего пришествия. Ты поспешаешь в святилище Твоего наследственного Царского освящения, вознести Твою Царственную молитву, к *дающему спасение Царем* (Пс. CXLIII. 10), при предстательстве Святых Его, и особенно, Святителя Петра, благословившего рождение сей столицы, и Святителя Алексия, благословившего Твое рождение, и приявшего Тебя в свои объятия от священной купели.

Жезл силы да послет Тебе Господь от Сиона (Пс. CIX. 2), и Твоя твердость да превозможет усилия, Твоя прозорливость – ухищрения врагов России.

Уразумееет нынешнюю молитву Твою Россия, и миллионы сердец сольются в одну всецерковную, все-Российскую молитву *о державе, победе, мире, здравии и спасении Твоем*.

Мы приносим Господу еще желание узреть Тебя вскоре с знаменiem священного Помазания в Твоем Родительском и Прародительском венце, среди благословений Неба и России.

CDI.

312. Беседа

в день памяти преподобного Сергия.

(Говорена в Троицкой Лавре сент. 25-го;

напечатана в Твор. Св. От. 1855 г. и в собрании 1861 г.)

<1855 год>

*Бдите и молитесь, да не внидете
в напасть* (Матф. XXVI. 41).

Сие наставление преподавал избранным ученикам Своим Христос Спаситель в последнюю ночь жития Своего пред крестною смертью. Он бодрствовал и молился: и к тому же побуждал учеников Своих.

Да не внидете в напасть, сказал Он. То-есть: вам угрожает опасность. Враг невидимый и враги видимые приближаются с отчаянными усилиями, чтобы поразить главу новосозидаемой Церкви, и разрушить ее основание. Вашей вере предстоит трудное испытание. Вам должно увидеть вашего Учителя в узах, в страданиях, на кресте, и для себя ожидать подобного. Если бдением и молитвою укрепите веру: то пройдете сквозь искушение невредимы. А если воздремлете, и в дремоте угаснет молитва: опасность превратится в действительное бедствие. *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть*.

Посему можно думать, что если бы Петр исполнил в точности наставление своего Божественного Учителя, и укрепился во бдении и молитве: то во время опасности сохранил бы спокойную неколебимость, и не перешел бы от неуместного дерзновения к малодушной робости; не сделал бы неразумительного и бесполезного покушения ударить

ножем раба архиереева, и не был бы доведен празднословием рабов и рабынь до отречения от Христа. Но он воздремал: и от сего произошли последствия, которых он должен был оплакивать горько.

Напоминание о потребности молитвы могу почесть ненужным для многих из предстоящих здесь, которые и пришли сюда с молитвою и для молитвы.

Но довольно ли мы помышляем о *бдении*? Знаем ли его, как подвиг и добродетель? Употребляем ли в пользу душевную?

Каждый из нас бодрствует многие часы в каждые сутки: но это не то бдение, которому Христос Спаситель учит для нашего спасения. Каждый из нас в каждые сутки несколько часов отдает сну: но это не есть лишение бдения. Бдение христианина есть отъятие от естественного сна столько времени, сколько можно без расстройства здоровья, и, как в сие, так и во всякое время, возбуждение души к Богомыслию, к молитве, к наблюдению за движениями ума, воли, сердца, чувств, чтобы оныя непрестанно направляемы были к истинному и доброму, по воле Божией.

Опыт показывает, что возвышенный степень бдения имеет не малое значение и в естественной жизни, в отношении к ее совершенству или усовершению. Во сне светлая жизнь души стесняется и подавляется темною жизнью тела: во бдении жизнь души действует свободно и господственно над жизнью тела. Соответственно сему, обыкновенно у много спящих мало раскрываются способности души: а с высшим образованием сих способностей и с приобретением глубоких познаний обыкновенно соединяется усиленная мера бдения. Если таким образом усиление бдения требуется для возвышения жизни естественной, которая, по соединению души с телом, всегда необходимо делится между бдением и сном: то колико должно быть благопотребнее усиленное бдение для раскрытия и возвышения в силе и чистоте жизни духовной и благодатной, стремящейся к сближению и соединению с жизнью безплотных, которые никогда не спят и не дремлют, а всегда бодрствуют?

Святая Церковь, которая все свои слова и действия направляет к тому, чтобы верно и удобно руководствовать нас к вечному спасению, внятно выразила потребность христианского бдения, и открыла общий для всех путь к оному, издревле учредив особенное Богослужение, известное под именем *всенощного бдения*. Устраняя препятствия со стороны внешней жизни, она не взяла для сего дней, о которых сказано в законе: *шесть дней делай, и сотвориши в них вся дела твоя* (Исх. XX. 9). И чтобы с легкостью и приятностью ввести в подвиг, она избрала для всенощных бдений дни праздников, особенно великих, в которые чада ея особенно свободно могут приносить в жертву Богу свое время так же, как и свои мысли, чувствования и действия, и в которые духовная радость и другия духовныя чувствования без усилий отгоняют сон лениваго тела. Но как пользуемся мы сим учреждением? Нemoшь, нужда, и, может быть, еще причины не столь извинительныя, сократили *всенощное бдение* так, что сие имя есть уже более памятник древних молитвенных подвигов, нежели изображение действительных подвигов наших. И не многие часы церковнаго бдения, в которые мы сократили всенощное бдение, не расхищаются ли у нас, то сном или мирскими занятиями, совсем не допускающими до церкви, то легкомыслием, безвременно увлекающим из церкви, то в самой церкви дремотою тела, порабащающего нерадивую душу, и дремотою души, невнимательной к совершаемому Богослужению?

Впрочем важнейшее не то, чтобы от сна, составляющаго естественную потребность тела, отсекал более и более. Сему препятствовать могут, и особенное состояние здоровья, и

законно подъемлемые телесные труды, требующие не краткого сна для возобновления истощенных сил. Но преимущественно и существенно важно то, чтобы мы, среди самого бдения тела, не погружались в сон душевный.

Ты подвизаешься иметь открытым око ума. *Возводишь очи к Живущему на небеси* (Псал. СХХII. 1); по возможности созерцаешь Его совершенства, и их явление в Его качестве Творца, Промыслителя и Спасителя: и, предваряя всякое другое дело, возбуждаешь твое сердце к прославлению Его: *востани слава моя; встану рано* (Псал. CVII. 3). Низводишь око ума на сотворенные существа: и, сквозь них вновь усматривая Божию премудрость, благость и дивный промысл, вновь возбуждаешь твою душу к хвале Бога: *благослови душе моя Господа; Господи Боже мой, возвеличился еси зело* (Псал. CIII. 1). Со светильником закона Божия испытываешь твои дела, сделанные и предприемлемые; и бодрствуешь над ними, чтобы не управляла ими страсть или прихоть, чтобы не вкралось в них беззаконие, и чтобы нечистота их омыта была слезами покаяния. При свете учения Христова ты проникаешь оком ума в твою внутренность: и бодрствуешь и здесь, чтобы тайная тьма в помыслах и желаниях обнаруживать и извергать, и чтобы не допускать невидимого врага сеять новые плевеы; не полагаясь же на свою проницательность паки обращаешься к испытующему сердца: *искуси мя Боже, и увеждь сердце мое: и виждь, аще есть путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен* (Псал. СХХХVIII. 23. 24). Радуюсь о тебе, брат мой; ты бодрствуешь духовно; благо и спасительно такое бдение. Такое бдение, сделавшись вседневным, делается и всенощным: потому что утвержденный во бдении ум и во сне тела будет *бодр*, и не позволит усыпить себя мечтаниями чувственными.

Но если, при открытых к свету видимому очах, око ума нашего не открыто к свету невидимому, к свету присутствия Божия, к свету закона Божия, к свету учения Христова, к бдительному наблюдению за непорочностию и чистотою наших дел, желаний и помышлений; если у нас много движения по внешнему человеку для преследования предметов чувственных желаний, для снискания скоро исчезающих благ, и нет живого и возбужденного движения по внутреннему человеку к Богомыслию, к молитве, к подвигам добродетели и человеколюбия: то горе нам, братия; дух наш не бодрствует; душа наша дремлет в мечтаниях; наш внутренний человек погружен в опасный сон, и не далеко смертная напасть от невидимого врага, который, если и на бодрствующих рыкает, как лев, коглы паче к спящим легко подкрадется, как змий, и уязвит. — О Христе, могий не тобою от сна, но и от смерти возбудить! *Просвети очи мои, да не когда усну в смерть, да не когда речет враг мой, укрепился на него* (Псал. XII. 4. 5).

В житии преподобного Отца нашего Сергия видим чудные плоды благочестиваго бдения. Во время ночного молитвенного бдения имел он светлое видение, и утешительное обещание умножения учеников, достойных сего наставника. В ночном молитвенном бдении сподобился он узреть Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, и принять от нея вековое благословение своей обители.

И предосторожность против напасти, и желание спасения, и надежда благодати, да соединятся в нас, братия, чтобы непрестанно подвизать нас к деятельному исполнению слова Христова: *бдите и молитесь*. Аминь.

CDII.

313. Беседа

по освящении храма Пресвятыя Троицы,

в Троице-одигитриевском общежитии.

(Говорена окт. 1-го; напечатана в

Твор. Св. От. 1855 г. и в собран. 1861 г.)

<1855 год>

*Аще не Господь созиждет дом, всеу
трудишася зиждущии, гласит
Боговдохновенная песнь (Пс. СХХVI. 1).*

Слово Духа Божия изрекает, без сомнения, точную и непререкаемую истину.

Итак, если справедливо, что дом создается благоуспешно и благонадежно только с Богом, под покровительством Провидения Его, с благословением Его, с помощью Его: то равномерно справедливо, при виде дома, благоуспешно и благонадежно созданного, сказать: видно, *Господь создал* сей дом, когда *не всеу трудишася зиждущии*; видно, дарованы сему делу Божие благословение, Божия помощь.

Видим здесь не только дом, но и дома, добрым устроением созданные, не только дома жительства человеческого, но и дом Божий, дом молитвы, таинств и славы Божией, и уже не один дом Божий, но уже четыре олтаря, уготованные для приношения Богу умиловительной, безкровной, но живой и жизнодательной жертвы. Как же не помыслить, и не сказать, по мысли священного Песнопевца: видно, *Господь создал* все сие; видно, Его благое Провидение и помощь споспешествовали, чтобы *не всеу трудились зиждущии*; видно, есть над сим местом Его благословение и покров.

Мы должны будем более утвердиться в сих мыслях, если знающим напомним, а незнающим, хотя отчасти, покажем довольно долгую, большею частию из нечаянностей составленную цепь событий, которая сделали возможным нынешний здешний праздник, с надеждою для сего места дней благих и далее.

За двадцать девять лет пред сим пришел на сие место старец, многолетний пустынножитель, и с ним несколько дев и вдовиц, находившихся под его духовным руководством. То были птицы, лишенные гнезда; овцы, не имеющие ограды. Благородная владетельница сего места предложила им сию землю для поселения. И пустынножитель устрасился было дикости сего места, на котором видел только лес и болото, и которое не представляло никакого удобства для снискания жизненных потребностей. Он обратился было к другим местам: но те представляли неудобства более важные, в отношении к бозмолвию духовной жизни. Итак сие место принято, как дар судьбы, который не казался приятным, но от которого нельзя было отказаться.

Но кто был сей старец? Кто сии девы и вдовицы, составлявшие под его руководством благочестивое общежитие, но не имевшие места общежития? – Они не в сей стране родились; не в сей стране жили: непредвиденная судьба перебросила их сюда из дальнего края сибирского. Сия нечаянность была последствием других нечаянностей.

Во второй половине прошедшего столетия в Брянских лесах пустынножительствовал благочестивая памяти Иеромонах Адриан (в последствии времени Иеросхимонах Алексей), с несколькими учениками. К ним пришел, познавший суету мирской жизни, юный благородный воин; пленился их жизнью, и возжелал прилепиться к ним.

Безпокойства от неблагонамеренных людей и нападение разбойников были причиною того, что они перешли в северо-западный край отечества, в монастырь Коневский, в котором Адриан и настоятелем поставлен был. Здесь бывший воин Захарий вступил в монашеский чин под именем Зосимы; и провел десять лет, частию в общежитии, частию в пустынном уединении. Когда же Адриан, по любви к безмолвию, оставил настоятельство и монастырь Коневский: тогда, по благословению его, и Зосима, с другим благочестивым иноком Василиском, котораго почитал своим старцем, удалился на безмолвие в сибирские леса и провел там двадцать лет, и более.

В благодатном царствии Христа Спасителя нередко можно усматривать, что Он среди сокровенных подвигов засвечивает в душах избранных благодатный свет: но потом действует по Своему правилу, изреченному в Евангелии: не скрывать светильника под спудом, но употреблять его для просвещения чрез него и других. Сие можно примечать и в житии старцев Василиска и Зосимы.

Василиск безмолвствовал в пустыне безысходно: Зосима должен был иногда входить в селения, для приобретения необходимых потребностей жизни, и следственно вступать в сношения с людьми. Ему встречались души, труждающиеся и обремененные в мире, ищущия душевнаго покоя, и нуждающиеся в руководстве к нему. По усильным просьбам, с благословения старца Василиска, Зосима принял их в свое руководство: и таким образом началось в дальней Сибири общежитие, которое здесь ныне видим.

Как же очутилось оно здесь? Оно испытало неудобство жить на чужой земле, без церкви, без священника, без правильного отношения к духовному начальству: и старец Зосима, побуждаемый духовным человеколюбием, дважды предпринимал и совершал путешествие в Петербург к Святейшему Синоду, и испросил для сего общежития опустевший Туринский монастырь, получив с тем вместе поручение благоустроить оное. Чем более успеха обещало сие распоряжение: тем более возъярился враг спасения человеческого, и подвигнул тяжкое искушение. Он возбудил в некоторых страсть любоначала; от сего возникли распри и ухищрения; оне привлекли суд; суд поврежден был человекоугодием: и верная руководству старца сестры общежития, вместе с ним, принуждены были удалиться, и явились в Москве и здесь, как птицы, лишенные гнезда, как овцы, не имеющие ограды.

За сим нечаянности горькия начинают переходить в нечаянности утешительныя.

Устроилось здесь скудное жилище общежития: но не было способов пропитания; не было твердой ограды: не было церкви. Зосима принужден был ходить в Москву для снискания потребнаго. Некто спросил его: что ты не безмолвствуешь, а обращаешься в молве города? Он отвечал: лучше мне претерпевать сие, нежели девам, посвященным Богу. Для сего духовно человеколюбиваго слова нашлось духовно человеколюбивое ухо. Благочестивый муж, котораго Бог благословил честно приобретенным богатством, и который щедро уделял от онаго на созидание и украшение храмов Божиих, и на благотворения честным обителям и нуждающимся ближним, — не умолчим его имени; потому что Господь недавно призвал уже его к себе, и он не имеет нужды остерегаться славы человеческой, — раб Божий Симеон, решился освободить дев, посвященных Богу, от необходимости часто входить в молву города для своих нужд. Он снабжал общежитие всем, что для него нужно, как скоро узнавал о том; построил для него достаточныя и прочныя здания; обнес его оградой; подарил ему землю, которая бы всегда доставляла пособие пропитанию сестр общежития.

Общежитию духовному необходима была церковь, тогда как оно, будучи только частным учреждением, не могло требовать ее себе по закону. Перст Божий указал на оное благочестивой Царевне Фомари, и она, по праву своего имени, испросив от Святейшаго Синода разрешение создать для себя церковь, и устроив оную, при содействии других благочестивых и благодеющих, даровала общежитию сие небесное на земли сокровище, после чего уже нетрудно было испросить оному открытое законное существование, утвержденное благословением Святейшаго Синода и Высочайшею властью.

Поелику же церковь, устроенная Царевною, была не пространна, и оказалась недостаточною: то вот наконец приснопамятный раб Божий Симеон утроил ее состав и пространство, и более нежели утроил ее благолепие.

Прославим Бога, многообразно, дивно, паче нашего ума и чаяния, устрояющего пути мира и спасения человекам, по их вере и ревности ко благому, дающего неведущим наставника, беспомощным помощь, безкровным покров, гонимым убежище, *вселяющего единомысленных в дом* (Псал. LXVII. 7), лишенным всего дарующего все потребное посредством милосердия обилующих, а обилующим залог лучшего приобретения небесного в делах человеколюбия и в молитвах благодетельствованных.

Никто не надейся на себя.

Никто не отчаявайся в благости Провидения Божия.

Лишенный, скорбящий, озлобленный не лишай сам себя веры и терпения, и непрестанно взыскуй Господа, хотя, повидимому, Он и сокрывается. *Взыскающие Господа не лишатся всякого блага* (Псал. XXXIII. 11).

Избавленные от озлоблений, скорбей, лишений, не воздремлите в вашем покое. Покой устроен вам для безпрепятственного благоделания и свободного служения Богу: вознерадев о сем, сами разрушите покой ваш. Непрестанно благодарите верховного благодетеля Бога, и в Нем и земных благодетелей, добрых служителей Его благости. Благодарное к Богу сердце есть открытый сосуд для Его благодати. Аминь.

СДШ.

314. Беседа

по освящении храма преподобного

Алексия человека Божия, в Страстном монастыре.

(Говорена окт. 24-го; напечатана в

Твор. Св. От. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1855 год>

Не знаю, была ли особенная мысль, которая бы управляла намерением посвятить имени преподобного Алексия, человека Божия, храм, созданный над вратами обители. Но мне в сих вратах встречаются мысли, мимо которых пройти без внимания было бы не безвинно.

Праведный Алексей семнадцать лет жил при воротах дома родительского, в хижине, в убожестве, в добровольном отчуждении от присных, хотя по временам видал своего родителя, и слышал голос бывшей невесты своей, – в посте и сухоядении, хотя получал добрую пищу от стола отца своего, – среди унижения и оскорблений от рабов, над которыми мог быть господином, если бы не уклонился от наследия земного ради наследия небесного. И такое житие его было благословением не только дому отца его, но и всему граду Риму.

Здесь предлагается праведному Алексею не убогая хижина при воротах великолепного дома, но благолепный храм над воротами благочестивой обители, не на несколько лет, но на веки: никто не дерзает уничтожать его, но все признают его святыню, приносят ему благоговейное чествование, ищут его покровительства.

Придет ли он? Согласится ли обитать здесь? Веруем, что, по вере, по молитвам Церкви, по воле дивного во Святых Бога, человек Божий невидимо посещает ныне, и будет посещать храм сей, потопику благоволительно и благотворно, поколику не будет здесь ничего противного его святому житию при благочестивом доме Евфимиана.

Если бы мы могли теперь слышать преподобного Алексея: то услышали бы, думаю, нечто подобное следующему.

«Вы желаете иметь меня стражем над воротами вашей обители. По любви к Господу моему, небесному Пастырю душ, желаю быть стражем истинных овец Его. Будьте же непорочными овцами благословенного стада Его. Слушайте гласа небесного Пастыря, и от Него поставленных приставников. Держитесь овчаго двора – безопасной ограды православной Церкви. От свойственной вам духовной паствы не убегайте на чуждые пажити мирских чувственных наслаждений.

Приятно было мне быть на духовной страже при воротах дома родительского: потому что в нем, в душах Евфимиана, Аглаиды и невестки их были собираемы и хранились сокровища тайной молитвы, веры и добродетелей. Собирайте и вы такие сокровища, которые были бы достойны охранения стражею небесною. Если же, по нерадению вашему, в хранилищах душ ваших не положено ничего доброго, или положенное расточено вами, или расхищено духами лукавствия: то на что страж для пустых хранилищ? Не должен ли он удалиться от стражи бесполезной?

При богатом доме обитал я в нищете, мне любезной. Судите же, было ли бы приятно мне обитать там, где давшие обет нищеты, или готовящиеся к нему домогались бы обилия, избытка, мнимых благ многих, лежащих на лета многа?

Возлюбившему сладость поста было ли бы приятно мне приближаться к тем, от которых исходит тяжкий воздух из обремененного чревоугодием тела?

Обыкши скрываться от присных, не смотря на близость их, дабы внимать своей душе и Богу, могу ли не удаляться от тех, которые не внимают своей душе и Богу, которые любят выходить из ограды безмолвия, чтобы искать присных и знаемых, и с ними по большей части разсеяния и суеты?

С терпением и любовию принимавший оскорбления от своих рабов, как могу иметь общение с теми, которые не соблюдают терпения в обращении с братиею, и на справедливые прещения начальствующих отвечают ропотом?»

Обитающая в сей обители да помыслит со вниманием о том, что говорит им призванный ныне обитать во храме сем преподобный Алексей, человек Божий; и да тщатся устроить себя так, чтобы несомненно могли иметь его благодатным стражем и охранителем обители своей, покровителем душ своих и споспешником спасения их. Аминь.

CDIV.

315. Беседа

по освящении храма святых великомученицы Варвары, в Варваринском сиротском доме.

(Говорена ноября 1-го; напечатана в

Твор. Св. Отц. 1855 г. и в собр. 1861 г.)

<1855 год>

Священный Псалмопевец, в протяженном псалме, исполненном духа молитвы, любви к Богу и учения духовного, после молитвенного воззвания к Богу: *вразуми мя, и научуся заповедем Твоим*, с некою нечаянностью, как бы озаренный внезапным светом, восклицает: *разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя* (Псал. CXVIII. 73. 75).

Видно, пред сим, смотря на свою жизнь и на некоторые происшествия, был он в недоумении о судьбах Божиих. Видно, встречал он такие события, о которых разум его умел только спрашивать: каким образом, почему и для чего сие устроено или допущено Провидением Божиим, и какая в сем правда судеб Божиих, но не умел дать на сие ответа. Как же просветилось неведение, и разрешились недоумения? — Он не домогался постигнуть в тайны судеб Божиих, он желал только *научиться заповедям* Божиим, достаточно уразуметь волю Божию, чтобы благоугождать Богу, и о сем молился: *вразуми мя, и научуся заповедем Твоим*. И сия простая, смиренная молитва привлекла ему свет, который озарил его не только познанием заповедей Божиих и спасительной воли Божией, но и откровением таин и разумением сокровенной правды судеб Божиих: *разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя*.

Сей духовный опыт святого мужа преподает нам достойная глубокого внимания наставления.

Не смущайся, когда встречаешь события скорбные или тягостные, и тебе непонятно, как оне допущены Провидением Божиим, и как согласить их с правдою и благодатию Божиею. Не думай, что там уже и нет правды Божией, где не усматривает ея твое не тонкое око.

Не усиливайся проникать в тайны судеб Божиих. Не дерзали на сие и Святые.

Пойми то, что можно и нужно понять прежде прочаго, именно, что твой разум один недостаточен не только для проницания в тайны Божиих судеб, но и для разумения заповедей Божиих во всем их пространстве и глубине, и в разнообразном их приложении к жизни внутренней и внешней; и что для сего надобно приобрести дар разумения усердною молитвою к Богу: *вразуми мя, и научуся заповедем Твоим*.

Уразумей сию утешительную истину, что искреннее и деятельное желание научиться заповедям Божиим, и исполнять волю Божию, может возвысить душу к нему, и привлечь ей молнию духовного света, не ослепляющую и поражающую, но просвещающую не только ведением правого пути жизни, но и откровением таин правды Божией.

Предложенные теперь размышления, употребительныя с пользою всегда и везде, особенно не чужды настоящему времени и сему месту.

В естественном порядке то, чтобы потомки созидали памятники предкам, дети – родителям. Но сей храм, с прилежащим ему благотворительным учреждением, есть памятник от предков потомкам, от родителя детям. Два сына его, тщательно в благочестивом благонаравии воспитанные, достигшие возраста, который мог обещать ему вскоре сыны сынов, прешли в невидимый дом Отца небесного. Дщерь уже начавшая исполнять подобную надежду, сделавшись супругою и матерью, подобно братьям, поспешно удалилась за пределы видимого, унося с собою и свое потомство. Надежда для отца семейства еще осталась: но много уже надежд утрачено безвозвратно. Темен облак судьбы над сими событиями. Но благословен Владыка судеб, Отец щедрот, Бог утешения. Огорченную любовь к детям Он вразумил искать утешения в любви к ближним, в деле человеколюбия. Утешение, без сомнения, обретено. Можно ли обрести и свет, для усмотрения правды и благости Божиих судеб, сквозь сумрак событий не светлых и не радостных? – Кажется, можно.

Случилось, что душа юноши открылась мне до глубины своей. Он искал разрешения своего недоумения. Видел желание родителя ввести его в супружескую жизнь, тогда как сам желал посвятить жизнь свою Богу в девстве. В нем поставлены были в борьбу две добродетели: почтение к родителю и любовь к девству. Не хотел он отказать родителю в его желании: не хотел отказаться и от любви к девству. Я дал ему совет, чтобы он, не прекословя родителю, просил себе времени на размышление, и между тем прилежно прибегал к Богу с молитвою: *скажи мне, Господи, путь, в онъже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Псал. CXLII. 8). Господь внял молитве; прекратил затруднение; сохранил добродетель: – чрез недолгое время взял к Себе юношу, сохранившего и девство и почтение к родителю. Не безсмертный ли это лучь света из гроба? Не видите ли здесь правды и благости судеб Божиих?

И судьба приснопамятной рабы Божией боярыни Варвары, оплаканная в свое время любовью родительскою, не должна ли ныне быть благословлена, и впредь благословляема, любовью христианскою? Увяло юное древо, и упал в землю ранний недозревший плод: но явилось искусство, действием которого возникает сад, начинающий приносить новаго рода плоды, имеющие возобновляться непрерывно. Не оставившая по себе естественного потомства получает искусственное потомство, рожденное и раждаемое не от плоти и крови, но от духа любви христианской. Если *благословением* признается видеть своих *сынов, яко новосаждения масличная окрест трапезы* (Псал. CXXVII. 4. 5): меньшее ли благословение, даже не высшее ли благословение – по человеколюбию собрать множество чужих сынов или дщерей, сирых, беспомощных, наполнить ими дом, уготовать им трапезу, одежду, покой, полезное наставление, и наипаче вести их к Богу посредством учения веры, посредством молитвы и святыни храма? Пекущиеся о своих детях следуют влечению природы: христиански призревающий и воспитывающий чужих беспомощных детей приносит безкорыстное служение отечеству земному и небесному, и Самому Отцу небесному. Небесный *Отец сирых* и беспомощных являет им Свою благость, возбуждая в сердце человека сострадательное желание расточать на них свои сокровища: Бог правды собирает сии тленные сокровища и составляет из них для

благотворящего нетленное сокровище на небесах. *Расточи, даде убогим: правда его пребывает в век века* (Псал. CXI. 9).

Дадим славу судьбам Божиим, часто для нас непонятным, но всегда правым и благим, которые иногда путем мрака ведут к свету, лишением утешения естественного – к утешению благодатному.

Если иногда не достигаем того, чтобы могли мы сказать: *разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя*: научимся по крайней мере говорить: верую, Господи, *яко правда судьбы Твоя*; и с упованием покоряюсь им.

Похвалим в ближнем, – и в наставление самим себе похвалим – искусство врачевать скорбь деланием добра. Это врачевство превосходное.

Сорадуясь благотворению и приемлющим благодеяния, пожелаем, чтобы насажденное человеком возрастил Бог.

Христе человеколюбче, рекий некогда: *оставите детей приходить ко Мне* (Марк. X. 14)! Се пред Тобою сонм детей. Никто не возбраняет им приходить к Тебе, но мы тщимся приблизить их к Тебе, и приклонить под осенение Твоей десницы. Благослови и благословляй их, да возрастают в благочестии и благодетелии; да будут достойны общества христианского, да соделаются чадами царствия Твоего вечного. Аминь.

CDV.

316. Беседа

по освящении храма Нерукотворенного

Образа Господня в здании Барыковской богадельни.

(Говорена ноября 17-го; напечатана в

Твор. Св. Отц. в 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1855 год>

Мы же вси откровенным лицем славу

Господню взирающе, в тойжде образ

преобразуемся от славы в славу, якоже

от Господня Духа (2 Кор. III. 18).

Образ Господень освятил предварительно сие место: потом благоговение к Образу Господню посвятило ему сей храм.

За сорок три года пред сим вражеская святотатственная рука коснулась храма сего, и в следствие сего прекращено было в нем священнослужение. Но Господень Образ сохранил себя от святотатственной руки; и сохранил свой храм от совершенного уничтожения; впрочем на время оставил его не столько в действии, сколько в надежде и ожидании.

Долго смотрели мы на сей храм, не желая уничтожить его, но и не встречая условий, при которых могли бы возвратить ему полное и непрерывное священнодействие. Молитвенники приходили к Образу Господню: но Царь славы не входил в двери олтаря сего, для совершения великаго таинства Тела и Крови Своея.

Время всякой вещи под небесем (Еккл. III. 1), сказал проницательный наблюдатель событий в мире. Наконец надежда и ожидание оказались тщетными. Молящийся пред сим Образом Господним ощутил благодатный плод молитвы: и дар возбудил благодарность. Благоговение и человеколюбие соединились, чтобы не только храму сему возвратить вполне святыню его, но и дом сей посвятить на дело Божие, – на дело призрения беспомощных. Сие дело одного лица сделалось делом общества, одушевленного тем же духом благоговения и человеколюбия: и храм сей облекся в благолепие, какого не имел от начала.

Да узрят нищие и возвеселятся (Псал. LXVIII. 33). *Да возвеселится сердце ищущих Господа* (Пс. CIV. 3). Да прославят верующие Господа, судьбами Своими воздающего честь святому Своему Образу.

И не безвременно теперь для благоговейных поклонников Образа Господня помыслить, как можно и должно нам воздавать ему подобающую честь и славу.

Обыкновенно мы приближаемся к Образу Христову, и взираем на него, с мыслию и чувством благоговения. Достойно и праведно! Потому что посредством изображения приближаемся и взираем к Самому изображенному, к Господу нашему Иисусу Христу, воплощенному Сыну Божию.

Поклоняемся пред Образом Христовым. Прилично и знаменательно! Это есть свойственное человеку выражение смирения пред величеством Богочеловека.

Возжигаем пред Образом Христовым свещу. Издревле сие было знамением являющегося величества, и благоговения пред величеством. И в скинии Моисеевой, и в Храме Соломоновом пред святынею, прообразовавшею Христа, горел седмисветный светильник, который также был прообразованием света Христова. Поставляя пред Образом Христа горящую свещу, мы сим действием как бы говорим Ему: Ты еси не вещественный свет мира; прими от нас наименее вещественное приношение – свет и огонь, и воздаждь нам внутренний благодатный свет уму и огонь сердцу.

Дерзаем прикасаться к Образу Христову и целовать оный. Дерзновение утешительное для верующаго! Это есть видимое знамение невидимаго *прикосновения* веры (Лук. VIII. 46), движение благочестиваго усердия в сретение чаемому снисхождению благодати.

Пред Образом Христовым возносим молитву Христу Богу. Премудрое в простоте учреждение! Благотворная помощь молитвеннику! Чтобы невидимость и непостижимость Божества не казались отсутствием Его, чтобы ища присутствия Божия ум не впал в представления мечтательныя, чтобы мысли сосредоточивались и охранялись от рассеяния, святой Образ *Бога, явившагося во плоти*, предстоит в одно время и зрению чувственному и созерцанию духовному, и собирает мысли и чувства внешния и внутренния к одному созерцанию Божественнаго.

Когда, по молитве нашей или других пред Образом Христовым, приемлем или видим Божие благодеяние: мы удивляемся, радуемся, сорадуемся, хвалим и благодарим Христа Бога; и наша вера получает новое побуждение прибегать к источнику благодати, с

особенною очевидностию для нас открывшемуся. Все сии душевныя движения соответствуют существу дела и нашей обязанности.

Все ли таким образом совершено? Довольно ли сего? – Не спешите отвечать: довольно.

Иной из нас приблизился к Образу Господню, поклонился ему, произнес или выслушал молитву, может быть, даже получил благоденствие с благодарностию: но потом удалился от Образа Господня не только телом, но и духом; перестал на него взирать не оком только, но и умом; разсыпал свои взоры по суетам и прелестям мира; угасил кадило своей молитвы; наполнил свою душу образами, или, вернее сказать, идолами страстей и вожделений. Какую же принес он жертву Христу? Что значит несколько слов, которыя имели в себе молитвенное значение, но не дух молитвы в произносящем их, и которыя исчезли в воздухе? Что значит минутная благодарность, которая исчезла в сердце? Что приобрел он себе? Не все ли утрачено, если что и было приобретено?

Что же нужно еще, чтобы нам быть истинными, достойными, Богоугодными читателями Образа Господня? – Послушаем одного из таких читателей, и поучимся. *Мы вси, говорит святыи Апостол Павел, откровенным лицем славу Господню взирающе, в тойжде образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа.* Приметьте, что он говорит не о себе одном, а о *всех*; следственно говорит не об особенном преимуществе мужа Богодухновеннаго, а о действии и состоянии, которое доступно многим, и в некоторой степени *всем*. *Мы вси, говорит, откровенным лицем славу Господню взираем*, то-есть, взираем не просто на лице Христово, но на *славу* Его, сущую внутрь, на свет Его Божественной истины, Его добродетелей и совершенств; взираем, не как зрители бездейственные, но представляем светоносному лицу Христову душу нашу, как зеркало для принятия света Его; приемля же и усвая сей благодатный свет, и сами *в тойжде образ преобразуемся*, – по мере нашей возможности деятельно впечатлеваем в нашей душе и в нашей жизни черты Христовой истины и Христовых добродетелей; *преобразуемся от славы в славу*, непрерывно стараясь возрастать в уподоблении образу Христову; и все сие действует в нас не так, как можно было бы ожидать от человеческой природы, оставленной себе самой, но как должно быть *от Господня Духа*, подаваемого верующим.

Невнимательный к истинной жизни духовной, может быть, скажет: неужели каждому из нас надобно преобразиться в образ Христов? Как это можно? – Что это надобно, в том удостоверяет нас верное слово Божие: *ихже предуведе*, то-есть, в которых людях Бог предусмотрел искреннее и неизменное желание благоугождать Ему, и достигнуть вечнаго спасения: *тех и предустави сообразными быти образу Сына Своего* (Римл. VIII. 29). Если же предопределил Бог сделать нас сообразными образу Сына Своего: то, конечно, сделал сие и возможным, и даже удобным.

Христос Спаситель отчасти Сам написал Свой образ, когда сказал: *кроток есмь и смирен сердцем*. И с сим вместе показал и то, как можем мы преобразаться в сей образ: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Матф. XI. 29). Изгладь в душе твоей черты гневливости и гордости; положи в ней черты кротости и смирения: и ты положишь в себе черты образа Христова.

По сему примеру, взирая оком чувственным на образ Христа Спасителя видимый, да взираем прилежно оком ума и сердца на образ Его духовный. И просвещая себя светом истины Его, и подражая, елико можем, явленным в земном житии Его добродетелям, Его ревности о славе Отца небеснаго, Его приснопробыванию в молитве, Его благости и человеколюбию, Его кротости и смирению, Его терпению и послушанию воле Отца

небесного даже до смерти, *в тойжде образ да преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа. Аще и недостойни есмы; не обезнадежим себя: но неослабным подвигом да подвигаемся, чтобы достигнуть сей благодати, отверзающей единственный вход в славу вечную. Аминь.*

CDVI.

317. Беседа

пред благодарственным молебствием, по прекращении губительной болезни.

(Говорена в Чудове мон.

декабря 18-го; напечат. в собр. 1861 г.)

<1855 год>

*Работайте Господеви со страхом, и
радуйтесь ему с трепетом (Пс. II. 11).*

Собравшиеся здесь ныне собрались, думаю, с некоторою радостью. Мы приносим исповедание и благодарение Богу, после того, как Он, по правде Своей, посетил град сей нашествием губительной болезни, и некоторых из обитателей его восхитил скорою смертию, некоторых устранил близостию смерти, некоторых сокрушил печалию о похищенных смертию, но, по милосердию Своему, не попустил губительной болезни поразить многих, и наконец рек Ангелу смерти: *довольно ныне; отыми руку твою* (2 Цар. XXIV. 16). Поколику бедствие страшно или печально: потолику освобождение от бедствия радостно.

Но мы уже не раз имели радость, подобную нынешней: и потом не раз постигало нас бедствие, о прекращении которого радовались; Ангел смерти возвращался и вновь простирал над нами свой меч. Посему, не надобно ли нынешнюю радость нашу растворить доброю мерою страха? Да. Мы предлагали уже прежде, освобожденному тогда от губительной болезни, граду сему вразумляющее и предохраняющее слово Христово: *се здрав еси; ктому не согрешай*. Видно, надобно ныне повторить оное с большею строгостию и с угрозою: *се здрав еси; ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Иоан. V. 14).

Слово Божие учит нас, не только при особенных обстоятельствах, но и вообще нашу пред Богом радость, и даже всякое действие наше соединять со страхом Божиим. *Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом.*

Если бы мы и не имели причины страшиться особенных грозных посещений Божиих: страх пред Богом тем не менее был бы нашею обязанностью. И если бы он не был нашею обязанностью: тем не менее он был бы нам свойствен, как естественное для нас чувство в отношении к Существу высочайшему. И если бы страх Божий не являлся в нас, как чувство, для нас естественное: нам надлежало бы, и надлежит, стараться возбудить оный в себе, как чувство, для нас благопотребное и благотворное.

Призываемый пред лице Царя, если и не чувствует себя виновным пред ним, и не имеет причины опасаться гнева его, если даже видит в призывании знак благоволения его, и знает, что Царь не желает видеть его в страхе, чувствует однако более или менее в присутствии его страх, или разсудительный, происходящий от опасения погрешить пред ним словом или поступком, и явиться недостойным его внимания, или просто невольный и безотчетный. Если таково может быть впечатление присутствующаго величия земнаго: не безмерно ли сильнейшее должно быть действие на нас величия небеснаго, которое никогда и нигде от нас не отсутствует, которое пронизает нас всеведением, объемлет всемогуществом, и единственно своею силою и милостию поддерживает нас, чтобы мы не низверглись в ничтожество, из котораго возведены, или, что хуже ничтожества, в темноогненное лжебытие адское? При сем размышлении не иначе, как с удивлением и страхом надобно вспомнить, что мы даже в те места, в которых признаем особенное таинственное присутствие Божие, в храмы Божии, входим иногда без страха Божия; и здесь, в присутствии Царя Небеснаго, позволяем себе то, чего не позволили бы себе в присутствии Царя земнаго.

Пророк Исаия видел видение в храме Иерусалимском. Храм был исполнен славы. Господь явился *на престоле высоце и превознесенне*. Окрест Его стояли *Серафимы, шесть крил единому, и шесть крил другому; и двема убо покрываху лица своя, двема же покрываху ноги своя, и двема летаху* (Иса. VI. 1. 2). Видишь ли сын персти? Горние благодатные сынове Божии, чистые духи высшаго чина, ближайшии предстоятели Престола Божия, светлы вторые (по слову Отцев), полные сосуды света, переливающие его на низшии чины небесныи, не дерзают взирать на свет несозданный, не смеют предстоять Ему с открытым лицом, благоговейно закрывают очи, уста, лица свои двумя крилами, или, по выражению церковному, *страхом покрываются*. И ты ли сын персти, изгнанник рая, раб еще только ищущий небеснаго усыновления, – ты ли быв удостоен стоять не далеко от таинственнаго Престола Божия, забываешь, кому предстоишь, блуждаешь, необузданными взорами, мысленными и чувственными, между Святынею и суетою, сеешь, как плевелы между пшеницею, чуждые святыне слова между гласами молитв и славословий? – Да не покажется сие кому нибудь слишком тяжким негодованием. Если негодую: то прежде всех на себя. Желая, чтобы сказанное мною не пало ни на кого из предстоящих, как заслуженное обличение. Думаю, что смиряющее слово никогда не излишне, если не для исправления, то для предостережения от вреднаго рассеяния, и для возведения на высшую степень благоговейнаго внимания приближающихся во храме к Богу и Святыне Его.

Не для святых только мест и времен благопотребен страх Божий. По наставлению слова Божия, мы должны иметь его всегдашним спутником, собеседником, охранителем, помощником в благоустроении нашей жизни временной так, чтобы она могла быть преддверием жизни вечно блаженной.

Хочешь ли стяжать премудрость? – Стяжи страх Божий. *Начало премудрости страх Господень* (Пс. СХ. 10), и не только начало, но даже *исполнение премудрости еже боятися Господа* (Сир. I. 16).

Хочешь ли освободиться от грехов, отражать успешно искушения греховныя, избавиться от гнева Божия за грехи? – *Страх Господень отреяет грехи, и пребывая в нем отвратит гнев* (Сир. I. 21).

Хочешь ли достигнуть истинной любви к Богу, которая есть совершенство жизни? – *Страх Господень на стезях любления поставляет* (Сир. I. 13).

Хочешь ли обеспечить себе благополучный и благонадежный для будущего конец жизни? – Обеспечь страхом Божиим. *Боящемся Господа благо будет напоследок, и в день скончания своего обрящет благодать* (Сир. I. 13).

Страх Божий силен избавить тебя от всякого инаго страха. *Боящийся Господа ничего не убоится и не устрашится; Той бо надежда ему* (Сир. XXXIV. 14).

Братия! Не тою же ли благою и праведною судьбою Господь владычествует над нами ныне, какую Он скорбящему от бедствий, и в недоумение приведенному, народу Своему возвещал чрез Пророка: *возсияет вам боящимся имене Моего солнце правды, и исцеление в крилах его: и изыдете, и възиграете, якоже тельцы от уз разрешени, и поперете беззаконники, и будут пепел под ногама вашими?* (Малах. IV. 2. 3). Отчего же не совсем так ныне с нами? Находит грозящая болезнь; – приходит *исцеление*; – и вновь грозящая болезнь находит. Видим неправедных врагов, *попранных* нашим воинством: но они возстают, укрепляются, и темная туча брани не рассеивается, и *солнце правды* и мира не *возсиявает*. От чего это? Не от того ли, что Господь, испытующий наши сердца, не обретает нас истинно и деятельно *боящимися имени Его*, и потому еще не усвоит нам права на полноту благодатнаго обетования Его.

Если мы еще не научились бояться Бога смиренным страхом созданий, исчезающих пред величием Творца, чистым страхом сынов, благоговеющих пред любящим отцем: начнем по крайней мере свое исправление страхом рабов, признающих себя недостойными, повинными, праведно наказуемыми, но желающих умиловить Господа своего, и не теряющих надежды на Его милосердие.

Но да не оцепенеем в бесплодном страхе рабов лукавых, которые трепещут пред наказующим, и возвращаются к тому, чем заслужили наказание.

Работайте Господеви, – трудитесь усердно и неослабно в исполнении воли Его и заповедей Его, *со страхом*, – чтобы не оскорбить Его нарушением воли Его; и *радуйтесь Ему*, – в уповании на Его милосердие, но *с трепетом*, – памятуя свое пред Ним недостойнство и ничтожество. Аминь.

1856 год.

CDVII.

318. Беседа

пред молебствием и присягою Московскаго Дворянства,

пред начатием избрания в должности.

(Говорена в Чуд. мон. января 3; напечатана

в Твор. Св. От. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

*Не возмещи имене Господа Бога твоего
всуе: не очистит бо Господь приемлющаго*

имя Его все (Исх. XX. 7).

Из целой области, мужи возвышенного в государстве и наследственными преимуществами отличенного звания собрались здесь, чтобы молитвою освятить начало, и удостоверительною клятвою обезопасить совершение и последствия важного дела. Державная власть доверила вам, и, по ея доверию, вы предпримете ныне избрать блюстителей правосудия и благоустройства, как собственно для вашего звания, так и для разных частей здешней области.

Благословенна благочестивая власть, призывающая к молитве пред начатием важного дела общественного. Это значит связывать царство земное с небесным, царство человеческое с царством Божиим. Это значит ограниченную правительственную мудрость озарять светом безпредельной премудрости, правящей небом и землею. Это значит для правительственной деятельности почерпать силу в океане всемогущей силы, которая носит и движет все сотворенное.

Да сотворит благодать Божия, и при ней ваша добрая воля, чтобы никто из призванных к настоящей молитве не оказался чуждым дара, за которым пришел, чтобы не отражал кто-либо холодною и невнимательною того, что другие привлекают верою и усердием.

Аминь глаголю вам, глаголет Христос Спаситель, яко аще два от вас совещаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, иже на небесех (Матф. XVIII. 19). Что значит, что двум обещает Он сие, а не одному? – Хочет вразумить чрез сие нас, что в молитве единодушное усердие многих увеличивает силу каждого и всех. Уразумейте же и убедите себя, сколь великую помощь предпримлемому делу обрести можете, если столь многие, как бы единою душою и сердцем, *совещаете о вещи, еяже просите от Отца* небесного. И, согласно с сим разумением, просите Его единодушно, да дарует каждому из вас свет усмотреть истинно полезное для общества, решимость избрать оное, твердость держаться разумно избранного, проницательность, чтобы не обмануться ложными видами, благонамеренность, чтобы не увлечься пристрастием или своекорыстием, ревность к общему благу, чтобы не воздремать в лености тогда, как Отечество свышеобыкновенного требует бодрствования и деятельности.

Вместе с молитвою предмет настоящего вашего собрания есть еще удостоверительная клятва. Теперь избиратели дадут клятву именем Божиим, что произнесут свои мнения о избираемых по долгу, совести, правде и чести. Потом избранные дадут клятву именем Божиим, что по долгу, совести, правде и чести будут поступать в должностях, в которых избраны.

Если для непогрешительного и успешного совершения всякого дела много может усердная молитва: то почему в некоторых случаях сия великая помощь нашей доброй воле признается как бы неудовлетворительною; и требуется еще клятва именем Божиим? – Во-первых, потому, что добрая воля не у всех и не всегда непоколебима; во-вторых, потому, что добрая или недобрая воля, благонамеренность или неблагонамеренность, скрываются в душе действующего, и невидимы другим. Прияв силу от молитвы, ты приступаешь к делу общества и должности с решимостию действовать верно, с надеждою действовать общепольно. Но могут встретиться препятствия, искушения, прельщения, опасения: добрая воля может поколебаться, и удалить от себя благодать молитвы. На сей случай предстанет тебе, как новая опора для подкрепления доброй воли, данная тобою клятва именем Божиим, и с нею страх всевидящего и нелицеприятного Судии Бога. Ты действуешь для правительства и общества с добрым намерением: положим, что знающие

тебя верят сему; но незнающих тебя конечно более, нежели знающих; может случиться, что иные не поймут твоего дела, иные, предусматривая, что верность твоя может быть искушаема прельщениями, лишениями, опасностями, усомнятся в ее непоколебимости; а иные, по собственной неблагонамеренности, припишут твоему делу недоброе намерение, и распространят недоверие к тебе. Подобным образом случиться может недостаток доверия и у тебя к другим, и у многих ко многим. Что должно из сего произойти? – Очевидно, недостаток взаимного общественного доверия: при недостатке общественного доверия, может ли быть общественное единство? При недостатке общественного единства, может ли вполне раскрыться и правильно действовать общественная сила? Как же может существовать общество? Как поддержать его? – Не тверды земные основания; ломки плотские опоры: найдите для общества утверждение и опору в крепости Божией, в силе имени Божия. Призовите Бога во свидетельство и в помощь вашей верности, которую вы решились хранить, в отмщение вашей неверности, которой вы решились не позволять себе; иначе сказать, дайте клятву именем Божиим. После сего, каждый верующий в Бога, подобно вам, должен верить вашей верности в делах правительства и общества, потому что верит помощи Божией, торжественно вами призванной; потому что верит верности Божией, которая, без сомнения, оправдывает вверяющихся ей, и не попустит святому имени Божию ненаказанно быть покровом неверности. Так удостоверительная клятва именем Божиим утверждает, подкрепляет, охраняет общественное доверие, и в следствие того общественное единство и общественную силу.

Сколь благопотребна удостоверительная клятва в важных делах, сие можно усмотреть и из того, что ее вводит в употребление – кто, думали бы вы? какой царь? какой законодатель? – Сам Бог. *Мною самем кляхся*, глаголет Он Аврааму, удостоверяя его в будущем исполнении великаго обетования: *благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. XXII. 16. 18). Неужели Авраам без клятвы не поверил бы Богу, и особенно, когда имел уже опыты откровений Его и чудесных благодеяний? Нет причины подозревать Авраама в таком дерзновенном недоверии. Для чего же употребил Господь клятву? – Для того, чтобы научить нас, в делах, в которых удостоверение необыкновенно нужно, и вместе необыкновенно трудно, утверждать и ограждать верность клятвою во имя Божие.

Есть сие учение и в третьей заповеди десятословия. Когда она говорит: *не возмешь имени Господа Бога твоего всуе*: чрез сие она предостерегает от невнимательного употребления имени Божия без нужды, в случаях маловажных, дабы сею неблагоговейною привычкою не ослаблялось ощущение силы имени Божия в молитве и в клятве. А когда присовокупляет, что *не очистит Господь приемлющаго имя Его всуе*: она угрожает клятвопреступнику и подкрепляет верность в данной клятве.

Внимательные наблюдатели могут видеть в событиях, как поразительно иногда изреченную в законе Божиим угрозу клятвопреступникам Провидение Божие приводит в самое действие. Вспомним одно древнее происшествие. Иисус Навин, при взятии первого по вступлении в обетованную землю города Иерихона, все драгоценности его назначил в приношение Богу, а все прочее на истребление мечем и огнем; и клятвою обязал народ исполнить сие верно. Ахар нарушил клятву, похитив одежду, деньги и золотой сосуд. Что же произошло? Победоносный дотоле Израиль, пред малым городом Гаем, внезапно потерпел поражение. От чего это? – Сие изъяснил Сам Бог: *клятва есть в вас*, то-есть клятвопреступление; *не можете стати пред враги вашими, дондеже измете от себя самих клятву* (Иис. VII. 13). И в след за тем, по повелению Божию, посредством жребия открыт таившийся клятвопреступник, и побит камнями: и чрез сие дело правосудия над клятвопреступником возвращено Израилю Божие благоволение и победоносная сила. Какой страшный пример! Одно клятвопреступное дело, один клятвопреступник тяжко

вредит целому народу, и только особенная помощь Божия прекращает вред. Суд Божий не коснит обличить и поразить клятвопреступника, против которого не было ни свидетельства, ни доказательства, и которого, вероятно, никогда не нашел бы обыкновенный суд человеческий.

Внимай сему, дающий клятву именем Божиим; внимай себе; внимай делу и служению, к которому обязуешься священной клятвою. Исполняй оное с неослабною и непоколебимою верностию. И если бы какой соблазн, корысть, пристрастие, прельщение, угроза, человекоугодие приступили к тебе, чтобы поколебать твою верность: не слушай обаяний, но скажи себе: вспомни Ахара! Вкуси горькое слово сие, как предохранительное врачевство: и, если хочешь, покрой горечь, также здоровою, сладостию Давидова песнопения: *Господи, кто обитает в жилищи Твоем? – Ходяй непорочен, и делаяй правду, – кленыйся, – и не отмечаяйся* (Псал. XIV). Аминь.

CDVIII.

319. Беседа

по освящении храма Святителя Алексия,

в Рогожской слободе.

(Говорена января 22; напечатана в Твор. Св. От. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

Помяни, Господи, Давида и всю кротость его (Псал. CXXXI. 1).

Сими словами начинается один из псалмов, поемых во время освящения храма.

Кто это поминает Давида? Для чего поминает? Что значит сей псалом? И для чего Богомудрые Отцы наши заповедали нам петь его при освящении храма? – Сии вопросы благовременны теперь, и могут вести нас к полезным размышлениям.

Помяни, Господи, Давида и всю кротость его. Кто ж это в псалме поминает царя Давида? – Должно думать, что это сын его, царь Соломон. К сей мысли ведут следующие слова сего псалма: *воскресни, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоея*. Слова сии относятся к освящению храма иерусалимского. В освящении его важнейшее действие было то, что руками священников внесен в оный кивот завета Господня с Богоначертанными скрижалями заповедей, и поставлен во внутренней, главнейшей части онаго, подобной нашему олтарю. На сие священное действие взирал Псалмопевец, и возносит к Богу сию молитву: *воскресни, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоея*. То-есть: присутствуя невидимо в знамении святого кивота, востани Господи, от места покоя Твоего в древней скинии и вниди в новое место покоя в новосозданном храме. – Кто же мог приносить молитву сию во время освящения храма иерусалимского, как не Соломон, который, по сказанию книги Царств, и создал храм сей, и освящение его торжествовал, и особенную молитву при освящении его произнес? На Соломона еще яснее указывают следующие слова продолжаемой во псалме молитвы: *Давида ради раба Твоего, не отвори лице помазаннаго Твоего*. Помазанник, который во время освящения

храма иерусалимского просит от Бога милости, ради Давида, очевидно, есть царь Соломон.

Но для чего Соломон, при освящении храма, поминает Давида? – На сие сам он отвечает словами псалма: *яко клятся Господеву, обещаю Богу Иаковлю: аще вниду в селение дому моего, или взыду на одр постели моея, аще дам сон очима моима, и веждома моима дремание, и покой скраниама моима: дондеже обрящу место Господеву, селение Богу Иаковлю.* То-есть: Давид имел такое усердное желание создать храм Богу, что с клятвою обещался, не давать себе покоя, доколе не найдет, по крайней мере, угодного Богу места для храма, которого действительное создание судьбою Божиею предоставлено было сыну его. И Давид исполнил сие обещание, назначив место для храма, по явлению Ангела, и во множестве приготовив для него драгоценности и разные вещества, потребныя для созидания, а также и чертежи предполагаемого храма. Итак Соломон, при освящении храма, поминает Давида, как начинателя храмоздательства, дабы представить его в благоволение Божие, за его усердие ко храму; но с тем вместе поминает его и как угодника Божия, дабы его молитвою подкрепить свою молитву о новосозданном храме. *Давида ради*, говорит он, *не отврати лице помазанного Твоего.*

Из сказанного доселе можно уразуметь, что значит и весь псалом, нами рассматриваемый. Он есть молитвенная песнь, при освящении храма иерусалимского.

А из сего не трудно уже понять и то, почему сей псалом воспевается при освящении храма христианского. Как Моисеев закон был, по слову Апостола *пестун во Христа* (Гал. III. 24), то-есть, руководитель ко Христу: то и ветхозаконный храм иерусалимский был приготовлением к новоблагодатному храму христианскому, и заключал в себе предварительные образы наших таинств. Итак прилично, при торжестве новой благодати, вспомнить ея древния предзнаменования, и для того воспользоваться словами Богодухновенного Псалмопевца. Это тем приличнее, что происходившее в освящении храма иерусалимского, и указанное в псалме, примечательным образом повторяется в освящении храма христианского. Как там, в знамении кивота Господня, *воскресе Господь в покой Свой*, вступил и вселился во Святая Святых Своею святынею и благодатию: так и здесь в знамении святых мощей, *вниде Царь славы*, вступил во храм и во святой олтарь Бог всесвятый, и во святых почивающий, и отныне обитает здесь Своею святынею и благодатию.

Братия! Песнь Соломонова, воспетая ради освящения храма, воспета во услышание всех вас, следственно и ради вашего назидания.

Слышите, что Соломон в освящаемом храме поминает усопшаго родителя своего Давида. Примечайте, откуда идет церковный обычай помянуть пред Богом усопших в вере. Как он глубоко древен! На каких высоких и святых примерах основан! Не забывайте и вы во святом храме, молитвою веры и любви, помянуть отшедших от жития сего, присных по естеству, по вере, по благотворительному участию в созидании и благоуукрашении храма.

Слышите, что Соломон частию молится о усопшем Давиде: *помяни, Господи, Давида*, частию его молитвою надеется обратиться на себя милосердное око Божие: *Давида ради раба Твоего, не отврати лице помазанного Твоего.* Усматривайте в сем указание на сугубую силу молитвенного поминовения усопших. Если вы поминаете отшедшаго из сей временной жизни с верою, но не с довольными плодами покаяния и благоделания: то Бог, в милосердии Своем, поминает его ради вашей молитвы, и мир вашей веры передает душе отшедшаго, к ея упокоению. А если поминаете, как Соломон Давида, преставляшагося в вере и благоделании, во благодати и святыне: то молитва любви вашей возбуждает его

любовь и молитву, и вы, ради его молитвы, как Соломон ради Давида, приобретаете себе благодатное призрение Божие.

Слышите, что Соломон, минуя многие подвиги Давида и добродетели, особенно поминает его пред Богом за благочестивое усердие ко храму. Заключайте из сего, как важно благочестивое усердие ко храму Господню, как оно благоугодно Богу, как способно утвердить человека в блаженном уповании.

Соломон не сомневался, что Бог во благоволении помянет Давида, хотя сей не создал храма Господня, а только усердствовал создать, и сделал для того предварительныя приношения. Из сего примера познавайте, что всякое дело усердия ко храму Господню, всякое благочестивое приношение Богоугодно и душеполезно. Если можешь, принеси Богу обильный дар: обильно посеяв твое усердное даяние, обильно и пожнешь благодатное Божие воздаяние. Но если немного можешь: не смущайся малостию твоего дара. Вспомни евангельскую вдовицу, которая только две деньги положила в сокровище храма, но похвалена от Господа паче принесших многое; потому что принесла дар свой от всей своей души, от всей своей возможности.

Но, паче всякаго внешнего дара, да усердствуем, братия, Богу и храму Его самими собою. Когда настает время, особенно усвоенное Богу и храму Его, день праздника, час Божественной службы: берегитесь, чтобы вам не похищать у Бога принадлежащего Ему времени, и чтобы себя самих не отдать на сие время какой-нибудь твари, вместо Бога. Спешите отторгнуть себя от дел и попечений житейских, и добровольно и усердно представьте себя Богу во храме Его, да освятит он вас святынею своею, да одушевит молитвою, да просветит словом Евангелия и благодатию таинств, да оградит силою имени Божественнаго и креста Иисуса Христова.

Не говори мне, что ты можешь и дома приносить в жертву Богу дух сокрушенный, призывать имя Господа Иисуса, и ограждать себя крестным знамением. Знаю, что можешь: и желаю, чтобы ты не только мог, но и делал сие внимательно и постоянно: только можешь сие не без помощи храма Божия. Можешь пить воду в твоём доме; но надобно, чтобы по временам, ты приходил почерпать ее из источника или реки: подобно сему можешь и в твоём доме, и в уединенной храмине сердца твоего, вкушать от воды благодати в молитве: но надобно, чтобы, по временам, приходил ты почерпать воду благодати во храме Божием, где она особенно жива и живородна, как в источнике, и обильна, как в реке.

Некоторые, извиняя себя нуждою, которой в самом деле нет, увлекаясь желанием выгоды или удовольствия, во дни и часы, посвященные Богу и храму Его, устремляются на дела житейския. Увлечение сколь несправедливое, столь же не безопасное. Дела, которые вы незаконно делаете в праздничное, Богу принадлежащее, время, не принесут вам пользы, как незаконныя. Оне, как нечистое примешение, внесут повреждение в те дела, которые вы законно делаете во время непраздничное, вместо того, что от освящения праздничнаго дня и от усерднаго посещения храма Божия пришло бы сугубое благословение и благопоспешество на дела дней работных. Если требуете в сем удостоверения, послушайте Пророка: *сице глаголет Господь Вседержитель: зане храм Мой есть пуст, вы же течете кийждо в дом свой, сего ради удержится небо от росы, и земля оскудит изношения своя* (Агг. I. 9. 10). То-есть: поелику вы не приходите благословлять и прославлять Бога во храме Его: то не приидет от Него благословение на ваши дела вне храма Его.

Господи Вседержителю! Призирай выну благодатно на сей новоосвященный храм. Помяни во благоволении Твоем возлюбивших благолепие дома Твоего; созижди в Твои храмы духовные воссоздавших сей вещественный храм; украси души украсивших его. Орошай благодатию Твоею души братий наших, и согревай сердца их любовью к Тебе и к жилищу святыни Твоея, да взыскуют они здесь прилежно Твоего благословения, и Твое благословение, созидающее и возвращающее, сохраняющее и спасающее, да исходит отселе обильно на души их, и на дела их, и на все житие их. Яко Ты еси Источник благословений, преблагословенный во веки. Аминь.

CDIX.

320. Беседа

в неделю о блудном сыне и

на память Святителя Алексия.

(Говорена в Чудове мон. февраля 12; напечатана

в Твор. Св. От. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

В Евангелии слышали мы ныне притчу, о крайнем бедствии своевольного сына, и о милосердии отца к тому же сыну раскаявшемуся.

Кто из нас так чист в своих делах и в своей совести, чтобы не имел причины раскаяваться, рассматривая свои поступки в отношении к своему собственному благу, в отношении к ближним, и наипаче в отношении к Богу? А как раскаяние есть только ощущаемая боль и страдание болящей грехом души: то кто, при раскаянии не имеет нужды в милосердии, которое утोलит бы и уврачевало бы сию боль душевную?

Итак притча о милосердии к раскаявшемуся не должна пройти мимо нас.

Повторяем ее по возможности в кратких и простых словах, чтобы потом внимательнее было изъяснение подробностей ее.

Некто имел два сына. Младший из них истребовал от отца часть имения, которую мог бы получить по наследству; удалился на чужую сторону; расточил имение, живя роскошно и распутно; подвергся голоду; пристав к одному из тамошних жителей, послан был пасти свиней; и не имел даже такой пищи, какою свиней кормят. Тогда он опомнился, пришел в себя и стал размышлять: сколько наемников у отца моего живут в довольстве! А я гибну голодом. Пойду к нему, и скажу: согрешил я на небо и пред тобою, и уже недостойн называться твоим сыном; определи меня в число твоих наемников. Отец, увидав его еще издали, сжалился над ним, вышел на встречу ему, обнял его, поцеловал: и, не дав ему договорить покаянной речи его, сказал рабам: оденьте его в лучшую одежду; дайте ему перстень на руку, и сапоги на ноги; заколите тучного тельца; составим веселое пиршество. Во время пиршества, старший сын, возвращаясь с поля, услышал веселые голоса в доме, и, узнав причину сего, не хотел войти. Отец вышел, и убеждал его. Но он изъявил негодование на то, что ему, много лет работающему для отца, никогда не сделано такого утешения, какого удостоен сын, расточивший имение отца с развратными людьми. На сие

отец сказал: сын мой! ты всегда со мною, и все мое – твое. Надобно же было порадоваться о том, что брат твой был мертв и ожил; погиб и нашелся.

Кого представляет сия притча под образом отца? – Бога, в отношении к человекам. Как сын имеет жизнь от отца, по рождению: так всякий человек имеет бытие и жизнь от Бога, по сотворению. Как сын при отце, все, что имеет, имеет от отца: так всякий человек, все, что имеет, первоначально имеет от Бога.

Кого изображает притча в лице и действиях младшего сына? – Человека грешника. В каких бы ни был летах возраста, не зрел духовным возрастом, неоснователен, легкомыслен тот сын, который не понимает счастья быть близ сердца доброго отца, под мирным кровом дома его, и хочет удалиться без нужды, для того только, чтобы жить по своей воле. Подобно сему всегда незрел духовным возрастом, неоснователен, легкомыслен грешник, который не хочет признать блаженства быть с Богом посредством веры, молитвы, любви, *жить в помощи Вышняго, в крове Бога небесного* (Псал. ХС. 1), и удаляется от воли Божией чистой, святой блаженнотворной, в свою волю плотскую, нечистую, и посему самому уже несчастную.

Что значит в притче взятие и присвоение младшим сыном своей части отеческого имени? – Сим изображено начало греховного состояния, когда человек, на то, что имеет от Отца Небесного, и от Его Провидения, перестает взирать, как на дары Божии, а начинает смотреть, как на свою собственность, и с самоуслаждением думает: это моя способность, мое знание, мое искусство, мой подвиг, моя заслуга, мое достоинство, мое богатство; а за сим естественно последует то, что данные ему блага он и употреблять будет только для себя, а не для Бога. Остановись, чадо, и остерегись! Отсюда начинается путь, который может довести до расточения полученного достояния, до нищеты, до голода, до состояния пасущих свиния.

Что значит удаление младшего сына от отца и дома его в чужую дальнюю страну? – Удаление грешника от Бога. Как он удаляется? – Очевидно не движением местным, потому что Бог вездесущ, но мыслию, волею, поступками нравственными. Когда ты помышляешь о Боге, молишься Ему: тогда ты с Богом. Когда забываешь Бога: тогда удаляешься от Него. Верую и любовью ты приближаешься и прилепляешься к Богу: оскудением любви, маловерием, неверием удаляешься от Него. По слову Христову: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Иоан. XIV. 21), соблюдением заповедей Божиих и Христовых ты приближаешься к Богу и Христу; и напротив уклонением от исполнения их удаляешься от Бога и Христа. Когда ты в Церкви: ты в доме отеческом. Когда ты удалился от Церкви; утратил благодатное чувство, которое она вселяет в душу молитвою, словом Божиим, таинствами; погрузился охотно в мире греховном, преданном суеде, обладаемом страстями, жадном к чувственным удовольствиям: – жаль тебя, – ты в стране чужой и далекой, и тем больше жаль, если сего не примечаешь.

Что дает разуместь притча, когда говорит, что младший сын на чужой стороне жил распутно, и расточил имение? – Частью сим он буквально изображает жизнь некоторых грешников. О всех же вообще грешниках притча дает разуместь, что они, перенося свою любовь от предметов духовных и святых к чувственным и греховным, и к сим прилепляясь мыслями, желаниями, делами, чрез сие прелюбодействуют от любви Божией, против чего и гремит пророческое слово: *се удаляющие себе от Тебе погибнут; потребил еси всякого любодееющего от Тебе* (Псал. LXXII. 27). К сей грозной судьбе грешники сами себя приближают, расточая грехом, не только благодатныя, но и естественныя блага, им

дарованный. Роскошный расточает богатство. Слстолюбивый расточает сокровище здоровья. Гордый неприметно расточает злато душевных сил, даже до лишения ума.

Что значит в притче голод в чужой стране, постигший и удалившагося туда от дома отеческого, сына? – Сим означает, что в мире греховном человек грешник только на краткое время может находить услаждение чувственное; но вскоре ощущает глад душевный, потому что греховный мир предлагает только тленные скоро исчезающия услаждения, но душа человеческая нетленная нетленной и пищи требует. Сие знают не только те, которые очистили и возвысили свой вкус для пищи духовной, но и предавшие себя тому, чтобы полным ртом поглощать чувственные удовольствия. После недолгих опытов, часто слышим от них признание, что они разочарованы, и уже не знают, чем себя удовлетворить.

Кто житель дальней страны, который послал несчастного сына пасти свиней? – Это диавол. Человек начинает играть грехом, как отрок врабьем: но ранее или позже оказывается, что это игра с адским змием. Когда греховныя желания закоснением и привычкою усиливаются и умножаются, а средства удовлетворения им оскудевают, и самое удовлетворение наскучивает: тогда настает для грешника мучительный, неутолимый глад, и сим искушитель пользуется, чтобы решительнее *уловить его в свою волю* (2 Тим. II. 26), и заставить голодного пасти свиней, то-есть, непрестанно питать чувственные скотския похоти, и в то же время чувствовать их низость, грубость и неудовлетворительность.

Изобразив крайнее бедствие грешника, притча показывает далее, как может он *возникнуть от диавольския сети*, и освободиться от порабощения греху.

Заблуждший сын пришел в себя. Это начало обращения грешника к Богу. Прежде блуждал он мыслями и желаниями вне себя, по предметам своих страстей и похотей, и, когда скучал от их неудовлетворительности, в них же искал для себя новых обаяний. Счастливым для него крайнее бедствие вне, которое обращает его внутрь. Вошед в себя, он яснее сознает, чего требует душа его, и как многого ей недостает; воспоминает Отца небесного, и блага, которых лишился чрез удаление от Него; и решается возвратиться к Нему, то-есть, оставить жизнь греховную, и жить по заповедям Божиим. – Берегись рассеяния, желающий спасения; входи в себя; внимай себе и Отцу небесному.

Заблуждший, но раскаявающийся сын не имеет уже притязания на достоинство и права сына, и хочет довольствоваться состоянием наемника в доме отца. Сим изображает притча смирение кающагося грешника. Кто, приступая к покаянию, сказал бы: буду отныне праведником; буду сыном Божиим; о том надлежало бы усомниться, достигнет ли он сей высоты, и устоит ли на ней. Скажи лучше в душе твоей к Отцу небесному: желаю и потщусь исполнять Твою волю, как исполняют не только рабы Твои, но и сыны Твои; однако по грехам моим, недостойн я нарежись Твоим сыном; довольно если принят буду между последними в доме Твоем. *Изволих приметися в дому Бога моего* (Псал. LXXXIII. 11). Такое расположение, без сомнения, благонадежнее. *Смирый себе вознесет* (Лук. XVIII. 14).

Заблуждший сын, как скоро вразумил себя о потребности обращения, действительно пошел, и приблизился к отцу. Чрез сие учит притча, что доброе намерение тогда спасительно, когда неуклонно и неленостно приводится в исполнение. Есть люди, которых путь усеян добрыми намерениями; но добрыя намерения остались неисполненными, и путь их склонился к аду.

Отец встречает, и ущедряет возвращающегося от заблуждения сына. Это светлый образ дивного человеколюбия Божия к кающемуся грешнику.

Отец издали усматривает возвращающегося недостойного сына, и идет на встречу ему. Бог провидит обращение грешника, и сретае его предваряющею благодатию.

Еще только в сердце несет сын возобновляемую покорность отцу, как отец уже обнимает его и целует. Как скоро в сердце полагает грешник решительное намерение творить волю Божию; Бог уже начинает являть ему Свою близость и знамения Своего милосердия и любви.

Едва сын успел изрещи свое покаяние и самоосуждение: *согреших, несьм достоин*; как отец, не допуская его наречиться наемником, дарует ему сыновнюю светлую одежду, перстень и обувь. Как скоро грешник в смиренном покаянии произносит на себя осуждение: Бог тайно на небесах, и на земли чрез служителя таинства изрекает ему прощение; утверждает его в чувстве смиренной преданности, устраняя от него чувство наемника, работающего только ради воздаяния, облакает его в сыновнюю светлую одежду оправдания Христова; дарует ему обручение Духа; дает его ногам готовность теши по пути правды и спасения.

Отец ради погибшаго и обретенного сына заклал тельца упитанного. Бог ради погибшаго и взысканного им грешника предал Сына Своего в жертву спасения, и в пищу жизни и веселия небесного.

Не один отец, но и дом исполняется радости о погибшем и обретенном сыне. *Радость бывает на небесах о грешнице кающемся* (Лук. XV. 10).

Говорить ли теперь о старшем сыне, который был благоразумен, когда не пожелал оставить дом отца своего, но не таким явился, когда из радости отца извлек свою досаду, когда в спасении погибшаго брата нашел свою обиду? Говорить ли о людях, которые хвалятся, что никогда не уклонились от воли Божией и от заповедей Божиих, но которые прекословят воле Божией, милующей грешника, осуждают оправдываемого Богом, и высоко ценя свое исполнение обязанностей, как заслугу и право на воздаяние, обнаруживают не сыновний, а наемнический дух? Таковы были древние Фарисеи, которые и в дом отеческий, – в Церковь Христову не хотели войти, негодуя на то, что Христос *приимлет грешников*. Пожелаем таким людям, чтобы они *вошли в себя*, лучше познали себя, и уразумели, что и они только по милосердию Отца небесного могут быть Его сынами и наследниками.

Думаю, все мы, братия, если рассмотрим себя безпристрастно, найдем, что или находимся, или были, далеко или недалеко, на пути заблуждающего сына. Устрашимся крайняго бедствия, к которому сей путь ведет, и которое скоро может превратиться в гибель вечную. Да спешит каждый совратившийся обратиться и не возвратно предать себя милосердию Отца небесного. Если кто по несчастию и далеко уже на бедственном пути: тем более да поспешает обратиться, не предаваясь отчаянию; ибо безмерно милосердие Отца небесного. Да притекаем к Нему смиренным покаянием и деятельным исправлением жизни нашей: и радость будет в доме Его, – в Церкви земной и небесной, о чадах благодати Его, мертвых и оживших, погибших и обретшихся.

Споспешествуй сему молитвами твоими, присный сыне Отца небесного, присный отче наш, Святителю Алексие. Аминь.

CDX.

321. Беседа

пред обетом сердобольных вдов,

в Мариинской церкви Императорского Вдовьяго Дома.

(Говорена марта 16; напечатана в

Твор. Св. От. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

Не однократно, под руководством слова Божия, предлагали мы здесь учение о христианском человеколюбии вообще, и применительно к обязанностям приемлющих на себя обет сердобольного попечения о болящих.

Ныне хочу предложить вам повесть, – не одну из вымышленных повестей, над какими губят время и труд изобретающие их, которыми губят время и разстраивают свое воображение, мысли и чувствования читающие или слушающие их, но повесть истинную, одну из тех, о которых говорит опытный мудрец: *не презри повести премудрых; – не отступай от повести Старцев* (Сир. VIII. 9. 11); *повесть благочестиваго всегда премудрость* (XXVII. 11).

После подвигов апостольских и мученических, в Церкви Христовой, особенно в Египте и Палестине, процвело в отдельных лицах и в целых обществах отделенное от мира подвижничество, имевшее корнем своим преподобного Антония великого. Видев и слышав великих наставников, подвижники заботились сохранить и упрочить наставления их: и потому ввели в обычай записывать поучительныя изречения старцев и назидательныя события. Так со слов очевиднаго свидетеля записано и то сказание, которое перескажем теперь.

Некто Евлогий, житель Александрии, человек с образованием и богатством, пожелал отречься от мира; роздал нищим свое имение, оставив немного, на пропитание, как не способный приобретать пропитание работою; и помышлял, как бы лучше устроить свою жизнь. Увидел он лежащаго на площади прокаженнаго, у котораго болезнью повреждены были почти все члены, кроме языка, и положил пред Богом обет: Господи, во имя Твое возму я его и буду его покоить до смерти, чтобы сие и мне послужило во спасение; Господи, даруй мне терпение. Получив на сие согласие прокаженнаго, взял он его в дом свой и пятнадцать лет питал его, омывал, успокоивал, не смущаясь болезнью нечистою и заразительною. Но после того, как столь долго доставало терпения у призирающаго, открылся недостаток терпения у призираемаго. Он скучал уединением: не доволен был пищею; порицал благодетеля; требовал, чтобы опять положили его на площади. Евлогий был в затруднении. Он тяготился жалобами и укоризнами больнаго и не желал удалить его от себя, чтобы не нарушить обета, в котором полагал надежду своего спасения. По совету соседних иноков, Евлогий, взяв прокаженнаго, пришел с ним к Антонию великому, на место, куда сей по временам выходил из своей пещеры для назидания приходящих. Антоний вышел в темный вечер, и сего незнакомаго пришельца назвав по имени, велел ему в слух других пришедших (конечно для общаго назидания) сказать, для чего пришел. Евлогий открыл свой недоуменный случай и просил совета. Тогда строго сказал ему Антоний: ты можешь отказаться от прокаженнаго, но сотворивший его Бог не откажется

от него; если ты бросишь его, Бог лучшему тебя повелит принять его. Потом также строго сказал прокаженному: не ради Христа ли он поработил себя тебе? не Христос ли тебе служит? Как смеешь ты роптать на Христа? Наконец, призвав обоих, особо от прочих, Антоний сказал им: поспешите возвратиться на место вашего подвига; уже Бог посылает за вами; это вам последнее испытание. Смирились оба; возвратились; чрез сорок дней скончался прокаженный, а чрез три дня после его и Евлогий, не утратив плода своего подвига.

Сию повесть можно было бы почтить поучительною притчею о христианском человеколюбии вообще, и в особенности о милосердии к болящим, если бы мы не знали, что это действительное происшествие, почти современно рассказанное нитрийским пресвитером, который был у Антония великаго в одно время с Евлогием, слышал их разговор, и потом дознал окончание происшествия. Но если действительное происшествие так поучительно, как притча: оно может принести сугубую пользу. Оно не только подает назидательныя мысли, но и подкрепляет их силою опыта.

Какия же назидательныя мысли подает нам жизнь и приключение Евлогия?

Оно показывает нам, с какою ревностию и с каким самоотвержением древние христиане посвящали себя подвигам человеколюбия. Человек образованный отказывается от занятий, которых требует и в которых находит удовольствие образованность, чтобы перейти к далеким от любознательности и от изящества занятиям при больном. Богатый бросает богатство, чтобы получить свободу от сопряженных с ним забот; и сию свободу добровольно порабощает прокаженному, на всю свою жизнь.

Сей пример должен утешить вас, принявша и приемлюща обет сердобольнаго попечения о болящих. Ваш подвиг не так строг: однако, если вы посвящаете себя ему искренним сердцем, во имя Господне, то вы на пути древних подвижников христианских: вы на пути святых.

Пример Евлогия показывает нам еще, сколь великую силу приписывали древние христиане подвигам христианскаго человеколюбия. Он желал устроить свою жизнь благонадежно для своего вечнаго спасения. Какое же избрал для сего средство? – Он полагал для сего достаточным один постоянный подвиг человеколюбия к болящему. И богомудрый Антоний не отвергнул сей мысли: ибо для того, без сомнения, и поддержал его в сем подвиге, чтобы чрез сие упрочить ему надежду спасения.

В самом деле, обетование блаженства: *приидите, благословеннии* (Матф. XXV. 34), не связал ли Судия мира неразрывно с указанием на подвиг; *болен бех, и посетите Мене* (ст. 36)? Итак если вам, в следствие вашего подвига, справедливо будет сказать: *болен бех, и посетите Мене*: то непременно будет вам сказано и сие: *приидите, благословеннии!* Укрепляйте себя в подвиге сею надеждою.

Приключение Евлогия вразумляет еще вас о том, как нужно подвижающимся в человеколюбии постоянство и терпение, и как велик может быть вред, если, по вступлении в подвиг человеколюбия, охладеем, или попустим себе ослабеть пред встречающимися трудностями. Если бы Евлогий, оскорбляемый нетерпеливостію больнаго, уступил своей нетерпеливости, и отвергнул его: он погубил бы пятнадцатилетний подвиг, сделался бы виновным в нарушении обета, и подверг бы опасности свое спасение.

Если бы случилось и с вами, чтобы человек, которого бедствие вы облегчаете вашим попечением о нем, стал вам в тягость своею нетерпеливостью, преувеличенными и неудобноисполнимыми требованиями, неблагодарностью: остерегитесь, чтобы вам не отвечать на нетерпеливость нетерпеливостью, чтобы не разстроить вашего подвига, чтобы не поколебать вашей надежды спасения, чтобы, раздражаясь на того, кто с горя раздражается и раздражает вас, не раздражить Бога.

Призванным к попечению о болящих, особенно многих в одном месте, могут причинять затруднение мнительность, невольное тяжкое чувство при виде тяжких болезненных состояний и опасение за свое здоровье. Но мы теперь видели человека, который пятнадцать лет служил прокаженному; по необходимости часто прикасался к ранам его; своими руками влагал ему в уста пищу; и не смущался ни отвращением, ни опасением: и провидение Божие оправдало его веру и человеколюбие. Имейте веру и человеколюбие: и служение страждущим ближним будет для вас и не тяжело, и безопасно.

Человеколюбче Господи Иисусе Христе! Тебе в лице меньших братий Твоих служить избирают добрым желанием, призванные к сему царским человеколюбием, рабыни Твои. Благослови начало, продолжение и совершение предприемлемого ими подвига; и чрез искреннее служение присвой им право услышать, в день Твой, Твой вожделенный глас: *приидите благословеннии!* Аминь.

CDXI.

322. Беседа

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы, пред благодарственным молебствием о заключении мира.

(Говорена в Чудове Мон. марта 25; напечатана

в Твор. Св. От. 1856 г. и в собрании 1861 г.)

<1856 год>

В день, в который небо благовествует земле, тайное в начале, славное в последствии, пришествие Божественнаго *Начальника мира* (Иса. IX. 6), торжественно благовестуется сему царствующему граду мир, Благочестивейшим Самодержцем нашим приобретенный отечеству нашему, прекращающий трудную брань. Что помышляете при сем, верные сынове России? Что чувствуют ваши сердца? Чувствуют ли внутренний мир? Или еще не угасает гнев, еще кипит негодование на неправду, которая подвигла на нас брань, и которая ожесточила ее?

Вспомним закон, исполним волю Божественнаго *Начальника мира* – непомнить зла, прощать оскорбления, *быть мирными* даже с *ненавидящими мира* (Псал. CXIX. 6), кольми паче с предлагающими прекращение вражды, и простирающими руку мирную. Да угаснет гнев. Да прекратится негодование. Мир не только оружием, не только градам и весям; мир помышлениям сердечным, мир душам в глубине их.

Возблагодарим Бога, низпославшаго помощь во брани. Возблагодарим Бога, даровавшаго мир. Побудим себя воспользоваться миром.

Нельзя равнодушно вспоминать, какая трудности надлежало преодолевать в сей брани российскому воинству, какая тягости должен был понести народ, каким лишениям и страданиям подвергались от врагов наши соотечественники, близкие к позорищу войны. Но с сими печальными воспоминаниями соединено и утешительное и величественное. Наши воины моря, начав свои подвиги истреблением турецкаго флота, когда должны были уклоняться от чрезмерно превосходной морской силы нескольких держав, не только не уступили своих кораблей, но и сделали из них подводное укрепление для защиты пристани и города. Потом, соединенные воины моря и суши одиннадцать месяцев победоносно противостояли в Севастополе многочисленнейшим войскам четырех держав и безпримерным донныне разрушительным орудиям. Наконец, хотя и допущены враги работать над оставленными им развалинами для умножения развалин: но в Севастополе стоит донныне русское воинство. На дальнем востоке малое укрепление, с горстью людей отразило морское и сухопутное нападения несравненно сильнейших врагов, по признанию участвовавших в том, более молитвою, нежели силою. На западе два сильнейшие флота бесполезно истощали свои усилия против одной крепости, а на другую только смотрели издали. На севере было странное противоборство: с одной стороны военные суда и огнестрельные орудия, с другой священнослужители и монашествующие, со святынею и молитвою ходящие по стене обители, и несколько человек с слабым и неисправным оружием: и обитель осталась непобежденною, и святыня неприкосновенною. Против России действовали войска четырех держав; и в числе сих были сильнейшие в мире. Из держав мирных некоторые были вполне мирны: а некоторые своим неясным положением уменьшали удобство нашего действия, и сие обращалось в удобство для врагов. И, не смотря на все сие, в Европе мы не побеждены, а в Азии мы победители. Слава российскому воинству! Благословенна память подвижников отечества, принесших ему в жертву мужество, искусство и жизнь! Но превыше всего – да речет Россия с Пророком – *благословен Господь Бог мой, научаяй руце мои на ополчение, персты моя на брань; милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защититель мой* (Пс. CXLIII. 1, 2).

Благословим Бога, *научающего руце* наша на ополчение, виде, как поселяне и мирные граждане внезапно превращались в ратников ополчения, и ратовали наравне с воинами обученными и испытанными.

Благословим Бога *избавителя*, слышав, как на востоке наши воины моря, на немногих кораблях, сквозь превосходныя морския силы врагов безвредно пролетели в отечественную пристань.

Благословим Бога, Иже есть *милость* наша, возбуждавшего в сердцах сочувствие к подвигам и к подвизающимся, желание споспешествовать подвигам, облегчать подвизающихся. Как охотно и обильно всюду предлагаемы были вспоможения для войны и воинов! Таланты богатых и лепты бедных сыпались в сокровищницу военную и в сокровищницу милосердия к раненым и болящим воинам и к семействам их. Особенно в Царском доме открылись источники сего милосердия; и текли, и текут благотворными потоками.

Благословим Бога *милости* и за то, что Он явил в нас и ко врагам нашим не только правду, но и милость. Они не только не имеют случая упрекнуть нас жестокостию, или разрушением и истреблением, нетребуемыми военною необходимостию, но не могут не признать нашей милости к их пленным. Вступая в мир, не желаем ниже оружием слова возобновлять брань. Позволим только себе вспомнить, что и во время перемирия, когда не позволено было сражаться с нашими воинами, некоторые из противников наших продолжали сражаться с камнями наших даже мирных построений. За то и камни на них

прогневались, и поразили, и погребли под собою одного из мудрецов разрушения. Дерзнем, не себя похваляя, но благодаря Бога милости, сказать, что есть на нашей стороне безкровная победа – нравственная.

Впрочем, если происходившая война и представляет на нашей стороне утешительные виды: сие не должно было располагать к желанию, чтоб война продолжалась. Слава Богу, что православно-христианская Россия не была виною начатия войны; и не объявила ее, а приняла объявленную: должно было ей охранить себя, чтобы ни малейшею частию не пала на нее вина продолжения войны. Благодарение Благочестивейшему Государю Императору, охранившему нас от сего, человеколюбиво пощадившему кровь своих и чуждых, христиански предпочетшему кроткий мир мстительной взыскательности. Благословен Бог, споспешествовавший Ему в сем.

Бог глаголет устами Пророка: *Аз устроивый свет, и сотворивый тму, творяй мир, и зиждяй злая: Аз Господь Бог творяй сия вся* (Иса. XLV. 7). Чудно и странно! Бог благий, и самосушая благодать, Сам о Себе свидетельствует, что Он *сотворил тму*, что Он *зизждет злая*. Но вникающий в дела Провидения не смутится сим. Например, надобно было, чтобы Бог затмил глаза сирийских воинов, дабы не погиб от них Елисей, почти единственный в свое время Пророк и защитник веры в истинного Бога. Надобно было, чтобы в потоке погибло развращенное племя первого мира, чтобы от всеобщей заразы зла не погибли малые останки доброго племени, и чтобы земля не превратилась в ад. Если же Провидение Божие управляет и карательными силами, действующими на род человеческий: то тем несомненное, что оно управляет силами благотворными. Если Бог попускает войну: тем несомненное, что Он *творит мир*.

Человеческими ли только силами и средствами устроен и нынешний мир? Правда, воевавшие с нами понесли сугубое бремя и самой войны, и бедствий, посланных вышнюю судьбою: но они продолжали опираться на свою многочисленность; и сделанные ими пред самым миром обширные приготовления к войне еще показывали и силу и браннолюбивую мысль. Однако мир нам предложен; и шум и вопли врагов мира не могли заглушить тихого гласа мира. Кто же и там утишил сердца, воспламененных к брани? Не будем тупы очами ума и сердца. Узрим над видимыми действующими тайное мановение невидимаго Творца мира. Да мимоидет война, Божие наказание народов: примем с благодарностию мир, как дар Бога, *творящего мир*.

Как же скоро признаем, что мир есть дар Божий: то с сим вместе должны мы признать и внутренне возчувствовать нашу обязанность не только достойным образом принять, но и достойным образом употребить сей дар Божий. Всякий дар Божий есть талант, который должен быть употреблен в дело и в пользу, сообразно с намерением Дателя. Евангельская притча учит, что благоупотребившие дарованные им таланты приемлют умножение даров свыше заслуги и ожидания, а неблагоупотребившие лишаются и того, что прежде даровано.

Что скажу вам о благоупотреблении мира? Посоветую ли употребить оный на восстановление потрясенного войною вещественного благосостояния? Но надобно ли советовать? Это присоветует вам ваша нужда и польза; и принятием к исполнению сего совета еще не много будет сделано, так как напротив это было бы отсутствие не только духовной мудрости, но и житейского благоразумия, если бы мы свободное время мира употребили на беспечность и праздность, на увеселения и расточительность, а не на полезную деятельность.

Потрудимся преимущественно, в преимущественном обилии, приобрести и сохранить стяжания духовныя – Божию благодать, веру, правду, добродетель: они созиждут и утвердят наш мир внутренний, внешний возвысят и упрочат.

Тако глаголет Господь: аще бы еси послушал заповедей Моих: то был бы убо аки река мир твой (Иса. XLVIII. 17. 18). *Послушай* хотя отныне заповедей Господних, если не довольно внимал им прежде: и да *будет аки река мир твой*. Аминь.

CDXII.

323. Речь

Благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу при вступлении Его Императорского Величества в Успенский Собор.

(Говорена марта 29-го; напечатана в

Моск. Вед. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

Благочестивейший Государь!

К Тебе очи наши и сердца, как прежде: тогда как не прежнее видим в Твоем втором Царском лете.

Ты наследовал войну, упорную против нас и против мира: и даровал нам мир.

Твоя правда и мужество не отказывались от войны: Твое человеколюбие не отказалось от предложенного мира.

Не победили России враги: Ты победил вражду. Христианскою мыслию одушевлял Ты войну: Христианскою мыслию осуществляешь мир.

Благодарно Тебе Отечество: и чуждые отдают Тебе справедливость и отдадут полнее, когда утихнут страсти.

Крепко должны мы молить и молим Бога, чтобы благопоспешал Тебе искусством и попечением, у врачевать раны, без которых не могла быть война, чтобы, по слову Пророка, *правда и мир облобызались* в Державе Твоей, и чтобы плодом их было совершенное благоденствие.

CDXIII.

324. Беседа

в третий день Пасхи и в день рождения

Благочестивейшаго Государя Императора

Александра Николаевича.

(Говорена в Чудовом мон. апр. 17-го; напечатана

в Твор. Св. Отц. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

После того, как о воскресении Христовом Евангелие возвестило нам еще в навечерии праздника, в два дня праздника мы слышали евангельский глас сына Громова, по истине, подобно грому, крепкий, подобно молнии, светлый. То возводил он нас превыше небес, и превыше времен, к созерцанию Божества Христова: *в начале бе Слово; – Бог бе слово*. То на земли, устами большого из рожденных женами провозглашал вечность Христа и Его безмерное величие: *Той есть грядый по мне, Иже предо мною бысть: Ему же несмы аз достоин, да отрешу ремень сапогу Его* (Иоан. I. 27).

Ныне святая Церковь, оставя Евангелиста Иоанна, призвала Евангелиста Луку, чтобы он возвратил нас ко дню воскресения Христова, и в своем повествовании дал нам видеть некоторые в тот день действия учеников Христовых и явление Господа воскресшаго.

Нет ли в сем церковном распоряжении особенного намерения? – Думаю, есть то намерение, чтобы наши мысли, которые с течением дней праздника могли более или менее разсеяться, вновь собрать к существенному предмету праздника, и чтобы указанием на происходившее в первоначальный день пасхи Христовой подать наставление нам, что может и должно быть во дни возобновляемой настоящим торжеством пасхи Христовой.

В самый день воскресения Христова, пред вечером, два ученика Христовых, Клеопа, названный в Евангелии, и другой, по преданию, Лука, писатель Евангелия (умолчавший о своем имени по смирению), идут из Иерусалима в недалеющее селение Еммаус, не знаем, по какой надобности, но конечно не без надобности, в такой день, в который оставаться в Иерусалиме было весьма любопытно, хотя не для всех безопасно. Идут, и разговаривают. О чем? О надобности ли, для которой идут? Или о разных предметах, случайно попадающих на ум и на язык? – Нет. Их разговор не легкомысленный, не празднословный. *Та беседоваша к себе о всех сих приключившихся*. Они беседовали между собою о страдании Христа, о Его распятии, о Его погребении, наконец о Его воскресении, которому любящее Христа сердце их желало бы верить, но которому нераскрытое разумение их еще боялось верить. Сомнение не удалило их от Христа, к Которому влекла их любовь; и страх врагов его не воспрепятствовал им исповедать Его, как чаемого Спасителя, нечаянному неизвестному спутнику: *надеяхомся, яко сей есть хотяй избавити Израиля* (Лук. XXIV. 21).

Вам, новые ученики Христовы, должно быть и удобнее, и приятнее беседовать о воскресшем Господе. Для вас нет страха, который бы препятствовал говорить о Нем; нет сомнения, которое бы возмущало помышления о Нем: истина воскресения Христова сияет ныне, как солнце. Спросите же себя, довольно ли, в сии дни, назначенные для торжественного воспоминания воскресения Христова, – довольно ли воспоминаете и беседуете о воскресшем Господе, и в домах, как некогда мироносицы с Апостолами, и на пути, как Лука и Клеопа? Можем так думать о тех, которых видим прилежно притекающими в церковь, и для Богослужения, и, кроме Богослужения, для того, чтобы насладиться зрением святыни и благоговейным прикосновением к ней. Но можно ли так

же думать о тех, которые толпами идут в дома роскоши и невоздержания, и на площадь игр и зрелищ, достойных смеха, или, лучше сказать, и смеха недостойных? Христианин! Смотри, как праздновали день Христов истинные ученики Христовы еще тогда, когда они не достигли совершенства: и устыдись праздновать оный по язычески.

Лука и Клеопа за добрую о Христе, хотя и несовершенную в вере и разумении, на пути беседу получили чудную награду. *Бысть, беседующема има и совопрошающемася, и сам Иисус приближися, идяше с нима.* Сперва показался Он им неизвестным путешественником, и не дал им узнать Себя, без сомнения, по предусмотрению, что внезапность открытого чудесного явления поразила бы их душевные и телесные силы, и сделала бы их неспособными принять наставление, которое Он намерен был преподать им. От собственного их разговора Он заимствовал случай изложить и истолковать им предречения и предзнаменования священных Писаний о Его страдании, смерти и воскресении; и таким образом прекратил их недоумения, и утвердил колебавшуюся веру их. И в то же время тайным действием Своей Божественной силы Он возжег в сердцах их святой огонь благодатного утешения. Наконец, когда, собеседуя, дошел с ними до Еммауса и до места привитания их, и когда они не хотели расстаться с таким собеседником, Он вошел с ними в дом, возлег с ними за трапезу, и, как уже приготовленным к общению открыто чудесному, благословляя и преломляя хлеб, даровал им совершенную радость узнать Его, и увидеть в свете воскресения Его. Сие осияние было мгновенно, и Он тотчас перестал быть видим: потому что уже совершилось действие, благопотребное и благотворное для видящих и для тех, которые от них услышат о бывшем видении.

Что, если, указав на сие приключение двух учеников Христовых, скажу вам, нынешние ученики Христовы: вот какая блага и вы можете обрести, если настоящее время, посвященное торжественному воспоминанию воскресения Христова, действительно посвятите на благоговейныя о нем размышления и собеседования с верою и любовью; и вот каких благ лишаете вы себя, если сие святое время расхищаете и расточаете на суету и на чувственные удовольствия, неумеренныя и греховныя, если поработаете себя греху в то самое время, когда торжествуете освобождение от рабства греху? Что на сие скажете? Не скажете ли, что теперь уже не время откровений и видений? Признаем, что теперь уже не время откровений и видений для открытия и утверждения новых истин веры, новых таин благодати. Но кто сказал вам, что прошло время благодатных общений со Христом? Не всем ли ученикам Своим, не на все ли времена дал Он сие обетование: *любай Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Иоан. XIV. 21); – *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Матф. XXVIII. 20)? Будучи верен своим обетованиям, не престал Он и ныне пребывать с верующими в Него, с любящими Его, с благоговеющими пред Ним, с отвращающими очи от суеты, и готов явиться если не оку их, то их сердцу, возжигая в нем огонь благодатного утешения, подобно как некогда в сердцах Луки и Клеопы; но конечно явится Он на пути души, стремящейся к Нему, а не на распутии суеты.

Благонамеренные путешественники, получившие столь счастливый исход путешествия в Еммаус, сделали еще прекрасное дело, не довольствуясь своим счастьем одни, но поспешив разделить оное с другими учениками Христовыми, которых вера в начале сего дня также боролась с недоумениями. Немедленно возвратились они в Иерусалим, вошли в собрание Апостолов, и сообщили им свое чудесное удостоверение о воскресении Христовом. Апостолы же сообщили им взаимно такое же свое удостоверение, после нескольких свидетельств мироносиц, довершенное тем, что воскресший Господь явился Апостолу Петру. Смотрите, как и Апостолы проводили великий, не вдруг разгаданный ими, день. Двери собрания их были заперты, *страха ради иудейска*: но не страх собрал их; страх развеял бы их по разным для каждого более надежным тайным местам, а не повел

бы в одно место, всем им известное, и посему самому не довольно скрытое и от других. Это была, по всей вероятности, та сионская горница, в которой Господь совершил с ними тайную вечерю пред Своими страданиями. Какая же сила собрала их в одно место, и при том не совсем безопасное? – Конечно, еще не умершая вера и особенно живая, сильная любовь к распятому Господу, которая в общении с любящими Его искала облегчения скорби, и подкрепления веры. И, по укреплении сей веры, сия не отпадающая любовь учеников Христовых так же награждена в Иерусалиме, как и в Еммаусе. *Сам Иисус ста посреде, и глагола им: мир вам.*

Еще раз обращаюсь к вам, нынешние ученики Христовы, чада Церкви апостольской, и к вашей совести, дабы она недремлющим оком рассмотрела, соответствует ли ваш воскресный день воскресному дню апостольскому. Действительно ли посвящено Христу ваше время, ваши мысли, ваши чувствования, ваши собеседования, ваша деятельность? Воспоминаете ли страдания и смерть Христову с умилением и благодарностью, как претерпенныя за нас? Воспоминаете ли воскресение Христово не только с радостью для себя, но и с желанием подобной радости и спасения всем? Любовь ко Христу да одушевляет и да возвышает вашу радость. Любовь к миру да не превращает вашей радости в легкомысленное веселие.

Впрочем дух Христов не враг и человеческих благозаконных радостей. Так Он благословляет нынешнюю радость нашу при воспоминании благословенного рождения Благочестивейшаго Самодержца нашего. Церковь освящает сию радость молитвою во храме; пусть и в общежитии народная любовь к Царю облечет сию радость свойственными себе выражениями, чтобы и сим образом исполнилась заповедь апостольская: *царя чтите* (1 Петр. II. 17). Но вместе с сим мы уверены, что и Благочестивейшему Самодержцу нашему наша о Нем радость тем приятнее будет, если мы, достойно радуясь о Нем, достойно радуемся о Господе. Аминь.

CDXIV.

325. Беседа

к братьям Святаго храма Святителя Николая,

что в Рогожском, при внесении в оный храм иконы

Святителя Николая, дарованной Его Императорским

Высочеством, Государем Наследником Цесаревичем.

(Говорена мая 13-го; напечатана в Твор. Св. От. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

Прихожу к вам ныне, братья святаго храма сего, как вестник и исполнитель воли Благovernаго Государя Наследника Престола, Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича.

Без сомнения, с чувством утешения и благодарности воспоминаете вы девятый день сентября, в который он посетил сей храм ваш, слушал здесь молитвословие, и от усердия вашего принял святую икону. В ранних летах являя себя наследником Родительскаго и Прародительскаго благочестия, Он изъявил вам Свое сорадование о том, что вы, преминув

лета неведения и спасительно уразумев духовную потребность благодатного общения и единения с единою, святою, соборною и апостольскою Церковию, действительно вступили с нею в общение и единение, в котором и пребываете. С сим вместе Он знаменательно изъявил свойственное просвещенной христианской любви желание, чтобы вашему доброму примеру последовали и другие, которые, к сожалению, не суть от двора единыя, святые соборныя и апостольския Церкви.

С того времени Благоверный Государь Цесаревич сохранил не только памятование о вас, единоверные братия, и о вашем усердии, но и то благовольтельное участие, с которым взирал на ваше единение со святою Церковию, и с ея священноначалием, от святых Апостолов друг-друго-приимательно, непрерывно и законно приявшим благодать тайнодействия. В ознаменование таковых Своих расположений, и во всегдашнюю память Своего к вам благоволения, Благоверный Государь дарствует вашему храму святую икону Святителя и Чудотворца Николы, которую вы видите.

Радостен, конечно, для вас, братия, настоящий день и час: радостен он и для меня.

Радуюсь о Благоверном Первенце Царевом, который, разцветая возрастом, разцветает и любовию к православной вере, и любовию к верному православному народу.

Радуюсь о вас, братия, к которым, по устроению провидения Божия, как бы в вознаграждение за то, что на вас не ласково смотрят чуждые церковнаго единства, и светлый взор, и благовольтельное слово, и священный дар исходит от самага царскаго Престола: потому что Благоверный Сын Царев действует, конечно, в духе Благочестивейшаго Родителя.

Радуюсь и о себе, что мне дан жребий посредствовать ныне в исполнении благодетельной воли Государя Цесаревича и соутешиться вашим утешением.

Радуюсь и о том, что пришел к вам, не только как посланный, но и как призванный вашим добрым изволением: ибо сие есть новое свидетельство того, что ваше единение со святою вселенскою Церковию и священноначалием ея вполне совершилось в сердцах ваших.

Никто да не мнит видеть разделение в том, что в церкви вашей слышатся некие особенные звуки слова, видятся некоторые особенныя подробности обрядов. Строго судили о сем, когда с сим соединено было священной власти: и справедлива была строгость, потому что тяжек грех противления, как о сем вразумляет Пророк Самуил: *якоже грех есть чарование, тако грех есть противление; и якоже грех есть идолопоклонение, тако непокорение* (1 Цар. XV. 23). Но где, по предварающей благодати Божией, и по действию благонамеренности и добраго разсуждения, нет противления, а есть сердечное расположение к миру и благодатному единству; где притом есть уже единство веры в священные догматы и таинства: там сему внутреннему единению может ли препятствовать некоторое разнообразие внешнее?

Вы принимаете в руководство священныя и церковныя книги в том виде, в каком оне были во дни первых пяти Патриархов российских. Мы принимаем в руководство священныя и церковныя книги в том виде, какой оне получили во времена последующих пяти Патриархов и святейшаго Синода, в следствие сличения их с древними греческими книгами, с которых оне переведены, и с древними славенскими рукописями, при чем речения неясныя от древности заменены более ясными, и поврежденныя неискусными переписчиками исправлены. Вот разность! Но и те и другия книги прославляют единую Пресвятую Троицу; и те и другия возвещают единую веру в Господа и Бога и Спаса

нашего Иисуса Христа; и те и другия предлагают для освящения нашего благодатную силу одних и тех же семи таинств, и для управления жизни нашей одни и те же заповеди Божии; и те и другия утверждаются на слове Божиим, и на правилах апостольских, соборных и отеческих; и те и другия представляют один и тот же состав церковного Богослужения и священных обрядов, с немногими и не существенными разностями в подробностях. Вот единство!

Что-жь? Непримиримы ли оныя разности с сим единством?

Нельзя отказать в уважении церковным книгам, которыя вы называете новыми: оне исправлены по греческим и славенским рукописям, которыя древнее времен первых пяти патриархов российских. Но ваши предки усомнились в верности сего исправления; и по уважению к святым и благочестивым людям, устроившим свое спасение по книгам, которыя вы называете старыми, решились неуклонно держаться сих книг. И вы обыкли руководствоваться в сем не столько исследованием, сколько преданием отцов ваших. Если бы ваше последование мнениям отцов ваших доходило (как доходит у других) до противления святой, апостольской Церкви, до отвержения святительства или священства и спасительных таинств, или до употребления оных святотатственного, и потому бесплодного и осудительного; то я сказал бы вам: поставьте должную меру вашему уважению к вашим отцам; *повиноватися подобает Богу, а не человеку* (Деян. V. 29); если бы святые равноапостольные Ольга и Владимир неограниченно следовали мнениям и примерам своих отцов, то они умерли бы идолопоклонниками, а не святыми и равноапостольными. Но поелику ваше последование мнению и примеру отцов ваших не доходит до крайностей: уважаю чувство уважения к родителям, а потому и с основанным на нем обычаем желаю пребыть в мире. И поелику в церковных книгах, преимущественно вами чтимых, вижу едину и ту же, как в исправленных, веру, таинства и Церковь: то, по благословению святыя апостольския Церкви, в мире вашей и моей совести, читаю в вашей церкви ваши церковныя книги, и исполняю принадлежащая им особенности священнослужебнаго чина и обрядов; и не обинуясь говорю: никто да не мнит видеть разделение в том, что в церкви вашей слышатся некие особенныя звуки слова, видятся некоторыя особенныя подробности обрядов.

Братия! Святый Апостол Павел учит, что *не в словеси царствие Божие, но в силе* (1 Кор. IV. 20). Не станем без нужды возбуждать разделяющия прекословия о разностях слов, когда оне ведут к единой силе царствия Божия.

Посмотрите, где апостольское слово указывает нам основания благодатнаго и спасительнаго единства: *едино тело, един дух, якоже и звание бысте во едином уповании звания вашего; Един Господь, едина вера, едино крещение, Един Бог и Отец всех* (Ефес. IV. 4 – 6). – Не все ли мы чтим и приемлем сии вечныя основания единства? Итак на них да утверждаем непоколебимо наше церковное единение, теми способами, какия указывает тоже апостольское слово. Какими способами? – *Со всяким смирением и кротостию, с долготерпением, терпяще друг друга любовию, тщащися блюсти единение духа в союзе мира* (2. 3).

Вспомяну вам еще высшее слово о потребности благодатнаго единства, и о высоте, до которой оно достигать должно. Когда Христос Спаситель, отходя от мира сего, последнюю с Апостолами беседу заключил молитвою о новосозидаемой Церкви Своей: тогда всем верующим в Него просил Он от Отца Своего небеснаго единения в вере и любви между собою, восходящаго до единения с самим Богом: *да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* (Иоан. XVII. 21). Молитва единого Сына Божия должна исполниться: но она исполняется и исполнится только

над теми, которые с своей стороны тщатся соответствовать Его воли, которые с искренним сердцем *тщатся блюсти единение духа в союзе мира*.

Потщимся, единовѣрные братья, паче и паче утверждаться и возрастать в единении веры и любви, да силою нашего благодатнаго единения и бедственно отчужденные привлечены будут к спасительному церковному единству.

Отче Господа нашего Иисуса Христа, Боже наш! Призри не на наше недостойство, но на ходатайство за нас едиnorodнаго Сына Твоего, и исполни над нами молитву Его: *да вси едино будем*, во единой Церкви Твоей святѣй, яже есть единый ковчег спасения, и единый путь к небесному Твоему царствию. Аминь.

CDXV.

326. Слово

в день Тезоименитства Благочестивейших

Государыни Императрицы Марии Александровны.

(Говорено в Чудове мон. июля 22; напечатано в

Твор. Св. От. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

*Молю убо прежде всех творити молитвы,
моления, прошения, благодарения за вся
человеки, за царя и за всех, иже во власти
суть, да тихое и безмолвное житие
поживем
во всяком благочестии и чистоте.
(1 Тим. II. 1. 2)*

Если обратим внимание на то, в какое время написал святой Апостол Павел сие наставление епископу Тимофею: то можем усмотреть всеобъемлющее пространство любви христианской, открыть глубокую Богодухновенную прозорливость Апостола, и глубоко почувствовать силу нашей обязанности молиться за Царя.

Святой Павел написал наставление о молитве за царя и за сущих во власти тогда, как во всем мире не было ни одного царя христианскаго; когда цари и власти были иудейские, неверующие во Христа, и языческие, погруженные в заблуждения и пороки идолопоклонства, которые, приходя в соприкосновение с христианством, большею частию являлись врагами его и гонителями, с намерением совершенно истребить оное. Разум естественный конечно сказал бы: это несообразность – молиться за людей, которые хотят вас истребить. Но любовь христианская говорит: молитесь и за сих; желайте и просите им всякаго блага; может быть, в благодеяниях познают они благодетеля Бога, познав уверуют в Него, уверовав умиротворятся в отношении к другим верующим в Него; если же и не так, по заповеди возлюбленнаго Спасителя, *молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы* (Матф. V. 44). Так действительно, первомученик Стефан, за членов Синедриона, определивших побить его камнями, умирая молился: *Господи, не постави им греха сего* (Деян. VII. 60).

При воззрении на чуждыя христианства, и даже враждебныя ему расположения современных Апостолу земных властей, его наставление представляет вид необычайности еще в том, что он заповедует *творить* за них не только *молитвы*, но и *благодарения*. Неужели враги и враждебныя действия, гонители и гонения могут быть предметом благодарности? – Сие недоумение будет устранено, если примем в разсуждение, что святой Павел есть не просто наставник, но наставник Богодухновенный. Христос Спаситель и всем христианам, для важных случаев, когда им нужно с особенною верностию и твердостью изрещи или засвидетельствовать истину Христову, дал сие обетование: *не вы будете глаголющими, но Дух Отца вашего глаголай в вас* (Матф. X. 20). Без сомнения, в преимущественной силе и полноте дан сей дар Апостолу, провозвестнику Христова учения для вселенской церкви. Итак святой Павел хочет написать наставление церкви ефесской: Дух Святой в то же время благоизволяет написать чрез него наставление Церкви вселенской. Павел смотрит на церковь ефесскую, как она есть: Дух в нем Божий в то же время смотрит на Церковь вселенскую, как она есть и будет. Павел видит современный мрак царств языческих: Дух в нем Божий провидит и, более или менее, показывает ему будущий свет царств христианских. Взор Богодухновенного, проникающий будущие веки, встречает Константина, умиротворяющего Церковь и освящающего верою царство, Феодосия, Юстиниана, защищающих Церковь от наглости ересей, – конечно видит далее и Владимира, и Александра Невского и многих распространителей веры, защитников Церкви, охранителей православия. После сего не удивительно, что святой Павел пишет: *молю творити* не только *молитвы*, но и *благодарения за царя и за всех, иже во власти суть*; потому что будут цари и власти не только такие, за которых надобно молиться с скорбию, или с утешением, но и такие, за которых, как за драгоценный дар Божий, должно благодарить Бога с радостью.

Глубокое смирение, и вместе сильное желание святого Павла сделать действительным преподаваемое наставление, открывается в том, что он не излагает истину равнодушно, и не повелевает властью апостольскою, но просит и умоляет, чтобы приносимы были молитвы за царя: *молю*, говорит, *творити молитвы за царя*. И можем ли мы не чувствовать глубоко и сильно сей обязанности столь убедительно нам внушаемой? Как ни отдалены мы от святого Павла временем: но мне кажется, что звук его апостольского вещания громче и сластнее отдается в наших сердцах, нежели в близких к нему христианах ефесской и других церквей. Со страхом, сквозь слез должны были они молиться за царей, чуждых христианства и угрожающих ему. Нашим отцам и нам предлежало и предлежит молиться за царей благочестивейших, распространителей веры, защитников Церкви, охранителей православия, – молиться с миром, с радостью, с благодарностию.

Подкрепляя свое учение о молитве за царя, святой Апостол указывает на ожидаемый от нея плод: *да тихое и безмолвное житие поживем, во всяком благочестии и чистоте*. Итак он полагает, что от царя, по молитве Церкви и царства, Богом просвещаемого и укрепляемого, весьма много зависит *тихое и безмолвное житие*, то-есть, жизнь спокойная и безопасная, и не только *тихое и безмолвное житие*, но и *житие во всяком благочестии и чистоте*.

Чтобы уяснить сию истину, не вдадимся в область умозрений и состязаний, в которой некоторые люди, не знаю, более ли других обладающие мудростию, но конечно более других доверяющие своей мудрости, работают над изобретением и постановлением лучших, по их мнению, начал для образования и преобразования человеческих обществ. Уже более полувека образованнейшая часть рода человеческого, по местам, по временам, видит их преобразовательныя усилия в самом действии: но еще нигде, никогда, не создали они *тихого и безмолвного жития*. Они умеют потрясать древния здания государств: но не

умеют создать ничего твердаго. Внезапно по их чертежам строятся новые правительства: и так же внезапно рушатся. Они тяготеют к отеческою и разумною властью царя: и вводят слепую и жестокую власть народной толпы и безконечныя распри искателей власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе: а в самом деле ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом низвергнуть в угнетение.

Надежнее самодельных умствований можно учиться царственной истине из истории народов и царств, и особенно из истории, преимущественно достоверной, как писанной не страстями человеческими, а Пророками Божиими, – из истории древле избраннаго народа Божия. Она показывает, что лучшее и полезнейшее для человеческих обществ обыкновенно делают не люди, а человек, не многие, а один.

Какое правительство дало народу еврейскому государственное образование и законы? – Один человек, Моисей, который не был князем или царем, потому, что царем народа Божия был Сам Бог.

Какое правительство распоряжалось завоеванием обетованной земли и распределением на ней племен народа еврейскаго? – Один Иисус Навин.

В следовавшая потом времена Судей неоднократно один судия спасал от врагов и зол целый народ. Но как такая явления были не часты: то, по пресечении единоначалия, народ приходил в разстройство; благочестие оскудевало; распространялось идолопоклонство и повреждение нравов: за тем следовали бедствия и порабощение иноплемениками. Священный деесписатель, написав, как в доме Михи, из украденнаго сыном у матери серебра слит идол, и потом воинами колена Данова похищен, и домашнее идолопоклонство превращено во всенародное, как от необычайнаго разврата жителей Гаваона произошла междоусобная война, от которой едва не в конец истреблено колено Вениаминово, и, предвидя вопрос, как могли произойти такая нелепости в народе Божием, дает на сие следующий ответ: *в тыя дни не бяше царя во Израили; муж еже угодно пред очима его, творяше* (Суд. XXI. 25).

Вновь явился один, полномочный силою молитвы и дара пророческаго, Самуил: и народ еврейский огражден от врагов: беспорядки прекращены; благочестие восторжествовало над идолопоклонством.

После того, как Бог для непрерывнаго единоначалия в народе своем благословил быть царю, цари Давид, Иосафат, Езекия, Иосия представляют в себе образцы того, как сильно может и должен царь споспешествовать своему народу к проведению *тихаго и безмолвнаго жития во всяком благочестии и чистоте*.

Скажут ли, что были не такие цари, и не такая последствия их владычества? – Это правда; но это было, особенно в царстве израильском, потому, что и цари, и народы не молились истинному Богу, а идолам; и от худой молитвы не было добраго плода.

Из истории царств христианских ограничусь одним примером для показанія, как действительно может благочестивый царь споспешествовать распространению и утверждению истиннаго благочестия в своем народе. Было время, когда в Константинополе арианство усилилось так, что святой Григорий Богослов, призванный православными для поддержания православия, не нашел церкви для своего священнослужения и проповедания, и принужден был устроить для сего церковь в доме. Но, по молитвам православной Церкви, по устроению Провидения Божия, явился благочестивый Император Феодосий, и решился оказать православию защиту и

покровительство. Святой Григорий сам повествует о себе, что *шел среди войска и Императора*, чтобы вступить в соборный храм столицы: так нужна была предосторожность против многочисленных беспокойных ариан. С сего времени проповедь православия свободнее стала оглашать Константинопольский народ; вскоре, при покровительстве благочестиваго Императора, состоялся православный собор; и столица Империи, которую покушались сделать столицею ереси, вновь явилась столицею православия.

Довольно. Извлеченныя теперь из апостольскаго слова мысли о молитве и благодарении Богу за благочестиваго Царя, как за возделанный дар Божий народу и Церкви, найдут себе дополнение в ваших, братия, собственных мыслях и чувствах, в том, что вы видите, и что делаете.

Не видим ли отеческаго попечения Благочестивейшаго Государя нашего о доставлении нам *тихаго и безмолвнаго жития* в том, что Он воздвигнутую против нас жестокою войну, поколику возможно было, ускорил прекратить, и даровать нам мир, удовлетворясь от враждовавших благоприятными обещаниями, и не ища отмщенья за нанесенную брань!

Не видим ли высокаго примера благочестия Его в том, что Он своей царской власти, уже освященной законом престолонаследия, желает еще доставить высшее освящение, чрез воспріятие царскаго венца с соборною молитвою Церкви и с благословением Божиим, и чрез священное помазание?

Умножим, верныя чада России, умножим сердечныя моления наши о Благочестивейшем Государе нашем Императоре Александре Николаевиче, да Царь царствующих Сам невидимо *положит на главе Его венец от камєне честна, и венчает Его милостию и щедротами*; да помажет Его *елеем святым*, елеем благодати, духом премудрости и силы, да *благословит Его благословением благостынным*, и с Ним да благословит и соучастницу славы Его, ныне тезоименитую Благочестивейшую Государыню Императрицу Марию Александровну, к полной радости нашей, к совершенному благоденствию отечества. Аминь.

CDXVI.

327. Речь

Благочестивейшему Государю Императору Александру

Николаевичу, пред вступлением Его Императорскаго Величества

в Успенский Собор, в день Священнаго Коронованія.

(Говорена августа 26-го; напечатана в Твор. Св. От.,

в Москов. и Губер. Вед. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

Благочестивейший Великий Государь!

Преимущественно велико Твое настоящее пришествіе. Да будет достойно его сретение.

Тебя сопровождает – Россия. Тебя сретает – Церковь.

Молитвою любви и надежды напутствует Тебя Россия. С молитвою любви и надежды приемлет Тебя Церковь. Столько молитв не проникнут ли в небо?

Но кто достоин здесь благословить вход Твой? – Первопрестольник сей церкви, за пять веков донныне предрекший славу Царей на месте сем, Святитель Петр, да станет пред нами, и, чрез его небесное благословение, благословение пренебесное да снидет на Тебя, и с Тобою на Россию.

CDXVII.

328. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору Александру
Николаевичу, по совершении Священнаго Коронования Его
Императорскаго Величества.**

(Говорена августа 26; напечатана в Твор. Св. От., в

Москов. и Губерн. Вед. 1856 г. и в собран. 1861 г.)

<1856 год>

Благочестивейший, Богом венчанный Великий Государь Император!

Благословен Царь царствующих! Он *положил на главе Твоей венец от камени честна* (Пс. XX. 4). С уверенностью говорю сие, потому что из уст Пророка беру слово, изображающее судьбу Царя, праведно воцарившагося.

Бог венчал Тебя: ибо Его провидение привело Тебя к сему законом престолонаследия, который Он же положил и освятил, когда, прияв Царя в орудие Своего Богоправления, изрек о нем Свое определение: *от плода чрева твоего посажду на престоле твоём* (Пс. CXXXI. 11).

Бог венчал Тебя: ибо Он *даёт по сердцу* (Пс. XIX. 5), а Твое сердце желало не торжественного только явления Твоего Величества, но наипаче таинственного осенения от Господня *Духа владычняго, духа премудрости и ведения, духа совета и крепости*.

Мы слышали Твою о сем молитву ныне: Сердцеведец внял ей ранее; и когда Ты медлил приять Твой венец, потому что продолжал защищать и умиротворять Твое царство, Он ускорил утишить бурю брани, чтобы Ты в мире совершил Твою царственную молитву, и чтобы венец наследия был для Тебя и венцем подвига.

Итак, *Господа силою возвеселися*, Боговенчанный Царь, и о спасении Его *возрадуйся зело!* (Пс. XX. 1).

Возрадуйся также и Ты, Благочестивейшая Государыня, о славе Твоего Всепресветлейшаго Супруга, свыше освещаемой и освящаемой, и лучем священным и Тебя озаряющей.

Утешься и возрадуйся Благочестивейшая Матерь Царя. Се уже зрел плод чрева Твоего, и сладок для России.

Светло возрадуйся Православная Церковь, и твоя соборная молитва веры, любви и благодарности да восходит к престолу Всевышняго, когда Он на *Избранного от людей Своих* полагает священную печать Своего избрания, как на вождя первенца твоих сынов, на твоего верного и крепкого защитника, на преемственного исполнителя древнего о тебе слова судеб: *будут царие кормители твои* (Ис. XLIX. 23).

Светися радостью, Россия. Божие благоволение возсияло над тобою в священной славе Царя твоего. Что может быть вождянее, что радостнее, что благонадежнее для царства, как Царь, Который полагает *сердце свое в силу Божию* (Псал. XLVII. 14), Которому царский венец тогда приятен, когда принят от Царя небесного, – Который царския доблести, намерения, деятельность желает освятить и освящает *помазанием от Святаго*?

По истине, Благочестивейший Государь, чтобы от *венца Царева*, как от средоточия, на все царство простирался животворный свет *честнейшей камней многоценных* (Прит. III. 15) мудрости правительственной, – чтобы мановения *скипетра Царева* подчиненным властям и служителям воли Царевой указывали всегда верное направление ко благу общественному, – чтобы рука Царева крепко и всецело обнимала *державу* Его, – чтобы *меч Царев* был всегда уготован на защиту правды, и одним явлением своим уже поражал неправду и зло, – чтобы царское *знамя* собирало в единство и вводило в стройный чин миллионы народа, – чтобы труда и бдения Царева доставало для возбуждения и возвышения их деятельности, и для обеспечения покоя их, – не высший ли меры человеческой потребен для сего в Царе дар? – Но по сему-то наипаче и радуемся мы, что Ты, будучи рожден царствовать, будучи приснопамятным Родителем Твоим уготован царствовать, действительно царствуя, еще взыскуешь свыше дара царствовать. И верен *Вознесший Тебя от людей Своих* (Пс. LXXXVIII. 20), по вере Твоей и Твоего народа, в приемлемом Тобою ныне видимо священном помазании даровать Тебе невидимо помазание благодатное, светоносное, пребывающее, действующее Тобою к нашему истинному благополучию, к Твоей истинной радости о нашем благополучии, – подобно как древле, по царском помазании, благодатно и благотворно *ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом* (1. Цар. XVI. 13).

CDXVIII.

329. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору Александру
Николаевичу, и Благочестивейшей Государыне Императрице
Марии Александровне, при посещении Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры, после Священнаго Коронования.**

(Говорена сентября 19; напечатана в Твор. Св. От.,

в Полиц. и Губерн. Вед. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

Богом венчанный Государь и Помазанник Божий!

И так, после блеска Столицы, Тебе приятна простота смиренной обители; после величественного явления Твоей Царской славы, после радостных приветствий и торжественных восклицаний Твоих верноподанных, Тебе вожделенна тихая сердечная беседа с безмолвным рабом Божиим, который отрекся от всякой славы мира, но которого благодать и добродетель возвысили до степени друга Божия.

Знаем, что подобныя настоящему посещения Преподобного Сергия Твоими венценосными Предшественниками представили настоящему пример: но знаем также, что Тебя, Благочестивейший Государь, и Твою Благочестивейшую Супругу, приводит к нему не пример и обычай, а влечение сердца, так как оно приводило Вас к нему и прежде, когда не призывал пример и обычай.

Сия вера к *дивному во Святых своих Богу*, и с нею Ваш молитвенный подвиг, будут благоугодною пред Ним жертвою. Небесная любовь Праведника объимет Вашу к нему любовь; соединит его молитву с Вашою молитвою, и делом будет слово написанное: *много может молитва праведника, любовью действующая* (Иак. V. 16), и Ваша молитва будет новым источником надежд и благ для Вас и для России.

О сем и мы смиренные с упованием молимся; и сим образом радуемся о Вашем вожделенном пришествии радостию духовною.

CDXIX.

330. Беседа

в день Тезоименитства Благовернаго Государя

Наследника Престола Цесаревича Великаго

Князя Николая Александровича.

(Говорена в Чудовом мон. декабря 6-го; напечатана

в Твор. Св. От. 1856 г. и в собрании 1861 г.)

<1856 год>

День, в который мы торжественною молитвою призываем благоволение Божие Царю и Сыну Первенцу Цареву, привел мне на мысль пророческую молитву о благоволении Божиим к Царю и Сыну Цареву. *Боже, суд Твой Цареву даждь, и правду Твою Сыну Цареву* (Псал. LXXI. 1). Молитва Пророка конечно достойна призрения Божия. Итак не полезно ли, не благонадежно ли для нас присвоить себе молитву Пророка?

Не должно умолчать, что псалом Царя и Пророка Давида, начинающийся молитвою, теперь произнесенною, представляет изображение Царя, которое далеко превышает меру царя земнаго. *Обладает от моря до моря, и от рек до конец вселенныя; поклонятся Ему вси царие земстии*: очевидно, это Царь всемирный. *Будет имя Его благословенно во веки; прежде солнца пребывает имя Его*: Очевидно, это Царь вечный. Ищите лица, с которым бы вполне сходствовало сие изображение: не найдете, кроме Господа нашего Иисуса

Христа, Который есть Царь неба и земли, Царь времен и вечности, как Бог и вместе человек.

Но можно думать, что царь Давид, прежде нежели Дух Святый восхитил его к сему высокому и безпредельному созерцанию, имел молитвенную мысль о земном царе и сыне царевом. Почему и положил в начале псалма надписание: *о Соломоне*. Итак не погрешим, если придержимся и простаго, буквального значения молитвы его, и его священной молитвою облечем нашу настоящую молитву: Боже, суд Твой и правду Твою даждь благочестивейшему Царю нашему и Благоверному Сыну Первенцу Цареву!

Нашед в молитве Пророка о царе образец для нашей молитвы, мы можем и должны найти в оной также предмет для нашего размышления. Ибо молитва просительная должна быть соединена с правильным понятием о просимом, и с удостоверением о потребности и пользе просимаго.

Пророк доброжелательствует Царю и желает испросить ему дар Божий. Дары Божии многочисленны и многообразны. Кто не дерзает просить вдруг многого, тот обыкновенно избирает предмет прошения, преимущественно благопотребный. Какой же дар избирает Пророк в предмет прошения для Царя? – Суд и правду. *Боже, суд Твой царице даждь, и правду Твою Сыну Цареву*. Нет сомнения, что выбор Пророка есть мудрый. Итак должно признать пророчески верным то, что суд и правда составляют дар Божий, преимущественно благопотребный царю и царству.

Слово: *правда*, многозначительно в священном Писании: но, будучи соединено с словом: *суд*, получает чрез сие определенное значение. Правда значит здесь постоянное расположение справедливо судить и по справедливому суждению действовать, отдавать всякому свое, оправдывать правое, не оправдывать неправого, не позволять себе несправедливого суждения и несправедливого дела, и, по возможности, возбранять сие другим. Как действие такой правды, Пророк предвозвещает царю то, что он *спасет сыны убогих, и смирит клеветника; от лихвы и от неправды избавит души их, и честно имя его пред ними*.

Если о правде, как о возжеланном и преимущественно благопотребном даре Божиим, царь и Пророк Давид заботился для сына своего Соломона: то что же Соломон? Так же ли о ней мыслил, так же ли заботился и с каким успехом? – Когда Соломон, по возшествии на престол отца своего, в следствие усердного жертвоприношения, в ночном видении получил от Бога позволение просить, чего хочет: тогда он просил себе мудрости, и получил сей дар. Но чем открыта мудрость его царству его? – Правдою или правосудием. В темном деле двух матерей, которыя обе присвоили одного младенца живаго, и обе отказывались от другаго, неосторожностью матери лишеннаго жизни, при недостатке свидетелей и других признаков истины, Соломон с необычайною проницательностию вывел на свет правду, посредством притворнаго повеления разсечь живаго младенца и разделить между соперницами. Сильно подвигнутое материнское чувство обнаружило истинную мать: потому что она пожелала лучше отдать младенца в чужия руки живым, нежели видеть его разсеченным. Книга Царств, пересказав сей суд, заключает: *и слыша Израиль суд сей, имже суди Царь, и убояшася от лица Царева* (3 Цар. III. 28). Примечайте, как велико значение царственной правды. Одно сильное явление правды царевой распространяет во всем царстве благоговение к царю; укрепляет союз между царем и народом; обезпечивает царю усердное повиновение подданных, и подданным надежду безопасности под щитом правды царевой.

Но одному ли Царю предлежит забота о правде в царстве? – Может ли одна личная правда Царя сделать для блага народа все, чего желает Царева благодать? При всей мудрости, проницательности, деятельности, ревности о благе общем может ли Царь один все в царстве видеть, все знать, все исследовать, все сообразить, все предположить и исполнить, озарить светом всякую правду, затмеваемую неправдою, обнажить всякую неправду, покрывающуюся личиною правды? Его верховному, на все простирающемуся действию не нужны ли частные разных степеней орудия наблюдения, дознания, исследования, управления, суждения, распоряжения, исполнения, орудия правды, одушевляемые и движимые также правдою? – *Боже правду Твою даждь не только Царю и Сыну Цареву, но и всему царству и всякому сыну царства!*

Но поелику Бог дарует свои дары существу свободному не без участия его свободы: то каждый из нас, прося себе правды от Бога, должен и сам подвизаться, чтобы обрести и приобрести правду – чтобы ее познать и исполнить.

Не знаю, *рекут* ли мне, но не отлагаю реши сам себе *притчу сию: врачу, исцелился сам*; занятый мыслями о правде для других, не забудь воспользоваться ими для себя. Так, братия служители олтара, не слышим ли слова Пророка: *священницы Твои, Господи, облекутся в правду* (Псал. CXXXI. 9). Не заповедано ли нам вспоминать сие слово каждый раз, когда облачаемся в священную одежду, дабы мы непрестанно памятовали, что как одеждою облачаются члены тела, так правдою должны быть облечены наши помышления, намерения, деяния, жизнь? Мы призваны быть служителями не только правды, но и милосердия, быть не только священниками, но, когда нужно, и жертвами за спасение ближних. Еще не велико требование, когда от нас требуется правда. Какая правда? – Правда в молитве, чтоб она была от сердца, а не по внешнему только обряду, – правда в церковном служении, чтоб оно не изменяло общепреданному уставу, – правда в учении, чтобы оно верно было истине Божией, и не льстило страстям человеческим, – правда в попечении о пасомых, чтобы мы имели в виду и в намерении питание и безопасность стада, а не млеко и волну его, – правда в жизни, чтобы наша жизнь не была ложью против нашего учения.

Правда моего служения не была бы удовлетворена, если бы и другим званиям и состояниям не предложил я о правде некоторых напоминаний.

Самое обыкновенное требование правды бывает обращено к судиям. И справедливо. Что будет с благоустройством общества, что будет с безопасностью частною и общественною, если ищущие суда, и там, куда прибегают от неправды, вновь будут впадать в руки неправды; если и там, где надеются найти спасение от грабительства, будут подвергаться новому грабительству? – Посему Богопросвещенные мудрецы крепко призывают к судиям, чтобы они или возлюбили правду, или отказались от сего звания. *Возлюбите правду судящии земли* (Прем. I. 1). *Не ищи, да будеши судия, егда не возможеши отъяти неправды* (Сир. VII. 6).

Но с требованием правды не надобно ли обратиться и к тем, которые требуют ее от судей? – Вы жалуетесь на неправду судей: но вы для чего приносите в суд явную неправду вместо того, что в обществе, в котором властвует правда, надлежало бы в суде искать только разрешения недоумений о правде, происходящих от неясности и столкновения прав? Вы вопиете против мздоимства судей: но для чего вы сами прельщаете их мздою? Для чего усиливаетесь затмить в суде непозлащенную правду вашею позлащенной неправдою? – Праведно Пророк велит учиться правде не судиям только, но всем. *Правде научитесь живущии на земли* (Иса. XXVI. 9).

Начальствующим есть о правде напоминание Соломона: *с правдою уготовляется престол начальства* (Прит. XVI. 12). Если правда приседит начальствующему: то она, по свойству своему, располагает его действовать ко благу начальствуемых, с забвением своего покоя и удовольствия, с устранением всяких посторонних видов; правда неутомимо бодрствует над охранением общественного порядка и благоустройства; не упустительно укрощает нарушителей благоустройства и спокойствия; не попускает неблагонравия; в подчиненных должности и служения избирает людей способных, сведущих, благонамеренных, не позволяя пристрастию или человекоугодию унижать достоинство избрания. Так благотворное действие правды от начальствующаго простирается на весь круг его действия; и если остаются сыновья неправды и беззакония, то они скрываются, как ночные птицы, не смея показаться и искать себе добычи при господствующем свете правды. Так *с правдою уготовляется престол начальства*, то есть, начальство является твердым, и удовлетворяет своему назначению в обществе.

В соответствие правде начальствующих, правда подчиненных действователей власти должна проявлять себя наипаче верностию в исполнении обязанностей и поручаемых им дел, прямотою пред начальством, представлением начальству точных сведений о состоянии людей и дел, стремлением к общей пользе, без уклонения к своекорыстию. Желание представить начальству в блеске свою деятельность и закрыть от него темную сторону дел, ослабляет истинный благотворный свет и увеличивает вредную силу мрака. Своекорыстие есть червь в плоде общественной пользы: червь скрытно точит, и плод увядает, и падает на землю.

Чтобы не длить слова, некоторым состояниям общества, более простым, свойственную им правду поспешно укажем перстом апостольским.

Господие, правду и уравнение рабом подавайте, ведяще, яко и вы имате Господа на небесех (Кол. IV. 1).

Елицы суть под игом раби, своих господий всякия чести да сподобляют, да имя Божие не хулится и учение (1 Тим. VI. 1).

Чада, послушайте своих родителей: сие бо есть праведно (Еф. VI. 1).

Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни (4).

Для всех и каждого доступное, прямое мерило правды есть совесть, выпрямляемая словом Божиим. *Вся, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им* (Матф. VII. 12). Вот правда Христова, всякому понятная, для всех благотворная!

Сейте себе – заключаю с Пророком – *сейте себе в правду, и в следствие того соберите плод живота. Просветите себе свет ведения, дондеже время. Взыщите Господа, дондеже приидут вам жита правды* (Ос. X. 12). Жатва обильно посеянной частным и общественным трудом правды есть истинный мир, прочное благоденствие и спасение вечное. Аминь.

CDXX.

331. Беседа

по освящении домово́й церкви Пресвятыя Богородицы.

(Говорена нояб. 30-го; напечатана в

Твор. Св. От. 1856 г. и в собр. 1861 г.)

<1856 год>

Провидение Божие, уготовляя в жизни Святых опытное учение и руководство для нашей жизни, сохранило нам посредством писаний древний поразительный образ благоговения и любви к храму Божию в царе и Пророке Давиде.

Вот некоторые собственные его выражения его мыслей и чувствований. *Свят храм Твой* (Псал. LXIV. 5). *Господь во храме святем Своем* (Псал. X. 3). *Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни. Лучшее день един во дворах Твоих паче тысящ. Изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих* (Псал. LXXXIII. 2. 3. 11). *Когда прииду и явлюся лицу Божию? Быша слезы мне хлеб день и ночь* (Псал. XLI. 3. 4).

Видите, что он чувствовал как бы тоску по храму Божию, когда в продолжении некоторого времени не имел утешения пользоваться оным. И сие чувство было в нем так сильно, что, когда по обстоятельствам жизни не имел он удобства приближаться ко храму, он имел дерзновение домогаться, чтобы приближался к нему храм.

По причинам государственным царь Давид основал пребывание свое в Иерусалиме. Скиния свидения (то-есть, подвижной храм Божий, устроенный Моисеем по повелению Божию) находилась тогда в Номве, или, может быть, в Гаваоне: а существенная святыня сего храма, кивот с Богоначертанными скрижалями закона, отлученный от сего храма в следствие несчастных происшествий, сохраняем был в Кариафиариме, в доме Аминадава. Давид решился иметь храм Божий близ себя в Иерусалиме: *и уготова место кивоту Божию, и сотвори ему скинию* (1 Пар. XV. 1). И после некоторых затруднений действительно перенес в нее кивот Божий, чтобы таким образом иметь удобство посещать храм Божий в каждый праздник для молитвы, славословия и жертвоприношения, и кроме праздника, когда чувствовал особенную нужду подкрепить свою молитву благодатию святого храма.

Не забудьте, что так сильно чувствовал потребность святого храма человек, который сам был живой храм Божий; потому что, как Пророк, исполнен был Духа Божия. Еще в юности принял он от Пророка Самуила тайное и таинственное помазание: *и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом* (1 Цар. XVI. 13).

Сей священный пример дает нам право заключить, что те на правом пути, для которых путь ко храму Божию так приятен, как путь странствующаго к дому отеческому; которые лучшими часами жизни признают часы, проводимые в храме Божию; для которых лишение участия в молитве, славословии, таинстве храма, есть одно из лишений, глубоко чувствуемых; наконец, которые, не имея силы и возможности приходить в храм Божий, дерзают желать, чтобы храм Божий пришел к ним.

А что из того же священного примера должно заключить о тех, которые небрегут о подчинении себя уставам дома Божия, думая стоять выше народного мнения, и свободнее чтить Бога, не имеющего нужды в наших усиленных подвигах? Не должно ли заключить, что они ставят себя выше Пророка, который сознавал нужду следовать уставам храма Божия, и в следствие сего чувствовал неудержимое влечение к нему? Возвышение, конечно, не завидное! Кто сам себя ставит высоко: тот сам для себя готовит падение.

Но от тех, которых муж по сердцу Божию своим примером оправдывает в дерзновенном желании приблизить к себе святилище Божие, не должно скрыть, что оно же может и поколебать сие дерзновение, и внушить страх. Была минута, в которую он сам устрасился иметь близь себя храм Божий, и, как бы при виде опасности, воскликнул: *како внидет ко мне кивот Господень* (2 Цар. VI. 9)?

Когда, для возведения новосозданной в Иерусалиме скинии в достоинство храма Божия, надлежало внести в нее кивот Господень; и для взятия его Давид с собранием народа пришел в Кариафиарим: в святое дело вкралась погрешность. Вопреки установлению Божественному, по которому только первосвященник и священники имели право прикасаться к кивоту, и для путешествия они должны были облечь его покровами, и потом левиты нести его, положив на рамена свои носила его, – вопреки сему он поставлен был на колесницу. На пути, на неровном месте, левит Оза, вместо того, чтобы поддержать наклонившуюся колесницу, коснулся самого кивота. Кивот не упал: но дерзновенно и незаконно прикоснувшийся пал мертвый. Тогда-то Давид в ужасе воскликнул: *како внидет ко мне кивот Господень?* И, не смея нести его в свою скинию, оставил его в доме Аведдара.

Не станем любопытствовать, за что так грозно поражен Оза, за нарушение ли только закона обрядов, и вместе для вразумления первосвященника и священников, забывших оный, или сверх того за некую личную нравственную нечистоту, не совместную с служением святыне. Сие ведает Сердцеведец Судия.

Но почему сие происшествие так сильно поразило Давида, не виновного в том, что первосвященник и священники не соблюли своего устава? – Конечно, в сем частном событии видел он общий закон, некогда в подобном случае изреченный Моисеем от имени Божия: *в приближающихся Мне освящуся* (Лев. X. 3). То-есть, кто паче других приближается к Богу и к святыне, знаменующей присутствие Божие: в том преимущественно проявляет и ознаменовывает себя святыня Божия, благообщительная достойным, не прикосновенная недостойным. Моисей в посте и чистоте приближается к Богу на Синае, и приемлет Богописанные скрижали закона, и просвещается так, что народ не может взирать на свет лица его. К той же святыне скрижалей приближается Оза, и не к самым скрижалям, а только к кивоту прикасается; и поражается смертию. Так, если веруешь, смиряешься, очищаешь совесть; то святыня Божия полагает грех, и просвещает человека: в противном случае она опаляет грешника. Давид имел довольно самосознания и смирения, чтобы не считать себя свободным от греха: и потому страшился святыни, пред глазами его поразившей грешника.

Что при сем должны подумать мы? Можем ли иметь более дерзновения, нежели праведный Давид? Не *убоимся* ли вместе с ним *Господа*, и не скажем ли: *како внидет ко мне кивот Господень?* Как прииму, как сохраню достойно близь себя храм Божий с его святынею? Не довольно ли, когда можно, приходить в храм, где он есть, и близь прага его стоять с мытарем и с его покаянною молитвою; а когда не можно быть во храме, тогда от своей тайной клетки возсылать к Богу воззвание Давидово: *когда прииду и явлюся лицу Божию*, и любовь к святыне храма питать только слезами лишения: *быша слезы мне хлеб*.

Но уже *вниде кивот Господень*. Благодать Божия в таинственных знамениях уже вступила в храм сей. Теперь уже не время колебаться страхом, принять ли святыню приближающуюся: настает решительная обязанность со страхом хранить святыню приближившуюся. Умерим страхом дерзновение любви к святыне: умерим страх верою и любовью к святыне.

Для сего еще раз призовем на помощь праведного Давида. Он своим страхом устрашает нас: он и успокоивает нас, по страхе вновь восприятим дерзновением веры: потому что после минуты гнева Божия за оскорбленную святыню, чрез ту же святыню явилась пребывающая милость Божия.

Кивот Божий, поразивший Озу, и от страха оставленный в доме Аведдара, не поразил дома Аведдарова; напротив того *возвестиши царю Давиду глаголюще: благослови Господь дом Аведдаров и вся яже его, кивота ради Божия* (2 Цар. VI. 12). Давид отложил страх; восприял вновь дерзновение; возобновив торжественное собрание народа, по закону, на раменах левитов перенес кивот Божий в скинию, которую для него воздвигнул, и потом всю жизнь пользовался благодатию сего святилища.

Прославим новозаветную благодать, щедрую и снисходительную паче ветхаго закона. Закон Моисеев создал одну только скинию и один храм; и безпримерна была вторая скиния Давидова. Благодать Христова созидает храмы всюду, где есть верующие; и нередко позволяет дому человеческому принять в свои объятия дом Божий.

Приявшие ныне сей благодатный дар да возрадуются о Господе; и да хранят оный благоговейным хранением. Да подвизаются неослабно верующим и благоговейным сердцем и направлением жизни приближаться к Господу Иисусу Христу, близ сущему благодатно и таинственно, и к Пречистой Матери Его, приявшей храм сей под свое покровительство. Никакая дерзновенная рука, никакая неблагоговейная мысль да не коснется водворившейся здесь святыни. Да *благословит Господь дом сей, якоже дом Аведдара, кивота ради Божия*. Аминь.

1857 год.

CDXXI.

332. Беседа

в Неделю Православия при праздновании

Восшествия на Престол Благодетельнейшаго

Государя Императора Александра Николаевича

(Говорена февраля 24-го; напечатана

в Твор. Св. Отц. 1857 г. и в собр. 1861 г.)

<1857 год>

Уже глаголы святая Церкви, по ея уставу, взяли столько времени, что едва ли можно и немногия минуты уделить для произвольнаго слова служителя Слова, без опасения утомить некоторых предстоящих. Скажем однако нечто о значении настоящего торжества.

Ревнители православия, послушные Церкви, взирают на торжество православия, как на торжество поучительное, исполненное утешительных воспоминаний.

Но те, которые послушанием Церкви не ограничивают свободы мудрствовать по своему усмотрению, смотрят на церковное торжество православия с некоторым недоумением. Их неприятным образом поражают некоторые строгия осуждения, провозглашаемая среди церкви; и они спрашивают: довольно ли сообразно сие с кротостию и человеколюбием, свойственными христианству?

Чтобы разрешить сей вопрос, да будет и нам позволено предложить вопросы вопрошающим.

Каждую неделю несколько раз вы слышите в Богослужении изречение Псалмопевца: *прокляти уклоняющиися от заповедей Твоих* (Псал. CXVIII. 21). Думаете ли вы за сие строгое суждение обвинить Богодухновенного Псалмопевца в недостатке человеколюбия?

Читаете в послании святого Апостола Павла к Галатам, и слышите читаемое в церкви изречение: *аще кто вам благовестит паче, еже прияте, анафема да будет* (Гал. I. 9). Думаете ли обвинить Богодухновенного Апостола в недостатке кротости?

Если не можете не признать, что Пророк и Апостол произнесли строгия суждения согласно с данною им от Бога премудростию: то должно признать, что и ныне святая Церковь теже суждения произносит согласно с тою же премудростию. Надобно правильно понять намерение премудрости: и тогда не будет казаться странным дело ея.

Когда законодатель за тяжкое преступление полагает в законе, и провозглашает тяжкое наказание: скажете ли, что в сей строгости недостает человеколюбия? Напротив, есть человеколюбие в самой строгости: строгое наказание полагается, во-первых, для того, чтобы по возможности пресечь преступнику пути к новым преступлениям, и следственно сберечь от него добрых людей, во-вторых, для того, чтобы людей, которые не тверды в добродетели, и могут искушением быть увлечены к преступлению, поддержать на добром пути страхом строгого наказания.

Подобно сему надлежит рассуждать о действии Церкви, которое кажется усиленно строгим. Среди верных чад своих она встретила людей, которые, по выражению Апостолов, *от нас изыдоша, но не беша от нас* (1 Иоан. II. 19), которые *вносят ереси погибели, искупльшаго их Владыки отметающиеся* (2 Петр. II. 1). Что было делать иначе, как разве отсечь зараженные и заражающие члены от здравого тела и сделать сие так открыто, чтобы и зараженные злым учением удобно могли увидеть свою гибель, и прибегнуть к всецелительному врачеству покаяния, и здравые в вере несомненно знали, кого и чего должно им остерегаться; и как необходимо остерегаться бдительно.

И сие, как и все вообще, делает святая Церковь, не по своему усмотрению, но всегда на основании слова Божия и священнаго предания. Она имеет от Самого Христа Спасителя повеление: *аще кто Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Матф. XVIII. 17), то-есть, да будет чужд Христовой Церкви, а следственно и сущей с нею благодати. На сем основании Церковь не только может, но и должна отлучать от себя людей, *преслушных* не только ей, но и самому Богу, в священном писании глаголющему.

И как же исполняет она сей долг? Она не хочет от себя произнести тяжкаго слова: она произносит строгий суд устами Апостола Павла: *кто благовестит вам паче, еже прияте*, кто проповедует гибельное учение не веровать во единого Бога в Троице, в воплощенного Сына Божия Спасителя мира, кто отменяет провидение и суд Божий, *анафема да будет*.

И в том, что сей суд православия не карательный, а только обличительный и предохранительный, провозглашается в определенное время соборно, православная Церковь следует примеру, поданному Самим Богом в Церкви ветхозаветной. Было Божие чрез Моисея повеление: *да даси благословение на горе Гаризин и клятву на горе Гевал* (Втор. XI. 29). И сие исполнялось во всенародном соборе. *Левиты гласом великим произносили проклятие; и народ подтверждал оное словом: буди.*

Но православная Церковь, исполняя тяжкий долг, не преминула воспользоваться и приятною частию повеления Божия: *да даси благословение*. Произнесши суд на людей, которые угрожали ей разрушением, радостно *дает она благословение* тем, которые данными от Провидения Божия средствами споспешествовали и споспешествуют ей упрелению, распространению мира.

Так при торжестве православия благословляет она память Константина Великого, который первый из царей решительно прекратил враждебные отношения государственной власти к христианству, и превратил в покровительственные, который возвел христианство в лице своем на престол и начал христианством освящать царство, который заслужил наименование Равноапостольного тем наипаче, что, созвав первый вселенский Собор, доставил ему удобство поставить твердую опору православию в Никейском символе веры.

Так благословляет Церковь Феодосия Великого, который с твердостью продолжал преобразование римской Империи языческой в христианскую, и созванием второго вселенского Собора споспешествовал Церкви довершить Никейский и – должно сказать по справедливости – вселенский символ веры.

Благословляет православная Церковь и нашего великого князя Владимира, по истине Равноапостольного: ибо чрез него Россия сделалась государством христианским и православным.

Благословляет православная Церковь и других благочестивейших Государей российских, которым она так же справедливо признательна за их попечение о ее благе, как справедливо должны были они быть признательны ей за ее попечение о благе государства и народа.

Наконец, при настоящем торжестве православия, Церковь почтила и благословила и ныне благословенно царствующаго Благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича: и если бы спросили нас, какая мысль одушевляла нас при произнесении сего благословения, то мы отвечали бы, что у нас отзывалось и отзывается в сердце, от сердца Его Величества изшедшее слово: *сие есть первое живейшее желание Наше, да свет спасительной веры, озаряя умы, укрепляя сердца, сохраняет и улучшает более и более общественную нравственность* (Высоч. Маниф. 19 марта 1856 г.).

После сего, надеюсь, и прежде напominания моего, вам уже приходит на мысль, как благовременно в день православия мы празднуем восшествие на Престол Православного Самодержца нашего Помазанника Божия, призванного Богом в трудное время подавать помощь и защиту православной Церкви в пределах и за пределами отечества.

Возведем очи наши и сердца наши к Живущему на небесах, и усугубим моления наши, да Сам вечный Архиерей, прошедый небеса, Господь наш Иисус Христос даст благословение Свое, и пробавит милость Свою Православной Церкви и Православному Самодержцу нашему; да пребудет правая вера душою и неодолимою силою как Церкви, так и Царства; да проникает и одушевляет вера жизнь частную и общественную, отражая

и изгоняя дух суеты и неправды; да будет Церковь и Держава Российская всецело и нераздельно уделом царствия Божия. Ибо только союзники с царствием Божиим царства земные могут быть тверды и истинно благополучны. Аминь.

CDXXII.

333. Беседа

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорена марта 25-го; напечатана в

Твор. Св. От. 1857 г. и в собр. 1861 г.)

<1857 год>

Ныне предметом нашей мысли и слова, нашего размышления и созерцания, нашего благоговения и радости должно быть воплощение Сына Божия.

Что такое воплощение? – По воле и предопределению Бога Отца, Сын Божий, единосущный Отцу, сходит на землю, не оставляя неба; под осенением Святаго Духа, Отцу и Сыну единосущнаго, входит во утробу Девы, предпочищенную Духом (стихир. на Благовещ.) Святым; приемлет человеческую душу и тело, и соединяет с Собою в единое лице Богочеловека Иисуса Христа, сохраняя свойства и действия Божества и человечества неизменными в сем соединении: дабы таким образом родиться в нашу человеческую жизнь, пройти чрез ее степени и состояния и чрез самую смерть, и все человечество, грехом падшее и тяготеющее ко аду, но прилепляющееся к воплощенному соестественностию и верою, на рамена Божественной силы восподнять, и вознести выше, нежели откуда оно пало, – в небесное вечное царствие Божие.

Какое высокое и дивное домостроительство Божие! Какое глубокое и неизследимое таинство! По истине достоин рещи со Апостолом: *велия есть благочестия тайна, Бог явися во плоти* (1 Тим. III. 16). Мысль пред безмерною высотой и глубиною таинства теряет крила. Созерцание изнемогает пред силою невидимаго света, подобно как телесное око пред видимым солнцем. Слово немеет пред необъятностию созерцания.

Какой ум проникнет в *совет превечный*, в недоступном для твари святилище Триипостаснаго Божества?

Какой слух вместит, в ответ на изволение Бога Отца, соизволительное слово Бога Слова, впрочем коснувшееся некогда слуха одного из Пророков: *се иду сотворити волю Твою, Боже* (Пс. XXXVI. 9. Евр. X. 9)?

Как не поколебались и не сокрушились небеса схождением на землю Живущаго превыше небес, и небесами невместимаго?

Как земля, *проклятая в делех* еще перваго человека, и в течении многих веков оскверняемая грехами рода человеческого, не поядена огнем, при сошествии на нее Бога, Который *есть огонь поядаяй* нечистое (Евр. XII. 29)?

Как не опалена утроба Девы, *огнь Божества приемшая*?

Когда и как Дух Святой *предочистил* ее для сего, и возвел до чистоты, достойной непосредственного соприкосновения с чистотою Божества?

Как, превыше законов естества, родился в ней новый Адам, Который есть *Господь с небесе*, и не возгнушался Господь с небесе облещись в зрак раба, в естественный образ ветхаго Адама, который есть *персть от земли, в землю отходящая*?

Удержим движение испытующих помышлений словом Премудраго: *высших себе не ищи, и крепльших себе не испытуй; яже ти повеленна, сия разумевай* (Сир. III. 21. 22).

Можно ли горстью исчерпать море? – И если бы и возможно было сие; потому что море имеет пределы и меру глубины: то все не возможным оставалось бы – малым сосудом разума человеческого исчерпать бездну премудрости Божией, которой широта безпредельна и глубина безмерна. Посему премудро и праведно возбранено нам дерзновение испытывать тайны Божии; а повелено чтить оныя, и прилепляться к ним верою; и в вере положена для нас надежда блаженства: *блажени не видевшии, и веровавшие* (Иоан. XX. 29).

Итак обнимем простосердечною верою спасительное для нас таинство воплощения Сына Божия.

Смиренно возблагодарим пред непостижимостию премудрости Божией и пред неизследимостию путей ея.

С благодарною радостью подивимся человеколюбию Божию, которое, когда средства и силы естества оскудевают, щедрою рукою сеет чудеса, чтобы произрастить плод спасения человека грешника, осужденного и погибающего.

Господи Господь наш, яко чудно имя Твое, и дело Твое! Что есть человек, яко помниши его, или сын человек, яко посещаеши его (Пс. VIII. 2. 5)? Даруй и нам помнить непрестанно Твое безмерное к нам милосердие, и, по мере нашей возможности, соответствовать оному нашею к Тебе любовью, милосердием к нашим ближним, деятельным исполнением воли Твоя святыя, да сподобимся наконец быть вечными причастниками Твоей вечной благодати в царствии Твоем небесном. Аминь.

CDXXIII.

334. Беседа

после священнослужения по случаю

совершившагося пятидесятилетия службы

Действительнаго Тайнаго Советника 1-го класса,

Князя Сергея Михайловича Голицына, в качестве

почетнаго опекуна Московскаго опекунскаго Совета.

(Говорена марта 26-го; напечатана в

Твор. Св. От. 1857 г. и в собрании 1861 г.)

<1857 год>

Несколько десятилетий, могу счесть и я с того времени, как священноначалием дано мне благословение служить олтарю, и беседовать в церкви: и после стольких лет нов для меня, встречаемый ныне, особенного рода случай для молитвы и слова.

Мужи чтимых званий, избранные служители Царского человеколюбия, сочли пятьдесят лет деятельности своего сотрудника и старейшины; взором уважения и сочувствия измерили необыкновенно долгий на одном возвышенном поприще ряд подвигов, ознаменованных – неизнемогающею и в преклонных летах ревностю, – правдою и искренностью, столь же свободною пред Высочайшим Престолом, как и в совете равных, – бдительною попечительностью о благоустроении целых благотворительных учреждений, и о благе всех к ним принадлежащих, – наконец высоким доверием Благочестивейших Императоров и Императриц: – и, не только старались соплести подвижнику венец, сколь можно, неувядаемый даже в потомстве, но – что с особенным утешением вижу и указую – признали над подвигами, столь долго, непреткновенно, мирно и благотворно совершаемыми, благословение Провидения Божия, и потому собрались здесь принести за оные благодарение Богу, и просить продолжения благословения Его над жизнью и деятельностью возлюбленного подвижника.

Можно ли было не пожелать утешения участвовать в сей молитве, и не призванному к ней, но узнавшему ее предмет и время?

А участие в сем торжестве словом? Не так же ли желательно? – Видите, что я уже уступил и сему желанию.

Но если вы ожидаете, чтобы я вошел в ваш труд, и увенчаваемому вами также сплетал венец из слова, не исполню ожидания вашего: ибо знаю, что исполнением сего не удовлетворен, а отягчен был бы тот, кто при своих деяниях всегда имел и имеет в виду не похвалу и славу от человеков, но обязанность, правду, пользу, человеколюбие, верное исполнение Державной воли, наконец Самим Христом для человеческой деятельности предпоставленную цель – *славу, яже от единого Бога* (Иоан. V. 44). Да и место, на котором стою, назначено не для похвалы и славы человеческой, но для провозглашения славы Божией, для слова Божия, для возвещения воли Божией, для напоминаний и советов о том, что угодно Богу, и спасительно для нас.

Не колеблюсь сказать, что торжество, вами составленное, не было бы очень возвышенным, если бы в нем заключалось только желание сделать нечто приятное одному досточтимому лицу. Высшее достоинство вашего торжества заключается в том, что вы чрез него выражаете общественное мнение, благоговееющее пред испытанною временем и созревшею добродетелию; и таким образом произносите сильное поучение себе и другим.

С необыкновенным вниманием взираете вы на долгую жизнь, всецело посвященную верному и чистому исполнению обязанностей к присным, к подчиненным, к ближним вообще, к отечеству, к Царю, к Богу, и более, нежели со вниманием; вы ее одобряете, чтите. Прекрасно, и сугубо сие прекрасно, если с сим вместе каждый одобряет к собственному исполнению то, что одобряет и чтит в исполнении другаго.

Притча Соломонова говорит: *венец хвалы старость; на путех же правды обретается* (Притч. XVI. 31). То есть: вы можете достигнуть старости, которая будет увенчана похвалою: но чтобы достигнуть такой старости, надобно идти к ней путем добродетели. А если не сим путем пойдете: то или не достигнете старости, или старость ваша не будет

увенчана. Приближающиеся к старости! Будьте внимательны, верным ли путем идете к ней. Младолетные! Не отлагайте вступить на путь добродетели, на котором одном можете найти *венец хвалы* для вашей старости. Не только на пути порока, но и на распутиях легкомыслия, суеты, роскоши, праздности, нельзя найти *венца хвалы*.

Пожелаем и помолимся, чтобы честь, воздаваемая испытанной добродетели, была семенем и действительным посевом добродетели на обширном поле; чтобы чтимая добродетель не преставала отражаться в чтущих ее, чтобы сословие благородных по роду и наименованию всегда обиловало благородными чувствованиями и деяниями; чтобы велья мощь вельмож продолжала проявлять себя в великих общепользных подвигах, чтобы *сынове родящиеся*, которые сменят нас на поприще жизни общественной, не возмнили не утвержденным своимудрием и поверхностно блистательною деятельностью затмить и заменить древнюю добродетель, глубоко на вере и благочестии основанную.

Да не забудется и сия притча: *вельможи, и судии, и сильнии славни будут, и несть от них ни един вящий боящегося Господа* (Сир. X. 27). Аминь.

CDXXIV.

335. Беседа

в день рождения Благочестивейшаго

Государя Императора Александра Николаевича.

(Говорена апреля 17-го; напечатана в

Твор. Св. Отц. 1857 г. и в собр. 1861 г.)

<1857 год>

Встречаем новый год жизни Благочестивейшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича. Годы Царя принадлежат не одному Ему, но и всему царству: и потому не может без участия смотреть на их движение верный Царю, желающий блага отечеству.

Какими же взорами, какими мыслями и чувствованиями проводим год Царя, переходящий ныне на земли – в область исторических событий, и выше земли – в область сокровенных Божиих судеб? – Без сомнения, можем проводить его воспоминаниями приятными, чувствованиями благодарения к Богу. Как после бурной ночи тихое утро, с началом сего года просиял мир, вожденный человеколюбивому сердцу Цареву, благопотребный для Империи, после крепкого подвига защиты от многочисленных врагов, почти на всех пределах ея от запада до дальняго востока, от юга до глубокого севера. Как полуденным солнцем, озарен был сей год высоким светом торжественного венчания и священного помазания Благочестивейшаго Самодержца нашего и Благочестивейших Супруги Его. То был свет Царскаго благочестия и благодати свыше, – свет народной любви к Царю и радости о Нем, – свет Царевых щедрот и милосердия, которое озарило не только грады и веси, но и темницы, и давно утративших жизнь гражданскую воскресило в оную, и в звания ими утраченные.

А какими взорами и мыслями надлежит нам встретить наступающий год Царя? – Взорам нашим не надо проникать в будущее: мы можем только простирать в оное наши желания, наши молитвы, наши надежды.

Ты над всеми начальствуеши, Господи, Начало всякого начала, и в руку Твоею крепость и власть, и в руку Твоею милость, Вседержителю, возвеличити и укрепить вся (1 Пар. XXIX. 12). Благослови начало, и течение и венец лета Царева. Дни на дни Царевы приложиши, лета Его до дне рода и рода (Псал. LX. 7). Дажь Твою крепость Царю нашему и вознеси рог Помазанника Твоего (1 Цар. II. 10). Изострай и углубляй взор мудрости Его, чтобы и сокровенное не редко, доброе и полезное открывать, и изводить на свет, чтобы крадущееся злое издали усматривать, и возвращать на главы духов лукавствия. Возставляй неоскудно в державе Его и крепкого, и смотреливаго, и дивнаго советника, и разумнаго послушателя (Иса. III. 2. 3), ибо спасение есть во мнозе совете (Притч. XI. 14). Возвесели Благочестивейшаго Царя благоденствием благовернаго царства, и благоверное царство благоденствием Благочестивейшаго Царя.

Такия и подобныя желанія, конечно, каждый из нас, Россияне, питает в сердце, и соединяет ныне с общею молитвою Церкви. Довершением сего должно быть то, чтобы желанія перешли в надежду, чтобы молитва могла почить в чаянии исполнения желаемаго и просимаго. Как бы сего достигнуть? – Это для нас предмет особеннаго вниманія, труда, подвига.

Со стороны Подателя всех благ, Бога, не может быть препятствія тому, чтобы наши желанія и молитвы, если только имеют предметом доброе и непротивное премудрости, правде и благодати Божией, обращались в надежды, и чтобы надежды сопровождалась исполнением чаемаго. Всеблагий желает даровать нам блага; Его всемогущество не имеет недостатка в силе, и Его премудрость в средствах, для исполнения наших благих желаній. *Отец ваш небесный даст блага просящим у Него (Матф. VII. 11)*, уверяет едиnorodный Сын Его.

Христос Спаситель, обещая нам даяніе благ от Отца небеснаго, не ограничивает обещанія сего никаким условіем со стороны Давущаго. Посему с Его стороны даяніе благ просящим готово быть всегдашним, повсемственным, без умаленія, без изыятій: потому что *не яко человек, Бог колеблется, ниже яко сын человеческий изменяется: Той глаголаше, не сотворит ли (Числ. XXIII. 19)?* Итак если видим иногда *просящаго* у Бога не получающим просимаго, и молитвы не услышанными: то причины сего должно искать не в Боге, верном и неизменном в Своих обещаніях, а в просящем человеке, который *колеблется и изменяется*, и не редко сам воспящает молитву, которую простирает к Богу. И потому надобно нам внимательно наблюдать, что споспешествует молитве, и что ей препятствует, не лишать ее свойственных ей принадлежностей и подкрепляющих пособій, и освобождать ее от препятствій.

Молитва смиреннаго пройде облаки (Сир. XXXV. 17), говорит проницательный наблюдатель путей Божіих и человеческих. Итак молись со смирением; и твоя *молитва пройдет облаки*, и отверзется ей щедрая рука Отца небеснаго.

Апостол, поучая христианина молитве, заповедует, *да просит верою, ничтоже сумняся: сумняйся бо уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему (Иак. I. 6).* Итак молись с простосердечною верою, с искренним признаніем своего недостойнства, но не возмущай себя, и не ослабляй молитвы сомненіем о милосердом призреніи Божиим: и будет по вере твоей; и молитва веры будет тебе во спасение.

К пособіям для успеха в молитве относится и следующее наставленіе Премудраго: *помолися пред лицем Господа; и умали претыканія (Сир. XVII. 22).* То-есть: вместе с тем, как ты желаешь открыть себе путь к Богу, и с надеждою стать в молитве пред лицем Его, деятельно устраняй претыканія, находящіяся на твоём пути, препинающія твое

стремление к Богу. Какия претыкания? – Страсти, пороки, любовь к миру, пристрастие к чувственным удовольствиям. Если не можешь все сие вдруг пресечь и отвергнуть: по крайней мере употреби возможные для тебя усилия противоборствовать страстям, не попускать себе дел порочных, охладить в себе любовь к земному, расторгнуть узы пристрастий. *Умали претыкания.*

Кто не старается Свой путь к Богу очистить от нравственных претыканий: тот сам для себя уменьшает надежду достигнуть желаемого. Привычные помыслы страстей и пороков следуют за его молитвою, и смущают ее, ослабляют, воспящают; неумиренная совесть лишает молитву свободы и дерзновения пред Богом; неочищенное сердце просит благ от Отца небесного не для того, чтобы употребить их по воле Его, но для того, чтобы свободнее удовлетворять своим страстным и пристрастным желаниям. Молитвенников сего рода и участь их молитвы строгими чертами изображает апостольское слово: *просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете* (Иак. IV. 3).

Братия! Недавно было время, когда Провидение Божие, более нас пекущееся о нашем спасении, посылало нам особенно сильные и даже скорбные побуждения к умножению молитв о Царе и отечестве, с благоденствием которых связано благоденствие каждого из нас. И умножены были молитвы. И – благословен Бог! – являлась и дивная помощь Божия, особенно там, где более возбуждалась молитва. Довольно ли воспользовались мы наставлением Провидения? После возбужденной молитвы о избавлении от бед, так же ли возбуждена молитва, да сохраняемы будем избавленные? *Умалены ли претыкания* на пути нашем к Богу? Меньше ли страстей, неправедных дел, корыстолюбия, расточительности, праздности, суеты, алчности к чувственным и мечтательным удовольствиям? Больше ли ревности ко благу общественному? Больше ли усердия благоугождать Богу Избавителю и Спасителю? – Пусть каждый испытает себя по сим вопросам, и утвердится во благой надежде, или даст себе благоразумный совет для утверждения благой надежды.

Мы же со Апостолом всех молим *творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки, за Царя и за вся, иже во власти суть*, – не для того, чтобы при безопасности от бед, жить в бесплодном самоугождении, в рассеянности, в беспечности, в забвении о Боге, но – *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. II. 1. 2). Аминь.

CDXXV.

336. Беседа

при праздновании рождения

Великаго Князя Сергея Александровича.

(Говорена в Троицкой лавре мая 7-го;

напечатана в Тв. Св. От. 1857 г. и в собр. 1861 г.)

<1857 год>

Сынове твои, яко новосаждения масличная окрест трапезы твоя. Се тако благословится человек бояйся Господа (Псал. CXXVII. 4. 5). Не знаем, смотрел ли на кого лично Боговдохновенный Псалмопевец, когда начертавал сей образ семейного счастья: но мы можем с радостью видеть сей мысленный образ оживленным в лице Венценосного

Отца Семейства Царственного, в Великом Отце великаго семейства народа Русскаго. Четыре Сына окружают Его семейную трапезу; возрастают яко новосаждения масличная, и наипаче Первенец начинает уже рано являть и цвет наследованных высоких качеств. Ныне, с весною, возникает еще *новосаждение*, расширяющее сад Его, и обещающее, в след за предшествовавшими, возрасти, процвести и приносить плоды сладкие и питательные для России.

Сие воззрение на Царское Семейство не можем ли мы сопроводить и следующим указанием и воззванием Пророка: *се тако благословится человек бояйся Господа?* Можем, с особенным убеждением в истине. И всегда, как и ныне, Благочестивейший Государь наш с благоговейным чувством и благодарностию к Богу принимал раждающееся у Него Чадо, и призывал всех нас к благодарной вместе с Ним молитве. Но при рождении Великаго Князя Сергея Александровича особенным образом в Благочестивейшем Государе нашем и Благочестивейшей Супруге Его просияли черты душ, *боящихся Господа*, благоговейно преданных Его Провидению; и Бог, *творящий волю боящихся Его*, над сим рождением особенным образом *сотворил знамение во благо*. Радость отверзла сердце Царя; и открыла Его тайну. После священнаго Коронования и Помазания на Царство, Государь Император с Государынею Императрицею посетил сию обитель Преподобнаго Сергея. С глубоким утешением и умилением были мы свидетелями умиленной Их молитвы: но не знали тайны, которая с нею была соединена. Теперь мы ее знаем. Благочестивейшие, *у гроба сего Молитвенника и Заступника России, с верою и упованием повергаясь пред нетленными Его останками, дали тайный обет*, что если Бог дарует Им сына, *то нарекут Его Сергием в память и благодарность сему великому Угоднику Божию*. Что Бог, при предстательстве Преподобнаго Сергея, принял в Свое благоволение Их обет, сие Он явил тем, что, по устроению Провидения Его, последовало благополучное рождение, и, согласно с Их мыслию, рождение именно Сына, и таким образом оправдана Их вера и упование. И Благочестивейшие исполнили Свой обет, и явили Свое благодарение Богу и Угоднику Его, дав Высоконоворожденному имя Сергея. *Се тако благословится человек бояйся Господа.*

Чада веры! Возрадуемся о вере в Бога и Святых Его, сияющей нам с высоты Престола. Пользуйтесь сим светом, да возбуждается ваша вера, да воскреснется, да восходит со дерзновением к престолу благодати. Видите, что не в мертвых книгах лежат, но живут и ныне, и действуют за осмнадцать веков изреченныя слова Христовы: *по вере вашей да будет вам* (Матф. IX. 29); *вся возможна верующему* (Мар. IX. 23).

Други разума, не охотно покаряющагося вере! Не преграждайте вере пути к благодати Божией мудрованиями человеческими. Не убивайте в себе истины веры сомнением; не отсекайте ея изысканными и истязательными вопрошениями, холодным раздроблением мертвых понятий. В убитом и разсеченном теле нельзя найти жизненной силы. Усматривайте живую силу веры в ея живом теле, – в жизни, в деяниях и опытах истинно верующих. Внимательному и безпристрастному искателю не трудно находить и усматривать ее, не только в священных писаниях, в истории Церкви, в житиях древних Святых, но и в ближайших к нам опытах нашего не очень богатаго верою времени. И когда усматриваете силу веры, действующую и приносящую необыкновенный плод: не закрывайтесь от света ея недоумениями, как это? почему это? не случайно ли это? Но старайтесь принять свет веры в сердце, и усвоить ея силу и действие. Если усвоите ее хотя так не много, чтобы сказать: *верую Господи; помози моему неверию* (Марк. IX. 24): благодать не отречется придти на помощь и совершить более, нежели просим и разумеем.

Об обетах некоторые говорят: можно ли сметь входить таким образом как бы в условия с Богом? – Конечно, это не удобно для тех, которые смотрят на обеты таким тяжелым,

недоверчивым взором; но не так для верующих Божию снисхождению. Человек, ничтожный пред Богом, и особенно грешный, не мог бы существовать и минуты без Божия к нему снисхождения. Но Бог снисходит; мысль о снисхождении Божиим одушевляет веру, вера дерзает, и в простоте пользуется снисхождением Божиим. Патриарх Иаков с одним жезлом идет в чуждую страну, и полагает обет: *аще будет Господь Бог со мною и даст ми хлеб ясти, и ризу облещися, и возвратит мя здрава; от всех, яже ми даси, дсятину одесятствую Тебе* (Быт. XXVIII. 20–22). И Бог приемлет обет; и возвращает Иакова здрава, с семейством, богатством, рабами, стадами, в двух полках.

Впрочем о произвольных обетах говорим для того, чтобы показать в них союз веры с благодатию, а не для того, чтобы убеждать к ним. Это дело благаго произволения. Только то необходимо, чтобы данный обет исполнен был верно. *Аще обещаеши обет Богу*, учит премудрый Соломон, *не умедли отдати его* (Еккл. V. 3).

Есть обеты, которые не произволение наше полагает, но которые долг от нас истребовал: – христианский обет веровать в Бога и Христа и соблюдать заповеди Божии, верноподданнический обет быть верными до смерти Царю и повиноваться законам Его. В исполнении сих да будем непрестанно бдительны и усердны. Только при исполнении сих необходимых общих обетов, и особенные произвольные обеты всеблагий Бог приемлет в Свое благоволение, и благословляет оные утешительными и благотворными событиями.

Преподобный Отче Сергие! Ты, яко провидец, слышал в свое время тайно изреченный обет Благодетелейшаго Государя нашего и Благодетелейших Супруги Его; и при Твоем к Богу предстательстве обет Их достиг желанного и радостного исполнения. Твое благодатное имя прияли Они для новорожденного Великаго Князя; и чрез сие самое Тебе вручили Его, и Твоему благодатному покровительству. Приими дар веры; и воздаждь дарами благодати. Продолжи и непрестани предстательствовать пред Богом о здравии, возрасте и преуспянии Тезоименитаго тебе Великаго Князя, и о умножении благословений небесных на Благодетелейшем Государе нашем Императоре Александре Николаевиче и на Благодетелейшей Государыне Императрице Марии Александровне, и на всем Державном Доме Его и Царстве Его. Аминь.

CDXXVI.

337. Беседа

на освящение храма Успения Пресвятыя Богородицы, при Преображенском Богаделенном Доме.

(Говорена июня 2-го; напечатана

в Твор. Св. От. 1857 г. и в собрании 1861 г.)

<1857 год>

Исполнилось три лета с того времени, как благодать Божия начала посещать сие место своим освящением; и уже третий храм освященный здесь видим. Слава Тебе, Пресвятая Троице, Боже наш: и да будет сие знамение усугубляемого и устрояемого Твоего благословения на сие место и на братию святого храма сего. Ибо знаем из писаний, и в событиях видим, что не только Твое Божественное имя свято и исполнено Божественных

силы, но и твое троичное число освящено и Божественным действием бывает ознаменовано. Почто бо Илия, Пророк Твой, желая воскресить отрока, не единожды не многократно, но *трижды дуну на отрочища* (3 Цар. XVII. 21), если не для того, чтобы троичным числом исповедать троическую веру, и привлеци Твое, Животворящая Троице, пресущное действо? Не в том же ли духе употребил он и троекратное возлияние воды (XVIII. 34) на жертву, на которую хотел низвести небесный огонь? Призрела еси, Пресвятая Троице, на трех отроков в огненной печи, и не восхотела, чтобы Твое священное число явилось числом пагубы: и трие отроцы *верою троическою пламень пещный попраша*. После того, как в тридневном воскресении единого от Тебе, Пресвятая Троице, Господа нашего Иисуса Христа, троичное число прияло новую славу и силу, Твои богодухновенные Апостолы и богоносные отцы наши предали нам часто запечатлевать троичным числом наши молитвы, наши славословия, наши тайнодействия, без сомнения потому, что в сем знамении священного числа есть тайный союз наших молитв, славословий, тайнодействий с Твоею вседействующею и всеспасительною благодатию. Да будет убо и то, что в три лета три святые храмы дарованы месту сему Твоею, Пресвятая Троице, благодатию, – да будет сие знамением во благо, знамением Твоего щедроподательно ниспосылаемого благословения на место сие и на братию святого храма сего.

Радуюсь, братия, о вашем благочестивом усердии, призывающем благодать Божию, и о благодати Божией, благословляющей ваше усердие.

Первый здесь храм, по вашему желанию и прошению, при поспешности удовлетворить потребности, был устроен тщанием вашим и пособием, данным от Святейшаго Синода, по воле в Бозе почившаго Благочестивейшаго Императора. Но второй и сей третий храм суть дело единственно вашего усердия, плод вашего тщания, ваших жертв. Знаю, что, при устройении сего храма, было ревностное старание доставить оному и увеличенное пространство, и благолепие внутреннее и внешнее, которое теперь видим. Смотря на видимыя действия, как на выражения душевных расположений, радуюсь о вас, братия, и не просто, но, по наставлению апостольскому, *упованием радуюсь*, – радуюсь упованием совершенного утверждения вашего душевного храма, *на основании Апостол и Пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу*, упованием вашего истинного вечного спасения, *аще*, по Апостолу, *начаток состава даже до конца известен удержим* (Евр. III. 14).

Радуйтесь же и вы, братия святого храма сего, о благодати Божией, не по вашей вине от вас долго сокрытой, но наконец искренним вашим желанием и благою совестью обретенной.

Благодарите Бога, что вы обрели истинную святую Церковь, которую создал Сам Господь наш Иисус Христос, которой и *врата адовы не одолеют* (Матф. XVI. 18), в которой единой, по учению святых, подобно как в Ноевом ковчеге от потопа водного, есть верное спасение от потопа греховного и от погружения в бездну адскую.

Ибо общество, или общества, которые вы, вступая в единство апостольской Церкви, оставили позади себя, могут ли назваться Церковию? – Без сомнения, не могут. В истинной Церкви *Дух Святый постави епископы* (Деян. XX. 28): а там нет епископов, поставленных Духом Святым, и благозаконно сохраняющих благодать тайноводственную. В истинной Церкви от первого до второго пришествия Христова (1 Кор. XI. 26) не нарушимо, как свидетельствует Апостол, совершается таинство Тела и Крови Христовы, без которого человек, по слову Господню, *живота не имать в Себе* (Иоан. VI. 53): а там нет сего животворящего таинства. И так, очевидно, это не спасительный ковчег, а разве обломки отторженной от великаго ковчега, и сокрушенной бурею ладии, которых

держась только в приближении и прицеплении к великому ковчегу имеют надежду спасения.

Благодарите Бога, братья, что вы обрели Богом и Христом *данных пастырей и учителей, к совершению святых, в дело служения, в созидание Тела Христова* (Еф. IV. 11. 12), *строителей таин Божиих* (1 Кор. IV. 1), разрешителей от грехов (Матф. XVIII. 18. Иоан. XX. 22. 23), имеющих для сего благодатный дар и духовную власть: ибо благодатный дар, который воскресший Господь влиял в Апостолов Своим Божественным дуновением, и который открылся в них сошествием Святаго Духа, чрез рукоположение апостольское, и потом отеческое, непрерывным потоком течет до нынешняго святительства и священства, и тем же путем рукоположения теши будет до скончания века.

Есть ли что подобное в обществе, вами оставленном? – Есть там люди, которые называются учителями, наставниками, отцами, к которым другие приходят исповедывать грехи: но как, по Апостолу, *никто же сам себе приемлет честь, но званый от Бога, яко же и Аарон* (Евр. V. 4), а они Богом чрез священноначалие не призваны; то они не прияли ни чести присвоаемых им имен, ни благодатной силы и власти. Исповедающие грехи пред ними подобны больному, который показывает свои раны человеку, не имеющему ни врачебного искусства, ни врачебных средств.

Благодарите Бога, братья, что вы обрели, и сделали для себя доступным великое таинство Тела и Крови Христовы. Смотрите, какая сладкая, какая высокая обетования соединил с ним Господь наш Иисус Христос: *ядый Мою плоть, и пий Мойю кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем. Ядый мою плоть, и пий Мойю кровь, имат живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день* (Иоан. VI. 54. 56). И напротив, как горьким представляется в слове Господнем жребий тех, которые лишили себя причастия сего таинства: *аще не снете плоти Сына человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе* (53). Помыслите же, от какого страшного бедствия избавило вас, и каких вожделенных благ причастниками соделало единение с святою православною Церковию, всегда верною хранительницею таинства, и с священноначалием и с священством, которому вверена благодать совершать, и власть преподавать оное.

Отторгшиися от общения с священноначалием и священством, и чрез то сами себя отлучившие от причастия святых таин, мечтают, будто могут заменить сие причащением духовным. По истине, мечтают. Не есть ли не основательное, – не есть ли даже дерзновенное мечтание отвергнуть образ причащения, Самим Спасителем нашим ясно определенный и владычественно предписанный, и вымышлять себе новый, по своему произволу, в противность значению и назначению Христова учреждения? Христос Спаситель установил таинство для воспоминания о Нем, и о спасительных Его страданиях: страдал же Он не только духом, но и телом и кровию: посему тело и кровь существенно принадлежат таинству; и устранять или заменять оныя значит совсем уничтожать таинство. Христос Спаситель установил таинства для освящения наших душ и телес: посему те, которые мечтают о причащении только духовном, сами лишают и душу и тело свое действительнаго освящения, которое умерщвляло бы в нем грех.

Сократим слово. Благодарите, братья, Бога, что в единении со святою Его Церковию вы обрели помазание от Святаго, брак освященный во образ Христова с Церковию союза, чадородие благословенное, в болезнях пресвитерское елеопомазание, врачебное для тела и души; и все, к освящению и спасению благопотребное, из чистаго источника апостольския благодати истекающее. Всех сих благодатных даров лишены те, которые, уклонясь от общения церковнаго, лишили себя священства, или избрали себе священников,

убежавших от законного священноначалия, и тем же бегством удалившихся и от благодати священства.

Сохраните, братья, сии безценныя для душ ваших приобретения, внимательно и деятельно сохраняя то искреннее желание спасения, и ту правую совесть, которыя от неведения привели вас на путь чистой истины и несомнительного спасения.

Пресвятая Владычице наша Богородице! Твоим именем наречен, и памяти Твоего славного успения посвящен храм сей. Приими его во Твое благое и сильное Богом покровительство. И, как некогда к одру твоего святого успения из ближних и дальних собрала еси славословящий Собор церковный, собирай к престолу святого храма сего ближних и дальних, верующих, молящихся, славословящих, с радостию входящих в общение таинств, с послушанием приемлющих учение жизни. И как тамо, коснувшася одра Твоего рукою враждебною, сперва Ты покарала, но вскоре сим самым вразумила, исцелила и в веру и в Церковь Сына Твоего и Бога привела; и здесь, если не с враждебною рукою, но с немирною мыслию приближающихся ко храму Твоему, не яростию обличи, ниже гневом накажи, но Твоею преизбыточествующею благодатию сердца и ума их коснися, и ум их просвети истиною, сердце согрей любовью к Богу и желанием творить волю Его, и тако не сущия от двора сего словесные овцы приведи (Иоан. X. 16) в спасительную ограду единыя святыя соборныя и апостольския Церкви, да выну православно и единовечно славится пресвятое и покланяемое имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

CDXXVII.

338. Беседа

в день обретения мощей преподобнаго Сергия.

(Говорена в Троицкой лавре июня 5-го;

напечатана в Твор. Св. От. 1857 г. и в собран. 1861 г.)

<1857 год>

*Никто же возложь руку свою на рало,
и зря вспять, управлен есть в царствии
Божии (Лук. IX. 62).*

Если бы каждого из множества предстоящих здесь спросить, желает ли он быть управлен в царствие Божие: без сомнения, каждый отвечал бы, что желает. Но если бы далее спросить каждого, находит ли он себя действительно управляемым в царствие Божие: то многие, думаю, затруднились бы дать на сие ответ; а некоторые, более внимательные, и менее расположенные льстить себе, признались бы, что находят себя очень неблизкими к царствию Божию, и не довольно твердыми на правом пути.

От чего ж это происходит, что между желанием, которому естественно надлежит быть столь же сильным и действительным, сколь оно справедливо и Богоугодно, и между исполнением, столь вожделенным, оказывается иногда слишком великое разстояние, а иногда открывается и пропасть? И как могло бы наше направление к царствию Божию сделаться действительным, верным, упроченным? – О сем наставление можем почерпнуть

из притчи Господней: *никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в царствии Божии.*

Упоминание о *рале* дает разуместь, что притча заимствована от земледелия. Земледелец, *возложив руку свою на рало*, то есть, предприняв пахать свое поле, должен постоянно смотреть вперед, дабы вести рало, или соху, правильно и с надлежащим углублением, и таким образом приготовить землю к принятию и произращению семени и к принесению плода. Но если он будет оглядываться и смотреть назад: то не приметит, как рало пойдет, или без потребнаго для семени углубления, или без пользы не однократно по одной и той же борозде, или уклонится, и оставит часть земли невспаханною, и таким образом труд окажется бесплодным.

Что же значит сия притча в отношении к царствию Божию? Что значит *возложить руку на рало*? Что значит *зреть вспять*? Чтобы изъяснить сие несомненно по разуму Христову, надлежит принять в соображение случай, по которому изречена притча. На пути Христа Спасителя в Иерусалим подошел к Нему некий человек, и сказал Ему: *иду по Тебе, Господи: прежде же повели ми отвецатися, иже суть в дому моем* (Лук. IX. 61). Ответом на сие была притча, в которой словам: *иду по Тебе, Господи*, соответствуют иносказательныя слова: *возложь руку на рало*, а словам: *повели ми отвецатися, иже суть в дому моем*, слова: *зря вспять*: и наконец о людях, сею последнюю чертою ознаменованных, уже без иносказания произносится суд: *никто же из таковых управлен есть в царствии Божии.*

Итак под образом *возлагающаго руку на рало* представляется человек, который желает идти во след Христа, жить и поступать по вере в Него, по заповедям Его, по примеру Его, который предпринимлет подвиг возделывать землю своего сердца учением Христовым, чтобы засеять ее добрыми помышлениями, святыми молитвенными желаниями, Божественными созерцаниями, дабы она могла приносить плоды добрых духовных дел, питательные для жизни вечной. Доселе сей человек на правом пути. Он направляется к царствию Божию.

Но сей же человек может принять образ *зрящаго вспять*, когда пристрастно обращается к предметам земным, которые оставил-было позади себя, ради последования Христу, когда от желаний духовных возвращается к вожделениям плотским, от послушания вере к своеумудрию и своеволию, от заповедей Божиих к обычаям суетнаго мира, от спасительнаго примера Христа и Святых Его к пагубным примерам людей чувственных и грехолюбивых; и таким образом, развлекая и разстроивая сам себя, лишает землю своего сердца правильного духовнаго возделывания, а следственно и спасительнаго плодоношения. Очевидно, это уже неправый путь, неверное направление к царствию Божию. *Никто же* из таковых людей *управлен есть в царствии Божии.*

Теперь спрашивайте: от чего у некоторых людей, желающих быть управляемыми в царствие Божие, между сим желанием и исполнением оказывается слишком великое разстояние, или даже пропасть? – На основании слова Христова отвечаем: от того, что они, *возложив руку на рало, зрят*, более или менее, *вспять*, не стараются око душевное постоянно и преимущественно иметь обращенным на путь царствия Божия, к духовным предметам, обязанностям и подвигам, ко Христу и Его учению и примеру, но, взирая иногда к небу, гораздо чаще обращаются к миру, и засматриваются на его прелесть и суету; на духовное смотрят равнодушно, а на плотское и мирское пристрастно; вступают в подвиг для Бога, и обленяются, и предаются самоугождению.

Что же надобно, чтобы наше направление к царствию Божию сделалось действительным, верным, упроченным? – Опять на основании слова Христова ответствуем: надобно, чтобы *возложивший руку на рало не смотрел вспять*, чтобы возревший благочестивым желанием к Богу не пригвождал уже пристрастных взоров к тварям, чтобы вступивший в подвиг для своего спасения не изменял ему разлением и непостоянством. Если же поврежденная природа, не совсем побежденная недобрая привычка, соблазн, как бы невольно уклоняют мысль его к не богоугодному: он должен неукоснительно и крепко возягнуть себя от худшаго к лучшему, угрожая себе судом Христовым, что *зрящий вспять не будет управлен в царствие Божие*.

Помыслим, братия, каждый о себе, не бываем ли мы в положении онаго человека, которого Христос Спаситель обличил, как находящегося в противоречии с самим собою, и признал не управленным в царствие Божие.

Скорбно возчувствовал ты свое греховное состояние, и тягость онаго для совести; и прибегнул к покаянию, в следствие которого можешь с утешением рещи Богу словами Псалмопевца: *беззаконие мое познах, и греха моего не покрых; рех: исповем на мя беззаконие мое Господеву, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Псал. XXXI. 5). Через сие ты вступил на добрый путь. Ты *возложил руку на рало*: приблизился к Богу и начал благоугождать Ему. Но что потом? Продолжаешь ли идти в предняя? Тщательно ли хранишь приобретенную чистоту души? Не возвращаешься ли небрежно и беззаботно к расположениям и делам, которые ты осудил и отвергнул в покаянии? Если так: то берегись и страшись. Ты *зришь вспять*; и следственно теперь ты не *управлен в царствии Божии*.

Ты уразумел ничтожность земных благ, неудовлетворительность мирских утешений, преимущество жизни удаленной от мира, достоинство целомудрия, потребность самоотвержения, свободу нестяжательности: и расторгаешь, или уже расторгнул союз с миром, чтобы все свое время и труд употребить на благоустроение своей души и на благоугождение Богу, в обществе подобных, под руководством сведущих и опытных в сем любомудрии. Прекрасно. Ты возлагаешь или *возложил руку на рало* с такою полною решительностью и силою, что почти неуместным представляется опасение, чтобы ты не вздумал обращать взоры вспять. Однако же опыт открывает, что и здесь есть место сему опасению. За бегущими от мира бегут мирские помыслы, и невольно иногда обращают их взоры вспять, как то случилось с блаженным Иеронимом, который, убегая от суетнаго мира, удалился из Рима в Святую землю, но который признавался, что и оттуда взоры неукротеннаго воображения его возвращались к суетным и страстным зрелищам Рима. Итак удаляющийся от мира, и *возлагающий руку на рало* духовнаго подвижническаго делания, с усиленным вниманием и осторожностью должен блюсти свое око, дабы прилежно возводить оное горе – к Богу, устремлять вpredняя – к дальнейшему упражнению и усовершению в благочестии и добродетели, и не давать оному свободы обращаться *вспять* – к видам плоти и мира, по видимому, легко занимающим, но неприметно прельщающим и пленяющим. Что, если озришься на Содом? – Можешь превратиться в столп слан. Что, если помыслишь возвратиться в Египет? – можешь умереть в пустыне, не достигнув земли обетованной.

Маловерие и леность могут приводить нас в уныние мыслию, можно ли так неуклонно взирать к Богу, и на путь царствия Его, чтобы не озираться вспять. Что на сие сказать? – Преподобне отче Сергие! обличи наше маловерие и леность, возбуди нас, вразуми, поощри, укрепи твоим примером и благодатию. Еще младенчествовавшую *руку возложил ты на рало* подвижническаго делания, удерживаясь от млека матерняго для поста, и до глубокой старости не ослабил твоих подвигов. Если ты, изъязвив, не тотчас исполнил

желание пустынножить: это не значило зреть *вспять*; потому что ты взирал на заповедь Божию: *чти отца и мать* (Матф. XV. 4). Вступя в пустынножество, ты не обращался к миру не только для достижения каких нибудь облегчений и утешений, но и для приобретения необходимаго. Во время скудости хлеба в твоей обители, ты ожидал его не от людей, а от Бога. В скудости хлеба для тебя самаго ты доволен был тем, что своею работою от одного из своей братии приобрел загнивший хлеб. Начальство приял ты потому только, что не мог уклониться от него без нарушения послушания, без вреда для многих душ: и когда начальствовал над обителию, получившею уже знаменитость, твой труд, твоя худая одежда, твое смиренное слово представляли тебя низшим из братии. Так вел ты *рало* духовнаго подвига, так сеял слезами, чтобы родились, возрасли и созрели плоды духовные и видимые, которыми доныне питаемся.

Богу, дивному во Святых Своих, но и всех, усердно ищущих царствия Его, дивно милующему и спасающему, слава и благодарение во веки. Аминь.

CDXXVIII.

339. Беседа

в день священнаго коронования и

помазания на царство Благочестивейшаго

Государя Императора Александра Николаевича.

(Говорена в Успен. соборе августа 26; напечатана

в Твор. Св. От. 1857 г. и в собр. 1861 г.)

<1857 год>

Светел паче многих нынешний день: потому что на нем отражается свет бывшего за год пред сим дня, который озарил Россию светом царскаго венца, и простер над нею благоухание царскаго священнаго помазания.

Возвратись, незабвенный день. Приблизься к нашему зрению. Тогда мы смотрели на тебя наиболее оком радующагося сердца. Теперь нам досужнее посмотреть на тебя и оком размышляющаго ума.

Вспомним, что это был достопамятный Бородинский день, в который Россия одна противустояла всей Европе, в который дух завоеваний и преобладания, не знавший дотолѣ преград, приразился челом к стене, встретясь с духом любви к Царю и отечеству. Сему дню по достоинству досталась честь быть днем Царскаго венца, и торжественным свидетелем любви народной к Царю.

Вспомним тогдашнее ясное и тихое утро. Оно как бы нарочно приготовлено было, чтобы явиться зеркалом и образом души Царевой.

Вспомним тогдашнюю в Кремле и окрест Кремля прекрасную тесноту, которая выражала сердечное стремление к Царю всего народонаселения московскаго и, по возможности, чрез представителей, всего народа русскаго, или точнее, всех народов царства Всероссийскаго.

Найдется ли довольно сильное слово, которое изобразило бы тогдашний всеобщий восторг? – И пусть не найдется. Это ненайденное слово вам и слышимо, и понятно: поелику от тогдашних сердечных восклицаний есть и ныне верный отголосок в верных сердцах.

Особенно желал бы я, чтобы каждый сын России в таком же свете узрел ныне мысленным оком, как мы тогда мысленным и чувственным оком зрели Благочестивейшаго Царя нашего и Благочестивейшую Супругу Его, и совершавшееся с Ними в сем святилище в священнейшие минуты священного дня. Как смиренным являлось Их величие пред лицом Царя царствующих, и вместе как величественным Их смирение! Какое благоговение пред святынею! Какое одушевление молитвы! Какое небесное безмолвие в церкви, когда венчанный Царь один преклонил колена, и горящая молитва о благословении свыше на Него и на царство Его просиявала из Его сердца, и очей, и уст, и тихо воспламеняла все сердца; сливала их в одно кадило, в один благоуханный фимиам; и его, без сомнения, невидимо принимал Ангел Хранитель России, *и взыде дым кадильный молитвами святых от руки Ангела пред Бога* (Апок. VIII. 4).

Да взираем на сие и ныне оком радующагося сердца: но притом, как я сказал, и оком размышляющаго ума.

Как тщится Царь, благословенный на царство Родителем и законом престолонаследия, снискать высшее благословение и освящение! Как тщится с своей стороны святая Церковь усвоить Царю вышнее благословение и освящение!

Священнодействие царского венчания православная Церковь начинает тем, что предлагает Благочестивейшему *Императору* произнести во всеуслышание православное исповедание веры. Что сие значит? – Это значит, что Церковь, как сама основана неколебимо на камени веры, так желает и царское достоинство и желаемое благословенное царствование утвердить непоколебимо на камени веры. По истине, если Господу нашему Иисусу Христу, владычествуемому всем по Божеству, в следствие заслуги спасительного страдания и воскресения, новым образом, как Богочеловеку, *дадеса*, по собственному изречению Его, *всяка власть на земли, как на небеси* (Матф. XXVIII. 18); если Он, по слову Тайновидца, есть *князь царей земных* (Апок. I. 5): то царь и царство могут быть истинно благословенны и благоденственны только тогда, когда угодны Ему и Его верховному владычеству; а угодны Ему могут быть только тогда, когда право исповедуют и деятельно хранят веру, которая есть сила, средство и цель Его владычества. Сию истину деятельно признал Благочестивейший Государь наш при своем царском венчании. О если бы сею истиною одушевлялись и все сыны царства, и наипаче все особенным званием и должностию призванные служить державной воле Царя и благу царства!

Весь чин царского венчания святая Церковь, как облаком духа облекает, как благоуханием священного кадила исполняет, – обильною молитвою. Каждое воспринимаемое Царем знамение величества, порфиру, венец, скипетр, державу, она осеняет Божественным именем Пресвятыя Троицы. И сего не довольно. Чтобы усвоить Царю более внутреннее, таинственное освящение, она священным помазанием полагает на нем *печать дара Духа Святаго*: приближает его к самой трапезе Господней, и в лице священнодействующих и священнослужащих укрепляет его на великий подвиг царствования Божественною пищею тела и крови Господней.

Взирая мысленно на сие столь же священное, как величественное зрелище, кто не помыслит с благоговением, как велико по истине значение православного Царского Величества. Оно осенено, объято, проникнуто освящением свыше. Мне кажется, что здесь

недавно слышал я древние иерусалимские пророческие от лица Божия гласы: *вознесох избранного от людей моих; – елеем святым помазах его; – истина моя и милость Моя с ним* (Пс. LXXXVIII. 20. 21. 25); – *не прикасайтесь помазанным Моим* (Пс. CIV. 15).

Но преимущество иметь Богом венчанного и помазанного Царя к тому ли только должно располагать нас, чтобы благоговеть пред Ним, и покоиться в уповании покровительства и помощи Божией Ему, и чрез Него и нам? – Нет. Это не все. Преимущество по справедливости влечет за собою соответственную обязанность. За получением дара следует обязанность быть благодарну; за полученною честью – обязанность хранить ее посредством достоинства. По суду Самого Иисуса Христа, *ему же дано будет много, много взыщется от него* (Лук. XII. 48). Итак если нам дарован Богом освященный Царь: то как он обязан хранить себя достойным принятого освящения, так и все мы обязаны являть себя достойными освященного Царя, дабы благотворящее благоволение всевышнего Величества небесного чрез величество земное без преград простиралось на все царство и народ. Неужели кто подумает, что всесвятому, всеправедному, всечистому Богу прилично, чрез освященного Им Царя, покровительствовать народу, небрежущему о святости, безпечно погружающемуся в бездну грехов и нечистот, не помышляющему о том, чтобы сделаться народом Божиим чрез веру и добродетели? – Сию несообразность опровергают и здравый разум и нравственное чувство.

Православные Россияне! Благодаря Бога за дарованного нам Царя, будем внимательны к тому, что требуется от нас, дабы сей священный дар был для нас вполне благотворен. Да тщимся, не именем только и словом, но и делом и истиною быть верны Царю небесному: ибо только при сем и верность наша Благочестивейшему Самодержцу нашему будет угодна Ему, благословенна Богом, удовлетворительна для нашей христианской совести, истинно полезна отечеству. Аминь.

CDXXIX.

340. Беседа

на обновление храма на месте погребения усопших.

(Говорена в сентябре, напечатана в

Тв. Св. От. 1857 г. и в собр. 1861 г.)

<1857 год>

Господь сказал устами Пророка: *дом Мой дом молитвы наречется* (Иса. LVI. 7). Какая утешительная мысль о храме дает нам сие изречение Господне!

Храм есть *дом молитвы*. Молитва живет в нем. В иных местах она странствует, иная посещает; иные с трудом ищут ее; от иных и призванную удаляют житейская молва и суэта: здесь во храме она живет; здесь всякий может обрести ее; и если та молитва возжеленна, которая доходит до Бога, то молитва во храме преимущественно возжеленна, потому что здесь преимущественно приближается она к Богу, поелику *дом молитвы* есть вместе и *дом Божий*.

Если помыслим, что Бог живет в вышних, превыше небес: то придем в недоумение, возможен ли для Него дом на сей униженной пред небом земле. Если помыслим о величии Творца мира, и о Его вездесущии: то найдем непонятным, как мог бы для Него быть

возможен где-либо, какой-либо дом. Но нет места сомнениям, когда Господь Сам глаголет: *дом Мой*.

Веруем, Господи, слову Твоему: ибо *слово Твое истина есть* (Иоан. XVII. 17). Веруем, что и сей храм, по преданию и чину Тобою наставленных Апостолов и преемников их освященный, и невидимо Твоего вшествия и благодатного присутствия сподобившийся, воистину есть Твой дом, Твое жилище, Твое на земли небо; и не только сему веруем, но можем и видеть сие отчасти, поелику здесь тайнодействуется и очевидно присутствует Божественное Тело едиnorodного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, которое есть тело живое и животворящее, с которым следственно и дух Бога и человека Христа присутствует.

Что при сих размышлениях должна чувствовать верующая душа?

Патриарх Иаков, когда, ночуя в пустынном месте, увидел во сне Господа, стоящего на верху лестницы, соединяющей небо с землею, услышал от Него благословение и обещание покровительства, и по сему богоявлению нарек сие место *домом Божиим*: с сим вместе чувствовал страх. *Убояся и рече, яко страшно место сие* (Быт. XXVIII. 17. 19). Но Пророк Псалмопевец, при мысли о посещении скинии Божией, или храма Божия, чувствовал радость. *Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Пс. CXXI. 1). Которое из двух противоположных чувствований правильно? – Правильны оба, хотя и противоположны. Страшен храм Божий, по величию Бога, в нем присутствующаго: радостотворен храм Божий, по благодати Бога, в нем живущаго. Со страхом входит во храм человек, смиряющийся пред Богом; с радостью входит во храм человек, одушевляемый любовью к Богу. Особенно да страшится, входя во храм, человек обремененный грехами: поелику здесь присутствует Бог, праведный Судия; и кто знает, не поразит ли Он грешника мгновенно, как некогда Надава и Авиуда, Дафана и Авирона? Однако страх да не удаляет грешника от храма; ибо это значило бы идти от спасения к погибели: но да побуждает его к покаянию и исправлению жизни, дабы он мог войти во храм, с надеждою обрести в нем Бога милующаго, прощающаго и спасающаго. Храм Божий есть надежное прибежище для грешника, желающаго избежать пагубы греха.

Бог вездесущий, над всем превознесенный, какую имел бы нужду в земном для Себя доме, если бы его не требовало Божие снисхождение к земнородным? По благодати и снисхождению, Бог устрояет на земли дом Свой, и отверзает его человеку, дабы сей находил в нем для своей молитвы удобовосходную к Богу лестницу; дабы принимал здесь от Бога благословение, и наставление в истине Его чрез Его служителей; дабы пользовался здесь Божественными таинствами, как средствами духовнаго возрождения, питания, возрастания, укрепления, врачевания, напутствия к жизни небесной.

От сей потребности храма для человеков естественно происходит то, что храмы должны быть устрояемы и устроятся среди обитателей, которые ими должны пользоваться. Но почему же некоторые храмы, как и сей, воздвигаются не посреди живущих, а посреди усопших? Почивающие сном смертным возстанут ли теперь, и скажут ли, с воставшим от сна в Вефиле патриархом Иаковом, и с нами: *страшно место сие? несть сие, но дом Божий?* или с Псалмопевцем, и с нами: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем?*

На сие должно сказать, что храмы, создаваемые на месте покоя усопших, благопотребны и полезны живущим, чтобы они приходили сюда не только печалиться и плакать над почивающими здесь, но и приносить о них молитву преимущественно благодатную во храме, при тайнодействии Тела и Крови Господней, когда имена и память усопших

священнослужитель приближает к Агнцу Божию, вземлющему грехи мира, и погружает в животворящую Кровь Христову. (Посвященные знают, что не по воображению говорю сие, но указываю на действие глубоко знаменательное.) Таким образом и для усопших воздвигнутый над ними храм может быть полезен посредством живущих.

Но только ли посредством живущих? Не могут ли усопшие и сами непосредственно пользоваться святынею храма? Смерть тела не разлучила их с Церковию Христовою, которая, подобно виденной Иаковом лестнице, стоит между небом и землею, простирается из видимого в невидимое, от нижних на земли степеней досязает до высшей на небесах степени лицезрения Божия, призывая к возжеланному восхождению, и допуская благословное нисхождение. Не видели ль, например, преподобного Сергия, по восхождении его в небесныя обители, нисходившаго в свою земную обитель, и стоявшаго во храме с поющими, без сомнения, для того, чтобы братия обители паче слуха видением получили наставление о благоговении к церковному богослужению? Но не ограничимся избранными. Где теперь души усопших в вере, совершенных и несовершенных? В каком состоянии? Далеко ли оне? – Сообразно с тем, к чему приготовили себя в земной жизни, оне, по слову Божию, *в руце Божией* (Прем. III. 1), – *на лоне Авраама* (Лук. XVI. 23), – *в покое* (Прем. IV. 7), – а иные не умиротворенныя, и в *сетовании*, как некогда предвещал себе Иаков: *сниду к сыну моему сетуя во ад* (Быт. XXXVII. 35). Не говорим о подобных богачу евангельской притчи, который жил и умер без веры и добродетели, и потому низвержен в глубину ада, откуда не доступны ни обители небесныя, ни святыня сего видимого мира. Предание и опыты показывают, что души усопших хотя разрешены от уз плоти, однако, и по разлучении от нея, по особенному устройению Провидения, а иные, может быть, и по влечению навыка и воспоминаний земных, являются нередко в местах пребывания своего на земли, и в близости к телам, с которыми проходили временную жизнь, и которыя примут паки для жизни вечной. Ибо каким образом чудодествуют, и особенно каким образом на душевное состояние благотворно действуют мощи Святых, если не благодатною силою душ Святых, чрез оныя проявляемою? Вспомним происшествие, бывшее с Святителем Спиридоном Тримифунтским, когда ему нужно было узнать от усопшей дочери его, где скрыто вверенное ей сокровище, неоткрытое прежде кончины ея. Он пришел на ея могилу, спросил усопшую, и она услышала, и произнесла желаемый ответ. Почему же и нам не позволить себе утешительной мысли, что души почивающих близ храма сего, по крайней мере некоторыя, непосредственно услышат глас здешних славословий и молитвословий, ощутят духовное благоухание тайнодействий, и получают или приращение своего *покая*, или облегчение своего *сетования*?

Благословенны да будут усердие, щедрость, попечение, труд, явленные в благоустройении и благоукрашении святаго храма сего, которыми принесена жертва Богу, и оказано благодеяние живым и усопшим. Бог утешения и щедрот да возмерит оныя Своими дарами, благоприятными жизни временной и вечной. Аминь.

CDXXX.

341. Речь

к новопосвященному Епископу Дмитровскому Евгению.

(Говорена октября 6; напечатана

в Твор. Св. От. 1857 г. и в собр. 1861 г.)

<1857 год>

Преосвященный Епископ Евгений!

Чин Церковный, обыкновенно соединяющий с молитвою и тайнодействием поучение, повелевает мне в сей глубоко знаменательный для тебя день, не отпустить тебя отселе без поучения.

И могу исполнить сие без труда. Ты сам произнес себе поучение в то самое время, когда во услышание Церкви произнес Твое исповедание, Твои обеты, и между прочим обещание *не искать яже Твоя; но яже Господа Иисуса*. Проповедуй, что исповедал; исполняй, что обещал: и принесешь добрый плод Господу Иисусу и Церкви Его святой.

Но для сего да не забываешь, боголюбезный брат, что, дабы наш подвиг для Церкви был благонадежен, ему предшествовать должен преимущественный наш подвиг над самими собою.

Преподобный Максим Исповедник о внутренних, *в сердце полагаемых восхождениях* духовной жизни, говорит, что *отгоняющий от себя страстные помыслы имеет качество диакона, просвещающий ум познанием сущих качество пресвитера, а кто довершает освящение ума миром богопоклоннаго ведения Святыя Троицы, тот имеет качество Епископа* (Пр. Макс. о люб. сот. 11. гл. 21). Посему и обратно о степенях Церковнаго священноначалия надлежит сказать, что подвигом и качеством диакона должно быть духовное очищение, качеством пресвитера – духовное просвещение, а преимуществом епископа – высшее помазание и освящение ума таким ведением Святыя Троицы, которое было бы вместе и непрестанным Ей поклонением.

Велико от епископа требование! Невольно скажешь с Апостолом: *к сим кто доволен* (2 Кор. II. 16)? Кто вызовется удовлетворить сему требованию?

В разрешение сего предлагаю тебе поучение Апостола Павла епископу Тимофею, написанное в послании: *не неради о своем даровании, еже дано тебе бысть с возложением рук священничества* (1 Тим. IV. 14). И в другом послании к нему же: *вспоминаю тебе возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением руку мою* (2 Тим. I. 6). Дважды пишет одно наставление, видно, весьма благопотребное. По истине, чем более от нас требуется: тем менее довлеют наши способности и силы; тем паче мы должны искать нашего довольства в даре Божиим, приемлемом чрез тайнодейственное рукоположение.

И на тебе рукоположение апостольское и духоносное, хотя чрез многия преемственно руки, но непрерывным мановением сошедшаго на Апостолов Святаго Духа до тебя простертое. И ты приял *дар Божий: не неради* о нем; *возгревай* его. Не обезпечивай себя своим только разумом, не люби действовать по своей только воле и власти; *воздыхай к Духу истины*; предваряй твои действия сердечным желанием света, силы и помощи свыше; пред угождением воле Божией повергай человекоугодие и самоугодие.

Данный тебе жребий служения отчасти соединен с моим. Ожидаю твоей помощи, тем более, что приходишь на помощь уже десятый ко мне одному, день от дня обветшавающему. Но и мне от тебя праваго содействия надеюсь, а не угождения требую. Соединим твою новую по благодати Божией силу и мою ветхую немощь в единомушном и по мере силы деятельном тщании угождать Богу, всегда и во всем *искать, яже Господа Иисуса*, то есть, искать мира Церкви Его и спасения душ, искупленных пречистою кровию Его.

И приемлемый тобою пастырский жезл да напоминает тебе, что ты должен не только идти, но и вести словесныя овцы на стези правды, ко спасению, к небу.

CDXXXI.

342. Беседа

по освящении храма святых

**Первопрестольных Апостолов Петра и Павла,
при московской Мариинской больнице.**

(Говорена декабря 15-го; напечатана

в Твор. Св. Отц. в 1857 г. и в собр. 1861 г.)

<1857 год>

Церковь и больница теперь у нас в глазах, а потому естественно и в мыслях, оне сближены так, что находятся под одним общим кровом: и разделены только так, чтобы святыня сохраняла подобающую ей неприкосновенность. Нет ли в сем вещественном сближении умственного? – Конечно есть; потому что такое устройство произошло не от безотчетного произвола, но от разсуждения основательного и благонамеренного. Мне кажется, самое сие здание говорит, если бы не сказал я, что больнице нужен союз с церковью, что больным нужны не только врач, но и священнослужитель, не только врачевства, но и молитвы и таинства.

Все ли признают сии потребности? – В какой мере должно признавать их? – Не отсылайте сих вопросов к больным: среди болезненных страданий, при изнемогающих силах телесных и душевных, им едва ли удобно обдумывать правила для своего настоящего положения, если такие правила не приготовлены ранее; болезнь и смерть не согласятся ждать, пока больной составит себе любомудрие болезни, которому он не учился благовременнее. И никому из здравствующих невидимая судьба не дала обязательства, что болезнь не будет ему послана ныне или завтра, и что она не нападет на него внезапно и сильно. В мире думает о войне желающий получить победу: в здравии должен здраво размышлять о болезни желающий победить ее, или сохранить дух свой непобежденным от нея.

Есть люди, которые колеблются допустить врачевание человеческое, или даже решительно готовы совсем устранить оное. С углубленным вниманием слышат они слово Господа: *Аз убью и жити сотворю; поражу, и Аз исцелю* (Второз. XXXII. 39); и желают ответствовать на сие словом Давидовым: *да впаду убо в руце Господни, яко мнози суть щедроты Его зело; в руце же человеци да не впаду* (2 Цар. XXIV. 14).

Что на сие скажем? – Похвалим имеющих такую веру и такую преданность воле Божией. Знаем, что были и есть люди, оправдавшие самым делом такую веру. Но знаете ли какая для сего потребна вера? – По требованию евангельскому, кажется, умеренному, по крайней мере, *вера, яко зерно горушно* (Матф. XVII. 20). А то какая вера? – Такая, с которою *речете горе сей, преиди отсюда тамо, и преидет, и ничто же невозможно будет вам*. Кто из нас похвалится, что стяжал такую веру. А если кто и похвалится: то надобно опасаться, чтобы он сим самохвалением не сокрушил необходимую подпору сей

веры, – смирение. Апостол Петр думал, что имеет веру идти по водам; и при том его вера подкреплена была видимым присутствием и владычественным повелением Иисуса Христа: однако веры Петровой доставало только на несколько шагов; и помыслы сомнений потопили бы его, если бы Господь не пощадил маловерия его, и не простер спасающей руки. Итак желаем всякому веры живой, крепкой, деятельной, спасительной, если угодно, и чудодейственной: но вместе с сим должны мы признать необходимыми бдительное внимание и осторожность, чтобы вера была охраняема смирением, и чтобы не искушала Бога ненужным и чрезмерным дерзновением.

Если приходит болезнь, а врача и врачество иметь неудобно, или если употребляемое врачевание не оказывает успеха; если обязанность или человеколюбие призывают к больному, которого болезнь может сообщиться приближающимся и прикасающимся: не приготовляй сам себе яда из помыслов уныния, боязливости, нетерпеливости, ропота: но составь себе всецелительное врачество из здравых помышлений и чистых чувствований веры, молитвы и упования на Бога; разумевай из слов Его, что если Он *поражает*, то для того, чтобы *исцелить*; веруй, что Он охранит или исцелит тебя от болезни, или поможет тебе переносить болезненное изнеможение и страдание, и обратит болезнь твою к уврачеванию и очищению твоей души, да сбудется на тебе слово Писания: *пострадавший плотию преста от греха* (1 Пет. IV. 1). Дерзай рещи Господу с Давидом: *аще и пойду посреде сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси* (Псал. XXII. 4). *И да будет тебе по вере твоей. Вера твоя да спасет тебя.*

Но при удобности, не пренебрегай и естественных средств врачевания, и не искушай Бога требованием чрезвычайных даров, обходя средства, от Него же приготовленные для тебя в природе. Послушай учения древняго благочестиваго мудреца: *почитай врача противу потреб честию его; ибо Господь созда его, Господь созда от земли врачевания; и муж мудрый не возмущается ими* (Сир. XXXVIII. 1. 4). И поелику Господь создал и врача, и лечебные средства: то, пользуясь ими, призывай благословение Божие и на разумение врача, и на действие врачевства; и получив лечебную помощь, благодари Господа, Источника жизни.

Впрочем не многих нужно убеждать, чтобы *почитали врача*, чтобы не *возмущались врачеваниями*. Большею части людей, вместе с болезнью сама собою приходит мысль о враче и о врачевании: но многие больные слишком долго не встречаются с мыслию о другой важнейшей потребности, – о потребности пособий веры; и окружающие их боятся возбудить в них сию мысль, хотя и желают. Станный предразсудок! Не боятся призвать врача, который предпишет лечение, может быть, полезное, может быть, бесполезное, может быть, в следствие погрешительнаго соображения, вредное и смертоносное: а боятся призвать священнослужителя, который принесет врачество ни в каком случае не вредное и не опасное, но всегда благотворное душе и телу!

Не подумают ли врачи и учителя врачевания, что я вторгаюсь в их область, когда утверждаю, что священнослужитель принесет больному врачество и для тела? – Да не прогневаются они. Преподано и нам лечебное учение, только не во множестве наук и книг, как им, но в кратком лечебном предписании, верном для всех болезней, при верном употреблении. Вот что написал один из числа избранных учеников Божественнаго Врача душ и телес: *болит ли кто в вас? да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господне, и молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господь, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему* (Иак. V. 14. 15). Ясно различает два действия пресвитерской молитвы и священнаго елеопомазания: врачевание души: *аще грехи сотворил есть, отпустятся ему*, и

врачевание тела: *воздвигнет его Господь*, – разумеется не всегда безусловно, а по мере веры, и соответственно спасительным видам Промысла Божия.

Что скажем о потребности и благотворности таинства покаяния для больного и для самой болезни? – Кажется можем призвать во свидетельство самих телесных врачей. Они знают, что мир души есть помощь, а ея немирное состояние – препятствие врачеванию. Но не самый ли глубокий и полный мир доставляет душе облегчение совести чистым покаянием, и отрадное чувство отпущения грехов?

Думаю, оскорбил бы я вашу просвещенную веру и Божественное достоинство таинства, если бы стал доказывать потребность и благотворность для болящего таинства Тела и Крови Господней, – подобно как если бы кто вздумал доказывать, что солнце светит и греет, и что оно благотворно для жизни нашей, хотя не всегда видим его и ощущаем его действие. Довольно вспомнить слово Господне: *ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, имать живот вечный* (Иоан. VI. 54). Посему кто в таинстве принял в себя *живот вечный*, и сохраняет его верою, и не удаляет его от себя новыми грехами: для того болезнь есть путь, и смерть есть дверь в вечность блаженную: а между тем не естественно ли ожидать, что от обилия Источника жизни вечной, принятого человеком в таинстве, пролиется благотворная сила и на жизнь временную.

От чего же произошла эта странность, что в болезнях многие медлят прибегать к пособиям веры, и даже боятся говорить о них? – Вероятно из доброй мысли неправильно выведены мысли ложные, и распространились и усилились. Полагают особенным благополучием, если болящий, приняв отпущение грехов и причастие вечной жизни в таинствах, в сей ненарушенной чистоте отходит в будущую жизнь. Это мысль добрая. Но из нея неправильно выведены ложные мысли, будто в крайности только болезни надобно прибегать к таинствам, и будто напомнить о них больному значит объявить ему смертный приговор.

Долго да здравствуют слышащие меня теперь и неслышащие. Но все мы, братие, не бессмертны и не безболезненны. Не умедлим отложить благовременно предразсудок, становящийся преградою между нами и святынею в такое время, когда она для нас особенно благопотребна. Поставим себя ближе ко Врачу душ и телес, нежели к врачам телесным. Утвердим себя в расположении, паче телесного врачевания, желать и искать врачевания духовного, благотворного для души и для тела.

Не могу умолкнуть, не разделив с Вами утешительного помышления, что богоугодное и человеколюбивое учреждение, в котором теперь находимся, и многия подобная ему в сем царствующем граде, именем и делом происходят от Великих, державных, венценосных, и преемственно пользуются непосредственным их покровительством и непрерывным попечением.

Храни, Россия, царствующее над тобою благочестие и человеколюбие твоею верою и верностию и чистою, от непорочной жизни восходящею молитвою, удерживай над собою благодатный покров небесный. Аминь.

1858 год.

CDXXXII.

343. Беседа

в день памяти Святителя Алексия.

(Говорена в Чуд. мон. февраля 12-го; напечатана

в Твор. Св. Отц. в 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их (Евр. XIII. 7). Вот заповедь апостольская.

И вот, кажется, исполнение сей заповеди на самом деле. Мы *поминаем наставника* нашего, *иже глагола нам слово Божие*, Святителя Алексия; и поминаем торжественно. *Взираем на скончание жительства* его: ибо празднуем ныне день *скончания жительства* его земного.

За сим еще остается последняя часть апостольской заповеди, столь существенная, что без оной и воспоминание святых наставников и взирание на скончание жительства их было бы, как сеяние без жатвы, как семя без плода. Это – увещание: *подражайте вере их*. Исполняем ли мы сие увещание? Подражаем ли вере Святителя Алексия? Подражаем ли вообще вере святых? – Не думаю, чтобы совсем не было между нами подражателей святым: ибо это было бы для всех нас отчаянное состояние. Не сомневаюсь, что есть между нами, ведомые Богу, истинные и верные подражатели святым; и из сей уверенности почерпаю надежду и утешение: потому что, ради немногих праведников, целый град, по грехам своим близкий к гибели, милосердый Господь сохраняет, как обещал Аврааму. Но если посмотреть на образ нашей жизни более обыкновенный, более общий: то едва ли кто решится утверждать, что нынешний мир христианский исполнен подражателями святым.

Многие думают, что в нынешния времена уже неудобно подвизаться, как подвизались древле святые, следственно и подражать им; что быть святыми – жребий не многих; что для нас довольно быть просто христианами. Из таких мыслей *немудрыя девы* нового времени делают себе покойное возглавие; и на нем бездейственно дремлют; и легко могут продремать до тех пор, как Ангел смерти и суда внезапным воплем: *се жених грядет*, заставит их открыть отягченные сном глаза, чтобы увидеть свои светильники безъелейными, угасшими, и отверзтую для других дверь небесного чертога затворенною для себя на веки. Сия дремота лени, а не изнеможения от предшествовавшего подвига, осужденная давно притчею, менее ли предосудительна и опасна ныне потому, что дремлющих уже не пять, как было в притче, а тысячи?

Прииди недремлющая истина, и гласом вразумления возбуди нас ранее последнего вопля, когда еще есть время для спасительного делания и подвига, для приготовления к сретению небесного Жениха и Судии душ.

Божественная истина еще во дни ветхаго завета говорила сынам тогдашней Церкви: *Господь избра вас днесь, да будете Ему люди избранныи, якоже рече тебе, хранить вся заповеди Его*, – *быти вам людем святым Господу Богу вашему* (Втор. XXVI. 18. 19). Сие изречение книги Второзакония, во-первых, вразумляет нас, что обязанность *быть святыми* соединена, и почти тождественна, с обязанностию *исполнять все заповеди Божи*; и что исполнение заповедей Божиих есть путь к святости; во-вторых, показывает, что еще в ветхозаветной Церкви все члены ея вообще Самим Богом и законом Его призваны были подвизаться во исполнении всех заповедей Божиих даже до того, чтобы

достигать святости. И конечно не было сие не удобно для них: потому что премудрости Божией не свойственно требовать неисполнимаго. Поелику же Христос пришел *не разорить древний закон, но исполнить* (Матф. V. 17); дал нам новый завет совершеннейший ветхаго, который был только *сень грядущих благ* (Евр. X. 1); посредством веры *подал нам новыя Божественныя силы, яже к животу и благочестию* (2 Петр. I. 3): то на нас с новою силою падает обязанность, а с тем вместе даровано нам и преимущественное удобство, в силе веры подвизаться в исполнении заповедей Божиих до того, чтобы достигать святости.

После сего подумайте, в какое противоречие со словом Божиим поставили бы мы себя, и какой сами о себе сделали бы приговор, если бы, под предлогом неудобства, отказались от подражания святым, и от стремления к святости: мы поставили бы себя не только ниже совершенства новозаветнаго, но и ниже несовершенства ветхозаветнаго; мы низвели бы себя далеко ниже имени и достоинства христианскаго.

Христос Спаситель учит: *будете вы совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Матф. V. 48). Сему последуя и апостол учит: *бывайте подражатели Богу, яко же чада возлюбленная* (Еф. V. 1). Если можно, если должно, подражать Самому всесвятому Богу: то как отказываться от подражания святым человекам, очевидно более нам доступнаго, и могущаго нам служить руководством к Богоподражанию? Вас призывают на высоту лестницы, досязавшей до небес: как же откажетесь вы от вступления на посредствующие степени? Где вы при сем отказе останетесь?

Говорят, что в нынешния времена уже неудобно подвизаться в подражании святым. Какая это времена? Когда они начались? Найдется ли на это твердый ответ? И могли ли какия-нибудь времена изменить обязанность, возложенную на нас Богом, для нашего спасения? Если есть для освящающих подвигов неудобства в настоящих времена: разве не было их и в древния времена? Удобнее ли нынешняго было в первые веки христианства подвизаться в христианском благочестии, в добродетели, в святости, среди соблазнов от мира идолопоклонническаго, безвернаго, в крайней степени развращеннаго, среди гонений от властей враждебных христианству?

Признаем с горестию, что нынешний мир, именуемый христианским, слишком обилует примерами суеты, роскоши, плотоугодия, неправды, частию даже неверия; и что соблазны его сильны: но разве мир, соблазняющий нас на зло, сильнее Бога, *подающаго нам вся Божественныя силы Его, яже к животу и благочестию*? Бог имеет и дает силы; мир имеет и дает слабости: кто велит нам принимать не силы от Бога, а слабости от мира? Наше произвольное маловерие не возвышается к Богу, чтобы принять от Него силы благия и победоносныя над злом; наше малодушие унижается пред миром, и заимствует у него слабости, пролагающия путь пороку и злу. Соблазны мира сильны не сами собою, но нашею произвольною слабостию.

Обязанность подражать святым справедливее может затруднять нас и устрашать, когда взираем на высоту их подвигов. Но подражать святым не значит равняться с ними, чего не требует долг, и на что притязания не допускает смирение. Слово апостольское заповедует нам *подражать* не каким-либо чрезвычайным подвигам или чудесам святых, но *вере наставников, иже глаголаша нам слово Божие*. Если ты искренним сердцем содержишь веру в единого триипостаснаго Бога и в едиnorodнаго Сына Божия Иисуса Христа, Спасителя мира, как ее словом и писанием предали нам святые Апостолы, как ее, охраняя от лжеумудрия, с точностию определили богомудрые отцы; если ты, по учению и примеру духовных наставников, подвизаешься, чтобы сия вера была в тебе всегда живою, чтобы одушевляла всю твою жизнь, и приносила плоды добрых дел и благоугождения Богу; если

сердцем веруя и усты исповедуя (Римл. X. 10) православную веру, ты радуешься о сем, и готов понести скорбь, чтобы не изменить сему исповеданию: то ты уже *подражатель наследствующим обетования Божия верою и долготерпением* (Евр. VI. 12). Что же касается до особенных подвигов, благочестивых упражнений и духовных опытов, которые встречаем в житиях святых, в их обилии и разнообразии мы можем и должны находить и усвоить, каждый для себя, то, что может послужить нам руководством, применительно к состоянию нашей души и к обстоятельствам нашей жизни, а зрелищем высоких подвигов частию смирять свои помыслы, частию поощрять себя к ревности в наших посильных упражнениях благочестия и благодеяния. Например, если плоть твоя тяготится постом: устыди ее, и подкрепи твое благонамерение воспоминанием сорокадневного, совершенно безпищного, поста пророка Илии. Если кому по долгу верного служения Церкви или отечеству, предлежал бы подвиг, угрожающий лишениями и опасностями: таковой мог бы употребить в подкрепление своего мужества и самопожертвования память Святителя Алексия, который для охранения мира и безопасности Церкви и отечества неоднократно, беззащитный, беспомощный ходил в чуждую землю, к властителям неверным и жестоким, и которого вера и самопожертвование оправданы были вожделенными успехами предприятий, и даже чудесною Божиею помощью.

Итак, братия, да не уступаем лжесловесию, прельщениям и соблазнам мира, усиливающимся уклонить нас от пути евангельского. *Не сообразуйтесь веку сему* (Римл. XII. 2). Не обинуясь, повинуйтесь учению апостольскому, и, елико возможно, *подражайте вере* святых, живой и деятельной во спасение. Аминь.

CDXXXIII.

344. Беседа

в день восшествия на Всероссийский

Престол Благочестивейшаго Государя

Императора Александра Николаевича.

(Говорена в Чудовом мон. февр. 19-го; напечатана

в Твор. Св. Отц. 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

*Не своих си кийждо, но и дружних
кийждо смотряйте* (Филип. II. 4).

Торжественно и благодарственно пред Богом воспоминая ныне, что в сей день Бог *вознес избранного от людей своих* (Псал. LXXXVIII. 20), Благочестивейшаго Императора нашего Александра Николаевича, исполняем, благоверные Россияне, праведный и прекрасный долг. Царь, по священному закону наследия, мирно восходящий на престол, и мирно простирающий благотворную власть над царством, как свет утра над землею, есть высокий дар Божественнаго Провидения народу, и благонадежный залог его благоденствия.

К благоговейному воспоминанию воцарения, последовательно будет присоединить внимательное воспоминание, что вместе с оным дали мы пред Богом обет верности

Благочестивейшему Самодержцу нашему. Обет сей тверд царственным законом, тверд именем Божиим, тверд у каждого из нас сердечным к Царю расположением, так что, если бы на кого между нами пало нареkanie в нарушении сего обета, сие болезненно поразило бы не только его, но и всех. Но чем более все мы дорожим верностию к Царю: тем более каждый из нас должен быть внимателен, чтобы иметь сие качество в полной силе и в совершенной чистоте.

Царь, по истинному о Нем понятию, есть глава и душа царства. Не возразите мне, что душою государства должен быть закон. Закон необходим, досточтим, благотворен; но закон в хартиях и книгах есть мертвая буква: ибо сколько раз видно было в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остается ненаказанным; закон в книге благоустраивает общественныя звания и дела их, а между тем оне разстроиваются! Закон, мертвый в книге, оживает в действителях: а верховный государственный действитель, и возбудитель и одушевителъ подчиненных по закону действителей, есть Царь. Итак, Царь, по истинному о Нем понятию, должен быть душою царства.

Как душа и тело суть едино; так Царь не отделяет Себя от царства Своего: а потому и верности требует Себе от нас, не только как лицу отдельному, но и как живущему общию жизнью с царством; требует верности не только для Себя, но и для блага царства. Из сего следует, что вполне верен Царю тот, кто, смотря по своему положению в царстве, так располагает своею деятельностью, чтобы она всевозможно соответствовала законной воле Царя и Его попечению о благе общем и частном. Чистоту верности определит внимательному его совесть, если внутренно будет ему свидетельствовать, что он требуемая верностию дела творит по чувству долга и по любви к Царю и отечеству, а не по своим личным видам, и не покрывает благовидными делами, как личиною, побуждения незаконныя и порочныя.

Чтобы сии мысли о верности с успехом вводимы были в жизнь общественную и частную, и обращаемы в соответственныя дела, для сего нет ничего лучше, как то, чтобы верные сыны царства земнаго последовали руководству, какое в слове Божиим дано верным сынам уготовляемаго и чаемаго царствия небеснаго: *да тожде мудрствуете вси, тууже любовь имуще, единомушнии, единомудренни, ничтоже по рвенію или тщеславію, но смиренномудріем друг друга честію больша себе творяще; не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотрите* (Фил. II. 2—4).

В великом обществе, при множестве и разнообразии предметов и дел, о которых нужно *мудрствовать*, — разсуждать, составлять законы, правила, определения, и приводить их в действие, неизбежно большее или меньшее разномыслие. Но если разномыслие усилится: то не укрощаемая борьба мнений может послужить не к созиданию блага общественного, а к разрушению. Итак, желающие быть верными благу общественному, старайтесь, сколько можно, *да тожде мудрствуете вси*, да будете *единомудренни*.

Но как достигнуть единомыслия, когда во множестве людей, при разности свойств, образования, направления, неизбежны разныя воззрения на предметы и различия мнений? — Для сего старайтесь быть *единомушнии*. Поставьте общественное благо средоточіем ваших стремлений. Соединитесь в желаніи общаго блага. Добрая воля человека имеет великую и благотворную силу над его собственным умом; и умы других удобно преклоняет к себе добродушіе. Когда страсти не разделяют сердец: истина безпрепятственно входит и соединяет умы.

Есть препятствия и единодушию общественному. Люди имеют много частных желаний и личных видов, которые их разделяют, или производят, вместо соединения, столкновение. Против сего апостольское слово дает следующее наставление: *не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотрите.*

По закону общества позволительно искать *своих си*, – своих потребностей, своей безопасности, своего спокойствия, даже своей выгоды и своего преимущества: но при неограниченности человеческих желаний, если не поставить предела исканию *своих си*, то общественное благо будет растерзано; и даже основание общества потрясено будет; поелику основание общества состоит в том, чтобы пожертвовать большею или меньшею долею небольших сил и средств личных и частных и за то воспользоваться великими силами и средствами общественными. И поелику выгоды и преимущества некоторых членов или части общества нередко отражаются на других ограничением их выгод и преимуществ: то чем неумереннее одни будут искать своих выгод и преимуществ, тем более будут располагать других к недовольству и противодействию, от чего может возникнуть в обществе внутренняя вредная борьба. Будьте же предусмотрительны; предохраните себя и других от неприятностей и затруднений; ограничьте ваше искание *своих си*; и, что еще лучше, сверх сего *и дружних кийждо смотрите*; старайтесь, сколько можно, чтобы ваше довольство не только не препятствовало довольству других, но и благоприятствовало ему.

Имеющий власть, не ищи только *своих си*, – не люби властвования произвольного, не управляемого законом, справедливостию и благостию; *смотри и дружних*, – умеряй твою власть, поколику сие совместно с соблюдением порядка, и не стесняй свободы подвластных, поколику она полезна и незлоупотребляема: тем более чтима будет власть, тем вернее будет повиновение.

Но и ты, находящийся под властью, не ищи только *своих си*, – не домогайся своекорыстно и своевольно уменьшения твоих обязанностей пред властью и расширения твоей свободы; *смотри и дружних*, – помышляй, что имеющий над тобою власть, имеет ее для устройства и охранения твоего блага; и дай ему для сего средства в твоём добровольном повиновении и в неуклонном исполнении твоих обязанностей. Тем более ты будешь любезен власти; тем более ты доставишь удобства ея попечению о облегчении твоих трудностей, и об улучшении твоего положения.

Обладающий богатством, не ищи только *своих си*, – умножения богатства: *смотри и дружних*, – не упускай случаев оказать помощь нуждающимся; не избирай для умножения твоих стяжаний таких средств, которые стесняют или истощают других.

И ты, смиренный земли, каким нибудь для других трудом снискивающий себе насущный хлеб, – и ты не *своих си* только, но и *дружних смотри*; не о том только помышляй, чтобы верно иметь хлеб и плату за труд; но так же верно, без небрежения, опущения, подлога, обмана, делай данное тебе дело в пользу других, как верно и без ущерба желаешь получить твое воздаяние.

Так во всяком звании и состоянии, возбуждая и направляя нашу деятельность, не самолюбием и своекорыстием, а доброжелательством и любовью к ближним вообще и в частности, мы можем, каждый в свою меру, содействовать благу и благоустройству общественному, и явиться истинно верными не только пред Царем и отечеством, но и пред Богом, Который *верному в мале воздаст многим* во царствии Своем (Лук. XVI. 10). Аминь.

345. Беседа

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорена в Чудове мон. марта 25-го;

напечатана в Твор. Св. От. 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

Блюдитесь, како слышите (Лук. VIII. 18).

Внимательно, разсудительно, осторожно наблюдайте за собою, как слушаете то, что доходит до вашего слуха, как принимаете и должны принимать слышимое. Так наставлял Христос Спаситель Своих учеников. Пречистая Матерь Его, преблагословенная Дева Мария в совершенстве исполнила сие наставление, когда оно не было еще произнесено.

Христиане! Наставление Христа Спасителя относится и к нам потому самому, что мы христиане, то есть, ученики и последователи Христа. Пример пречистой Матери Его может ввести нас в разумение наставления Его.

Праматерь Ева не положила себе правила: *блюстися, како слышит*, когда вступал с нею в разговор змий искушитель, хотя самая необычайность сего явления должна была внушить осторожность. Чрез отверзтое любопытством ухо словесный яд проник до сердца ея и отравил душу грехом, прежде нежели вкушением запрещенного плода отравлено тело. И праотец Адам не уберег своего слуха от греховного слова жены: и чрез нестрегомое ухо допустил смерть войти во весь род человеческий.

Не так пресвятая Дева Мария. Как предопределенная в служение таинству исцеления человеческого рода от смертоносной заразы греха, она, при самом вступлении в сие служение, исправляет первоначальную погрешность прародителей. Она слышит приветственный глас Ангела, уже более или менее ведомый ей, со времени воспитания ея во храме Иерусалимском: и при всем том *блюдетя, како слышит*; не вдруг допускает высокое о ней слово до смиренного сердца; не отвечает на приветствие; останавливается в заботливом размышлении. *Смутися о словеси его, и помышляше, каково будет целование сие* (Лук. I. 29).

Какое это слово, которым произведено смущение в душе чистой и мирной? Это слово Ангела: *радуйся благодатная, Господь с тобою; благословенна ты в женах*. Но что же здесь могло быть причиною смущения? Причиною смущения обыкновенно бывает слово печальное, или строгое, или унижающее, или обидное, или угрожающее. Ничего такого нет в словах Ангела. В них видны: радость, благоговение Ангела к пресвятой Деве, ея достоинство, Божие к ней благоволение. Вникните в дело духовным разумением. Словом печальным, строгим, унижающим, обидным, угрожающим, приводится в смущение наша нетерпеливость, наша гордость. Сих качеств не было в пресвятой Деве; почему и такие тяжкия слова не привели бы ее в смущение. Но в ней обитает глубокое смирение: и потому для ней неудобоприемлемо слово, которое возвышает ее. Смирение не любит оглашающей похвалы; уклоняется от нея; боится, чтобы она неповредила ему: и потому, когда слышит хвалителя, с невольною заботою внутренно вопрошает: действительно ли

ты Ангел Света? – Таково значение смущения, в которое пресвятая Дева приведена была приветствием небесного благовестника.

Но и безпорочное смущение есть состояние не естественное. Душа, ощутив себя в оном, ищет пути, чтобы выйти из онаго. Какой же путь открыла для сего пресвятая Дева? – Путь безмолвного размышления. *Помышляше, каково будет целование сие.*

Вслушайтесь пристально в молчание пресвятыя Девы пред благовествующим Ангелом: вы найдете, что сие молчание также премудро, как премудро слово. Если бы Мариамь поспешила отвечать на хвалебное приветствие Ангела без отрицания слышимой хвалы: это было бы утверждение и принятие хвалы, и было бы тяжело для Девы, в отношении к ея смирению. Если же она отвечала бы с прекословием: это могло быть оскорблением вестнику небесному. И того и другого затруднения избежала она, скрывшись от слова в молчание, и употребив для размышления. *Помышляше: каково будет целование сие?* Что значит приветствие необычайное? Как поступить с приветствием, которое трудно и страшно принять, и также трудно и страшно отвергнуть? Если от Бога приходит слово: не явит ли Он знамения, прекращающего смущение и страх, и разрешающего недоумение? – Знамение действительно явилось в том, что на глубокомысленное молчание пресвятыя Девы, как бы на внятное слово, Ангелом дан сообразный ответ: *не бойся, Мариамь.* Из сего познала она, что Бог открыл Ангелу ея внутреннее состояние, и послал ей слово успокоения; и что следственно с спокойствием и верою должно внимать дальнейшему провещанию Ангела. Так она приготовилась и приготовлена была принять благовещение о воплощении в ней Сына Божия – Спасителя мира: и возмогла из безмерной глубины смирения изнести безмерно высокой веры слово: *се раба Господня; буди мне по глаголу твоему.*

Видишь ли, христианская душа, хотя отчасти, душу пресвятыя Девы, ея внутреннее благоустройство, ея бдительность на страже нравственного самоохранения? Учись сокровенно мудрости Ея, подражай бдительной осторожности Ея в собеседовании. *Блюдися, како слышиши.* Не останавливай себя тем, что ея путь очень высок; и что твой путь инаков. Если обленишься, и не поревнуешь хотя издалеча последовать пресвятой Деве путем восходящим: то легко можешь совратиться на путь Евы, низходящий и ведущий к падению. Легко может случиться, что к тебе подкрадется какой нибудь словоохотный *змий, мудрейший всех зверей суущих на земли* (Быт. III. 1), но далекий от мудрости даже просто человеческой, и кольми паче от небесной, который видится обитателем рая, а невидимо принадлежит к жителям ада, котораго *словеса умякнуша паче елеа, и та суть стрелы* (Псал. LIV. 22), который в мечтательных и льстивых словах обоготворит тебя, а в самом деле заразит тебя клеветою и хулою на Бога, который предложит тебе красивый и сладкий плод, и ты в нем вкусишь грех и смерть.

Пример пресвятыя Девы показывает, что с осторожностью должно слушать даже ангельское слово. И если такая осторожность нужна была для нея: то кольми паче нужна для нас. Ибо, как предостерегает Апостол, *сам сатана преобразуется во Ангела света* (2 Кор. XI. 14): и потому неосмотрительный может принять блестящую медь за золото, – слово лести и обмана за слово истины. Если твоему внешнему или внутреннему слуху является необычайное слово, представляющее себя посланным свыше: не спеши принимать оное; размысли в безмолвии, испытай, согласно ли оно с достоверно известным словом Божиим и учением Христовым; огради себя смирением, молитвою, и притом, как учат богомудрые, троекратною молитвою, и, поколику возможно, советом имеющих духовную опытность. – Истина не оскорбится твоею осторожностью: а ложь и мечта не успеют обаять тебя.

Если и Ангела слышащему нужно *блюстися, како слышит*: что сказать о собеседованиях человеческих? Сколько в людях ложных и худых мыслей, сколько страстей, сколько пороков! Все они могут обратиться в заразу, более или менее сильную и вредную, приметно и неприметно переходящую чрез слово и собеседование. Много явных и скрытых опасностей: много нужно благоразумия и осторожности.

Слышишь ли слово в похвалу тебе? – Остерегись. Похвала нередко скрывает в себе лесть; или может самого тебя сделать льстецем для самого тебя, если пленишься ею; может удалить от тебя смирение, и поселить в тебе самонадеяние и небрежение о дальнейшем усовершеннии себя и своих дел. Услышав похвалу, помысли, каков ты должен быть, вспомни свои недостатки; и старайся иметь достохвальныя мысли, намерения и дела, а не ловить исчезающий звук похвалы.

Слышишь ли слово, тебя оскорбляющее, или унижающее? – Остерегись, чтобы не воспламениться *гневом*, который *правды Божия не соделывает* (Иак. I. 20). Скажи лучше себе: вот случай поучить себя терпению и смирению, и отвечай оскорбляющему и унижающему или молчанием, или, если необходимо, кротким словом правды.

Слышишь ли слово, порицающее и осуждающее ближняго? – Остерегись, чтобы чрез слух не принять участия в грехе чужаго языка. Не прилагай сердца твоего к словам, которые вреднее для осуждающаго, нежели для осуждаемаго.

Слышишь ли слово, опечаливающее настоящим или угрожающим бедствием? – Остерегись, чтобы твоя печаль не сделалась сильнее твоего разсудка и твоей воли. *Многи бо печаль уби; и несть пользы в ней* (Сир. XXX. 25). Раствори печаль твою молитвою и умиротвори себя преданностию в волю Божию и упованием на милосердие Божие.

Что, если услышишь или увидишь в чтении слова неблагонаравия, неблагоговения, неверия? – Поспеши заградить ухо твое и закрыть око твое от тлетворнаго ветра. Не прельсти себя мыслию послушать или прочесть из любопытства, или для забавы. Не касайся саж. Не играй огнем. Не желай узнать вкус яда. *Тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV. 33).

Не надобно ли, – скажет ктонибудь, – не надобно ли иметь осторожности и при слушании учения духовнаго и нравственнаго? – Точно надобно иметь осторожность, – именно осторожность, чтобы не быть, по выражению Апостола Иакова, *слышателем забытливym*, подобным человеку, который посмотрел на себя в зеркале, отошел и забыл, каков он. Ибо не слышатель забытливый, но *творец дела, сей блажен в делании своем будет* (Иак. I. 22–25). Аминь.

CDXXXV.

346. Беседа

в день рождения Благочестивейшаго

Государя Императора Александра Николаевича.

(Говорена в Чудове мон. апреля 17; напечатана

в Твор. Св. От. 1858 г. и в собрании 1861 г.)

<1858 год>

Есть древний обычай, чтобы празднующему день своего рождения сопразднующие присные и ближние приносили дар, знаменующий усердие их, и, по возможности, приятный ему. Усердие каждого из нас к Благочестивейшему Самодержцу нашему не было ли бы обрадовано, если бы, сопразднуя день Его рождения, каждый из нас мог принести Ему дар, Ему приятный? – В сокровищнице Премудраго Царя нахожу драгоценность, которою все мы можем располагать, и которая, как он уверяет, может составлять дар, приятный, не только Царю, но и Богу. Какая это драгоценность? – *Устне праведны, словеса правая.* – *Приятны Царю*, говорит Соломон в книге притчей, *устне праведны, словеса же правая любит Господь* (Притч. XVI. 13).

Если спросят: как приготовить и принести такой дар Царю: на сие отвечаю.

Во-первых, если устне праведны, словеса правая еще не сделались твоим достоянием; если ты не постановил себе твердаго правила, и не приобрел навыка постоянно употреблять слово истинное, честное, правдивое, благонамеренное: то потрудись приобрести сию драгоценность. Для сего ненужно идти к продающим, и тратить деньги: ты можешь найти сие сокровище у себя дома, в твоём сердце, если к обретению онаго направишь твой ум и твою волю; если примешь решительное намерение, и неуклонно будешь приводить оное в действие; если к сему будешь возбуждать себя памятованием о Боге, любящем правду и праведных, и страхом гнева Его за нарушение заповеди Его: *не лжесвидетельствуй*.

Во-вторых, если устне праведны, словеса правая уже сделались твоим достоянием; если любовь к правде, одушевляя тебя, движется от сердца твоего, чтобы одушевлять твое слово: употребляй такое слово верно и неизменно, в делах общественных и частных, без страха и без дерзости, без лицепрятия и без ненависти. Отвержай устне праведны, и говори чистую истину и нелицемерную правду, начальник подчиненному и подчиненный начальнику, судия подсудимому и подсудимый судии, наставник ученику и ученик наставнику, писатель в книге, торгующий на торжище, собеседник в беседе.

Могут сказать многие: не оспариваем у слова правды его достоинства; но что значит наше малое слово правды, обращающееся в смиренном и тесном кругу? Как может оно достигнуть даже до Царя и составить приятный для Него дар? – Дадим на сие объяснение.

Земледельцы на деревенских полях, вдали от столиц, сеют семена свои, чтобы собрать от них насущный хлеб: но Бог дает им избыток от их семян, и сей избыток проходит селения, питает города, и восходит на трапезу Цареву. Подобно сему сейте слово истины и правды, кто может, на большом, а другие на малом поле; поощряйте к сему друг друга: посев может сделаться обширным и общественным. От ревностнаго распространения в обществе слова истины и правды должен произойти плод общественного здравомыслия и правдолюбия, а от сего возрастающее обилие общественного мира и благоустройства: и это будет добрый дар подданных доброму Царю, пекущемуся о благе их, или, иначе сказать, их содействие и споспешествование Царскому непрерывному подвигу в благоустроении царства для возвышения его благоденствия.

Привычка легкомысленно метать слово на ветер к сожалению очень обыкновенная, не дает нам приметить, какое сокровище часто расточаем, без пользы или со вредом, для себя и для ближних. Размышлял ли когда-нибудь ты, словесное творение Божие, – ты *глаголивый* (Иов. XXXVIII. 14), как назвал тебя праведный Иов, не знаю, в похвалу ли твоей природе, или в укоризну твоему многоглаголанию, – размышлял ли,

любомудрствовал ли ты о слове, восходил ли мыслию к его началу, созерцал ли его достоинство и силу на высоте его? – Где начало слова? – На небесах, превыше небес, в вечности, в Боге. *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу; Сей бе искони к Богу* (Иоан. I. 1.2). Какое достоинство слова? – Достоинство Божественное: *Бог бе Слово*. Сын Божий, для выражения Своих Божественных свойств, не нашел в языке человеческом лучшего наименования, как наименование Слова: *нарицается имя Его Слово Божие* (Апок. XIX. 13). Какую силу имеет слово? – Силу *вседетельную: вся тем быша*; словом сотворен видимый мир; *Словом Господним небеса утвердишася* (Пс. XXXII. 6). Скажешь, что это не такое слово, как у тебя и у меня. Так. Слово Божие бесконечно выше слова человеческого. Но поелику ты сотворен по образу Божию: то и в слове твоём должен быть некий образ слова Божия и силы его, если ты не затмеваешь его злоупотреблением слова, если не обезсиливаешь слова невниманием и легкомыслием. Слово поставило человека на лестнице творений выше всего земного, и выше луны и солнца; слово соединило людей в общества, создало города и царства; в слове живет и движется знание, мудрость, закон; словом образуется, поощряется и распространяется добродетель; слово в молитве восходит к Богу, беседует с Ним, и приемлет от Него просимое. Мир видел, что слово подобострастных нам человеков, в союзе с истинною боговедением и правдою веры, и в следствие сего в союзе с Словом и Духом Божиим, владычествовало над природою, исцеляло больных, прогоняло темныя силы, воскрешало мертвых. Видите ли, какое сокровище расточает человек, какой высокий дар повергает и попирает, какую могущественную, животворную и благотворную силу делает бездейственною и мертвою, или напротив злоторною, когда употребляет слово не для истины, правды и благодати, но на празднословие, на срамословие, на ложь, на обман, на клевету, на злоупотребление клятвы, на распространение зломудрия! Не будьте к сему невнимательны или равнодушны, чтущие достоинство словеснаго существа и общества словесных существ; ревнуйте о достоинстве слова; одушевляйте и вооружайте ваше слово истинною и правдою, и, действуя им верно и твердо, не допускайте разлияния *глаголов потопных* (Пс. LI. 6)!

Ложь, неправду, клевету, и сим подобное, по естественному закону, неизгладимо написанному в сердцах, все порицают и презирают, когда оныя обнаруживаются и обличаются: но между тем ложь, неправда, клевета, прикрытая благовидною личиною, не редкость между людьми. Какое странное противоречие человека самому себе, какое унижение самого себя, когда он, что порицает и презирает в других, то допускает в себе; против чего имеет в своей совести непобедимое свидетельство, как против скверны, тем самым теснит и оскверняет свою совесть! Если до такой крайности дойти может человек: то и мнящийся иметь *устне праведны* должен *полагать хранение устом* (Пс. CXL. 3) своим прозорливо и осторожно. Бывают уклонения от правды в начале малоприметныя, но могущия отвести от нея далеко.

Близ пути слова правды особенно приметны два распутия: на десной стороне лествица, на шуйей злоречие. Один говорит: надобно с ближними обращаться приятным для них образом, особенно с высшими, и в следствие сего льстит. Другой говорит: надобно черное называть черным; и под сим предлогом предается злоречию. Ни тот, ни другой не на правом пути: оба на распутиях, которыя не ведут к добру.

Если слушающий льстеца не самолюбив и проницателен: то мечтающий льстивыми словами купить себе благорасположение и счастье, в самом деле покупает только презрение. А если искушаемый лестиею не довольно бдителен и проницателен: то лествица может обаять его, затмить взор его на то, что непременно требует исправления или усовершенания, утвердить его в ложном и вредном направлении.

Злоречие, которым некоторые думают исправлять зло, также не есть верное для сего средство. Зло не исправляется злом, а добром. Как загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязною водою: так описаниями порока, столь же нечистыми и смрадными, как он сам, нельзя очистить людей от порока. Умножение пред глазами народа безобразных изображений порока и преступления уменьшает ужас преступления и отвращение от порока, и порочный, при виде оных, говорит: «не я один; таких много; не очень стыдно». Укажите на темный образ порока, не терзая чувства, и не оскорбляя вкуса чрезмерным обнажением его гнусностей; а с другой стороны изобразите добродетель в ее неподдельной истине, в ее чистом свете, в ее непоколебимой твердости, в ее небесной красоте: тогда можете надеяться, что пленник порока отвратит от него устыженный взор, придет в сознание достоинства добродетели, прострет умоляющие руки к небу, и взыщет избавления от нравственного плена и порабощения.

Христиане! Еще до христианства, при меньшем совершенстве духовного учения в ветхом завете, осуждено и запрещено было неблагородное употребление слова: *удержи язык твой от зла, и устне твои, еже не глаголати лести* (Пс. XXXIII. 14). Христос Спаситель осудил и легкомысленное употребление слова: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный* (Матф. XII. 36). И Апостол заповедует, чтобы мы произносили только непорочные слова и назидательные для слышащих. *Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо, к созиданию веры, да даст благодать слышащим* (Еф. IV. 29). Не почитайте маловажным нарушения сих наставлений. От обилия доброго слова – обилие добрых плодов для нас, для ближних, для общества. От умножения злого слова – умножение злых плодов для нас, для ближних, для общества. *В благословении правых возвысится град, усты же нечестивых раскопается* (Притч. XI. 11).

CDXXXVI.

347. Беседа

в день обретения мощей преподобного Сергия

и Тезоименитства Его Императорского Высочества

Благоверного Государя и Великого Князя

Сергия Александровича.

(Говорена в Троицкой лавре июля 5; напечатана

в Твор. Св. От. 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Матф. XI. 29).

Господь наш Иисус Христос призывает к Себе всех труждающихся и обремененных, и обещает им успокоение. *Обрящете покой душам вашим. Аз упокою вы.*

Кто из нас не нуждается более или менее в покое души? Одни обременены усиленным по необходимости трудом; другие стеснены скудостью; иные огорчены и затруднены встречаемым недоброжелательством и несправедливостью; иные страждут от болезней; иные утруждены внутренним противоборством греху и чувством своей виновности пред Богом; иные сами себя лишают душевного покоя, и потом тщетно ищут его, предаваясь гневу, зависти, ненависти, корыстолюбию, честолюбию, ненасытимой алчности чувственных удовольствий.

К какому бы кто ни принадлежал роду лишенных покоя, всех призывает к Себе милосердый Господь; всем предлагает верное средство достигнуть покоя. Какое средство? – *Научитесь*, говорит, *от Мене*. Сделайтесь учениками Господа Иисуса; принимайте и исполняйте Его учение: *и обрящете покой душам вашим*. Господь присовокупляет, что Он *кроток и смирен сердцем*, частию ободряя и поощряя нас, чтобы мы не усомнились приступить к столь высокому Учителю, частию указуя на смирение, как на один из важных предметов учения, которое от Него должно принять, для обретения покоя душам.

Может быть, скажут: как можно нам прийти ко Христу, и научиться от Него? Это возможно было Апостолам, которые более трех лет были при Нем неотлучно, и слушали Его учение; отчасти это возможно было и народу иудейскому, который часто окружал и сопровождал Его, и оставался при Нем иногда до трех дней непрерывно. Можем ли мы подобным образом приблизиться к Нему, и внимать Ему? – Решаюсь утверждать, что можем. Изследывайте вместе со мною сию возможность.

Когда Христу Спасителю, по воскресении Его, надлежало оставить землю и вознестись на небо: тогда и человеческая предусмотрительность могла ожидать, кольми паче от всеведения Его не скрыто было, что разлучение с Ним Апостолов будет сопровождаться для них не только тяжкою скорбью, но и крайнею опасностью от врагов веры. Блажности Его свойственно было предварительно утешить их, подкрепить, ободрить. Как же Он сие исполнил? – Он сказал: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Матф. XXVIII. 20). Сие обещание не ограничивается одними Апостолами; оно простирается и до нас, и будущих после нас, потому что простирается *до скончания века*. Что, думаете, по сему обещанию даровал Господь ученикам Своим? Неужели одну мысль о Его присутствии? Было ли бы сие достаточно для утешения их, подкрепления, ободрения? – Без сомнения, Он даровал им Свое присутствие в силе и действии; даровал возможность созерцать Его мысленно, сердечно, а при благопотребности и образно, принимать от Него сокровенные внутренния внушения, а при благопотребности и слышать глас Его, утешающий, укрепляющий, наставляющий, как сие особенно ясно открывается в житии Апостола Павла.

В другом изречении Господь соединяет обещание присутствия Своего с условиями, при которых оно возможно. *Имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя, а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим; и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам; – и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Иоан. XIV. 21. 23). Видишь, христианин, ученик Христов, что Господь хочет явиться тебе; что ты можешь иметь Его твоим гостем, даже сообитателем, если только ты будешь исполнять Его заповеди, если возлюбишь Его. Исполни предлагаемое тебе условие: и примешь исполнение обещания Его. Когда ты имеешь гостя: ты можешь беседовать с ним, благорасположенно и благонамеренно вопрошать его, и получать желаемые ответы. Следственно, когда Господь желает быть твоим гостем: то готовит тебе и то, чтобы ты свободно вопрошал Его о пути и средствах твоего мира и спасения, и получал от Него наставление и руководство. С тех пор, как Он

сказал: *приидите ко Мне; – научитесь от Мене; –* Он ожидает, чтобы ты пришел, и поучался от Него.

На сие можете вновь возразить, что непосредственное приближение ко Христу и наставление от Него есть жребий учеников Его совершенных, душ благодатствованных. Не спорю. Скажу однако, что путь к совершенству и для нас не есть неведом; по крайней мере начало его не скрыто от нашей совести, вступление на него не заграждено ничем от нашего сердца и воли, кроме нашего невнимания к собственной душе. Сокровища благодати доступны всякому. *Просите, и дастся вам; ищите, и обряцете; толцыте, и отверзется вам* (Матф. VII. 7). Повторяю: сокровища благодати доступны всякому. *Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему отверзется* (8). В сем уверяет, сие обещает Сам *богатый в милости*, Владыка сокровищ благодати: Он, конечно, верен в Своем уверении; готов Свое обещание, данное *всякому*, исполнить для каждого из нас, только для каждого *просящего, ищущего, толкующего*.

Что нужно тебе, для приближения ко Христу и действительного с Ним общения? – Нужна, по собственному Его изречению, *любовь* к Нему, которая заключается в *соблюдении заповедей* Его. А что нужно для соблюдения заповедей? – Нужна сила отвергнуть свою греховную волю, свои страсти, свои незаконные вожделения, – нужна сила творить благоугодное Богу. Итак *проси* ея прилежною, неотступною молитвою: и, по обещанию Господню, *дастся* тебе. Тебе нужна истина, которая бы верно показала тебе *путь заповедей*, ведущий ко Христу, и охраняла тебя от распутий заблуждения, порока и самопрельщения. Итак *ищи* ее в слове Божиим, в учении и примерных для нас деяниях Святых: и, по обещанию Господню, *обряцешь*. Тебе нужно окамененного земными пристрастиями сердца сокрушение, умягчение, оживление, отвержение, дабы с тобою могло совершиться то, что радостно исповедал о себе Богу один из праведных: *путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое* (Псал. CXVIII. 32). Итак с усилением веры, благоговейными желаниями, смиренными воздыханиями *толцы* в двери милосердия Господня; – смиренным в молитве самоуглублением, призывая имя Господа Иисуса, *толцы* в дверь собственного твоего сердца: и, по обещанию Господню, должно уповать, что по мере твоего тщания о своем очищении, по мере веры и любви твоей, *отверзутся* тебе двери милосердия Господня, и Господь снидет; *отверзется* дверь сердца твоего, и Господь внидет. Тогда можешь не гадательно, а опытно уразуметь, что значит внутренне поучаться от Христа, как удобно и приятно *тещи путем заповедей* Его, когда Он *разширяет сердце* наше, и как верно чрез Него и в Нем *обретается покой душам*.

Но слово изнемогает пред благодатным действием в душах истинно верующих и христоролюбивых, которое, по Апостолу, есть *тайна сокровенная, явленная святым*, иже есть *Христос в вас, упование славы* (Кол. I. 26. 27). Я желал только в труждающихся и обремененных грехами, *от нихже первый есмь аз*, возбудить деятельное желание истинного покоя души, и хотя издали перстом указать на путь к оному.

Господи Иисусе Христе, истинный живот и покой наш! При предстательстве обретшаго в Тебе блаженный покой преподобного отца нашего Сергия, молим Тя, Сам невидимым влечением призови и привлецы нас к покою душ наших, обретаемому в вере и любви к Тебе, в умиротворенной благодатию Твоею совести, в уповании вечного блаженного покоя во царствии Твоем небесном, да славим Тя со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

CDXXXVII.

348. Беседа

в день тезоименитства Благочестивейших
Государыни Императрицы Марии Александровны.

(Говорена в Успенском соборе июля 22;

напечатана в Твор. Св. От. 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

В жизни святых Марии Магдалины, которой памятию ознаменован нынешний день, есть необыкновенно светлая черта. В утро воскресения Христова она сподобилась видеть Господа воскресшаго, первая из учеников и учениц Его, и первая сделалась проповедницею для них воскресения Его, по непосредственному Его повелению. *Воскрес Иисус заутра в первую субботу, явися прежде Марии Магдалины* (Мар. XVI. 9). – *Иди ко братии Моей, и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Иоан. XX. 17).

В сие время Мария в высшей степени достойна была даннаго ей в последствии времени Церковию наименования равноапостольной. Апостолы проповедали воскресение Христово миру; были Апостолами для мира: Магдалина проповедала воскресение Христово Апостолам: была Апостолом для Апостолов.

Когда видим человека, который достиг необыкновенного успеха в делах, высокого благополучия в жизни: тогда не будет бесполезным любопытством старание узнать путь, которым сие достигнуто. Не всякому дается достигнуть необыкновенного: по крайней мере путь, которым достигнуто совершенство равноапостольное, конечно способен вести к обыкновенному совершенству христианскому.

Как же достигла Мария первенства в видении Господа воскресшаго и в проповедании воскресения Его?

Бог есть *Бог правды* и порядка. Есть закон восхождения и приближения человека к Богу; есть закон снисхождения Бога к человеку, и благодатных явлений Христа Господа верующим в Него. Мы знаем сей закон, изшедший из уст Самого Христа Спасителя пред самым отшествием Его на страдание и крестную смерть, как бы для предварения учеников Его, что сообразно с сим законом последует явление Его по воскресении Его: *имея заповеди Моя и соблюдая их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Иоан. XIV. 21). Из сего закона следует, что кто преимущественно успевает и возвышается в деятельной любви ко Христу; тот преимущественно приближается к Нему, и делается преимущественно способным к созерцанию Его, и к принятию от Него благодатных откровений. Из сего должно заключать и собственно о равноапостольной Марии, что ея преимущественно возвышенная и деятельная любовь ко Христу Спасителю доставила ей преимущество, первой узреть Его по воскресении Его, и быть провозвестницею воскресения Его другим.

В самом деле, какая сила действовала в том, что когда страх от врагов Христовых, самих Апостолов, почти всех, заставил скрыться, тогда Мария Магдалина, препобеждая немощь своего пола, презирая опасность, предстояла распятому Господу до кончины Его, сопровождала пренесение тела Его от креста ко гробу, присутствовала при совершении погребения Его, потом в первые часы после субботняго дня, *еще сущей тме* (Иоан. XX. 1), поспешила на гроб, не обретши же тела Его, и возвестив о том Апостолам Петру и

Иоанну, вновь устремилась ко гробу Господа, и, неуразумев еще воскресения Его, со слезами искала бездыханного тела Его? Какая сила могла все сие произвести, если не *крепкая, яко смерть, любви* (Песн. VIII. 6)? Ея крепкий подвиг на смертном поприще Господнем и награжден праведно ускоренным живоносным лицезрением Господа воскресшаго.

Любознательные могут заметить, что Апостолы Петр и Иоанн, так же, как и Мария, возлюбившие Господа крепкою любовью, были у гроба Его в одно время с Нею: почему же не всем трем, а по удалении двух, одной Марии Он явился? Что на сие скажем? – не дано нам испытывать всякую тайну душ верующих, и Божией благодати, действующей в них очистительно, испытательно, уготовительно и наконец совершительно. Однако, если будем внимательны, можем и в Петре и Иоанне усмотреть действие, в различных степенях, того же закона любви, которым определился жребий Марии. Можно думать, что любовь Петра была в сие время, хотя не в изнеможении, но в некоем невольном затмении тяжким сознанием трикратного отречения от Христа. Любовь Иоанна, которая только на минуту не была *крепкою, яко смерть*, во время бегства от Христа из Гефсиманского сада, но вскоре воспрянула, и неуклонно влекла его во след за страждущим Спасителем, не была стеснена в душе его; и свободнее нежели Петра, вела его ко гробу Господню: *другий ученик тече скорее Петра* (Иоан. XX. 4). Сим различным состояниям любви соответствовали различные последствия. Петр *вниде во гроб* Господень; но еще не нашел в нем света воскресения, и вынес из него только удивление: *отъиде, в себе дивяся бывшему* (Лук. XXIV. 12). Иоанн также вошел во гроб, и обрел хотя не видимый, но действительный внутренний свет веры в воскресение Христово. *Вниде и другой ученик, и виде, и верова* (Иоан. XX. 8). Для Петра же нужно было, чтобы слово Марии: *яко виде Господа* воскресшаго, светлое сколько по своему предмету, столько же по решительной достоверности, разгнало мглу души его, и приготовило его незатменным светом веры и любви принять свет Божественного явления. И действительно после сего в тот же день воскресший *Господь явился Симону* (Лук. XXIV. 34).

Таким образом все примеры, теперь рассмотренные, свидетельствуют об одной общей истине, что по мере непорочности, чистоты, мира души, человек приближается к Богу; что по мере деятельной любви ко Христу человек делается способным к благодатному с Ним общению, к созерцанию Его внутреннему, а при благопотребности и к принятию особенных Его явлений и откровений.

Посему и учит, братия христиане, всех нас святой Апостол Павел: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. XII. 14). Сим изречением, во первых дает он разуметь, что *узреть Господа*, есть жребий, всем нам уготованный, которого мы всемерно должны стараться достигнуть, и которого недостигнуть было бы величайшее несчастье, какое может нам угрожать; во вторых, показывает и средства достигнуть сего вожделенного и блаженного жребия, которых суть: *мир со всеми и святыня*. Это есть тоже учение, которое мы видели в изречении Христа Спасителя. Путь к *святыне* есть *соблюдение заповедей* Христовых; *матерь мира* есть *любовь*.

Не спросите ли: как насадить и возрастить в себе такую чистоту и возвышенную любовь ко Христу Господу, чтобы она могла достигнуть благодатного с ним общения? Для ответа на сие, вновь обращаюсь к примеру равноапостольныя Марии. Страдание от темных сил учило ее терпению и обращению от бессильной помощи человеческой ко всесильной помощи Христовой. Полученное от Христа исцеление родило в ней благодарность и любовь к Нему. Благодарность и любовь побудили ее оставить все, следовать за Ним, и посвятить себя на служение Ему, чем могла, *от имений своих*. Такое отречение от всего, такая из благодарности и любви благотворительная деятельность возрастили и укрепили

любовь ея к Господу так, что ни Голгофское землетрясение не могло поколебать ея, ни мрак солнечного зетмения, и еще более глубокий мрак после угасшаго на кресте Солнца правды, не могли затмить оной.

Примечайте и учитесь. Пользуйтесь скорбными случаями, чтобы упражнять себя в терпении, чтобы со смирением и верою прибегать к помощи Божией. Часто помышляйте о благодеяниях Господа, чтобы питать в сердце благодарность и любовь к Нему. Пренебрегайте суету и прелесть мира, отвергайте пристрастие к земному, чтобы душа легче могла устремляться к небесному. С искренним усердием служите Богу и Христу делами благочестия и ближнему делами милосердия: в такой деятельности дух святая любви – растет, укрепляется, возвышается, подобно семени на ниве земледельца, прозябающему и растущему, якоже не весть он, и достигает действенного благодатного общения с Духом Господним.

С радостию воспоминаю, что сказанного мною в сии минуты мы можем видеть живой образ в деяниях Благочестивейшаго Самодержца нашего и тезоименитя ныне Благочестивейшия Супруги Его. Великолепно довершает Он, недовершенный четырьмя предшественниками Его священный памятник в новой столице, и величественно торжествует освящение храма преподобнаго Исаакия. Он от дел царственных, и Она от занятий семейственных, находят время посещать отечественную святыню в неблизких от столицы местах. Творя безчисленные милости меньшей и наименьшей братии Христовой в Своем царстве, Они простирают христиански благотворящую руку к святым местам земнаго жития и страдания Христова, и к разнонародным единоверцам, за пределами отечества нашего бедствующим в стеснении от жестокаго лжеверия. И Они, – венценосные Александр и Мария духом веры и любви предстоят живоносному гробу Твоему, распныйся, и погребыйся и воскресый нас ради, Господи! Призри на Них благодатию Твоею; явися Им щедротами Твоими; благоволи, да благо и мир царства Их смиренно послужит благу и миру Твоего духовнаго царствия. Аминь.

CDXXXVIII.

349. Речь

Благочестивейшей Государыне

Императрице Марии Александровне, пред

вступлением в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.

(Говорена августа 12 дня; напечатана в

Твор. Св. От., в Моск. Вedom. 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

Благочестивейшая Государыня!

Многokратно уже сретая Тебя с радостию, обитель Преподобнаго Сергия имеет ныне новое приращение сей радости в том воспоминании, что любви Ваших Императорских Величеств к Преподобному Сергию благоугодно было вступить с ним в новый духовный союз, чрез восприятие благословеннаго имени его для Вашего Благовернаго Сына.

Тем паче веруем и уповаем, что Ваша молитва, в общении с его небошественною молитвою, достигнет пренебеснаго престола благодати, и низведет новыя благословения Пресвятыя Троицы на Вас и на Ваше благословенное Семейство.

CDXXXIX.

350. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору
Александру Николаевичу, пред вступлением
в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.**

(Говорена августа 13-го дня; напечатана в

Твор. Св. От., в Моск. Вед. 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

Благочестивейший Государь!

С верою помышляем теперь, что Преподобный отец наш Сергей, как духовно приснаго, приемлет Тебя, в следствие того, что Вашим Императорским Величеством благоугодно было водворить в Ваше Семейство благословенное имя его, в лице Вашего Благовернаго Сына.

А смиренная обитель сия, которая всегда зрит в Тебе всеобщаго и своего Благодетеля, и которая недавно вновь удостоена щедрот Твоих, имеет ныне новое утешение благоговейно преклониться пред Тобою, как пред своим на веки Благодетелем, своею на веки должною благодарностию.

Смеем думать, что не мы только, но и Преподобный Сергей с благодарностию принял Твой Царский дар: поелику сей дар не только потребности обители Его удовлетворяет, но и способствует исполнению завещания Его, чтобы Обитель принимала странных, и нуждающимся посильно подавала благопотребную помощь.

Небесный Отец щедрот да продолжит ущедрять Своими небесными и земными дарами Тебя и Твое благословенное Семейство и царство.

CDXL.

351. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору Александру
Николаевичу, пред вступлением Его Императорскаго Величества,
с Государынею Императрицею Мариею Александровною,
в Большой Успенский Собор.**

(Говорена августа 26-го; напечатана в Твор. Св. От.,

в Моск. Вед. 1858 г. и в собран. 1861 г.)

<1858 год>

Благочестивейший Государь!

За два лета пред сим с радостию видели мы Тебя в сей день в Твоей Царской славе: с радостию и ныне видим Тебя среди Твоей Царской деятельности.

Отвне – продолжаешь охранять мир; и в особенности обновляешь мир на дальнем востоке; открываешь мирный путь истине Христовой к *людям, сидящим во тме язычества*; поставляешь новый, твердый, широкий предел Твоего Царства на берегах и на водах Амура, и, к удивлению, чего другия державы домогались оружием, того, предваряя их, достигает Твое мирное слово. Внутри – подвигаешься о возвышении благоустройства и благоденствия Твоего Царства.

Что значат сии путешествия Твои по областям Твоего Царства, простертыя и до глубокого Севера? – Разумеваем, что Ты желаешь знать Твое Царство не только по сведениям, восходящим к Твоему Престолу, но и по непосредственным личным наблюдениям, и в сем усматриваем действующую ту Царственную истину, что, дабы благонадежно управлять, нужно точно знать управляемое.

Благочестивейший Государь! Твои подвиги – наши надежды. Ты многотрудно сеешь, чтобы мы могли собирать вожделенные плоды. Но все – под Провидением Божиим; и все благое – по благословию Божию. Посему Ты молишься: и молился с Тобою Россия, да *Господь Сил волею Своею подаст доброте Твоей силу* (Псал. XXIX. 8), и Твоим благонамерениям верное исполнение; и да соделает нас, посредством Христианских и верноподданнических добродетелей, достойными истинного благоденствия.

CDXLI.

352. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Александру Николаевичу по случаю закладки

в Московском Знаменском монастыре

Романовских палат.

(Говорена августа 31-го дня; напечатана в

Твор. Св. От., в Моск. Вед. 1858 г. и в собран. 1861 г.)

Благочестивейший Государь!

Не могу в сии минуты оставаться безмолвным: но не мое, а Твое будет слово, которое скажу. Ты ныне делом преподаешь нам учение заповеди Господней: *чти отца твоего* (Исх. XX. 12).

И мы имели предание, что на сей земле от благословенного *корене изшел жезл*, который потом возрас в великое древо, осеняющее ныне Россию. И некогда случилось возникавшую мысль о закрытии Знаменской Обители, отклонять напоминанием, что это есть создание Твоих приснопамятных прародителей. Но только Твоей к ним любви дано было, самое жилище их, временем и неведением закрытое открыть, и, так сказать, колыбель рода Твоего найти, и найденную уже не допустить до забвения, но в достойном ея благолепии для потомства сохранить.

При сем с благоговением воспоминаем, что именно тогда, когда мы радовались, видя Тебя в славе Твоего Царского венца, Ты строгою и благоговейною пред Провидением Божиим мыслию восходил к началу сей славы, почтительно помышлял о Твоих благочестивых прародителях, и там в обители Спасовой повелел охранить и обновить памятники почивших предков Твоих, а здесь украсить колыбель Твоего державного Рода.

Да сохранят веки то, что похитили было веки, — да сохранят памятник Михаила, долженствующий отныне быть вместе памятником Александра Второго.

CDXLII.

353. Беседа

по освящении храма Нерукотворенного

Образа Господня, в Спасо-Влахернском общежитии.

(Говорена сентяб. 21-го; напечатана

в Твор. Св. Отц. 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

В церквах благословите Бога, Господа от источник Израилевых (Пс. LXVII. 27). Так учит и заповедует пророческое слово.

Ныне особенно благовременно нам с радостию исполнить сию заповедь. Благословим в сей церкви Бога Господа, почерпая благословение *из источников Израилевых*, — из того же пророческого слова.

Дивен Бог во Святых Своих (ст. 36), то есть, во всех освящаемых, и во всем, освящаемом благодатию Его. *Благословен Бог*, благоволивый явить здесь ныне новый храм святыни Своея! *Благословен Господь день дне, поспешивый нам Бог спасений наших* (ст. 20), сподобивый нас быть участниками сего благодатного торжества!

Вслушались ли вы в предварительное возглашение, произнесенное пред входом в освящаемый храм, почерпнутое также *от источник Израилевых*, — из божественных Писаний: *возмите врата князи ваша, — и внидет Царь славы* (Псал. XXIII. 7)? Помышляете ли, веруете ли, что сие предвозвещение действительно исполнилось? И как сему не веровать? Если святые богомудрые отцы наши, основатели наших тайнодейственных учреждений, взяли пророчество и поставили оное на все времена во врата всякаго освящаемого храма: то конечно были уверены, что оно всегда будет так же истинно здесь, как было истинно в устах Пророка; конечно веровали, что благодать Божия с сим священным словом всегда соединять будет Божественное действие. И кто дерзнет

усомниться в силе и действии того, что вера и мудрость духоносных отцев учредила для утверждения *Церкви*, по обетованию Господню, и *вратами ада* *неодолимой* (Матф. XVI. 18)?

Итак действительно *вниде* во храм сей *Царь славы, Господь сил*, Иисус Христос: и поелику храму освящение предуставлено не преходящее, а пребывающее, то Господь не только вниде в него, но и вселися. Таким образом и сему храму принадлежит то, что Господь обещал некогда древнему храму избранного народа: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3).

Помыслим, братия, внимательно, где мы теперь, и что здесь над нами и с нами. Здесь присутствие Господа Иисуса Христа, Сына Божия, – невидимое присутствие Божества Его, и даже видимое присутствие Божественного Тела Его; и поелику Пресвятая Троица неразделима и не разлучна, то здесь и Бога Отца благословение, и Святаго Духа осенение, и в следствие сего Ангелов служение, стражей святыни храма, хранителей и назирателей входящих в него. Очи Господни отверзты, чтобы видеть наше благоговение: не скрыто же от них и наше неблагоговение. Сердце Господа Его любовью и милосердием отверзто для нашей веры, любви, молитвы.

Благо тем из нас, которые принесли во храм благоговейную и смиренную мысль, и сердце чистое, открытое к небу верою и любовью. От сердца Господа в них изливается здесь благодать, и мир, и свет, по благопотребности, озаряющий, или сокровенно исполняющий и питающий души их, так что они являются, по слову единого от святых, *облеченными оружием света* (Римл. XIII. 12), отражающими приражающуюся тьму, зло и нечистоту.

Но сих даров, очевидно, не могут быть причастниками те, которые входят во храм без благоговения, пребывают в нем без внимания, которые приносят в него суетные мысли, нечистые желания, отягченную греховными делами совесть, вражду против ближних, и не приносят сердечного о грехах сокрушения и покаяния. Горе нам, если мы таковы! Господь видит нас: и пречистые очи Его отвращаются, и сердце Его закрывается. Он хотел, и еще хочет, быть для нас щедрым Подателем даров: но соответственно тому, что мы представляем Ему в себе, Ему подобает явиться для нас грозным Судиею. Устрашимся суда Его; устыдимся милосердия Его: и если не приносим здесь пред Него добродетелей, угодных Ему; да не косним приносить Ему по крайней мере искреннее покаяние, которого Он не отвергает, и о котором радость бывает не только здесь, но и на небесах.

Благоговению нашему в сем именно храме споспешествовать могут и некоторые особенности, собственно ему принадлежащая.

Какою древностию, какими достопамятностями ознаменованны хранит он в немалом числе святые иконы! Восходя к началу их существования, мы встречаемся с назидательною мыслию о древних художниках, которые, трудясь над оными с постом, молитвою и священными песнопениями, своею чистотою и благоговением приготавливали оные к благодатному освящению. Разсматривая судьбу сих икон, поколику она известна, в продолжении существования их, видим благочестие царственных и вельможных лиц, которые приносили пред оными молитвы, – которые возлагали на них украшения, благознаменательные, если просто по усердию, и еще более достопамятные, если в благодарность за полученные по молитве пред ними благодеяния Провидения Божия, – которые для присных и приближенных самым возжеланным даром почитали святую икону.

Какой собор святых увидели бы мы здесь, если бы могли видеть Святых, присущих сему храму, посредством частей святых мощей их, здесь сохраняемых!

Похвалим святолюбие, с необыкновенным тщанием собравшее здесь столько неоценимых святых сокровищ. Похвалим и то благоговейное разсуждение, которое признало, что для достойного хранения толикой святыни, надобно окружить оную сонмом также святолюбивых душ, по особенному призванию посвятивших себя благоговейной, целомудренной и молитвенной жизни.

Наконец до вас доходит слово, сестры благочестиваго общежития! С радостным благоговением должны вы пользоваться святынею, пребывающею среди вас. Помышляйте и памятуйте всегда, чего она от вас требует, и что вам дарует. Она требует от вас, чтобы вы достойно ея жительствоваали; и с тем вместе дарует вам близкую благодатную помощь, для подвигов духовнаго жительства. С верою пользуйтесь даруемою помощию, дабы усердно и без пренебрежения исполнять требуемое от вас. Храните послушание, мир, единодушие, смирение, терпение. Да, и терпение: потому что горькое, посылаемое от руки небеснаго Врача, более благоприятно здравью душевному, нежели сладкое, предлагаемое миром. Молитесь за уготовавших вам сие тихое пристанище от бурь и треволнений суетнаго мира.

Господь дает по сердцу (Псал. XIX. 5). Устройте сердца ваши, елико можно, в обитель Ему, дабы устройство и сей видимой обители достигло совершення, котораго вы желаете, котораго и мы вам желаем, да будет и пребудет на вас и на обители сей благословение Отца и Сына и Святаго Духа, предстательством Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы. Аминь.

CDXLIII.

354. Речь

к новопосвященному Епископу

Дмитровскому, Порфирию.

(Говорена в Чуд. Мон. ноября 21; напечатана

в Твор. Св. От., 1858 г. и в собр. 1861 г.)

<1858 год>

Святый Апостол Павел, святым Тимофею и Титу преподав тайнодейственным епископским рукоположением благодать Всесвятаго Духа просвещающую и умудряющую, тем не менее нашел нужным учить их епископскому действию чрез свои послания. Святая Церковь, всегда верная своим законам, повелела и нам от тайнодейственнаго рукоположения на поприще епископскаго действия напутствовать тебя словом назидания.

Исполняя сие повеление, указуем тебе на те самыя, уже не неизвестныя тебе, наставления, которыя преподавал святой Павел святым Тимофею и Титу. Ты, конечно, не станешь искать против сего возражения в том, что это были мужи апостольские. Епископство тоже и ныне, которое началось от сошествия Святаго Духа и апостольскаго рукоположения. Если мы далеки от мужей апостольских: то это по нашей вине. Не время удаляет нас от них, но

недостаток ревности подражать им. Нам должно взирать на их образ, как на путеуказательный светильник, и наипаче, когда день веры усиливаются затмить лжемудрие страсти, преобладающая суета и чувственность.

В особенности благовременно теперь вспомнить апостольское правило: *без своего старейшего ничтоже да творят епископы, но токмо во своем пределе кийждо; и старейший же без оных ничтоже творит, полезного ради всем соединения* (Апост. правил. XXXIV). Как прекрасно устроение Церкви, которой единство священноначальственное святыя Апостолы оградил сим правилом, и которая, употребляя оное в предостережение некоторых, без сомнения, вообще соблюдала оное! Оно показывает в епископах одну душу; и тем очевиднее являет Церковь единым телом.

У нас не многие из епископов необходимо поставлены в совещательныя сношения с старейшими: не знаю, многие ли расположены входить в такие сношения добровольно, по наставлению синодального устава (Дух. Регл. о еписк. ст. IV). Но понятно само собою, что при недостатке епископских общений, опытность одних не может приносить плодов, которые могла бы принести посредством подаваемых советов, и неопытность других может иногда приносить незрелые плоды незрело обдуманного действия.

В церковном действовании твердо и благонадежно только то, чему в основании положено слово Божие, правила церковныя, учение и пример Святых. Но и крепкий камень, не всякая рука, и не всегда одна рука, может хорошо положить в дело. Советую тебе, как себе, не опираться самонадеянно на свое мудрование, а любить искренний братский совет соепископов. *Спасение есть во мнозе совете, учит Премудрый* (Притч. XI. 14).

Приими жезл начальства не с мыслию о важности начальствующаго, но с мыслию, что силы наши недостаточны для нашего служения, и что мы имеем нужду в опоре, подаваемой свыше.

CDXLIV.

355. Беседа

в день Тезоименитства Благовернаго

Государя Наследника Цесаревича Великаго Князя

Николая Александровича.

<1858 год>

*В елико время наследник млад есть,
под повелители и приставники есть,
даже до нарока отча* (Гал. IV. 1. 2).

Сие апостольское изображение воспитываемаго наследника привел мне на память Высокий великаго Престола Наследник, котораго имя в нынешний день особенно возбуждает молитвенныя чувствования в миллионах православнаго народа. Под бдительным попечением Благочестивейших Венчаных Родителей, Он проходит теперь поприще приготовления к подъятию Царственных подвигов, которые предназначает Ему право рождения и Божественный и царственный закон. Да утвердит и совершит в нем

надежды отечества *Вышний, владеющий царством человеческим!* Мудро воспитанный наследник престола есть сокровище, соблюдаемое для грядущих родов царства.

Но что, если мудро воспитанный наследник царства, вступая в царскую деятельность, встретит окрест себя род, воспитанный не мудро и небрежно? Может ли он поддержать, или устроить благоденствие царства и народа также удобно, как если бы окружен был людьми, воспитанными тщательно и разумно? – Конечно нет. И так народ должен благодарить царя, который упрочивает его благоденствие мудрым воспитанием своего наследника: и с тем вместе должен споспешествовать благонамерению царя и своему будущему благоденствию тем, чтобы каждый отец семейства воспитывал своих детей тщательно и разумно, сообразно с своим состоянием и с их способностями.

В нынешния времена о предметах, правилах и способах воспитания так много разсуждают, пишут, спорят, что это едва ли не уменьшает доверия воспитателям от воспитываемых, которые слышат их, препирающихся между собою, и видят руководительныя книги, не давно одобренные, вскоре осуждаемыя другими новыми. – Может быть, это и неизбежно, по причине умножившихся и разнообразившихся требований жизни общественной и частной, которым воспитание должно удовлетворять. Притом гласность некоторые почитают всеобщим врачевством против общественных зол, хотя иногда она бывает и источником общественных болезней, если слишком неудержимо расширяет уста свои не только для правды, но и для неправды. Впрочем мне заповедано *не словопретися* (2 Тим. II. 14). Мой долг указать, поколику возможно, родителям и воспитателям на то, что бесспорно истинно, и для всех их доступно и полезно, и на руководительную книгу, которой не оттесняла бы от них никакая другая.

Библия не дала ли доброго воспитания народу Божию ветхозаветному? Не дала ли еще более совершенного воспитания народу Божию новозаветному? Премудро устроая воспитание будущих граждан царствия небеснаго, не имела она недостатка в мудрости, чтобы преподавать верныя правила для образования доброго гражданина царства земнаго, и имела нужду преподавать оныя; потому что худой гражданин царства земнаго и для небеснаго царства не годен.

И так стоит труда поискать в Библии учения о воспитании.

Древнейшее о сем учение можно найти в слове Господа к Аврааму: *Авраам бывая будет в язык велик и мног, и благословятся о нем вси языцы земнии; вем бо, яко заповесть сыном своим и роду своему по себе, и сохранят пути Господни творити правду и суд* (Быт. XVIII. 18. 19). Здесь, впервых, в образе похвалы воспитанию, какое даст Авраам своим детям, преподается главное правило воспитания: *заповедай сынам своим сохранять пути Господни, творить правду и суд*, или, – чтобы тоже сказать по нынешнему, – давай детям воспитание благочестивое и нравственное, сообразно с законом Божиим. Вторых, здесь показываются и благотворныя последствия такого воспитания: *Авраам будет в язык велик и мног*; – отец семейства, дающий детям своим воспитание благочестивое и нравственное, может надеяться от себя потомства многочисленнаго, уважаемаго и благополучнаго. Не трудно понять, что не может того же ожидать нерадящий о таком воспитании, а угрожает ему противное.

Далее, прямо высказанныя правила воспитания находим в ветхозаветных книгах, по преимуществу, учительных, в книге притчей Соломоновых и в книге Иисуса сына Сирахова.

Соломон учит: *наказуй сына твоего, тако бо будет благонадежен; в досаждение же не вземлися душею твоею* (Прит. XIX. 18). *Наказуй*, значит: учи; давай полезные наставления; но также и собственно: наказывай за проступки. Но Премудрый поставляет предел суровости наставления и строгости наказания: не действуй с досадою и раздражением, и не возбуждай досады и раздражения. Раздраженный наставник не наставляет, а раздражает. Шумом раздражения заглушается голос истины. Наставляй добродушно; обличай кротко и мирно; наказывай умеренно и с сожалением.

Соломон побуждает к такому действию, обещая от него добрые плоды. *Наказуй сына и возлюбит тя; и даст лепоту твоей души; не послушает языка законопреступна* (Прит. XXVIII. 17).

Учение Сына Сирахова более строго. *Суть ли ти чада, накажи я, и преклони от юности выю их* (Сир. VII. 25). *Накажи сына твоего, и делай им, да не в безстудии его поткнешися* (XXX. 13). В особенности с горьким словом обращается он к тем родителям, которые любят забавлять своих детей, и забавляться ими, а не учить их, дают им излишнюю свободу, и легкомысленно смотрят на порывы их легкомыслия: *ласкай чадо, и устранишь тя, играй с ним, и опечалит тя* (Сир. XXX. 9).

Наконец, Евангелие, которое вообще, вместо духа страха пред законом, господствовавшего в ветхом завете, распространяет дух любви и свободы, и в правилах воспитания смягчает древнюю строгость. Св. Апостол Павел пишет: *отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни* (Еф. VI. 4). И в другом послании: *отцы, не раздражайте чад ваших, да не унывают* (Кол. III. 21).

Таково учение священных книг о воспитании. Оно просто и не многосложно: потому что назначено не только для мудрых, но и для простых. Впрочем и мудрые не унижат себя, если окажут внимание учеников сим простым урокам: потому что их преподали люди, водимые Духом Божиим. Самое простое воспитание по правилам истинного благочестия и чистой нравственности может образовать доброго гражданина царству земному, способного и к небесному гражданству; воспитание же любомудрое безспорно может сделать более, и совершеннее приспособить воспитываемого к достижению разных общепользных целей. Но без сих правил, самое ученое воспитание есть построение благовидного здания без прочного основания. По сим правилам просто воспитан был отрок Давид, чтобы пасти овец: но в нем открылся муж, способный пасти народ Божий, победоносный воин, царь, Пророк. По сим правилам, вероятно, уже более учительно, воспитан сын царев Соломон, и явился царем премудрым, царем Пророком, царем необыкновенно счастливым.

Из того, что в ветхозаветном учении о воспитании видно более строгости, а в евангельском более свободолюбивой кротости, естественно рождается вопрос: должно ли следовать исключительно последнему, и со всем отложить первое?

Чтобы разрешить сей вопрос, обращаюсь к изречению св. Апостола Павла, которым начал слово. *В елико время наследник млад есть, ничимже лучший есть раба, но под повелители и приставники есть*. Видите, он говорит о строгом воспитании, как не предосудительном, обыкновенном и должном. Это тем более примечательно, что он строгое воспитание представляет образом того, как Бог воспитывает человечество. Сие видно из непосредственно следующих слов: *и мы, егда бехом млади, под стихиями бехом мира порабощени*. Ветхий завет есть детство человечества, и его начальное воспитание под рабским страхом закона. Христианство есть высший возраст человечества, и его совершительное под благодатию воспитание; здесь, соответственно возвысившемуся

познанию и силе духа, ему вверяется духовная свобода; и тогда человек внутренне уже не раб, но сын и наследник Божий Иисус – Христом. И так поелику Апостол в воспитании человечества Богом, и в воспитании каждого человека родителями и наставниками признает одинаковый порядок: то ясно, что и из христианского кроткого воспитания, он не совсем исключает древнюю строгость, дабы свобода вверяема была воспитываемому, по мере приобретения им умения пользоваться ею.

Все ли равно, давать обширную свободу умеющему ее употреблять, или неумеющему, зрелому в разуме, или незрелому? – Очевидно не все равно. Следственно по мере возраста и образования должно давать свободу детям.

Которое из двух направлений правильное приятнее, и удовлетворительнее для человека, поступление от расширения свободы к ее ограничению, или напротив от ее ограничения к расширению? – Очевидно последнее. Итак надобно вести детей от ограничения свободы к расширению ее. Иначе сделавшийся слишком свободным слишком рано, куда направится далее с своим желанием поступления вперед и возрастающего удовлетворения? Не будет ли он в искушении поколебать справедливые пределы разумной и законной свободы?

Провидением Божиим призванные быть родителями, воспитателями и наставниками детей да не пренебрегут сих напоминаний; да помышляют о них благовременно и предусмотрительно: и наипаче, чтобы основанием и душою воспитания было благочестие, да пекутся о сем с искренним усердием ради детей, ради себя, ради отечества, ради потомства. *В чадах своих познан будет муж* (Сир. XI. 28). Аминь.

CDXLV.

356. Беседа

по освящении храма святого

Александра Невского, при Покровской

Богадельне Московского мещанского Общества.

(Говорена декаб. 8-го; напечатана в

Твор. Св. От. 1859 г. и в собрании 1861 г.)

<1858 год>

Пророки Аггей и Захария имели особенное от Бога назначение, чтобы побуждать Иудеев к созиданию храма в Иерусалиме, после возвращения их из плена вавилонского.

Дело сие было начато: но враги веры и народа иудейского препятствовали оному. Иудеи остановились в унынии, которое потом перешло в охлаждение, извиняющее себя мыслию, что время еще не благоприятствует делу. В сие время явился Пророк Аггей, и побуждал приняться за созидание храма: *созиждите храм, и благоволю в нем, и прославлюся, рече Господь* (Агг. I. 8). В след за ним явился Захария; и к тому же поощрял удостоверением о благоволении Божиим и надеждою успеха: *сице глаголет Господь: обращаю ко Иерусалиму щедротами, и храм Мой созиждется в нем* (Зах. I. 16). В следствие сего храм создан: и благоденствие Иерусалима возвысилось.

Мы здесь не в Иерусалиме. Не для града и народа создан сей храм. Ни кто не препятствовал его созиданию, и никто не понуждал к сему; и никогда к подобному делу не требует понуждения сей град, издревле донныне любитель храмов Божиих. Добрая воля, благочестивое усердие, человеколюбие общества граждан создали сей храм, в соединении с сим домом, для того, чтобы *Лазарь* убогий, истощенный в силах, беспомощный, не *лежал у ворот богатаго*, или в полуразрушенной хижине другого, почти также беспомощнаго; чтобы здесь общественно исполняемо было то, что призывается к благословию на суде Христовом, – призрение странных, немощных, беспомощных, питание алчущих, одяние нагих. Но сего не довольно; человеколюбие христианское возжелало еще, чтобы призреваемые здесь пользовались не только покойным для них жилищем, но и домом Божиим, чтобы им близко было находить духовную пищу и духовное врачество душевных болезней в священнослужении и таинствах святого храма. И сие желание ныне исполняется. Благословен Бог! Благословенно христианское человеколюбие!

После сего можете спросить: для чего же напомнил я здесь обстоятельства иерусалимского храмоздательства? – Ответствую: для того, что из сих обстоятельств можно почерпнуть мысли, утешительныя для храмоздателей, и полезныя для всех посетителей храма.

В Иерусалиме видим, что когда люди не оказывали усердия к созиданию храма Богу, тогда Сам Бог послал Своих чрезвычайных посланников, чтобы побудить к сему. Из сего можно усмотреть, как желает Бог, чтобы создан был храм имени Его. А сие подает создателям храма Божия радостную мысль, что, созидая и украшая храм, они исполняют то, чего особенно желает Бог. И если счастливы были те, которые успешно потрудились в созидании храма, быв действительно побуждены к тому Божиими посланниками: менее ли счастливы те, которые приемлют участие в храмоздательстве, не быв никем понуждаемы, по чистому свободному усердию к Богу, и по любви к святыне Его?

Не для храмоздателей только, но и для всех верующих в Бога, и желающих спасения души, глубокого внимания достойно то, что Бог Сам желает и требует Себе храма.

Первый на земле храм истинного Бога, у Израильтян, по исходе их из Египта, при горе Синае, подвижный соответственно тогдашнему их странствованию, был устроен и освящен единственно по повелению Божию, и по непосредственному предначертанию Божию, без предварительного желания человеческого.

После того, чрез несколько веков, когда царь Давид пожелал, вместо подвижного храма, создать неподвижный, Господь Бог и сие храмоздательство принял в Свое особенное смотрение; и устранив от онаго Давида, как пролившаго много крови в бранях, предоставил оное сыну его, мирно царствовавшему Соломону.

Попущено было сему первому в Иерусалиме храму, за грехи народа, быть разрушену Вавилонянами: но еще прежде, нежели над ним совершился сей суд, правосудный и вместе милосердый Господь предопределил, и чрез Исаию Пророка предвозвестил создание второго иерусалимского храма; и для начатия сего дела избрал царя Кира, еще неродившагося.

И далее, когда созидание второго иерусалимского храма, начатое под покровительством Кира, остановлено было при преемниках его; Господь вновь принял сие дело в Свои руки, и Своим *рвением великим* (Зах. I. 14) совершил оное, послав облеченных Божественною Его силою побудителей, Пророков Аггея и Захарию.

Наконец и второй храм иерусалимский окончательно разрушен Римлянами, по правосудию Божию, за безпримерно тяжкий грех Иудеев, – за *убиение начальника жизни* (Деян. III. 15), Господа нашего Иисуса Христа, – и вместе, по премудрой судьбе Божией, чтобы ветхозаветное богослужение уступило место совершеннейшему, новозаветному, христианскому. И в сие время, когда с распространением христианства по всей вселенной, надлежало распространить и храмы христианские по всей вселенной, паки Сам Бог явился творцем святых храмов: ибо воплощенный едиnorodный Сын Божий по вознесении Своём на небо, *облече Своя ученики и Апостолы силою свыше, яже есть Дух Святый*; и они по действию в них Святаго Духа, *быша сильнии делом и словом, крещение предаша сыноположения, церкви воздвигоша, утвердиша жертвенники, священства положиша правила и законы*, которых и мы держим предание (Молит. в освящ. храм.).

И о первенствующем храме сего царствующаго града не Бог ли сказал Великому Князю устами Святителя Петра почти тоже, что некогда Иерусалиму устами Захарии: *созижди храм Богоматери, и обращаю к Москве щедротами?* – И вот, пять веков свидетельствуют, что то было верное слово Божие, в устах угодника Божия.

Усматривая таковыя издревле судьбы Божии над храмами Божиими, что должны мы помыслить, братия? – Каждый основательно размышляющий найдет в оных следующие поучительныя истины:

1. Храм истиннаго Бога с Его святынею, чиноположениями и таинствами, есть не человеческое изобретение, а собственное Божие устройство.
2. Устройство храма Божия и в нем его священнодействий не должно зависеть от произвола человеческого, а должно быть основано на *правилах и законах священства*, которые *положили Апостолы, облеченные Духом Святым, сильные делом и словом*.
3. Премудрость Божия устройство святаго храма признала не только полезным, но и необходимым пособием для спасения человеков: ибо премудрости Божией не свойственно делать что либо излишнее и не полезное.
4. Посему всякий человек, желающий себе спасения, прилежно должен притекать во храм Божий, со вниманием, и по мере возможности, с разумением участвовать в его молитвах и славословиях, внимать и последовать слышимому в нем слову Божию и учению жизни, и освящать себя его таинствами, согласно с правилами и законами, которые положили, и предали нам богодухновенные Апостолы и богомудрые Отцы.

Что посему должно думать о тех, которые, услышав неразсудительную или неблагонамеренную клевету на православную Церковь, удаляются от освященнаго по Богопреданному чину храма и от его благодатных таинств, остаются без дома молитвы, или самочинно устрояют себе молитвенницы неблагословенныя, и покушаются составить некие призраки раздробленных церковных обществ? – Самочиние дерзновенное, и притом не только бесплодное, но и душевредное! Они сами себя отсекают от единства живаго и живоноснаго тела Христова, то есть, от единыя, истинныя, святыя Церкви Христовы. Но член, отсеченный от тела, не имеет жизни. Так и они не имеют животворящей благодати Христовой и благодатнаго освящения. От таковых предостерегает вас, братия, слово апостольское: *блюдитесь от злых делателей, блюдетесь от сечения* (Фил. III. 2).

Что скажем и о тех из нас, которых не удаляет от святаго храма ложное мудрование, но которых часто не допускает в него нерадение и суета мира? – Строго мы осудим за сие сами себя, если только разсудим о сем здраво. Близ себя, или не вдалеке имеем храм, по

воле Божией созданный, по Богопреданному чину освященный, исполненный присутствия Божия и таинственной благодати, по собственному изречению Господа: *будут очи Мои, и сердце Мое ту вся дни* (2 Пар. VII. 16), готовый одушевлять нашу молитву дыханием Духа Святого, просвещать нас словом Божиим, питать нас Телом и Кровию Христовою. Толикия духовныя и Божественныя сокровища Господь для нас во храме Своем приготовил, открыл, предложил, чтобы мы пользовались ими для нашего вечнаго блага, и вместе для исполнения воли Его, вечно нам благодетельной: и при всем том, когда наступает день, особенно посвященный Богу, и час, присвоенный храму Его, иные спешат не во храм, а *ов убо на село свое, ов же на купли своя* (Матф. XXII. 5), или на увеселения суетныя, излишныя, даже иногда противныя благонравию, приятныя только духам лестчим, врагам нашего спасения, ищущим вовлещи нас в свою погибель. Какое неблагоразумие! Какое порабощение суете! Какое невнимание к нашему собственному истинному и вечному благу! Какая неблагодарность пред Богом Благодетелем! Какое отсутствие страха Божия! Ибо как милосердию Божию свойственно открывать для нас, даже и недостойных, сокровища благодати Своея, в ожидании нашего покаяния и исправления: так равно и правосудию Его свойственно отнимать Божественные дары, оскорбляемые пренебрежением, и наказывать неблагодарность.

Лучшаго желаем вам, братия. Как некогда создание иерусалимскаго храма соединено было с щедротами Божиими к самому Иерусалиму: так и ныне благодать святаго храма, по вашей вере и благочестивому усердию, да будет вам в благословение, освящение и спасение души, и во умножение щедрот Божиих ко всему житию вашему временному, в уповании блаженныя жизни вечныя. Аминь.

1859 год.

CDXLVI.

357. Беседа

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорена в Чудовом мон. 25-го марта; напечатана

в Твор. Св. Отц. 1859 г. и в собр. 1861 г.)

<1859 год>

Первый человек от земли, перстен: второй человек, Господь с небесе (1 Кор. XV. 47).

Предлагаю для размышления изречение святаго Апостола Павла о первом и втором человеке, а почему предлагаю ныне, можно будет усмотреть из самага размышления.

Первый человек от земли, перстен: второй человек, Господь с небесе. Кого разуметь под наименованием перваго человека? – Естественно разуметь праотца Адама. Он, по телу, взят был от земной персти Богом Творцем: и хотя с тем вместе был и духовен, потому что Бог от уст Своих вдунул в лице его дыхание жизни, но потом его духовность омрачена и ослаблена грехом, стеснена, подавлена и закрыта плотию; а потому он утратил право называться духовным, и по справедливости подвергся уничижительному наименованию *перстнаго*.

Кого разумеет под именем второго человека? – В порядке сотворения вторым человеком была Ева: но очевидно, что к ней не может относиться изречение Апостола. Она не с небесе, а из ребра Адамова, и сотворена не для господства, но в помощь и в послушание Адаму; а за то, что на минуту возгосподствовала над ним, и вовлекла его во грех, отдана ему даже в повелительное обладание.

Хотите ли искать второго человека в порядке естественного происхождения от первого человека? – Пройдите веки и тысячелетия, пересмотрите тысячи и миллионы людей, всмотритесь в избранных и высоких между ими: не найдете второго человека, которого созерцает, и желает нам показать Апостол; нет между ими *человека Господа с небесе*. Показалось было Пророку, что он нашел таких людей: но он вскоре усмотрел, что это призрак. *Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси: вы же яко человецы умираете* (Пс. LXXXI. 6. 7). Что же такое сии тысячи и миллионы сынов Адамовых? – Все они суть отрасли первого человека, следственно все одинакой с ним природы, все, как он, перстны, все, как он, заражены язвою греха, все, как он, должны заплатить греху *оброк* (Рим. VI. 23) смертию телесною, временною, и смертью духовною, которая может сделаться вечною.

Здесь встречается грозный вопрос: что же должно последовать с первым человеком перстным и со всеми отраслями его, к которым и все мы принадлежим? Может ли человек, может ли род человеческий исцелить себя от смертоносной заразы греха, проникшей в самую природу? – Не может. Вы можете переломить или перерубить дерево у корня; оно завянет и засохнет: но потом уже не можете сделать его зеленым, цветущим, плодоносным; для сего потребна творческая сила. Подобно сему и древо рода человеческого, в корне сокрушенное грехом, не может изнести цвет и плод истинной, духовной жизни: для произведения сего потребна творческая сила. Посему-то и вопиял к Богу один из лучших сынов Адама перстного: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей* (Псал. L. 12). То есть: сознаю нечистоту моего сердца; но не имею довольно силы, чтобы сделать его чистым; оно требует не только исправления, но и пересоздания: Ты вновь *сердце чисто созижди во мне, Боже!* Признаю себя повинным за грех: и не нахожу в себе средства возобновить утраченную правоту: Ты, безпредельный в правде и милосердии, *дух прав обнови* во внутренности моей.

Молитва Пророка Давида о возсоздании сердца и о внутреннем обновлении духа должна быть всеобщей молитвою сынов Адама перстного, поколику они не поверхностно познают себя и глубокое повреждение своей природы и ее деятельности. Но никто из них, без особенного откровения Божия, не мог постигнуть, как молитва сия могла бы исполниться, как в человека, грехом не только зараженного и оскверненного, но и умерщвленного, может быть введена благодатная жизнь и святость, как осужденный на веки вечным правосудием может быть избавлен от сего осуждения без оскорбления вечного правосудия, как может человек, при наитии силы творческой, сделаться *новою тварию* (2 Кор. V. 17), пребывая одною и тою же личностью. Это, как говорит Апостол, *тайна сокровенная от веков в Боже* (Еф. III. 9), *тайна сокровенная от век и от родов* (Кол. I. 26).

Но Апостол возвещает и открытие сокровенной от веков в Боге тайны. *Ныне же, говорит, явился святым Его* (Кол. I. 26). А нынешний день, заимствуя у Апостола слово, торжественно воспевают в церкви: *днесь спасения нашего главизна, и, еже от века, таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает*.

И сей есть *второй человек, Господь с небесе*, поставляемый Апостолом в соответствие *первому человеку, от земли перстному*, дополняющий и разрешающий судьбу его, и обращающий бедственную участь в блаженную. Иисус Христос есть *человек*, по естеству человеческому, от предочищенных Духом Святым, Пресвятыя Девы восприятому; и

вместе есть *Господь с небесе*, по естеству Божескому, яко единородный Сын Божий, единосущный и сопредельный Отцу, сошедший с небеси, чтобы явиться на земли Богочеловеком, и явить в Себе живой примирительный союз Божества с человечеством. Он есть *второй человек*, минуя миллионы людей, не в соответствии первому человеку стоящих на нисходящей лестнице естественных, не свободных от греха, рождений, – *второй человек* без последующих, потому что он един среди рода человеческого является в соответствии *первому человеку*, происходя от Бога непосредственно, чудесно, неприкосновенно греху, открывая в себе новый источник благодатного рождения для рода человеческого. *Господь с небесе*, соделавшись *человеком*, вводит в человечество посредством веры благодатную божественную жизнь духа, света, чистоты, святости, пред которою темная плотская жизнь греха ослабевает и умирает. Приняв на себя все, принадлежащее первому человеку, кроме греха, Он приемлет и его повинность и его смертное осуждение, и тремя днями крестной смерти, которые, по соприсутствию Божества, не меньше вечности, удовлетворяет за повинного вечному правосудию; и крестом отстраняет пламенное оружие, преграждавшее человеку вход в рай. Как грех, глубоко повредив природу человека, сделав его ветхим, тленным, даже мертвым, не мог однако разрушить его бытия и личности: то Господь с небесе наитием на сие бытие, на сию личность, Своей творческой силы, Своего Духа, подобно как над водою первого творения, носящегося над водою крещения возрождает ветхаго человека в новое творение, в образ Божий, из плотского соделывает его духовным, из земного способным к небесной жизни.

Разматривая таким образом черты первого человека, перстного от земли, и второго человека, Господа с небесе, не можем, братия, не усмотреть, как бедственна была бы судьба первого, если бы не пришел ему на помощь второй. Помыслим же, что все мы естественныя отрасли человека, перстного от земли, и что следственно его бедственная судьба есть и наша неизбежная судьба, если не прибегнем, и не предадим себя совершенно пришедшему на землю спасти нас Господу с небесе; если не прилепимся к Нему верою в Него, любовью к Нему, последованием Его учению и примеру, исполнением заповедей Его.

Да не прельщаемся блестящими призраками Адамской плотской, чувственной, страстной жизни. Призраки вскоре исчезнут: разочарование прельщенных будет горько: и если не образумимся благовременно, то падем уже не из рая на землю на время, но с земли в адскую пропасть на веки.

Возлюбим истину Христову; взыщем жизни во Христе. Если она не без скорби в начале, то радостна и блаженна бесконечно.

Якоже облекухомся во образ перстного, да облечемся и во образ небесного (1 Кор. XV. 49). Аминь.

CDXLVII.

358. Беседа

в пяток Пасхи и в день рождения

Благочестивейшаго Государя Императора

Александра Николаевича.

(Говорена в Усп. Соборе апреля 17-го; напечатана

в Твор. Св. Отц. 1859 г. и в собр. 1861 г.)

<1859 год>

*И приступль Иисус, рече им глаголя:
дадеса Ми всяка власть на небеси, и
на земли (Матф. XXVIII. 18).*

Господь наш Иисус Христос, по воскресении Своем из мертвых, Своим ближайшим ученикам, и другим верующим в Него, многократно являлся в продолжении сорока дней, до Своего вознесения на небо. Первые Его явления имели целью дать полное удостоверение о том, что Он действительно воскрес из мертвых. В других последующих явлениях Он *глаголал яже о царствии Божии* (Деян. I. 3), преподавал высшие познания истин и таинств веры и устроил Свою Церковь. Евангелист Матфей в конце своего евангелия описал одно из сих явлений, имеющее особенную знаменательность, как можно усмотреть, между прочим, из того, что в других явлениях Господь открывал Себя одному или многим, без предварения, как внезапный посетитель или спутник, а о сем явлении предупредил учеников Своих, и назначил для него место. *Да идут в Галилею, и ту Мя видят* (Матф. XXVIII. 10).

Евангелист не определяет времени сего явления: но, без сомнения, оно последовало уже тогда, когда предшествовавшими явлениями по крайней мере в ближайших учениках Его достаточно была утверждена и освобождена от сомнений вера в совершившееся воскресение Господа.

Хотя Евангелист только на двенадцать Апостолов указывает, как на очевидцев сего явления Господа: однако вероятно, что в сем участвовали и многие другие. Вероятно, к сему клонилось и раннее о сем явлении предупреждение, и назначение места в Галилее, где Христос Спаситель много проповедывал прежде страдания Своего, и где тогда много было уверовавших в Него; и, конечно, из сих-то *овии усумнешася*, не быв приготовлены видением предшествовавших явлений Воскресшаго, как приготовлены были Апостолы.

Господь Иисус начал Свою евангельскую проповедь возвещением, что *приблизися царство небесное* (Матф. IV. 17): и при конце Своего земного поприща уже самую короткою мерою определял сию близость: *не имам ясти, — не имам пити, — дондеже царствие Божие приидет* (Лук. XXII. 16. 18). Но ученики Его еще не довольно понимали царствие небесное; они еще не освободились от иудейской мысли о земном царстве Мессии. С воскресением Господа настало время, поелику открылась удобность, дать им ясное, опытное понятие о царствии небесном, показать им оное в самом действии. Для сего воскресший Господь является собранным по предварительному повелению Его в Галилею ученикам, и провозглашает Свое воцарение в том царстве, котораго приближение предсказывал: *приступль Иисус, рече им, глаголя: дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли*. Теперь видите: царь предвозвещеннаго царства есть воскресший Христос; Его царство есть *небесное*, потому что Его воскресшая жизнь очевидно есть уже не земная, а небесная и пренебесная, и такова же Его деятельность; но царство Его не ограничивается небом, а простирается и на всю землю, для того в особенности, чтобы верующих в Него человек из земной несовершенной, смертной жизни, посредством благодатнаго возрождения, возводить в жизнь небесную, совершенную, бессмертную, в блаженство царства небеснаго.

Но слово Господа нашего воскресшаго, разрешая вопрос: что такое царство небесное, которого приближение Он предсказывал, в то же время порождает другой вопрос: каким образом не прежде, как по воскресении, дана ему всякая власть на небеси и на земли, когда Он имел сию власть от вечности, яко едиnorodный Сын Божий, Которым *создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли* (Кол. I. 16), и Который *носит всяческая глаголом силы Своея* (Евр. I. 3)?

Для разрешения сего вопроса надлежит различить состояние Сына Божия до Его воплощения от состояния Его по воплощении, состояние его, как Бога, и состояние Его, как Богочеловека. По первому состоянию, как Бог, Он имеет всегдашнюю неограниченную власть над всем, что им создано, и провидением Его хранимо и управляемо. Во втором состоянии Он, вступая в земную жизнь, *Себе умалил, зрак раба приим* (Фил. II. 7); и тогда слава Божества Его была сокрыта; Его человечество только еще готовилось к прославлению. Принеся себя, по человечеству, за повинное пред Богом наше всеродное человечество, в очистительную жертву правосудию Бога отца, Он приобрел в воскресении Своем прославление Своему человечеству и вместе надежду прославления нашему всеродному человечеству. Туда, где от века пребывал Он, и пребывает, как Бог, теперь возшел, как Богочеловек, – *превыше всех небес*; и, как воспевают Церковь, *Ангели дивятся, человека зряще превыше себе* (Стихир. на вознес. Госп.).

До крестной смерти и воскресения Христа Спасителя, для человека, грехом и осуждением греха изринутаго из рая, рай и небо заключены были вечным правосудием, и не видно было власти, их отверзающей; врата ада за нисходящими в него грешниками были заключены, и не видно было власти, их отверзающей. Воскресший Христос есть *святой и истинный, имей ключ Давидов*, – крест, *отверзай, и никтоже затворит* (Апок. III. 7). Ему *дадеса власть* отверзать ад, и изводить древле осужденных, отверзать небо, и вводить помилованных.

Власть, которая *дадеса* воскресшему Христу Богочеловеку *на земли*, есть таже, действующая здесь начинательно, которая действует совершительно на небеси. Здесь Он вводит верующих из царства поврежденной природы в царство благодати, чадам ветхаго Адама *дает область чадом Божиим быти* (Иоан. I. 12): там из царства благодати, возводит их в царство славы.

Наконец в провозглашении царской власти воскресшаго Христа да не будет оставлено без особенного внимания открываемое пространство сей власти: *всякая власть на небеси и на земли*. В каких разнообразных видах является *всякая власть* Его на небеси, это недоступно нашему созерцанию. Помыслим о ближайшей к нам всякой власти Его на земли. Если Он имеет *всякую власть*: то нет здесь никакой власти и силы, которая не была бы подчинена Его власти. Простирая власть благодати на каждую душу верующую и на все царство веры, на созданную Им Церковь, Он также простирает власть Своей премудрости, благодати и правды и на видимую жизнь человека личную и общественную, и на все царство природы. Под властью Его премудрости и благодати животворно солнце светит, ветер дышет, облака дождят, вода орошает и поит, земля износит благопотребныя человеку прозябения. Под властью Его премудрости и благодати рождается человек, возникает семейство, возрастает, укрепляется и цветет народ, созидается, утверждается и возвышается царство. Под властью оскорбленной благодати и правды Его, солнце опалает, воздух дышет тлетворно, облак пускает смертоносныя стрелы молний, вода потопляет, земля отказывает человеку в дарах своих. Под властью оскорбленной благодати и правды Его, невнимательный к сей власти человек лишается света и блуждает, семейство разстроивается, народ смущается, царство колеблется. Кроткую для кротких, а для *шатающихся языков*, для *людей поучающихся тщетным*, для *расторгающих узы*

Божественного закона, грозную власть дал Отец небесный единородному Сыну Своему, Царю Христу Своим предопределением: *проси от Мене, и дам ти языки достояние Твое; – упасеши я жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушиши я* (Пс. II. 1. 3. 8. 9).

Благоговей пред властью Царя Христа, сын царствия небеснаго, искомаго и чаемаго. Благоговей пред властью Царя Христа, сын царства земнаго. Благоговей пред Ним мыслию, сердцем, делом, жизнью. Вопросай часто, чего хочет Он от тебя, и исполняй волю Его, *работая Ему со страхом*, и, исполнив, *радуйся Ему с трепетом* (2). Предпринимая дело, вопросай, угодно ли оно Ему: и проси его благословения на то, что угодно Ему: и не колеблись отвергать то, что Ему не угодно. *Прими сие наказание*, то есть, наставление, *да не когда прогневается Господь* (12).

Радостно и назидательно видеть ныне благочестивый народ, радующийся о Благочестивейшем Царе, и радость свою приносящий пред лице Царя царствующих, благодарящий его за рождение Царя, как за небесный дар, просящий долгоденствия и благоденствия Царю, как небеснаго дара. О, если бы так всегда и во всем! –

Почто иные самонадеянные умы, вышед из повиновения вседержавной премудрости Христовой, домогаются самопроизвольно и своемудренно господствовать над делами, и над законами, и над общенародным разумением? – Почто на страже правды и честности поставляют не высокий и сильный страх Божий, а малодушный и ничтожный страх мнения человеческого? О, если бы никто в царстве земном не действовал в забвении о власти небесной! О, если бы, *яко очи раб в руку господий своих, тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны!* (Пс. СХХII. 2). Верен Владыка душ совершить спасение душ; верен Царь царствующих благословить намерения и подвиги Царя, и благоустроить и в благоустройстве сохранить царство. Аминь.

CDXLVIII.

359. Ответ

на речь Ректора Московской Семинарии,

Архимандрита Леонида, при наречении его

во Епископа Дмитровскаго.

(Говорен апреля 24-го; напечатан в

Твор. Св. От. 1859 г. и в собр. 1861 г.)

<1859 год>

Благодари, боголюбезный, Всепромыслителя Бога, Который указал тебе путь жизни, неуказанный твоим рождением, и вел тебя, добрым желанием, а иногда и затруднениями и скорбями, всегда к миру.

Без сомнения, ты будешь благодарными воспоминаниями особенно чтить преподобнаго Сергия, под сению которого ты решительно с пути мирскаго переступил на путь церковный, и обрел духовное руководство.

Скажу к слову: великий отец наш Сергей, как бы в некоторое вознаграждение православной Церкви за то, что не отдал ей в епископство самого себя, в обилии возвращает под сению своею сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к епископству.

Ныне же вручи себя Святителям Петру, Алексию, Ионе и Филиппу, дабы их богоугодныя молитвы предводительствовали нашими о тебе смиренными молитвами.

CDXLIX.

360. Речь

к Преосвященному Леониду, новорукоположенному Епископу Дмитровскому.

(Говорена в Успенск. соб. апреля 26-го;

напечатана в Тв. Св. От. 1859 г. и в собр. 1861 г.)

<1859 год>

Преосвященный епископ Леонид!

Вступающему в новое служение, при смиренном самосознании, должно быть свойственно искать наставления, и приятно найти оное. Но сила и действие подаваемого наставления, без сомнения, много зависит от достоинства наставляющего.

Итак стань со мною пред святым Апостолом Павлом, и послушаем, что говорит он ефесским пастырям, не мимо и нас с тобою: *внимайте себе и всему стаду, в немже вас Дух Святой постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею* (Деян. XX. 28).

Кратко сие наставление: но окажется довольно полным, если несколько углубимся в оное.

Дух Святой постави епископы. Это учение веры. В епископе не должно видеть только начальника, подобнаго поставленным человеческою властью, исполнителя правил и законов, блюстителя порядка и благоустройства. Это не все. Епископ есть орудие Духа Святаго. Начало его начальствования есть таинство. Действитель, поставляемый земною властью, получает от нея имя и право действовать: поставляемый небесною властью приемлет от нея не только имя, но и силу, не только право действовать, но и вышнее содействие. Дух Святой не удаляется от поставленного Им, если сей не уклоняется от Него. Итак епископ всемерно должен иметь ум и сердце горе, как сосуды, верою и молитвою открытые к вышнему Источнику света и силы.

Дух Святой постави епископы. Это учит также страху Божию. Если поставленный земною властью действитель совестится не угодить начальству доброму, страшится подвергнуться прещению начальства строгаго: с каким страхом поставленный небесною властью должен проходить свое служение, чтобы не лишиться благоволения Духа Утешителя, чтобы не подвергнуться осуждению от Всеправеднаго и Всемоущаго!

Дух Святой постави епископы. Сие же слово, если отягощает над нами страх, может облегчить нас надеждою. Дух Святой творит Свое дело, конечно, не для того, чтобы оное пренебречь и отвергнуть, но чтобы поддержать и сохранить. Кого он призвал, и поставил в служение благодати, в том Он, конечно, не отчаялся: да не отчаяваемся и мы в продолжении благодати Его.

Чтобы спасительный страх пред великою обязанностию пасти Церковь Господа и Бога, не был ослабляем чрезмерною надеждою или самонадеянием, чтобы в надежду не вкралась беспечность, чтобы многочисленныя внешния отношения пастыря к пастве не развлекали его, и не ослабляли внутренняго отношения его к Духу Святому, его поставившему, – предостерегая от сего, Апостол говорит пастырям: *внимайте себе*. Бодрствуйте над собою, поставленные на страже дома Божия: предавшись дремоте и сну, не сбережете ни себя, ни дома, вам ввереннаго. Осторожно наблюдайте за чистотою ваших мыслей и желаний, намерений и дел; светильник закона Божия и слова Христова, да освещает ваше внутреннее и внешнее, и да удаляет от вас мрак и зло.

Только внимающий себе пастырь способен с истинною пользою пещись о стаде. Посему и говорит Апостол: *внимайте*, во первых *себе*, а потом *стаду*.

Что значит: *внимать стаду*? – разсудительно и неослабно пещись о словесных овцах, подобно как добрый пастырь печется о безсловесных. Води овец на тучную пажить: то есть, питай души пасомых здоровым учением истины и жизни христианской. Стреги овец от волков; то есть, охраняй православных от ересей и расколов. Ищи овец заблудших: то есть, старайся привести в Церковь блуждающих вне ея. Врачуй овча болящее, то есть, грешника увещанием к исправлению, и покаянием. Стань против овнов крепких, бодущих и реющих, и подыми овча немощное: то есть, дерзай поставить слово правды против неправды сильных, и словом утешения и делом помощи поддержи нищаго, оскорбляемаго, унывающаго.

Труден подвиг, особенно когда овны бодущие и против пастырей обращают роги, когда больныя овцы, не приемля врачевания, думают сами врачевать пастырей, когда и у тех, которые должны быть не от мира, мир уже не ныне вынудил слишком много снисхождения к нему, и даже преклонил их иное заимствовать от него.

Но Апостол, наставник пастырей, преподает нам сильное средство укрепить себя в подвиге и одушевить себя ревностию, когда напоминает нам, что Церковь, для которой мы призваны подвизаться, Христос Господь и Бог *стяжал кровию Своею*. Взирая на сей безмерный подвиг Его для нас, поколеблемся ли пред малым, подлежащим нам подвигом, для Него? Если Он, из любви к Церкви Своей, пожертвовал за нее Своею божественною кровию: нам ли тяжело будет, из любви и благодарности к Нему, в служении Церкви Его, принести Ему в жертву наши способности и силы, наш труд и покой, наши утешения и скорби, и если бы потребовалось, и самую жизнь?

Тебе, боголюбезный брат, еще не обширный открывается круг епископскаго действия. Вступи благодушно; укрепляйся упованием на Божественнаго Пастыреначальника Господа Иисуса. Жезлом правости да будет жезл твоего начальства.

CDL.

361. Беседа

по освящении храма в новосозданном

Спасопреображенском Гуслицком Монастыре.

(Говорена мая 24-го; напечатана в

Твор. Св. От. 1859 г. и в собрании 1861 г.)

<1859 год>

Есть особенныя чудныя судьбы Божии над некоторыми людьми: есть и над некоторыми местами особенныя судьбы Божии, которыя, при благочестивом внимании, можем открывать и разсматривать к утешению и назиданию нашему.

Бог, чтобы в лице Авраама показать опыт веры в наставление родам грядущим, и вместе предзнаменовать тайну будущей крестной жертвы Христовой, повелел ему принести в жертву единородного сына его Исаака. Почему бы, кажется, не исполнить сего на том месте, где Авраам в то время жил, и *призывал имя Господа Бога вечнаго* (Быт. XXI. 33)? Но нет. Бог послал для сего Авраама на иное место, дальнее, Аврааму неизвестное, не имевшее имени. *Иди на землю высокоу, и вознеси его тамо во всесожжение, на едину от гор, их же ти реку* (XXII. 2). Два дня шел Авраам с сыном, не зная, куда: на третий день увидел гору, и, по новому откровению, узнал, что на ней должен совершить свое жертвоприношение. Он взял в руки огонь и нож, на Исаака возложил дрова всесожжения, взошел на гору, создал жертвенник, возложил на него дрова, а на дрова связанного сына своего, и простер руку к ножу, чтобы заклать Исаака. В сию минуту, в своем сердце, в своем решительном намерении, он уже заклал Исаака невидимо, и жертва его совершилась: но прежде, нежели успел он видимо, действительно заклать Исаака, Ангел остановил его. Внезапно Авраам увидел в древесной чаще овна, и принес его во всесожжение. За то, что Авраам явил такое совершенное благоговение и веру к Богу, такое самопожертвование в исполнении воли Его, Бог, воззвав его небесным гласом, благословил его высоким, благодатным, потомственным благословением, простирающимся от него на все народы.

Спрашиваю вновь: почему бы не исполниться сему на том месте, где Авраам жил, или близь онаго? Для чего нужны были – дальний путь, неизвестная гора? – Послушайте. Дойдем до ответа.

Сия неизвестная прежде гора получила от Авраама наименование горы *Боговидения*; и, без сомнения, сделалась незабвенною для Авраама и для Исаака, и отчасти для их потомков, особенно для благочестивых чтителей и хранителей священных отеческих преданий; и предание о ней пережило веки и народы.

Но гора Боговидения стояла в земле язычников, не знающих истинного Бога и таин Его. Прошли веки: близ места жертвоприношения Авраамова построен языческий город Иевус.

Еще прошли веки: потомок Авраама, царь Давид оружием взял Иевус; наименовал его Иерусалимом, и сделал столицею царства Израильскаго.

Еще прошли веки: явился в земле Израилевой воплощенный Сын Божий, по плоти сын Авраамов и Давидов, Господь наш Иисус Христос; проповедал евангелие вечнаго спасения и, по слепой зависти обличаемых Им беззаконников, наипаче же по сокровенному предумотрению и предопределению Отца небеснаго, близ стен Иерусалима, на месте древняго жертвоприношения Авраамова, распят на кресте, как жертва за спасение всего мира, погребен и воскрес.

Теперь можно дать ответ, для чего Аврааму была указана гора Боговидения. Это для того, чтобы он, стоя на сем месте, верою видел то, что на сем месте должно произойти чрез две тысячи лет после него, чтобы он, по собственному слову Христову, *видел день Христов и возрадовался* (Иоан. VIII. 56) о Спасителе своем. Авраам видел тогда в Исааке, несущем жертвенные дрова на гору Боговидения, образ Иисуса Христа, несущаго крест на гору Голгофу; в Исааке, возложенном на жертвенник, – образ Иисуса Христа, вознесеннаго на крест; в Исааке, после принесения его на жертву, живущем, – образ Иисуса Христа, после крестной смерти, воскресшаго; в благословении о семени Авраама всех языков земных – обетование всем человекам вечнаго спасения чрез Иисуса Христа.

Авраамова гора Боговидения открывает и нам величественные и прекрасные виды. Как *разумна от века суть Богу вся дела Его* (Деян. XV. 18)! Как от веков у Него предусмотрено и предопределено дальнейшее будущее! Как сокровенно питал он веру древних, предлагая им тайну Христову в обещаниях и предзнаменованиях! Как сильно подкрепляет Он нашу веру, являя нам тайну Христову в совершенном согласии с древними о ней обетованиями и предзнаменованиями! Как чудно жертвоприношением Авраамовым освятил Он место для крестной жертвы Христовой!

Вспоминаю еще, не столь отдаленный от нас, пример особенной судьбы Божией над местом, в союзе с судьбою человеческою. Святый Апостол Андрей, проповедуя веру Христову, обходит Черное море, проходит Херсонес, идет вверх по Днепру, останавливается на месте гористом, проводит ночь, без сомнения, молитвенную, и по утру говорит своим ученикам и спутникам: на сих горах возсияет благодать Божия; будет великий город; Бог воздвигнет церкви; и просветит сию землю крещением. В знамение сего Апостол водружает крест.

Проходят веки; на сем месте создается Киев; возникает в нем христианство; из него равноапостольные Ольга и Владимир распространяют свет Христов на всю землю Российскую.

Для нас неясно, каким образом нить предания о предречении Апостола дошла до нашего летописца, преподобнаго Нестора: но, видно, не была она прервана; и, может быть, довольно крепка была, чтобы поддерживать веру первых киевских христиан, среди господствовавшего тогда язычества.

Но для чего пришла сюда память древних великих судеб? – Ее призвало сие новое, или обновляемое, малое место, в благоговейном неведении ожидающее своей судьбы от Вышняго, без которого не только град, или дом человека, но и гнездо горлицы не создается. Водружается здесь крест; освящается храм; рождается обитель: и как новорожденный младенец проявляет свою жизнь воплем; так и сия новорожденная обитель начинает свою жизнь молитвенным воплем к Богу: *сотвори со мною знамение во благо* (Псал. LXXXV. 17), и на *братию живущую вкупе*, хотя яко некия капли росы *Аермонския, сходящая на горы Сионския, да снидет благословение и живот до века* (Пс. CXXXII. 3).

Дерзнем ли сказать, что мы здесь не совсем лишены *знамения во благо*?

Здесьния места имели нужду в обители, которая бы, соборным чином богослужения, духом молитвы, добродетельным житием братии, разумом и словом истины и православия, являла свет Христов и предлагала сладость церковную людям отчужденным от православной Церкви неведением, и даже принуждением, и остающимся в сем отчуждении потому, что не видят и не знают истины и красоты православной Церкви.

Благочестивейшему Царю нашему благоугодно было, чтобы обитель сия основана была на земле особаго царскаго удела. По сему указанию, мы избрали сие место пустое, незнакомое. В двадесять девятый день декабря прошедшаго года Благочестивейший Государь утвердил сие избрание и положил начало обители царскими щедротами. Бог отверз сердца и щедря руки христолюбивых московских граждан: и начало дела получило надежду совершения.

Но что еще открылось? – Здешнее местное предание сказало нам, что на сем месте в прошедшие веки была обитель монашествующих, что в начале нынешняго века еще называли сие место *монастырищем*; что на сем месте в прежние веки явилась чудотворная икона Христа Спасителя, которую, вместе с сим малым, в соседстве бывшим храмом, перенесли мы сюда в начальное освящение устрояемой обители. В дополнение к сим преданиям, пребывание в пятом-на-десять веке в здешних местах Святителя московскаго Фотия, дает нам вероятность, что над бывшим здесь монастырем, и следственно над сим местом было его благословение.

Не утешительно ли это, братия, что мы, ища места, на котором бы почило благословение Божие, нечаянно, не зная, избрали место, на котором почивает древнее благословение? Не есть ли это *знамение во благо*?

Да не изнемогает вера наша при виде трудностей дела, которое начато с добрым успехом, но которое, чтобы совершиться, упрочиться, принести плоды, требует очевидно многих трудов и многих средств, которыя большею частию еще невидимы. *Да утвердится сердце наше во Господе*, Который из ничего творит все, Который от малаго зерна производит древо, так что земля, воздух, вода, не оскудевая, дают ему потребное для его возрастания и плодоношения. Вера и упование на Бога да укрепляют всякий подвиг, и особенно подвиг молитвы, который есть опора всех подвигов и добродетелей.

Христе Спасителю! благодать Твоя не оставила сих мест; но и уклонившихся от двора Церкви Твоя святая, хотя на время, привлекает в нее силою Твоего чудотворнаго Образа. *Господи, воздвигни силу твою, и прииди, во еже спасти нас* (Псал. LXXIX. 3), охраняя овец, сущих во дворе Твоем от волков мысленных, и не сущих от двора Твоего приводя в Твою спасительную ограду.

Пресвятая Владычица наша Богородице! Тебе вручен ныне храм сей; призирай благодатно на храм сей и на обитель сию, и сохраняя их, как некогда победоносно сохранила ты град Константина, как многократно сохраняла град Москву и многие грады и обители земли нашей. Смиренная обитель сия не дерзает просить у тебя обещания, которое ты благоизволила дать обители преподобнаго Сергия, яко *не отступна будеши от места сего*: по крайней мере, когда в скорби возопиет к тебе обитель сия, *милостивно услыши и помилуй*.

Святителю отче Фотие! любовь к безмолвию приводила тебя в здешния места; и оне конечно сделались не чуждыми твоему сердцу. Еще живет здесь память твоей святости и твоих благословений. Помяни и ты нас в твоей небесной обители, и благослови тихое и безмолвное житие братии, так, чтобы непорочное и чистое безмолвие жития их было верным свидетельством и проповедью истины, веры и православия Церкви. Аминь.

CDLI.

363. Речь

Благочестивейшему Государю
Императору Александру Николаевичу пред
вступлением в Успенский Собор.

(Говорена августа 17-го дня; напечатана в
Твор. Св. От., в Моск. Вед. 1859 г. и в собран. 1861 г.)

<1859 год>

Благочестивейший Государь!

Радостными взорами сретая Твой высокий мирный взор, не можем не вспомнить с благодарностию, что продолжаем видеть в Тебе Миротворца и Охранителя мира. В начале сего года, когда угрожающия *слышания браней* волновали правительства и народы, от Твоего Престола изшел первый пред прочими глас, чтобы общим мирным советом угасить проявлявшиеся искры войны. И когда война возгорелась в Италии, Твое правительство не преставало, и не престаёт бодрствовать на страже мира Европы.

Бог мира да продолжит благословлять Твои попечения о мире внутреннем и внешнем; и да споспешествует Тебе мирным оружием царственной мудрости, правды и предусмотрительности побеждать все, что враждебно миру Церкви и благу Отечества.

CDLII.

363. Речь

Благочестивейшему Государю
Императору Александру Николаевичу, по обновлении
возстановленного древняго Романовскаго Дома.

(Говорена августа 22-го; напечатана в
Твор. Св. От. в Моск. Вед. 1859 г. и в собрании 1861 г.).

<1859 год>

Благочестивейший Государь!

Осуществилась Твоя знаменательная мысль о доме Твоих предков. Он вызван из мрака забвения, облечен древним и древлеподражательным узорчием; оком прошедших веков смотрит на будущие, и призывает их к размышлениям.

Вот скромный древний дом, который может считать своими потомками великолепные дворцы, и это потому, что в нем обитали благочестие, правда, любовь к Отечеству.

Вот невысокия храмины, из которых вышли высокия души. Романовы доблестно действовали для Отечества, великодушно страдали для Отечества, и всеправедный Отец,

из Него же всяко отечество на небесех и на земли именуется, судьбами Своими устроил то, что род Романовых привился к древнему роду Царей, и произвел Отцов Отечества.

Сии воспоминания встречать будет каждый сын России, при воззрении на Романовский Дом, и сердце его скажет ему: честь и слава Царю, чтущему доблестных Предков! Научимся от Него и мы чтить и хранить древнюю доблесть, которую может украсить, но не заменить новый блеск.

1860 год.

CDLIII.

364. Беседа

по освящении храма

Успения Божией Матери в селе Горбунове.

(Говорена мая 29-го; напечатана в

Твор. Св. Отц. 1860 г. и в собр. 1861 г.).

<1860 год>

В другой раз прихожу на сие место: и, как за двенадцать лет пред сим, так и ныне, вспоминая прошедшее, утешаюсь настоящим. Прежде сих двенадцати лет здесь не было храма Божия. Любящие дом Божий конечно иногда не без затруднения могли пользоваться храмом недовольно близким и, может быть, не для всех приходящих вместительным, или не без скорби принуждены были оставаться дома, когда сердце влекло их в дом Божий, а препятствия не допускали. Люди же менее усердные ко храму Божию в сих препятствиях могли находить некоторый вид оправдания для своего уклонения от него, и подвергались опасности еще большего к нему охлаждения. Бог обрел человека, расположенного к принесению добровольной жертвы, который воззрел на сие оком благочестивой и человеколюбивой заботы. По праву пользуясь трудом здешнего населения, он не ограничился тем, что дает трудящимся справедливое вещественное воздаяние и средства для жизни временной, но возжелал оказать им духовное благодеяние – доставить им ближайшее удобство пользоваться храмом Божиим и его благодатными средствами для жизни временной и вечной. Желание было так сильно, что не терпело медления: и потому, чтобы сократить время созидания храма, храмоздатель создал его не из камня, а из дерева. Освящение сего храма, за двенадцать лет пред сим, вы, братия святого храма сего, праздновали, без сомнения, с полным утешением и радостью равно и я. Но потом оказалось, что храмоздатель не вполне был удовлетворен. Дерево не долговечно, думал он, особенно незрелое дерево нынешнего времени; и когда деревянный храм обветшает, кто знает, явится ли тогда ревность и найдутся ли средства воссоздать его? Итак не лучше ли, то благо, которое, при покровительстве Провидения Божия, доставлено живущему здесь роду, ныне же обезпечить и для будущего и дальнейшего рода? – И вот, деревянный храм, еще далекий от ветхости, уступает место новому каменному: и мы, братия святого храма сего, можем ныне радоваться не только за вас, но и за ваших детей и потомков.

Будьте же благодарны, во первых верховному благодетелю Богу, потому что все благое и душеполезное совершается не иначе, как благословением и помощью Божиею; по Боге же будьте благодарны и земному благодетелю, создавшему сей храм. Не говорю: приветствуйте его благодарными словами; это делается и без меня; но несколько знаков уважения и несколько минут ласковой речи не были бы воздаянием за благодеяние вековое. Есть за духовное благодеяние соответственное духовное средство благодарить, именно, молитва. Не забывайте и детей ваших научите не забывать, чтобы когда услышите в сем храме от священнослужителя призывание к молитве о создателях святого храма сего, ваше сердце произносило имя раба Божия Алексия и присных его, и призывало благодать Божию доставившему вам удобство причащаться благодати святого храма.

Некогда святой Апостол Павел взывал к христианам церкви коринфской: *молим, не вотице благодать Божию прияти вам* (2 Кор. VI. 1). Поучаясь от него, тем же словом взываю к братьям здешней церкви: *молим не вотице благодать Божию прияти вам*, – благодать Божию, освятившую храм сей, вселившуюся в него, и ежедневно чрез него вам даруемую. Благодать, приближившуюся к вам, подаваемую вам, не оставьте бесплодною и чуждою для вас, вашим нерадением посещать дом Божий, вашим невниманием к молитвам, которые в нем возносятся, и к тайнодействиям, которые в нем совершаются. Одушевляйте себя сердечным чувством древняго любителя храма Божия: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Псал. CXXI. 1). И когда вступаете в двери храма Божия: оставляйте позади себя все мирское и земное. Входите в храм Божий с благоговением, как в преддверие неба. Взирая на святой алтарь, помышляйте, – и это совершенно истинная мысль, – что в нем сокрыто небо, что в нем Ангелы сослужат священнослужащим человеком, что в нем Сам Господь наш Иисус Христос, в известные времена, Божественным телом Своим является, и непрестанно духом Своим присутствует. Псалмы, молитвы, священные песнопения не только слушайте в благоговейном безмолвии, но и старайтесь уразумевать их и вразумляться ими для вашей веры и для вашей жизни. Не обленивайте себя тем, что в них иное неудобовразумительно; есть в них довольно и вразумительного, чем можете питать души ваши. Притом, мы знаем, что постоянно внимательные даже при недостатке учения вне храма, посещая его прилежно, по благодати Божией, приобретают глубокое разумение совершающегося в нем. Когда слышите слово Евангелия, вы слышите Самого Иисуса Христа: и нужно ли напоминать, что Его Божественное слово должно принимать к сердцу и к исполнению. Когда же, во время божественной литургии, возглашаются Богодейственные слова Христовы: *сие есть тело Мое*; – *сия есть кровь Моя*; когда непосредственно по сем Дух Святой сходит; в пресуществленном хлебе и вине является тело Христово и кровь Христова, – тело не отлученное от духа Христа Богочеловека; когда следственно Сам Сын Божий, воплотившийся, пострадавший за нас, воскресший, царствующий на небеси и на земли, истинно и действительно присутствует на престоле храма: тогда не знаю, что более должна чувствовать не мертвая пред Богом, не лишенная жизни по вере, христианская душа, трепетать ли в страхе, чтобы столь близкий огонь Божества не опалил нашего недостойнства, или радоваться с трепетом, что Всевышний так дивно нисходит к нашему смирению, чтобы нашу смертность напитать силою вечной жизни. И если единосущный Богу Отцу, воплощенный Сын Божий, вседовольный, не имеющий в нас никакой нужды, даже оскорбленный и оскорбляемый непрестанно нашими грехами, с такою безмерною любовью и милосердием предает Себя в жертву для нашего спасения: то что сообразнее с разумом истины и правды, что свойственнее сердцу, не утратившему чувства к добру, как предать всего себя Господу Иисусу Христу с внутренним самопожертвованием, отвергнуть для него все, что Ему не угодно, избирать и исполнять, что Ему благоугодно, благоговеть пред Ним и стремиться к общению и соединению с Ним и во храме,

посредством открытой общественной молитвы и священных таинств, и вне храма посредством внутренних к Нему движений благочестивой мысли и верующего сердца?

Сие да мудрствуется в вас братие, – так да располагается ваше сердце, так да устрояется ваша жизнь. Молим, не вотще благодать Божию прияти вам, но деятельно соответствовать ей исполнением, при ея несомненной помощи, заповедей Божиих и творением дел благих, к миру душ ваших, к достижению спасения и блаженства вечного в Господе нашем Иисусе Христе, Ему же слава со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

CDLIV.

365. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору Александру
Николаевичу, пред вступлением Его Величества в Успенский
собор с Государем Наследником Престола, Цесаревичем
Великим Князем Николаем Александровичем и
Великим Князем Михаилом Николаевичем.**

(Говорена августа 15-го; напечатана

в Твор. Св. От. 1860 г. и в собр. 1861 г.)

<1860 год>

Благочестивейший Государь!

Всегда светлое для нас Твое лицезрение светит ныне нам еще новым лучем. Близ Тебя видим Твоего возлюбленного Первенца, в первый раз здесь по вступлении Его в престолонаследническое совершеннолетие. Радостно видеть сие исполнение над Тобою, и надежду дальнейшего исполнения древняго благословения: *созижду в род и род престол твой* (Псал. LXXXVIII. 5).

Духовно радуемся также, что Тебе благоугодно, вместе с Твоею вернопреданною столицею праздновать ея соборный праздник в храме Твоего царского венчания.

Благословенно Твое благоволение к Твоей древней столице.

Благословенно Твое благоговение к ея древней святыне.

Единение царя и народа в истинной вере есть животворный источник их государственного единства и силы.

Воздвигший Тебя от благословеннаго корени царей, помазавший Тебя свыше и поставивший Тебя защитником Церкви Своей, да споспешествует всегда Тебе, и в сохранении мира ея в отечестве нашем, и в восстановлении разрушеннаго мира ея за

пределами онаго, и все царственныя дела Твои да благоуправит к истинному и неколебимому благоденствию всех верноподданных.

CDLV.

366. Беседа

По освящении храма святаго праведнаго

Филарета Милостиваго, в Гефсиманском ските.

(Говорена сентября 27-го; напечатана

в Твор. Св. От. 1860 г. и в собр. 1861 г.)

<1860 год>

Место, где мы теперь находимся, в продолжении шестидесяти лет знаю, как очевидец: и сверх того, когда пришел я сюда в первый год текущаго столетия, встретил здесь ясные следы и воспоминания прошедшаго столетия. Да не покажется то праздным словом, если возобновлю теперь некоторыя из сих воспоминаний. Это будет не мимо нынешняго праздника.

Здесь был дом изящнаго зодчества, который устройением своим показывал, что он назначен был не для постоянного жительства, а только для летних увеселительных посещений. Здесь был сад, в котором растительная природа слишком много страдала от искусства, ухищрявшагося дать ей образы, ей несродные. Для чего это сделала обитель монашествующих? Как взирал на сие преподобный Сергей, любитель простоты, и никак не любитель роскоши и чувственных удовольствий? Как допустил он сие в своей области, так близко к нему?

Во первых, думаю, он снисходительно смотрел на дело потому, что имел в виду намерение, которым или оправдывалось, или извинялось дело. Урочище сие было украшено для царских посещений. Тогда как высота царская смирялась пред смирением святаго; тогда как благоговение меньших сынов преподобнаго Сергия соединялось с благоговением державных, в молитве о спасении душ их и о благе царства их; верноподданническая любовь желала проявить себя и в том, чтобы представить царским взорам некия черты обычнаго для них благолепия и великолепия.

Во вторых, преподобный Сергей без прещения допускал, чтобы в области его являлись некоторыя виды мирскаго великолепия, думаю потому, что смотрел на них, как на пробегающую тень; и, как таинник провидения Божия, предоставлял себе в последствии времени открыть здесь иные, духу его свойственные виды.

Внешния обстоятельства Сергиевой лавры изменяются. Ея древнее достояние возьмется от нея, и чрез то снимаются с нея многия мирскія обязанности и заботы. Прежнее великолепие становится не нужным, так как и не возможным. Здешний царский дом и сад делаются местом скромнаго отдохновения наставников и учеников духовнаго училища, которое лавра основала в своих стенах, на своем иждивении, во дни своего изобилия. По времени увеселительнаго дома не стало: сад, уступленный искусством природе, обратился в лес. Таким образом преподобный Сергей достиг того, что упразднилось здесь мирское,

допущенное на время; и, как бы желая вознаградить себя за сие допущение, благоизволил, чтобы здесь водворилось духовное.

Родилась мысль, в уединении сего урочища устроить малый храм, при котором поселились бы несколько братий, особенно расположенных к безмолвию и к более строгому отречению от своих желаний и собственности, и в котором, сверх обычных молитвословий и тайнодействий, псалтирь Давидова день и ночь издавала бы свои святые и освящающие звуки, сопровождаемые молитвою о мире и благе Церкви, Царя, отечества, великой обители и благотворящих ей. Это не предосуждение прочим братьям лавры, которые проходят свой подвиг, также духовный, также спасительный, поколику он исполняется с искренним благоговением и усердием. Под непрерывным невидимым благословением преподобного Сергия, служа в церковных молитвословиях и священно действиях, они не только сами питаются духом молитвы и благодати, но и питают сим духом тысячи и тьмы смиренных душ, притекающих под сень чудотворца. И если утоливший чашею воды жажду тленного тела ближнего своего не будет забыт пред Мздовоздаятелем Богом: кольми паче воспомянут будет во благоволении тот, кто помог бессмертной душе, во время ея духовной жажды, вкусить хотя каплю сладкой и живой воды молитвы и благодати.

В недалеком отсюда селении стоял древний, более нежели двухсотлетний, деревянный храм, которого происхождение покрыто было забвением. Близь его вновь построен каменный храм. Деревянный сделался ненужным. Принято намерение упразднить его, и обратить дерево в дрова для нового храма. Но сим намерением уничтожить древний храм привлечено было к нему внимание начальства. Тщательное обозрение открыло верные доказательства, что он построен лаврою преподобного Сергия, во дни архимандрита ея преподобного Дионисия, почивающего в ней ныне во благоухании святыни. И это открылось тогда, как возникшая мысль о построении храма здесь ожидала исполнения. Кто хочет, пусть назовет это случаем: а по моему мнению справедливее, приятнее и полезнее признать в сем устроение провидения Божия, и от преподобного Сергия знамение, что он благословляет возникшую мысль и поощряет ея исполнение. Итак древний храм, *егоже небрегоша* имевшие его, взят, перенесен сюда, и *бысть во главу* сей новой обители.

Преподобне отче наш Сергие! Преподобне отче наш Дионисие! Не от дела рук наших плода надеемся: но к вам взираем; вашу благодать исповедуем; вашу духовную силу призываем; вашему благословию веруем. Приимите нашу веру, и продлите ваше благословение на смиренной обители сей и на смиренно подвижающихся в ней.

Мы были бы слепы, если бы не усматривали, были бы неблагодарны, если бы не признавали, что, по предстательству преподобных отец наших, есть милостивое призрение Господне на место сие. Наши желания и надежды ограничивались малыми жилищами, не многими братьями: но видно, *рече Господь: разшири место кущи твоя и покров твоих* (Иса. LIV. 2). Сверх ожидания, братство возросло; жилища расширились; даже храмы умножились, не потому, чтобы мы сего домогались, но потому, что Бог посылал боголюбивых, которые, увидев подвижающихся в молитве, желали созданием храма споспешествовать молитве их, и себя сделать причастниками плодов молитвы их. И вот в течении шестнадцати лет бытия сей обители, уже девятый таинственный престол Царю Христу ныне мы здесь посвятили.

Не скажет ли кто, для чего так много? Не скрою, что и я признавал силу сего вопроса при начале сего предприятия. Но надобно ли упорно стоять против намерения благочестиваго? Надобно ли останавливать души, чистым усердием стремящиеся к Богу и святым Его?

Надобно ли не допускать до Него добровольную жертву, которую желают принести Ему? Некто *возвеселился о рекших: в дом Господень пойдем* (Псал. СХХI. 1). Коликократно более должно радоваться о рекших: созиждем дом Господу?

Искренно радуюсь о вас, христолюбивые создатели святого храма сего. Не сомневаюсь, что сия жертва ваша, сколько добровольна, столько же чиста, и потому Богу приятна. Святой праведный Филарет, котораго покровительству вручили вы храм сей, да представит сию жертву вашу пред очи всемилостиваго Бога, и да излиются на вас милости небесныя.

Наконец, не должен ли я особенно взять во внимание то, что покровителем храма сего избрали вы праведнаго Филарета, моего покровителя? Без сомнения, должен. Усвояя ему сей храм, и его сему храму, конечно любовь ваша желала, чтобы он умножил о мне свои молитвы, много мне благопотребныя: благодарю любовь вашу. Вновь представляя общему благоговению Образ его во храме, вновь указываете вы мне на образ его добродетелей, чтобы доброе имя носил я не слишком праздно. Приемлю напоминание и наставление. Так и должно нам, по Апостолу, *разумевать друг друга в поощрении любве и добрых дел* (Евр. X. 24).

Да будет, братия честныя обители сея, и для вас одним из средств поощрения к добрым подвигам то, что есть знамения благословения святых отцев наших и, по их предстательству, благословения Отца небеснаго над вашим общежитием. Если видим знамения туне нам подаваемого благословения и милости Божией: из благодарности да поощряем себя к добрым подвигам. Если имеем знамения уже присущаго и действующаго благословения Божия: надеждою да ободряем и укрепляем себя в трудностях подвигов и в искушениях. Если даровано нам сокровище благословения Божия: да храним себя бдительно, чтобы не утратить сего сокровища охлаждением к добрым подвигам.

Земля, иносказует Апостол, *пившая сходящий на ню множищею дождь, и раждающая былия добрая оным, имиже и делаема бывает, приемлет благословение от Бога* (Евр. VI. 7). То есть: душа, орошаемая небесным *дождем* предваряющей благодати и многих благодеяний провидения Божия, тогда только *приемлет* как бы в собственность и упрочивает себе *благословение* Божие, когда, соответствуя предваряющей благодати верою, тщанием и подвигом, износит из глубины своей *былия добрая*, – чистыя мысли, святыя желания, добрыя дела, во славу вседетелья Бога. Аминь.

1861 год.

CDLVI.

367. Речь

По рукоположении Преосвященнаго

Сергия Епископа Курскаго и Белгородскаго.

(Говорена января 1-го; напечатана

в Твор. Св. От. и в собрании 1861 г.)

<1861 год>

Преосвященный Епископ Сергей!

Благословением Святейшаго Синода, благоволением Благочестивейшаго Самодержца, над сими же, невидимым мановением Господа Вседержителя и Великаго Архиерея, прошедшаго небеса, ты призван, и ныне благодатию Святаго Духа освящен в служение епископства.

Служение высокое, по благодати данной ему, смиренное, по примеру и заповеди смиренного сердцем Иисуса Христа, трудное, по причине страстей и немощей человеческих, спасительное по своей цели.

Как смотришь ты теперь на поприще, открывшееся пред тобою? Радуюсь ли? – Страшусь за тебя. Страшишься ли? – Радуюсь о тебе. Если, по учению Апостола, каждый должен *со страхом соделывать спасение* (Филип. II. 12) своей одной души: с каким страхом должно служить спасению тысяч и тем душ. Страх усилит бдение и подвиг; и смирение привлечет вышнюю помощь.

Твоей деятельности предлежат молитва, учение, управление, церковный суд.

Подвизайся, чтобы молитва была крепка и чиста, учение православно, управление благопопечительно, суд праведен и растворен милостию.

Да будут у тебя вера и любовь к Богу крилами молитвы, слово Божие непреложным основанием учения, правила и примеры святых отцев руководителями жизни, управления и суда.

Наипаче да не изнемогает молитва. Как из облака молния, так из молитвы свет истины и разумения. От молитвы сила власти. С молитвою пронизателен и верен суд.

Возноси от земнаго жертвенника к небесному молитвы о Благочестивейшем Самодержце нашем, о Святейшем Синоде, о всей православной Российской Церкви и царстве, о всей православной вселенской Церкви, и ныне, как древле, не безопасной от *бед во лжебратии* (2 Кор. XI. 26), а в некоторых странах, в сии христианския времена, пред лицом христианских царств, так же как в языческия времена, гонимой врагами христианства.

И, если, при помышлениях о великом, не неуместно внимание и к малому, предлагаю вниманию твоего братолюбия, чтобы не забвен был в молитвах твоих послуживший, с собратиями, твоему освящению, дабы помилованный много во входе и прохождении поприща обрел милость во исходе.

Милость Господня да предваряет и сопровождает тебя вся дни живота твоего.

CDLVII.

368. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Александру Николаевичу, пред вступлением, с Государынею

Императрицею Мариею Александровною, с Великим Князем

Алексеем Александровичем и Великою Княжною Мариєю

Александровною, в Успенский Собор.

(Говорена мая 18-го; напечатана в

Твор. Св. От., в Моск. Вед. и в собр. 1861 г.)

<1861 год>

Благочестивейший Государь!

Приветствуем Тебя в седьмое лето Твоего царствования.

У древняго народа Божия седьмое лето было летом законнаго отпущения из рабства (Исх. XXI. 2).

У нас не было рабства, в полном значении сего слова: была однако крепкая наследственная зависимость части народа от частных владельцев. С наступлением Твоего седьмаго лета Ты изрек отпущение.

Обыкновеннее Сильные земли любят искать удовольствия и славы в том, чтобы покорить, и наложить иго. Твое желание и утешение – облегчить Твоему народу древния бремена, и возвысить меру свободы, огражденной законом. Сочувствовало Тебе Сословие благородных владельцев; и в добровольную жертву сему сочувствию принесло значительную часть своих прав. И вот более двадцати миллионов душ обязаны Тебе благодарностию за новыя права, за новую долю свободы.

Молим Бога, чтобы добрый дар был разумно употреблен; чтобы ревность к общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрешения затруднений, иногда неизбежных при новости дела; чтобы получившие новыя права из благодарности порадели уступившим древния права, чтобы приятная мысль о труде свободном сделала труд более прилежным и производительным, к умножению частнаго и общаго благоденствия; да будет Твоя к Твоему народу любовь увенчана неувядающею радостью под осенением Провидения, благодатно простираемым, вместе с Тобою, над совенчанною Тебе Твоею Супругою и Твоими благословенными Чадами.

CDLVIII.

369. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Александру Николаевичу пред вступлением, с Государынею

Императрицею Мариєю Александровною, с Великим Князем

Сергеем Александровичем и с Великою Княжною Мариєю

Александровною в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.

(Говорена июня 5-го; напечатана в

Твор. Св. От., в Моск. Вед. и в собр. 1861 г.)

<1861 год>

Благочестивейший Государь!

Не значительно было бы пред Тобою, если бы мы сказали теперь, что пришествию Ваших Императорских Величеств с Благоверными чадами Вашими, радуемся мы, чада Преподобного Сергия. Скажем лучше, несомненно достойнее Вашего внимания, – что посещению Вашему радуется Преподобный Отец наш Сергий.

Ибо он как в земной жизни, после Бога и Неба, любил православную Россию и Державных ея, и служил благу Их молитвою, советом, миротворством: так и в небесной жизни являет подобныя расположения, с вышею небесною силою.

Дважды сохранил он сию Обитель свою, когда столица была в руках врагов. Это не для Обители только, но наипаче для России. Так, открывалось, что Россия была постигнута праведным прещением Божиим, но не оставлена Богом; что вера может сохранить царство, когда недостаточны для сего царственные силы.

В мире, Благочестивейший Государь, хранишь Ты Твое царство. Но мир и в мире не мирен. Есть искры под пеплом, которые он или не умеет, или не старается угасить. Он говорит о мире, и непрестанно усиливает приготовления к брани.

При таких обстоятельствах, особенно утешительно нам, и, без сомнения, приятно Преподобному Сергию, что Ты, притекая к нему, чрез него и с ним прибегаешь к Богу, чтобы Твоей царственной мудрости приобрести новый свет от премудрости Божией, чтобы укрепить царственную силу силою Божией.

Вниди в мире и, в общении со Святым, принеси Твою царственную молитву Всесвятому Господу: и с нею воздвигнется молитва Твоего верного народа; и, по общей вере, да преклонится Всевышний, и благословит ненарушимым миром и возрастающим благоденствием Тебя и Твой Дом и Твое царство.

CDLIX.

370. Речь

Благоверному Государю, Наследнику

Всероссийского Престола, Цесаревичу и Великому

Князю Николаю Александровичу, пред вступлением

Его Императорского Высочества в Большой Успенский Собор.

(Говорена августа 26-го; напечатана в

Тв. Св. От., в Московских Ведом. и в собр. 1861 г.)

<1861 год>

Благоверный Государь!

С радостью приемлем Тебя, как вожденного участника в царственном празднике, не забывая в то же время, что встречаем Тебя, как путешественника.

Ты обозревал часть России: взоры и надежды России следовали за Тобою.

Разумею, что предмет Твоего путешествия не удовольствие, но труд, не удовлетворение любопытства разнообразными видами мест и людей, но изучение Отечества.

По истине, надобно довольно знать страну и народ, чтобы удовлетворительно управлять ими.

По сей истине, Ты рано собираешь семена знаний и опытов для Себя, чтобы они в последствии принесли плод для России.

Господь благими судьбами Своими да ведет к верному исполнению Твои благия желания и благия о Тебе надежды Отечества.

Теперь же вниди с нами в радость Твоих Боговенчаных Родителей и в общение Всероссийской молитвы, да продолжится благословение свыше над Царем и Царством.

CDLX.

371. Беседа

на освящение придельного храма

Божией Матери в Тихвинском Соборе

города Коломны.

(Читана Епископом Леонидом сентября 17-го;

напечатана в Твор. Св. Отц. и в собр 1861 г.).

<1861 год>

Окончившим путь приятно отдыхать: но приятно и оглянуться на начало и продолжение пути и на перенесенные трудности. Так, среди приятных часов обновления сего храма, не неприятно будет вспомнить его прежнее существование и путь возсоздания его.

В прошедшем столетии, усердием гражданина сего града, раба Божия Иоанна, создан здесь храм; и много лет им довольствовались, но потом начали находить его не довольно пространном.

Радостна жалоба, что храм тесен: она показывает, что он имеет довольно молящихся. И едва ли не больше радостна жалоба, что храм становится тесным: это показывает, что число молящихся умножается. Господи, умножи и благослови любящих дом Твой земный, и чрез него веда их в Твой дом небесный!

Приснопамятный раб Божий Филипп, ктитор сего храма по должности, возымел усердие сделаться действительным храмовладельцем, чрез распространение сего храма. Но у других благорасположенных граждан возникла другая мысль: создать отдельный, совершенно новый храм. Произошла борьба мнений, и предприятие подверглось колебаниям и остановкам.

Мнение раба Божия Филиппа превозмогло: но ему не суждено было совершить предприятие. Провидение Божие хранило его до тех пор, пока дело решительно утвердилось в его руках: и вскоре Господь, приняв его твердое намерение, как самое дело, призвал его в будущий век.

Что будет с его предприятием? – думали, вероятно, видевшие кончину его. Но Господь устроил так, что наследовавшие временное его достояние, наследовали и его благочестивое усердие, и предприятие совершилось. Исполнилось даже то, что показалось бы невероятным прежде исполнения. В созидании сего храма исполнились некоторым образом оба мнения, прежде взаимно противоборствовавшие. Предпринято распространение храма: но вот вы не видите ничего старого, а видите совершенно новый, пространный, величественный, благолепный храм.

Да радуется душа, начавшая богоугодный подвиг, и душа, благословенно совершившая оный.

Утешимся все. И наипаче прославим Бога, Который дарует благия намерения, и благословляет исполнение их.

Се ныне благословите Господа вси раби Господни, стоящи в храме Господни, во дворех дому Бога нашего (Псал. СXXXIII. 1).

Ныне, когда здесь уготован новый престол *Царю славы*, Господу нашему Иисусу Христу, – когда сей престол, чтобы ему быть хотя несколько достойным сего высочайшего Царя, очищен омовением и освящен миропомазанием, по некоему подобию человека крещаемого и миропомазуемого, которого душа также должна быть престолом нисходящей на нее благодати Божией, – когда в сем олтаре от огня кадила возжен новый свет, в знамение света Христова в душах, возсиявающего при содействии огня молитвы, – когда сей олтарь и храм исполнен благоуханием фимиама, в знамение осеняющей благодати Святаго Духа, призываемой молитвою веры, – когда, наконец, в уготованный таким образом храм и олтарь, в знамении мощей святых, невидимо, но действительно *вниде царь славы* (Пс. XXIII. 9) Христос Бог наш, – ныне познайте и ощутите Его таинственное, благодатное здесь присутствие; возблагодарите пред Его величием; возрадуйтесь о Его близости. *Се ныне благословите Господа вси раби Господни, стоящи в храме Господни, во дворех дому Бога нашего.*

И только ли *ныне*? Господь пришел ныне во храм сей не для того только, чтобы посетить его ныне, но чтобы вселиться в нем и пребывать. Ибо так сказал сам Господь еще о древнем ветхозаветном храме: *избрах и освятих дом сей, да будет имя Мое ту даже до века, и будут очи Мои и сердце Мое ту во вся дни* (2 Пар. VII. 16). И если такое обетование дано было ветхозаветному храму, в котором были только тени, образы и предначертания истины, то, без сомнения, еще в большей силе принадлежит тоже обетование новозаветному, христианскому храму, в котором явлены *благодать и истина Иисус Христом* (Иоан. I. 17). Там были богописанные скрижали заповедей, обличающих и осуждающих грех, но не избавляющих от него: здесь изреченное Сыном Божиим Евангелие царствия Божия, спасающее человека грешника. Там была манна, хлеб,

падавший с неба, который Израильтяне *ядоша и умроша*: здесь истинный хлеб небесный; таинственное животворящее тело Христово, которое вкушающий с верою *живет во веки* (Иоан. VI. 58). Там кровь жертвенных животных кроплением подавала наружное на время очищение: здесь приемлемая с верою *кровь Христова, Иже Духом Святым Себе принесет непорочно Богу*, внутренне и совершенно *очищает совесть нашу от мертвых дел* (Евр. IX. 14). Из сего само собою открывается, как присущь освященному храму Бог и Господь наш Иисус Христос. Не только *очи Его здесь*, то есть, Он благопромыслительно взирает на души предстоящих здесь; не только *сердце Его здесь*, то есть, Он с любовью и милосердием внемлет молитвам предстоящих здесь: но вместе с сим здесь пребывает Его благодатная сила, осеняющая души, просвещающая умы, улаждающая сердца, духовно животворная и спасительная.

И так не ныне только, но и во всякое время *благословите Господа вси рабы Господни, стоящие во храме Господни*. Когда входишь в храм Господень, помысли, что здесь присутствует *Господь сил, Царь славы* (Пс. XXIII. 10), что *Господь сил*, Которому тысячи и тмы сил небесных, Ангелов и Архангелов со страхом служат, – что *Царь славы*, Которого славы исполнены и не вмещают небо и земля, – снизшел, вселился в сей малый пред величием Его храм, ради тебя, малое создание Божие, чтобы здесь облегчить тебе доступ к Нему, чтобы здесь открыть тебе сокровища благодати. Возблагодоговей пред Его величием. Почудись Его снисхождению. Принеси Ему хвалу и благодарение, соединяя твое сердечное славословие с гласом славословия церковного. Скажи с царем Пророком: *благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его* (Пс. CII. 1). Господи, *что есть человек, яко помниши его, или сын человек, яко посещаеши его* (Пс. VIII. 5)?

Мы более расположены обращаться к Богу с жалобами на наши недостатки, нужды, скорби, бедствия, и приносить Ему различные прошения: потому преимущественно напоминаю вам не опускать молитвы славословия. Не слышите ли, как священнослужитель каждое богослужение начинает славословием? *Благословен Бог наш. Слава единосущной Троице. Благословенно царство Пресвятыя Троицы*. Потом предлагает он молитвенные прошения, и заключает новым славословием. Не забывайте и вы предварять и заключать молитву прошения молитвою славословия. Почему так? – Потому что в молитве прошения вы думаете о себе; а молитву славословия приносите собственно для Бога. Молитвою прошения вы ищете блага себе: молитвою славословия приносите духовную жертву Богу. Можешь ли надеяться дара, если не усердствуешь принести жертву? Если приходящий просит милости у царя земного, всемерно тщится воздать честь его величеству: кольми паче приходящий просить милости у Царя небесного должен от чистаго сердца принести честь и славу Его величию, премудрости и благодати.

Слышали вы, что *очи Господни в храме. Очи же Господни светлейшии солнца суть* (Сирах. XXIII. 27). Они проникают души ваши; видят ваши сокровенные мысли, желания, дела, настоящие, прошедшие, и будущия. И так берегитесь, чтобы не принести пред Господа мыслей, желаний и дел, нечистых и греховных, от которых Он отвращает очи. Тщитесь приносить во храм Его мысли чистые, желания непорочные, и, если недостает чистых дел, приносите, по крайней мере, искреннее покаяние.

Слышали вы, что *сердце Господне во храме*. И так, если Господь благоволит принять вас здесь с любовью и милосердием: то берегитесь, чтобы не приступать к Нему с сердцем холодным, или пристрастным к миру и плоти. *Всяцем хранением блюди сердце твое, для мира собственного, наипаче же для Бога: от сих бо исходища живота* (Притч. IV. 23).

Божие же благословение, благодатное и спасительное, да придет на всех предстоящих пред Господом, на добродееющих во святом храме сем, на творящих дела благочестия и

человеколюбия, на отцев семейств и на семейства, и на всякую душу, ищущую благодатной помощи Божией. Аминь.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

СЛОВА и РЕЧИ,

напечатанные

при жизни проповедника, но не внесенные в

собрания 1844, 1848 и 1861 годов.

(Печатаются с брошюр и повременных изданий).

1849 год.

CDLXI.

36. Речь

при посещении Свято-Троицкой Сергиевой

Лавры Их Императорскими Высочествами Великими

Князьями Константином Николаевичем и Николаем

Николаевичем и Великими Княгинями Александрю

Иосифовною и Ольгою Николаевною.

(Говорена апреля 12-го; напечатана

в Московских Ведомостях 1849 года).

<1849 год>

Благодарные Государи!

Благодарные Государины!

Преподобный отец наш Сергей послал нас, послушников своих, чтобы сретить Вас, Высокие посетители, радостью и Его, и нашею.

Говорим: и Его радостью: поелику Он видит в Господе, что дух веры и молитвы привел Вас в сию обитель; а Святым свойственно *радоваться* как *о Господе*, так и о притекающих к Господу с верою и любовью.

Мы же, дети Царствия Российскаго, радуемся и благодарим Бога, что в Доме Царевом, и в наши дни, как во дни предков, обитает наследственная любовь к Богу и Святым Его.

1850 год

CDLXII.

37. Речь

**Благоверным Государям и Великим Князьям Николаю
Николаевичу и Михаилу Николаевичу пред вступлением Их
Высочеств в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.**

(Говорена августа 17-го; напечатана в Московских Ведомостях 1850 года).

<1850 год>

Благоверные Государи!

Высокое присутствие Ваше приносит нам радость многообразную. Приближаясь к Вам, мы, кажется, приближаемся в то же время и к Августейшему Родителю Вашему, который не разлучен с Вами родительскою любовью, – которого мудрость руководит Вас теперь к ближайшему ознакомлению с Россиею, дабы тем более для нея была благотворна жизнь Ваша, – которого благочестие указывает путь Вашему благочестию. Сколько здесь радостей для верных сынов России.

Внидите к крепкому и благопоспешному молитвеннику земли Русской, преподобному Отцу нашему Сергию, и между тем как обитель Его самым видом своим и воспоминаниями говорит Вам, какое в судьбе России имеют участие вера и молитва, Ваша вера воскресит Вашу молитву, и призвавший некогда свыше благословение спасительной победы Великому Князю не крепкой еще России, да призовет Царю и Великим Князьям России могущественной обильное благословение мира и побед и благоденствия и славы.

CDLXIII.

38. Речь

**Благочестивейшему Государю
Императору Николаю Павловичу пред
вступлением Его Величества в Успенский Собор.**

(Говорена сентября 9; напечатана

в Моск. и Губерн. Вед. 1850 года).

<1850 год>

Благочестивейший Государь!

Чрез недолгое время после предшествовавшего Твоего посещения, вновь сретая Тебя, Твой древлепрестольный град не может не помыслить с утешением, как много в краткое время, светлыми чертами, вписал Ты в книгу Твоей жизни и Твоего царствования.

Великодушно и мужественно поддержав потрясенный престол Твоего союзника, чрез сие самое Ты поддержал многие престолы, законность, порядок, уважение к вере и правде, словом, все, чем тверды царства, чем благоденствуют народы: ибо противу всего того возставали враги Тобою низложенные.

Чем явственнее здесь знамения, что Провидение избрало Тебя охранительным и благотворным орудием не только для России, но и для других стран образованного мира, угрожаемого в своей образованности, тем с большим дерзновением и надеждою мы молим Бога, да продлит и умножит Свои благословения на Тебе, и на Твоем Державном Доме, и на Твоей России.

CDLXIV.

39. Речь

**Государю Наследнику Цесаревичу
и Великому Князю Александру Николаевичу,
пред вступлением Его Высочества в Успенский собор.**

(Говорена ноября 10; напечатана

в Моск. Ведомостях 1850 года).

<1850 год>

Благоверный Государь!

Из уст Царя Пророка слышим молитву: *Боже, суд Твой Цареву даждь и правду Твою Сыну Цареву: да восприимут горы мир людям, и холми правду* (Псал. LXXI. 1. 3).

И нам кажется, что это молитва о Царе Русском и о Его Первенце, и что исполнение сей молитвы – пред нами.

Твой Августейший Родитель употребил Твое око, чтобы Царскими взорами объять отдаленные пределы необъятного царства: и Ты прошел край Кавказский, и достиг Арарата, – *да восприимут горы мир людям; и холми правду*, – чтобы Твое обозрение принесло областям радость, и споспешествовало их благу.

Приветствуем Тебя с совершением сего подвига и молим Бога, да будут, как сей, так и все Твои подвиги благоугодны Царю-Отцу, благотворны странам и людям царства.

1851 год.

CDLXV.

40. Речь

**Благочестивейшему Государю
Императору Николаю Павловичу пред
вступлением Его Величества в Успенский Собор.**

(Говорена августа 20-го; напечатана в

Моск. и Губернск. Ведомостях 1851 г.).

<1851 год>

Благочестивейший Государь!

Сретая Тебя, притекающего к Святыне сего храма, ныне особенно, проникнутые мыслию, что в Нем приял Ты Царский Прародительский венец и священное помазание, мы можем только благоговеть, а не изъяснять воспоминания и чувствования, которыми теперь воспламеняются верныя Тебе сердца.

Веруем, что немощь нашу восполняют сильные Богом, древние священные начальники сего храма: Петр, Алексей, Иона и Филипп и слышимо Твоему духу духовно приветствуют Тебя словом благодати: *благословен грядый во имя Господне.*

CDLXVI.

41. Речь

**Благоверной Государыне Цесаревне, Великой Княгине Марии
Александровне пред вступлением Ея Высочества с Великими
Князьями Николаем и Александром Александровичами
в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.**

(Говорена сентября 2-го; напечатана в

Московских и Губернских Ведомостях 1851 г.)

<1851 год>

Благоверная Государыня!

Ваше Императорское Высочество посещаете ныне обитель, уже Вам не знакомую. Посему особенно разумею, что не отечественная достопамятность ея призывает Ваше внимание (впрочем, достойная внимания), но преимущественно, дух благодати, вселившийся здесь с избранным подвижником Веры, привлекает Ваше сердце.

Внимая слову Христову: *оставите детей приходить ко Мне*, и юных Чад Ваших поспешаете приближать ко Храму и Святыне Его.

Веруем, что Он благословляет Вас и Их, при предстательстве Угодника Своего, Который пять уже веков действительно призывает благословение Господне на Державный в России Род и на Россию.

CDLXVII.

42. Речь

**Благочестивейшей Государыне Императрице
Александре Феодоровне пред вступлением Ея Величества
в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.**

(Говорена сентября 4-го; напечатана

в Москов. и Губрн. Вед. 1851 г.).

<1851 год>

Благочестивейшая Государыня!

Россия, видя в сие время Царя своего и Наследника Его, путешествующих для исполнения Царственных обязанностей, видит в то же время Царицу свою, путешествующую, по влечению сердца к Богу и Святыне Его. И то и другое радостно и спасительно для России.

Царскими подвигами живет и возвышается царство. Царская усердная молитва привлекает благодать Царя царствующих не только Царскому Дому, но и царству.

Преподобный Отец наш Сергей, толико крат благоприятно соединявший молитву Свою с молитвою Державных, будет предстательствовать и ныне, *да даст ти Господь по сердцу Твоему и весь совет Твой исполнит.*

1852 год.

CDLXVIII.

43. Речь

**Благоверной Государыне, Великой Княгине
Марии Николаевне при вступлении Ея Высочества
в Свято-Троицкую Сергиеву лавру.**

(Говорена мая 25; напечатана в

Московских и Губернских Вед. 1852 г.)

<1852 год>

Благоверная Государыня!

У Пророка написано: *Блажен, кто имеет сродников в Иерусалиме* (Иса. XXXI. 9), разумеется, в Иерусалиме небесном; потому что земный Иерусалим и сам недовольно блаженствует.

Ваше Императорское Высочество, обладая преимуществами Высокого рода на земли, тем не менее признает вожденным, верою и молитвою обрести присных между гражданами небесного Иерусалима, всегда готовыми приводить нас во благоволение Царя Небесного; и потому к блаженному и благодетельному Гражданину небесному, Преподобному Отцу нашему Сергию и усердием веры приблизиться возжелали и благословенное имя Его для сына Вашего восприяли и не в первый уже раз посещаете Его на месте земного покоя Его, проникнутаго небесною деятельностью.

Назидательно нам сие видеть и утешительно с молитвою Вашою соединить наши смиренные молитвы, да благословение небесное, наследованное Вами от благочестивых Родителей Ваших, при споспешествовании веры живой и деятельной обильно прострется на род Ваш и в грядущия времена.

1853 год.

CDLXIX.

44. Речь

Пред ракою Преподобного Сергия, по случаю принесения

Евангелия и Животворящего Креста Их Императорскими

Высочествами Государем Наследником Цесаревичем

Александром Николаевичем и Государынею

Цесаревною Марию Александровною.

(Говорена 5-го июля;

напечатана в Московских Вedom. 1853 г.)

<1853 год>

К Тебе, Преподобне и Богоносне Отче Сергие, дерзну ли аз прострети слово, кроме слова молитвы церковной, которому дает дерзновение сама Церковь и ея устав? И нужно ли слово извещения Тебе, которому дано видеть не только наше видимое, но и наше невидимое, дабы милость являемая Тобою прибегающим к Тебе соглашаема была с истинною пользою просящих милости?

Но движению сердца уступая и предстоящему народу желая сотворить радость возглашаю пред Тобою то, что Ты прежде слова уже слышишь.

Се Тебе священное приношение от Благоверных Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Николаевича и Государыни Цесаревны Марии Александровны. Приими сию жертву веры, и благоговейного усердия, вознеси ее ко Христу Богу нашему и испроси от Него сильною Твоею молитвою и подаждь и подавай выну обилие благословений Принесшим оную и Благочестивейшим Родителям Их и Благоверным Чадам Их.

Тебя чтут Они, и вместе Христа Бога нашего прославляют, ибо приносят Его Божественное Евангелие и Его Животворящий Крест. Умоли, да исполнится на Них слово Господне: *прославляющая Мя прославлю.*

Православные же люди слышащие что-то над ними Евангелие сие, осеняемые крестом сим, да осеняются и исполняются благодатию Господнею; и с тем вместе да воспоминают благочестие Царского рода, и да радуются о Нем, и да утверждаются сами в благочестии памятию высокаго примера.

CDLXX.

45. Речь

Благоверной Государыне, Королеве

Нидерландской Анне Павловне, пред вступлением

Ея Величества в Успенский собор.

(Говорена июля 19; напечатана в Московских и Губернских Вedom. 1853 г.)

Благоверная Государыня!

Присутствие здесь Вашего Величества есть радостное для нас свидетельство, что судьба, давшая Вам другое отечество, дабы Вами и Вашими чадами украсить и укрепить тамошний Престол, не отделила Вашего сердца от Вашего первого отечества.

Можем свидетельствовать, что и Православная Россия не престаёт усвоить Вас себе. Она каждый день возносит о Вас молитвы.

И теперь, преданный своему Царю, а по Нем и всему Царскому роду сей древнепрестольный град гласом радости призывает Вам благословения от Всеблагаго и Всещедраго, из Него же всяко отечество на небесах и на земли именуется.

CDLXXI.

46. Речь

Благоверной Государыне Королеве Нидерландской

Анне Павловне пред вступлением

Ея Величества в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.

(Говорена июля 20; напечатана в

Московских и Губернских Вedom. 1853 г.)

<1853 год>

Благоверная Государыня!

Чесо изыдосте в пустыню видети? вопрошал Христос Спаситель при мысли о Иоанне Крестителе, давая разуметь, как не по закону вероятности человеческой, добродетель и благодать в уединенном обитателе дикой пустыни открывают светильника миру.

И теперь не неблаговременно вопрошение: *чесо изыдосте в пустыню видети?* – По истине также нечто превысившее закон вероятности человеческой. В дикой пустыне одинокий, в безвестности, поселился здесь Преподобный Сергей: но как всецело посвятил Он себя Богу, то привлек преизбыточествующую благодать Божию, и вот уже в продолжение нескольких веков *исходит* к Нему обширная *страна*, стами и тысящами притекают души, ищущия благодатных влияний, и, без сомнения, приемлют и испытывают их, ибо иначе перестали бы притекать. И с тем вместе пустыня населилась, хижина превратилась в вековую обитель, и даже в крепость, устоявшую и тогда, когда от врагов падала столица.

Сие восхотела видеть Ваша вера и доставила нам то радостное и поучительное видение, что вера и смирение исходят из царского чертога, чтобы посетить и почтить смиренного, но облагодаствованного пустынножителя.

Вверьте Богоносному Отцу нашему Ваши благия и чистыя желания, и споспешествуемая Им да взыдут к Отцу небесному и да снидет на Вас осенение *мира Божия, превосходящаго всяк ум*, и утешения духовнаго, восполняющаго всякое лишение сердца.

CDLXXII.

47. Речь

Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю

Александру Николаевичу пред вступлением Его Высочества

в Успенский собор.

(Говорена августа 24-го; напечатана

в Моск. и Губерн. Вед. 1853 г. № 102)

<1853 год>

Благоверный Государь!

Если позволительно нам угадывать значение Твоего путешествия и Твоего здесь ныне присутствия, – думаем, что это по подобию Твоего Державнаго Родителя Ты устремляешься орлим полетом, чтобы собственным оком назирать и лично благоустроить то, что Он вверил Твоему попечению.

И так видеть Тебя и в Твоем лице и действиях видеть Его образ есть для нас сугубая радость.

Молим Бога, да будут Твои подвиги Тебе не тягостны, благоугодны Твоему Родителю, благотворны России.

CDLXXIII.

48. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору
Николаю Павловичу пред вступлением Его Величества
в Успенский Собор.**

(Говорена сентября 2; напечатана в

Моск. и Губерн. Вед. 1853 г., № 106).

<1853 год>

Благочестивейший Государь!

Время всякой вещи под небесем, говорит Премудрый.

Православная Церковь всегда имеет Тебя своим защитником: но в настоящее время особенно видит Тебя в сем подвиге. За ея на Востоке святыню, за безопасность и спокойствие единоверных, Ты возстал с оружием сильного правдою Царского слова: и боязливая забота, которую оно распространило в иноплеменных царствах, дает нам знамение, что Твое слово будет победоносно над противоборными силами, подобно как и Твое оружие.

Проникнутые сочувствием Твоей мысли души наши из глубины взывают о Тебе к дающему спасение Царем: *Господи, силою Твоею да возвеселится Царь.*

1854 год

CDLXXIV.

49. Речь

**по окончании напутственного молебна,
при выступлении в поход 16-й пехотной дивизии.**

(Говорена в Екзерциргаузе января 16-го; напечатана в

Моск. и Губернск. Ведом. и в журнале: Чтение для солдат 1854 г.).

Дети Царя и Отца и Матери России, братья воины!

На подвиг призывают Вас Царь, Отечество и Христианство и сопровождает Вас молитва Церкви и Отечества.

Враг побежденный при Екатерине Второй, побежденный при Александре Первом, побежденный при Николае Первом, вновь вызывает Россию на брань, и Ваши собратия уже возобновили над ним привычку побеждать на суше и море.

Если по судьбам Божиим и Вам должно будет стать против лица врага, Вы будете помышлять, что сражаетесь за Благочестивейшего Царя, за любезное Отечество, за святую Церковь против нехристиан, против гонителей христианства, против утесняющих народы нам единовверные и частию соплеменные, против оскорбителей святыни поклоняемых мест Рождества, Страдания и Воскресения Христова.

Если когда, то наипаче при сих условиях, — благословение и слава побеждающим, благословение и блаженство приносящим в жертву жизнь свою с верою в Бога, с любовью к Царю и отечеству!

Сказано в писании о древних подвижниках за отечество: *верою победиши царствия* (Евр. XI. 33). Верою победоносни будете и вы.

Для сего и напутствуем вас молитвою и знамениями веры.

Древний крепкий молитвенник за Россию, преподобный Отец наш Сергей благословил некогда победоносную брань против утеснителей России. Его образ ходил при полках наших при Царе Алексие, при Петре Первом и наконец при Александре Первом во время великой брани против дванадцати народов. Образ преподобного Сергия да сопутствует и вам как знамение споспешествующих, охраняющих, сильных пред Богом молитв его за вас.

Возмите также и имейте с собою военное и победоносное слово Царя и Пророка Давида: о Боже спасение и слава (Псал. LXI. 8).

CDLXXV.

50. Речь

при посещении их Императорскими Высочествами Великою

Княгинею Цесаревною Мариею Александровною и Великими

Княгинями Александрою Иосифовною и Мариею Николаевною

Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

(Говорена мая 13; напечатана в

Московских и Губернских Вед. 1854 г.)

Благоверныя Государыни!

При утешении Вашего лицезрения, чрез которое чувствуем себя ближе и к Царю-Отцу, особенным образом утешает нас то, что мысль, которая привела Вас в сию область древней святыни, есть мысль молитвенная.

Так одна мысль одушевляет и Царя и Дом Его, и Царство Его. Призываемые на защиту отечества молитвою укрепляют свое оружие и свой подвиг; и те, которым суждено быть безоружными, молитвою вооружаются и присоединяются к общему подвигу.

А враги наши, покушаясь разрушить мирный город, с тем вместе покушались разрушить и молитву в ея священнейшее время. Но яростные звуки вражеских оружий не сильны были против кротких гласов молитвы.

Благоверные молитвенницы! По предстательству Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия, да благословит Господь вход Ваш и Ваш молитвенный подвиг да сотворит благоплодным. Возносящий смиренных, да *вознесет во спасение* Высоких, пред Ним смиряющихся и на Него уповающих.

CDLXXVI.

51. Беседа

по освящении храма Пресвятыя

Богородицы, Взыскательницы погибших,

в Тюремном замке пересыльных арестантов.

(Говорена сентября 2-го;

напечатана в Моск., Губерн. и Полиц. Вед. 1854 г.).

<1854 год>

Прииде бо Сын человеческий взыскати, и спасти погибшаго (Матф. XVIII. 2).

Изображая совершенства и благодеяния Божией Матери, Церковь между прочим, говорит о Ней, что Она есть *взыскание погибших*. То-есть: Ея человеколюбие так велико, что Она не только приходящих просить Ея помощи приемлет и подает им помощь, но и Сама ищет имеющих нужду в помощи, дабы не только скорбящих утешить, немощных укрепить, болящих исцелить, несчастных облагоденствовать, но даже невозвратно, повидимому, погибших найти, обратить и привести ко спасению.

Опыт сего можно указать в Марии Египетской. Не надлежало ли почесть ее отверженною и невозвратно погибшею, когда, погрязши в пороке, она невидимою силою недопущена была в храм Божий, хотя в него многие грешники допускаются? Но в сии самые минуты отвержения, как скоро возрела она оком молитвы на образ Божией Матери, Матерь Божия возрела на нее оком милосердия, и храм Божий с Его святынею отверзся для отверженной, и сердце ея отверзлось для покаяния и приятия благодати, и погибшая спасена, и чудными подвигами благочестия изгладила в себе следы чудовищного разврата.

В неограниченном человеколюбии Матерь Божия подражает Своему Единородному Сыну и Богу. Христос Спаситель Сам возвестил о Себе, *что прииде Сын человеческий взыскати и спасти погибшаго*.

Милосердие создало сей храм. От милосердия родилась и та мысль, чтобы ознаменовать сей храм именем Божией Матери, *Взыскательницы погибших*. В намерении было сделать, и сделано то, что храм сей именем своей Покровительницы, и своим наименованием, непрестанно говорит входящим в него и окружающим его: как бы вы ни находили себя несчастными, не предавайтесь унынию; хотя бы даже погибшими почитали вы себя, не предавайтесь отчаянию; есть и для *погибших* *взыскание и спасение*.

Но и тем, которые, может быть, и не думают, и не опасаются, что могут быть в числе погибших, стоит труда подумать, что такое *взыскание погибших*.

Прииде Сын человеческий взыскати и спасти погибшаго. Кто сей погибший? Один ли это какойнибудь человек? Без сомнения, не один, а многие. Нельзя думать, чтобы Сын Божий соделался Сыном человеческим для спасения одного только человека.

Много ли же погибших, которых Он пришел спасти! И есть ли сверх их люди непогибшие, которые не требуют от Него спасения? На сие говорит Апостол Петр: *несть иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. IV. 12). И Апостол Иоанн *свидетельствует, яко Отец посла Сына Спасителя миру* (1 Иоан. IV. 14). Если Апостолы свидетельствуют, что всякий человек может спастись не иначе, как именем Иисуса Христа; что Бог Отец послал Его спасти весь мир; Сам же Он говорит, что пришел спасти *погибшаго*: то не должно ли заключить, что под именем *погибшаго* надобно разуметь всякого человека, весь мир? – Так точно.

Пророк открыл, можно сказать, закон погибели, когда воззвал к Богу: *се удаляющийи себе от Тебе, погибнут* (Псал. LXXII. 27). Не просто сказал: *погибнут*, при чем можно было бы думать о погибели только вероятной, или отдаленной; но сказал: *вот погибнут*, указуя на гибель близкую и неизбежную. В самом деле, если верно Апостольское выражение отношения человека к Богу, что мы *в Нем живем, движемся и есмы* (Деян. XVII. 28): то не менее верно и то, что по мере удаления от Бога, человек лишается свойственной себе жизни, деятельности, благобытия, словом, погибает.

Но как может человек удалиться от Бога вездесущаго? Конечно, не местом, а умом, волею, сердцем. Человек удаляется от Бога сердцем, когда перестает любить Его; удаляется от Бога волей, когда желает противнаго воле Божией; удаляется от Бога умом, когда забывает его и погружается пристрастными мыслями в твари.

Так удалились от Бога первые прародители всех человеков, когда отвратились от Него умом и сердцем, и вняли клевете, и предались прельщению врага Божия, когда отступили волею своею от воли Божией, и нарушили заповедь Божию. Они пали в грех, и чрез грех в смерть и гибель.

И поелику таким образом природа первых человеков подверглась глубокому повреждению, и уже в сем состоянии повреждения началось от них потомство, и Адам, как сказует священное бытописание, и как естественно было, *роди сына по виду своему, и по образу своему* (Быт. V. 3), то есть, родил грешный грешнаго, смертный смертнаго, погибший, или по-крайней мере погибающий погибающаго: то в следствие сего и все мы, потомки Адама, от утробы матерней износим с собою семя греха и начало смерти и погибели, и кто может похвалиться, что он не возрастил и не расплодил семени греха

прирожденного грехами произвольными? – По сему и говорит Писание, что мы вне благодати Христовой, *мертвы прегрешенми, и естеством чада гнева* (Еф. II. 1. 3).

Далее, поелику Бог, при сотворении человека, даровал ему *обладание* (Быт. I. 26), обладание тварями видимого мира, действующее не поверхностною внешнею властью, но внутреннею силою образа в нем Божия: то повреждение природы человека должно было отразиться на природе видимого мира; и в следствие сего проникшая в нее смерть и погибель вырывается тлетворными действиями и разрушительными переворотами, доколе наконец, *нынешняя земля, и яже на ней дела сгорят* (2 Петр. III. 10), и нынешние видимыя *небеса погибнут* (Евр. I. 11).

Итак вот *погибший*, требующий от милосердия Божия быть взыскан и спасен: это всякий человек, весь человек, весь человеческий род, весь мир.

Есть люди, которые не видят и не признают греховной смерти и гибели, о которой теперь говорим. Они живут в свое удовольствие; и чаще или реже, уловляют, как им кажется, минуты счастья. Не завидно ли это? Напротив, это очень жалко. Такие люди подобны спящему в темнице, который во сне не видит себя в темнице, а мечтает быть на свободе, или больному горячкою, который в бреде не чувствует себя больным, а воображает себя здоровым, и который тем опаснее болен, что не чувствует своей болезни. Если ты не сознаешь своей греховности, сокрытой в ней смерти и гибели: то сам себя делаешь чуждым Того, Который *прииде взыскати и спасти погибшаго*.

Пробудись, в небрежении спящая душа; отвергни обольщающия мечты и призраки чувственности; светом закона Божия возжги светильник твоей совести, и ты усмотришь, что грех заключил тебя в темницу мрака духовного, за которою недалеко и темница адская; и уразумеешь, почему небывший никогда в темнице вещественной вопиял к Богу: *изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему*.

Прииди, больная грехом душа, в сознание опасности твоей болезни; вразумись, что болезненный огонь греховных страстей, которому ты попускаешь в себе разгораться, есть начаток огня геенского; и не медли просить исцеления от врача небесного.

Душа, уязвленная печалью греха и страхом следующей за грехом смерти и гибели! Поспешай покаянием и верою взыскать с своей стороны Того, Который един может взыскать и спасти тебя погибшую.

Се Он уже *пришел*. Веки ожидали Его и надеждою пришествия Его питались, как пищею жизни. Наконец он пришел и не удаляется, только бы мы не удалялись от Него и не упорствовали в своем удалении.

Единородный Сын Божий, не оставляя престола своего Божества, сокровенно от самага неба сошел на землю; облекся, как бы в странническую одежду, в естество человеческое, нарекся Сыном человеческим Иисусом Христом; и не только странствовал по земле, но простер свое странствование даже до ада, всюду взыскав погибшее человечество, чтобы спасти его. И чего не сделал Он для сего?

Поелику человек удалился от Бога умом, то Сын Божий *прииде, и дал есть нам свет и разум, да познаем Бога истинного, и да будем во истинном Сыне Его Иисусе Христе* (1. Иоан. V. 20).

Поелику человек удалился волею от воли и закона Божия: то воплощенный Сын Божий в своем человечестве, исполнил за нас всю волю Божию и весь закон Божий, и дал нам побуждение, пример и силу исполнять волю Божию и заповедь Божию.

Поелику человек удалился сердцем от любви Божией: то Спаситель наш дал нам *новую*, или обновил обветшавшую, *заповедь любви* (Иоан. XIII. 34) и *любовь Божию* изливал в сердца наша *Духом Святым* данным нам (Рим. V. 5).

Поелику человек грешник не только погиб сам собою, но и правосудием Божиим осужден на смерть, то Пришедший спасти погибшаго на себя принял и нашу вину, и нашу смерть, и с тем вместе умертвил нашу смерть Своею Божественною жизнью, и изсохший в нас корень жизни райской напоил Своею кровию, для произращения в нас жизни небесной.

Наконец, спасая погибшаго человека, Он хочет спасти и погибший через человека мир: и мы *нова небесе и новы земли по обетованию Его* чаем, в нихже правда живет (2 Петр. III. 13).

О *Пастырь добрый*, – безмерно добрый Божественный Пастырь духов и душ! Есть близь Тебя *девять десятъ в горах* (Матф. XVIII. 12) небесных, – нет, – есть там у Тебя тысячи тысяч и тмы тем, пасомых Тобою, водимых гласом Твоим, питаемых светом Твоим. Не довольно ли? Но Ты не презираешь и удалившейся от Тебя своеволием, блуждающей в дебрях земли, бедной словесной овцы, *и шед ищешь заблуждшия*. Кто изследит пути Твоего милосердия? – Не видим, но веруем, что пришел Ты ныне таинственно и в сей храм, и это все для того, чтобы и искать заблуждших, спасать погибших, чтобы сладкою свирелию духовных песней привлекать к себе словесных овец, чтобы питать их словом жизни и благодатию таинств. Ты один видишь, кто из собранных видимо в ограде Твоей близок к Тебе и внутренно, и кто *сердцем далече отстоит* от Тебе, и блуждает, и любит свое заблуждение. Буди милостив ко всем. Погибших извлеки из бездны погибели, заблудших обрящи, удаленных обрати и привлещи, обращающихся к Тебе и приближающихся прими и спаси, спасенных облаженствуй, да будет Тебе всеблагодару слава со безначальным Твоим Отцем и со Святым Духом, во веки. Аминь.

1855 год.

CDLXXVII.

52. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Александру Николаевичу при вступлении Его Величества

в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.

(Говорена 6-го сентября; напечатана в

Моск. Ведом. и в Твор. Св. Отц. 1855 г.)

<1855 год>

Благочестивейший Государь!

Если бы мы сказали, что Твоим и Твоего Августейшаго семейства пришествием обрадованы мы: это было бы слово сердца, но только по Твоему снисхождению достойное Твоего внимания.

Можем сказать то, что вполне достойно Твоего внимания и даже сорадования. Радуетя сему посещению Тобой нынешний духовный Гостеприимец Преподобный Отец наш Сергей. Ибо святые на небеси, блаженствуя в любви Божией, еще находят радость и в любви к земным ближним, когда видят их подвизающихся приближаться к Богу и могут по вере споспешествовать сему своими молитвами.

И так от сердца Сергиева приими слово сретения: *благословен грядый во имя Господне.*

Вниди под кров крепкого молитвенного подвижника за Россию и чрез Него и вместе с Ним принеси Святой Троице молитву веры и упования.

Сила молитвы есть чистейший и обильнейший источник силы державной и владычественной.

Благословивший Великаго Князя Дмитрия на победу над неверными, – подвизавшийся невидимо и очевидно за Россию в бедственные дни оскудевшего престолонаследия, не допустивший до своей обители Галлов, опустошавших столицу, – с тою же и ныне любовью к Царю и Царству Русскому воздвигает в защиту их молитвенные руки, как некогда Моисей в защиту Израиля, с тою разностию, что у Небеснаго молитвенника не изнемогают руки как у земнаго.

Видит Преподобный Сергей Твою к Нему любовь, возвышаемую смирением, и тем с большим дерзновением взывать будет к *Возносящему смиренных*, да *даст* Тебе *блага*, которых просишь для Себя и для России.

CDLXXVIII.

53. Речь

**пред ракою Преподобнаго Сергия Радонежскаго
по случаю взятия Государем Императором Александром
Николаевичем от св. Мощей Его Иконы для отправления
в действующую армию.**

(Говорена сентября 7-го; напечатана

в Моск. Вedom. и в Тв. Св. Отцев 1855 г.)

<1855 год>

Преподобне Отче Сергие! От юности возлюбив отечество небесное, Ты однако и земнаго отечества не пренебрег, но возлюбил оное крепкою духовною любовью.

Посему еще в земном житии Твоем, Благоверного Князя Дмитрия Твоею молитвою и прозорливым советом к брани против неверных подкрепил, почему и победа над врагами последовала.

И по преселении Твоем в отечество небесное не престал Ты на отечество земное простирать покровительствующие взоры. Когда оно в бедственные дни потрясенного престола, и даже в первые дни престола возстановленного, много страдало от врагов: знамения Твоей против них невидимой помощи были так ясны, и так признаны, что благочестивый Царь Михаил, за внезапное поражение одного из жесточайших врагов России, Твоей обители, Тебе особенно благодарение приносил; а преемник Его благочестивый Царь Алексей за полученную над врагом победу и послание благодарственное к Тебе писал; и сей Твой образ, как знамение спасения, и в полках его носим был. И по сему примеру он носим был также и в полках Императора Петра Первого, и в ополчении Александра Первого во дни нашествия на Россию двадцати народов.

Се и ныне Благочестивейший Самодержец наш Александр Николаевич, наследовав с престолом и веру своих предков, желает сей Твой образ верному своему воинству явить, как знамение Божия, по твоим молитвам, благословения и покровительства.

Благослови, Преподобне Отче, сие дело веры. И моими недостойными руками только видимо, невидимо же Твоими святыми руками, преподаждь Благочестивейшему Самодержцу сей образ Твой, и с ним посети и посещай Христолюбивое воинство его. И не престани взывая ко Господу сил, да простив нам грехи, которыми привлекаем на себя скорби, благословит Благочестивейшего Царя нашего и воинство Его благословением благостынным и да дарует Ему победу миротворную и победоносный мир.

CDLXXIX

54. Речь

к стрелковому полку Императорской фамилии по совершении молебствия.

(Говорена сентября 9-го; напечатана отдельно).

<1855 год>

Братия воины Царской рати!

С утешением видим вас, идущих на защиту Отечества. Исполняете священный долг: и тем лучше исполняете, что на сей подвиг вас вызвала свободно ваша добрая воля и любовь к Царю и Отечеству. Тем паче благословит Вас Бог, любящий добровольных жертвы; тем более признательно будет Вам Отечество, если подвиг, так ревностно начатый, столь же *ревностно* продолжите и совершите.

Если бы на какой дом напали разбойники: кто из семейства, имея силу и возможность, не возстал бы на защиту себя и своих, и общего достояния? Не с большим ли самопожертвованием должно возстать против врагов, которые на великий дом Царя нашего, – на Россию, напали без правды, и, нарушив законы честной войны, позволяют себе разбойнические хищения и опустошения?

Некогда, во время нападения иноплеменников на землю народа Божия, Иессей трех старших сынов своих послал на брань за Отечество; а младшего Давида посылал потом доставить им пищу в походе: и сей носитель пищи сделался внезапным воином и победителем врагов. Так праведные жертвуют Отечеству тем, что имеют любезнейшего: так и праведный Бог дает благородному самопожертвованию дивную помощь и силу.

Братия! по вере и вы народ Божий: продолжайте и подвигами являть в себе народ Божий. Для такого народа не оскудеет дивная помощь Божия.

Вот святы́й образ Христа Спасителя, которым Государыня Императрица Мария Александровна благословляет вас, с молитвою благочестивейшаго Ея сердца, да воинствуете с Именем Господа Иисуса Христа, и да будете благодатию Его всегда крепки, непоколебимы в мужестве и победоносны.

Вот и еще из обители Преподобнаго Отца нашего Сергия Святы́й образ, с которым соединено воспоминание о крепких молитвах его за Россию и воинство ея, и о Божией чрез них помощи, а также воспоминание и о вере наших предков, которые подобный сему образ носили в полках своих, как знамение покровительства и помощи свыше. Да соприсутствует он вам к утешению вашей веры, к утверждению надежды на помощь Божию; и да будет знаменiem Вышняго благословения на подвиг и победу.

CDLXXX.

55. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Александрѹ Николаевичу пред вступлением Его Величества

в Успенский Собор.

(Говорена ноября 6-го; напечатана

в Моск. и Губернских Вѣдом. 1855 года).

<1855 год>

Благочестивейший Государь!

В одну из трудных браней народа Божия с иноплеменниками любовь верноподданных Царю Давиду возбудила в них такую заботу о его безопасности, что они умоляли его: *не изыдеши с нами на брань, да не угасиши светильника Израилева* (2 Цар. XXI. 17).

С подобным чувством смотрели мы во след Тебе, когда Твоя ревность о благе Твоего народа и любовь к верному воинству внезапно устремили Тебя туда, где наибольшая опасность бранная.

Тем с большею радостью видим Твое возвращение после того, как Твоим присутствием и Твоим личным действом в устроении брани, Ты даровал непоколебимому в мужестве воинству Твоему новое одушевление, и следственно новую силу.

Так действует в царстве, где союз Царя с народом освящен верою, законом, веками, где Царь и народ живут одною общею жизнью единокровия и взаимной любви.

Господа сил и Отца светов, даровавшего нам в Твоей царственной деятельности *Светильник Израилев*, не престаем и не престанем умолять, да дарует Тебе духом силы разрушить силу врагов и светом правды развеять мрак вражды и ухищрений и таким образом угасит пламень брани и распространит тихий свет мира от Твоей и на другие Державы.

1856 год.

CDLXXXI.

56. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору
Александру Николаевичу при вступлении Его
Величества в Успенский Собор.**

(Говорена мая 7-го; напечатана в Моск. Ведом.)

<1856 год>

Благочестивейший Государь!

После недавнего, новое Твое пришествие чем изъяснить можем, если не тем, что Ты, устроая мир и покой нам, не даешь покоя Себе, непрерывно продолжая Твои Царские подвиги, не только повелениями с Престола, но и непосредственным наблюдением и действием повсюду, где сего наипаче требует благо Царства?

Посему благодарными сердцами призываем Тебе вышнее охранение во всех путях Твоих, вышнюю помощь, соответствующую Твоим подвигам, и благопоспешество, удовлетворяющее Твоим благотворным намерениям.

CDLXXXII.

57. Речь

**пред ракою Преподобного Сергия,
по случаю возложения на главу Его покрыва,
устроенного Их Императорскими Величествами,
Государем Императором Александром Николаевичем
и Государынею Императрицею Мариею Александровною.**

(Говорена в Троицкой Лавре сентября 19-го;
напечатана в Твор. Св. Отц. в Московских, в
Губернских и Полицейских Ведомостях 1856 г.)

<1856 год>

Преподобне Отче наш Сергие!

По обращении летняго круга от прежняго посещения, вновь посещает тебя Благочестивейший Царь наш с Благочестивейшею Супругою Своею, тогда новоцарившийся, ныне нововенчанный и священнопомазанный.

Тогда приносил Он чрез Тебя молитву Господу сил, о защищении Своего царства от вражды, подвигшей против нас громадные силы нескольких царств, и стремившейся сделать и мирных соседей опасными для нас, и о возстановлении мира, не им нарушеннаго, Ему всегда любезнаго. Ныне Он приносит чрез Тебя благодарение Господу сил за явленную нам защиту и за скорое достижение мира.

И тогда, и ныне, Он при Твоем предстательстве просил и просит от Царя царствующих благословения и помощи на великий подвиг устроить благоденствие великаго народа законным судом, благоуправлением, добрым государственным домостроительством, охранением от внешних приражений.

В знамение благодарения к благодеянию Твоих молитв, Преподобне Отче, Благочестивейший Государь и Благочестивейшая Супруга Его приносят Тебе и дар, — усердием Их украшенный покров для Твоей священной главы.

Тебе, нищелюбцу во время Твоего земнаго жития, тем паче не нужно земное богатство в Твоей небесной жизни: но благое и благодарное сердце желает проявить себя знамением и веруем, что Ты, якоже и Господь Твой, зришь на сердце, и примешь дар сердца, и предстанешь Царю Небесному с молением, да прострет покров благодати Своея над Благочестивейшим Государем нашим, и над Благочестивейшею Супругою Его, и над Благочестивейшею Материю Его, и над Благоверным Наследником Его и всеми Чадами Его и родом Его, и над всем Царством Его: да даст крепость Царю нашему и вознесет рог помазанника своего, да благоденствует под скипетром Его народ Русский, и языцы да ублажат Его.

1857 год.

CDLXXXIII.

58. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Александру Николаевичу пред вступлением Его

Величества с Государынею Императрицею Мариною

Александровною в Успенский Собор.

(Говорена окт. 14-го; напечатана в Моск. Ведом.)

<1857 год>

Благочестивейший Государь!

Теперь сердце России в покое: потому что Ты в недрах и в сердце России.

Православный народ благоговееет, видя, что Твое царственное путешествие сделалось вместе и молитвенным путешествием к древнейшей святыне общественной.

Верною тебе мыслию и преданным сердцем заботливо следовали мы за Тобою и за Твоею Благочестивейшею Супругою за пределы отечества.

Теперь утешаемся, помышляя, что Ея вожденное здравие обновлено и укреплено, что Твои дружественныя встречи с Твоими державными союзниками будут новым утверждением мира; что мир доставит удобство Твоим царственным подвигам, чтобы возвысить и благоустроить внутреннюю жизнь России, чтобы охранить доброе, от предков наследованное и дополнить оное новыми плодами опытной и зрелой мудрости.

О сем денно и ночью молит Бога Православная церковь, чтущая в Твоем священном лице качество своего защитника и покровителя, как одно из высоких преимуществ Помазанника Божия.

1859 год.

CDLXXXIV.

59. Речь

Благочестивейшему Государю Императору

Александру Николаевичу при поднесении иконы

Михаила Малеина для поставления ея

в Романовских Палатах.

(Говорена августа 22-го; напечатана в Моск. Ведом. 1859 г.)

<1859 год>

Благочестивейший Государь!

Московская Церковь, свойственным ей образом соответствуя мысли Вашего Императорского Величества, приносит в благословение древнему дому Романовскому древнюю икону преподобного Михаила, тезоименного покровителя Державному Михаилу.

1862 год.

CDLXXXV.

60. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору Александру
Николаевичу пред вступлением Его Императорского Величества
в Большой Успенский Собор.**

(Говорена 19-го августа; напечатана в Журн. Твор. Св. Отц.

за 1862 г., в Страннике и в Моск. Ведом.)

<1862 год>

Благочестивейший Государь!

Прежде нежели тысящелетний старец Новгород будет приветствовать Тебя тысящелетием твоей России, да будет позволено семисотлетней Москве предварить Тебя сим приветствием.

Царь веков дал Тебе жребий стать на границе тысящелетия совершившагося и тысящелетия начинающагося, чтобы внимательным воспоминанием прошедшаго изощрить и упредить взор на настоящее и будущее.

Благодарное воспоминание прежних благодеяний Божиих да привлечет новыя благодеяния Божии.

Почетная память доблестей, явившихся в минувших поколениях, да поощрит к доблестям новыя поколения.

Безпристрастный взор на погрешности прошедшаго да отразит их от настоящего.

Добрые царственные опыты и примеры да обратятся в совет и в руководство.

Что было началом огражданствования и просвещения России? Что объединило ее после княжескаго раздробления? Что не допустило ее пасть под чуждым игом, и исторгло из под ига? Что из разрушительнаго междуусобия возсоздало ее в сильно сосредоточенную Монархию? Не паче ли всего православная вера?

Молим Царя веков, Бога, да споспешествует Тебе во всем благом и полезном для России, पहले же всего в охранении и на грядущие веки православной веры, охраняющей Россию.

В журнале «Творения Святых Отец» за 1862-й год кн. 3-я напечатано, что в день воспоминания тысящелетия России, 8-го сентября 1862 года, перед окончанием молебнаго пения в Большом Успенском Соборе, Высокопреосвященнейший Филарет, Митрополит Московский, произнес молитву соответственную сему воспоминанию, – напечатанную также в Страннике и в Душеполезном Чтении.

Молитва.

Господи Боже, Царю веков, глаголяй на язык и царство, и созиждай и насаждай их (Иерем. XVIII. 9)! Ко Твоему величеству припадающе со страхом и благоговением, благодарне исповедуем милости Твоя, многочастне и многообразне в десяти веках явленные народу и царству Российскому.

Ты бо, Господи, возглаголал еси Твое зиждительное слово на сей народ, и создал еси в нем царство, и насадил, и укоренил, и возрастил, и расширил еси его на земли обитания его, и поставил еси над ним от Тебе сущую власть, и укрепил еси его на сопротивных, и оградил еси его законами, наипаче же просветил и одушевил еси его спасительною верою, и аще иногда и жезлом посещал еси неправды его, но милости Твоя не удалил и не удаляеши от нас.

Тя убо владыку, Господа и Благодетеля славим, хвалим, благодарим, поем и величаем, и, от самых щедрот Твоих в вере и уповании утверждение и дерзновение пред Тобою приемлюще, смиренно молим: сохрани престол и царство Благочестивейшаго Самодержавнейшаго Великаго Государя Императора Александра Николаевича всея России в истинном величии, твердости и славе.

Прости, всемилостиве Господи, вся грехи наша и отец наших, и направи стопы наша к деланию заповедей Твоих.

Соблюди в нас православную веру в ея чистоте и силе, и да пребудет она, якоже бысть, средоточием общественного единения, источником просвещения, основанием и твердынею народного благонравия, правды законов, благодетельности управления, нерушимости благостояния.

Да не увянет и не исхнет древнее насаждение добра, но да привиется к нему новое стеблие лучшаго, и да изыдет новый цвет благолепия и плод совершенства.

Тако призри на нас, и ущебри нас, да благословляеми Тобою, от дне до дне и от века и до века благословим Тя, Господи.

Слава Тебе Богу, Благодателю нашему, во веки веков. Аминь.

По окончании молебна и по возгласении многолетия Благочестивейшему Государю Императору и Высочайшей Фамилии, сделаны Протодиаконом еще следующие провозглашения:

Просветившим Россию Христианскою православною верою Равноапостольным Великому Князю Владимиру и Великой Княгине Ольге, преемственне в течении веков созидавшим и укреплявшим единоедержавие России Благоверным Царем и Великим Князем, новосозидавшим Российское царство и расширившим и прославившим оное в Бозе почившим Благочестивейшим Императорам и Императрицам, *вечная память.*

Всем избранным сынам России, в течении веков верно подвизавшимся за ея единство, благо и славу, на поприщах благочестия, просвещения, управления и победоносной защиты Отечества, *вечная память.*

Времена и лета в руце Своей положивый Господи, Твоим премудрым всеблагим Промыслом тысящелетне сохраняемому и возвращаемому царству Всероссийскому, пробави велию милость Твою и сохраняй оное в вере и правде, во Богозаконии и благоустроении *на лета и веки многие.*

61. Ответ

на речь Ректора Московской Духовной Академии Саввы,

при наречении его во Епископа.

(Произнесен в Московской Святейшаго Синода Конторе ноября 2-го;

напечатан в Прибавл. к Твор. Св. От. 1862 г. и в Страннике 1863 г.)

<1862 год>

Одну мысль, приписанную мне тобою, боголюбезный брат, могу признать действительно моею, – ту мысль, что не для себя желал я найти второго сотрудника моему служению церковному.

Ничего для себя, все для Бога, и для церкви Его и для блага чад ея, – таково должно быть наше общее правило, хотя никто из нас не может поручиться за исполнение онаго, если не призрит милосердо *Бог действующий* в нас и *еже хотети, и еже деяти о благоволении* (Филип. II. 13).

Если же и позволить бы себе что нибудь для себя: то мне находящемуся у предела, которым само слово Божие ограничивает сию временную жизнь, или за которым указывает не столько жизнь и деятельность, сколько *труд и болезнь* (Псал. LXXXIX. 10), – мне и ближе сего предела не незнакому с трудом болезненности, – мне и словом изнемогшим не достигающему до слуха собирающихся в церкви, и, может быть, только влекущему, а неподъемлющему и носящему, бремя церковных попечений, – время бы искать совершенного от них освобождения, чтобы малые останки сил и дней обратить единственно *к единому на потребу*, (Лук. X. 42), которого, если не усвоим себе в данное нам краткое время, поздно будет искать в вечности.

Но наши отцы учили нас, что и добрая, повидимому, собственная воля не благонадежна и не безопасна, если не будет подчинена вышней всесозидающей и всеохраняющей воле, как и Господь поучает: *обаче не Моя воля, но Твоя*, Отче небесный, *да будет* (Лук. XXII. 42).

И посему с одной стороны, не позволяя себе собственной мыслию увлекаться с поприща, с другой страшась, чтобы от моего изнеможения не страдало дело служения церкви Божией, должен я был, хотя и пользуюсь уже доброю братскою помощью, желать усиления и усугубления сей помощи. И благословен Бог, преклонивший к сему благоволение священной и державной власти.

Господу Богу и святой Православной Церкви Его, в благоговейной преданности, в единомысленном общении, как смиренная добровольная жертва, да будут посвящены твои начатки, вместе с моими останками священно-начальственной деятельности: и на сию жертву, по молитвам освященного собора, да снидет невидимый огонь Духа истины, оживотворяющий мертвенность нашу, просвещающий тьму нашу.

62. Речь

к Преосвященному Савве,

новорукоположенному Епископу Можайскому.

(Говорена в Большом Успенском Соборе 4-го ноября;

напечатана в Прибавлен. к Твор. Св. Отцев 1862 г. и в Страннике 1863 г.)

<1862 год>

Преосвященный Епископ Савва!

Святый Апостол Павел, преподавая наставления Епископу Тимофею для его священного служения, между прочим писал в своем послании: *вспоминаю тебе возгревати дар Божий живущий в тебе возложением руку моею* (2 Тим. I. 6).

Таким образом богодухновенный муж свидетельствует, во первых, что в священнотаинственном рукоположении преподается *дар Божий*; во вторых, что это не просто дар, положенный и отданный в волю приемлющего, но *живущий*, и, как свойственно живущему, имеющий собственную силу и действие.

И вот что совершилось над тобою, боголюбезный брат. Ты приял *дар Божий*; отныне *живет* в тебе дар Божий; простирает *в тебе* вышнюю силу и действие на естественные человеческие силы и действия; светит уму твоему к усмотрению истинного, праведного и спасительного для душ и для всей церкви, укрепляет волю твою для подвигов за истину и правду во спасение.

Но в то же время, как богомудрый Апостол в лице Тимофея нас поучающий, подает нам высокое утешение, и великую надежду, он возлагает на нас и великую заботу. *Вспоминаю*, говорит, *тебе возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением руку моею*. Это значит, что если не будем *возгревать* дар Божий в нас, то его действие может в нас угаснуть или отступить в таинственную глубину, из которой хотя не престанет простираться чрез нас в совершении таинств, но не будет проливаться собственно на нас и на нашу жизнь: и тогда мы останемся с одними естественными, разстроенными грехом, силами, недостаточными даже для обыкновенных христианских, а тем более для высших церковных обязанностей.

Посему словом Апостольским, во первых, *вспоминаю себе*, а потом и тебе завещаваю, *возгревати дар Божий*, или, яснее сказать, возгревать и воспламенять в себе ревность и усердие, чтобы силою и помощью дара Божия, верно и неослабно действовать ко спасению своему и вверенных нам. Как возгревать и воспламенять? – Молитвою веры, примерами твердых подвижников за славу Божию и благо церкви, паче же всего мысленным и сердечным созерцанием Господа Иисуса, положившего душу Свою за искупление бедных душ наших от адского плена, – созерцанием, которому весьма естественно перейти в благоговейную любовь к Божественному Искупителю, и в сострадательную любовь ко всем душам, оцененным так дорого. А с сею любовью, если нужно будет *спострадать благовествованию Христову*, так много ныне страждущему и от враждебных ему помыслов, и от недостойной его жизни: можно в самом страдании со Христом найти чувство блаженства, еще на пути к блаженству вечному.

С таким напутствием вступи на путь служения, пред тобою открывающагося, *и жезл силы да послет тебе Господь от Сиона* (Псал. СІХ. 2)

CDLXXXVIII.

63. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору
Александру Николаевичу, при вступлении
Его Императорскаго Величества с Государынею
Императрицею Мариею Александровною
и с Великою Княжною Мариею Александровною
в Большой Успенский Собор.**

(Говорена ноября 11-го; напечатана в Прибавл. к

Тв. Св. От. 1862 г., в Страннике 1862 г. и в Моск. Вед. того же года.)

<1862 год>

Благочестивейший Государь!

Если всякое событие, как всякое слово, имеет свое значение: то какое значение мы можем находить в том, что, близко за недавним, новое Твое посещение даруешь Твоей древней столице, и притом вместе с Твоею Благочестивейшею Супругою и с частию Твоего Благовернаго Семейства?

Смеем найти в сем вожденное для нас значение, — то, что Москва близка Твоему сердцу.

Так в сие не лучшее для многих государств время, когда в их столицах между правительством и народом стоят спорные мысли и недоразумения, здесь Царя и народ в мире и единении сохраняет сохраняемая любовь.

Бог мира и любви, силою общественного единодушия, да подкрепляет и да приводит к желаемому совершению подвиги, предпринятые и предпринимаемые Тобою для государственных улучшений.

1863 год.

CDLXXXIX.

64. Речь

пред вступлением Его Императорскаго

**Величества, Государя Императора Александра
Николаевича в Успенский Собор.**

(Говорена августа 8-го; напечатана в Прибавл.

к Твор. Св. От. 1863 г. и в Московских Ведом.)

<1863 год>

Благочестивейший Государь!

Пред лицом *Бога мира* (Евр. XIII. 20) Тебя приветствуя, по долгу и по сердцу, призываем свыше мир Твоему духу, озабоченному Царственными попечениями, Твоему дому и Твоему царству.

Но Бог мира именует Себя также *Богом воинств* и Богом народа, усвоенного Ему верою.

Мир Твоего народа нарушен нестроениями, происходящими на одном из пределов твоего великаго царства, в малом народе, который уже не однажды был осужден за его нестроения, который существует в качестве царства только по милости Твоих предшественников, и который за Твои умноженные к нему милости воздает неблагодарностию, мятежем, крамолами. И, что всего неожиданнее, из некоторых стран, даже несопредельных нам, слышится голос, будто для их спокойствия это гнездо безпокойств надобно укрепить и расширить.

Оскорблена Твоя правда и благодать! Оскорблено достоинство России!

Любовь к отечеству, верность престолу могут ли при сем быть равнодушны?

И потому, — дух сынов России воздвигается и отовсюду призывает к Тебе, представляя готовность всего народа на защиту правды.

Дух сынов веры воздвигается и призывает к Богу православной России, к Богу правды, *да изведет, яко свет, правду Твою* и России, *и судьбу Твою с нею, яко полудне.* (Псал. XXXVI. 6): да вопреки злохудожникам правды вновь *благословит люди Своя миром* (Псал. XXVIII. 11); а если его будут оспаривать, — *о Бозе да сотворит силу, и Той уничижит стужающия нам* (Псал. LIX. 14).

CDXC.

65. Ответ

**Обществу Любителей Духовнаго Просвещения,
на избрание Попечителем онаго.**

(Сентября 11-го; напечатан

в Чтениях Общ. Л. Д. П. 1863 г. и в Страннике 1864 г.)

<1863 год>

Приветствую, Отцы и Братия, Ваш новый добровольный союз, в который собрала и соединила Вас любовь к духовному просвещению, заключающая в себе любовь к Богу, к вере, к благочестию, к православной церкви, любовь к Вашим собратиям также сознающим нужду и питающим желание углубить и расширить свои духовные понятия, но не имеющим для того средств и пособий, – наконец вообще любовь к чадам церкви и желание оказать духовную помощь людям, при некоторой теплоте веры нуждающимся в чистом свете истины, или преследующим призрак истины и мечты благополучия, но лишенным, или самих себя лишаящим, жизни по вере и надежды блаженства.

Не сомневаюсь, что так понимаете Вы настоящий союз Ваш: и в сем значении с надеждою призываю ему благословение Отца светов.

Вспомним некоторые черты, которыми духовное просвещение, или что то же, духовную мудрость изображает Апостольское слово: *яже свыше премудрость, первое убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива* (Иак. III. 17). Не подумаем, что это выше настоящего Вашего предприятия, потому что Апостол говорит *о премудрости свыше. Всякое даяние благо и всяк дар совершен есть сходяй от Отца светов* (Иак. I. 17). Не только совершенную *Господь дает премудрость*, но и в малом начатке *от лица Его познание и разум* (Прит. II. 6). И так, трудящиеся в пользу истинного просвещения должны иметь в виду и в соображении черты отличающие истинную мудрость, дабы произведение труда их не оказалось обезображенным, и дабы вместо истинной мудрости не явилось у них ложное мудрование.

Мудрость Христианская должна быть *чиста*, – чиста по ея источнику, по ея побуждениям и цели. Ея чистый источник есть Бог, – Его слово, заключенное в священных писаниях, уясненное церковными определениями, учением и духовными опытами Богомудрых мужей. Ея чистая цель также есть Бог, – Его познание во Христе, и Ему благоугождение блаженнотворное. Деятельное нужно внимание для охранения сей чистоты от нечистых влияний не смиренного разума, который сам хочет быть источником истины, – который не признает своих пределов пред безконечным и непостижимым, – который истину вечную находя старую, имея побуждением любопытство и целию тщеславие, без разбора гоняется за новым, и, как руководительному началу, следует духу времени, хотя бы это было время предпотопное, – который, ленись потрудиться, чтобы возникнуть в истинную область духа, погружается в вещество, и здесь погрязает.

Мудрость христианская *мирна* и подвизающийся для нея должен быть мирен. Он должен быть мирен в себе, не взволнован страстями. Только в тихой, а не волнуемой воде отражается образ солнца: только в тихой, неволнуемой страстями душе, может отразиться вышний свет духовной истины. Мирным нужно быть любителю мудрости и в отношении к другим, *не словопретися*, как учит Апостол, *ни на кую же потребу, на разорение слышащих* (2 Тим. II. 14), и, если нужно стать за истину против нападающих на нее, должно делать сие с спокойною твердостью, без раздражения, так, чтобы можно было потом сказать себе в совести: *с ненавидящими мира бех мирен* (Псал. CXIX. 6).

Мудрость Христианская *кротка*. О сем качестве, кажется, особенно нужно в настоящее время напомнить имеющим притязание на просвещение или на служение просвещению. Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? – Говорят: для исправления. Но мы видим, как порицание сражается с порицанием, удвоенными и утроенными нападениями, и ни одна сторона не обещает исправиться. А что в самом деле должно произойти, если все будет обременено, и все будут обременены порицаниями? –

Естественно, уменьшение ко всему и ко всем уважения, доверия, надежды. И так, созидает ли дух порицания, или разрушает?

Летят с разных сторон стрелы порицания и на наше звание. Примем их *броней правды* (Еф. VI. 14) и постараемся отвечать на справедливые порицания, по возможности, исправлением, на несправедливые – терпением.

Прискорбно, что даже внутри нашего стана явились *господие стреляний* (Быт. XLIX. 23), которые иногда против братьев своих *наляцают* лук, в повременных изданиях и в книгах. Вы, братия, не допускаете и не допустите подобного. Не забудьте слов Премудраго: *кроткий муж сердцу врач* (Прит. XIV. 30), так как и напротив, жестокое слово не врачует, а прилагает к болезни болезнь.

Мудрость христианская *благопокорлива*. Она проповедует и дарует свободу: но с тем вместе учит *повиноваться всякому начальству Господа ради* (1 Петр. II. 13). Нынешнее мудрование много разглагольствует о свободе; но не редко забывает о повиновении Господа ради, и производит непокорливость. Ревнители истинного просвещения должны поднимать дух народа из рабской низости и духовного оцепенения к свободному раскрытию его способностей и сил: но в тоже время утверждать его в повиновении законам и властям, от Бога поставленным, и охранять от своеволия, которое есть сумасшествие свободы.

Вот мысли, которые встретились мне при Вашем, Братия, вступлении на новое поприще деятельности, близь которого и меня поставили Вы Вашим избранием.

Что скажу в ответ на сие избрание? – Уже не время мне обещать Вам удовлетворительную, в отношении к Вашему Обществу деятельность; и потому, может быть, справедливо было бы отказаться от Вашего избрания. Однако не отказываюсь потому, что не могу по сердцу оставаться в отношении к Вам чуждым. По мере сил и возможности будем *пеицись* об общем деле и друг о друге.

1864 год.

CDXCI.

66. Речь

Благочестивейшему Государю

Императору Александру Николаевичу,

пред вступлением Его Величества в Успенский Собор.

(Говорена августа 16-го; напечатана

в Страннике и в Моск. Вед. 1864 г.)

<1864 год>

Благочестивейший Государь!

В предшествовавшее настоящему посещение Твое, приветствуя Тебя здесь, мы желали Твоей державе мира и – победы, если потребуется брань. При помощи Божией, Ты сохранял мир, и в мире одержал победу над сильными противниками, которые повели было войну, хотя не мечем, но словом и письменем, вызывающим меч. Остры и многочисленны были стрелы, но не пробили Твоего щита, ибо Твоим щитом была твердость в правде.

Потом, верностью и мужеством Твоего народа, Ты низложил в землю и на нашей земле возникшую брань от людей, недостойных чести называться врагами, потому что они воевали крамолами и злодеяниями.

Наконец, Твоему Царствованию даровано Провидением победоносно окончить вековую войну, крепко, но без окончательного успеха веденную Твоими предшественниками, и Ты умиротворил обширный край кавказский, который казался вечною отчизною войны.

И так приветствуем Тебя миром, не только желанным и ожидаемым, но и обладаемым.

Бог мира да благословит вождельными успехами Твои подвиги для мира внутреннего, – для охранения и возвышения благочестиво-нравственного и нравственно-гражданского устройства Твоего народа.

И с сим вместе да продолжит Отец небесный и умножит свои благословения над Твоим благословенным семейством, дабы в семейных утешениях Ты находил облегчение от трудов царственных.

CDXCII.

67. Речь

по случаю совершившагося пятидесятилетия

Московской Духовной Академии.

(Произнесена 1-го октября; напечатана в кн.

«Празднование пятидесятилетия Московской Духовной Академии» 1864 г.)

<1864 год>

Если вы, любители божественной, духовной, церковной мудрости, конечно не без благословения свыше, достигнув предела некроткого поприща времени, взыскуете благословения на дальнейшее поприще вашей деятельности: то преклоните ваши умы и сердца пред владычествующим здесь обетованным благословением пресвятыя Владычицы наша Богородицы и, при ея покровительстве, пред благословением преподобнаго отца нашего Сергия.

Святой Апостол, под покровом примера, показал нам закон действенно простираемых благословений и преподаваемых духовных помощей, когда сказал о Христе Спасителе нашем: *в нем же пострада, Сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. II. 18). Как Сам Он претерпел быв искушаем: то может и искушаемым помочь.

И без собственного искушения, или испытания, Христос Бог не всемогущ ли, чтобы мог помогать искушаемым, или испытываемым? Не всепремудр ли, чтобы изобретать верные и неистощимые средства для сей помощи? Не всеблаг ли Он и не безмерно ли сильнее в Нем желание подать помощь искушаемым, нежели в них желание принять ее? Почему же истолкователь тайн Его поставляет помощь Его искушаемым как бы в некую зависимость от Его собственного искушения? Потому, что заслугою собственного искушения, понесенного ради блага человеков, Он приобрел особенное право подавать искушаемым помощь даже при недостойности их. – Потому, что подвигами собственного искушения Он, так сказать, вошел в область искушений, в ближайшее общение с труждающимися в ней и тем безпрепятственнее может простирать на них благотворное и спасительное влияние.

Христос есть образ для христиан и по преимуществу для освящаемых и святых.

И так вот закон для них: кто на пути духовной жизни с крепкою и чистою верою перенес искушение, совершил подвиг, неослабно выдержал духовное испытание; тот конечно, получил для сего благодатную помощь и силу, по слову Господню: *без Мене не можете творити ничесоже* (Иоан. XV. 5), и в награду за верность в подвиге, по щедротам Божиим, данная ему помощь и сила в нем утверждается, как благодатный дар, которым он может, явно или сокровенно, простирать благотворное влияние, благословение, помощь на проходящих искушение, подвиг, и на требующих помощи.

Соответственно сему закону, преподобный отец наш Сергей искусился и совершился в добродетелях общехристианских, и имеет дар собирать окрест себя тысячи и мириады христиан всякого чина, звания и состояния, привлекая их не иным чем, как тем, что они на себе испытывают его благодатную помощь в своих искушениях, испытаниях, подвигах жизни в мире и жизни духовной. Искусился и совершился особенно в подвигах жизни монашеской: и приял дар быть отцем и праотцем духовного рода их, хотя, может быть, в сие время уже не так крепкого, как были ближайшая чада его, Впрочем, и ныне явленными знаменательными и живыми опытами дознающего благодатное здесь своего родоначальника присутствие, действие, руководство, помощь, охранение.

Скажем ли вам, привитающие здесь, любители Божественной, духовной, церковной мудрости, что преподобный Сергей и для вас имеет дар Божий, и на вас простирает сокровенно действенное благословение? – Не обинуясь, должны мы сие сказать.

Вспомните, как первоначально пришел он сюда, стал на сем *маковце*, или темени горы, в темном лесу, и, возведши ум и сердце на небо, сказал: Пресвятая Троице! Да будет на сем месте храм во имя Твое, в Твою ежедневную и вековую и вечную славу! Не видим ли какое пребывающее, какое обширное исполнение даровано сей мысли Праведника; как действительно прославляется здесь имя Пресвятыя Троицы народом, царями, веками? Не есть ли это знамение особенного благословения Божия? А в сем благословении не явно ли знамение того, что оно приобретено не простою мыслию, но крепким подвигом веры, высоким богомудрием, светлым созерцанием?

И если надобно указать на видимое знамение того, что искусный в богомудрии Сергей простирает благословение на ищущих здесь богомудрия: указываем на то, что и прежде вашего пятидесятилетия, здесь под его покровом, возжглись светильники, стоявшие потом на высоких свечниках церкви, например: Платон, Амвросий, Августин; и ваше пятидесятилетие принесло церкви двадцать шесть епископов, – жатва, какая едва ли найдется где-либо на подобном не широком поле.

Итак повторяю, преклоним наши умы и сердца пред обетованным здесь благословением Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и преподобнаго отца нашего Сергия. Принесем пред ним наше смиренное желание благословения; и да примут, и да вознесут о нас недостойных свои молитвы к верховному Источнику благословений, – да и на грядущее время подается нам новое благословение и благодатная помощь, не по нашей немощной вере, но по благопотребности для служения вере и церкви, особенно тогда, как духовные подвиги оскудевают, искушения умножаются, духовныя испытания слабо выдерживаются, добродетель погрязает в страстях и суете мирской, среди христианства мудрость обьюродевает язычески, враги воинствующей церкви безпрепятственно изощряют против нея и старыя и новоизобретаемыя оружия.

Братия! Нам предлежит не почивать на победах мучеников и на подвигах древних отцев, но подвизаться с напряженною ревностью в охранении веры и православной церкви с готовностью к самопожертвованию за истину Христову, если действительно желаем умудриться во спасение себе и другим.

Благословен Христос, Сый Бог и Божия ипостасная Премудрость! Буди и пребуди Его просвещающее благословение на ищущих просвещения премудростию Его!

CDXCIII.

68. Молитва

при освящении древней плащаницы.

(Произнесена в Усп. Соб.

октября 11-го; напечатана в Страннике 1864 г.)

<1864 год>

Боже Отче Вседержителю, благоволивый Единородному Сыну Твоему от Пресвятыя Приснодевы Марии в естество человеческое облещися, и, яко овцу на жертвеннице, на кресте Себе Самого в жертву за спасение наше принести, по смерти же крестней и погребение, с повитием плащаницею, прияти, и, в третий день воскресшу, погребальную плащаницу во свидетельство живоноснаго Своего воскресения во гробе оставить, призри благодатно на сию плащаницу, образ погребения Его носящую, древле освященную, но прикосновением неблагоговейных оскорбленную, и паки освяти ю, яко да взирающии на ню, и поклоняющияся пред нею спасительная страдания и смерть и воскресение Господа нашего Иисуса Христа благоговейне воспоминают, и в вере и любви Божественней и во уповании на благодать и спасение Твое утверждаются. Яко Ты еси Источник освящения и благодати, и Тебе славу возсылаем безначальному Отцу со Единородным Твоим Сыном и Единосущным Твоим Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

1865 год.

CDXCIV.

69.

Всеподданнейшее приветственное письмо

**Государю Императору Александру Николаевичу,
при вступлении Его в Успенский Собор.**

(Писано в Гефсиманском Скиту, поднесено

15 августа; напечатано в Страннике 1865 г.)

<1865 год>

И в сие лето во благоволении воспомянул Ты Твою древнюю столицу. Она озарена светом Твоего лицезрения. Среди мирных волн Твоего верного народа, среди громозвучных восклицаний радости его, Ты шествуешь во храм Твоего Царского венчания. Наслаждаясь Твоим лицезрением, Твой народ, в то же время жаждущими взорами объемлет Твоего новоявляемого наследника. Празднующая Церковь во благоговении отверзает Тебе свои врата.

Мне не дано, как прежде, утешения сретить тебя, Благочестивейший Государь, во вратах храма, и с Твоею царскою молитвою, соединить мою смиренную молитву. Богу *да повинится* душа моя.

Однако, по милости Божией, мне еще оставлено утешение – из глубины пустыни простирать к Тебе слово благоговейного сочувствия и из глубины сердца вознести ко Вседержителю молебный глас.

Да приимет Он благодатно Твои желания и по ним да облагодетельствует Твой народ и Твое Царство.

Да будет в них, по слову Пророка, дела правды – мир, благоделание – источник благополучия.

Да хранит всеблагое Провидение Тебя и Твоего благоверного Наследника в верный залог единства, твердости, благоустройства, благоденствия России на веки.

CDXCV.

70. Речь

**Благочестивейшему Государю Императору
Александру Николаевичу, при вступлении Его Величества
в Троицкий Собор Сергиевой Лавры.**

(Произнесена августа 19-го;

напечатана в Страннике и в Моск. Вedom. 1865 г.)

Благочестивейший Государь!

Святыня, водворенная здесь верою и подвигами Преподобного Сергия, привлекает Тебя, и взаимно Твое сердце влечет Тебя к святым. Слава силе святыни! Благословенна сила Твоего благочестия!

При споспешествующих молитвах преподобного Сергия, благословение Пресвятыя Троицы да осеняет Твое сердце и сердце Твоего Благоверного Наследника, и Твою Царскую деятельность!

Глава святыя церкви, Господь наш Иисус Христос, Твое попечение о мире церкви Его да награждает обильно, храня мир и возвышая благоденствие Твоего Царства.

CDXCVI.

71.

Всепопданнейшее приветственное письмо

Государю Императору Александру Николаевичу,

в день Тезоименитства Его Величества 30-го августа.

(Писано в Гефсиманском Скиту;

напечатано в Страннике 1865 года.)

<1865 год>

Если Ты нисходишь до смиренного в пустыни, то сим самым открываешь из пустыни путь восхождения к величию Твоего престола. Благоговейная преданность и благодарность да въздут и припадут пред Тобою.

День, который для церкви освящен именем святого благоверного великого князя Александра Невского и, который Твоим именем освещает Россию, да будет светел и не нарушимою радостью для Тебя и для Твоего Августейшаго семейства, и для России ныне и на многия лета.

Благотворно устроила святая церковь, что каждый сын ея в своем имени носит воспоминание святого и доброго, и следственно побуждение к святому и доброму.

В имени святого Александра заключается воспоминание благоверного князя, который пред лицом неверного властителя, при угрозе смерти непоколебался исповедать свою веру, который мудростию отражал от православия покушения не православных, который Невскою победою из дали веков предуказал Твою Невскую столицу. Нет сомнения, что при наречении Твоего имени присутствовала также мысль о Александре I – благословенном, который, в годину испытания, укрепился верою и верою одолел утеснителя Европы, и сделался Ея руководителем.

Какия возвышающия, достойныя Тебя воспоминания!

Сии воспоминания займут внимание соименного Тебе, Твоего Благоверного Наследника: и к ним благознаменательно присоединится имя Александра II, Освободителя.

Творец и Владыка дней и веков, да продолжит изливать свой благодатный свет на дни Твои, Благочестивейший Государь, и Твоей благочестивейшей Супруги, и Твоих благоверных Чад, дабы свет благих и благотворных деяний, принося счастье настоящему, оставил светлую память и грядущим родам.

1866 год.

CDXCVII.

72.

Всеподданнейшее приветственное письмо

Государю Императору Александру Николаевичу

с сохранением жизни.

(Апреля 5-го; напечатана в

Страннике и в Моск. Вedom. 1866 года).

<1866 год>

Благочестивейший Государь!

Благословен Бог верный в словесех своих, Недремлющею силою Провидения Своего исполнивший и ныне свое древнее слово: *не прикасайтесь помазанным Моим!*

Сколько преступная, столько же безумная дерзость подняла против Тебя руку; но ее невидимо отразил Ангел (хотя видимо чрез человека), и Твоя жизнь и здоровье сохранены, а преступлению попущено сделать только то, чем оно обличило само себя и повергло позору и правосудию.

Благословен Бог, совершивший над Тобою, Благочестивейший Государь, свое древнее слово: *не прикасайтесь помазанным Моим!*

Ужас верноподданных и скорбь о том, что нашелся в России такой человек, умягчается только живейшею радостью о Твоем сохранении и благодарною к Господу молитвою.

Так после соборного благодарственного молебствия в храме Святителя Алексия, не вмestившийся в храм, но наполнявший кремль народ просил, чтобы сие молебствие вторично совершено было среди его, и оно вторично совершено тем же собором, со всеобщим умилением и радостью.

Вместе со мною, все вверенное мне Московское духовенство, и, не колеблюсь сказать, вся Московская церковь и ея народ, — все искреннейше приветствуем Ваше Императорское Величество светлым на Вас знаменiem охраняющего Вас провидения Божия, не преставая взывать к Богу: *Господи, спаси Царя!*

Святитель Алексей, который в своем храме, близъ своих святых мощей, благословил Твое вступление в православную церковь, чрез свой образ, освященный на его мощах, да

преподает Тебе охраняющее благословение Божие на грядущия времена Твоей дражайшей жизни.

CDXCVIII.

73.

**Приветственное письмо Его Императорскому
Высочеству Государю Цесаревичу Александру Александровичу
по случаю Его бракосочетания.**

(Октября 23; напечатано

в Душеполезном Чтении 1866 года.)

<1866 год>

Благоверный Государь!

Единодушно со вверенным мне Московским духовенством и духовною паствою, искренним верноподданическим чувством побуждаюсь смиренно приветствовать Ваше Императорское Высочество со вступлением в благословенный брак с избранною Вами достойною спутницею Вашей жизни, Государынею Великою Княгинею Мариею Феодоровною.

Важен супружеский союз. Ему вверено Богом продолжение бытия рода человеческого.

Еще особенным образом важен супружеский союз Вашего Императорского Высочества: ему вверено провидением Божиим продолжение царствующаго рода. Вере Вашей предлежит обетование Авраамово: *царие из тебе изыдут* (Быт., XVII. 6.) в преемственном потомстве.

Все верные сыны и дщери православной церкви в России, соединяя свою радость с радостью Твоего сердца, соединяют с Твоею молитвою свои молитвы; да будет супружеский союз Ваш полон чистой и совершенной любви, да будет он вожделенными плодами своими во всегдашнее утешение Августейшим Родителям Вашим, да будет счастье семейственной жизни Вашей облегчением подвигов Вашей Царственной жизни.

CDXCIX.

74. Ответ

на речь Ректора Московской Духовной Семинарии

Игнатия при наречении Его во Епископа.

(Произнесен в Трапезной церкви Троицкой Сергиевой Лавры августа 5;

напечатан в Душеполезном чтении и в Страннике 1866 г.)

<1866 год>

Правы, новоизбранный участник священноначальной благодати, твои помышления, что служение, в которое ты призываешься, страшно и не легко носимо и для крепких духом, но что и немощные, провидением Божиим, чрез священную и державную власть, призываемые к оному, должны покоряться призванию, по долгу послушания, с упованием на вседействующую благодать Божию.

А что ты упомянул о человеческой помощи, то могу оставить без прекословия только в том отношении, что в сем есть смиренная мысль и должное ненадеяние на себя. Но ты имел бы нетвердую опору, еслибы много положился на человеческую помощь; и я превысил бы свою меру, еслиб обещал тебе довольно помощи. И ты, и я, да воззовем, и да взываем с Псалмопевцем: *помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю* (Псал. СХХ. 2). *Открый ко Господу путь твой и той сотворит* (Псал. XXXVI. 5) благое и спасительное тебе, и чрез тебя.

Д.

75. Речь

**к преосвященному Игнатию,
новорукоположенному Епископу Можайскому.**

(Произнесена в Лаврском Успенском Соборе августа 6;

напечатана в Душеполезном чтении и в Страннике 1866 г.)

<1866 год>

Преосвященный Епископ Игнатий!

Великое дело совершилось над Тобою, хотя и не сильными орудиями.

Святой Апостол Павел в чудесном откровении видел Господа Иисуса Христа, и от Него непосредственно принял призвание к вере Христовой и к служению Апостольскому; но когда пришло время действительно приступить ему к устройению Церквей и в них священства, тогда он с Варнавою принял для сего рукоположение от Симеона, Лукия и Манаила. *Тогда* (говорит книга Деяний Апостольских) *постившиеся и помолившиеся, и возложившие руки на них, отпустиша их* (Деян. XIII. 3). Так необходимо, и так важно священнотаинственное рукоположение!

Потом, когда он рукоположенных им поучал обязанностям их служения, тогда говорил им: вас Дух Святой постави Епископы (Деян. XX. 28). Так высоко начало священнотаинственного рукоположения!

И так, сохраняй и Ты несомненное верование, что и тебя Дух Святой поставил Епископа. В сем веровании должна быть для тебя сила и охранение.

Если мысль твоя изнеможет пред сильными требованиями твоего служения, то помысли, что Дух крепости (Исаии XI. 2) поставил тебя, и что он не лишит тебя укрепления, если только произвольно не отпадешь от Его силы маловерием или малодушием.

Если затруднит тебя недостаток ведения, тебе потребного, воззови с верою к поставившему тебя Духу истины (Иоан. XIV. 17). Он не презрит Своего дела, ниспошлет тебе свет, и не допустит тебя впасть чрез неведение в заблуждение.

Если встретится тебе искушение человекоугодия, или страха человеческого, или иное страстное побуждение, уклоняющее от пути истины и правды, то скажи себе: сто крат лучше мне оставить страстных людей неудовлетворенными, и самому перенести от них скорби, нежели опечалить и огорчить поставившаго меня Духа истины и правды.

Так крепись и охраняй себя в подвиге священноначальственного служения, и жезл твоего начальствования да не умедлит, подобно как жезл Ааронов, украситься цветом душеполезного слова и плодом полезного церкви действия.

1867 год.

DI.

76.

Всеподданнейшее письменное приветствие Государю

Императору Александру Николаевичу, при вступлении

в Успенский Собор с их Императорскими Высочествами Государем

Наследником Цесаревичем Александром Александровичем

Государынею Цесаревною Мариею Феодоровною и Великим

Князем Владимиром Александровичем.

(Апреля 22; напечатано

в Душеполезном чтении и в Страннике 1867 г.)

<1867 год>

Благочестивейший Государь!

Пророк, изобразив счастье отца семейства светлою чертою: *сынове твои, яко новосаждения масличная*, вслед за тем произнес закон, по которому сие счастье даруется Провидением Божиим. *Се тако благословится человек бояйся Господа*. Видимо сие благословение над Тобою, Благочестивейший Государь! Се, близ Тебя, Твой благоверный Сын и Наследник, уже не только цветущий, *яко новосаждение*, но и готовый приносить плоды высокаго служения Тебе и Твоему царству, и с ним цветущая отрасль другой царской семьи, соединенная с ним священным союзом, в надежде продолжения дарованного Тебе благословения. С Тобою и еще Твой благоверный Сын (предваряющий других), уже достигший в возраст мужа и недавно давший обет свойственного ему служения Тебе и Твоей державе. Светло видит сие срастающаяся Тебя столица; и глас Пророка отражается торжественно в ее сердце: *се тако благословляется Царь бояйся Господа!* Введи новую, возлюбленную Тебе и России, благоверную чету во храм Твоего

царского освящения: и от веков в нем призываемая и обитающая благодать, да осенит оную, вместе с Тобою, новым благословением жизни и благоденствия, да продолжит благословенный сад Твоего царского дома и во грядущия времена приносит вожделенные плоды благочестия, добродетели, царственной мудрости, правды, милости, и наконец, счастья семейственного и всенародного.

ДП.

77. Речь

Славянам.

(Произнесена мая 17 при посещении Преосвященнейшаго Митрополита

некоторыми из Славян, прибывших в Москву на Этнографическую Выставку;

напечатана в Душеполезном чтении и в Страннике 1867 г.)

<1867 год>

Имею неожиданное утешение приветствовать вожделенных гостей и братий, которых здесь вижу, и которых также сверх ожидания видит ныне Москва.

Благословен Бог и Господь наш Иисус Христос, посетивший и посещающий бедственно-разделенное человечество, и направляющий оное к единому спасению и спасительному единству.

Славяне и Славяно-Россы – род един. Но его начало затемнено временем. Движением дел человеческих разделены отрасли его. Это разделение неблагоприятно было единству языка его.

Бог воздвиг двух святых братий по плоти и по духу, которые сделались нашими отцами по духу, родив нас благовествованием Христовым, и наше естественное братство обновил и возвысил братством духовным. Нет сомнения, что любовь родственная усовершенствована и укреплена любовью христианскою. Единство духа и языка охранено тем, что язык славянский сделался языком веры и церкви. Мы, Россияне, наследовали сей дар Божий от старейших в христианстве братий наших, и не престаем быть благодарными. Состраждем скорбям, сорадуемся надеждам братий, и сквозь разделение зрим к единству. И вот нечаянный случай, из различных, из отдаленных стран подымлет ревнителей славянского братства и соединяет их в средоточии русского единства, чтобы непосредственно из сердца в сердце излить братское чувство и, вопреки внешним разделениям, найдтись в живом внутреннем единении.

Видев знамения Провидения в нашем прошедшем, осмелимся и в настоящем видеть знамение во благо.

В духе христианства да растет общее наше единение, и в таком единении сила, способная победоносно созидать и распространять общее и частное благо.

Приветствуем вас искреннею любовью и благою надеждою, по вере во всеблагое провидение Божие.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

СЛОВА и РЕЧИ,

не напечатанные

при жизни проповедника.

(Заимствованы из книги Сушкова)

1861 год.

III.

55. Речь

Новопосвященной Игумении Серпуховского

Владычняго монастыря Митрофании.

(Апреля 2; напечатана у Сушкова, прил. LIV, стр. 133).

<1861 год>

Новопосвященная Игумения!

В недавнем еще времени призвана ты на поприще послушания, и волею Божиею уже теперь вручается тебе жезл управления – и как мать должна ты блюсти сестер, тебе ныне вверенных. Понимаю, что мысль твоя волнуется и что со страхом и не без смущения принимаешь на себя эту великую обязанность; но подкрепляй себя тем, что ты избрана на поприще этого служения не мною, но Самим Богом.

1) Усугубляй молитву; молитва придает нам силу и крепость; без нея мы ослабеваем. 2) Для управления сестрами не употребляй одну данную тебе власть, но назидай их в духе крепости и любви; любовию все побеждается, притом старайся быть снисходительной к немощам человечества. 3) Назидай вручаемых тебе чад более собственным примером, нежели властью и строгостию; пример твой будет на них действовать сильнее слова.

Наконец – говорю – не избегай жребия, который назначен тебе Богом, трудись к пользе обители, к утешению сестер, тебе врученных; а жезл сей прими не так как власть и честь, но как бы в опору немощи человеческой.

1863 год.

DIV.

56.

Всеподданнейшее письмо их Императорским Величествам

**(в ответ на поздравление с праздником пасхи,
пред литургиею полученное).**

(Апреля 2; напечатано у Сушкова, прил. LIV, стр. 133)

<1863 год>

И так в великое утро светлаго дня Воскресения Христова, многочисленным сонмом христиан верноподданных, с которыми Ваши Императорския Величества благоволите разделять общую христианскую радость, не истощено, не ограничено Ваше внимание. Оно простерлось и на отдаленного служителя алтаря, празднующаго в храме Вашего царскаго венчания.

Слово снисхождения Вашего отверзает мои уста и дает мне дерзновение от верноподданнаго сердца вознести к Вам глас священной радости: воистинну воскрес Христос!

Крестныя страдания и смерть Христа Спасителя есть брань против зла, его воскресение – победа над злом.

Всесильный и всещедрый победитель зла, источник жизни и блага, своею благодатною силою Вашу правду и благодать да сохраняет всегда торжествующею; а языком шатающимся и помышляющим тщетная да посмеется живой на небесах.

Смиренно молимся о сем со всею всецелою Россиею.

Речь

в день совершившагося пятидесятилетия

священно-начальственного служения, прочтенная

Преосвященным Леонидом пред собранием приветствовавших

Его Высокопреосвященство 5-го августа 1867 г.

Досточтимые отцы и братия!

Достопочтенные Господа и братия!

Нынешний день представляет для меня такая неожиданности, что мне трудно определить и изъяснить мои мысли и чувствования, и я пребыл бы в безмолвии недоумения, если бы уважение и благодарность ко вниманию, с так многих сторон теперь мне оказываемому, не обязывали меня к слову.

Но и слово мое, всегда немощное, ослаблено временем до того, что не может достигнуть слуха сего собрания. Да будет позволено употребить для моего слова посредствующия уста.

Прежде всего удивляюсь тому, что вижу нынешний день. Скудные и в ранних летах силы, при немалых трудностях служебной деятельности, не обещали мне поздних лет.

Неисповедимою волею Божиею ниспослан мне дар пятидесятилетнего служения высшему строению таин Божиих. Знаю только, что это дар не воздаяния, а неизреченного милосердия и долготерпения. Видно, хотя и *много пришестьствова душа моя* (Псал. СХІХ. 6), но еще не уготовала себя, и еще требует уготовления, чтобы из пришестьствия перейти в отечество, в которое всех нас призывает Отец небесный. Долготерпеливе! Слава Тебе, Всемилосерде! Не отыми Твоя милости!

К неисповедимой воле Божией отношу и то, что на нынешний предел совершившагося пятидесятилетия моего священно-начальственного служения обращены благоволительные взоры, даже от Высочайшаго Престола, даже от верховнаго священноначалия Российской Церкви, еще же и от преосвященных сопастырей, и от начальств и сословий деятелей человеколюбия и наук, и от общественных учреждений, и, что менее неожиданно, от духовенства и вообще братий Церкви Московския.

Может быть, угодно Провидению Божию, чрез сие частное явление в церковной жизни, *сотворить знамение во благо* (Псал. LXXXV. 17) вообще для поощрения подвижников веры и Церкви особенно благопотребнаго во дни, в которые более и более омрачающий себя западный дух непрестанно усиливается простираť мрак и поднимать бури и на светлый, свяťый Восток.

Я сказал, что менее неожиданно для меня сочувствие духовенства и братии Церкви Московской. Это потому, что во все продолжение моего здесь служения видел и привык видеть сие сочувствие. Дух любви к свяťому служению, мира и согласия, свободнаго послушания всякому долгу и законному призванию в сослужителях моих, и в православном народе послушание веры, усердие к богослужению, щедрая готовность к благоустроению и украшению храмов, к попечению о нуждах служителей Церкви, к делам человеколюбия и благотворения, – постоянно облегчали и облегчают мое служение, приносили и приносят мне покрепляющее утешение.

Но чем же на все сие могу ныне с моей стороны ответствовать? – Господи, сотворивший для меня день сей! Твое да приидет слово, благое и действенное!

Благослови и благословляй свяťую ко свяťой Церкви любовь Благочестивейшаго Самодержца нашего; и да будет она всегда охранительною силою для благоденствия Царства Его и народа.

Осеняй благодатию Твоею Святейший Всероссийский Синод и по-среде собирающихся в нем во имя Твое присутствен буди, по Твоему верному обещанию (Матф. XXVIII. 20); да и в сем соборе Твоем совершается, еже *изволяется Духу Твоему Свяťому* (Деян. XV. 28), ради Церкви Твоя Свяťыя.

Великий Архиерее, прошедый небеса, Единый Глава истинныя Церкви! Продолжи в ней свяťое епископство, единомысленное в истине веры, единодушное в духовных советах, твердое в хранении догматов, правил и уставов церковных, верно руководительное в путях жизни.

Благословляй, Господи, православную Московскую церковь, ея священноначалие, священство, монашество и весь православный народ, да не оскудевает *пастырь полагающий душу свою за овцы* (Иоанн. X. 11), *иерей*, котораго *усте сохраняют разум*

(Малах. II. 7) спасения, муж знания и наставник юношества, держащий и преподающий здоровое учение вышемысленных начал науки, поставляющий жизненное *начало премудрости* *страх Господень* (Прит. I. 7), подвижник, ходящий узким и вместе возвышенным путем духа, сын веры, живущий по вере, творящий дела веры, свободный от обаяний мира, от порабощения духу времени.

Да будет, Господи, в Российской Церкви Тебе слава во веки!